This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Kraszewski, J. I.

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ІОСИФА КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1899.

Kc

PG 7158
K75 S88

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 14-го Января 1899 г.

Типо-Литографія Спб. Тов. Печ. и Изд. Дѣла „Трудъ“, Фонтанка 86.

I.

Надъ стѣною дремучихъ лѣсовъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ небольшую поляну, разливались лучи свѣта, окутывая серебристымъ покровомъ все жаждущее пробужденія отъ зимняго сна, все жаждущее жизни... Благоухающій весенній ароматъ листьевъ и едва распустившихся цвѣтовъ, подкрѣпленныхъ освѣжающими лобзаніями бриллiантовыхъ капель росы, располагалъ къ веселью къ безпредметной радости. На поверхности вешнихъ водъ гордо возвышались золотыя головки водяныхъ растеній. Луга въ эту торжественную минуту походили на зеленые ковры, вышитые рукою мастера... Фантастическіе узоры—золото и разноцвѣтный шелкъ—украшали ихъ поверхность... Это—произведенія мастерской руки природы. Торжественная тишина предшествовала восхожденію солнца; однѣ только лѣсныя птицы, пробуждаясь отъ сна, заботливо копошились около своихъ жилищъ... Еще нѣсколько минутъ и въ воздухѣ раздались призывы, пѣніе и чириканье маленькихъ пернатыхъ обитателей лѣсовъ. Высоко, подъ самыми тучами, сѣдой орелъ плавалъ на воздухѣ, зорко слѣдя за добычею на землѣ. Иногда сѣдой властелинъ однимъ взмахомъ могучихъ своихъ крыльевъ останавливался на мѣстѣ и, повиснувъ въ воздухѣ, осматривалъ поле будущихъ своихъ успѣховъ; затѣмъ снова плавалъ въ воздухѣ... Въ лѣсу что-то шелохнулось и замолкло... Стадо дикихъ козъ, выглянувъ изъ густой чащи лѣса, боязливо оглядывалось по сторонамъ. Эти граціозныя созданія осмотрѣли поляну и торопливо побѣжали назадъ... Въ лѣсу снова все затихло... Въ

другой части лѣса, минуту спустя, раздался трескъ ломающихся вѣтвей; рогатый лось вышелъ на поляну, поднялъ голову, глубоко вздохнулъ, втянувъ широко раскрытыми ноздрями свѣжій воздухъ, призадумался, почесалъ шею рогами и скрылся... У самой опушки, въ мелкомъ кустарникѣ, заискрилась пара блестящихъ глазъ: волкъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на поляну... тутъ-же испуганный заяцъ, прижавъ уши, тихонько прокрадывался мимо своего врага, прыгнулъ разъ, другой и присѣлъ.

Тишина царила вокругъ...

Еще мгновенье и утренняя музыка лѣсовъ начнетъ свой концертъ... Дуновеніе весенняго вѣтра разшевелило дремлющія вѣтви... Каждое дерево въ этомъ лѣсномъ хорѣ имѣло свою роль, каждое издавало свой особенный звукъ... Музыка началась... Опытный житель этихъ странъ весьма легко различалъ шорохъ листьевъ березы отъ шума сосноваго лѣса, скрипѣніе сухого дуба отъ печальнаго стона ели. Вѣтеръ шагалъ по верхушкамъ деревьевъ, а лѣсъ все громче и громче отвѣчалъ на его привѣтствія, — все ближе, все звучнѣе раздавалась утренняя пѣсня непроходимыхъ дебрей...

Высоко надъ лѣсами плыли румяныя тучи, точно только-что проснувшіяся дѣвушки, замѣтившія, что ихъ красотою любуется хитрецъ мужчина. Сѣрое небо, покрываясь синеватою краскою наверху, внизу отливало золотымъ цвѣтомъ; бѣленькія тучки причудливой формы развѣвалъ вѣтеръ по лазурной синевѣ. Первые лучи солнца выплыли изъ-за лѣса... Ночь исчезала. Остатки мрака и тѣней расплывались въ дневномъ блескѣ. Надъ ручьями и лугами закипѣли прозрачныя испаренія и, поднимаясь все выше и выше, точно дымъ жертвенника, исчезали въ воздухѣ, оставляя пылинки воды на произволъ вѣтра. Косые лучи солнца съ любопытствомъ заглядывали въ глубь овраговъ, любовно приглядываясь ко всему, что успѣло ночью разростись, покрыться зеленью, расцвѣсти.

Шумъ лѣса вызвалъ къ жизни хоръ птицъ; природа ожила, луга, кусты, лѣсъ и воздушныя пространства... Все дремлющее до сихъ поръ вдругъ заговорило. Жизнь вступала въ полныя свои права... Въ золотыхъ лучахъ солнца вертѣлись, кружились, все выше и выше поднимаясь, рѣзвыя, крылатыя дѣти воздуха, что-то

щебеча другъ другу, кокетливо поглядывая на тучи, рисуясь передъ лѣсомъ.. Кукушки отзывались вдали, дятлы-кузнецы принялись за работу... Мракъ уступилъ свѣту: явился день...

У самой опушки лѣса, на берегу сонливой рѣки, проносящей свои лѣнивыя воды среди камней и громадныхъ корней гигантскихъ деревьевъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатая листва не пропускала лучей солнца и ночныя тѣни еще боролись съ дневнымъ свѣтомъ, виднѣлась куча вѣтвей—нѣчто въ родѣ шалаша: нѣсколько кольевъ, вколоченныхъ въ землю, а на нихъ въ безпорядкѣ набросанныя вѣтви и сучья ели... Около этого жилища, сооруженнаго на скорую руку, видны были остатки костра, угли и нѣсколько недогорѣвшихъ головней... Немного ниже, у самой рѣки, въ высокой и обильной травѣ на подножномъ корму стояли двѣ небольшія, толстыя лошади, привязанныя къ деревьямъ. Должно быть, какой-то шорохъ, раздавшійся въ лѣсу въ эту минуту, напугалъ ихъ, или онѣ почуяли врага; навостривъ уши, раздувъ ноздри, эти полудикія животныя нетерпѣливо били копытами объ землю, издавая звуки, отъ которыхъ встрепенулась лѣсная глушь... Въ эту минуту изъ шалаша выглянула голова, покрытая длинными рыжими волосами... Рыжая борода, рыжіе усы и пара темныхъ глазъ—вотъ ея украшенія. Пронзительнымъ взглядомъ глаза эти посмотрѣли на лошадей, потомъ на небо, и голова скрылась. Въ шалашѣ началось движеніе. Нѣсколько времени спустя изъ шалаша вышелъ широкоплечій, сутуловатый мужчина средняго роста. Онъ выпрямился во весь ростъ, расправилъ свои усталые, океченѣвшіе отъ долгаго лежанія члены, зѣвнулъ, встряхнулъ нѣсколько разъ головою, посмотрѣлъ на небо, затѣмъ на лошадей... Животныя, замѣтивъ своего господина, приблизились къ нему. Рыжій мужчина началъ прислушиваться: въ лѣсу все было спокойно, только и слышались шумъ деревьевъ, пѣніе птицъ да журчаніе ручья.

Рыжій человѣкъ былъ полнымъ олицетвореніемъ дикаго обитателя лѣсовъ; густые волосы въ безпорядкѣ длинными прядями падали ему на плечи и на лобъ такъ низко, что, казалось, глаза его прямо подъ ними горѣли. Почти все лицо рыжаго мужчины было покрыто волосами, едва только небольшія, выдающіяся части щекъ, горящія румянцемъ, лишены были этого лѣса рыжихъ прядей. Суконная, шерстяная одежда покрывала его тѣло. Не изящное,

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

60 ✓ 8x

Kraszewski, J. I.

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ІОСИФА КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1899.

Kl

чѣмъ его отецъ, потому что полотно не могло удержать стрѣлы, которая глубоко засѣла въ ногѣ.

— Ну, ничего! Одна полянская стрѣла—это еще не бѣда!—проговорилъ старшій. — Они не намазываютъ ихъ ядомъ. Хорошо и то, что ихъ не было много. Видно, былъ одинъ разбойникъ. Онъ не посмѣлъ броситься на насъ, завидѣвъ у насъ оружіе... но онъ можетъ призвать своихъ собратьевъ, можетъ надѣлать шуму... Надо бѣжать скорѣе отсюда.

Рыжій посмотрѣлъ на солнце.

— Держись покрѣпче, а лошадь пусти свободно... Теперь мы не можемъ терять времени, а то, чего добраго, нападутъ на насъ въ этомъ лѣсу; нужно пробраться къ знакомымъ. Около полудня мы будемъ на мѣстѣ.

Молодой парень молчалъ, Рыжій проворчалъ невнятно еще какія-то слова, посмотрѣлъ въ сторону лѣса, стегнулъ лошадь веревкою и оба поскакали по берегу рѣки, замѣняющей имъ дорогу. Кругомъ все лѣсъ и лѣсъ, дикій, необитаемый, молчаливый. Гдѣ-то вдали, на поверхности воды, показалась человѣческая голова, покрытая темными, прилипшими къ ней волосами, и пара гребущихъ рукъ около нея. Но какъ только до ея ушей долетѣли звуки лошадинаго топота, голова исчезла, оставивъ слѣдъ на поверхности воды. Наши всадники проѣхали мимо... Голова снова показалась... Теперь на черныхъ ея волосахъ легко можно было замѣтить вѣнокъ цвѣтовъ... Глаза ея пристально слѣдили за всадниками... Нѣсколько дальше крошечная лодка, точно орѣховая скорлупа скользила по рѣкѣ, направляясь по ея теченію; надъ нею въ видѣ паруса вѣтеръ развѣвалъ бѣлый платокъ... По мѣрѣ приближенія всадниковъ бѣлое полотно понемногу исчезало и, наконецъ, очутилось на днѣ лодки, которая, точно змѣя, скользнула въ камышъ, и однѣ только колеблющіяся верхушки камыша указывали на ея присутствіе... Нѣсколько дикихъ утокъ, испуганныхъ неожиданнымъ посѣтителемъ, вылетѣло изъ тростника; гдѣ-то вдали что-то плеснуло и упало.

Наши всадники безостановочно подвигались впередъ по берегу рѣки. Изнуренныя лошади два раза пили воду и продолжали свой путь, нигдѣ не останавливаясь. Солнце поднималось все выше и выше, воздухъ становился все теплѣе. Въ лѣсу было свѣжо и

прохладно, но со стороны луговъ и песковъ дулъ горячій вѣтеръ. Какъ ни старались наши всадники перенестись въ другую мѣстность, оставить злополучный лѣсъ и выѣхать на открытое мѣсто—окрестность оставалась убійственно однообразною, лѣсъ пѣлъ все ту же пѣсню надъ рѣкою, только изрѣдка среди песка попадалось небольшое озеро—шире становилась рѣка; иногда она съуживалась, когда ея воды протекали по дну глубокаго оврага. Мѣнялись однѣ деревья: сосны и ели, зеленыя березы, липы, осины и дубы полусонные, не отзывчивые на привѣтливую улыбку весны... Иногда всадникамъ приходилось объѣзжать топкое болото. Время отъ времени пугливый заяцъ бѣжалъ въ лѣсъ, увидѣвъ приближающихся, никогда невидѣнныхъ имъ людей; почти изъ подъ лошадиныхъ копытъ подымались стаи птицъ, а на лугахъ, встревоженныя топотомъ, цѣлыя стада оленей бѣжали въ сторону лѣса, останавливались у самой опушки, смотрѣли вслѣдъ всадникамъ и пускались бѣжать, исчезая изъ глазъ. Трескъ ломающихся вѣтвей пугалъ лошадей, и онѣ скакали безъ устали все дальше и дальше... пока силъ хватило. Герда время отъ времени хватался рукою за раненую ногу. Кровь, точно теплая веревка, вилась вдоль ноги до самой подошвы, собиралась въ кожаномъ башмакѣ, и красныя капли, просачиваясь сквозь подошву, падали на землю. Но онъ не посмѣлъ жаловаться, а для того, чтобы задержать кровь и перевязать рану, не было времени... У Рыжаго между пальцами правой руки показались капли крови, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Обтеревъ кровь гривою лошади, Рыжій не думалъ о ней больше. Онъ все внимательнѣе оглядывался по сторонамъ; по всему было видно, что онъ здѣсь не первый разъ. Рыжій отыскивалъ глазами удобное мѣсто для отдыха... Но не скоро всадники убавили шагу.

Въ одномъ мѣстѣ рѣка протекала по низменной равнинѣ и широко разливала свои воды среди болотъ, покрытыхъ свѣжею зеленью. Съ верхушки холма, на которомъ остановились Рыжій съ сыномъ, видны были луга и тростники, множество маленькихъ озеръ, опоясанныхъ зелеными кустами... Нѣсколько лѣсныхъ ручейковъ въ этомъ мѣстѣ соединялось съ рѣкою. Лѣсъ на довольно значительномъ пространствѣ не имѣлъ ни одного дерева: пожаръ истребилъ все живущее—остались одни только сухіе пни... Ку-

старникъ былъ такъ хилъ, что лѣсъ насквозь просвѣчивалъ, и на далекомъ разстояніи легко было видѣть каждаго, кому вздумалось-бы приблизиться къ этому мѣсту. Здѣсь старшій всадникъ соскочилъ съ лошади бросилъ поводья и легъ на пескѣ, вытирая обѣими руками обильный потъ, покрывавшій его лицо и лобъ. Онъ былъ изнуренъ до крайности, грудь его высоко подымалась... Рыжій окровавленными руками дотронулся до своего лица, и оно все покрылось кровавыми пятнами. Замѣтивъ это, Герда вскрикнулъ.

— Что съ тобою, Герда? Развѣ ты не мужчина? Или мать твоя ошиблась, что одѣла тебя не въ юбку? Одна капля крови, а столько шуму и крику?!

— Не о своей я забочусь,—сказалъ Герда, указывая на лицо отца;—правда, крови полонъ башмакъ, но это пустяки! Твое лицо, отецъ, все въ крови.

Старшій посмотрѣлъ на свои руки, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Герда, между тѣмъ, сѣлъ на землю, снялъ башмакъ и принялся чистить его; затѣмъ вытеръ рану и приложилъ къ ней влажные листья. Старшій равнодушно смотрѣлъ на своего сына. Отдохнувъ немного, Рыжій вынулъ изъ сумки сушеное мясо и лепешки и разложилъ ихъ на землѣ. Прежде, чѣмъ приняться за ѣду, онъ подошелъ къ рѣкѣ, вымылъ лицо и всполоснулъ ротъ. Герда, слѣдуя его примѣру, также подошелъ къ рѣкѣ... Затѣмъ они молча начали подкрѣплять свои силы... Лошади щипали тощую траву.

Изъ лѣса вылетѣла сорока и сѣла на сухой вѣтви прямо надъ головою старшаго, наклонилась къ нему и начала кричать... Казалось, она разсердилась на чужихъ, махала крыльями, опускалась все ниже и кричала, какъ угорѣлая, какъ-бы желая своимъ крикомъ созвать своихъ товарокъ... Къ ней прилетѣла другая, затѣмъ третья... и, все громче крича, подлетали къ отдыхающимъ людямъ или садились тутъ же около нихъ на землѣ. Рыжій, котораго одолѣвалъ сонъ, выведенный изъ терпѣнія, натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу. Стрѣла пронзила воздухъ, но ни одной птицы не ранила: всѣ онѣ съ крикомъ и шумомъ повертѣлись въ воздухѣ, а затѣмъ усѣлись на прежнія мѣста прямо надъ головою посягателя на ихъ жизнь... Герда, подперевъ руками голову, смотрѣлъ за лошадьми. Лѣсъ притихъ, небо, точно синее зеркало,

было ясно и прозрачно; насѣкомыя, вызванныя къ жизни лучами солнца, жужжа и кружась, роились въ воздухѣ.

Послѣ короткаго отдыха наши путешественники снова сѣли на лошадей... Отецъ обратился къ сыну съ слѣдующими словами:

— Обо всемъ, что случилось, о стрѣлахъ, о крови, не болтай тамъ... Лучше всего ничего не говори: привторись нѣмымъ... Они насъ „нѣмцами“ называютъ, хотя мы понимаемъ ихъ языкъ. Прислушивайся ко всему, что будутъ говорить — это всегда можетъ пригодиться, но дѣлай видъ, что ни слова не понимаешь... Лучше помолчать...

Отецъ посмотрѣлъ на Герду, дожидаясь отвѣта. Герда молча наклонилъ голову.

Всадники безъ устали подвигались впередъ. Солнце начинало клониться къ закату. Высокій берегъ рѣки становился все ниже, воздухъ прохладнѣе. Лѣсъ бросилъ длинную тѣнь на рѣку... Нѣсколько времени спустя, вдали, надъ мелкими кустами, показался столбъ дыма... Старшій, замѣтивъ это, вздрогнулъ:—радость это, или опасность? Юноша тоже всматривался въ этотъ завѣтный столбъ дыма. Лошади шли все тише.

Старый лѣсъ, высокій и густой, опоясывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ; прибрежный лугъ становился все уже, рѣка сдавливалась среди оврага... Съ правой стороны лѣсъ круто обрывался: глазамъ всадниковъ представился большой лугъ, окруженный изгородью изъ простыхъ кольевъ... Сейчасъ за нимъ изъ какихъ-то шалашей и своеобразныхъ избъ, сколоченныхъ изъ срубовъ и валежника и окруженныхъ высокимъ заборомъ—подымался видѣнный ими синій столбъ дыма... Хижины были расположены у самаго берега рѣки и образовывали замкнутый со всѣхъ сторонъ прямоугольникъ. Со стороны луга онѣ были окружены рядомъ пней и деревянныхъ столбовъ, между которыми находились глубокія ямы. На одномъ изъ столбовъ висѣлъ выбѣленный дождемъ и лучами солнца лошадиный черепъ. Крыши были покрыты кусками дерева, корою и вѣтвями; стѣны изъ срубовъ или изъ хвороста, плетеннаго въ видѣ столбовъ. Въ самой середины прямоугольника возвышалась хижина, построенная изъ деревянныхъ колодъ; къ ней примыкали сараи, образуя въ серединѣ небольшой дворикъ.

Всадники все приближались къ этимъ строеніямъ.

Старшій оставилъ лошадь: онъ оглядывался по сторонамъ, желая увидѣть кого-нибудь изъ жителей этихъ хижинъ. Никто, однако, не выходилъ. Рыжій задумался. Въ нерѣшительности что дѣлать, онъ простоялъ-бы болѣе продолжительное время, если-бы не увидѣлъ старика, сидѣвшаго вблизи строеній на камнѣ. Старикъ, до тѣхъ поръ незамѣченный Рыжимъ, внимательно слѣдилъ за всадниками съ того времени, когда они выѣхали изъ лѣса. Весь въ бѣломъ, съ босыми ногами и открытою сѣдою, какъ серебро, головою, старикъ держалъ въ рукахъ бѣлую большую палку. Длинная, какъ снѣгъ бѣлая, борода закрывала ему грудь. Рубаха, перевязанная краснымъ кушакомъ, спускавшаяся почти до самой земли, составляла всю его одежду. У него не было никакого оружія, а красный кушакъ составлялъ единственное украшеніе. У ногъ сѣдого старца лежали двѣ собаки, похожія съ виду на волковъ: онѣ припали къ землѣ, навострили уши, слѣдя за каждымъ движеніемъ всадниковъ кровавыми глазами... Собаки дрожали, дожидаясь приказанія своего господина броситься на чужихъ.

Умное и спокойное лицо старика, загорѣлое отъ солнца, казалось покрытымъ сѣтью маленькихъ морщинокъ. Надъ его сѣрыми глазами ежились два куста бѣлыхъ волосъ. Сухую его шею, ничѣмъ не покрытую, со всѣхъ сторонъ обнимали толстыя жилы, точно подкожныя змѣи.

Въ ту минуту, когда путешественники замѣтили старика, этотъ послѣдній громко крикнулъ на собакъ, поднялъ палку вверхъ и указалъ имъ калитку въ заборѣ. Собаки отошли въ сторону. Всадники остановились.

— Поклонъ тебѣ, старый Вишъ,—сказалъ Рыжій, не соскакивая съ лошади и едва наклоняя голову;—поклонъ тебѣ! Отгони собакъ, а то онѣ, чего добраго, разорвутъ насъ... А мы вѣдь старые знакомые и добрые друзья, хоть и не свои люди, но не враги.

Старшій всадникъ говорилъ медленно на ломаномъ языкѣ прилабскихъ сербовъ, стараясь придать всей своей фигурѣ привѣтливое выраженіе.

Старикъ долго смотрѣлъ на пришельцевъ, не отвѣчая на привѣтъ. Собаки ворчали и выказывали ряды бѣлыхъ зубовъ, угрожая ими двумъ незнакомцамъ: старикъ крикнулъ на нихъ, чтобъ

онѣ убирались вонъ, но собаки подкрадывались все ближе къ всадникамъ... Старикъ ударилъ въ ладоши: изъ-за забора показалась голова молодого парня съ коротко остриженными волосами, который призвалъ собакъ, вогналъ ихъ во дворъ и затворилъ ворота... Долго еще послѣ этого собаки выли и лаяли въ сараѣ.

— Будь здоровъ, Хенго. Что тебя снова занесло въ наши лѣса?—сказалъ хозяинъ.

Хенго (Рыжій) соскочилъ съ лошади, поводья отдалъ сыну, который сидѣлъ еще верхомъ и приблизился къ старцу.

— Да такъ; странствуетъ человѣкъ по свѣту — любопытство беретъ узнать, какъ другіе люди живутъ, ну и ѣдешь,—отвѣчалъ Хенго; — да притомъ, быть можетъ, обмѣняемся чѣмъ-нибудь. Лучше мирно мѣнять то, чего у однихъ слишкомъ много, а у другихъ недохватъ, чѣмъ съ оружіемъ нападать и вырывать насильно, да вдобавокъ и съ жизнью вмѣстѣ. Я, ты знаешь, человѣкъ смирный, снабжаю всѣмъ, что есть у меня, лишь бы жить да проживать,

Старикъ призадумался.

— Немного найдешь у насъ для обмѣна... У васъ, у самихъ, довольно кожъ и мѣховъ, а янтарь не водится у насъ въ излишкѣ. Да мы и не особенно привыкли къ тому, что вы возите—своего у насъ довольно... Костяная игла шьетъ точно такъ-же, какъ и желѣзная.

Вишъ смотрѣлъ въ землю: онъ казался недовольнымъ пріѣздомъ „нѣмца“.

— А все же пригодятся и мои товары,—проговорилъ Хенго,— Откуда-же, если не отъ насъ, было бы у васъ все, что дѣлается изъ металла... Винеда далеко...

— А развѣ мало у насъ костей, роговъ, да камней?—спросилъ Вишъ, вздыхая. — Было время, — славное времячко,—когда люди только этимъ довольствовались и ни въ чемъ, однако, не терпѣли недостатка... Когда вы да другіе стали привозить къ намъ разныя блестящія бездѣлки—женщины изъ рукъ вонъ выбились... Имъ теперь только и подавай блестящія зерна на шею, да гладенькія иголки и пуговки и всѣ ваши игрушки... Безъ нихъ теперь ни одна шагу не сдѣлаетъ... Это бы еще ничего,—продолжалъ старикъ, все смотрѣвшій въ землю, изрѣдка только поглядывая на рыжаго

собесѣдника,—но вы... вы узнаете всѣ дороги, которыя ведутъ въ нашу землю, наши тайны вывозите къ своимъ... и когда-нибудь врагъ можетъ прійдти оттуда, откуда пришли игрушки и бездѣлки.

Хенго едва улыбнулся, окидывая бѣглымъ взглядомъ стараго Виша.

— Напрасно боишься,—сказалъ онъ въ отвѣтъ, — никто и не думаетъ нападать на васъ... Я не затѣмъ вожу товары, чтобы высматривать что у другихъ дѣлается, а просто свое хотѣлось бы промѣнивать. Ты знаешь меня—не первый разъ я въ гостяхъ у стараго Виша... Я вашъ другъ... У меня жена изъ вашихъ... отъ нея вотъ этотъ парень, который хотя и не понимаетъ вашего языка, но все-же въ его жилахъ течетъ и ваша кровь.

Вишъ, присѣвъ на камнѣ и указавъ другой рукою Рыжему, покачалъ головою, не отвѣчая ни слова.

— Жена у тебя сербка отъ Лабы,—сказалъ Вишъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Ты мнѣ какъ-то говорилъ уже объ этомъ. Но какимъ путемъ ты ее досталъ? А? Не по доброй ея волѣ, надѣюсь?

Хенго захохоталъ.

— Не молодъ ты,—отвѣчалъ онъ, — не стану тебѣ лгать. А слыханное-ли дѣло, чтобы у женщинъ спрашивать ихъ согласія? Гдѣ-же берутъ женщину въ жены иначе какъ не съ оружіемъ въ рукахъ? Такъ ужъ заведено у васъ, у насъ и по всему свѣту... Онѣ вѣдь не разсуждаютъ.

— Не всегда и не вездѣ,—замѣтилъ старикъ.—Молодымъ воли не даютъ—это правда, но старыхъ женщинъ у насъ уважаютъ. Положимъ, умъ за ними не признаютъ, но вѣдь духи часто говорятъ посредствомъ женщинъ, и знаютъ онѣ больше насъ... эти—наши вѣдьмы.

Вишъ вздохнулъ; оба помолчали.

— Позволь переночевать у тебя,—сказалъ Хенго.—Что есть у меня въ сумахъ, покажу... Захочешь взять что-нибудь—ладно, а нѣтъ, не будемъ ссориться.

— За ночлегомъ дѣло не станетъ, объ этомъ и просить не нужно,—сказалъ Вишъ, вставая.—Кто разъ ночевалъ подъ нашимъ кровомъ, всегда имѣетъ право отдохнуть у насъ. Мы тебѣ рады. Хлѣбъ, пиво да мясо есть; бабы начали уже варку... Пойдемъ.

II.

Вишъ направился къ воротамъ; за нимъ слѣдовалъ Хенго.

Въ то время когда старый Вишъ разговаривалъ съ человѣкомъ, прибывшимъ изъ страны „нѣмыхъ“, не понимающихъ языка обитателя этой земли, изъ-за изгородей и заборовъ множество головъ смотрѣло на нихъ съ любопытствомъ. Очень рѣдко случалось, чтобы чужой человѣкъ съумѣлъ пробраться въ такую лѣсную глушь. Вотъ почему, когда показались чужіе люди и лошади, а работникъ запиралъ собакъ въ сарай, чтобы тѣ не бросились на чужихъ, всѣ, у кого только были глаза, бѣжали къ заборамъ, чтобы хотя въ щель, издали, посмотрѣть на чужихъ.

За изгородью виднѣлись бѣлые платки замужнихъ женщинъ, украшенныя зелеными вѣнками головы дѣвушекъ, длинные волосы мужчинъ, коротко остриженныя головы батраковъ и дѣтскіе съ испугомъ вытаращенные глаза среди бѣлокурыхъ густыхъ кудрей, путавшихся на ихъ головкахъ. Дѣти старались подняться какъ можно выше; чтобы лучше видѣть, они взбирались на камни, смотрѣли въ щели, убѣгали и снова возвращались къ забору... Даже старыя бабы высовывали свои дрожащія головы между кольями забора, а, такъ-какъ онѣ опасались „чужого“, то вырывали траву, подымали комки земли и плевали въ сторону Хенго, бросая на воздухъ землю и траву—вѣрное средство защитить себя отъ его злыхъ глазъ.

Жена Виша, по имени Яга, увидѣвъ, что мужъ ея ведетъ нѣмца къ воротамъ, вышла имъ навстрѣчу и, закрывая ротъ платкомъ, всѣми силами старалась дать ему понять, что желаетъ говорить съ нимъ наединѣ. Вишъ и Хенго дошли уже до воротъ, которыя начали отворять передъ ними, когда Яга подошла къ мужу, не обращавшему вниманія на ея жесты.

— Зачѣмъ это ты ведешь въ домъ чужого нѣмца?—сказала она мужу шопотомъ.—Можно-ли знать, что онъ несетъ съ собою? Онъ можетъ сглазить насъ всѣхъ!

— Это тотъ самый Хенго,—живетъ надъ Лабою,—который привозилъ къ намъ ожерелья, иглы и ножи... Тогда вѣдь ничего не осталось? Нечего его бояться, потому-что кто гонится за барышами, тому не до колдованія.

— Не хорошо ты говоришь, мой старый,—отвѣчала жена; — эти люди хуже тѣхъ, которые нападаютъ съ ножами и палицами въ рукахъ. Но быть твоей волѣ, а не моей...

Яга быстро отошла, не оглядываясь на нихъ, и почти бѣгомъ направилась къ избѣ, выстроенной по серединѣ двора. А, такъ какъ она дала знать рукою женщинамъ, пріютившимся въ разныхъ углахъ двора, то всѣ онѣ разбѣжались и попрятались въ избахъ. Только работники и двое сыновей хозяина остались на дворѣ.

Хенго вошелъ въ ворота, онъ старался имѣть бодрый видъ, хотя съ боязнью оглядывался по сторонамъ. Герда верхомъ въѣхалъ во дворъ, ведя за собою другую лошадь. Работники собрались въ кучку и, перешептываясь между собою, съ любопытствомъ смотрѣли на нѣмцевъ.

Вишъ ввелъ ихъ къ свѣтлицу.

Хижина Виша находилась въ самой серединѣ двора. Выстроенная изъ срубовъ, законопаченная слоями мха, хижина Виша была выше и просторнѣе остальныхъ. Двери съ высокимъ порогомъ, ведущія въ нее, были безъ замка, потому-что здѣсь никто ничего не запиралъ. Изъ сѣней, по лѣвой сторонѣ, большая изба; ея глиняный полъ былъ усыпанъ свѣжей зеленью; въ глубинѣ громадная печь изъ камней, на которой огня никогда не гасили. Дымъ выходилъ черезъ неплотно пристающія доски на крышѣ. Стѣны, потолокъ и все находящееся вблизи печки было покрыто толстымъ слоемъ сажи, блестѣвшей какъ стекло. У стѣнъ стояли простыя скамьи... Въ углу огромный столъ, а за нимъ большая миса для приготовленія тѣста, покрытая кускомъ бѣлаго полотна.. Надъ нею висѣли засохшіе вѣнки и пучки разнаго зелья.

На столѣ, на которомъ красовалась полотняная скатерть, вышитая цвѣтными нитками, лежали нарѣзанные куски хлѣба и небольшой ножъ. У входа, при дверяхъ помѣщалось ведро съ водою, тутъ-же былъ и черпакъ. Въ углу стояли небольшіе жернова и нѣсколько длинныхъ палокъ, на которыхъ висѣло полотно.

Небольшое окошко, съ внутренней стороны закрываемое ставнѣй, въ эту минуту было открыто, пропуская въ избу столько свѣта, сколько было необходимо для ея освѣщенія. Когда Вишъ

и Хенго переступили черезъ порогъ, старикъ протянулъ руку гостю и, кланяясь ему, проговорилъ:

— Вотъ хлѣбъ, вотъ вода, огонь и скамья, ѣшь и пей, согрѣйся, отдохни, и добрые духи да пребываютъ съ тобою!

Хенго неловко поклонился въ отвѣтъ.

— Да будетъ благословленъ этотъ домъ!—проговорилъ онъ съ усиліемъ послѣ минутнаго молчанія,—да не переступаютъ болѣзни и печали черезъ его порогъ!

Затѣмъ, Хенго присѣлъ на скамью, а Вишъ, взявъ кусокъ хлѣба со стола, разломилъ его на двѣ части: одну съѣлъ самъ, а другую далъ Хенго, который сдѣлалъ тоже.

Это продолжалось не долго... Гость былъ торжественно принятъ, а тѣмъ самымъ пріобрѣлъ нѣкоторыя права. Женщины не показывались, но Хенго былъ глубоко убѣжденъ, что онѣ смотрѣли черезъ щели на „нѣмца", такъ-какъ до его ушей долетали звуки сдерживаемаго хохота и женскіе голоса.

— Ну, теперь,—проговорилъ Хенго,—когда ты меня такъ гостепріимно принялъ, пока еще свѣтло, я покажу тебѣ, что привезъ съ собою... Ты убѣдишься, что обмана никакого тутъ нѣтъ... а есть на что посмотрѣть!

Старикъ не отвѣчалъ. Хенго, не дожидаясь отвѣта, направился къ двери; одинъ изъ работниковъ повелъ его въ сарай, гдѣ уже стояли лошади и Герда.

Герда отдыхалъ, сидя на колодѣ, и внимательно оглядывался по сторонамъ. Сумки лежали около него на землѣ. Хенго взялъ въ руки одну изъ нихъ и ловкимъ движеніемъ положилъ себѣ на плечи, какъ-бы избѣгая чужой помощи или желая выказать свою силу. Смотря на легкую поступь Хенго, всѣ были убѣждены, что сумки чрезвычайно легки. Немного наклонившись въ дверяхъ, Хенго вошелъ въ избу и здѣсь, у самаго окна, на широкой скамьѣ началъ развязывать веревки. Мужчины окружили его со всѣхъ сторонъ. Нѣмецъ, развязавъ веревки, открылъ обѣ сумки и, отыскавъ глазами Виша, просилъ его подойти ближе.

— Ну что-жъ это? Одни только мужчины,—сказалъ онъ,—а женщинамъ и глазъ потѣшить не позволяютъ? Я не молодъ, меня нечего бояться или стыдиться.

Вишъ самъ не зналъ, что дѣлать, показать женщинамъ нѣ-

мецкія игрушки, или-же не допускать ихъ къ нѣмцу?... Послѣ минутнаго колебанія онъ далъ знакъ рукою и самъ подошелъ къ двери, ведущей въ сосѣдную избу. Здѣсь старая Яга стояла на часахъ, закрывая собою двери, но о ея угрозахъ и опасеніяхъ всѣ забыли, когда старый Вишъ далъ полную свободу женщинамъ посмотрѣть нѣмецкій товаръ. Всѣ онѣ бросились къ сумкамъ нѣмца. Любопытство заставляло ихъ войти въ избу, а боязнь удерживала. Первая дѣвушка, которая посмотрѣла рыжему нѣмцу въ глаза, вскрикнула и убѣжала; за нею точно напуганное стадо бросились и другія. Смѣхъ, говоръ и сердитый голосъ Яги раздавались въ избѣ.

Хенго, между тѣмъ, стоя на колѣняхъ, вынималъ изъ сумокъ разныя вещи и время отъ времени поглядывалъ въ сторону женщинъ. Глаза его внимательно слѣдили за всѣми присутствующими въ избѣ, хотя онъ и дѣлалъ видъ, что кромѣ товара ничто его не занимаетъ. Дѣвки, какъ вода въ озерѣ, то приближались къ нѣмцу, то удалялись отъ него; онѣ, бѣдняжки, не знали, какъ имъ поступать; сюда влекло ихъ любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ пугали угрозы старухи Яги. Нѣмецъ, котораго зоркіе глаза всего больше пугали дѣвокъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ всего происходившаго за его спиною, и продолжалъ раскладывать свой товаръ на скамьѣ.

А товару было много: на скамьѣ блестѣли длинныя иглы съ особенными застежками для платковъ, такъ ловко выдѣланныя изъ какого-то свѣтлаго металла, какъ-будто были сплетены изъ льна или шерсти. Нѣкоторыя были снабжены большими пуговками, другія походили на завядшія стебли цвѣтовъ. Выборъ громадный. Тутъ-же лежали металлическія ожерелья съ блестками, колечками и крошечными колокольчиками. Хенго прикладывалъ ихъ къ шеѣ, не говоря ни слова, желая этимъ показать, что на сукнѣ онѣ еще лучше кажутся. Нѣкоторыя ожерелья были похожи на дѣвичьи косы, другія совсѣмъ гладкія, изъ твердаго металла, могли защитить шею отъ стрѣлы или удара. Между прочимъ на скамьѣ лежали украшенія для дѣвицъ: на длинной веревкѣ цѣлый пукъ острыхъ металлическихъ шиповъ. Веревки были разной длины, были и такія, которыя, точно змѣи, вились около руки отъ кисти до плеча. Были и для мужчинъ такія-же кольца, но

только изъ болѣе твердаго металла и длиннѣе. Колецъ у Хенго тоже былъ большой выборъ: бѣлыя и желтыя, плетеныя и простыя.

Мужчины осматривали топоры, длинные ножи, долота, металлическіе круги для накладыванія на плечи, которыхъ не можетъ пробить стрѣла и ножъ.

Когда Хенго началъ закладывать эти круги на скамью, молодые парни съ жадностью бросились на нихъ: глаза у мужчинъ сверкали, руки дрожали. Даже старый Вишъ подошелъ къ скамьѣ. Хенго вынулъ изъ ноженъ острый блестящій ножъ съ красивою рукоятью и подалъ его Вишу. Старый улыбнулся, взявъ въ руки оружіе, которое сверкало на солнцѣ.

— Это лучше всѣхъ вашихъ старыхъ костей и камней,—сказалъ Хенго, смѣясь,—дольше прослужитъ, лучше защититъ, да и внучатамъ останется въ наслѣдство. Человѣка-ли, дикаго-ли звѣря,—лишь-бы рука сильна,—навѣрное побѣдитъ; а дома, кто умѣетъ съ нимъ обращаться, ко всему пригодно.

Когда Хенго говорилъ съ мужчинами, показывая имъ острый мечъ и всѣ его достоинства, женщины понемногу, одна за другою, приблизились къ скамьѣ и пожирали глазами кольца, иглы и металлическіе шипы. Хенго посмотрѣлъ на нихъ. Всѣ были одѣты въ полотняныя бѣлыя юбки и такія-же рубахи, а всетаки среди всѣхъ хозяйскихъ служанокъ и работницъ очень легко было узнать двухъ невѣстокъ и двухъ дочерей стараго Виша. Зеленые вѣнки украшали ихъ головы. Нѣсколько проще одѣтыя служанки стояли за ними.

Изъ двухъ дочерей та, которая стояла впереди всѣхъ, была такъ красива, что и среди самыхъ прелестныхъ женщинъ могла-бы занять первое мѣсто. Лицо ея было бѣлое и менѣе загорѣлое, чѣмъ у сестры: видно, она не была охотницей бѣгать по полямъ, а больше сидѣла дома за ткацкимъ станкомъ. Красавица широко открытыми большими голубыми глазами смотрѣла то на кольца и другія блестящія бездѣлки, то на чужестранца, бросая по-временамъ тревожные взгляды на своихъ сестръ и братьевъ. Но она не приходила въ восторгъ отъ этихъ игрушекъ. Со сложенными на груди руками, она смѣлѣе всѣхъ заглядывала рыжему нѣмцу въ его бѣгающіе глазки. На бѣлой рубахѣ, на груди красавицы, красовались янтарныя бусы, къ которымъ были примѣшаны куски

синяго и краснаго вещества, имѣвшія форму большихъ зеренъ. На волосахъ весело зеленѣлъ свѣжій вѣнокъ. На лицахъ другихъ женщинъ блуждали веселыя дѣтскія улыбки, ея лицо было печально, а глаза смотрѣли задумчиво. Среди другихъ она казалась царицею.

Хенго нѣсколько разъ бросалъ взглядъ на нее. Красавица, покраснѣвши, отошла въ сторону, но, оправившись немного, опять возвратилась на прежнее мѣсто Нѣмецъ взялъ со скамьи большое кольцо и, подержавъ немного у самаго окна, чтобы всѣ могли замѣтить его достоинства, подалъ красавицѣ.

— Вотъ гостинецъ за гостепріемство,—сказалъ онъ, обращаясь къ дочери Виша, которая, немного смутившись, гордо посмотрѣла на нѣмца и отошла въ сторону.

— Прими его, онъ тебѣ принесетъ счастье,—уговаривалъ Хенго.

Не отвѣчая ни слова, не протягивая руки за кольцомъ, дочь Виша оставила свое мѣсто и спряталась за другими. Отецъ посмотрѣлъ на нее, красавица встряхнула головою. Хенго предложилъ кольцо второй дочери Виша, которая, улыбаясь и покраснѣвъ до ушей, протянула къ нему руку, закрытую передникомъ, и съ радостью приняла подарокъ. Сейчасъ-же женщины и работники окружили ее, желая разсмотрѣть это чудо... Всѣ бросились съ кольцомъ въ сосѣднюю избу—къ матери... Слышенъ былъ шопотъ, сердитое ворчанье, но вскорѣ получившая подарокъ вышла оттуда съ завернутымъ въ самый кончикъ передника кускомъ янтаря. Она посмотрѣла въ глаза отцу, который кивнулъ головою, и кусокъ темнаго янтаря положила на скамью.

— Возьми это!—сказалъ Вишъ,—намъ не слѣдуетъ брать подарковъ за ночлегъ!

Хенго улыбнулся, внимательно осмотрѣлъ янтарь и опустилъ его въ небольшой мѣшокъ, привязанный къ кушаку подъ верхнею одеждою. Однако, прежде, чѣмъ положить его туда, нѣмецъ плюнулъ на него такъ ловко, что никто этого не замѣтилъ,— Хенго боялся, что янтарь заколдованъ.

Вишъ стоялъ молчаливый и угрюмый, положивъ мечъ на скамью... Мужчины шептались между собою, любуясь на топоры и ножи... По ихъ глазамъ видно было какъ охотно взяли-бы они

эти сокровища, но хозяинъ все еще молчалъ, а безъ его вѣдома и согласія въ этомъ домѣ ничего не дѣлалось. Онъ былъ главою и господиномъ; никто здѣсь не смѣлъ имѣть своей воли. Хенго, разложивъ все, что у него было, на скамьѣ и на полу, смотрѣлъ съ гордостью на окружающихъ.

Женщины вышли, одни только мужчины остались въ избѣ... всѣ молчали: вдругъ глаза старика увидѣли что-то такое на скамьѣ, чего ему еще ни разу не случалось видѣть. Это былъ блестящій крестикъ съ колечкомъ... для ношенія на груди. Онъ такъ странно свѣтился и блестѣлъ, что обратилъ на себя вниманіе всѣхъ...

— А это что такое? спросилъ Вишъ, показывая на крестикъ.

Хенго кажется только теперь замѣтилъ, что вынулъ его изъ сумки и старательно началъ укладывать въ мѣшокъ подъ платьемъ.

— А это,—сказалъ онъ, смутившись немного,—это знакъ... для людей другой вѣры—не вашей... онъ имъ счастье приноситъ...

— А намъ не принесъ-бы счастья?—спросилъ Вишъ.

Хенго не отвѣтилъ ни слова. Полная тишина снова воцарилась въ избѣ. Этотъ, такъ быстро спрятанный, таинственный знакъ занималъ всѣхъ. О немъ теперь думали. Нѣмецъ зоркими глазами старался угадывать ихъ мысли.

— Трудно устоять,—проговорилъ хозяинъ,—когда что-нибудь само въ домъ приходитъ, а въ жизни можетъ пригодиться. Въ былыя времена у жрецовъ только да у жупановъ можно было встрѣтить такія вещи, а теперь и мы, кметы, волей-неволей, должны ихъ пріобрѣтать. Не возьмутъ дѣвки, да и она отцовскаго дома не оставитъ, пока ей къ вѣнцу не прибавятъ блестящихъ колецъ и иголокъ.

Вишъ поманилъ рукою старшаго сына и шепнулъ ему что-то на ухо... Сейчасъ-же онъ и другой братъ его вышли изъ избы. Вишъ сѣлъ на скамью и началъ откладывать въ сторону, что ему хотѣлось оставить для себя и для своихъ. Онъ отложилъ красивый мечъ, нѣсколько топоровъ, молотъ, одинъ, другой, ножницы, нѣсколько колецъ, два ожерелья съ блестками... Старикъ призадумался и началъ считать, хватитъ-ли для всѣхъ отложенныхъ вещей.

Хенго, пользуясь удобною минутою, взялъ со скамьи пару желѣзныхъ наплечниковъ и поднялъ ихъ вверхъ.

— Вотъ это пригодилось-бы старому Вишу,—сказалъ онъ,—да не только что пригодилось-бы, но это ему и пристало...

— А мнѣ на что?—спросилъ хозяинъ,—развѣ чтобы сыновья со мною вмѣстѣ сложили въ могилу... Воевать мнѣ ужъ не прійдется, на то есть у меня взрослые парни, а дома на что?

— Ты сказалъ: „въ могилу",—началъ Хенго,—да хранятъ тебя боги долгія лѣта, но и въ могилу взять это съ собою не мѣшаетъ... У васъ вѣдь обычай такой, что на костеръ одѣваютъ оружіе и лучшую одежду, какъ слѣдуетъ богатому кмету...

Старикъ рукою махнулъ въ отвѣтъ на эти слова.

— Что ты, что ты!—сказалъ онъ.—Желать да брать очень легко, но что дать въ замѣнъ? У насъ теперь запасы небольшіе.

— Ну, мѣхъ да янтарь долженъ-же быть у васъ; море у васъ подъ руками; а въ землѣ вашей развѣ его мало?..

Вишъ молчалъ, дожидаясь возвращенія своихъ сыновей. Вскорѣ оба появились въ дверяхъ: одинъ изъ нихъ несъ большой мѣшокъ, другой вязку кожъ и разныхъ мѣховъ. Когда сыновья Виша разложили все принесенное на землѣ, нѣмецъ началъ вынимать изъ мѣшка куски янтаря, большіе комки земли, свѣтящіеся мѣстами. Глаза Хенго блестѣли; онъ внимательно осматривалъ каждый комокъ земли, каждую грудку янтаря: нѣкоторые куски отливали прелестнымъ желтымъ цвѣтомъ, другіе казались окаменѣвшею жидкостью... Мѣха были великолѣпны: Хенго щипалъ ихъ пальцами, ни одинъ волосокъ не остался у него въ рукахъ.

Вишъ и Хенго начали торговаться молча, безъ словъ... Хенго откладывалъ въ сторону янтарь и мѣха, которыя ему хотѣлось получить въ замѣнъ за свои металлы; старый Вишъ отбрасывалъ чего не хотѣлъ дать въ обмѣнъ. Нѣсколько разъ они пересчитывали кожи и то, что лежало на скамьяхъ, вѣсили въ рукахъ куски янтаря, прибавляли, убавляли... То одинъ, то другой выражалъ неудовольствіе... То Вишъ что-нибудь прибавитъ или отложитъ въ сторону, то Хенго возьметъ кольцо со скамьи или кусокъ янтаря прибавитъ къ ранѣе отложеннымъ. Иногда оба задумывались: казалось тогда, что обмѣнъ не совершится, что между ними не будетъ согласія. Хенго дѣлалъ видъ, что свои вещи уклады-

ваетъ въ сумки, а парни, по приказанію Виша, убирали кожи... Наконецъ Хенго протянулъ руку, а старый Вишъ ударилъ по ней своею рукою. Сдѣлка увѣнчалась успѣхомъ. Вишъ пересчиталъ пріобрѣтенный товаръ и сейчасъ-же раздѣлилъ его среди всеобщаго восторга. Сыновья кланялись ему въ ноги, женщины смѣялись отъ радости... Нѣмецъ складывалъ кожи, связывалъ ихъ и укладывалъ янтарь.

Хенго совсѣмъ выбился изъ силъ за этою работою: онъ напился воды и присѣлъ на скамью...

— Ну, вотъ смотри,—сказалъ хозяинъ,—сколько мы тебѣ дали, а взамѣнъ что получили! Въ двѣ руки все спрячешь! Почему, все ваше такъ дорого, а наше—дешево?

Хенго улыбнулся.

— Во-первыхъ,—началъ онъ объяснять,—я жизнь подвергалъ не малой опасности, пробираясь къ вамъ съ моимъ товаромъ. Не легко путешествовать! А то, что я вожу съ собою, этого земля не даетъ и люди не дѣлаютъ, а только однѣ духи, живущіе въ пещерахъ... Они похожи на крошечныхъ людей... За этимъ металломъ они должны входить въ самую глубь земли... Не мало земли потопчешь, пока вымолишь у нихъ хоть немного этихъ вещей... Не день и не два, но цѣлые мѣсяцы и годы ѣдешь къ нимъ... да! Каждый день жизнь въ опасности: дикіе звѣри, да и чужіе люди, всегда готовые обокрасть путешественника,—это вѣдь не шутки! Хотя и знаешь всѣ рѣки, овраги и горы, но не разъ заблудишься... Иногда ѣсть нечего, а часто и отдохнуть негдѣ... Хорошо и то, что жизнь сохранишь! И что-жъ тутъ удивительнаго, что за малый кусокъ металла много берешь. Для васъ лѣсъ и дикій звѣрь—это забава, янтарь море даетъ и земля рожаетъ...

Вишъ, молча, слушалъ. Работники и сыновья его отошли въ сторону; женщины болтали весело въ сосѣдней избѣ, одна только Дива, красавица, дочь Виша, не принимала въ общей радости никакого участія: она стояла въ полуоткрытыхъ дверяхъ и прислушивалась къ общему говору.

Вишъ говорилъ тихо; Хенго ловилъ его слова на лету.

— А если такъ трудно и опасно развозить товары,—сказалъ Вишъ,—такъ зачѣмъ ѣздить? У тебя должна-же быть земля и хижина?

Хенго нахмурилъ брови.

— А ты зачѣмъ ходишь на охоту, зная, что звѣри свирѣпы и дики?—возразилъ онъ Вишу.—Значитъ, ужъ на роду такъ написано: человѣкъ не въ силахъ перемѣнить своей жизни. Я не гоняюсь за богатствомъ, а за судьбою своей, которая заставляетъ идти все впередъ. Цѣлые народы откуда-то съ востока приходили, оставляли свою землю, искали новой, а развѣ у нихъ былъ недостатокъ въ землѣ? Точно такъ и мой духъ заставляетъ меня скитаться по бѣлу свѣту.

— Во многихъ земляхъ бывалъ?—спросилъ Вишъ.

Хенго улыбнулся.

— Въ столькихъ земляхъ, что и не упомню, изъ сколькихъ рѣкъ воду пилъ, черезъ сколько горъ проходилъ; два моря видѣлъ... а языковъ, которые приходилось слышать, не съумѣлъ-бы перечислить, а разныхъ людей сколько?!...

— Изъ всѣхъ народовъ, говорятъ, нашихъ больше всего,—сказалъ Вишъ.—Поляне понимаютъ и тѣхъ, которые по Одеру живутъ, и по Лабѣ, и Поморцевъ, и Ранъ на Островѣ, Сербовъ и Хорватовъ тоже, и Моравцевъ вплоть до Дуная... и дальше. Кто ихъ всѣхъ пересчитаетъ! Нашихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ.

— Гмъ!—произнесъ Хенго.—И нашихъ тоже довольно...

— А земли вдоволь, всѣмъ хватаетъ,—продолжалъ Вишъ, не обращая вниманія на слова Хенго.—Каждый у себя дома всегда найдетъ что ему нужно: мать-землю подъ ногами, солнышко надъ головою, воду въ рѣкѣ, а хлѣбъ въ рукахъ.

Хенго молчалъ.

— Хотя оно и такъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—а все-жъ одни на другихъ нападаютъ: кто съ голода, кто съ жадности, а часто и ради плѣнныхъ, если въ нихъ недостатокъ...

— Это у васъ такъ,—замѣтилъ старикъ.—Намъ войны не надо, мы вовсе не любимъ ея. Наши боги любятъ миръ и мы тоже.

Эти слова не понравились нѣмцу.

— А кто васъ станетъ безпокоить?—спросилъ онъ: — земли много, конца ей нѣтъ; лѣсъ—войти легко, но какъ выйти потомъ?...

— Мы у васъ научились воевать и защищаться,—сказалъ Вишъ;—прежде объ этомъ мы и понятія не имѣли. Правда, гдѣ-то тамъ у заката солнца ваши духи дѣлаютъ оружіе лучше нашего,

но и наши старые камни да палицы дѣлаютъ свое дѣло также хорошо.

— Мы уже успѣли забыть о камнѣ,—возразилъ Хенго;—старые молоты давно ужъ лежатъ въ могилахъ, и врядъ-ли отыщетъ ихъ кто-нибудь. Камень ни на что не годенъ, когда есть металлъ, а маленькіе духи все больше и больше выносятъ его изъ земли.

— Къ намъ его привозятъ со стороны моря и изъ вашихъ земель,—продолжалъ Вишъ, — а все-же мы учимъ дѣтей уважать камень, потому-что боги сами выучили нашихъ предковъ какъ его обдѣлывать. Въ каждую могилу мы кладемъ молотъ—Божью сѣкиру, каменную, чтобъ умершій могъ представить ее своимъ богамъ и показать, кто онъ и откуда пришелъ. А то иначе боги не узнали-бы его.. И такъ будетъ во вѣки вѣковъ и у внучатъ нашихъ.

Хенго съ любопытствомъ ловилъ каждое слово Виша. Старикъ поднялся со скамьи, протянулъ руку на полку, надъ мисою съ тѣстомъ, на которой лежали каменные молоты и топоры съ деревянными ручками, взялъ ихъ нѣсколько въ обѣ руки и, показывая нѣмцу, проговорилъ:

— Это намъ досталось въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Они били ими враговъ, убивали жертвы богамъ и охотились на звѣрей. Если-бы не камень, не было-бы ни жизни, ни человѣка. Изъ камня произошелъ человѣкъ и жилъ помощью камней. Изъ камня вышелъ первый огонь, онъ зерно обратилъ въ муку— и да будетъ благословенъ! Вашъ металлъ ѣстъ и вода, и земля, и воздухъ, а нашего ничто не портитъ!

Послѣ этихъ словъ Вишъ осторожно положилъ молоты на полку.

Во время разговора Виша съ гостемъ, служанки хлопотали около печи, приготовляя ужинъ. Яга стояла въ открытыхъ дверяхъ, ведущихъ въ слѣдующую избу, и присматривала за ними. Вмѣстѣ со служанками работали и дочери и невѣстки Виша; одна только Дива, со сложенными на груди руками, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ, издали присматривалась ко всей этой суетнѣ. Она была моложе всѣхъ въ домѣ, любимицей родителей, притомъ красивѣе всѣхъ и пѣла пѣсни: лучше ея никто не умѣлъ пѣть. Мать выучила ее прелестнымъ разсказамъ, отецъ ей одной пере-

давалъ старыя преданія. Всѣ знали, что ее навѣщали духи, что ночью духи нашептывали ей такія вещи, о которыхъ никто,— ни мать, ни отецъ даже не зналъ. Кто хотѣлъ узнать свое будущее, обращался къ ней: она посмотритъ, бывало, подумаетъ и скажетъ. А пѣсни у нея родились, точно весною цвѣты на прибрежномъ лугу. Когда на перекресткахъ или у священныхъ источниковъ ея семейство складывало жертвы богамъ, она была первою въ этомъ дѣлѣ и всѣ уступали ей первое мѣсто и всѣ уважали эту избранную богами дѣвушку: ни одинъ парень не осмѣливался взглянуть на нее. Всѣ знали, что она любимица боговъ и духовъ. Вотъ почему она не боялась идти въ лѣсъ, въ тѣ мѣста, гдѣ пребывали духи, летая надъ ручьями и оврагами; никто, кромѣ нея, не посмѣлъ входить въ такое мѣсто. Дива знала, что невидимая рука всегда защититъ ее отъ нападенія дикаго звѣря или оборотня, не допуститъ подойти къ ней ужу или дракону.

У огня приготовляли ужинъ, который по случаю прибытія гостя былъ нѣсколько лучше обыденнаго. Въ большомъ горшкѣ Яга велѣла сварить мясо съ крупою. Тутъ-же у самаго огня поджаривали большой кусокъ свѣжей козлятины. По приказанію Яги на столѣ въ деревянныхъ кувшинахъ парни поставили медъ и пиво. По всему было видно, что Вишъ не бѣдный кметъ; и молока было вдоволь, а хлѣба и калачей очень много.

Когда все было готово, Вишъ попросилъ гостя занять мѣсто за столомъ, а самъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣли сыновья, а нѣсколько дальше работники... Дѣвицы и женщины не сѣли вмѣстѣ съ мужчинами: онѣ прислуживали. Молча принялись всѣ за мясо, отрывая куски пальцами; только Хенго вынулъ небольшой ножъ и началъ рѣзать мясо для себя. Этотъ чуждый полянамъ обычай обратилъ общее вниманіе, такъ-какъ здѣсь ножемъ рѣзали только одинъ хлѣбъ, а все остальное ѣли и дѣлили пальцами. Разставленное пиво, медъ и воду женщины разливали въ небольшіе деревянные кувшины и подавали сидящимъ за ужиномъ... Вишъ вылилъ немного пива на полъ... Хенго, котораго голодъ сильно безпокоилъ, ѣлъ и пилъ много и, только когда наѣлся вдоволь, вспомнилъ о своемъ сынѣ. Онъ обратился съ просьбою къ хозяину, чтобы тотъ приказалъ накормить Герду. Вишъ кивнулъ головою.

— Ѣшь и не безпокойся,—сказалъ онъ Хенго,—объ немъ не забудутъ. У насъ такой обычай, что заботятся не только о хозяинѣ, но и о его слугахъ; если-бы у тебя были съ собой собаки и онѣ не околѣли-бы съ голоду. Кто знаетъ, что вносятъ въ себѣ звѣри, которымъ боги отказали въ рѣчи? Онѣ вѣдь понимаютъ насъ, стерегутъ при жизни, а послѣ смерти жалѣютъ.

Вишъ говорилъ это, поглядывая на своихъ собакъ, которыя, вырвавшись изъ заточенія и почуявъ ужинъ, вошли въ избу, влѣзли подъ столъ и грызли кости, которыя бросали имъ ужинающіе.

Солнце клонилось къ закату, когда, наѣвшись и напившись, Вишъ всталъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ оставили свои мѣста. Поднялся съ мѣста и Хенго; мужчины вышли на дворъ, уступая свои мѣста женщинамъ.

Старикъ повелъ нѣмца къ рѣкѣ, на то-же мѣсто, гдѣ они сидѣли недавно. По пути Хенго оставилъ свои мѣшки и сумки въ сараѣ, такъ-какъ чуть свѣтъ онъ намѣревался отправиться въ путь. Въ рощѣ пѣли соловьи, надъ болотами летали крикливыя птицы, наполняя воздухъ своими возгласами, въ лѣсу куковала кукушка, а на лугу, въ тростникѣ, коростель, точно часовой, вскрикивалъ время отъ времени... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли Вишъ и Хенго, два аиста, гнѣздо которыхъ виднѣлось на одной изъ крышъ, прохаживались взадъ и впередъ, время отъ времени наклоняя свои клювы для поимки перепуганныхъ лягушекъ.

III.

Немного помолчали; Вишъ взглянулъ на нѣмца.

— Къ намъ-то ты пробрался благополучно, а дальше какъ? Куда думаешь ты ѣхать?

— Куда?—повторилъ Хенго, какъ-будто желая избѣжать вопросовъ Виша, которому не намѣренъ былъ высказать истину.— Куда? Да я и самъ еще хорошенько не знаю. Ты здѣсь на большомъ пространствѣ разсѣлся со своимъ семействомъ; ты здѣсь властелинъ... Я разъ ужъ былъ у тебя и теперь вздумалъ заѣхать

къ знакомому. Дальше пустыня; ѣхать, хотя-бы и по теченію рѣки, не легко, того и гляди попадешь въ просакъ, а еще хуже натолкнешься на толпу злыхъ людей, которые всегда готовы отнять жизнь у каждаго встрѣчнаго. По мелкимъ лѣснымъ хижинамъ не стоитъ развозить товара, немного пользы изъ этого... но... гдѣ-то здѣсь близко живетъ вашъ князь... Если-бы недалеко, я-бы поѣхалъ къ нему...

Вишъ сдвинулъ сѣдыя брови, а рукою указалъ по направленію вправо, не говоря ни слова.

— Да, есть у насъ князь... въ городѣ, на озерѣ, и отсюда можно доѣхать къ нему въ одинъ неполный день. Князь, князь!— повторилъ Вишъ съ досадою.—Этотъ князь хочетъ распространить свою власть на всѣхъ, онъ всѣ наши земли считаетъ своими, по всѣмъ кнеямъ охотится и со своими вооруженными людьми выдѣлываетъ, что только ему на умъ взбредетъ... Это жестокій человѣкъ — попасть къ нему въ руки все равно, что къ голодному волку въ пасть... Но у людей есть разныя средства и противъ волковъ.

— Вашъ князь вѣдь не чужой человѣкъ,—сказалъ Хенго, помолчавъ немного,—нужно-же, чтобъ у народа былъ глава и вождь,— что-же бы онъ сдѣлалъ, если-бъ враги напали на него?

— Да хранятъ насъ боги отъ нашествія враговъ, — проговорилъ старикъ.—Мы знаемъ хорошо, что до тѣхъ поръ наша воля, пока мы живемъ мирно. Придетъ война, за ней явится неволя. А кто воспользуется военною добычею? вѣдь не мы, а нашъ князь и его слуги. Врагъ уничтожитъ наши хаты, уведетъ съ собою скотъ, а князь возьметъ себѣ плѣнныхъ, да и всю добычу. Только и пользы, что дѣти наши погибнутъ; а кто положитъ голову на полѣ брани, тому и могилы не насыпятъ, вороны разнесутъ его тѣло...

Вишъ махнулъ рукою и глубоко вздохнулъ.

— А сильный-ли владыка этотъ князь, который живетъ въ городѣ?—полюбопытствовалъ Хенго.

— Боги сильнѣе его,—проговорилъ Вишъ,—и громада тоже сильна... Я даю ему оброкъ такой, какой онъ приказываетъ; дальше я знать его не хочу, ни его, ни цѣлаго ихъ Лешковаго племени.

— Ты у себя господинъ,—сказалъ Хенго, желая этимъ смягчить старика.

— Вѣрно,—отвѣчалъ Вишъ—А если-бы имъ вздумалось мѣшаться въ мои дѣла, то есть еще незаселенныя земли, я ушелъ-бы, какъ уходили мои отцы въ другое мѣсто, гдѣ не знаютъ ни войны, ни рабства. Запахавъ новую границу черными волами, я-бы нашелъ себѣ и своимъ новое жилище.

Презрительная, едва замѣтная улыбка скользнула по губамъ нѣмца, который затѣмъ сказалъ:

— Знаешь что: если-бы ты мнѣ указалъ путь, ведущій къ Гоплу, да къ княжему Столбу—кто знаетъ, пожалуй, я-бы поплелся туда, хочется посмотрѣть немного и на княжій міръ.

Хозяинъ призадумался.

— Впрочемъ, испытай счастье—сказалъ онъ.—Ваши бывали у него, многихъ и теперь у него встрѣтишь. Жена у него изъ нѣмецкой земли, по нѣмецкому обычаю ему хотѣлось-бы и нами управлять.

Старикъ поднялся съ камня.

— Солнце еще на небѣ, и ноги у тебя крѣпки,—сказалъ онъ;—пойдемъ за лѣсъ, на гору, откуда видно далеко; видна и дорога къ княжему Столбу... Что-жъ хочешь взойти на гору?

Нѣмецъ оставилъ свой лукъ и пращу въ избѣ; онъ колебался, не зная, можно-ли съ пустыми руками отправиться въ глубь лѣса.

— Такъ просто? Не имѣя оружія въ рукахъ?—спросилъ онъ.

— Я здѣсь на своей землѣ,—отвѣчалъ старикъ равнодушно,—меня здѣсь и звѣри не трогаютъ... Другого оружія мнѣ не надо, кромѣ этого рога,—продолжалъ Вишъ, вынимая изъ-за пазухи небольшой рогъ и показывая его нѣмцу.—Лишь звукъ разнесется по лѣсу—поймутъ.

Они отправились вмѣстѣ. Зеленый лугъ отъ ручья легко поднимался все выше и выше къ лѣсу. Среди засѣкъ старикъ отыскалъ проходъ и тропинку. Черезъ нѣсколько минутъ лѣсная глушь окружала ихъ со всѣхъ сторонъ; здѣсь Вишъ, точно у себя дома, несмотря на то, что не было ни одной тропинки, шелъ впередъ, не останавливаясь ни на минуту. Хенго слѣдовалъ за нимъ; они оба молчали. Лѣсъ, расположенный по холмистому и крутому пространству, становился все гуще, все темнѣе. Среди

листьевъ порхали птицы, которымъ чужіе мѣшали уснуть. Онѣ, казалось, сердились на стараго хозяина, что мѣшаетъ имъ спокойно отдыхать. Синія крылья сивоворонки мигнули передъ ихъ глазами, сорока въ бѣлой юбочкѣ и цѣлый полкъ пернатыхъ обитателей лѣса громко заявляли свое неудовольствіе. Изъ-за дерева выглянула лисица и исчезла въ своей норѣ. По вѣтвямъ прыгали бѣлки, такъ ловко перескакивая съ одной вѣтви на другую, что трудно было уловить глазомъ ихъ движенія. Старикъ время отъ времени подымалъ вверхъ голову и осматривалъ борти, которыхъ здѣсь было чрезвычайно много на всѣхъ деревьяхъ: запоздалыя пчелы возвращались съ поля, неся богатую добычу, и торопились добраться до своихъ жилищъ раньше, чѣмъ падающая роса успѣетъ отягчить ихъ крылья своими бриллiантовыми каплями.

Нѣмцу, не привыкшему къ путешествію пѣшкомъ, трудно было слѣдовать за старикомъ, взбиравшимся съ ловкостью молодого охотника на высокій холмъ. Вдругъ лѣсъ сталъ такъ рѣдокъ, что, стоя на полянѣ, заросшей густою травою и составлявшей вершину холма, можно было видѣть всю большую долину, лежавшую у подножія его. Среди поляны возвышался могильный курганъ, на который взошелъ Вишъ, за нимъ послѣдовалъ Хенго. Передъ ними разстилался прелестный видъ, поражающій своимъ величіемъ. Здѣсь Вишъ считалъ себя властелиномъ. Хенго стоялъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ: онъ былъ пораженъ. Долина, большею частью покрытая густымъ лѣсомъ, купалась въ золотыхъ лучахъ заходящаго солнца; свѣтлые лучи озаряли вершины деревьевъ, скользили по поверхности синеватыхъ водъ озеръ и ручейковъ. Хенго казалось, что вся земля, весь міръ заросъ непроходимымъ лѣсомъ, широкимъ какъ безпредѣльное море и какъ море синѣющимъ вдали. Точно волны колебались вершины деревьевъ. Среди этой темной зелени елей и сосенъ мѣстами виднѣлись золотистыя пятна озерковъ и группы майской зелени березъ и луговъ, усѣянныхъ цвѣтами. Вдали кругъ деревьевъ становился все гуще и темнѣе... Кромѣ отдѣльныхъ верхушекъ гигантовъ—лѣсъ казался длинной синей полосою. Шумъ этого лѣса едва долеталъ до ушей нашихъ спутниковъ... Только въ двухъ мѣстахъ подымались два синіе столба дыма. Вѣтеръ утихъ совершенно. По всему пространству разстилалась надъ землею длинными поясами вечерняя роса.

Вишъ указалъ рукою въ правую сторону...

— Тамъ. Къ концу дня верхомъ туда легко доѣхать. Слѣдуй все по теченію рѣки, а пройдя всѣ впадающіе въ нее ручьи, переѣзжай ее въ бродъ и...

Вишъ остановился. До его ушей, привыкшихъ различать самый отдаленный звукъ, долетѣлъ какой-то шорохъ. Онъ опустилъ голову и прислушивался. Хенго тоже слышалъ какой-то глухой топотъ, который приближался съ каждою минутою... На лицѣ Виша выразилось неудовольствіе; онъ еще разъ указалъ рукою и спросилъ:

— Понимаешь? А теперь, — добавилъ онъ, — уйдемъ отсюда. Боюсь, не вызвали-ли мы волка изъ лѣсу... Слышу топотъ вдали. Вѣрно, это скачутъ княжескіе слуги, голодная толпа, которая никогда не отойдетъ съ пустыми руками. Зачѣмъ они ѣдутъ? Куда? Да къ кому-же, если не къ старому Вишу, у котораго всегда найдется старый медъ.

Старикъ, не обращая вниманія на нѣмца, возвращался тѣмъ путемъ, которымъ они прошли до самой вершины холма. Но теперь старикъ шелъ гораздо скорѣе и, пройдя лѣсъ, спускался вдоль по долинѣ... Здѣсь на берегу рѣки они замѣтили пять всадниковъ. Впереди скакалъ начальникъ, за нимъ по двое въ рядъ четыре его спутника. Не трудно было догадаться, что скакавшій впереди старше всѣхъ. Одежда его и лошадь болѣе красивыя, чѣмъ у остальныхъ, позволяли догадываться, что это княжескій слуга. Это былъ широкоплечій мужчина, длинные волосы закрывали ему лицо и спадали на плечи. На головѣ у него была круглая шапка, украшенная бѣлымъ перомъ; одежда его изъ свѣтлаго сукна была обшита красною лентою; большой мечъ, лукъ и большой мѣшокъ со стрѣлами составляли его оружіе. Ѣдущіе за нимъ держали въ рукахъ топорики, на плечахъ у нихъ висѣли луки и пращи. Каждый изъ слугъ былъ обвѣшанъ сумками... Вишъ, увидѣвъ всадниковъ, нахмурился точно ненастная ночь; онъ схватилъ рогъ и три раза затрубилъ, давая знать такимъ образомъ своимъ о приближеніи всадниковъ.

Когда звукъ рога раздался въ воздухѣ, всадники прибавили шагу; они осматривались по сторонамъ, желая узнать, кто трубилъ.

Впрочемъ, Вишъ и не желалъ скрываться; напротивъ, онъ пошелъ къ нимъ на-встрѣчу.

— Эхъ, проклятыя змѣи:—ворчалъ Вишъ!—ненасытные драконы. Княжескіе слуги, чтобъ имъ громъ ободралъ кожу! Тебѣ это на руку, — продолжалъ Вишъ, оборачиваясь къ нѣмцу, — потому-что тебя и твои сумы они охотно возьмутъ съ собою, но для меня...

Хенго старался придать своему лицу равнодушное выраженіе; онъ не желалъ выказать своихъ чувствъ Вишу.

— Если мнѣ будетъ угрожать что-нибудь нехорошее,—сказалъ онъ, — надѣюсь, что гостепріимство заставитъ тебя вступиться за меня.

— Да, если мнѣ самому удастся отъ нихъ отдѣлаться, — сказалъ Вишъ.—Ихъ всего пять человѣкъ, это немного, мои парни въ мигъ съумѣли-бы связать ихъ, но у княжаго Столба найдется ихъ вдесятеро больше для того, чтобы отомстить мнѣ.

Княжескій слуга Смерда, ѣхавшій впереди, увидѣвъ Виша и догадываясь, а можетъ быть узнавъ въ немъ хозяина, остановилъ лошадь. Смерда, какъ и его товарищи, разглядывали не столько Виша, сколько нѣмца. Они видѣли въ немъ чужого, а чужой былъ для нихъ теперь находкой.

Вишъ поклонился Смердѣ, но тотъ не отвѣтилъ на его поклонъ. Хенго тоже поклонился; онъ поблѣднѣлъ, чувствуя, что глаза всадниковъ испытующимъ взглядомъ окидываютъ его.

— Кого это ведешь съ собою, старый? — кричалъ Смерда. — Чужой? Откуда?

Четыре всадника окружили Хенго со всѣхъ сторонъ.

— Я живу на Лабѣ, торговецъ, человѣкъ спокойный—не чужой,—сказалъ Хенго, принимая болѣе увѣренный видъ;—я не чужой, потому-что мнѣ не впервые приходится быть здѣсь съ товаромъ... Меня свободно пускаютъ...

— Знаемъ мы этихъ спокойныхъ людей! — крикнулъ Смерда, смѣясь, — знаемъ мы ихъ... А кто знаетъ, зачѣмъ вы высматриваете наши земли, зачѣмъ вамъ знать дороги, ведущія къ намъ? Зачѣмъ вы узнаете, гдѣ можно пройти рѣку въ бродъ, зачѣмъ нарѣзываете знаки на деревьяхъ? Это все для того, чтобы потомъ привести другихъ...

— Это смирный человѣкъ,—проговорилъ Вишъ;—оставьте его въ покоѣ. Я съ нимъ хлѣбъ ломалъ.

— А мнѣ какое дѣло?—возразилъ Смерда.—Князь строго запретилъ пускать чужихъ. Онъ пойдетъ съ нами.

— Я готовъ идти съ вами хоть сейчасъ и пойду по доброй волѣ, милостивый воинъ,—сказалъ Хенго;—а когда я упаду на колѣни передъ княземъ, онъ отпуститъ меня, потому-что онъ справедливый властелинъ. Я пріѣхалъ съ моимъ сыномъ-подросткомъ, насъ всего двое... Что-же я могу сдѣлать такому могучему князю?

— Свяжите ему руки!—крикнулъ Смерда, обращаясь къ слугамъ,—а тамъ мы увидимъ!

Едва Смерда успѣлъ высказать свое приказаніе, двое слугъ подскочили къ нѣмцу и связали ему руки. Смерда направился къ хижинѣ Виша.

У забора стояли сыновья и работники; въ воротахъ дожидалась старуха Яга, съ такою-же старою служанкою, но не было видно ни одной изъ молодыхъ женщинъ. По знаку, данному Вишемъ, всѣ молодыя женщины спрятались въ избы или ушли въ лѣсъ, чтобы не встрѣчаться съ чужими нахальными людьми. Лицо стараго Виша повеселѣло, когда онъ замѣтилъ, что на дворѣ не видно ни дочерей его, ни невѣстокъ.

Смерда у воротъ соскочилъ съ лошади; его слуги сдѣлали то-же; двое изъ нихъ вели Хенго, которому связали обѣ руки. Они смѣялись надъ нимъ, толкая его и не щадя пинковъ и ударовъ. Лошадей отвели въ сарай, а сами всадники направились въ избу. На порогѣ стояла Яга и, съ низкимъ поклономъ, поздравляя прибывшихъ, приглашала ихъ войти въ избу. Вишъ шелъ за ними; онъ молчалъ и хмурился. Когда чужіе вошли въ избу, она наполнилась шумомъ и крикомъ. Смерда занялъ на скамьѣ у стола первое, хозяйское, мѣсто. Незванные гости начали кричать во все горло, чтобы имъ подали пива и меду; парни принесли тотчасъ-же и то, и другое, желая избавиться отъ криковъ и ругани посѣтителей. Хозяинъ, не говоря ни слова, сѣлъ на скамьѣ, вдали отъ шумѣвшихъ княжескихъ слугъ.

— Ну, старый хозяинъ,—сказалъ Смерда,—ты, вѣрно, догадываешься, зачѣмъ мы пріѣхали къ тебѣ... Съ тебя слѣдуетъ князю оброкъ.

— А развѣ давно я отдалъ его?—произнесъ Вишъ угрюмо.

— Не думаешь-ли ты считаться съ нами? Кметъ съ княземъ!—засмѣялся Смерда.

— Да, кметъ съ княземъ, потому-что здѣсь, на своей землѣ, я князь,—сказалъ Вишъ.—Вы готовы кожу съ насъ драть подъ предлогомъ нашей защиты.

Смерда хотѣлъ-было засмѣяться, но, когда посмотрѣлъ на стараго, принявшаго гордый видъ, у него отпала охота; онъ сталъ гораздо ласковѣе.

— Пейте, и да будетъ вамъ на здоровье, какъ я желаю,—продолжалъ старикъ,—а затѣмъ мы поговоримъ о дѣлѣ.

Княжеткій слуга, подумавъ немного, понялъ, что здѣсь лучше и безопаснѣе не пускать въ ходъ насмѣшекъ и принялся за пиво. Его товарищи черпали пиво чашками и пили молча. Хенго со связанными руками стоялъ у двери. Смерда, напившись вдоволь, обратился къ нѣмцу:

— Гдѣ твои лошади и сумы?

— Онѣ будутъ завтра вмѣстѣ со мною у князя,—отвѣчалъ Хенго;—я прошу оставить меня въ покоѣ.

— Сдѣлаю съ тобою, что мнѣ вздумается!—воскликнулъ Смерда.

Вишъ хотѣлъ уже вступиться за чужого, но нѣмецъ быстро подошелъ къ Смердѣ, наклонился къ нему и началъ шептать ему что-то на ухо. На его лицѣ не было замѣтно испуга... Видно, угрозы Смерды не оказывали своего дѣйствія. Во все время, когда Хенго говорилъ, лицо Смерды морщилось, измѣнялось и, наконецъ, совсѣмъ повеселѣло. Онъ искоса посмотрѣлъ на нѣмца, встряхнулъ головою и, обращаясь къ своимъ людямъ, сказалъ:

— Развязать ему руки, завтра онъ отправится съ нами въ городъ; князь скажетъ, что съ нимъ дѣлать.

Хенго, освободившись отъ связывавшихъ его руки веревокъ, съ опущенною на грудь головою, сѣлъ въ углу. Смерда, не думая болѣе о пойманномъ нѣмцѣ, обратился къ Ягѣ:

— Э, старуха-мать,—сказалъ онъ весело,—а гдѣ-же твои невѣстки и дочери? Мы-бы охотно поглядѣли на нихъ — у нихъ гладкія личики!

— Вы не увидите ихъ, — сказалъ Вишъ. — Какое у васъ къ нимъ дѣло?

Яга-же отвѣтила на вопросъ:

— Съ утра ихъ нѣтъ дома. Онѣ всѣ ушли въ лѣсъ за грибами, за рыжиками; пожалуй, не вернутся раньше завтрашняго дня.

— Въ лѣсъ!—засмѣялся Смерда, которому вторили слуги, повеселѣвшіе отъ пива и меду. — Ой, жаль, что мы не встрѣтили ихъ на пути. По-крайней-мѣрѣ, было-бы съ кѣмъ повеселиться, хотя-бы и до слѣдующаго утра.

Вишъ грозно посмотрѣлъ на Смерду, у котораго пропала улыбка и слова замерли на губахъ отъ этого взгляда.

— Счастье ваше, что за такою забавою не застали васъ ихъ отецъ и братья,— сказалъ Вишъ:—а то вамъ пришлось-бы навсегда остаться въ лѣсу; только волки да вороны знали-бы, что съ вами случилось.

Медленно, угрюмо высказалъ это Вишъ. Смерда нахмурился. Его товарищи суетились около пива, онъ тоже подошелъ къ нимъ. Между тѣмъ, по данному знаку, сыновья Виша подошли ближе къ столу, къ нимъ приблизилась и Яга, а старикъ-хозяинъ сначала поправилъ дрова въ печи, потомъ направился къ двери, напился воды изъ ведра, стоявшаго у порога... Здѣсь сидѣлъ Хенго. Вишъ рукою далъ ему знать, чтобы онъ вышелъ на дворъ... Хенго исполнилъ желаніе Виша, и они оба вышли въ сѣни.

Старикъ молча указалъ своему гостю рукою на двери и на ворота въ заборѣ, давая ему такимъ образомъ знать, чтобы немедленно уходилъ, но нѣмецъ шепнулъ ему на ухо:

— Я ихъ не боюсь; они мнѣ ничего не могутъ сдѣлать, а съ ними легче доѣхать къ княжескому Столбу. Только я не возьму съ собою всего товара, чтобы напрасно не таскать тяжелыхъ мѣховъ.

Вишъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Хенго.

— Отчего-же ты не хочешь уйти? Я не желаю, чтобы подъ моей кровлею съ тобою случилось несчастье.

Хенго улыбнулся.

— Да я ихъ не боюсь: они только пугаютъ,—объяснялъ онъ,— я съумѣю съ ними сладить... откупиться отъ нихъ не трудно... Не безпокойся, позволь только оставить у тебя одну изъ моихъ сумокъ.

Вишъ молча согласился на эту просьбу, а нѣмецъ сейчасъ-же

направился къ сараю, откуда, нѣсколько времени спустя, работникъ вынесъ большую суму и спряталъ ее въ избѣ. Хенго, поблагодаривъ хозяина, вернулся въ избу и сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ у дверей. Никто не обратилъ вниманія на его отсутствіе.

Въ избѣ весело разговаривали и хохотали. Смерда, болтая со старухой, смѣялся во все горло, а слуги вторили ему усердно, Они продолжали пить и смѣяться до глубокой ночи; тогда одинъ изъ работниковъ принесъ лучины, воткнулъ ихъ между щелями и зажегъ: лучины освѣтили комнату. Замѣтивъ свѣтъ, Смерда оглядѣлся по сторонамъ, отыскивая глазами хозяина.

— Гдѣ-же хозяинъ?—крикнулъ онъ.

Вишъ стоялъ у порога; Яга толкнула его—старикъ неохотно вошелъ въ избу. Видно было, что пріѣзжіе пришлись ему не по вкусу. Смерда подошелъ къ нему, сдѣлалъ ему знакъ рукою и они оба вмѣстѣ вышли изъ дверей во дворъ.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ по приказанію князя; ѣду съ такимъ-же приказаніемъ и къ другимъ кметамъ и жупанамъ, — сказалъ Смерда:—князь посылаетъ вамъ привѣтъ.

Старикъ поклонился и провелъ рукою по волосамъ: онъ, видимо, не былъ доволенъ вниманіемъ князя.

— Привѣтъ — княжеская милость, — замѣтилъ онъ, — но, должно быть, дѣло не въ немъ. Когда князь привѣтствуетъ, это значитъ, что онъ чего-нибудь требуетъ; иначе онъ и не подумалъ-бы о существованіи кмета.

Серда моргалъ глазами, сдвигая брови.

— У насъ большой недостатокъ въ людяхъ,—сказалъ Смерда;— ты долженъ дать кого-нибудь изъ своихъ, чтобы пополнить княжескую дружину. Она вѣдь и тебя и твою землю обороняетъ.

— Что-же? Развѣ вы собираетесь воевать?

— Мы-то и не думаемъ, но въ городѣ надо всегда быть готовымъ на случай защиты,—объяснилъ Смерда.—Двое изъ нашихъ умерло отъ моровой язвы, одного звѣрь разорвалъ въ лѣсу; князь также убилъ одного... Намъ и нужны люди... У насъ въ городѣ отлично. Дружина голода не знаетъ; каждый ѣстъ вволю вмѣстѣ съ княжескими собаками и по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ. Пива сколько угодно. Въ случаѣ войны каждому что-нибудь перепадетъ изъ добычи.

— Если онъ не попадетъ въ плѣнъ,—сказалъ Вишъ.

— Если не двоихъ, такъ ужъ одного придется тебѣ отдать,— заключилъ Смерда.

— А если и одного не дамъ?

Смерда не ожидалъ такого вопроса: онъ задумался.

— Тогда я на веревкѣ поведу тебя къ князю,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Хотя я свободный кметъ?—спросилъ Вишъ.

— А мнѣ какое дѣло! Князь велѣлъ.

— Да, да!—сказалъ Вишъ, хмурясь. — Новые обычаи, новые порядки завелись у насъ. Смотрите, какъ-бы васъ самихъ кметы не потащили на веревкахъ, когда имъ все это надоѣстъ.

Смерда помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Не сопротивляйся княжеской волѣ. Князь теперь злится, точно дикій звѣрь. Случается задремлетъ онъ и, вдругъ проснувшись, скрежещетъ зубами и точно волкъ завываетъ. Онъ грозитъ кметамъ. Двоихъ не надо; дай хотя одного парня и мѣхъ для меня, а то моя шуба вся истрепалась на службѣ.

Вишъ задумался и долго стоялъ на дворѣ, не отвѣчая Смердѣ. Наконецъ пригласилъ его войти въ избу. Старикъ сѣлъ на скамьѣ; онъ держалъ палку обѣими руками, положивъ на нихъ голову и водилъ глазами по своимъ парнямъ, какъ-бы искалъ въ ихъ средѣ жертвы.

— Эй, Самборъ,—крикнулъ онъ наконецъ,—поди-ка сюда!

Самборъ стоялъ съ княжескими слугами и весело болталъ съ ними. На зовъ старика онъ выпрямился и подошелъ къ нему.

— Тебѣ, братъ, полевая работа не по вкусу; домашнія хлопоты ты тоже не особенно долюбливаешь,—сказалъ старикъ Самбору,—ты охотнѣе поешь, да безъ дѣла сидишь, чѣмъ работаешь... Ты какъ-разъ годишься для городской жизни; припоясать мечъ, да бѣлое перо заткнуть за шапку и выказывать свою красу передъ женщинами,—это какъ-разъ по тебѣ. Я и рѣшилъ, что ты охотно пойдешь служить князю.

Самборъ, лицо котораго недавно еще весело смѣялось, услышавъ обращенныя къ нему слова Виша, поблѣднѣлъ какъ холстъ. Безпокойнымъ взоромъ онъ окинулъ всѣхъ сидящихъ на скамьѣ,

замѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ Смерда слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, и упалъ на колѣни.

— Отецъ, господинъ мой, — вскричалъ онъ, — за что-же ты меня хочешь отдать въ плѣнъ, въ тяжелую неволю?

— Какая неволя?—замѣтилъ Смерда,—ты будешь воиномъ. У князя лучше, чѣмъ здѣсь, а если понравишься князю, кто знаетъ, что изъ тебя выйдетъ.

Вишъ гладилъ Самбора рукою по головѣ.

— Одинъ долженъ идти за всѣхъ,—сказалъ Вишъ,—твоя очередь, Самборъ.

Старуха Яга, стоявшая около Виша, заломила руки отъ отчаянія; хотя Самборъ не былъ ея сыномъ, но онъ воспитывался у нихъ, и они любили его, какъ родного сына...

Другіе парни, испуганные словами Виша, отошли въ сторону; веселый смѣхъ умолкъ. Смерда положилъ свою широкую руку на плечо Самбору, какъ бы желая взять его въ свою собственность

— Ну, пойдешь съ нами,—сказалъ онъ.

Самборъ поднялъ глаза на Виша, не зная, что ему дѣлать, что отвѣчать Смердѣ. Вишъ посмотрѣлъ на него; глаза старика высказали ему что-то такое, что только они вдвоемъ поняли. Самборъ успокоился и всталъ: онъ молчалъ; онъ, видимо, былъ огорченъ своею судьбою, но не жаловался на нее.

Если-бы кто-нибудь вздумалъ вслушаться въ звуки, раздавшіеся внутри хижины, послѣ того, какъ Яга вышла изъ избы,— тотъ навѣрное догадался бы, что всѣ женщины оплакивали несчастнаго Самбора. Ни одна изъ нихъ, однако, не посмѣла рыдать вслухъ, чтобы чужіе не узнали женскихъ голосовъ и не догадались, что дѣвушки скрывались отъ нихъ. Яга подала ужинъ Смердѣ и прибывшимъ съ нимъ княжескимъ слугамъ, которые, осушивъ до дна всѣ кувшины съ пивомъ и медомъ, по приглашенію хозяина, отправились въ большой сарай, гдѣ уже было приготовлено сѣно для ночлега. Тутъ же стояли и лошади нѣмца. Хенго пользовался теперь полною свободою; объ немъ теперь и не думали. Несмотря на это, онъ не уходилъ: онъ ночевалъ вмѣстѣ съ Гердою при своихъ лошадяхъ.

Вишъ и Самборъ остались одни на дворѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать своему хозяину, но Вишъ далъ ему знакъ

рукою, чтобы онъ молчалъ и слѣдовалъ за нимъ. Они вышли черезъ ворота и остановились на берегу рѣки. Старикъ сѣлъ и долго думалъ о чемъ-то, не говоря ни слова. Мѣсяцъ отражалъ свой блѣдный образъ въ рѣкѣ. Соловьи пѣли.

— Не плачь, Самборъ, и не унывай,—началъ Вишъ,—никто не можетъ знать впередъ, какая участь назначена ему судьбою. Они захотѣли взять одного изъ васъ, но я и безъ этого намѣревался послать кого-нибудь, потому-что мнѣ и нашимъ необходимо.

— За что-же меня ты высылаешь изъ дому?—едва слышно спросилъ Самборъ.

— Потому, что ты умнѣе другихъ,—пояснилъ Вишъ,—потому что у тебя есть и языкъ, и глаза, ты любишь насъ больше другихъ, да и я полагаюсь на тебя и люблю тебя. Хотя ты мнѣ чужой, но я считаю тебя своимъ сыномъ. Я послалъ-бы одного изъ моихъ сыновей, но они оба земледѣльцы и работники, притомъ охотники и умѣютъ ходить за пчелами; а ты любишь пѣніе, но умѣешь думать...

Старикъ остановился, прислушиваясь къ вечерней пѣснѣ лѣсовъ и рѣки, а затѣмъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Помни, Самборъ, я посылаю тебя не на гибель, а потому, что такъ необходимо. У насъ приготовляются важныя дѣла, князь хочетъ водить насъ за носъ, сдѣлать насъ своими рабами и постричь насъ въ нѣмцы... Онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами.. Все это становится намъ не въ-терпежъ. Мы ничего не знаемъ, что они тамъ дѣлаютъ, и можемъ внезапно превратиться въ рабовъ. Ты иди къ нимъ, смотри въ оба, слушай, внимай всему. Мы должны знать все, что у нихъ происходитъ. За этимъ-то я тебя и посылаю. Ротъ закрой, а глаза держи открытыми; кланяйся и прислуживай; а объ насъ никогда не забывай. Иногда придетъ кто-нибудь изъ нашихъ, ты ему и разскажешь объ всемъ, что услышишь и увидишь. Пора ужъ, пора; одно изъ двухъ: или Лешки насъ спутаютъ, или мы ихъ сотремъ съ лица земли. А пока... цыцъ!

Старикъ закрылъ ротъ пальцами. Самборъ подошелъ къ нему и обнялъ его колѣни.

— Ахъ!—сказалъ онъ,—тяжело оставлять васъ и идти къ чужимъ. Я надѣялся и жить, и умереть въ твоемъ домѣ...

— Не на вѣчныя-же времена идешь ты къ нимъ,—прервалъ его Вишъ.—Когда настанетъ удобное время, я извѣщу тебя и ты вернешься. Многому ты тамъ научишься, многое увидишь, узнаешь; они передъ тобою не будутъ скрываться. На Купалу, на Коляду отпустятъ тебя домой, а до княжескаго Столба не очень далеко!

Вишъ провелъ рукою по волосамъ Самбора. Несмотря, однакожъ, на обѣщанія и утѣшенія старика, молодому парню казалось, что камень придавливаетъ его.

— Отецъ мой,—шепталъ онъ:—все, что прикажешь, я исполню. Но здѣсь у васъ я былъ на свободѣ, а тамъ ждутъ меня неволя и угрозы. Здѣсь передъ тобой мы твои дѣти, у нихъ — рабы. Горекъ хлѣбъ, который даютъ въ неволѣ.

Вишъ точно не хотѣлъ слушать этихъ жалобъ; онъ не отвѣтилъ на нихъ ни слова.

— Смотри и учись,—повторялъ онъ;—запомни все. Намъ приготовляютъ тамъ неволю; если теперь мы не подумаемъ о себѣ, послѣ намъ придется горько плакать. А кто изъ насъ знаетъ, что жарится и варится въ ихъ волчьей ямѣ? Ни одинъ кметъ не имѣетъ тамъ своего человѣка. Я и посылаю князю твои глаза вмѣсто своихъ Князь—ужасный звѣрь, но онъ любитъ поклоны, ну и кланяйся, попадешь въ милость у него, а тогда передъ тобою уже не будутъ скрываться. Они съ пьяна—а пьютъ они много—выскажутъ все: пиво развязываетъ языкъ.

Старикъ говорилъ все тише, время отъ времени ударяя молодого человѣка по плечу. Самборъ стоялъ съ поникшею головою. Луна уже успѣла выплыть высоко на небѣ, когда они разошлись послѣ длиннаго разговора. Самборъ долго еще стоялъ на дворѣ. Собаки подошли къ нему, весело виляя хвостами. Онъ прислушивался къ пѣснѣ соловья, кваканью лягушекъ и шопоту луговъ, какъ-бы желая заучить каждый звукъ, каждый переливъ соловьинаго голоса, которые не скоро надѣялся услышать.

Думы отгоняли сонъ отъ него—онъ сѣлъ на большой колодѣ и здѣсь, не сомкнувъ глазъ ни на минуту, просидѣлъ до слѣдующаго утра.

Въ избахъ начали суетиться женщины. Самборъ всталъ и

направился къ воротамъ, ведущимъ въ поле. Яга вышла ему навстрѣчу.

— Милый ты мой, голубчикъ мой, не бойся, не унывай—вернешься,—говорила Яга, хотя слезы лились у ней изъ глазъ.

Въ эту минуту въ полуоткрытыхъ дверяхъ избы показалась Дива. Она заплетала свои косы, глядя задумчиво куда-то вдаль. Увидѣвъ Самбора, Дива улыбнулась.

— Что съ тобою, Самборъ? Почему ты такой печальный?—спросила она спокойнымъ, но какимъ-то пѣвучимъ, протяжнымъ голосомъ.—Что съ тобою? Не стыдно-ли тебѣ имѣть страхъ въ сердцѣ, а слезы на глазахъ? Не каждому суждено сидѣть въ избѣ и отдыхать; разно бываетъ, судьба не одна для всѣхъ. Нечего плакаться на свою судьбу! Я иногда вижу далеко, далеко... иногда и предскажу, что будетъ завтра... Тебѣ тамъ ничего не сдѣлаютъ, вѣрь мнѣ.

— Жаль мнѣ бросать васъ,—сказалъ Самборъ:—скучно тамъ будетъ.

— И мы о тебѣ будемъ скучать,—проговорила Яга.

— И мы о тебѣ,—повторила Дива.—Но ты скоро вернешься.

— Когда?—спросилъ Самборъ.

Дива опустила руки, глаза вперила въ землю; она имѣла теперь торжественный видъ и начала говорить, не подымая глазъ на Самбора:

— Вернешься, вернешься, когда надъ Гопломъ покажется зарево, трупы поплывутъ по озеру. Князь оставитъ старый лѣсъ, наступитъ новое управленіе. Когда вѣтеръ разнесетъ пепелъ; когда вороны насытятся; когда всѣ пчелы соберутся; когда новый срубъ поставятъ на Ледницѣ, на озерѣ, ты вернешься цѣлъ и невредимъ со свѣтлымъ мечомъ, съ свѣтлымъ челомъ.

Дива за каждымъ словомъ понижала голосъ, наконецъ совсѣмъ замолкла. Она подняла глаза на Самбора и обѣими руками послала ему прощальный привѣтъ. Дива улыбалась свѣтлою, полною надежды улыбкою. Вдругъ, какъ-бы опомнившись, она вбѣжала въ избу, затворяя за собою двери.

IV.

Постоянные жители и пришлые, ночевавшіе въ жилищѣ Виша, очень рано утромъ пробудились отъ сна; въ избахъ и сараяхъ началось движеніе. Парни выгоняли скотъ, женщины отправились за водою. Смерда и его слуги тоже проснулись. Хенго отправилъ своего сына съ лошадьми къ рѣкѣ; служанки разводили огонь, Вишъ, накинувъ на плечи сермягу, вышелъ во дворъ посмотрѣть, что обѣщалъ начинающійся день: хорошую погоду или ненастье.

Небо было покрыто сѣрымъ покровомъ, который только на востокѣ краснѣлъ и разгорался; хотя вѣтру на землѣ не было, но облака высоко клубились, вспучивались и, точно желая обогнать другъ друга, неслись куда-то на западъ. Надъ болотами недвижно висѣлъ въ воздухѣ густой туманъ, подобный спустившемуся облаку. Капли росы, точно прозрачныя слезинки, свѣтились на травѣ и листьяхъ. Въ сараѣ блеяли овцы, на лугу ржали лошади, рѣка журчала, протекая по камнямъ, а соловей все еще пѣлъ свою пѣсню, не уставая ни на минуту. Два ворона прилетѣли съ запада, покружились надъ избою Виша и лѣниво полетѣли дальше... Старикъ посмотрѣлъ на нихъ и печально кивнулъ головою.

Служанки принесли изъ сарая парное молоко въ большомъ горшкѣ и поставили его на столѣ, на которомъ Яга уже приготовила пиво и медъ. Тутъ-же былъ и хлѣбъ, и лепешки для гостей, которые не должны были выѣхать изъ дома, не подкрѣпивъ силъ своихъ на дорогу. На скамьѣ Вишъ разложилъ медвѣжью шкуру. Онъ, конечно, охотнѣе оставилъ-бы ее у себя, но нельзя было отказать Смердѣ, который всегда могъ жаловаться князю на Виша и его семью.

Самборъ приготовилъ свой узелокъ, натянулъ на ноги кожаные сапоги и крѣпко завязалъ ихъ. Пращу и лукъ онъ заложилъ себѣ за плечи, воткнулъ топоръ за поясъ и былъ готовъ отправиться въ путь. Не весело было у него на душѣ. Онъ старался утѣшить себя надеждою, что, скитаясь по бѣлу свѣту, увидитъ и услышитъ въ одинъ день болѣе, чѣмъ дома во всю жизнь. А всетаки ему жаль было бросать своихъ и онъ не могъ

отвести глазъ отъ хижины Виша, сараевъ, избъ сыновей старика но кромѣ старой Яги, вынесшей ему калачъ на дорогу, Самборъ больше никого не увидѣлъ изъ женщинъ. Только парни прощались съ нимъ.

Смерда со своими людьми, Хенго и старый Вишъ собрались около огня. Всѣ торопились ѣхать, такъ-какъ были увѣрены, что пойдетъ дождь... Грозныя тучи дѣйствительно угрожали цѣлыми потоками воды. Только одинъ Вишъ твердо держался убѣжденія, что небо прояснится.

Нѣмецъ нисколько не былъ озабоченъ тѣмъ, что Смерда захватилъ его и везетъ съ собою въ княжескій градъ. Онъ собирался спокойно, точно по доброй волѣ, хотя глаза княжеской челяди съ жадностью осматривали его сумы, желая угадать, что въ нихъ содержится. Герда-же не выговорилъ еще ни одного слова, на лицѣ его былъ написанъ испугъ. Всѣ надъ нимъ смѣялись, указывая на него пальцами: „Нѣмой!“

Наѣвшись и напившись до сыта, всѣ отправились къ лошадямъ. Самборъ упалъ на колѣни передъ старикомъ, но Вишъ не сказалъ ему ни слова. Лошади у Самбора не было, а потому онъ долженъ былъ отправиться въ путь пѣшкомъ.

Смерда ѣхалъ впереди, за нимъ его четыре спутника, рядомъ съ ними шелъ новобранецъ съ опущенною на грудь головою, а за ними Хенго съ Гердою. Въ такомъ порядкѣ, простившись съ хозяиномъ, Смерда со своимъ отрядомъ выѣхалъ за ворота и пустился въ путь по берегу рѣки. Нѣсколько времени спустя они исчезли въ зелени прибрежныхъ кустовъ. Самборъ оглянулся, но изъ всего, что было ему дорого, увидѣлъ только синій столбъ дыма, поднимавшійся къ небу надъ роднымъ селеніемъ.

Какъ предсказалъ Вишъ, такъ и случилось: мелкій дождикъ прошелъ скоро, въ воздухѣ разлился запахъ березы, ясное небо выглянуло изъ-за тучъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны. Путешественники молча подвигались впередъ. Лошади, несмотря на то, что не было видно никакихъ слѣдовъ, сами прокладывали себѣ дорогу.

Смерда дремалъ на лошади, дремали и его товарищи, только Хенго и Самборъ не спали. По правой сторонѣ возвышался угрюмый, черный лѣсъ, съ лѣвой протекла рѣка, изрѣдка только

ручей выплывалъ изъ лѣсу и торопился соединиться съ рѣкою. Добрую четверть дня проѣхали наши путешественники, а окрестность не измѣнялась: все тотъ-же лѣсъ съ одной, рѣка съ другой стороны... Наконецъ около полудня они увидѣли на небольшомъ холмикѣ громадный камень, окруженный множествомъ меньшихъ, разставленныхъ точно воины на часахъ. Нѣкоторые изъ камней совсѣмъ углубились въ землю, другіе одѣлись сѣрымъ мхомъ... Старый, сгорбленный человѣкъ, съ бѣлою палкой въ рукахъ ходилъ около камня. Мѣсто это когда-то было священнымъ: здѣсь приносили жертвы богамъ. Старикъ остановился у большого камня, протянулъ надъ нимъ обѣ руки, пробормоталъ что-то и бросилъ какіе-то листья. Немного дальше, у самаго берега рѣки, былъ насыпанъ курганъ, весь заросшій травою, а внизу покрытый толстымъ слоемъ сухихъ и зеленыхъ еще вѣтвей. Каждый изъ всадниковъ сорвалъ вѣтвь и бросилъ на него, Самборъ сдѣлалъ тоже. Одинъ Хенго, хотя съ любопытствомъ посмотрѣлъ на могилу, воздержался отъ принесенія жертвы.

— Что это такое?—спросилъ Хенго.

— Это Лешкова могила,—отвѣчалъ Самборъ.—Здѣсь старый князь, защищая нашу землю отъ врага, былъ убитъ стрѣлою. Тогда наши воины бросились на непріятеля и разбили его на голову. Затѣмъ, бросая каждый по горсти земли, насыпали своему князю вотъ этотъ курганъ. Говорятъ, въ немъ хранятся большія сокровища, но ихъ стерегутъ духи. Только одинъ разъ въ годъ, на Купалу, курганъ открывается и каждый, кто желаетъ, можетъ входить въ него за сокровищами и брать ихъ сколько хочетъ; но надо торопиться, потому-что когда пропоетъ пѣтухъ, онъ закрывается. Не одинъ смѣльчакъ уже остался въ немъ.

Самборъ радъ былъ чѣмъ-нибудь занять свои мысли, которыя точно громовыя тучи носились въ бѣдной головѣ его, наполняя душу нестерпимою тоскою. Онъ разсказалъ Хенго, какъ однажды какой-то парень, изъ жаждущихъ пріобрѣсти легкимъ трудомъ сокровища, отправился въ купалову ночь въ курганъ, какія видѣлъ онъ тамъ громадныя зданія, избы, наполненныя золотомъ, какъ онъ шелъ все дальше и дальше, не будучи въ состояніи остановиться отъ удивленія. Такимъ образомъ, жадный парень такъ далеко забрелъ, что когда пѣтухъ крикнулъ первый разъ и курганъ

закрылся, онъ изъ него не могъ уже выйти. Цѣлый годъ онъ пробылъ тамъ. На слѣдующій годъ, когда курганъ открылся, онъ вышелъ изъ него живъ и здоровъ, но нѣмой, потому что духи закрыли ему ротъ навсегда, чтобы онъ не разсказалъ всего, что видѣлъ.

Теперь наши путешественники проѣзжали по мѣстности болѣе населенной: по обѣимъ сторонамъ въ зеленыхъ рощахъ видны были хижины, изъ которыхъ выходили струи дыма и кружились подъ деревьями. На берегу рѣки во многихъ мѣстахъ виднѣлись остатки костровъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Мѣстами валялись бѣлыя кости. Въ полдень путники остановились въ зеленой дубравѣ, гдѣ было много травы для лошадей и вода близко—отличное мѣсто для отдыха. Соскочивъ съ лошади, Смерда объявилъ, что здѣсь онъ намѣренъ отдыхать. Изнуренные всадники сѣли въ тѣни на травѣ и каждый вынималъ изъ сумы, чѣмъ запасся на дорогу. Самборъ вынулъ бѣлый калачъ, данный ему Ягою, осмотрѣлъ его и снова спряталъ въ сумку—онъ скорѣе готовъ былъ вытерпѣть голодъ, чѣмъ лишиться этого калача: это былъ свой, домашній, калачъ!

Солнце не уставало ни на минуту бросать цѣлые снопы лучей; стояла изнуряющая жара; ни малѣйшаго вѣтерка, который могъ-бы ослабить дѣйствіе жары. Кругомъ—куда ни глянь—лѣсъ, болото, заросшее камышомъ, и снова густой, непроходимый лѣсъ. Рѣдко, рѣдко гдѣ попадалось маленькое озеро, точно любопытный глазъ, озирающій окружающіе лѣса. Камышъ точно рѣсницы окружалъ этотъ глазъ природы, лѣсъ точно брови длинною лентою обхватывалъ его. Всѣ птицы притихли, одни кузнечики да шмели шевелились въ травѣ; воздухъ располагалъ ко сну. Смерда дремалъ; Хенго смотрѣлъ волкомъ и, казалось, занятъ былъ какими-то разсчетами; Самборъ, давъ полную свободу своимъ думамъ, забылъ обо всемъ окружающемъ... Вдали послышался человѣческій голосъ. Самборъ началъ искать глазами того, кто нарушилъ этотъ сонъ природы и людей. Кромѣ зелени ничего не было видно вокругъ. До Самбора однакожъ долетали звуки какой-то печальной пѣсни. Съ каждою минутою они становились громче.

Всѣ съ любопытствомъ начали высматривать пѣвца. Голосъ раздавался какъ-будто-бы изъ самой рѣки. По берегу шелъ слѣпой

старикъ; мальчикъ велъ его за руку. Старикъ шелъ тихо; въ рукахъ у него были гусли. Пѣвецъ дрожащими пальцами игралъ на нихъ и тихо пѣлъ какую-то заунывную пѣсню. Смерда, проснувшись, увидѣлъ старика и призвалъ его къ себѣ.

— Эй, старикъ, иди-ка къ намъ,—крикнулъ онъ.

Гусляръ остановился, поднялъ голову и бѣлыми глазами, окруженными красными каймами, старался угадать, кто его призываетъ.

— Приди сюда, старикъ, отдохнешь,—повторилъ Смерда.— Поѣдемъ вмѣстѣ, а потомъ послушаемъ твоей пѣсни.

Пѣвецъ ударилъ пальцами объ струны, но пѣть пересталъ. Онъ долго думалъ, наклонивъ голову, наконецъ далъ знакъ рукою мальчику, чтобы тотъ велъ его на гору и они приблизились къ отдыхающимъ.

— Куда идешь?—спросилъ Смерда.

— А развѣ я знаю? По бѣлу свѣту, все впередъ,—отвѣчалъ старикъ,—съ пѣснями отъ одной хижины къ другой.

Отвѣчая Смердѣ, гусляръ сѣлъ на землю. Онъ положилъ гусли на колѣни и замечтался. Старикъ молчалъ. Вдругъ, какъ будто-бы пѣсня была его собственною жизнью, онъ тихо, едва слышно, началъ пѣть про-себя.

Всѣ молчали. Одинъ изъ парней вынулъ изъ сумки лепешку и положилъ ее на руки пѣвцу. Старикъ началъ грызть сухую лепешку. Провожавшій мальчикъ отправился къ рѣкѣ за водою. Самборъ сѣлъ рядомъ съ пѣвцомъ.

— Старый Слованъ,—обратился онъ къ старику,—ночевать зайди въ Вишеву хижину: тамъ тебѣ будутъ рады.

— На ночь? Въ Вишеву хижину? Не на моихъ ногахъ,— отвѣчалъ слѣпой старикъ:—ноги мои стары и изношены. Тихо теперь хожу, какъ улитка передвигаюсь. Пройду немного, а ноги требуютъ присѣсть. Къ Вишу, къ старому, далеко, очень далеко...

— Но всетаки зайди къ нему,—говорилъ Самборъ,—а когда остановишься у воротъ, передай имъ всѣмъ поклонъ того, который сегодня простился съ ними.

— Ты изъ Вишевой хижины?—спросилъ старикъ;—а кто съ тобою; сколько ихъ? Я знаю тутъ сидятъ люди; хотя глаза не видятъ, всетаки знаю.

— Княжескіе слуги,—отвѣчалъ Смерда,—ѣдемъ въ городъ, къ княжему Столбу. Вотъ и онъ съ нами. А ты былъ въ городѣ?

— Прежде хаживалъ,—сказалъ старикъ,—а теперь незачѣмъ туда ходить. Тамъ теперь поютъ мечи, играетъ желѣзо. Имъ не до пѣсенъ теперь, да и некогда имъ слушать старика.

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— А зачѣмъ князю пѣсни?—смѣялся Смерда.—Это бабье дѣло!

— А война... война, какъ-бы про себя замѣтилъ Слованъ, — война дѣло дикихъ звѣрей. Пока чужой духъ не поселился среди полянъ, отцы ихъ пахали и пѣли и мирно хвалили своихъ боговъ, оружія не знали, развѣ что на звѣрей...

Смерда захохоталъ.

— Э-э,—замѣтилъ онъ,—прошли ужъ тѣ времена, другія настали!

— Не тѣ святыя времена, какія были прежде,—сказалъ Слованъ,—не тѣ времена, когда гуслей у насъ было больше, чѣмъ желѣза, а пѣсней больше, чѣмъ слезъ. Нынче слѣпой гусляръ поетъ лѣсамъ и лугамъ, никто его не слушаетъ. Пусть знаютъ лѣса, какъ живали тѣ, которые лежатъ ужъ въ могилахъ... А когда умрутъ послѣдніе старики, они пѣсню возьмутъ съ собою въ могилу; сыновья не будутъ знать, какъ жили ихъ отцы, замолкнутъ могилы. Старый міръ погрузится во тьму.

Гусляръ говорилъ медленно и тихо, пѣвучимъ голосомъ; онъ и не замѣтилъ, какъ началъ пѣть. Старикъ бросилъ хлѣбъ, и пальцы его забѣгали по струнамъ; струны жаловались и плакали.

— Я, быть можетъ, послѣдній пѣвецъ, — продолжалъ Слованъ; — для того у меня пропали глаза, когда я былъ молодъ, чтобы душа смотрѣла въ другой, лучшій міръ. Я прошелъ всѣ земли и ни одной не видѣлъ, отъ гудящаго Дуная до Бѣлаго моря, отъ вершинъ Хорватскихъ горъ до лѣсовъ на Лабѣ. Не глаза, ноги носили меня по дорогамъ; я былъ вездѣ, гдѣ собиралась кучка людей, куда вела моя долюшка. Я всегда сидѣлъ на землѣ, а вокругъ меня становились люди, женщины били въ ладоши, старики плакали, слыша про своихъ отцовъ. Я ходилъ изъ одного урочища къ другому, отъ одной могилы къ другой, отъ одного источника къ такому-же другому, далеко, далеко до тѣхъ мѣстъ, гдѣ кончается человѣческая рѣчь.

Старикъ умолкъ. Смерда, слушая и дремля наполовину, когда старикъ пересталъ пѣть, сказалъ:

— Ну, пой дальше, пѣвецъ.

— О чемъ-же вамъ пѣть?—какъ-бы про себя говорилъ Слованъ.—Вамъ не моя нужна, а другая пѣснь, старой пѣсни вамъ не понять. О чемъ же пѣть? О прадѣдахъ, что на Дунаѣ жили, о тѣхъ-ли, которые съ востока пришли, о братьяхъ, живущихъ по Лабѣ и Днѣпрѣ? Вы ихъ не знаете; о бѣлыхъ и черныхъ богахъ, о Вишну и Самовилѣ?

Старикъ пѣлъ все тише, голова его опускалась все ниже.

— Прежде иначе бывало, иначе люди жили! Пѣвца встрѣчали всѣ, и младъ и старъ, старшіе вели его подъ тѣнь священнаго дуба, или на берегъ священнаго ручья, на вѣчевое городище, да на могилы предковъ. Старики и молодые окружали его большимъ кругомъ, слушали; медъ и пиво ставили передъ слѣпцомъ, вѣнки клали на его голову. Въ городѣ князь сажалъ его на покрытой скамьѣ, на почетномъ мѣстѣ; а нынѣ поешь пастухамъ въ полѣ, голодъ да вода въ награду!

— Пой, старикъ, пой еще,—говорилъ Смерда.

— Пой еще!—повторяли за нимъ другіе.

Слованъ ударилъ по струнамъ.

— Эй, ей!—послушайте старой пѣсни изъ страны, гдѣ Дунай течетъ!

Кругомъ воцарилась тишина, и старикъ запѣлъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Изъ-за семи рѣкъ, изъ-за семи горъ летитъ къ вамъ эта пѣснь; родилась она на берегахъ Дуная. Дунайскій король дрожитъ, боится; съ тысячнымъ народомъ Читай идетъ. Дома земли ему мало; пашни деревнѣ не хватаетъ, скотинѣ корму, и молится онъ богу Вишну: народъ гибнетъ, дай мнѣ земли, больше земли. Богъ сжалился надъ народомъ, и сказалъ: „Иди туда за Дунай съ народомъ, тамъ есть пустыни, пустыни широкія. А ты, король на Дунаѣ, не смѣй ему сопротивляться!“ И король ломаетъ руки въ отчаяніи! Читай займетъ мою землю, Читай землю мою завоюетъ! Миромъ или войною встрѣтить его, дать-ли ему сильный отпоръ? Призываетъ онъ молодую дѣвку: дѣвка, дѣвка, дай мнѣ совѣтъ... Камяна и совѣтуетъ: король, поставь войско на Дунаѣ. Онъ не сможетъ поко-

рить твоего народа. Идетъ Читай, толпа за нимъ; а гдѣ пройдетъ — въ плѣну народъ; онъ велитъ ему идти впередъ, ведетъ его, съ собой ведетъ. Дѣвки плачутъ и охаютъ, а онъ имъ говоритъ: оботрите свои слезы, веду васъ въ зеленыя страны, гдѣ живутъ дикіе люди, пахать пашни не умѣютъ. Будемъ ихъ учить и княжить надъ ними. Дѣвки осушили слезы; идутъ за Читаемъ... Бѣлый Дунай стоитъ на пути... вода въ немъ точно стѣна вспучилась, горою стоитъ... Льдины на немъ растаяли... Король Дуная стоитъ на берегу... войско сторожитъ берега. Войско большое — какъ-же тутъ быть? Какъ перейти бѣлыя воды, какъ побороть силу войска? Думалъ Читай, долго думалъ... Вдругъ закричалъ онъ народу: На колѣни, молитесь! Молитесь богу Колядѣ, Самовилѣ, что вѣтрами управляетъ. Пусть подуетъ всею силой, пусть ледъ станетъ на Дунаѣ. Тогда пройдемъ сухой стопою. Пали ницъ передъ Колядой и молятся Самовилѣ. Пришли вѣтры, льдомъ покрыли Дунай, широкую рѣку, идутъ войска по Дунаю. Король послушался совѣта, совѣта дѣвки Камыны. Собралъ войско, стоитъ въ полѣ и обозомъ у Дуная. Самовила дуетъ вѣтромъ, морозомъ несетъ на Дунай, а жаромъ бросаетъ на войско. Прошли черезъ Дунай; а то мѣсто, гдѣ стояло войско, отъ костей все побѣлѣло... Камяна глядитъ и плачетъ... Читай занимаетъ поле, идутъ плуги по всей землѣ, скотъ реветъ, дома строятъ, людей учатъ сѣять зерна. О, Камяна, ничтоженъ твой совѣтъ! Быть волѣ боговъ, не твоей! И Камяна, вся блѣдная, бросилась въ бѣлый Дунай! Объ этомъ людямъ пѣсня поется. Да дастъ вамъ богъ здоровья, а пѣсня при мнѣ останется.

Пѣвецъ кончилъ... Всѣ молчали.

— Еще другую, спой намъ еще,—просилъ Смерда,—не жалѣй своихъ пѣсенъ, старикъ!

Слѣпецъ снова ударилъ по струнамъ.

— Эта пѣсня будетъ длиннѣе, она родилась у Хорватскихъ горъ, — сказалъ онъ, — она моложе той, да и понравится вамъ больше.

Струны забренчали на другой ладъ, болѣе веселый, и слова пѣсни лились рѣзвѣе, а глаза старика блестѣли, какъ молнія.

„Висла, рѣка свѣтлая, отъ чего воды твои помутилися? А какъ-же имъ не мутиться, если въ нихъ все падаютъ слезы?

Народъ на берегу горюетъ, плачетъ и зоветъ на помощь, а помощи нѣтъ, какъ нѣтъ... Драконъ засѣлъ подъ горою въ пещерѣ; что завидитъ—все пожираетъ, что словитъ—все глотаетъ. Когда онъ съ голода бѣсится и реветъ — гора дрожитъ отъ этого рева. Когда онъ сытъ и отдыхаетъ, воздухъ гнилью заражаетъ... И день, и ночь не даетъ покоя, поля опустѣли, народъ убѣгаетъ, звѣри прячутся по лѣсамъ. Скотину онъ истребилъ, сколько людей проглотилъ, а все ему еще мало, все реветъ онъ, все трясетъ горою... А чѣмъ его уничтожить, чѣмъ убить змѣя-дракона? Мечъ не пробьетъ его кожи, палка не расколетъ черепа, руки не задушатъ его; громъ его не убиваетъ, въ водѣ онъ не утонетъ, а земля не накроетъ лютаго звѣря. Кракъ во градѣ сидитъ печально, думаетъ, бороду щиплетъ, опустилъ головушку на руки и смотритъ въ землю. Что мнѣ дѣлать съ этимъ звѣремъ, какъ уничтожить это чудовище? Семь разъ мѣсяцъ ужъ выросталъ, семь разъ ужъ онъ растаивалъ; Кракъ велитъ призвать Скубу. Скуба, сказалъ онъ, сдѣлай, что я тебѣ прикажу: убей вола, овцу убей, а внутренности брось въ воду, возьми смолы горячей, сѣры возьми горючей, да углей возьми раскаленныхъ. Наполни вола и овцу смолою, сѣрой и углемъ, подбрось ихъ подъ змѣиную пещеру, когда драконъ зареветъ съ голоду. Пусть онъ пожретъ этотъ огонь, пусть огонь зажжетъ въ немъ нутро, пусть лопнетъ дикій звѣрь. Скуба ушелъ и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему умный Кракъ. Убилъ вола, убилъ овцу, наполнилъ ихъ углемъ, смолой, много сѣры положилъ и подбосилъ подъ пещеру. Когда драконъ началъ ревѣть, и пасть свою, пасть голодную, открылъ, тогда Скуба бросилъ ему вола и овцу... Вотъ тебѣ кормъ, змѣй-драконъ. Страшная пасть проглотила, заревѣла. Дрожитъ гора, дрожитъ городъ... и всѣ столбы задрожали... Въ драконѣ горитъ внутренность... огонь пожираетъ змѣя. Выходитъ змѣй изъ пещеры, бѣжитъ къ Вислѣ, пьетъ воду... Пьетъ, пьетъ ее, животъ его растетъ, растетъ... Змѣй ревѣлъ, ревѣлъ ужасно и, ревя, лопнулъ и здохнулъ... Кракъ идетъ съ мечомъ изъ града, змѣю голову отрубилъ, кладетъ ее на палку и поднимаетъ высоко. Смотри-же, народъ мой милый, твои муки кончились. Птицы разносятъ веселую вѣсть, вѣтры бѣгутъ съ нею по полямъ... Пусть пахарь съ плугомъ выходитъ, пусть пастухъ выгоняетъ скотъ, пусть играютъ дѣти въ

полѣ—нѣтъ уже змѣя, нѣтъ его. Надъ змѣиною пещерой выростаетъ градъ каменный, въ немъ Кракъ царствуетъ спокойно; на всѣ четыре стороны онъ завоевалъ народы. А борода у него растетъ, борода сѣдая, и грудь ему закрываетъ и до колѣнъ доходитъ. А когда она дойдетъ до земли. Кракъ знаетъ, что наступитъ пора ему умереть. Ни печаль, ни веселье Краку отъ этого знанія; у него есть ужъ два сына и дочь есть—дочка Ванда. Борода доросла до самой земли. „Вотъ насталъ урочный мой часъ; дѣлите царство на двое. Сестрѣ дайте царское вѣно и живите мирно, дружно. Плачь, народъ, о своемъ царѣ“. Народъ плакалъ, и понесъ тѣло царя на гору, на Лясоту; посадилъ его на кострѣ, тризну справляетъ. Собрали остатки Крака, каждый взялъ часть земли, шли они и сыпали землю до тѣхъ поръ, пока выросъ высокій курганъ.

„Братья дѣлятъ землю отца, и царствуютъ оба: Кракъ и Лехъ. Кракъ владѣетъ половиною и половина у Леха. Лехъ съ боязнью смотрѣлъ на брата—„старшій уничтожитъ меня“. „Ѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ лѣсъ на охоту, на дикаго звѣря поѣдемъ вмѣстѣ... тамъ олени и медвѣди“. На лошадь сѣли братья; сестра на стѣнѣ городской стоитъ и умоляетъ: „не ходите въ лѣсъ сегодня—вороны зловѣще каркали и я видѣла во снѣ страшныя дѣла... Возьмите челядь съ собою,—звѣри дики, а лѣсъ тёменъ“. А Кракъ смѣялся ей въ отвѣтъ: „звѣрь и лѣсъ не страшны намъ“. Въѣхали они въ темный лѣсъ; младшій старшему сказалъ: „здѣсь тебѣ, братъ, умирать,—я одинъ хочу царемъ быть“. Лехъ сказалъ это и бросилъ тяжелый молотъ въ голову Крака; кровь красная потекла, и Кракъ упалъ на земь. „Что мнѣ дѣлать съ тѣломъ брата? Изъ земли волки выроютъ, а трупъ распознаютъ люди“... Мечомъ рубитъ Лехъ брата, рубитъ на мелкія части и кладетъ ихъ у дороги... Насыпалъ бѣлый песокъ, ногами притопталъ землю. Мѣсяцъ и звѣзды глядѣли, только темный лѣсъ ихъ видѣлъ; мѣсяцъ и звѣзды молчали, а лѣсныхъ голосовъ никто не слышалъ.

„Возвратился Лехъ въ свой городъ; и плачетъ онъ, и рыдаетъ, разорвалъ свою одежду, руки ломаетъ. „Ахъ, бѣда, бѣда большая: дикій звѣрь загрызъ брата, убилъ брата въ темномъ лѣсу. А вотъ кровь на моей одеждѣ, защищалъ я его, но не могъ спасти». Лехъ овладѣлъ всей землею и княжитъ теперь одинъ не-

раздѣльно. У дороги, гдѣ тѣло бѣлымъ пескомъ засыпано, выросли бѣлыя лиліи, цвѣтутъ и вѣтрамъ разсказываютъ: „Здѣсь могила Крака, рука брата его убила“. Люди, идущіе дорогою, слышатъ странный голосъ въ лѣсу: вѣтеръ вырылъ тѣло Крака. Несутъ тѣло люди во градъ. Старшіе идутъ къ Леху: „пускай тотъ, кто убилъ брата, идетъ, куда глаза глядятъ, на край свѣта“. Ванда осталась одна, она обѣщала богамъ служить имъ всю жизнь свою. Пусть она будетъ царицею. „Какъ-же мнѣ быть вамъ царицею, когда я богамъ пожертвовала собою, я богамъ обѣщала, что мужа у меня не будетъ?.. „Ванда царица моря, Ванда царица земли, Ванда царица воздуха“, поетъ народъ и говоритъ: „Дочь Крака наша царица!“

„На границѣ, на рубежѣ сидитъ нѣмецъ, какъ лисица въ ямѣ... Вѣсть прибѣжала къ нему: дѣвка царитъ въ ляшскомъ градѣ; вѣнецъ у нея не корона, не мечъ у нея въ рукѣ, а пряжа, мужа не хочетъ, властелина знать не знаетъ! Ритгаръ собираетъ воиновъ; стоитъ онъ на краю земли, гдѣ царитъ дѣвица. Войною идетъ на безоружныхъ. Ритгаръ выслалъ своихъ пословъ: „хочу быть твоимъ мужемъ, Ванда, или пройду твои земли огнемъ и мечомъ; все сгоритъ, все погибнетъ“. По полямъ ужъ идетъ войско. блеститъ лѣсъ мечей, свѣтятъ щиты. Пришли послы, Ванда и говоритъ имъ: „я отдалась въ жертву богамъ, не будетъ у меня мужа. Хотите сражаться? Я выставлю войско, пусть кровавый бой рѣшитъ насъ“. Ушли послы, идутъ войска: всѣ горы, поля заняли. Ванда съ мечомъ въ рукѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, ѣдетъ во главѣ, свѣтитъ лицомъ. Смотри-жъ нѣмецъ, считай свои силы. Ритгаръ смотритъ: войско его разбѣжалось въ лѣсъ, въ горы, одинъ Ритгаръ остался. Клянетъ онъ судьбу и боговъ, вынимаетъ мечъ изъ ноженъ и пронзилъ свою грудь. „Царствуй, Ванда, будь счастлива...“ Возвращается царица и во градъ свой народъ созываетъ. Вышла съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, бѣлый цвѣтокъ держитъ въ рукѣ. „Здоровья вамъ и всѣхъ благъ вамъ, народъ мой, честные отцы. Пришелъ мой часъ, я жизнь свою сразу богамъ хочу отдать—лучше чѣмъ изъ-за меня должны гибнуть тѣ, которые землю хотятъ взять у васъ, чтобы царить въ ней. Ведите меня къ берегу Вислы, къ самой глуби“. И бросилась Ванда въ Вислу... Народъ плачетъ: нѣтъ царицы; соби-

рается онъ у тѣла и носитъ землю на могилу, и объ ней пѣсни поетъ. Да дастъ вамъ богъ здоровье, а пѣсня при мнѣ остается.

Хенго слушалъ внимательно. Когда старикъ пѣлъ о Риттарѣ, Хенго началъ такъ сильно дышать и сопѣть, что Слованъ это замѣтилъ. Едва окончивъ пѣсню, онъ привсталъ.

— Что-же, старикъ, уходишь?—спросилъ Смерда.

— Здѣсь чужой,—отвѣчалъ Слованъ дрожащимъ голосомъ, — я пѣлъ чужому... я медъ лилъ въ грязную лужу!..

Онъ, ворча, поднялся и, палкою указывая дорогу своему провожатому, не прощаясь ни съ кѣмъ, ушелъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Хенго. Никто не посмѣлъ задерживать пѣвца. Онъ нѣсколько разъ обернулся въ сторону Хенго и поспѣшно удалился, прижимая рукою струны, чтобъ онѣ не издали звука, и крѣпко стиснувъ губы, чтобъ уста его не издали звука.

V.

Смерда и его товарищи сейчасъ-же бросились къ лошадямъ— давно ужъ было пора отправляться въ путь. Сейчасъ-же пришлось имъ перейти въ бродъ рѣку. Самборъ сѣлъ на одну лошадь съ Гердою. На противоположномъ берегу виднѣлось небольшое поле, засѣянное хлѣбомъ и обнесенное заборчикомъ, но медвѣди ночью хозяйничали въ немъ и оставили свои слѣды. Лѣсъ былъ жиденькій, обгорѣлые пни виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. У самой опушки вооруженный человѣкъ присматривалъ за лошадьми, бѣгающими по полю; за кушакомъ у него воткнутъ былъ рогъ, а въ рукѣ онъ держакъ насѣченную камнями палку. Всадникамъ снова пришлось переѣхать черезъ небольшой лѣсъ, и только теперь Смерда вздохнулъ свободно; сейчасъ у лѣса начиналась большая поляна, а за нею виднѣлись воды громаднаго озера, въ которомъ, точно въ зеркалѣ, отражалось заходящее солнце. Надъ озеромъ птицы летали цѣлыми стаями, у береговъ стояли большія лодки; нѣсколько лодокъ плыли по озеру. Хенго и Самборъ, поднявъ глаза, увидѣли вдали высокую, сѣроватую башню: городской столбъ, высоко подымающій свою голову. Онъ стоялъ у самаго

берега, мрачный и угрюмый, а у его подножія тѣснились срубы, хижины, сараи и много другихъ построекъ.

— Вотъ княжій городъ! — воскликнулъ Смерда съ гордостью, обращаясь къ нѣмцу и указывая ему столбъ вдали. — Успѣемъ пріѣхать, пока еще не лягутъ спать.

Товарищи Смерды весело кивнули головой. Самборъ угрюмо смотрѣлъ впередъ. Всадники прибавили шагу. Самборъ принужденъ былъ бѣжать, не желая отстать отъ нихъ. Нѣмецъ изъ-подлобья оглядывался по сторонамъ. По мѣрѣ того, какъ всадники приближались къ озеру, очертанія города становились яснѣе. Башня изъ сѣраго камня выростала почти на ихъ глазахъ; у ея подножія теперь можно было легко различить красиво разрисованный большой домъ, хижины, разныя строенія и сараи, частью окруженныя высокими насыпями. Къ стѣнамъ столба плотно прилегали большія деревянныя строенія, покрытыя тесомъ, черезъ скважины котораго дымъ выходилъ наружу. Около этихъ строеній и на поляхъ виднѣлись толпы людей и стада лошадей. На берегахъ озера батраки поили скотину. По насыпямъ въ разныхъ направленіяхъ прохаживались вооруженные воины; головы ихъ были покрыты желѣзными шлемами, имѣвшими форму небольшихъ лодокъ, въ рукахъ они держали длинныя копья.

Высокая насыпь и рядомъ съ нею глубокій ровъ отдѣляли городъ отъ твердой земли, откуда въ городъ можно было пробраться черезъ мостъ или водою на паромѣ. Долго еще скакали наши всадники, пока успѣли пробраться къ небольшимъ и узкимъ городскимъ воротамъ. Часовой узналъ Смерду и отворилъ ворота; когда стоявшіе у воротъ люди замѣтили Хенго, ѣдущаго сейчасъ за Смердою, они окружили его со всѣхъ сторонъ и задали ему множество вопросовъ.

Нѣмецъ и теперь имѣлъ спокойный видъ; онъ соскочилъ съ лошади и слѣдовалъ за Смердою, держа поводья въ рукахъ. Пройдя черезъ мостъ, они очутились на большомъ дворѣ, на одномъ концѣ котораго возвышалась видѣнная ими издали каменная башня, не имѣвшая внизу ни дверей, ни оконъ: въ нее можно было войти только по лѣстницамъ. Рядомъ съ нею расположены были княжескія избы и хижины; длинное крыльцо, опиравшееся на высокіе столбы, позволяло и во-время ненастной погоды сидѣть на воз-

духѣ. По серединѣ княжескаго дома, стѣны и столбы котораго были выкрашены въ бѣлый, желтый и красный цвѣта, на нѣсколькихъ столбахъ возвышалось крыльцо довольно обширное и украшенное рѣзными, деревянными, причудливыми рисунками. На крыльцѣ, вокругъ стѣнъ его, стояли скамьи, откуда, не трогаясь съ мѣста, можно было видѣть всю окрестность, дворъ, всѣ строенія, озеро и ворота.

Въ ту минуту, когда Смерда, съ сопровождавшими его, входилъ во дворъ, на которомъ суетились княжескіе слуги и работники у самаго входа, въ преддверіи, стоялъ мужчина высокаго роста съ краснымъ лицомъ, рѣдкою бородкою, черными длинными волосами и такими-же глазами, бросающими дикіе взгляды. По всему было видно, что онъ присматриваетъ за слугами. По одеждѣ легко было узнать, что онъ здѣсь господинъ. Голова его была покрыта лисьей шапкой, украшенной бѣлымъ перомъ; платье, имѣющее форму болѣе или менѣе сходную съ платьями всѣхъ слугъ его, было усѣяно украшеніями изъ бѣлаго и желтаго металла; поясъ на немъ блестѣлъ отъ металлическихъ колецъ и кружковъ; кожаные башмаки были перевязаны красными бумажными шнурками, Мечъ за поясомъ и блестящій ножъ на металлической цѣпочкѣ. прикрѣпленной къ кушаку, составляли его вооруженіе. Смерда замѣтилъ его издали и принялъ самый покорный видъ. Князь, наморщивъ брови, заложивъ руки за кушакъ, смотрѣлъ волкомъ. Смерда снялъ шапку и, нагнувшись, приблизился къ своему властелину.

— Кого это словилъ ты дорогою?—спросилъ князь охрипшимъ и грубымъ голосомъ.—Это чужой?

— Нѣмецъ, на Лабѣ живетъ, продавецъ,—началъ Смерда униженнымъ голосомъ. — Ему не впервые приходится скитаться по нашимъ землямъ. Я его встрѣтилъ у кмета Виша, онъ гостилъ у него; а кто знаетъ, съ какою цѣлью зашелъ онъ къ Вишу? Я и велѣлъ ему ѣхать съ нами. Но, долженъ я сказать, онъ не сопротивлялся, даже увѣрялъ меня, что его выслали къ вашей милости и хочетъ вамъ поклониться.

Князь, молча, посмотрѣлъ на своего слугу, не дерзнувшаго еще поднять головы, затѣмъ на Хенго, стоявшаго немного позади.

Князь долго еще молчалъ, наконецъ, процѣдилъ сквозь зубы, равнодушно:

— Пусть онъ остается на рукахъ у тебя; сегодня у меня гости; времени мало; накормить его и напоить, голоднымъ не держать... Завтра поутру приведешь его ко мнѣ.

Смерда поклонился до земли.

— Отъ кмета Вяша взялъ я одного парня; здоровъ онъ и силенъ, способенъ носить мечъ и копье. Людей у насъ мало теперь, ваша милость. Старый змѣй шипѣлъ, но всетаки долженъ былъ дать.

— Они всѣ шипятъ,—сказалъ князь,—и будутъ шипѣть, пока я не зажму имъ ртовъ и не научу молчать и слушаться. Знаю я ихъ; у нихъ въ мысляхъ все прежняя волчья свобода. Слѣпцы поютъ о ней и людей бунтуютъ. Спутать нужно эту дичь, да покрѣпче.

Смерда не посмѣлъ отвѣтить. Онъ стоялъ съ поникшею головою и опущенными руками.

— Вишъ! Вишъ!—говорилъ князь, прохаживаясь взадъ и впередъ и не обращая вниманія на окружающихъ; — и я его знаю, ему кажется, что онъ тамъ, въ лѣсу, князь и господинъ, а меня онъ знать не хочетъ.

— И богатъ онъ,—осмѣлился вставить свое слово Смерда,— чего, чего только у него нѣтъ, всего вдоволь! Людей тьма; стада, пиво, медъ, все есть у него. А кто его знаетъ: можетъ и металлъ, золото и серебро, припряталъ! И у нихъ у всѣхъ ваша милость...

— До поры, до времени! — крикнулъ князь и присѣлъ на скамью.

Смерда ушелъ. Хенго дожидался приказаній, не отходя отъ своей сумы, на которую взгляды многихъ обращались съ любопытствомъ.

— Его милость только завтра допуститъ тебя къ себѣ,—обратился Смерда къ нѣмцу;—у тебя есть время отдохнуть и приготовиться. Приказалъ не морить тебя голодомъ; у насъ съ голоду еще никто не умеръ, развѣ въ темницѣ подъ башнею,—добавилъ онъ съ улыбкою.—Сегодня,—сказалъ онъ на ухо нѣмцу,—его милость не въ духѣ, хмурится что-то... и глаза зло смотрятъ; лучше, что онъ завтра будетъ говорить съ тобою.—Смерда еще ближе на-

гнулся къ Хенго.—Неудивительно, что сердится; вчера, говорятъ, привели племянника, который ушелъ отъ него и затѣивалъ что-то недоброе съ кметами... Посадили птичку въ темницу, да притомъ вынули оба глаза, чтобъ никогда болѣе не могъ вредить. Все-же своя кровь... Лешекъ...

Смерда махнулъ рукою.

— Двоихъ изъ его людей повѣсили. Жаль! Славные парни и воины, здоровые молодцы, а все-же опасные волки.

Желалъ-ли Смерда снискать расположеніе Хенго, или просто хотѣлось ему болтать, но онъ продолжалъ дальше, не дожидаясь отвѣта:

— Не легко княжить здѣсь, не легко, народъ лютой. Съ кметами все споры и споры, но князь понемножку истребитъ гордецовъ. Кормитъ онъ ихъ, поитъ, тянетъ за языкъ, а кончается...

Смерда захохоталъ дико, странно и посмотрѣлъ въ сторону княжескаго дома.

У Хенго было довольно времени для того, чтобы осмотрѣть окружающіе его дома и людей, проходящихъ до двору. Не мало уже приходилось видѣть нѣмцу на своемъ вѣку; этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что здѣсь его ничто не удивляло, а еще менѣе пугало, хотя со всѣхъ сторонъ его окружали люди, готовые броситься на „чужого“. Проходящіе мимо него княжескіе слуги разсматривали его внимательно съ ногъ до головы и, указывая на него пальцами, повторяли: „нѣмой, нѣмой!“. Хенго дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на это никакого вниманія!

Хенго простоялъ уже довольно долго, ожидая приказаній, когда къ нему подошелъ мальчуганъ, нарядно одѣтый, съ длинными, падающими ему на плечи волосами, и, кивнувъ ему головою, пригласилъ нѣмца слѣдовать за собою. Хенго отдалъ лошадей Гердѣ, а самъ отправился вслѣдъ за пригласившимъ его мальчуганомъ. Черезъ большія ворота, у самаго княжескаго дома, мальчикъ и Хенго прошли на другой дворъ. Здѣсь все имѣло иной, и притомъ не такой воинственный видъ. Крыльца, раскрашенныя свѣтлыми красками, обращены были къ солнечной сторонѣ, на веревкахъ висѣло сохнувшее бѣлье и женскія платья. Нѣсколько старыхъ деревьевъ, стоя посерединѣ двора, задумчиво

смотрѣли на окружающіе ихъ дома, около которыхъ проходили и работали женщины; тутъ-же въ пескѣ сидѣло нѣсколько играющихъ дѣтей.

Мальчуганъ, провожавшій Хенго, указывая пальцемъ на свой ротъ въ знакъ молчанія, медленно велъ нѣмца къ боковымъ дверямъ. Отворивъ двери, они вошли въ большую свѣтлицу, окошко которой пропускало такъ много свѣта, что все въ ней смотрѣло какъ-то весело. Видъ на озеро еще болѣе украшалъ избу. Замѣтно было, что женская рука старательно ухаживала за всѣмъ въ этой избѣ. Въ комнатѣ стоялъ ароматическій запахъ отъ какого-то зелья, только-что завядшаго; послѣдніе дневные лучи позволяли различать въ ней даже самые мелкіе предметы. На деревянной скамейкѣ, какъ-разъ противъ очага, въ которомъ весело пылалъ огонь, сидѣла женщина въ шерстяномъ платьѣ, въ бѣломъ головномъ уборѣ, окружавшемъ голову и лицо, носившее слѣды замѣчательной красоты. Изъ всѣхъ ея прелестей остались одни только глаза, черные, какъ уголь, и блестящіе какъ будто-бы ихъ обладательницѣ теперь было не больше двадцати лѣтъ. Около нея на низенькой скамеечкѣ, стояли маленькіе горшечки, миски и кувшины, а подлѣ нихъ лежали пучки какихъ-то душистыхъ травъ.

Она съ любопытствомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ Хенго, который поклонился ей до самой земли. Женщина, послѣ нѣкотораго молчанія, улыбнулась и обратилась къ нему на языкѣ тюрингенскихъ лѣсовъ, звуки котораго привели въ восторгъ все еще кланявшагося нѣмца.

— Ты откуда?

— Ваша милость,—сказалъ нѣмецъ, оглядываясь по сторонамъ,—я живу надъ Лабою, по ту сторону, но я привыкъ скитаться по бѣлу свѣту, дома рѣдко сижу. Я нѣсколько говорю по-здѣшнему, вожу сюда товаръ и обмѣниваю на здѣшній.

Въ избѣ суетилось нѣсколько любопытныхъ женщинъ, прислушивавшихся къ странному говору.

— Мѣняешь? А что-же даютъ тебѣ въ обмѣнъ?—спросила женщина.—Что можно взять у этой голи и дикихъ людей? Золота и серебра, никакого металла у нихъ нѣтъ. Точно звѣри прячутся по лѣсамъ. Городовъ, даже селъ нѣтъ, а люди...

Она вздохнула. Хенго осторожно вынулъ изъ кармана кольцо украшенное дорогимъ камнемъ, и издали указалъ его женщинѣ. Увидѣвъ кольцо, она торопливо встала со скамьи, приказала всѣмъ женщинамъ и мальчугану оставить комнату и подошла къ нѣмцу. Хенго сталъ передъ нею на колѣни.

— Отецъ мой послалъ тебя?—воскликнула женщина.

— И сыновья твои, милостивая княгиня,—прибавилъ нѣмецъ, вставая.

— Сыновья!?—повторила княгиня, радостно поднимая руки и обвивая ими голову. — Говори, говори-же объ нихъ все, что, знаешь... говори много, долго.

Она снова сѣла на скамейку, подпираясь рукою, и задумчиво глядѣла на огонь, у котораго сушились какія-то травы, наполняя воздухъ острымъ запахомъ.

— Старый отецъ,—говорилъ нѣмецъ,—привѣтствуетъ вашу милость. Онъ далъ мнѣ этотъ перстень, чтобы ваша милость вполнѣ вѣрила моимъ словамъ.

Хенго приблизился къ княгинѣ и тише добавилъ:

— Къ намъ разныя вѣсти доходятъ... Отецъ вашей милости безпокоится... Онъ готовъ всегда придти къ милости вашей съ помощью, со своими людьми, если-бы вамъ угрожала малѣйшая опасность. Это самое онъ велѣлъ передать вашей милости.

Княгиня сдвинула брови; она махнула бѣлою рукою, какъ-бы желая показать, что опасности не боится.

— Князь скажетъ тебѣ: нужна-ли ему помощь моего отца,— сказала она.—Мы справимся одни съ дядями, племянниками и толпою кметовъ. Для этого есть много средствъ.

Она невольно взглянула на каминъ и травы.

— Кметы давно уже шумятъ и многіе изъ нихъ погибли. Съ каждымъ днемъ становится ихъ все меньше и меньше. Нечего бояться этихъ дикарей; да не только ихъ однихъ, мы никого не боимся: городъ сильный, людей много, а князь мой милостивый умѣетъ съ ними справляться... Говори мнѣ о дѣтяхъ. Обоихъ видѣлъ?

— Собственными моими глазами, сказалъ нѣмецъ:—красивѣе ихъ нѣтъ на свѣтѣ; такихъ воиновъ и всадниковъ, каковы они, не легко сыскать. Всѣ на нихъ любуются и удивляются имъ.

Лицо женщины прояснилось.

— Они могли-бы уже вернуться къ вашей милости,—прибавилъ Хенго,—чтобы стать рядомъ съ ихъ милостью...

— Нѣтъ, нѣтъ! — прервала его княгиня, — теперь не время, нужно еще подождать. Я не хочу, чтобы они видѣли то, что здѣсь должно произойти; я не хочу, чтобы они теперь, такъ рано, приняли участіе въ борьбѣ съ собственною кровью. Скоро у насъ настанетъ миръ, и тогда мы ихъ призовемъ. Я такъ давно ихъ не видѣла; взяли ихъ у меня и отправили къ дѣду, чтобы у нашихъ они обучались военному дѣлу. Столько лѣтъ, столько лѣтъ прошло съ той поры! — Ты обоихъ ихъ видѣлъ?—еще разъ спросила княгиня.

— И не одинъ разъ,—отвѣчалъ Хенго,—и не два! Князь Лехъ, хотя и старше брата нѣсколькими годами, а кажется его ровесникомъ. Оба и сильны, и здоровы. Копье бросаютъ на удивленье! Никто такъ не съумѣетъ... Стрѣляютъ изъ луковъ птицъ и звѣрей, а верхомъ готовы сѣсть на самыхъ свирѣпыхъ скакуновъ.

Глаза матери засверкали.

— А красивы они?

— Красивѣе ихъ никто не можетъ быть и нѣтъ никого!—отвѣчалъ Хенго:—большого роста, свѣтлыя лица, синіе глаза, бѣлокурые волосы.

Улыбка скользнула по губамъ княгини, но одновременно двѣ жемчужныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ. Княгиня все тише и все чаще начала разспрашивать Хенго, а онъ все обстоятельнѣе отвѣчалъ на ея вопросы.

Темно уже стало въ свѣтилицѣ, одинъ только свѣтъ огня очага освѣщалъ ее, а нѣмецъ все еще стоялъ передъ княгинею и не переставалъ отвѣчать на тысячи вопросовъ, которые она ему предлагала. Наконецъ, княгиня обратилась къ нему со словами: „до завтра!“ и нѣмецъ вышелъ.

Самбора оставили на дворѣ. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ все окружающее: ему первый разъ въ жизни приходилось видѣть городъ. Едва Самборъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ему попался Косъ, котораго Самборъ зналъ еще до его поступленія въ княжескую дружину. Косъ, взявъ Самбора за руку, провелъ его въ избу, гдѣ помѣщались княжескіе воины.

Никого изъ нихъ не было теперь въ избѣ: одни стояли на часахъ на городской стѣнѣ или у моста, другіе прислуживали князю, а всѣ остальные съ оружіемъ въ рукахъ сидѣли въ боковой, прилегающей къ княжескому дому хижинѣ, все безъ цѣли, конечно: у князя были въ гостяхъ кметы.

Косъ глубоко ненавидѣлъ князя, которому волей-неволей долженъ былъ служить. Не только одинъ Косъ ненавидѣлъ князя,— одинаковое чувство питали къ нему и другіе изъ его дружины, которыхъ онъ насильно заставилъ служить себѣ. Съ перваго-же слова Самборъ и Косъ поняли другъ-друга.

— И тебя тоже посади въ эту волчью яму?—началъ Косъ шопотомъ.

— Силою, а не по доброй волѣ,—отвѣчалъ Самборъ.

— А знаешь, какая здѣсь жизнь?

— Предчувствую, если и не знаю.

— Неволя! Неволя!—вздохнулъ Косъ.—Помыкаютъ нами, какъ скотиною, а потѣшаются надъ нами хуже, чѣмъ надъ собаками. Княжескія собаки лучше насъ живутъ.

Товарищи начали плакаться на свою судьбу. Въ избѣ стало душно. Новые, но искренніе, друзья вышли изъ избы и отправились на насыпь, находящуюся у самой башни. Косъ указалъ Самбору на небольшое отверстіе въ стѣнѣ...

— Племянника вчера туда опустили,—шепнулъ онъ на ухо Самбору,—и вынули ему оба глаза... Я самъ видѣлъ, какъ его держали, а старый Зжега ножомъ вырѣзывалъ ему глаза. Кровь капала изъ глазъ точно слезы... онъ не кричалъ, не просилъ о пощадѣ: зналъ, бѣдняга, что не найти ея здѣсь... Потомъ связали его веревкой и опустили въ темницу; а теперь даютъ ему хлѣбъ и воду, пока не умретъ... Говорятъ, что не ему одному, и другимъ то-же приготовляютъ.

— Если съ роднымъ племянникомъ такъ поступили, что-же они сдѣлаютъ съ нашими кметами?—спросилъ Самборъ въ раздумьи.

Косъ пожалъ плечами.

— То-же или еще хуже,—сказалъ онъ,—если во-время за умъ не возьмутся.

Изъ княжескаго дома долетали до нихъ звуки оживленнаго разговора, смѣхъ и крики.

— Вотъ князь веселится,—говорилъ Косъ:—у него всегда этимъ начинается, пока не дойдетъ до ссоры и до ножей. И сегодня врядъ-ли иначе кончится. Онъ только ждетъ, чтобъ они опохмѣлѣли: съ пьяными легче справиться. Онъ созываетъ въ городъ каждый разъ по нѣсколько кметовъ, принимаетъ всѣхъ ласково; а рѣдко кто цѣлъ выходитъ отсюда... Онъ понемножку да потихоньку истребитъ болѣе вліятельныхъ, остальные волей-неволей покорятся.

Косъ смотрѣлъ въ глаза Самбору.

— Что же ваши-то?...

— Не знаю,—отвѣчалъ осторожный новичокъ.—Они и рады-бы что-нибудь дѣлать, но не могутъ; а можетъ быть, выжидаютъ...

— Бабы они, вотъ что!—вскричалъ Косъ.

— Княжескій столбъ не скорлупа — силенъ,—оправдывалъ своихъ Самборъ.

— Сильный столбъ, правда,— отвѣчалъ Косъ, — но и камни можно разрушить. А чѣмъ дольше простоитъ, чѣмъ крѣпче будетъ, потому-что человѣческіе черепà лягутъ въ его основаніе...

— Дружина большая...

Косъ улыбнулся.

— А развѣ громады по селамъ малы?—сказалъ онъ.—Былъ-бы только у нихъ умъ. У насъ здѣсь все по-нѣмецки. Княгиня родомъ нѣмка; много нѣмцевъ ты встрѣтишь здѣсь. Младшія жены и наложницы всѣ изъ-за Лабы. И обычаи у насъ тоже завелись залабскіе, потому-что князь знать не хочетъ народной свободы, слушать не хочетъ о вѣчѣ. Дѣвки нѣмки толкуютъ, что слышали, какъ онъ говорилъ, что если самъ не справится, то нѣмцевъ приведетъ.

Косъ легъ на землю. Товарищи сидѣли въ небольшомъ разстояніи отъ окна темницы и услышали стонъ, какъ-бы выходящій изъ-подъ земли.

— Чѣмъ онъ провинился?—спросилъ Самборъ.

— Больше всего тѣмъ, что онъ та-же кровь, что онъ родной племянникъ князя; а князь не хочетъ видѣть здѣсь своей крови, потому-что боится ея. Кто ихъ знаетъ? Говорятъ, будто сговаривался съ кметами, обѣщая имъ дать прежнюю свободу.

Наступило молчаніе. На дворѣ слышались хохотъ и говоръ,

затѣмъ воцарилась мертвая тишина, а потомъ послышалась пѣсня, которую, казалось, кто-то пѣлъ шепотомъ. Въ противоположной сторонѣ собаки выли такъ жалостливо, точно предвѣщали несчастіе; и, странно, каждый взрывъ хохота сопровождался вытьемъ собакъ. Мѣсяцъ спокойно плылъ по небу; красный цвѣтъ его напоминалъ собою свѣжую кровь. Сѣдая туча раздѣляла его на двѣ части. Какая-то зловѣщая печаль носилась въ воздухѣ... Стаи вороновъ кружились въ поднебесьи.

Самборъ поднялъ голову.

— Э! Это наши ежедневные гости,—замѣтилъ Косъ, улыбаясь:— вѣрнѣе, наши товарищи; они никогда не оставляютъ башню. Всегда здѣсь на-готовѣ; трупъ у насъ не диковинка; рѣдко, когда нѣтъ его. Теперь они безпокоятся, потому-что наступила пора бросить имъ ѣду... Увидишь, сегодня они каркаютъ не понапрасну.

IV.

Прямо отъ княгини Хенго возвратился на первый дворъ, гдѣ дожидался его Смерда. Оба они отправились въ темную, очень слабо освѣщенную, избу, гдѣ обыкновенно ѣли рабочіе и челядь. Окно, какъ и всѣ вообще, закрывавшееся ставнемъ со стороны избы, выходило на дворъ; какъ-разъ напротивъ этого окна были княжескія комнаты. Смерда и Хенго, стоя у окна, очень удобно могли видѣть, а отчасти и слышать, все, что происходило на пиру.

Теплый вечерній воздухъ позволялъ открыть окна, а это тѣмъ болѣе приходилось имъ на-руку, что въ избѣ духота стояла страшная.

Книзь, видно, любилъ старый медъ и веселье, потому-что пиръ оживлялся съ каждою минутою; онъ начался веселымъ говоромъ, а теперь гудѣлъ веселыми пѣснями, криками и неумолкаемыми возгласами. Иногда веселое настроеніе переходило границу хорошаго расположенія духа: слышались споры, ворчливые голоса начинали обмѣниваться ругательствами; иногда на минуту водворялась тишина, а за нею сейчасъ-же слѣдовали крики и брань. Хотя словъ нельзя было разслышать, но по звукамъ не трудно было догадаться, что въ княжескихъ покояхъ веселье

начало переходить въ звѣрское остервененіе. Ужинающіе, привыкшіе къ подобному шуму, спокойно относились къ спорамъ, происходившимъ въ княжескихъ избахъ. Одинъ Хенго съ боязнью прислушивался къ страннымъ крикамъ. Смерда, замѣтивъ это, улыбнулся и покачалъ головою.

— Все это старшины, жупаны, кметы,—сказалъ онъ нѣмцу, желая объяснить ему происходившій у князя странный шумъ и гамъ.—Князь даетъ имъ пить вволю; напившись, они болтаютъ весело; а подчасъ одинъ, другой скажетъ что-нибудь обидное, а князь иногда бываетъ нетерпѣливъ. Случается: гости поссорятся, котораго-нибудь задавятъ... Что-жъ! Однимъ меньше. Иногда дѣло доходитъ до кулаковъ, одинъ другого и убьетъ, а намъ какое до нихъ дѣло?

Пѣсни становились все громче, по-временамъ онѣ напоминали ревъ дикихъ звѣрей, смѣхъ не смѣхъ, а какой-то вой; гнѣвъ походилъ на ворчаніе собакъ, готовыхъ броситься другъ на друга. Снова все притихло, раздавались только побѣдные возгласы; а тамъ шумъ снова начинался, новая ссора, новая драка, иногда слышались удары мечей... и опять тишина... Хенго слышалъ громовый голосъ князя, который проносился точно вихрь среди бури. Мѣсяцъ подымался все выше и выше; наступила ночь; на дворѣ царствовала тишина. Теперь еще явственнѣе долетали до Смерды и Хенго голоса пьяныхъ кметовъ. Хенго, изнуренный дорогою, готовъ былъ заснуть, но любопытство заставляло дожидаться конца этого пиршества. Смерда, сидя тутъ-же на скамьѣ, слушалъ.

Въ княжескихъ свѣтлицахъ всѣ притихли. Видно было, какъ подымаются къ губамъ руки съ чарками вина. Всѣ охрипли. Послѣ продолжительнаго молчанія первымъ заговорилъ князь. Онъ смѣялся и издѣвался надъ кѣмъ-то. Едва успѣлъ онъ кончить, какъ буря снова поднялась, точно по его приказанію. Теперь даже его громкій голосъ, прерываемый ядовитымъ смѣхомъ, не могъ остановить ея. Князь смѣялся, а другіе бранились между собою. Послышались звуки разбиваемыхъ сосудовъ; столы и скамьи падали съ шумомъ, какія-то тѣни заслоняли собою свѣтъ, руки подымались вверхъ; ужасный крикъ раздался въ сѣняхъ и на дворѣ.

Челядь поднялась на ноги. Въ княжескихъ свѣтлицахъ буря шумѣла: крикъ, стукъ, гамъ, трескъ, призывы о помощи, которые

прекращались какъ-бы подъ давленіемъ сильной руки. Все это сливалось въ одинъ дикій ужасный шумъ, а надъ нимъ царилъ протяжный, адскій смѣхъ.

Хенго выглянулъ черезъ окно. Въ дверяхъ княжескаго дома онъ увидѣлъ большую черную массу, освѣщенную луною. Это была груда людей, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ; они грызли другъ друга зубами, царапали, душили одинъ другого; связанная длинными веревками, груда человѣческихъ труповъ и еще живыхъ людей передвигалась медленно; точно морской валъ передвинулась она въ преддверіе, а оттуда рухнулась на дворъ. Здѣсь началась ужасная борьба: связанные душили другъ друга; виднѣлись обнаженные мечи, ищущіе еще живыхъ головъ, руки сжимали все, что въ нихъ попадалось. Князь стоялъ на крыльцѣ, подбоченившись, и хохоталъ во все горло, хохоталъ ужасно, дико.

Движущаяся масса человѣческихъ тѣлъ ползала по двору, не будучи въ состояніи развязать веревокъ, сжимающихъ ее въ одно цѣлое. Иногда только отпадалъ отъ нея недвижный трупъ, обезображенный, съ раздавленными членами.

На землѣ, въ красныхъ лужахъ крови, луна спокойно отражала свой образъ. Оставшіяся еще въ живыхъ, несчастныя жертвы прятались подъ лѣстницы и заборы. Нѣсколько человѣкъ, болѣе живучихъ, старались привстать, но силы ихъ оставили и они со стономъ упали на землю, чтобы уже болѣе не подняться. Умирающіе наполняли воздухъ раздирающими душу криками.

Когда все стихло, князь ударилъ въ ладоши. По данному знаку, Смерда позвалъ княжескихъ слугъ и съ ними выбѣжалъ во дворъ.

— Въ озеро эту падаль!—крикнулъ князь.—Очистить дворъ! Вынесите этотъ гной!

Отдавая это приказаніе, князь пилъ медъ изъ чарки, которую поставилъ на скамьѣ и самъ опустился на нее.

Несмотря на лунную ночь, слуги зажгли смолистыя лучины, а князь спокойно смотрѣлъ на своихъ умирающихъ друзей, на свои жертвы. Еще не всѣ умерли. Нѣсколько полуживыхъ кметовъ, издавая послѣднее дыханіе, ревѣли и изрыгали проклятія; на землѣ валялись трупы.

У самой лѣстницы лежалъ умирающій старецъ; умирая, онъ проклиналъ:

— Чтобъ ты исчезъ, Хвостъ проклятый... ты... и кровь твоя, и потомство твое, и родъ, и имя... Чтобъ ты пропалъ, провалился сквозь землю!..

Князь хохоталъ, смотря на проклинающаго его старика.

Въ воротахъ показалось нѣсколько женщинъ, съ испугомъ глядѣвшихъ на эту рѣзню. Между тѣмъ, челядь, подъ начальствомъ Смерды, дѣятельно очищала дворъ, относя трупы къ стѣнѣ; здѣсь срывали съ нихъ одежду, брали мечи изъ окоченѣлыхъ рукъ, обрывали ножны, снимали сапоги... Ободранныя тѣла несли на насыпь, откуда бросали ихъ въ воду, несмотря на то, что во многихъ жизнь еще не угасла. Слышно было, какъ тѣла падали въ воду; смѣхъ вторилъ этимъ похоронамъ. Слуги забавлялись бросаніемъ тѣлъ въ озеро. Вороны поднялись съ башни и, прилетѣвъ на озеро, кружились надъ ними, каркая и махая крыльями.

Хенго сидѣлъ на скамьѣ; онъ остолбенѣлъ, онъ опасался тронуться съ мѣста, онъ невольно боялся и за себя. Онъ не могъ понять, чѣмъ провинились эти жертвы, кто они, и почему князь, вмѣсто того, чтобы жалѣть ихъ или сердиться, неистово хохоталъ.

Хенго, не зная, что дѣлать, потихоньку вышелъ изъ избы и, около стѣнъ, хотѣлъ пробраться къ сыну, въ сарай. Князь въ это время прохаживался передъ своимъ домомъ, напѣвая какую-то веселую пѣсню. Быстрый его глазъ замѣтилъ нѣмца въ тѣни.

— Эй, ты! Поди сюда!—крикнулъ князь и, какъ собакѣ, указалъ ему на свои ноги. Хенго боязливо приблизился. По походкѣ, по движенію и по словамъ не трудно было замѣтить, что князь напился до-пьяна.

— Вотъ видишь! Хорошій ужинъ!—говорилъ князь, смѣясь.— Что-жъ, нѣмецъ, видѣлъ ты, какъ они весело забавлялись? Имъ жарко было,—ну, теперь они купаются въ озерѣ! Они сами передушили другъ друга... Они сами... Моихъ людей тамъ не было ни одного... А медъ, а умъ зачѣмъ? Эй, вы, саксонцы и франки проклятые, вы всѣ умники, а? А кто-бы изъ васъ съумѣлъ избавиться такъ отъ этой дряни?

Князь хохоталъ, держась за бока.

— Для моихъ людей останется много одежды, а для меня земля и лошади. Вотъ такъ пиръ, и меду не жаль!

Князь не могъ удержаться отъ смѣха.

— Напейся и ты меду, рыжее рыло!—закричалъ онъ.

Хенго кланялся до самой земли, желая избавиться отъ тяжкаго испытанія, но тщетно. Мальчикъ поднесъ ему большую чарку меда, а когда онъ не рѣшался напиться, князь велѣлъ ему насильно лить въ горло. Двое слугъ поймали нѣмца, придержали его, а мальчуганъ открылъ ему ротъ пальцами и, смѣясь, вылилъ ему медъ въ горло. Нѣмецъ поклонился за угощеніе и намѣревался уйти, боясь за свою голову, которую легко можно было потерять въ эту минуту, но князь сѣлъ на скамью и призвалъ его. Нѣмецъ подошелъ къ скамьѣ.

— Что видѣлъ,—началъ полусонный князь,—разскажи старому графу. А какъ я началъ, такъ и окончу... Ни одинъ не ускользнетъ изъ моихъ рукъ. Сыновьямъ я оставлю миръ дома... Кметамъ хотѣлось слишкомъ высоко летать... Нужно было ихъ обуздать... Скажи, что я ихъ не боюсь... А помощи не прошу... что я ихъ уже много передушилъ и до послѣдняго уничтожу.

Вдругъ онъ какъ будто вспомнилъ о чемъ-то и далъ знакъ рукою, чтобы Хенго подошелъ ближе.

— Видѣлъ ты моихъ молодцовъ? Выросли?—началъ онъ, не дожидаясь отвѣта нѣмца.—Они должны быть не малы. Сильны они? Въ отца, или въ мать? Ходили на врага?

Хенго старался дать отвѣты на всѣ вопросы князя, котораго онъ боялся. Князь дремалъ, глаза его сами закрывались. Онъ съ просонья бормоталъ про себя:

— Я заведу у васъ порядокъ, будетъ вамъ ладъ... Будетъ у васъ Ладо... За бороду буду вѣшать у дороги... Я одинъ здѣсь князь и властелинъ... Моей быть волѣ, не вашей! Вонъ съ этою падалью... Вонъ!

Онъ открылъ глаза, замѣтилъ стоявшаго передъ нимъ нѣмца и улыбнулся.

— Видѣлъ охоту?—обратился князь къ Хенго.—Удачная охота.. Звѣрь жирный... Мои вороны покушаютъ до сыта...

Онъ началъ напѣвать какую-то пѣсню и снова вздремнулъ.

— Племянникъ безглазый... Еще двое ихъ осталось... и этихъ

приведутъ... Они уже клялись уничтожить меня... Жизни я у него не отнималъ... Пусть гніетъ въ темницѣ...

Онъ началъ считать по пальцамъ.

— Войтасъ... Жирунь... Гѣзло... Курда... Мстивой... Пять семействъ... Бабъ должны завтра сюда пригнать... и стада...

Онъ смѣялся, болталъ и дремалъ. Хенго боялся тронуться съ мѣста, не получивъ отъ князя разрѣшенія. Самборъ тоже вышелъ на дворъ,—спать ему не хотѣлось,—явилось и желаніе посмотрѣть на свирѣпаго властелина. Молодой парень тихонько подошелъ къ спящему князю; прислушиваясь къ его бормотанію, онъ невольно грозно посмотрѣлъ на него, встряхнулъ головою и немедленно возвратился въ избу.

Между тѣмъ, князь уснулъ крѣпкимъ сномъ. Храпѣніе его раздавалось все громче и громче, голова все ниже опускалась на грудь. Немного спустя въ дверяхъ показалась женщина и двое парней. Несмотря на сопротивленіе пьянаго Хвоста, они насильно подняли его и повели,—вѣрнѣе, потащили въ домъ. Двери за ними захлопнулись.

Хенго, опьянѣвшій отъ меда, испуганный разыгравшейся передъ его глазами кровавою драмою, придерживаясь стѣнъ, направился нетвердыми шагами къ своимъ лошадямъ и здѣсь легъ на соломѣ.

На дворѣ погасли лучины. Луна освѣщала черныя лужи застывающей крови и забытые у преддверія трупы, не могущіе до сихъ поръ еще проститься съ жизнью; кровь еще струилась изъ ранъ несчастныхъ кметовъ; они, опьянѣвшіе отъ меда, не чувствовали, какъ остатки жизни уходили изъ нихъ. Дворовые и челядь, показывая на нихъ пальцами, хохотали и глумились надъ умирающими.

— Всѣмъ имъ такъ будетъ, кметамъ, жупанамъ и старшинамъ, которые не хотятъ слушаться его милости, нашего князя.

Смерда заглядывалъ во всѣ углы и закоулки двора; слуги расходились ночевать по одиночкѣ. Тишина царствовала теперь въ городѣ, гдѣ недавно еще раздавались звуки пѣсенъ и стоны умирающихъ. Собаки выли, почуявъ кровь, а вороны, каркая, садились на верхушку башни, гдѣ были ихъ гнѣзда, или кружились надъ водою. По милости Смерды, нѣсколько забытыхъ жертвъ умирало спокойно.

Когда Хенго проснулся на слѣдующее утро, солнце успѣло уже пройти часть своего ежедневнаго пути. Надъ нимъ стоялъ Герда и старался разбудить отца, такъ-какъ князь звалъ нѣмца къ себѣ. Когда Хенго, умывшись, побѣжалъ къ нему, князь сидѣлъ одинъ у стола въ своей избѣ; передъ нимъ стояло жареное мясо, чарки пива и меду. Его затекшіе кровью глаза свирѣпо перебѣгали съ предмета на предметъ. Онъ долго смотрѣлъ на нѣмца молча. Наконецъ проговорилъ:

— Я знаю, зачѣмъ тебя прислали,—началъ онъ съ гордостью;— скажи, что я имъ благодаренъ, но въ помощи ихъ не нуждаюсь и нуждаться не буду. А если-бы когда-нибудь случилась въ ней надобность, я обращусь къ нимъ самъ. Мнѣ удобнѣе безъ нихъ, они даромъ не придутъ и какимъ-нибудь пустякомъ не зажмешь имъ ртовъ. Знаю я ихъ. Возвращайся къ нимъ и передай мой поклонъ старому графу; пусть учитъ хорошенько моихъ парней воевать; пусть живутъ тамъ и вернутся, когда я прикажу; теперь-же не время. Здѣсь еще нужно чистить; не скоро еще я избавлюсь отъ этихъ червей. Старый графъ пусть успокоится,—прибавилъ князь,—хотя здѣсь народъ дикій, привыкшій къ своеволію, но я съумѣю его обуздать.

Князь напился пива и задумался. Хенго стоялъ передъ нимъ. Наконецъ, онъ указалъ нѣмцу дверь.

Едва Хенго успѣлъ выйти отъ князя, какъ у порога встрѣтилъ того-же мальчугана, который вчера позвалъ его къ княгинѣ. Ея милости угодно было призвать къ себѣ нѣмца съ товаромъ. Хенго, взявъ свой узелъ, отправился къ ней.

Княгиня, окруженная своими слугами, дожидалась нѣмца въ той-же свѣтлицѣ, гдѣ онъ видѣлъ ее вчера. Слуги княгини были такъ-же блѣдны, какъ и ихъ госпожа: лица ихъ, быть можетъ, еще недавно подернутыя румянцемъ, выцвѣли здѣсь, вдали отъ родины, среди чужихъ. Хенго, какъ опытный торговецъ, зналъ, что кому слѣдуетъ показать. Въ Вишевой хижинѣ онъ показывалъ металлъ средняго достоинства, желтый и красный, здѣсь же онъ вынулъ изъ сумки серебряныя кольца, золотые листья и цвѣты, выдѣланные изъ тоненькихъ золотыхъ листочковъ, которыми женщины обшивали платья. Женщины немного оживились, смотря на блестящія бездѣлки; онѣ брали ихъ въ руки, приклады-

вали къ платьямъ. Хенго и не замѣтилъ, какъ весь его товаръ разошелся по рукамъ. Онъ стоялъ, не смѣя сказать ни слова, когда мальчуганъ отворилъ двери, и въ комнату вошелъ князь въ колпакѣ, закрывавшемъ ему почти совсѣмъ глаза. Стоя у порога, онъ смотрѣлъ на женщинъ, любуясь личиками тѣхъ, которыя, были моложе и красивѣе своихъ товарокъ. Князь бросилъ взглядъ и на товаръ, но какъ-то презрительно при этомъ улыбнулся, а когда княгиня замѣтила ему, что для ея женщинъ все это пригодилось-бы, князь, смѣясь, приказалъ нѣмцу оставить все, что принесъ.

Нѣмецъ не посмѣлъ даже заикнуться о замѣнѣ или возмездіи, а князь и не думалъ объ этомъ. Наконецъ, когда Хенго, желая спасти хотя оставшееся въ сумѣ добро, началъ ее связывать, князь нахмурился и крикнулъ:

— Скажи графу, что мы все это принимаемъ въ подарокъ для Брунгильды, и пусть онъ наградитъ тебя за это. Нечего здѣсь долго стоять. Совѣтую тебѣ возвратиться къ своимъ поскорѣе, да не оглядываться.

Хенго не дожидался, чтобы ему вторично повторили этотъ совѣтъ, и немедленно вышелъ, упрекая себя, что показалъ дорогой товаръ. Онъ уже былъ за дверью, когда княгиня, сжалившись надъ нимъ, выслала одну изъ своихъ прислужницъ сказать ему, чтобы онъ не печалился, что она вознаградитъ его за товаръ. Нѣмецъ обрадовался и остановился въ сѣняхъ. Къ нему вышла какая-то старуха и повела его въ ближайшую избу. Здѣсь груды мѣховъ и разнаго добра валялись на полу. Старуха позволила ему выбрать, что придется по его вкусу. Хенго, радуясь, что хотя чѣмъ-нибудь вознаградитъ свой убытокъ, подарилъ серебряную цѣпочку старухѣ, наложилъ себѣ на плечи мѣховъ и разныхъ кожъ, сколько былъ въ состояніи унести, и торопливо выбѣжалъ къ лошадямъ.

Суетливая бѣготня на дворѣ и крики, и призывы какъ-бы указывали ему, что ему нужно немедленно уходить отсюда, если не желаетъ потерять ни имущества, ни жизни. Когда Хенго вышелъ во дворъ, гдѣ стояли его лошади, до него долетѣли крики и оханія женщинъ, стоявшихъ у стѣнъ города.

Ворота были заперты. Со стороны моста слуги князя загора-

живали путь; Хенго теперь только увидѣлъ, что толпа всадниковъ и пѣшихъ воиновъ, между которыми было много женщинъ, требовала входа въ городъ, желая говорить съ княземъ.

Смерда и его товарищи бичами и копьями старались удержать напиравшую толпу. Плачъ, проклятія и угрозы наполняли воздухъ страшнымъ шумомъ.

Это были семейства кметовъ, жупановъ и старшинъ, вчерашнихъ княжескихъ гостей, которые уже узнали о страшной рѣзнѣ... Нельзя было увѣрить ихъ, что ничего подобнаго не было: окровавленные трупы плавали по озеру у самаго моста, нѣкоторые лежали на берегу, выброшенные сюда волною. Женщины плакали и протягивали къ нимъ руки, стоя на колѣняхъ и вырывая себѣ волосы въ отчаяніи. Трупы, это—вѣдь мужья ихъ и отцы! Братья ихъ и сыновья, скрежеща зубами, стояли подъ стѣнами города и проклинали Хвоста, не щадя самыхъ оскорбительныхъ названій.

Усиливающійся съ каждою минутою шумъ и крикъ услышалъ князь и вышелъ на крыльцо, остановился и, подбоченившись, смотрѣлъ на своихъ слугъ, отталкивающихъ толпу отъ входа въ городъ. Толпа съ каждою минутою становилась все больше. Разъяренные кметы показывали князю сжатые кулаки, но онъ хохоталъ надъ ихъ безсильнымъ гнѣвомъ.

Все это продолжалось довольно долго; наконецъ Смерда, по приказанію князя, впустилъ въ городъ троихъ изъ осаждающихъ. Несчастные шли съ обнаженными головами, заливаясь слезами; подойдя къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ князь, они хотѣли заговорить, но онъ началъ первый.

— За что-же вы проклинаете меня?—крикнулъ онъ;—собачьи сыны, ослушники! Чѣмъ я виноватъ? Я не трогалъ ихъ, ни одного изъ нихъ я не приказывалъ убивать, хотя я могъ это сдѣлать, и они заслужили казнь; имъ давно уже слѣдовало отрубить головы. Кто ихъ заставилъ ссориться и драться между собою? Изба въ крови, весь дворъ въ крови; они нарушили спокойствіе моего Столба. Какъ собаки, они грызли другъ друга и подохли.

Князь грозно показалъ кулаки.

— Подѣломъ! Старая славянская свобода засѣла имъ въ головы? Всѣмъ такъ будетъ, всѣмъ, кто только вздумаетъ добиваться свободы. Трупы плаваютъ, можете ловить ихъ, никто вамъ

не мѣшаетъ. Убирайтесь домой, пока еще цѣлы ваши головы. Не я ихъ убійца, повторяю вамъ,

Онъ еще не окончилъ своихъ угрозъ, когда изъ-подъ лѣстницы, гдѣ росла высокая трава и густой лопушникъ, поднялся полумертвый человѣкъ; онъ едва держался на поломанныхъ ногахъ. Лицо его, покрытое кровью, обезображенное и изуродованное, казалось лицомъ мертвеца. Искалѣченный княжескій гость, участникъ шумнаго пиршества, обратился въ сторону князя и, поднявъ вверхъ обѣ руки, закричалъ охрипшимъ голосомъ.

— Не онъ насъ убилъ! Онъ невиненъ! Онъ только дурману подсыпалъ въ медъ... натравливалъ брата на брата... дразнилъ, вызывалъ... глаза налились кровью, мы потеряли сознаніе... Онъ невиновенъ! Онъ... онъ,—повторялъ несчастный, стараясь подойти ближе къ князю,—онъ... собачье отродье... самъ нѣмой... чтобъ онъ сдохъ какъ собака!"

Полный негодованія, полумертвый кметъ нагнулся, поднялъ лежавшій у его ногъ камень, на которомъ виднѣлись слѣды засохшей крови и бросилъ его въ сторону князя. Должно быть, гнѣвъ его былъ великъ, потому-что, несмотря на его слабость, камень свиснулъ въ воздухѣ и, попавъ въ окно, разбилъ раму. Въ ту-же минуту княжескіе слуги бросились къ разъяренному старику и набросили ему петлю на шею. Старикъ упалъ; слуги потащили мертвеца къ насыпи, чтобы бросить его въ воду.

Кметы отошли въ сторону; увидѣвъ у ногъ своихъ обезображенное тѣло своего брата, они грозными криками мщенія потрясли воздухъ... Никто не посмѣлъ тронуть ихъ, и они, никѣмъ не задерживаемые, вышли къ своимъ, а нѣсколько времени спустя гурьбою, съ крикомъ и гамомъ, отъѣхали отъ города. Остались только женщины у моста, желая убрать тѣла убитыхъ воиновъ.

Княжескіе слуги вышли изъ города, не съ тѣмъ, чтобы помочь женщинамъ, но желая выбрать изъ нихъ болѣе красивыхъ и увести ихъ въ городъ. Трехъ красавицъ, несмотря на ихъ крикъ и сопротивленіе, слуги силою привели въ городъ. Князь съ улыбкою смотрѣлъ на шалости своихъ людей.

Немного времени спустя тишина воцарилась въ городѣ. У стѣнъ, по берегамъ озера, женщины относили въ сторону мертве-

цовъ, которыхъ вода выбросила на берегъ. Другія на лодкахъ плыли къ тѣмъ трупамъ, которые еще покоились на поверхности воды.

Хенго торопился привязать къ лошадямъ остатки своего имущества и полученныя отъ княгини мѣха и кожи, чтобы поскорѣе убраться изъ города. Хенго и Герда, еще болѣе испуганный, чѣмъ его отецъ, торопливо бѣжали, чтобы до полудня успѣть выѣхать за городскія стѣны. На пути они встрѣтили поджидавшаго ихъ Самбора. Опечаленный и унылый Самборъ подошелъ къ нѣмцу. Онъ убѣдился сначала, не подсматриваетъ-ли за ними кто-нибудь изъ слугъ.

— Добрый человѣкъ,—обратился онъ къ Хенго:—мнѣ кажется ты не злой человѣкъ, скажи, на обратномъ пути проѣдешь ты мимо Вишева села?

Не смѣя или не желая отвѣчать, Хенго наклоненіемъ головы подтвердилъ догадку Самбора.

— Передай имъ мой поклонъ,—просилъ Самборъ,—я скучаю безъ нихъ, хотя здѣсь нѣтъ недостатка въ весельи и славно живется у князя. Чего-же еще? Смѣху вдоволь!.. Разскажи имъ все, что ты видѣлъ, и какъ мы тутъ славно пируемъ!.. Они будутъ радоваться, что я здѣсь. Можетъ быть, я-бы убѣжалъ отсюда, и стѣны, и вода, и колоды не удержали-бы меня, если-бы здѣсь не было такъ весело. Разскажи,—повторилъ онъ,—обо-всемъ, что ты здѣсь видѣлъ.

Хенго, видимо, былъ недоволенъ этою задержкою; онъ смотрѣлъ то на своихъ лошадей, то въ сторону города, боялся звука собственнаго голоса и потому кивнулъ Самбору головою.

— Скажи имъ,—прибавилъ еще Самборъ,—что вчера здѣсь было много кметовъ, многіе изъ нихъ поплатились жизнью, и какія похороны имъ были! Обѣщаютъ, что каждый день будетъ такое веселье. Въ темницѣ, подъ башнею, не считая племянника, которому вырѣзали глаза, сидитъ тоже нѣсколько кметовъ; придетъ очередь и для другихъ.

Хенго, все кивая головою и оглядываясь на башню, далъ знакъ рукою Самбору, чтобы онъ посторонился. Нѣмецъ и его сынъ сѣли на лошадей—времени нельзя было терять понапрасну. Князь съ своего крыльца видѣлъ, какъ они тронулись, но ничего

не сказалъ. Когда Хенго очутился за стѣнами города, лицо его повеселѣло. Онъ предпочиталъ пустыню княжескому гостепріимству.

Отецъ и сынъ поскакали тѣмъ-же самымъ путемъ, которымъ вчера Смерда привелъ ихъ въ городъ. Дорога была такъ-же пустынна какъ вчера. До тѣхъ поръ, пока можно было видѣть высокій Столбъ и летающія надъ нимъ стада черныхъ хищниковъ, нѣмецъ съ боязнью оглядывался по сторонамъ, какъ-бы ожидая съ минуты на минуту приказанія вернуться обратно въ городъ. Герда не смѣлъ проговорить ни слова: бѣдняга еще дрожалъ отъ испуга. Вскорѣ они въѣхали въ густой лѣсъ и здѣсь вполнѣ успокоились. Хенго, привыкшій къ скитаніямъ, запомнилъ до мельчайшихъ подробностей тѣ мѣста, по которымъ велъ ихъ Смерда. Однакожъ осторожный нѣмецъ, желая избѣжать возможной встрѣчи болѣе грозныхъ людей, чѣмъ слѣпые гусляры, предпочелъ ѣхать лѣсомъ, заранѣе обдумывая мѣсто ночлега, потому-что не разсчитывалъ въ одинъ день доѣхать до Вишева жилища. Наши путники смѣло проѣхали въ-бродъ рѣку. До сихъ поръ они никого еще не встрѣтили на пути. Вдали только козы, увидя людей, бѣжали въ лѣсъ, а стаи птицъ перелетали на сосѣднія болота.

Начало вечерѣть... Хенго увидѣлъ на пригоркѣ большой камень, окруженный цѣлымъ лѣсомъ меньшихъ. Это мѣсто Хенго хорошо запомнилъ. Здѣсь они отошли отъ рѣки въ глубь лѣса и остановились на небольшой полянѣ. Корму для лошадей было здѣсь много. Хенго и Герда развели огонь, построили небольшой шалашъ изъ вѣтвей и улеглись въ немъ на землѣ.

Майская ночь прошла скоро; чуть свѣтъ завывающая вдали и приближающаяся къ нимъ буря разбудила ихъ громовыми ударами и ливнемъ. Хенго заторопился. Немного спустя они ужъ сидѣли верхомъ, готовые тронуться въ путь. Хенго обратился къ сыну съ увѣщаніемъ.

— Ты смотрѣлъ и слушалъ,—сказалъ онъ сыну,—видѣлъ все, что происходило въ городѣ. Я велѣлъ тебѣ молчать и дѣлать видъ, что ты не понимаешь ихъ рѣчи! Молчи и теперь—не говори ни слова.

Хенго, а за нимъ Герда, поскакали впередъ, направляясь къ Вишевой хатѣ. Дождь не переставалъ идти ни на минуту, лошади

скользили по мокрой землѣ; всадники волей-неволей принуждены были убавить шагу. Солнце начало просвѣчивать сквозь тучи, когда они увидѣли заборы, избы и столбы выходящаго изъ нихъ дыма... На лугу паслись лошади и жеребята.

Вишъ стоялъ на пригоркѣ у рѣки и осматривалъ свое хозяйство; собаки лежали у ногъ старика. Нѣмецъ издали поклонился хозяину, и старикъ сейчасъ-же направился къ нему. Собаки готовы были броситься на чужого, но Вишъ заставилъ ихъ притихнуть и отогналъ прочь.

Въ глазахъ Виша виднѣлось любопытство; онъ, казалось, былъ крайне удивленъ тѣмъ, что нѣмецъ вернулся отъ князя цѣлъ и невредимъ; онъ внимательно осматривалъ своего гостя, бросая взглядъ также на его сына, лошадей и сумы.

— О! Что-то не долго пробылъ ты въ городѣ,—сказалъ онъ улыбаясь.—Какъ устроилъ свои дѣла, ничего?

— Э! Нечего было дѣлать тамъ, даромъ время терять не хотѣлось, я и уѣхалъ,— отвѣчалъ Хенго.—Притомъ-же, мнѣ надо было поскорѣе выѣхать изъ незнакомыхъ мѣстъ.

Отвѣчая Вишу и убѣдившись, что собаки не бросятся на него, нѣмецъ передалъ поводья Гердѣ, а самъ отправился за хозяиномъ. Когда они остались одни, Вишъ посмотрѣлъ въ глаза нѣмцу, какъ-бы желая прочитать въ нихъ то, чего Хенго не хотѣлъ сказать.

— Какія новости въ городѣ?—спросилъ онъ.

Хенго долго молчалъ, какъ-бы не зная, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Немногое пришлось мнѣ видѣть, еще меньше слышать,— сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Парень вашъ присылаетъ всѣмъ поклонъ... Ему тамъ, кажется, понравилось.

— Молодому вездѣ хорошо,—проговорилъ какъ-бы про себя старикъ и вздохнулъ.

Изъ отвѣта нѣмца не трудно было заключить, что ему не хотѣлось отвѣчать на вопросы хозяина. Вишь началъ осторожно разспрашивать Хенго о князѣ, о жизни въ городѣ, о томъ и другомъ, что его интересовало, но, не получая удовлетворяющихъ его любопытство отвѣтовъ, замолкъ.

Парни встрѣтили Герду у воротъ, какъ хорошаго знакомаго, отвели его и его лошадей въ сарай. Герда дрожалъ, не будучи

въ состояніи успокоиться отъ вчерашняго испуга и сегодняшняго дождя, промочившаго его до костей. Челядь Виша, замѣтивъ, что парень дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, и не зная, что онъ понимаетъ ихъ языкъ, почти насильно повела его въ хижину, гдѣ веселый огонь пылалъ на каминѣ.

Въ этой избѣ женщины приготовляли тѣсто для хлѣба, пересѣявали муку, а служанки, напѣвая веселыя пѣсни, вращали жернова.

Почти не было работы дома или въ полѣ, за которою, по тогдашнимъ обычаямъ, славяне не пѣли-бы веселыхъ, а иногда и печальныхъ пѣсенъ. Пѣсня—это былъ лучшій другъ труда, особенно женскаго. Молодыя дѣвушки, точно птички, пѣли все время пока были молоды. Пѣснѣ обучались вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ. Славяне пѣли, погоняя скотину въ поле; пѣли пѣсни въ честь Гонилы, пася свой скотъ; женщины пѣли за прялкою, пѣли вращая жернова, пѣли когда радовались чему-нибудь или печаль-горе тяготило ихъ. Были у нихъ старыя пѣсни, которымъ дочери обучались отъ своихъ матерей, чтобы потомъ выучить имъ своихъ внучатъ; пѣсни, созданныя цѣлые вѣка тому назадъ, изъ которыхъ—по пословицѣ—и одного слова нельзя было выбросить. Но, кромѣ этихъ, были и веселыя или заунывныя пѣсни, которыя выходили прямо изъ сердца поющаго, а кто ихъ первый запѣлъ, тотъ самъ не зналъ, откуда онѣ явились и какъ сложились у него. Кто-нибудь подслушаетъ, прибавитъ къ нимъ два-три слова, измѣнитъ въ нихъ что-нибудь третій, и такъ рождались эти пѣсни отъ многихъ, никому неизвѣстныхъ отцовъ; какъ вдовьи лепты, шли онѣ въ народную сокровищницу, невѣдомо кѣмъ брошенныя въ нее, увеличивая народное богатство.

Когда Герда вошелъ въ избу и услышалъ эти пѣсни, которыя его родная мать любила напѣвать на чужой землѣ, когда испытывала горе и заливалась слезами, онъ невольно прослезился. Сердце у него билось такъ сильно, какъ-будто тутъ же около него стояла его родная мать. Онъ забылъ, что ему запрещено говорить, что онъ долженъ прикидываться нѣмымъ, и невольно вырвалось у него.

— Мать моя... родная!

У самыхъ дверей стояла Дива; присматривая за слугами,

прислушиваясь къ ихъ пѣснямъ и она тихо что-то напѣвала. Она одна только услышала произнесенныя Гердою слова. Мальчикъ, замѣтивъ свою ошибку, покраснѣлъ и забился въ самый темный уголъ. Дива подошла къ нему и, протянувъ къ нему руку, дотронулась до его плеча. Герда дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Не бойся,—сказала она ему,—я никому не скажу.

Она отошла къ очагу, налила пива въ горшокъ, приставила его къ огню, затѣмъ поднесла Гердѣ, который съ жадностью схватилъ поданный ему напитокъ, смотря на Диву блестящими отъ слезъ глазами.

Этимъ взглядомъ онъ благодарилъ Диву. Дѣвушка взяла Герду за руку и повела въ сѣни. Герда взялъ ея руку, какъ въ дѣтствѣ бралъ когда-то въ свои ручонки руку матери, и поцѣловалъ. На рукѣ Дивы осталась его слеза.

— Мнѣ запретили говорить! — едва слышно проговорилъ Герда.—Отецъ убьетъ меня, если узнаетъ! Не говори никому, не говори! Я не нѣмой, мать моя говоритъ по вашему; она изъ вашихъ.

Дива гладила его рукою по головѣ.

— Ничего и никого не бойся,—сказала ему Дива,—разскажи мнѣ, что видѣлъ ты въ городѣ?

— Ахъ, ужасныя, страшныя дѣла! Отъ нихъ волосы дыбомъ становятся на головѣ, и дрожь, по костямъ пробѣгаетъ! Я видѣлъ тамъ кровь... цѣлыя лужи крови... всю ночь слышалъ стоны умирающихъ и смѣхъ дикій, точно голосъ филина!

Онъ умолкъ, боязливо оглядываясь.

— Говори,—сказала ему Дива,—всю правду говори, какъ сказалъ-бы ее родной матери, если-бы она велѣла тебѣ разсказать обо всемъ, что ты видѣлъ тамъ.

Нѣжный голосъ дѣвушки растрогалъ мальчика.

— Намъ нуженъ твой разсказъ,—прибавила она, лаская Герду, и наклонилась къ нему.

Гердо со слезами на глазахъ началъ ей разсказывать обо всемъ, что происходило вчера у княжескаго Столба, какой кровавый пиръ устроилъ князь, какъ на дворѣ убивали другъ-друга опьянѣлые кметы, какъ потомъ ихъ мертвыя тѣла бросали въ озеро, какъ князь хохоталъ при этомъ, а вороны каркали и со-

баки выли съ радости или боязни. Онъ говорилъ ей потомъ, какъ голодныя собаки князя пили кровь изъ лужъ, которыми былъ переполненъ весь дворъ, какъ на слѣдующій день утромъ плакали и горевали женщины, какъ онѣ собирали трупы и проклинали князя.

Герда разсказывалъ, а Дива блѣднѣла; ея нѣжное дѣвичье лицо приняло мужественное выраженіе, глаза, казалось, горѣли тысячами огней изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, а ея бѣлыя руки сжимамались, какъ будто-бы она въ нихъ держала мечъ. Все выше и выше гордая красавица поднимала свое чело, на которомъ гнѣвъ и печаль мѣнялись съ каждою минутою, покрывая его красною и мертвенно-блѣдною краскою.

Герда приходилъ уже къ концу своего разсказа, когда Вишъ и Хенго вошли въ сѣни. Словоохотливый мальчуганъ, опасаясь быть замѣченнымъ отцомъ, едва успѣлъ проскользнуть изъ сѣней около стѣнъ и заборовъ въ сарай, гдѣ стояли лошади, припалъ къ землѣ и накрылся кускомъ сукна, которое ему попалось подъ руки. Дива, какъ вкопанная, стояла въ сѣняхъ, не будучи въ состояніи тронуться съ мѣста. Когда Вишъ, проходя около нея, посмотрѣлъ ей въ лицо, онъ прочелъ на немъ, что въ ея душу попала искра, отъ которой закипѣли въ ней гнѣвъ и месть. Дива глазами объяснила отцу, чтобы онъ теперь ее ни о чемъ не спрашивалъ. Вишъ понялъ свою любимицу и прошелъ мимо нея съ Хенго, дѣлая видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на свою красавицу-дочь.

Едва Хенго успѣлъ войти въ избу, какъ всѣ пѣсни затихли: точно по волшебному мановенію умолкли. Смѣхъ только пробѣжалъ отъ одного конца избы къ другому, какъ вѣтеръ по верхушкамъ деревьевъ. Теперь слышенъ былъ трескъ горящихъ дровъ на очагѣ, жернова шипѣли, у огня кипѣла вода, да остатки дождя мѣрно катились съ крыши и падали на камни передъ окнами.

Хенго приняли, какъ подобало принимать гостя, но нѣмецъ сѣлъ за столомъ, угрюмый и недовольный собою; онъ молчалъ и, казалось, ротъ его не намѣренъ былъ открываться для вопросовъ. Напрасно Вишъ разспрашивалъ, напрасно старуха Яга, которая принесла большую миску съ кушаньемъ, старалась узнать, какъ живется ея Самбору—Хенго отдѣлывался незнаніемъ.

Небо начало проясняться. Черная туча, принесшая съ собою бурю, все еще стояла надъ лѣсомъ; по темной ея одеждѣ передвигались молніи, точно змѣи, но надъ хижиной Виша лазурное небо улыбалось, а солнце посылало ласкающіе лучи свои. Пернатыя пѣвуньи стряхивали остатки дождя съ своихъ крылышекъ, сидя на крышѣ хаты, или чирикая и летая вокругъ дома. Ласточки собирали тину для своихъ жилищъ, а воробьи вели нескончаемые споры изъ-за найденнаго зернышка. Аистъ собирался въ путь-дорогу.

Нѣмецъ едва дотронулся до кушанья. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ. Вишъ, отдавъ оставленныя у него сумы Хенго, простился съ нимъ молча, и вскорѣ нѣмецъ исчезъ въ лѣсу. Вишъ, стоя у воротъ, смотрѣлъ вслѣдъ за отъѣзжающими. Въ это время къ нему подошла Дива. Вишъ ласково улыбнулся своей любимицѣ. Каждый разъ какъ старикъ взглядывалъ на свою красавицу-дочь, всегда на лицѣ его можно было замѣтить улыбку. Она обыкновенно улыбкою отвѣчала на улыбку старика, но теперь она не могла смѣяться: печаль и горе подавляли Диву. Красавица взяла отца за руку и повела къ рѣкѣ.

— Ничего тебѣ нѣмецъ не говорилъ?—спросила она.

— Молчалъ, точно могила,—отвѣчалъ старикъ.

— А мнѣ удалось многое узнать отъ нѣмого мальчика,—начала Дива.—Сынъ Хенго разсказалъ мнѣ ужасы! Тебѣ необходимо знать все—отъ Столба дуютъ все болѣе и болѣе грозные вѣтры. Послушай! Мальчикъ не лгалъ, онъ дрожалъ весь отъ испуга, разсказывая мнѣ вчерашнюю исторію, и плакалъ.

Дива вполголоса начала объяснять старику все, что узнала отъ Герды. Вишъ слушалъ молча: онъ, точно камень, ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ не выразилъ гнѣва или ужаса. Дива давно уже окончила свой разсказъ, а Вишъ все слушалъ. Долго еще думалъ старикъ свою думу, наконецъ поднялъ голову и глубоко вздохнулъ.

— Пора!—произнесъ онъ,—пусть совершится, чему не миновать. Нужно созвать вѣче; давно ужъ его не было, безъ него люди потеряли голову. Пора намъ посовѣтоваться, разослать призывы, собрать всю братію. Пусть берутъ мою старую голову, если она

имъ на что-нибудь пригодится; что прикажутъ, все сдѣлаю, а ты, красавица моя, молчи!

Дива подошла къ отцу и поцѣловала его въ руку.

— Коляда не оставитъ тебя,—сказала она.

V.

Немного времени спустя Вишъ вышелъ изъ своей избы, но онъ до того измѣнился, что трудно было узнать въ немъ того-же прибитаго горемъ старца, который часъ тому назадъ съ опущенною внизъ головою слушалъ разсказъ Дивы. Дома онъ обыкновенно носилъ полотняную одежду и ходилъ безъ сапогъ; теперь-же старикъ одѣтъ былъ въ дорожное платье— новую коричневаго цвѣта сермягу, обшитую синими лентами; на ногахъ у него были одѣты кожаные сапоги, перевязанные красными шнурами, на головѣ мѣховая шапка съ бѣлымъ перомъ. У кушака висѣли блестѣвшій отъ солнца мечъ и праща, а черезъ плечо Вишъ забросилъ лукъ и пучокъ стрѣлъ. Онъ выглядѣлъ теперь истымъ воиномъ; поступь твердая, гордо подымающаяся голова и повелительный, звучный голосъ — все это придавало старику воинственный видъ. Онъ на двадцать лѣтъ казался теперь моложе.

У воротъ два парня держали трехъ осѣдланныхъ скакуновъ, покрытыхъ попонами; парни были вооружены и чисто одѣты. Они дожидали здѣсь своего хозяина, готовые отправиться въ путь по его приказанію. Всѣ—родня и слуги—провожали Виша и цѣловали его руки. Старуха Яга, отирая слезы фартукомъ, шла за мужемъ; она предугадывала, бѣдняга, что быть горю непремѣнно. Старый Вишъ, который столько лѣтъ никуда не ѣздилъ со двора, развѣ въ лѣсъ или на пчельникъ—вдругъ, никому не говоря ни слова куда и зачѣмъ, въ путь собрался, одѣлся, приказалъ приготовить лошадей и вотъ прощается со всѣми.

Старуха и Дива слѣдовали за Вишемъ до самыхъ лошадей. Пѣгій конь стараго воина нетерпѣливо билъ копытомъ объ землю, ожидая своего господина. Умное животное, увидѣвъ Виша, обратило свою голову въ его сторону и весело заржало. Одинъ изъ парней подскочилъ къ Вишу, желая помочь ему сѣсть на лошадь,

но старикъ, какъ будто-бы къ нему вернулась сила давно минувшей молодости, вскочилъ безъ всякой помощи на своего коня, поклонился своимъ, рукою указалъ по направленію къ лѣсу,—и трое всадниковъ молча тронулись въ путь. Долго они ѣхали вдоль рѣки по ея берегу. Въ одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько жалкихъ хижинъ у самой воды, передъ ними висѣли сѣти на высокихъ жердяхъ, нѣсколько лодокъ отдыхало на пескѣ. Хижины выглядѣли убого; до половины зарытыя въ землѣ жилища эти всетаки имѣли болѣе бодрый видъ, чѣмъ ихъ обитатели. Вишъ громко крикнулъ, желая вызвать кого-нибудь изъ жителей этой бѣдной, заброшенной деревушки. Двое полунагихъ мужчинъ выбѣжало на этотъ зовъ. Вся эта деревня выросла очень недавно на земляхъ старика: основало ее здѣсь нѣсколько никому неизвѣстныхъ бѣдныхъ скитальцевъ. Деревня носила названіе Рыбаковъ. Нѣсколько дѣтей и почернѣвшая отъ дыма старуха, заслышавъ голосъ хозяина, убѣжали отъ него, остались только мужчины. Они бросали косые, боязливые взгляды на старика, едва отвѣчая на его вопросы.

Нѣсколько дальше въ лѣсу Вишу и его спутникамъ попалась на пути такая-же почти деревушка, Бондари. Нѣсколько жалкихъ хатъ тѣснились одна около другой. У дверей каждой изъ нихъ лежали кучи стружекъ и разбросанныя въ безпорядкѣ деревянныя издѣлія. Въ эту минуту ни въ одной хижинѣ не было живого человѣка: женщины и дѣти ушли въ лѣсъ за грибами, мужчины искали дровъ для клепокъ. Двери во всѣхъ хатахъ были настежъ открыты, по туземному обычаю, и ни одинъ прохожій никогда не полакомился чужимъ добромъ. Въ каждой избѣ на столѣ лежалъ ножъ, хлѣбъ, а въ кувшинѣ стояла вода. Все было открыто: сараи, амбарчики и погреба.

Одинъ изъ парней вошелъ въ первую избу, напился воды и сейчасъ-же вернулся. Отсюда наши путешественники повернули влѣво и лѣсомъ подвигались дальше; тропинки, не только-что дороги, не было здѣсь и слѣда, а старый Вишъ и его спутники ни разу не сбились съ дороги, которая скорѣе всѣхъ вела къ желанной цѣли. Охотнику извѣстны всѣ урочища, каждое опрокинутое вѣтромъ дерево, долина въ лѣсу или ручей.

До самой ночи Вишъ и его слуги все подвигались впередъ.

Звѣзды давно ужъ блестѣли на небѣ, когда они остановились, чтобъ выбрать мѣсто поудобнѣе для ночлега. Парни въ одну секунду построили шалашъ для старика; одинъ остался сторожить лошадей, другой легъ у входа въ шалашъ.

Ночь прошла спокойно. Старикъ проснулся раньше всѣхъ и чуть свѣтъ они уже отправились въ путь. Вишъ указывалъ, по какому направленію слѣдуетъ ѣхать: онъ зналъ каждое дерево своихъ и сосѣднихъ съ нимъ лѣсовъ. Задумываться о выборѣ пути старикъ не имѣлъ обыкновенія, въ немъ еще не исчезъ инстинктъ охотничьихъ племенъ; Вишъ даже въ чужомъ лѣсу съумѣлъ-бы найти дорогу, онъ жилъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ.

По-временамъ старикъ полною грудью вдыхалъ воздухъ, опрѣдѣляя по немъ близость дубравы, луга или полей. Тотъ или другой видъ травы, такъ или иначе наклоняющіяся вѣтви, мохъ, покрывающій стволы деревьевъ, наконецъ кусты и лужайки служили ему примѣтой. Полетъ птицъ, направленіе, по которому бѣжалъ испуганный звѣрь—и это принималось во вниманіе старикомъ, который по этимъ даннымъ всегда удачно опредѣлялъ направленіе, котораго надлежало держаться.

Около полудня всадники выѣхали изъ лѣсу и очутились на широкомъ лугу, по самой серединѣ котораго журчащій ручей прокладывалъ себѣ узорчатую дорогу. Вдали, на возвышенномъ берегу этого ручья, виднѣлся домъ, окруженный заборами, а надъ нимъ высоко подымался столбъ дыма.

Вишъ, увидя жилище, вынулъ рогъ и три раза протрубилъ въ него. Между тѣмъ, всадники все приближались къ селу, около котораго на поляхъ работали мужчины и женщины. Одинъ парень подбѣжалъ къ лошади, стоявшей на лугу, вскочилъ на нее и, погоняя ее руками, поскакалъ по направленію къ старику и его слугамъ; но увидя, что въ гости къ нимъ ѣдетъ Вишъ, повернулъ назадъ и поскакалъ къ своимъ.

Видно, сюда рѣдко заѣзжали гости, потому-что работники съ любопытствомъ тѣснились у воротъ, а изъ-за забора виднѣлись бѣлые платки женщинъ. Вишъ еще не доѣхалъ до воротъ, когда въ нихъ показался мужчина высокаго роста въ бѣлой домашней одеждѣ, съ накинутою на плечи сермягою. Густые бѣлокурые волосы длинными прядями спускались ему на плечи, борода едва

начинала покрываться рѣдкими волосами, а румяное лицо его осѣнялось привѣтливою, веселою улыбкою. Издали увидѣвъ Виша, молодой мужчина, желая выказать радость рѣдкому и уважаемому гостю, рукою посылалъ ему привѣтствія. Старикъ тѣмъ-же отвѣтилъ хозяину. Не доѣзжая до воротъ, Вишъ остановилъ лошадь и соскочилъ на землю.

— Въ добрый часъ, господинъ мой милый!—воскликнулъ молодой хозяинъ.—Такого гостя, какъ старый Вишъ, моя убогая хижина никогда не надѣялась видѣть.

Говоря это, онъ съ почтеніемъ приблизился къ Вишу, точно къ родному отцу, взялъ его за руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Я радъ тебѣ, какъ солнцу!—говорилъ онъ весело,—но мнѣ и досадно: чѣмъ трясти старыя кости, отецъ мой, приказалъ-бы ты молодому Доману явиться къ тебѣ и онъ тотчасъ-же исполнилъ-бы твое приказаніе.

— И у старика является желаніе погулять по бѣлу свѣту, да посмотрѣть, все-ли на немъ въ порядкѣ, не измѣнилось-ли что-нибудь,—отвѣчалъ старикъ.

Они обнялись, и Доманъ повелъ Виша въ свѣтлицу. Жилье Домана тоже стояло по серединѣ большого двора, со всѣхъ сторонъ окруженнаго сараями и избами. Видно было, что молодой человѣкъ хорошій хозяинъ: все было выбѣлено, выкрашено, а на крыльцѣ — деревянныя украшенія, о которыхъ старикъ Вишъ и не подумалъ-бы. Надъ окошками и на крыльцѣ во многихъ мѣстахъ висѣли пучки душистыхъ травъ. Женщинъ совсѣмъ не было видно, онѣ всѣ разбѣжались по избамъ, когда увидѣли чужого. Свѣтлица, въ которую вошелъ Вишъ въ сопровожденіи хозяина, была чисто выметена, но въ ней замѣчалось отсутствіе женщины, потому-что въ очагѣ огня не было... Въ углу стояло покрытое кожею деревянное ложе, по стѣнамъ красовались луки, стрѣлы, мечи, пращи, рога звѣрей и недавно снятыя съ нихъ кожи. На столѣ лежалъ бѣлый хлѣбъ, которымъ хозяинъ угостилъ Виша, а затѣмъ предложилъ ему сѣсть на скамью; самъ-же продолжалъ стоять передъ старикомъ. Вишъ долго уговаривалъ Домана сѣсть возлѣ него и почти насильно заставилъ его занять мѣсто на скамьѣ рядомъ съ собою. По глазамъ Домана было замѣтно, что онъ съ нетерпѣніемъ желаетъ

узнать причину посѣщенія старика, но не рѣшается разспрашивать его. Вишъ тоже не торопился съ объясненіями; онъ началъ говорить о хозяйствѣ, объ охотѣ. Наконецъ, принесли медъ, хозяинъ предложилъ гостю чарку.

Они одни остались въ избѣ.

— Ты угадалъ,—началъ старикъ,—что я не безъ цѣли пріѣхалъ къ тебѣ; прямо скажу, недобрую вѣсть я привезъ. Теперь намъ скверно живется, но еще худшая жизнь ждетъ насъ въ будущемъ, и въ самомъ недалекомъ будущемъ.

— Будемъ-же такъ дѣлать, чтобы стало лучше,—отвѣчалъ Доманъ.

— Недолго ждать придется, какъ и міръ, и вѣче, и мы, кметы, исчезнемъ съ лица земли,—сказалъ Вишъ:—всѣхъ насъ спутаютъ по рукамъ и по ногамъ. Люди обыкновенно говорятъ, что въ старыхъ головахъ ни съ того ни съ сего зарождается недовѣріе, какъ въ старой бочкѣ плѣсень; но суди самъ, имѣетъ-ли основаніе мое горе или нѣтъ. Князь и всѣ Лешки болѣе не считаютъ насъ свободными людьми. Кметовъ и жупановъ, родившихся свободными на нашей землѣ, хотятъ подвергнуть тяжкой неволѣ. Они хотятъ всѣхъ насъ сдѣлать своими рабами. Они угрожаютъ намъ, прижимаютъ насъ все болѣе и болѣе; насъ хотятъ выжить точно пчелъ, отъ которыхъ избавляются, когда хотятъ очистить улей. Хвостекъ на озерѣ, на Гоплѣ, черезчуръ уже проказничаетъ. Вотъ третьяго дня онъ позвалъ кметовъ къ себѣ въ гости. Дали имъ какой-то отравы въ напиткѣ... Нѣмка готовитъ его на нашу погибель. Среди пира начали они ругать, бить да грызть другъ друга; кончилось тѣмъ, что они перебили одинъ другого. Тѣла ихъ Хвостекъ велѣлъ бросить въ озеро, точно падаль. У Самона дѣвку-красавицу взяли силою, а княгиня назначила ее князю въ наложницы. По нашимъ селамъ разъѣзжаютъ Смерда и слуги князя, берутъ у насъ людей, женщинамъ отъ нихъ покоя нѣтъ. Никто не знаетъ, господинъ-ли онъ у себя или нѣтъ, не сегодня-завтра могутъ отнять и хату, и землю, и дѣтей... Да. Что-же, должны мы все это переносить, молчать и по бабьему только руки ломать, да слезы проливать? Говори, Доманъ!

Лицо Домано горѣло гнѣвомъ, щеки его пылали, губы тряслись

какъ въ лихорадкѣ; онъ старался сдерживать свой гнѣвъ; но когда Вишъ кончилъ, Доманъ не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Эй! Эй! Давно ужъ слѣдовало намъ уничтожить это гнѣздо осъ и сравнять его съ землею.

— Слово сказать легко, Доманъ,—замѣтилъ старикъ,—но отъ слова до дѣла еще далеко. Крѣпко держится проклятое гнѣздо, крѣпко прилипло оно къ Столбу.

— А Столбъ не духи строили, но люди, человѣческія руки могутъ его также и уничтожить,—сказалъ Доманъ.

— Такъ нельзя разсуждать,—проговорилъ Вишъ послѣ нѣкотораго молчанія,—откуда Столбъ взялся, объ этомъ никто не знаетъ. Онъ стоялъ уже на мѣстѣ, когда жили наши праотцы. Одно вѣрно: тѣ, кто его строилъ, были не наши; тотъ народъ исчезъ съ лица земли.

Доманъ, не находя отвѣта на это замѣчаніе, промолчалъ.

— Да, впрочемъ,—продолжалъ Вишъ,—намъ разсуждать объ этомъ нечего; это—дѣло міра, онъ найдетъ средство спасти своихъ дѣтей.

Старикъ многозначительно посмотрѣлъ въ глаза молодому человѣку. Доманъ только и ждалъ этого нѣмого предложенія.

— Нужно разослать приглашеніе всѣмъ кметамъ и жупанамъ и созвать общее вѣче старшинъ. Пусть соберутся всѣ наши селяне и поляне; мы начнемъ, а за нами и другіе...

— Твое слово лучше приказанія,—отвѣчалъ Доманъ,—хорошо созвать вѣче; но позволь прежде и мнѣ сказать свое слово. Кого звать и куда? Тебѣ хорошо извѣстно, что у Хвостка есть свои и среди нашихъ кметовъ; Лешки размножились; ихъ много, очень много; нужно, значитъ, сперва осторожно разузнать кое о чемъ, да прислушаться ко всему хорошенько и разсчитать свои силы раньше, чѣмъ начнемъ дѣло, а то могутъ насъ задавить. Пока насъ горсть, не больше.

— Я также думаю, согласился Вишъ.—Знаю я хорошо, что у Хвостка нѣтъ недостатка въ друзьяхъ и что многіе изъ нашихъ считаются въ числѣ его пріятелей, но я тоже и то знаю, Доманъ, что не весь Лешій родъ будетъ стоять за него. Родныхъ своихъ дядей князь притѣсняетъ, обратилъ ихъ въ кметовъ; племянникамъ своимъ — однимъ выкололъ глаза, а другіе изъ боязни не

оставляютъ своего городища ни на минуту. Они станутъ на нашу сторону.

— На вѣчѣ все это объяснится, увидимъ, что и какъ дѣлать,— отвѣчалъ Доманъ,—не теряя времени, нужно созвать вѣче.

— Сперва слѣдовало-бы побывать у того и другого, чтобы разузнать хорошенько, какъ наши кметы смотрятъ на это дѣло,— прервалъ старикъ,—поѣдемъ вдвоемъ, Доманъ, посмотримъ, поговоримъ и съ кметами, и съ Лешками.

— Поѣдемъ,—согласился Доманъ.—Я готовъ ѣхать съ тобою, отецъ Вишъ. Отдохни у меня, а потомъ отправимся вмѣстѣ въ путь.

— А какъ думаешь? Къ кому ѣхать?—спросилъ Вишъ.

— Сперва къ мудрому Пясту; онъ можетъ дать хорошій совѣтъ,—подумавъ немного, отвѣтилъ Доманъ;—онъ бѣдный кметъ, но умный... молчитъ, но больше знаетъ, чѣмъ тѣ, которые много болтаютъ.

Вишъ согласился на это предложеніе.

— А потомъ?—спросилъ онъ.

— А изъ Лешковъ... развѣ къ Милошу,—отвѣчалъ Доманъ.

— Его сыну князь выкололъ глаза,—замѣтилъ Вишъ.

Вишъ и Доманъ долго еще совѣтовались, къ кому заѣзжать, кто достоинъ того, чтобы его посвятить въ тайну.

— Кромѣ насъ двоихъ никто объ этомъ знать не долженъ,— сказалъ Вишъ.—Пусть думаютъ, что мы ѣдемъ охотиться.

— Да, поѣдемъ на охоту,—повторилъ Доманъ.—Твои парни останутся у меня, а мы поѣдемъ только вдвоемъ. Это будетъ лучше.

— Да, такъ будетъ лучше,—согласился Вишъ.

— А гдѣ-же вѣче созвать? Давно ужъ не слыхали мы объ немъ,—сказалъ Доманъ.

— Гдѣ-же, если не тамъ, гдѣ оно собиралось съ незапамятныхъ временъ; новаго мѣста незачѣмъ искать, да и не найти. Змѣиное урочище, гдѣ священный дубъ и источникъ на старомъ городищѣ, гдѣ вѣчевали наши дѣды и прадѣды. Тамъ и мы должны собраться, тамъ только держать совѣтъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ глаза Доману.

— Урочище лежитъ въ глубинѣ лѣса,—продолжалъ Вишъ;—

оно безопасно: со всѣхъ сторонъ окружено болотами. Тамъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если-бы старшины собрались у твоего или моего дома, князь сталъ-бы мстить намъ и поджегъ-бы наши дома, а тамъ—кто знаетъ, чья была затѣя о вѣчѣ.

— Знать не будетъ?!—повторилъ Доманъ съ горечью,—у него вездѣ свои: скажутъ ему, едва успѣемъ начать дѣло; но не слѣдуетъ его бояться и сидѣть, сложа руки, въ избахъ. Не первый разъ съѣдутся кметы на вѣче, отчего-же намъ теперь, какъ и въ старину, не держать общій совѣтъ? Скорѣе приниматься за дѣло; нужно разослать гонцовъ.

— Да,—сказалъ Вишъ,—пошлемъ по два человѣка къ каждому старшинѣ, пригласить его пріѣхать на съѣздъ. Но надо заранѣе рѣшить, кого звать и кто будетъ съ нами. Слѣдовало-бы съ каждаго взять клятву на огонь и воду.

Вишъ и Доманъ долго еще совѣщались, какъ быть и что дѣлать? Наконецъ они рѣшили, что вѣче должно состояться и что наврядъ-ли среди кметовъ и жупановъ найдется хотя одинъ, который не раздѣлялъ-бы ихъ мнѣнія. Они задумались только надъ способомъ, какъ-бы потише созвать всѣхъ. На Купалу обыкновенно собирались люди около урочищъ, они и рѣшили назначить вѣче за день передъ этимъ праздникомъ. Времени оставалось довольно, чтобы созвать всѣхъ; но и не такъ было его много, чтобы возможно было откладывать.

Долго еще разговаривали друзья кметы; уже день приходилъ къ концу, а они все еще вполголоса совѣщались о предстоящемъ вѣчевомъ собраніи. Медъ стоялъ въ чаркахъ на столѣ передъ ними, а они еще не дотронулись даже до него. На лицахъ ихъ было грустное выраженіе, даже веселый Доманъ имѣлъ унылый видъ. Не стало у нихъ подъ конецъ ни совѣта, ни словъ, они подали руки другъ другу и хозяинъ пригласилъ старика подъ липу, которая росла на пригоркѣ за селомъ. Едва усѣлись они на скамьѣ подъ липою, какъ цѣлая свора собакъ побѣжала за своимъ господиномъ; у Домана было десятка два собакъ, такъ-какъ онъ былъ завзятый охотникъ. Молодые парни собрались на дворѣ; казалось, они чего-то ожидали, какъ будто приказанія своего господина. Доманъ бросилъ взглядъ въ сторону своего дома и сказалъ Вишу.

— Хотѣлось-бы мнѣ угостить тебя какъ слѣдуетъ, да чѣмъ нибудь развеселить. Я знаю, что старику не нравятся молодыя пѣсни, но всетаки мнѣ хочется показать тебѣ, что мы здѣсь не ходимъ заспанными и не грѣемся вѣчно у очага. Эй! Сциборъ,— крикнулъ онъ громко,—пойди сюда!

Красивый парень, глаза котораго блестѣли отъ избытка жизни, прибѣжалъ къ Доману.

— Удобнѣе времени для травли нашего волка не найти,—сказалъ Доманъ. — А передъ кѣмъ-же похвастаться, если не передъ старикомъ Вишемъ? Выпусти-ка его наволю,—говорилъ онъ слугѣ,— покажемъ, что дикій звѣрь намъ не страшенъ.

Сциборъ побѣжалъ къ воротамъ, и тотчасъ-же за заборомъ раздались веселые крики. Собакъ, кромѣ избранныхъ, загнали въ сарай и заперли. Вишъ и Доманъ встали со скамьи и подошли къ воротамъ, у которыхъ толпилась челядь въ ожиданіи любопытнаго зрѣлища. Хозяинъ велѣлъ каждому изъ нихъ взять мечъ и разставилъ ихъ вокругъ большой поляны, а самъ взялъ въ руки длинное копье съ желѣзнымъ остріемъ и занялъ мѣсто нѣсколько дальше всѣхъ. Собаки нетерпѣливо рвались впередъ, предчувствуя, что не даромъ держатъ ихъ на привязи.

Доманъ далъ знакъ рукою, и ворота отворили настежъ. Волкъ, просидѣвшій нѣсколько дней въ заперти, испуганный и ослѣпленный дневнымъ свѣтомъ, не съумѣлъ воспользоваться дарованною ему свободою... Парни подняли крикъ, начали бить палками въ стѣны сарая, а волкъ не трогался съ мѣста, ежился и щелкалъ зубами. Почти насильно помощью палокъ удалось имъ выгнать его за ворота... Здѣсь онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность, бросился бѣжать, но сейчасъ-же остановился. Охотники держали оружіе на-готовѣ, собаки подняли ужасный вой, волкъ тронулся съ мѣста, сперва онъ шелъ тихо, подкрадываясь, затѣмъ началъ бѣжать все скорѣе и все отыскивалъ дорогу, по которой было-бы удобнѣе улизнуть въ лѣсъ. Но не легко ему было уйти: со всѣхъ сторонъ забѣгали ему дорогу вооруженные охотники. Доманъ первый бросился на волка; онъ нарочно стремглавъ кинулся на звѣря, чтобы послѣдній не могъ его обойти. Собаки, пущенныя на волю, бросились на врага. Охота началась.

То одинъ, то другой парень наносили волку удары копьемъ,

кто-то бросилъ въ него острымъ кускомъ желѣза и ранилъ въ спину окруженнаго собаками звѣря. Собаки удерживали его за ноги, тормошили несчастнаго волка. Пользуясь этимъ, Доманъ съ большою ловкостью вонзилъ волку въ открытую пасть свое копье, нанося ему послѣдній, смертельный ударъ.

Во время этой охоты веселые крики и смѣхъ не умолкали ни на минуту. Женщины сидѣли на заборахъ, дѣти кричали и стучали палками, даже старый Вишъ не разъ хватался за мечъ, не будучи въ состояніи оставаться только зрителемъ забавы, напомнившей старику давно минувшіе молодые годы его жизни. Когда звѣрь, заливаясь кровью, упалъ на землю, и собаки бросились на него со всѣхъ сторонъ, въ воздухѣ раздались громкіе радостные крики. Несчастнаго волка со всѣхъ сторонъ окружили охотники, женщины и дѣти тормошили его, разсматривали и удивлялись ловкости Домана.

Нѣсколько дней тому назадъ волка поймалъ въ лѣсу одинъ изъ работниковъ Домана, оглушивъ сильнымъ ударомъ палки въ голову. Связавъ его, онъ притащилъ звѣря во дворъ. Къ своему несчастію, волкъ выздоровѣлъ, чтобы ради забавы погибнуть отъ руки Домана.

Налюбовавшись волкомъ до сыта, Доманъ велѣлъ убрать его. Затѣмъ, началась стрѣльба изъ луковъ и пращей. Доманъ и здѣсь оказался ловчѣе всѣхъ, хотя и другіе дѣлали все возможное, чтобы не отставать отъ своего хозяина. Старый Вишъ только смотрѣлъ и любовался на молодежь, а старыя его руки дрожали, вспоминая тѣ времена, когда и онѣ умѣли стрѣлять не хуже Домана. Но то время давно ужъ прошло.

Когда наступилъ вечеръ и въ избахъ зажгли лучины, старикъ и хозяинъ долго еще совѣщались, разговаривая вполголоса о предстоящихъ важныхъ дѣлахъ. Наконецъ, Доманъ уступилъ свое ложе Вишу, а себѣ приказалъ сдѣлать постель въ этой-же комнатѣ и пригласилъ гостя отдохнуть.

На слѣдующій день, чуть-свѣтъ, Вишъ и Доманъ были ужъ на ногахъ. Лошади дожидали ихъ у крыльца. Какъ было рѣшено, Вишъ и Доманъ отправились въ путь, немедленно, одни.

Въ село Лешка Милоша можно было пріѣхать не раньше вечера. У Виша и Домана было достаточно съѣстныхъ запасовъ въ су-

махъ; въ деревянныхъ, облитыхъ смолою, бутылкахъ, привязанныхъ къ кушакамъ, каждый изъ нихъ имѣлъ по двѣ чарки меду; а лошади, привыкшія къ болотамъ и лѣснымъ дорогамъ, не боялись утомительнаго путешествія. Доманъ ѣхалъ впереди.

Не желая терять времени понапрасну, всадники рѣшили отправиться кратчайшимъ путемъ — черезъ болота и непроходимые лѣса. Не разъ пришлось имъ объѣзжать массы сваленныхъ вѣтромъ въ одну кучу гигантскихъ деревьевъ, не разъ нельзя было проѣхать чрезъ слишкомъ вязкое, густою травою заросшее болото; все это затрудняло путешественниковъ. Чаща лѣса, наполненная таинственнымъ сумракомъ, едва пропускающимъ нѣсколько лучей солнца, навѣвала невеселыя думы. Вишъ и Доманъ только тогда свободнѣе вздохнули, когда очутились на сухомъ лугу, оставивъ лѣсъ за собою. Здѣсь они остановились: нужно было привести въ порядокъ одежду, облѣпленную листьями, сухими вѣтвями, гусеницами и мохомъ, которыми лѣсная глушь наградила всадниковъ за то, что они посмѣли вторгнуться въ ея нѣдра.

На краю горизонта Вишъ замѣтилъ столбъ дыма; всадники прибавили шагу; на холмистомъ возвышеніи вдали виднѣлся высокій земляной валъ, покрытый зеленымъ дерномъ, а за нимъ густая роща. Изъ самой середины этой небольшой рощи струился синеватый дымъ, подымаясь длинною лентою къ небесамъ—самый вѣрный знакъ присутствія человѣческаго жилища. Земляной валъ былъ такъ высоко насыпанъ, что изъ-за него не видно было даже крышы хижины.

Когда Вишъ и Доманъ подъѣхали къ этой насыпи, они замѣтили въ ней узенькій проходъ, закрытый высокимъ частоколомъ. Кромѣ столба синеватаго дыма нигдѣ не было замѣтно даже малѣйшаго признака жизни. Ворота были заперты. Они подъѣхали къ нимъ, но никто не вышелъ имъ навстрѣчу, хотя на насыпи появилось нѣсколько любопытныхъ головъ. Вишъ затрубилъ.

Они долго еще стояли у воротъ, но никто не являлся. Наконецъ, надъ воротами показалась человѣческая голова, покрытая волчьей шкурою.

Старый Вишъ просилъ впустить ихъ, его и Домана, въ городище, но слуга, показавшій свою голову надъ воротами, отвѣчалъ

угрюмо, что князь Милошъ никого къ себѣ не допускаетъ. Волей-неволей пришлось Вишу спорить, сердиться; нѣсколько разъ шли переговоры съ княземъ, пока наконецъ, Милошъ согласился пустить гостей къ себѣ въ домъ. Отворили ворота; всадники прошли по длинному и темному проходу, вырытому въ насыпи, опоясывающей городище, и вошли во дворъ, заросшій высокими деревьями. Дубы и липы, громадные стволы и широко разстилающіяся вѣтви которыхъ закрывали почти весь дворъ, образуя надъ нимъ зеленую крышу, были свидѣтельницами не только молодыхъ лѣтъ хозяина, но и его праотцевъ. Въ глубинѣ двора, въ тѣни деревьевъ, стояло небольшое строеніе, окруженное длиннымъ навѣсомъ и покрытое деревянною крышею.

По двору, въ разныхъ направленіяхъ, ходили какіе-то угрюмые, молчаливые люди, съ ногъ до головы покрытые кожею. Большія собаки подошли къ Вишу и Доману, заворчали, обнюхали ихъ и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, остановились, готовясь по первому приказанію хозяина броситься на пріѣзжихъ. Много еще прошло времени, пока изъ избы вышелъ сгорбленный, едва передвигающій ноги старикъ, небольшого роста, съ длинною палкою въ рукахъ; голова его была покрыта кожей. Съ нимъ трудно было сговориться: онъ говорилъ едва слышнымъ голосомъ, и, повидимому, не понималъ пріѣзжихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ, однакожъ, согласился впустить ихъ въ избу. Вечерній мракъ и тѣнь деревьевъ, листья которыхъ закрывали окна, не позволяли Вишу и Доману разсмотрѣть что-нибудь въ свѣтлицѣ. Они долго стояли, пока глаза ихъ успѣли свыкнуться съ мракомъ. На очагѣ догорали обугленныя дрова.

Въ глубинѣ избы лежалъ старикъ высокаго роста, съ длинною бѣлой бородою, волосы которой не вьющіеся, прямые какъ трава, доходили ему до колѣнъ. Лежалъ онъ на постели, покрытый кожею. Густыя, нависшія брови почти совсѣмъ закрывали глаза старика, который подпиралъ свою лысую голову на костлявой рукѣ. Ноги его покоились на чемъ-то черномъ, что едва замѣтно двигалось, какъ-бы изъ лѣности. Вишъ, всматриваясь въ старика и его ложе, увидѣлъ наконецъ, что двигающаяся черная масса— ручной медвѣдь, который лежалъ у ногъ своего господина. Двѣ сороки прохаживались по полу.

Когда пріѣзжіе вошли въ свѣтлицу, князь Милошъ даже не тронулся съ мѣста; онъ только посмотрѣлъ на нихъ и, казалось, ожидалъ съ ихъ стороны перваго слова. Сороки, между тѣмъ, спрятались въ углу, а медвѣдь, зѣвая, посмотрѣлъ на пріѣзжихъ и снова положилъ голову на прежнее мѣсто, болѣе не обращая вниманія на вошедшихъ гостей.

Въ свѣтлицѣ была жара невыносимая, а старый князь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Князь Милошъ,—сказалъ Вишъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—да будешь благословенъ ты и твой домъ.

— Кто ты такой?—спросилъ князь грубымъ, охрипшимъ, точно изъ колодца выходящимъ, голосомъ.

— Кметъ Вишъ, а это сосѣдъ мой Доманъ.

Князь долго молчалъ.

— Позволяешь, князь, говорить съ тобой,—началъ снова Вишъ.

— Говорить со мною?—повторилъ тотъ-же грубый голосъ.— У меня съ людьми ничего нѣтъ общаго: мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, и имъ тоже до меня! Чего-же вы хотите?

— Добраго совѣта,—отвѣчалъ Вишъ.

— Я для себя не съумѣлъ найти добраго совѣта, для другихъ и подавно не найду. Идите къ кому-нибудь другому за этимъ.

— У насъ и съ нами творятся нехорошія дѣла, — говорилъ Вишъ, не обращая вниманія на отказъ князя Милоша, — вашъ и нашъ общій врагъ мучитъ насъ и угнетаетъ все хуже и хуже.

— Кто?

— Хвостекъ, — отвѣчалъ Вишъ, нарочно употребляя это насмѣшливое имя.

Милошъ захохоталъ дикимъ голосомъ.

— Мнѣ-то онъ ужъ больше ничего дурного не сдѣлаетъ; онъ лишилъ меня дѣтей, а теперь пусть и жизнь мою беретъ, если хочетъ; я не дорожу ею. Идите, куда хотите, за добрымъ совѣтомъ и помощью; у меня ихъ нѣтъ ни для кого.

— И мстить ты не хочешь?—спросилъ Вишъ.—За дѣтей своихъ ты долженъ отомстить ему. Одинъ убитъ, другому выкололи глаза; не оставилъ онъ тебѣ на старости лѣтъ никакого утѣшенія, и это должно остаться безнаказаннымъ?

Князь долго молчалъ, какъ-бы взвѣшивая слова Виша; вдругъ онъ вскочилъ, пылая гнѣвомъ.

— Вонъ, или я натравлю на васъ Маруху!—вскричалъ онъ.— Хвостъ подослалъ васъ ко мнѣ, чтобы тянуть меня за языкъ, собачьи сыны... Вонъ!..

— Князь Милошъ,—твердымъ голосомъ сказалъ Доманъ,—я сынъ того, который спасъ твою жизнь; а Вишъ никогда никого не обманулъ. Мы свободные кметы, князь, но не рабы Хвостка.

На постели Милоша что-то такъ странно заворчало, что трудно было сказать—медвѣдь-ли это, или его господинъ отозвался; затѣмъ раздалось громкое сопѣніе и стоны.

— Идите за совѣтомъ къ тѣмъ, у кого есть еще умъ. У меня его теперь нѣтъ. Во мнѣ все высохло отъ боли, я потерялъ силы безвозвратно; память куда-то ушла отъ меня, даже и отомстить за все это нѣтъ никакой охоты. Идите, отомстите и за меня, а когда вырвете у него сердце, принесите мнѣ этотъ безжалостный кусокъ мяса, я его съѣмъ и умру... Мнѣ ужъ давно пора умереть, я призываю смерть, я молюсь о ней. Больше мнѣ ничего не надо!.. Ничего больше... Дѣти мои! Мои цвѣты, сыновья мои! Что я безъ васъ сталъ? На что-же мнѣ жизнь, если васъ нѣтъ около меня?

Старикъ закрылъ лицо руками и умолкъ. Смотря на его мученія, Вишъ страдалъ страданіями несчастнаго старца. Князь стоналъ, не отнимая рукъ отъ лица. Но скоро поднялъ онъ голову и началъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Бѣдные вы люди, но чѣмъ-же я вамъ могу помочь? Чего вы у меня ищете? У меня теперь нѣтъ ничего, ничего! Пусть весь міръ сгоритъ, пусть море его зальетъ, пусть люди на немъ исчезнутъ—мнѣ не будетъ ни лучше, ни хуже. Цвѣты мои, дѣти мои, мои сыны!

И снова страдалецъ опустилъ голову на обѣ руки и залился горькими слезами. Вишъ и Доманъ не знали, что имъ дѣлать, ждать-ли еще или уйти прочь, чтобы напрасно не мучить старика. Между тѣмъ, Милошъ привсталъ немного и сѣлъ на постели; онъ началъ тереть руками лицо и лобъ. Затѣмъ, онъ ударилъ въ ладоши. Изъ боковой избы вошла женщина такого-же высокаго роста, какъ и Милошъ; голова ея такъ была окутана платками, что изъ-за нихъ едва виднѣлось ея пожелтѣвшее и покрытое морщинами лицо.

Сермяга темнаго цвѣта покрывала ея бѣлую женскую одежду. Она остановилась у порога въ нерѣшительности, идти-ли дальше, или вернуться: чужіе пугали старуху. Напившись, онъ далъ знакъ рукою женщинѣ, чтобы она вышла изъ избы, и обратился къ стоявшимъ у входныхъ дверей Вишу и Доману:

— Скажите, что вы намѣрены дѣлать? Соберете кметовъ на вѣче, а потомъ поругаетесь и перессоритесь между собою? Пока вы будете совѣщаться, да разъѣзжать, онъ васъ по-одиночкѣ выудитъ? Пригласитъ къ себѣ, задастъ вамъ пиръ, а потомъ одного на другого натравитъ. А вы-то что-же думаете ему сдѣлать? Онъ вашихъ совѣщаній и вашего вѣча не боится!

Старикъ смѣялся сквозь слезы.

— Половина вашихъ будетъ стоять за него горою; другая половина, можетъ быть, возстанетъ противъ него! Онъ раздаритъ ваши земли тѣмъ, которые будутъ ему помогать васъ душить! Вы ему ничего не сдѣлаете! А если у него не хватитъ людей, придутъ нѣмцы и опустошатъ нашу землю и массу нашихъ захватятъ въ неволю.

Старикъ снова легъ на постели.

— Князь,—проговорилъ Вишъ,—наше дѣло не легкое, это мы знаемъ, но мы должны избавиться отъ Хвоста! Многіе изъ нашихъ погибнутъ, многіе намъ измѣнятъ, но побѣда все-же останется за нами и Хвосту не сдобровать. Мы пришли спросить у тебя, князь, дашь-ли ты намъ своихъ людей, если мы рѣшимъ, всѣмъ міромъ, походъ на Хвоста, на его Столбъ? Будешь ты съ нами, или нѣтъ?

Старикъ долго молчалъ, не отвѣчая на предложенный ему вопросъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, наконецъ, — я-бы вырвалъ у него сердце, если-бы я это могъ самъ сдѣлать; если вы это сдѣлаете, я буду радоваться, но съ вами не пойду противъ него. Это дѣло кметовъ, а я князь, я Лехъ!.. Не забывайте, что если-бы вы его и побѣдили, у него останутся двое дѣтей, два сына за Лабою. Этимъ ничего не станется, они вернутся съ нѣмцами и отомстятъ вамъ. Напрасны ваши стоны, даромъ пропадутъ ваши заботы! Не онъ, такъ дѣти его поработятъ васъ; не онъ, такъ я-бы научилъ васъ, что такое кметъ, а что князь! Я былъ-бы не лучше его!—ворчалъ старикъ едва внятнымъ голосомъ.

Вишъ посмотрѣлъ на Домана.

— Больше намъ не о чемъ говорить съ тобою, — сказалъ Вишъ;—но ты завтра-же можешь послать къ Хвосту сказать ему обо всемъ, о чемъ говорили съ тобою сегодня?

Князь улыбнулся, а медвѣдь заворчалъ.

— Между мною и Хвостомъ нѣтъ ни разговора, ни уговора; онъ мой врагъ, а я его врагъ,—сказалъ гордо Милошъ.—Не я, другіе скажутъ ему объ этомъ, онъ васъ всѣхъ повѣситъ на дубахъ! Да пусть васъ вѣшаетъ! Нѣтъ ужъ болѣе у меня дѣтей... нѣтъ моихъ сыновей!.. Цвѣтовъ моихъ не стало!.. Пусть весь міръ пропадаетъ!!

Милошъ застоналъ и легъ ничкомъ, уткнувъ свою голову въ звѣриную шкуру. Вишъ, а за нимъ Доманъ вышли изъ свѣтлицы. Въ избѣ раздавались теперь крики двухъ сорокъ, которыя вышли на середину свѣтлицы и затѣяли ссору.

На крыльцѣ гостей поджидалъ сгорбленный старикъ, который вмѣстѣ съ ними вышелъ во дворъ подъ старые дубы.

— Вашъ князь всегда такой, какъ теперь?—спросилъ Вишъ у старика.

— Всегда, когда увидитъ чужихъ!—шепнулъ старикъ на ухо Вишу; — иногда случается, что духи мучатъ его по цѣлымъ ночамъ, тогда онъ вскакиваетъ съ постели, кричитъ и плачетъ такъ громко, что всѣ просыпаются отъ его крика. Бѣдный онъ, несчастный человѣкъ!..

Вишъ и Доманъ намѣревались, несмотря на поздній часъ, сейчасъ-же оставить печальное городище Милоша, но и здѣсь соблюдался святой обычай гостепріимства. Старикъ пригласилъ гостей въ отдѣльную избу, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ ужинъ и постель. Старикъ вошелъ съ ними въ избу, но не было никакой возможности вывѣдать отъ него что-нибудь. Все въ этомъ мрачномъ и полномъ печали городищѣ было молчаливо и безжизненно; казалось, все только и дожидалось смерти и конца.

VIII.

Недалеко отъ озера Гопла, у самой опушки лѣсовъ, стоялъ домъ и село Пястуна, котораго для краткости звали Пястомъ. Къ нему-то стремились старикъ Вишъ и молодой Доманъ, раннимъ утромъ оставивъ городище Милоша. Вишъ второй день къ ряду ѣхалъ верхомъ, но чувствовалъ себя лучше чѣмъ дома, гдѣ у него была только одна работа: смотрѣть за хозяйствомъ, сидя на большомъ камнѣ у рѣки.

Изъ всѣхъ окрестныхъ кметовъ, Пястунъ былъ наименѣе зажиточнымъ хозяиномъ, а между тѣмъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ собратьевъ. Родъ его жилъ на этомъ мѣстѣ уже съ давнихъ поръ, дѣдъ его и прадѣдъ хозяйничали когда-то въ окрестныхъ лѣсахъ, занимаясь главнымъ образомъ пчеловодствомъ и охотою. Полей у нихъ совсѣмъ почти не было; если они и засѣвали хлѣбъ, то развѣ только для того, чтобы имѣть запасъ на случай голода. Они привыкли не обращать вниманія на свои богатства; потому-то, можетъ быть, послѣднія не умножались въ ихъ рукахъ. Бѣдную, настежъ для всѣхъ всегда открытую хату Пястуна знали всѣ; въ нее заходилъ каждый прохожій, бралъ, что ему нужно было и шелъ дальше.

Хижина гостепріимнаго Пястуна, выстроенная изъ цѣльныхъ срубовъ, даже отчасти покрытыхъ корою, была чрезвычайно старая и низкая. Крыша и стѣны ея были покрыты толстымъ слоемъ сажи, крыльцо узенькое, украшенное простыми столбиками, поддерживающими его небольшую крышу. Пястунъ, его жена Жепица и сынъ ихъ составляли всю семью. Челяди было у нихъ много; но каждый челядинецъ скорѣе казался членомъ семьи Пястуна, чѣмъ слугою, потому-что съ нимъ хозяева обращались какъ съ роднымъ. Новые обычаи, которые понемногу начали проникать къ славянамъ отъ нѣмцевъ, не успѣли еще проникнуть въ хижину Пяста. Можетъ быть, отъ того именно къ Пястуну всегда обращались за совѣтами, что подъ убогой своей кровлею онъ свято хранилъ древнія преданія и обычаи. Гусляры и пѣвцы часто заходили къ нему, а если который-нибудь изъ нихъ приходилъ погостить у своего друга Пястуна, то по вечерамъ долженъ былъ

много пѣть собравшимся вокругъ него слугамъ Пястуна и его семьѣ. Зимою садились у огня въ избѣ, лѣтомъ—на дворѣ подъ старыми липами. Старцы-гусляры пѣли, а молодежь изъ этихъ пѣсней узнавала о славномъ прошломъ. На свадьбахъ, на похоронахъ и на всѣхъ собраніяхъ Пястунъ всегда занималъ первое мѣсто, потому-что онъ зналъ лучше другихъ, въ какомъ мѣстѣ какую слѣдуетъ пѣть пѣсню, гдѣ что надлежало дѣлать, гдѣ и какую жертву посвящать богамъ. Въ судахъ тоже; если во время мира случилось гдѣ-нибудь въ селѣ или въ полѣ какое-нибудь убійство, Пястунъ лучше всѣхъ зналъ, какой законъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣнить къ убійцѣ. А разъ Пястунъ сказалъ что-нибудь, никто не прекословилъ и не спорилъ. Этотъ небогатый человѣкъ имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ многіе изъ самыхъ зажиточныхъ кметовъ. Изъ далекихъ мѣстъ приходили къ нему за совѣтомъ, а если, что часто бывало, такъ-какъ Пястунъ любилъ проводить два или три дня къ ряду въ лѣсу, ухаживая за своими пчелами, не заставали его дома, тогда терпѣливо дожидались его возвращенія. Пястунъ вообще мало говорилъ и чрезвычайно неохотно; раньше чѣмъ отвѣтить, онъ долго разспрашивалъ, но если разъ сказалъ свое мнѣніе, ни за что не соглашался отказаться отъ него. Всѣ являющіеся къ нему знали объ этомъ и потому, услышавъ мнѣніе или приговоръ Пястуна, никогда не противорѣчили ему.

Это оказываемое всѣми уваженіе къ Пястуну, который, живя почти у самого княжескаго столба, никогда не старался войти съ нимъ въ близкія отношенія, было причиною, что Пястунъ попалъ въ немилость къ князю. Но княжескіе слуги не смѣли даже заикнуться передъ своимъ владыкою о Пястунѣ; и самъ князь не хотѣлъ заводить ссоры съ Пястуномъ, опасаясь, чтобы онъ не употребилъ во зло своего вліянія. Нужно еще замѣтить, что Пястуна нельзя было привлечь ни лестью, ни подарками, особенно лесть была ему противна. Всѣ называли его гордымъ; можетъ быть, онъ и былъ гордъ въ самомъ дѣлѣ, хотя никто не помнилъ, чтобы Пястунъ злоупотребилъ когда-нибудь тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ среди своихъ.

Пястуну въ то время, которое мы описываемъ, было лѣтъ около сорока; это былъ мужчина высокаго роста, крѣпкаго тѣло-

сложенія, но съ перваго взгляда личность его ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. Только взглянувъ ему въ глаза, не трудно было замѣтить, что у Пястуна здоровый, сильный и спокойный умъ. Когда въ тѣ тревожныя времена всѣ ради одного страха сердились, ругались и вообще больше выказывали гнѣва, чѣмъ чувствовали въ дѣйствительности, Пястунъ никогда не терялъ понапрасну ни словъ, ни гнѣва. Тѣ, которые его не знали, думали, что онъ молчаливый эгоистъ, котораго нисколько не печалитъ грустная участь сосѣдей и земляковъ; между тѣмъ Пястунъ только на видъ казался молчаливымъ и выносливымъ, холоднымъ себялюбцемъ. Одѣвался онъ такъ просто, что за работою трудно было отличить хозяина среди его работниковъ; онъ не любилъ блестящихъ бездѣлокъ и украшеній, безъ которыхъ другіе не могли обойтись, а, главнымъ образомъ, не допускалъ никакихъ перемѣнъ въ одеждѣ и образѣ жизни, если онѣ въ чемъ-нибудь касались древняго обычая и могли его измѣнить.

Въ то время, когда у другихъ были двѣ и три жены, такъ какъ по принятому обычаю такая роскошь не считалась предосудительной, Пястунъ жилъ съ одною Женицею и его жена не была рабыней, покорною слугою своего господина, какъ жены другихъ кметовъ; жили они въ дружбѣ и согласіи, такъ что трудно было найти болѣе счастливыхъ супруговъ.

Въ его хижинѣ и въ селѣ работали по цѣлымъ днямъ — съ утра до ночи; Пястунъ рѣдко когда оставался дома, а если это случалось, такъ развѣ только тогда, когда нужно было присмотрѣть за работою въ полѣ. Вишъ и Доманъ встрѣтили Пястуна, съ корзиною на плечахъ отправляющагося въ лѣсъ къ своимъ пчеламъ. Они остановились; Вишъ соскочилъ съ лошади и привѣтствовалъ хозяина.

— Мы къ тебѣ,—сказалъ онъ.

— Тогда вернемся въ избу,—отвѣчалъ Пястунъ.

— Или лучше сядемъ гдѣ-нибудь подъ деревомъ, въ сторонкѣ, а то твоя хижина на глазахъ у всѣхъ: у тебя бываетъ много чужихъ людей; а намъ хочется поговорить съ тобою наединѣ...

Пястунъ удивленными глазами посмотрѣлъ на Виша; не отказывая однако желанію гостя, онъ указалъ рукою небольшую поляну въ лѣсу, гдѣ стоялъ небольшой сарай для сѣна. Подобные

сараи славяне называли *одрынами*. Въ эту минуту одрына была открыта настежъ; ея прозрачныя, изъ вѣтвей сплетенныя стѣны позволяли сидящему въ ней видѣть всякаго приближающагося человѣка. Внутри, около дверей, лежали двѣ сосновыя колоды, какъ-бы нарочно положенныя здѣсь для сидѣнья.

Всадники оставили лошадей на лугу, а сами сѣли въ сараѣ. Пястунъ вынулъ изъ корзины хлѣбъ и кусокъ сыра и положилъ ихъ на колодѣ передъ гостями, но они даже не дотронулись до нихъ. Вишъ началъ первымъ.

— Ты живешь почти у самаго города, подъ княжескимъ столбомъ,—началъ Вишъ; — незачѣмъ много толковать тебѣ о томъ, что у насъ дѣлается, какъ съ нами обращаются... Мы къ тебѣ затѣмъ пріѣхали, чтобы посовѣтоваться. Вѣче нужно созвать...

Вишъ остановился; Пястунъ, молча, внимательно слушалъ, а Доманъ прибавилъ:

— Если мы теперь не защитимъ себя, насъ истребятъ всѣхъ до одного. Мы должны защищаться. А по старому обычаю надлежитъ начинать съ созванія на вѣче всѣхъ кметовъ, всѣхъ жупановъ.

Пястунъ все еще слушалъ; Вишъ началъ широко распространяться о томъ, какъ они прежде жили по селамъ и городищамъ, что съ ними нынче стали продѣлывать, и какъ князья, недовольные тѣмъ, что они, военачальники, по нѣмецкому обычаю, вздумали всю власть забрать въ свои руки; сколько приходилось имъ переносить отъ маленькихъ князьковъ, которыхъ является все больше и больше, и какъ слѣдовало-бы начать дѣйствовать противъ нихъ, чтобы освободить людей отъ ихъ насилій.

Пястунъ не прерывалъ его ни однимъ словомъ; Вишъ и Доманъ по очереди представляли ему печальное положеніе всѣхъ кметовъ. Наконецъ, высказавъ все, они умолкли, ожидая, что скажетъ Пястунъ. Онъ долго еще думалъ, сидя съ опущенною на грудь головою, и, наконецъ, заговорилъ.

— Я скажу вамъ кое-что о старыхъ временахъ. Вы слышали отъ своихъ отцовъ, а отцы ваши слыхали отъ своихъ, что нашъ языкъ былъ когда-то въ употребленіи и за Лабою, и далеко за Дунаемъ, по берегамъ Синяго моря и на западѣ до Черныхъ горъ. Это было счастливое время, когда мы одни только жили на громадномъ пространствѣ, а у сосѣдей дома было много дѣла. Тогда-

то мы хаживали безъ мечей, съ гуслями, мы тогда пахали пашню и хозяйничали у себя дома безъ князей. Давно, давно ужъ прошло это время. Со стороны моря напали на насъ одни, другіе спустились съ горъ на нашу землю; съ оружіемъ въ рукахъ напали на насъ народы, послушные своимъ князьямъ. Мы должны были защищаться. Насталъ конецъ нашему счастью, нашимъ пѣснямъ, нашему спокойствію. Нужно было взять себѣ вождей изъ-за моря, строить столбы, городища и сражаться... А старая свобода все напоминала намъ о себѣ; князь сталъ нашимъ врагомъ. И что-же? Вотъ нѣмцы исподволь вытѣсняютъ наше племя и вытѣснили уже насъ изъ прежнихъ обиталищъ; земли у насъ становится все меньше и меньше.

Пястунъ замолчалъ...

— Ну, прогонимъ князей; избавимся отъ нихъ, а нѣмцы влѣзутъ намъ на спину, — прибавилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Мы и не думаемъ прогонять князей,—отвѣчалъ Вишъ;— мы только хотѣли-бы этого Хвоста промѣнять на другого. Ты хорошо знаешь, что онъ съ нѣмцами завелъ дружбу; весь родъ его льнетъ всѣмъ сердцемъ къ нѣмцамъ. Не трудно найдти другого. Довольно уже пролилось нашей крови. Вѣче намъ нужно...

Хозяинъ долго не отвѣчалъ: онъ взвѣшивалъ каждое слово Виша.

— Намъ и вѣче нужно и кое-какія перемѣны тоже не лишни,— сказалъ онъ;—но и то и другое не такъ легко сдѣлать. Не легкое дѣло задумали вы совершить, точно хотите голую руку положить въ улей. Одни возстаютъ противъ Хвостка и плачутся на него, другіе горою за него стоятъ; согласія не будетъ, а тѣмъ временемъ нѣмецъ успѣетъ пронюхать и бросится на насъ съ оружіемъ въ рукахъ въ то время, когда мы будемъ ссориться и драться между собою. Вѣче намъ нужно, нечего спорить, но такое вѣче, какія бывали во времена отцовъ нашихъ; прежде всего нужно согласіе. Ну, собирайте старшинъ на вѣче.

Они втроемъ начали считать, сколько кметовъ и жупановъ будетъ держать сторону Хвостка, сколько ихъ пойдетъ противъ него, и оказалось, что не малое количество будетъ защищать князя, хотя всѣ знали, что онъ звѣрь и безсердечный себялюбецъ.

Вплоть до вечера совѣщались они въ сараѣ; потомъ пошли

въ избу и заняли мѣста у очага. Едва успѣли они разломать хлѣбъ, какъ въ свѣтлицѣ откуда-то появился небольшой, сутуловатый, съ коротко остриженною головою человѣчекъ, въ коротенькой одеждѣ. Кошачьи глаза его съ любопытствомъ разсматривали хозяина и его гостей. Когда замѣтили этого нежеланнаго гостя, умолкли всѣ. Это былъ княжескій слуга, всю жизнь свою скитался онъ по свѣту—князь постоянно куда-нибудь посылалъ его съ цѣлью узнавать, что дѣлаютъ и что толкуютъ люди. Всѣ, и въ городѣ и въ окрестныхъ селахъ, боялись его и недолюбливали, потому-что онъ умѣлъ и высмотрѣть все, и подслушать, и явиться тамъ, гдѣ меньше всего надѣялись его видѣть, а потомъ все слышанное и видѣнное передавалъ своему господину. Не легко было ускользнуть отъ его глазъ. Онъ точно дикая кошка садился на деревья, если ему нужно было все видѣть и слышать, а самому не быть замѣченнымъ; онъ прятался въ чащѣ вѣтвей и листьевъ, закапывался въ лисьи норы, въ стоги сѣна, укладывался въ травѣ или тростникѣ. Его звали Зноскомъ; этимъ прозвищемъ онъ былъ обязанъ своему небольшому росту и жалкому виду. Его появленіе среди кметовъ служило всегда знаменіемъ какой-нибудь бѣды. Этотъ ядовитый змѣй никогда не возвращался въ городъ безъ добычи, а его добыча состояла въ обвиненій, которыя онъ умѣлъ въ удобную минуту передавать своему господину.

Его широкій ротъ, въ которомъ бѣлѣли два ряда зубовъ, смѣялся въ дверяхъ. Зносекъ стоялъ у порога и разглядывалъ всѣхъ присутствующихъ въ избѣ. Онъ поздоровался съ Пястуномъ, и все улыбаясь, присѣлъ на скамьѣ возлѣ него. Гости поглотили все его вниманіе.

Полная тишина царствовала въ избѣ, одна только Жепица, которая суетилась около огня и, какъ женщина, больше всѣхъ опасалась Зноска, подала ему чарку пива. Противный человѣкъ взялъ чарку въ обѣ руки, посмотрѣлъ въ нее, захохоталъ и началъ какъ-бы про себя хриплымъ голосомъ.

— Мать Жепица, у тебя сердце лучше, чѣмъ у другихъ. Ты вотъ сжалилась надо-мной, а меня никто не привыкъ жалѣть, всѣ меня ненавидятъ! А чѣмъ я виноватъ передъ ними, а? Чѣмъ виноватъ? Развѣ я дѣйствительно такой злой, какъ говорятъ? Я глазъ еще никому не выкалывалъ; никого не околдовалъ; я го-

товъ служить каждому; слушаюсь всѣхъ. А за это всѣ меня топчутъ ногами, плюютъ мнѣ въ лицо и всякій радъ-бы задивить меня, если-бъ съумѣлъ.

И Зносекъ заливался дикимъ смѣхомъ, глотая пиво.

— Откуда-же ты знаешь, что люди такъ ненавидятъ тебя?— спросилъ Пястунъ.

— По глазамъ вижу! Ого!— отвѣчалъ довольнымъ тономъ Зносекъ,—у меня собачье чутье!..

Немного погодя онъ добавилъ:

— А знаете новость?

— Какая новость?—спросилъ хозяинъ.

— У его милости въ городѣ, у столба, приготовляютъ большой пиръ и великую радость. Намъ уже надоѣло воевать да ссориться. Князь хочетъ жить въ дружбѣ съ своими. Того, которому глаза выкололи, отпустятъ на волю, чтобы шелъ, куда глаза глядятъ. Кто знаетъ, можетъ быть у него явятся новые глаза? Дядей своихъ и двоюродныхъ братьевъ князь пригласитъ къ себѣ въ городъ и мы запьемъ дружбу на вѣки вѣчные! Вотъ вамъ и новость, и радость большая; а кому-же радоваться, если не вамъ? А потомъ, когда всѣ князья возьмутся за руки и пойдутъ всѣ за одно, у насъ водворится порядокъ! Теперь соберутся какіе-нибудь жалкіе жупаны и лѣзутъ къ князю, кулаками угрожаютъ, потому-что они знаютъ, что князья не ладятъ между собою! Ого, потомъ этого не будетъ!

Зносекъ все громче хохоталъ; всѣ молчали. Зносекъ готовъ былъ продолжать свою рѣчь, когда у дверей раздался чей-то голосъ. Всѣ обернулись къ входнымъ дверямъ. На порогѣ стоялъ человѣкъ весь въ черномъ, съ большою палкою въ рукахъ и глазами считалъ всѣхъ находящихся въ избѣ. Когда онъ замѣтилъ Зноска, не сказалъ ни одного слова, вышелъ изъ избы и сѣлъ на крыльцѣ.

— Этотъ какъ меня завидѣлъ,—сказалъ Зносекъ, смѣясь,—не захотѣлъ даже выговорить привѣтствія; пропала у него охота погостить у тебя, Пястунъ!

Послѣ этихъ словъ безобразный человѣкъ выпилъ остатокъ пива, поставилъ чарку на столѣ и, остановившись по серединѣ избы, проговорилъ въ вслухъ, держась за бока руками:

— Вишъ и Доманъ!! Вишъ и Доманъ!..

— Какъ! Ты меня знаешь?—спросилъ Вишъ.

— Я? Дней десять пришлось-бы ѣхать отъ города до того мѣста, гдѣ я никого не знаю,—замѣтилъ Зносекъ;—собакъ—и тѣхъ я знаю; какъ-же не знать мнѣ всѣхъ кметовъ? Вотъ тотъ, который вернулся съ порога, старый Зѣмба. Не правда-ли? Я даже знаю, зачѣмъ онъ пришелъ къ тебѣ и почему не хотѣлъ ничего сказать. Съ его сыномъ случилось въ городѣ несчастье. Онъ подрался съ Славоемъ во время пира, ну и порѣзались молодцы. Мы потомъ опустили его въ озеро, чтобы онъ отрезвился, но онъ лишку воды захватилъ... и здохъ.

Сказавъ это, Зносекъ захохоталъ, поклонился, прыгнулъ разъ, другой и выбѣжалъ изъ избы.

Долго еще послѣ ухода неуклюжаго Зноска сохранялось глубокое молчаніе въ избѣ; всѣ точно ожидали, что вотъ отворятся двери и въ нихъ покажется противный карликъ. Зѣмба тоже сидѣлъ на крыльцѣ и не входилъ въ избу; онъ дожидался, чтобы Зносекъ исчезъ ему съ виду. Когда Зѣмба показался въ дверяхъ, Пястунъ подошелъ къ гостю.

— Я пришелъ къ тебѣ,—началъ старикъ,—пожаловаться да поплакать горькими слезами... Я одинокъ теперь... Моего сына убили въ городѣ... Мы едва нашли его тѣло, чтобы сжечь погибшаго на кострѣ. Скажите-же, братья мои добрые, люди мы или дикіе звѣри, которые не знаютъ мести и позволяютъ убивать себя всякому, кому это вздумается?

Старикъ умолкъ; онъ, не трогаясь съ мѣста, стоялъ, сложивъ руки на груди.

— У меня еще двое дѣтей осталось,—продолжалъ онъ,—хоть-бы этихъ уберечь! Куда-же мнѣ съ ними укрыться? Какъ защитить ихъ головушки отъ хищнаго звѣря? Хвостекъ взъѣлся на меня.

Вишъ всталъ со скамьи и приблизился къ Зѣмбѣ.

— Братъ,—сказалъ онъ,—пора, давно ужъ пора подумать о нашей судьбѣ... Садись и давай свой совѣтъ.

Небольшой кружокъ людей, рѣшившихъ созвать вѣче, увеличился еще однимъ человѣкомъ.

До поздней ночи совѣщались притѣсняемые кметы.

На слѣдующій день раннимъ утромъ Доманъ и Вишъ выѣхали

изъ хижины Пястуна. Хотя Вишъ оставилъ своихъ людей у Домана, но онъ такъ торопился вернуться домой, что не заѣхалъ за ними; простившись въ лѣсу съ Доманомъ, старикъ хорошо извѣстными ему проходами и тропинками поѣхалъ прямо по направленію къ своему селу. На слѣдующій день онъ уже пріѣхалъ въ свою хижину; собаки встрѣтили его веселыми завываніями и громкимъ лаемъ. Въ хижинѣ мерцалъ огонекъ; старуха Яга съ прялкою въ рукахъ сидѣла у очага. Она поклонилась своему мужу, по обычаю, до колѣнъ. Вишъ сѣлъ на скамью и, снимая сапоги, началъ разспрашивать жену обо всемъ, что произошло у него въ домѣ во время его отсутствія. Старшій сынъ Виша, котораго разбудилъ лай собакъ, пришелъ къ отцу и разсказалъ ему обо всемъ обстоятельно. Волкъ унесъ одну овцу; они не съумѣли поймать хищника, хотя отняли у него добычу... Вишевъ сынъ сваливалъ всю вину на пастуховъ, которые, вздремнувъ, не замѣтили, какъ подкрался къ стаду волкъ...

Старикъ, выслушавъ разсказы жены и сына, послѣднему велѣлъ остаться съ собою. Яга съ прялкою ушла въ спальню.

— Людекъ, — обратился Вишъ къ сыну, — мы рѣшили, что нужно созвать старшинъ на вѣче наканунѣ Купалы, въ Змѣиное городище. Разошли по старшинамъ и по селамъ, и самъ поѣзжай. Дѣлай какъ знаешь, даю тебѣ полную свободу, но помни, что нужно торопиться.

— Лучше я самъ поѣду,—отвѣчалъ сынъ.—Кого мнѣ послать, кого выбрать—не знаю. Лучше самъ съѣзжу.

Однакожъ, не смотря на твердое рѣшеніе ѣхать самому, Людекъ печально задумался, опустивъ голову на грудь. Старикъ смотрѣлъ на своего сына и тоже задумался.

— Что будетъ — тому и быть, — проговорилъ наконецъ Людекъ;—ѣхать нужно, завтра же поѣду и понесу зеленую вѣтвь отъ села къ селу.

Разговоръ этимъ и окончился.

Проснувшись на слѣдующій день раннимъ утромъ, Вишъ узналъ, что сынъ его чуть свѣтъ выѣхалъ со двора.

Нѣсколько дней прошло съ того времени; старикъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ сына и не зналъ о ходѣ дѣла. Жизнь въ Вишевомъ селѣ проходила, между тѣмъ, такъ-же, какъ и

прежде, рѣдко къ нимъ заглядывалъ гость или прохожій. Однажды вечеромъ, послѣ знойнаго дня, старикъ Вишъ отдыхалъ подъ дубами возлѣ своей хижины. Собаки лежали у его ногъ. Старикъ глубоко задумался о сынѣ, о предстоящихъ дѣлахъ и, уставши, вздремнулъ. Вдругъ одна собака вскочила, побѣжала къ рѣкѣ и нетерпѣливо начала бѣгать, какъ бы почуявъ кого-то; звѣря дикаго или опаснаго человѣка собака издали встрѣтила бы лаемъ. Старикъ изумился, замѣтивъ, что собака остановилась на мѣстѣ и начала вилять хвостомъ, какъ-будто увидѣла знакомаго. Но никого не было еще видно. Собака побѣжала впередъ, виляя хвостомъ, и начала весело лаять. Вишъ привсталъ, посмотрѣлъ въ сторону тростника, откуда доходилъ лай собаки и увидѣлъ того, кого меньше всего ожидалъ теперь видѣть — Самбора. Молодой парень стоялъ среди кустовъ, точно не смѣя приблизиться къ воротамъ, но, увидя хозяина, пошелъ твердымъ шагомъ къ нему.

Вишъ выпрямился и, нахмуривъ брови, поджидалъ Самбора.

— Ты какими судьбами? Откуда? Какъ улизнулъ ты изъ города?—спрашивалъ Вишъ, когда Самборъ кланялся ему въ ноги.

— Я долженъ былъ бѣжать, хотя съ опасностью быть открытымъ и поплатиться за это жизнью,—отвѣчалъ Самборъ;—я долженъ предостеречь тебя. Я не хотѣлъ, чтобы твой дворъ сталъ жертвою неожиданнаго несчастья...

— Несчастье? Что такое? Какое несчастье? — спрашивалъ Вишъ.

— Три дня тому назадъ донесли князю: Вишъ ѣздитъ по селамъ и по дворамъ и собираетъ кметовъ на вѣче.

— Кто донесъ?

— Смерда принесъ эту вѣсть съ охоты третьяго дня,—объяснилъ Самборъ.—Хвостекъ вскочилъ какъ бѣшеный, разсердился, сказалъ, что велитъ сравнять съ землею твой дворъ, а тебя, отецъ мой, повѣситъ на первомъ деревѣ. Всю свою злость онъ хочетъ излить на тебя. Онъ уже велѣлъ людямъ быть на-готовѣ. Я слышалъ, какъ князь давалъ это приказаніе и сейчасъ же бросился въ озеро и переплылъ его, чтобы предостеречь тебя объ этомъ. Если не сегодня, то завтра непремѣнно они пріѣдутъ.

Вишъ стоялъ, раздумывая о томъ, что ему теперь дѣлать; онъ былъ спокоенъ; ни страхъ, ни отчаяніе не овладѣли его душою.

Оставалось только или защищаться въ своей хижинѣ, созвать всѣхъ жившихъ на его землѣ, или же поскорѣе съ семействомъ и всѣмъ добромъ уходить въ лѣсъ. Послѣднее не легко можно было привести въ исполненіе: одному человѣку не трудно спрятаться въ лѣсу и избѣжать преслѣдованія врага, но по слѣдамъ стадъ и табуновъ животныхъ княжескіе слуги съумѣютъ найти бѣглецовъ. Въ лѣсу же, хотя-бы и построить засѣки, такъ-же трудно защищаться, какъ въ оградѣ. Покориться судьбѣ и выдать себя и своихъ головою Хвостку—неминуемая смерть или неволя. Старикъ за себя не боялся, давно уже его манило что-то въ могилу, къ отцамъ и дѣдамъ... онъ боялся и безпокоился за судьбу своихъ сыновей и дочерей. Молча онъ далъ знакъ рукою Самбору, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ и оба пошли къ забору. Нѣсколько разъ старикъ останавливался, опускалъ голову на грудь и задумывался.

Въ воротахъ Вишъ встрѣтилъ старшаго сына, который ѣздилъ созывать кметовъ на вѣче и только-что вернулся. Людекъ на на возвратномъ пути домой узналъ, что̀ въ городѣ, у князя, задумывали противъ его отца. Онъ передалъ другому право созывать старшинъ на вѣче, а самъ вернулся къ отцу. Присутствіе Самбора освобождало его отъ непріятной обязанности передавать отцу печальныя извѣстія.

— Сегодня они еще не поспѣютъ къ намъ прискакать,—сказалъ старикъ;—у насъ есть еще время подумать, что намъ дѣлать, и къ утру приготовиться принять незваныхъ гостей. Теперь нужно созвать челядь, затрубить, чтобы пастухи вернулись... Самборъ, бѣги къ людямъ въ Рыбаки и Бондари... Кто въ состояніи держать мечъ въ рукахъ, пусть сейчасъ-же является. Зажгите трутъ, вмѣсто зеленой вѣтви... и... скорѣе!

Смотря теперь на старика Виша, можно было подумать, что онъ не только не боялся князя и его слугъ, но радъ былъ тому, что будетъ съ ними сражаться, что еще разъ въ жизни приметъ участіе въ открытомъ бою. Парни, сыновья — всѣ кто, жилъ въ Вишевомъ селѣ — осматривали оружіе, бѣжали за людьми въ Рыбаки, Бондари и другія усадьбы.

Женщины вышли изъ свѣтлицъ, собирались кучками на дворѣ, громко рыдая и ломая руки. Эти стоны давили сердце старика,

онъ велѣлъ имъ молчать, всѣ притихли. Дива съ Ягою стояла впереди всѣхъ.

— Всѣ вы, женщины съ дѣтьми, идите въ лѣсъ, — крикнулъ старикъ.—Веди ихъ въ лѣсъ, Дива. Вернетесь тогда, когда насъ, мертвыхъ или искалѣченныхъ, нужно будетъ или хоронить, или перевязывать наши раны.

Женщины исчезли. На дворѣ бѣготня и движеніе принимали все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Старикъ Вишъ безпрестанно отдавалъ приказанія, лично заглядывая во всѣ углы, гдѣ кипѣла работа. Въ хижинѣ Дива, которая рыдала меньше другихъ, собирала женщинъ и дѣтей, велѣла заготовлять имъ хлѣбъ въ дорогу. Вишъ приказалъ отправить одного мальчугана на небольшой лошадкѣ въ ту сторону, откуда ожидали враговъ, чтобы онъ, заслышавъ объ ихъ приближеніи, сейчасъ-же вернулся въ село и далъ знать; такимъ образомъ, они были обезпечены, что ихъ не застанутъ врасплохъ. Всю ночь работали парни, поджидая съ минуты на минуты людей изъ Рыбаковъ и Бондарей. О врагѣ не было еще свѣдѣній. Дива, стоя во главѣ женщинъ, готова была по первому извѣстію о приближеніи княжескихъ слугъ, уходить съ ними въ лѣсъ. Никому и въ голову не пришло вздремнуть даже на минуту. Собаки выли жалобно. Напрасно старались ихъ унять; онѣ переставали на минуту, но снова подымали протяжный вой, что̀ обитатели села принимали за предзнаменованіе несчастія.

Къ утру въ село подоспѣла горсть работниковъ, ведя за собою всѣхъ собранныхъ ими жителей усадебъ Виша. Они имѣли жалкій и вовсе не воинственный видъ.

Уже начинало свѣтать, когда высланный мальчуганъ прискакалъ къ селу съ громкимъ крикомъ:

— Ѣдутъ! ѣдутъ!!

Онъ соскочилъ съ лошади и припалъ къ землѣ, тяжело дыша. Вишъ разставилъ своихъ людей такъ, чтобы княжескіе слуги, подъѣхавъ къ забору, не могли замѣтить никакихъ приготовленій къ защитѣ, ни одного человѣка.

Хижина Виша издали имѣла свой обыденный видъ, но парни, припавшіе къ землѣ, притаились за заборомъ и за толстыми стволами деревьевъ, готовые броситься на врага по первому прика-

занію хозяина. Старикъ Вишъ въ одной рубахѣ, съ накинутой на плечи сермягою, безъ оружія, босикомъ, стоялъ у воротъ и спокойно дожидался незваныхъ гостей.

Вдали что-то загудѣло; по шуму и топоту легко можно было догадаться, что довольно значительная дружина всадниковъ приближается къ селу... Вскорѣ послышались хохотъ, веселый говоръ и крики.

Въ селѣ царствовала полная тишина, только аистъ клекоталъ длиннымъ своимъ клювомъ, хозяйничая въ своемъ гнѣздѣ, точно желая дать знать людямъ, что опасность приблизилась.

Вдругъ за кустами старикъ увидѣлъ шапку Смерды и копья нѣсколькихъ всадниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ. Видно, они надѣялись застать Вишевыхъ людей врасплохъ и смѣялись, весело разговаривая между собою.

IX.

Увидѣвъ старика, Смерда повернулся къ своимъ людямъ, далъ имъ знакъ рукою: дружина разбѣжалась во всѣ стороны, окружила Вишевъ дворъ и остановилась, точно опасаясь, что кто-нибудь выйдетъ тайкомъ изъ нея.

Смерда съ тремя слугами подъѣхалъ къ воротамъ, нисколько не подозрѣвая, что здѣсь поджидали его. Въ городѣ до сихъ поръ не замѣтили, что Самборъ исчезъ; не зналъ объ этомъ и Смерда.

Вишъ стоялъ въ воротахъ, съ поднятою головой, ожидая нападенія со стороны княжескихъ слугъ. Безоружный старикъ не казался ему страшнымъ. Смерда, насмѣшливо улыбаясь, обратился къ Вишу:

— Вотъ я снова къ тебѣ въ гости!—крикнулъ онъ издали;— радъ ты мнѣ, неправда-ли?

— Я всегда радъ гостямъ,—отвѣчалъ Вишъ спокойно.

— Князь присылаетъ тебѣ поклонъ и приглашаетъ къ себѣ на козлятину, на чарку меда, да на дружескій разговоръ, — сказалъ Смерда насмѣшливымъ тономъ;—а чтобы ты скорѣе къ нему пожаловалъ, меня прислалъ за тобою.

Вишъ молчалъ нѣкоторое время.

— Я радъ-бы поклониться князю,—сказалъ онъ,—но я старъ, а онъ молодъ. Я самъ себѣ господинъ и господинъ на своей землѣ; онъ властелинъ въ городѣ... Если у него есть ко мнѣ дѣло, можетъ сообщить о немъ черезъ посланнаго.

Смерда, все ближе приближаясь къ старику, сталъ ругать его.

— Молчи, ты старый негодяй, непослушный, наглецъ!—кричалъ Смерда: — я пріѣхалъ не въ гости звать тебя, а судить, я привезъ съ собою веревки. Тебѣ вздумалось собирать людей на вѣче! Ты...

— Да, я!—отвѣчалъ Вишъ, не трогаясь съ мѣста;—я... каждый изъ насъ, старшинъ, имѣетъ право сзывать людей на вѣче! Такъ было съ незапамятныхъ временъ, такъ будетъ пока мы живы!

— Научимъ мы васъ вѣчевать!—кричалъ взбѣшенный Смерда и, подъѣхавъ къ старику, поднялъ руку на него. Вишъ спокойно отошелъ въ сторону.

— Ты ѣлъ хлѣбъ подъ моею крышей,—проговорилъ онъ,—я зла тебѣ не желаю. Уходи прочь, прошу тебя, и скажи князю, что вѣче будетъ, хотя-бы онъ убилъ меня.

Вишъ не успѣлъ еще выговорить послѣднихъ словъ, какъ Смерда призвалъ своихъ и нѣсколько человѣкъ съ крикомъ и визгомъ бросилось на неустрашимаго старика, который теперь только вынулъ мечъ изъ-подъ платья. Изъ-за изгородей, заборовъ и хижинъ всѣ работники, челядъ и сыновья Виша намѣревались броситься на отрядъ Смерды. Но Вишъ удержалъ вхъ на мѣстѣ знакомъ руки: онъ хотѣлъ избѣжать пролитія крови.

Княжескіе слуги, испуганные появленіемъ вооруженныхъ людей, готовыхъ защищать Виша, отскочили назадъ.

— Мы будемъ защищаться!—крикнулъ Вишъ. — Уходите, повторяю вамъ, если не хотите вашей разбойничьей кровью оросить моей земли... А ты,—съ гнѣвомъ обратился онъ къ Смердѣ,—ты, измѣнникъ! Тебѣ-ли пристало нападать на своихъ и служить чужимъ? Ты—подлый рабъ!..

Лицо Смерды налилось кровью, онъ заметался во всѣ стороны, ругалъ своихъ людей и крикнулъ имъ:

— Бейти и рѣжьте!

Градъ стрѣлъ посыпался съ обѣихъ сторонъ. Работники Виша,

горѣвшіе нетерпѣніемъ вступить въ рукопашный бой съ людьми Смерды, тѣснились у воротъ, къ которымъ, съ другой стороны, напирали княжескіе слуги со Смердою во главѣ. Старикъ Вишъ оставался въ самой серединѣ этой толпы, не будучи въ состояніи выйти изъ нея. Заборъ и ворота трещали отъ напора сражающихся.

Старшій сынъ Виша, Людекъ, защищая отца, ударилъ мечомъ по головѣ Смерда и, разрѣзавъ по-поламъ шапку, нанесъ ему сильный ударъ въ голову. Кровь потекла изъ раны обильною струею. Почти въ то-же самое мгновеніе копье одного изъ княжескихъ слугъ вонзилось въ грудь стараго Виша; рубаха его покраснѣла отъ крови, лившейся изъ раны. Старикъ дрожащей рукою схватилъ копье, вонзившееся ему глубоко въ грудь, вытащилъ его, но желѣзо и кусокъ дерева осталось въ ранѣ. Вишъ, схватившись обѣими руками за грудь, издалъ протяжный, жалобный стонъ и упалъ на руки сына.

Увидя трупъ своего господина, рабочіе и челядь съ бѣшенствомъ бросились на княжескихъ слугъ. Сраженіе началось; луки и пращи были на время забыты: кулаки и зубы, — вотъ оружіе, которымъ начали мстить городскимъ людямъ работники стараго Виша. На крикъ и шумъ подоспѣли на помощь къ Смердѣ тѣ, которые обходили заборы, желая напасть со всѣхъ сторонъ на домъ Виша. Ихъ неожиданное появленіе нѣсколько смутило защитниковъ. Но это продолжалось только одно мгновеніе: стоявшіе во дворѣ, въ свою очередь, ударили на осаждающихъ; замѣтивъ это, прежніе бойцы бросились на Смерду и его слугъ и успѣли ихъ нѣсколько отодвинуть отъ забора. Трупъ Виша, облитый кровью, возбуждалъ въ нихъ новыя силы для борьбы.

Съ обѣихъ сторонъ одинаковое количество людей нападало другъ на друга. За одного старца слуги его положили на мѣстѣ нѣсколькихъ смердовыхъ воиновъ. Смерда былъ тяжело раненъ; когда его глаза стали заплывать кровью, онъ удалился съ поля сраженія и приказалъ своимъ отступить. Оставшіеся въ живыхъ княжескіе слуги стѣснились около своего вождя и отступили къ рѣкѣ. Побѣдители не преслѣдовали ихъ; они довольствовались ѣдкими насмѣшками и ругательствами, которыя посылали вслѣдъ Смердѣ и его товарищамъ. Отъ рѣки доходили до нихъ только

крики и шумъ; слуги Виша не оставались въ долгу, отвѣчая тѣмъ-же.

— Собачьи сыны! Невольники! Рабы!

— Змѣи! Предатели! Измѣнники!..

Такія слова раздавались то съ одной, то съ другой стороны. Кулаки и мечи поминутно подымались вверхъ.

— Идите-ка сюда!—кричали одни!

— Попробуйте подойти!—отвѣчали другіе.

Между тѣмъ, въ кустарникѣ, на берегу рѣки, Смерда обвязывалъ себѣ голову, а сыновья Виша подняли трупъ отца и понесли его въ избу на постель. Плачъ и крикъ раздавались теперь въ Вишевой хижинѣ.

Никто не думалъ начинать снова сраженія. Голоса понемногу притихли. Теперь можно было навѣрное разсчитывать, что Смерда оставитъ ихъ въ покоѣ. Дѣйствительно, Смерда былъ доволенъ и тѣмъ, что виновникъ и зачинщикъ погибъ, и думалъ о возвращеніи къ князю. Ни онъ, ни люди его не хотѣли подвергать своей жизни новой опасности, не считая себя болѣе сильными, чѣмъ ихъ противники. Они довольствовались угрозами и легли на землѣ недалеко отъ воротъ, гдѣ оставались до поздняго вечера. Людекъ велѣлъ зорко слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ, чтобы они ночью внезапно не бросились на село. Ночь наступила, говоръ притихъ, казалось, что княжескіе слуги заснули.

Высланный мальчуганъ, подползшій на четвереренькахъ до того мѣста, гдѣ стояла дружина Смерды, увидѣлъ какъ они, пользуясь темнотою ночи, перешли рѣку въ бродъ и по противоположному ея берегу поѣхали въ сторону княжескаго столба. Теперь, оставивъ нѣсколько человѣкъ на часахъ, можно было отдохнуть хоть на время. Дорого обошелся имъ этотъ отдыхъ!

Въ свѣтлицѣ, на своей постели, лежалъ трупъ старика, который сжатою рукою все еще держалъ кусокъ дерева, глубоко засѣвшій въ его груди, облитой черною застывшей кровью. Лучина горѣла на очагѣ, оба сына сидѣли на свѣтлицѣ и заливались горькими слезами. Некому было думать о похоронахъ, потому-что всѣ женщины все еще сидѣли въ лѣсу.

Самборъ побѣжалъ за ними въ лѣсъ; долго звалъ онъ ихъ, пока на зовъ его отвѣтили; затѣмъ сошлись жена Виша, его до-

чери, невѣстки, служанки и внучата. Среди глубокой ночи возвращались они изъ лѣсу. Женщины рыдали, пѣли, охали, вырывая себѣ волосы, а лѣсъ глухимъ стономъ вторилъ имъ, какъ-будто сочувствуя ихъ горю.

Впереди шла Яга, съ распущенными длинными сѣдыми волосами, со сложенными на груди руками, съ закрытыми глазами. Дочери вели ее подъ руки. Онѣ тоже распустили косы, сняли вѣнки съ головъ, разорвали свою одежду. Одна Дива молчала и слѣдовала за всѣми, какъ полумертвая.

Печальные стоны, плачъ и грустныя пѣсни женщинъ разстрогали мужчинъ, и они стали рыдать. Когда отворили двери въ свѣтлицу, всѣ женщины бросились къ трупу старика.

Огонь началъ гаснуть на камняхъ: кто-то подбросилъ пучокъ лучинъ, огонь снова запылалъ пламенемъ и освѣтилъ такую страшную картину, что одинъ видъ ея заставилъ рыдать тѣхъ, которые уже цѣлый день плакала и стонали.

На дворѣ собаки выли, въ сараяхъ ревѣли коровы и ржали лошади. Наконецъ Дива поднялась съ земли. Старуха Яга послѣдовала ея примѣру, однѣ только плакальщицы остались лежать на землѣ, оглашая воздухъ плачемъ и пѣснями. Мать и дочь принялись одѣвать умершаго.

Пепелище находилось довольно далеко отъ хижины, на песчаной полянѣ въ серединѣ лѣса. Работники отправились туда приготовить дровъ для костра, собрать камни на могилу, потому-что не хотѣли долго держать трупа несожженнымъ, чтобы духъ старца могъ скорѣе улетѣть къ отцамъ своимъ и братьямъ.

Ночь прошла среди приготовленій и плача... Къ утру старый Вишъ сидѣлъ на скамьѣ точно живой. На него надѣли лучшую одежду, препоясали лучшій мечъ, на голову надѣли шапку съ бѣлымъ перомъ; лукъ, праща, каменный топоръ отцовъ и кремневое долото дополняли одежду и вооруженіе умершаго на полѣ брани старца.

Сѣропѣгій конь, на которомъ совершилъ Вишъ послѣднее путешествіе, стоялъ возлѣ хижины въ сараѣ. Ему суждено было погибнуть на кострѣ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ...

У ногъ покойника сидѣла Яга, съ опущенною головою. Старуху-вдову нарядили въ самое красивое ея платье и платки, на

шеѣ у нея блестѣли янтарныя бусы. Старуха вздыхала и стонала, сидя у ногъ покойника мужа. Немного подальше отъ нея сидѣли плакальщицы, царапая себѣ грудь руками. Онѣ плакали и завывали. Въ глубинѣ избы стояли сыновья Виша, отирая слезы руками.

— ...Ушелъ ты отъ насъ,—пѣли плакальщицы,—нѣтъ тебя болѣе, господинъ нашъ, оставилъ ты насъ сиротами. Отошелъ ты къ отцамъ своимъ, къ яснымъ духамъ, воевать будешь съ черными духами. На землѣ у тебя было все, чего душа твоя желала... Земля обширная, звѣрей бездна, безъ счета скотины, запасы хлѣба, тысячи ульевъ и медъ бѣлый... И любили тебя люди... И жену имѣлъ ты вѣрную и любящую, послушныхъ дѣтей, покорную челядь, лошадей быстроногихъ... И бросилъ ты, господинъ нашъ, и насъ всѣхъ... и дѣтей... и жену свою... и никогда къ намъ не вернешься... Взгляни на оставленныхъ сиротъ, рвутъ они волосы, слышишь ихъ стоны... Открой вѣки, Вишъ, воинъ непобѣдимый; врагъ напалъ на тебя... измѣнникъ-врагъ убилъ тебя... Но кровь твоя отомщена... Месть ненасытна; послѣдній изъ твоего рода будетъ еще мстить твоимъ врагамъ; и будетъ такъ во-вѣки-вѣковъ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ племени убійцъ и разбойниковъ...

Пѣсня эта повторялась много разъ, сопровождаемая стонами, плачемъ и рыданіями.

Начинало уже свѣтать, когда вернувшіеся съ работы въ лѣсу работники объявили, что на полянѣ готовъ уже костеръ. Сейчасъ-же были посланы люди Виша къ сосѣдямъ съ приглашеніемъ отъ старухи Яги и сыновей Виша на скорбный хлѣбъ.

Печальное шествіе тронулось изъ села. Четыре работника несли сидящее тѣло покойнаго, за которымъ вели лошадь стараго кмета, его собакъ, несли одежду и оружіе. Плакальщицы окружили тѣло Виша, напѣвая пѣсни и издавая ужасные стоны. За ними слѣдовали сѣдовласый Слованъ и Яга, которую поддерживали двѣ ея дочери; всѣ, безъ исключенія, работники и работницы вышли проститься съ любимымъ всѣми хозяиномъ. Въ селѣ не осталось ни одной живой души. Всѣ избы настежъ были открыты.

Чтобы дойти до поляны, на которой сожигали тѣла умершихъ, приходилось проходить черезъ густой лѣсъ, окружающій со всѣхъ сторонъ поляну; лѣсъ этотъ защищалъ могилы отъ чужихъ. На

полянѣ нѣсколько рядовъ большихъ камней обозначали могилы прежде умершихъ кметовъ. Засохшая трава была единственнымъ украшеніемъ этого жилища мертвыхъ.

У самаго входа, на плотно убитой землѣ, находился огромный костеръ, сложенный изъ сосновыхъ бревенъ, поддерживаемыхъ четырьмя высокими колодами, глубоко вбитыми въ землю съ четырехъ его сторонъ. Рядомъ съ костромъ стояли зольники, горшки, мисы и маленькіе глиняные сосуды, въ которые послѣ сожженія костра должны были положить пепелъ и обѣтныя жертвы; на землѣ лежалъ хлѣбъ, калачи, мясо, пиво и медъ — все приготовленное для совершенія обряда тризны. Лучезарное, ясное солнышко и теплый майскій день дѣлали погребальный праздникъ еще болѣе торжественнымъ и спокойнымъ, точно добрые духи выражали этимъ свою радость, что къ нимъ прибудетъ старый Вишъ.

Женщины окружили Ягу, которая молча цѣловала по очереди всѣхъ дѣтей своихъ, точно на вѣки вѣчные прощаясь съ ними. Онѣ не говорили ни одного слова; со вчерашняго дня старуха хранила глубокое молчаніе, но всѣ предчувствовали, всѣ знали, что она рѣшилась умереть вмѣстѣ со своимъ мужемъ, и ни за что не согласится остаться на землѣ одна, осиротѣлая, безъ мужа.

Плакальщицы громко пѣли и стонали, когда сыновья Виша и его работники внесли тѣло покойнаго на костеръ, и посадили его въ самой серединѣ, укладывая вокругъ него все, что вмѣстѣ съ нимъ слѣдовало предать огню. Тутъ было собрано все, чѣмъ пользовался при жизни старикъ дома, за работою и на охотѣ. Сосновыя колоды, уложенныя одна на другой, точно лѣстница, вели къ трупу, окруженному оружіемъ и одеждою.

Еще не совсѣмъ усадили Виша на кострѣ, еще не успѣли привязать его, когда Яга, горячо поцѣловавъ Диву, медленнымъ шагомъ направилась къ костру. Къ ней подбѣжали сыновья, желая удержать ее, но она рукою ихъ слегка оттолкнула; подошли къ ней дочери, Яга дала имъ знакъ рукою, чтобы онѣ отошли въ сторону; маленькія внучки бросились къ ней съ плачемъ, но она указала на нихъ рукою своимъ дочерямъ, чтобы тѣ взяли дѣтей на руки... Яга, не останавливаясь, твердымъ шагомъ, подошла къ костру; остановившись здѣсь, она посмотрѣла въ послѣдній разъ на всѣхъ окружающихъ и смѣло поднялась по ступенямъ на ко-

стеръ, къ своему мужу; Яга упала къ ногамъ покойника и, обнявъ ихъ руками, сидѣла недвижно, точно умершая.

Плакальщицы все громче охали и стонали. Работники привели вѣрнаго Вишева коня и привязали его къ столбу, связавъ ему ноги. Рядомъ поставили любимыхъ Вишевыхъ собакъ... Плакальщицы начали бѣгать вокругъ костра. Плачъ и стоны увеличивались. Наконецъ зажгли въ четырехъ сторонъ смолистыя лучины. Едва успѣли зажечь ихъ, какъ весь костеръ объяло пламенемъ. Дымъ и пламя закрыли покойника и Ягу.

Огонь съ жадностью пожиралъ костеръ. Неописанный пронзительный крикъ присутствующихъ огласилъ воздухъ. Вѣтеръ усиливалъ пламя, которое своими огненными языками лизало сосновыя бревна, превращая ихъ въ уголь. Рубиново-красныя бревна опускались все ниже и ниже. Окружавшіе костеръ мужчины и женщины пристально смотрѣли на обуглившіеся трупы Виша и Яги, ожидая, когда души ихъ улетятъ къ небу.

Наступила минута, когда слѣдовало отгонять злыхъ духовъ, черныхъ боговъ; четыре работника, верхомъ, держа въ рукахъ длинныя копья, поскакали вокругъ костра, а всѣ присутствующіе, махая руками, подбрасывая вверхъ мечи, неистово кричали.

Костеръ все еще горѣлъ. Изъ-за облаковъ дыма, изъ свѣтлыхъ языковъ пламени все еще видны были два почернѣвшія тѣла, изъ которыхъ одно сидѣло, другое лежало у его ногъ. Наконецъ нижнія колоды начали ломиться. Обугленные трупы рухнули въ огненную бездну. Пѣсни притихли, души покойниковъ вознеслись къ небу. Сыновья и дочери покойныхъ продолжали бросать въ огонь все, что было у нихъ дорогого, что могло пригодиться на томъ свѣтѣ ихъ отцу: оружіе, куски металла, камни.

Между тѣмъ служанки наполняли миски, корыта и горшки кушаньемъ для живыхъ и умершихъ, могильною жертвою для духовъ.

Костеръ, все уменьшаясь, превратился въ груду черныхъ углей и пепла. Мужчины подбирали разбросанные по сторонамъ куски дерева и углей, дожидаясь когда священный огонь самъ погаснетъ. Солнце клонилось уже къ закату, когда сгорѣли остатки костра; оставшіеся красноватые угли были залиты водою, принесенною изъ священнаго источника.

Только теперь къ костру подошли женщины, неся глиняный

зольникъ, чтобы положить въ него несгорѣвшіе остатки костей, угля и всего, что, вмѣстѣ съ покойникомъ истребленное огнемъ, съ нимъ-же перешло на тотъ свѣтъ.

Печальное шествіе: мужчины, женщины и дѣти, неся зольникъ, горшки и мисы, направились къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось насыпать могилу Вишу, около могилъ его отцовъ и братьевъ. По серединѣ поставили зольникъ съ пепломъ и накрыли его крышкою. Около него разставили горшки и мисы съ кутьею. Сыновья и дочери Виша, каждый изъ его работниковъ,—всѣ спѣшили принять участіе въ работѣ сооруженія его могилы. Подъ звуки пѣсенъ и стоновъ принялись они сыпать могилу.

Женщины усѣлись вокругъ могилы, плача и напѣвая заунывныя пѣсни. Теперь пѣсни были болѣе спокойныя—духъ Виша улетѣлъ. Могила была насыпана. Ночь покрыла своимъ мрачнымъ покровомъ и могилу Виша, и окружающихъ ее и черный, уныло шумѣвшій лѣсъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ костеръ, мужчины развели огонь, и началась тризна.

Сосѣдей собралось много. Дѣти Виша угощали всѣхъ, со всѣми пили медъ и пиво. Большія бочки пива и меда стояли у огня, къ нимъ подходили всѣ, гости и рабочіе, утолить жажду. Около мисокъ и корытъ, наполненныхъ кушаньемъ, сидѣли мужчины, отдѣльно отъ нихъ, немного подальше, разсѣлись женщины.

Вдругъ раздались звуки гуслей и говоръ умолкъ: только вѣтеръ ходилъ по лѣсу и вторилъ пѣснѣ Слована. Слованъ пѣлъ:

— Домъ твой опустѣлъ, одинокій стоитъ въ лѣсу. У дѣтей твоихъ нѣтъ болѣе отца. Ты, старикъ, отошелъ къ своимъ отцамъ пить бѣлый медъ и пировать. Старый воинъ... воинъ старый... Волосы твои, какъ снѣгъ были бѣлы; но молоды руки твои. Кто-же сосчитаетъ, кто воспоетъ, что оставилъ ты на землѣ... Сколько звѣрей пало отъ руки твоей; сколько бортей, сколько ульевъ ты воспиталъ, взлелѣялъ; сколькихъ враговъ убилъ ты, сколькимъ несчастнымъ далъ пищу. Вишъ старый, сынъ Збоя, не вернуться тебѣ болѣе на нашу землицу. Землею мы тебя засыпали, пепелъ твой облили слезами. Съ тобою пошла вѣрная жена, конь твой милый, рогъ твой звучный. Вишъ мой старый, сынъ Збоя, не вернуться тебѣ болѣе. Летать будешь по ясному небу, молотомъ

бить будешь нѣмецкихъ духовъ. Костеръ зажгли тебѣ большой... О Лада! Лада! Лада!..

Всѣ повторили за пѣвцомъ: Лада! И громкій крикъ разнесся по полянѣ, по лѣсу и по всей окрестности. Людекъ, держа въ рукахъ чарку съ медомъ, запѣлъ печально:

— Отецъ добрый... Вишъ воинъ и господинъ нашъ, мы отомстимъ за твою кровь. Кровью за кровь расплатятся они; жизнь за жизнь отдать должны! Кровь за кровь!

Всѣ мужчины, родственники Виша, подымая руки, громкимъ голосомъ крикнули:

— Кровь за кровь!

Подлѣ Людека стоялъ только-что прибывшій Доманъ; онъ крикнулъ громко одинъ:

— Кровь за кровь!

Всѣ повернули къ нему головы. Онъ стоялъ съ опущенною на грудь головою, онъ плакалъ, точно родного отца потерялъ, и говорилъ полу-пѣснею, полу-словомъ:

— Вишъ старый пусть радуется... Быть тому, чего онъ хотѣлъ... быть тому, что онъ повелѣлъ... Несутся воины, ѣдутъ воины... И старшины созваны... Въ городѣ страхъ большой... Блѣдный Хвостекъ собираетъ своихъ рабовъ. Пойдемъ на вѣче, понесемъ окровавленное платье, положимъ его передъ старшинами, и будемъ молить о мести...

Ему вторили, повторяя каждое слово и поднимая чарки съ медомъ всѣ вблизи его находившіеся мужчины. Молодежь не могла удержаться, чтобъ не проклинать Хвостка и всѣхъ его рабовъ, обращая въ сторону Топла сжатые кулаки.

По мѣрѣ того, какъ бочки опорожнивались, увеличивался говоръ и шумъ; старики начали разсказы объ умершемъ: какъ онъ среди войны и труда провелъ свои молодые годы, какъ онъ любилъ своихъ, какъ всѣ его любили, какъ онъ гостя считалъ неприкосновеннымъ, святымъ... А между тѣмъ чарки съ медомъ переходили изъ рукъ въ руки, жажда мести увеличивалась съ каждою минутою.

Женщины сидѣли въ сторонѣ и тоже пѣли тихимъ голосомъ.

Поминающіе оставались на полянѣ цѣлую ночь, весь слѣдующій день и слѣдующую ночь; тризна кончилась только на третій

день. Молодежь бросала мечи и копья, бѣгала и скакала верхомъ, стараясь обогнать другъ-друга, пробовала свои силы, стараясь пересилить одинъ другого въ рукопашномъ бою. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ бочкахъ былъ медъ, а утомленіе не изнурило мужчинъ; женщины, сидя, дремали. Тогда только начали расходиться по домамъ, прощаясь съ могилою умершаго и украшая ее зелеными вѣтвями.

Доманъ пробылъ до самаго конца; когда сыновья Виша оставляли поляну, онъ пошелъ съ ними, провожая ихъ до дому.

На пути онъ остановилъ ихъ.

— Послушай,—Людекъ, обратился онъ къ старшему,—не знаю, слѣдуетъ-ли теперь говорить объ одномъ важномъ дѣлѣ, или нѣтъ... но мнѣ необходимо вынуть изъ сердца, что я въ немъ ношу, и показать вамъ. Сядемъ здѣсь и поговоримъ.

Они сѣли подъ дубомъ; Доманъ пожалъ руки обоимъ братьямъ и сказалъ:

— Я всегда хочу быть съ вами; я желаю быть вашимъ братомъ, будьте-же и вы мнѣ братьями.

— Согласенъ!—отвѣтилъ Людекъ, наслѣдовавшій отъ отца его спокойный и твердый характеръ и мужество; онъ говорилъ рѣдко и мало, но разъ рѣшившись на что-нибудь, сдерживалъ свое слово, хотя-бы пришлось поплатиться кровью.

— Что-же вы думаете теперь дѣлать? Смерть отца необходимо отомстить; иначе нельзя. Смерда убилъ его... но Смерда не главный виновникъ, онъ дѣйствовалъ такъ не по своей волѣ. Что-же вы думаете дѣлать?

— Ты давича хорошо сказалъ, — отвѣтилъ Людекъ за себя и за брата, подумавъ немного, — понесемъ на вѣче окровавленное платье и отцову рубаху, покажемъ ихъ старшинамъ и скажемъ: за васъ и ваше дѣло Вишъ положилъ свою голову, за вѣче; пусть-же вѣче приказываетъ, какъ отомстить смерть нашего отца...

Онъ посмотрѣлъ въ глаза Доману.

— Да,—отвѣчалъ Доманъ,—пусть старшины постановятъ, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, а если не хватитъ вамъ рукъ, чтобы достойно смыть нанесенную обиду, мои руки всегда готовы вамъ помочь.

Глаза Домана горѣли, видно было, что не на этомъ онъ хотѣлъ

остановиться; онъ поднялъ глаза, но сейчасъ-же снова опустилъ ихъ.

— Я хочу быть вашимъ братомъ... братомъ вашимъ, — добавилъ онъ.

— Мы твои братья!—въ одинъ голосъ отвѣчали оба сыновья Виша и пожали руку Домана.

— Не выбралъ я времени просить стараго Виша, — сказалъ Доманъ,—такъ вамъ скажу... Я хочу взять вашу сестру.

Наступила минута тягостнаго для всѣхъ молчанія. По тогдашнему обычаю сестры выходили замужъ по старшинству. Не спрашивая Домана, оба брата догадались, что онъ думалъ о Дивѣ. Людекъ опустилъ голову.

— Братъ,—Доманъ,—проговорилъ онъ съ трудомъ,—Дива не хочетъ идти замужъ. Это не новость. Она уже давно пожертвовала собою богамъ. Она не для дѣтей, не для прялки, не за горшками смотрѣть ей... Священный огонь, священный ключъ, пѣсни и ворожба — вотъ чѣмъ будетъ заниматься Дива. Въ жены она тебѣ не годится. Отдалъ-бы я ее тебѣ охотно, но какъ-же мнѣ идти противъ ея воли?

Послѣдовало молчаніе; Доманъ, опустивъ голову на грудь, нетерпѣливо рвалъ руками свою бороду.

— О!—сказалъ онъ,—развѣ это рѣдко случается, что пока она въ дѣвкахъ, въ головѣ ея зарождаются разныя думы, а возьметъ ее кто-нибудь въ жены, она все забудетъ. Дива пришлась мнѣ по душѣ; мнѣ нравится въ ней и краса ея, и характеръ, У меня всего вдоволь, сдѣлаю ее княгинею, развѣ птичьяго молока только не будетъ у нея...

Людекъ отрицательно махнулъ головою...

— Чѣмъ-же я могу помочь?—сказалъ онъ.—Съ богами и духами спорить я не въ силахъ. Младшую сестру, если захочешь, могу отдать тебѣ. Она не хуже Дивы, тоже красавица. Хотя-бы она и не рада была, возьмешь ее.

Онъ посмотрѣлъ на Домана. Доманъ сорвалъ зеленый листъ, приложилъ его къ губамъ и, глядя куда-то вдаль, молчалъ; когда листъ упалъ съ его губъ, онъ сказалъ:

— Если-бы ты приказалъ дѣвкѣ, она должна-бы тебя послушаться; ты теперь хозяинъ, что прикажешь, то и должно сове р-

шитьем. Да, каждая дѣвка думаетъ, что будетъ служить богамъ и духамъ; но развѣ слѣдуетъ слушать ихъ?

— Я не властенъ приказать Дивѣ,—сказалъ Людекъ.

Лицо Домана налилось кровью, глаза горѣли, и онъ тяжело дышалъ.

— Э! — крикнулъ онъ. — Вотъ каково твое братское чувство! Диву не хочешь отдать потому, что отъ другого кого-нибудь ждешь большаго выкупа.

— Доманъ, братъ... Я не хочу никакого выкупа. Я правду истинную говорю.

— Хочешь, чтобы я сталъ вамъ братомъ, чтобы и я съ вами поклялся мстить Хвостку, такъ отдай мнѣ сестру, — повторилъ Доманъ.

— Младшую отдамъ...

— Я старшую хочу, или ни одной.

— Не могу!—спокойно, но твердо, отвѣчалъ Людекъ.

Доманъ привсталъ, сорвалъ зеленый листъ и, по привычкѣ, приложилъ его къ губамъ. Постоявъ немного, онъ отошелъ въ сторону.

— Отецъ твой навѣрное отдалъ-бы мнѣ ее! — вскричалъ онъ гнѣвно.

— Никогда...

— Хочешь имѣть меня на своей сторонѣ, отдашь Диву, иначе...

Людекъ вздрогнулъ; Доманъ началъ уже выводить его изъ терпѣнія.

— Такъ и не надо!—крикнулъ онъ.

— Значитъ, ты хочешь видѣть во мнѣ не брата, а врага? — сказалъ Доманъ.

— Подкупить тебя я не могу, значитъ, принужденъ буду обойтись безъ тебя,—отвѣчалъ Людекъ равнодушно.

Доманъ задрожалъ отъ злости.

— Эй, Людекъ, братъ! Не хорошо ты дѣлаешь,—говорю тебѣ.— Ради дѣвки ты не хочешь утѣшить отца въ могилѣ вражескою кровью. Эй, эй!..

— Я уже сказалъ, — отвѣчалъ Людекъ,—не могу...

— Тебѣ теперь друзья нужны, а ты самъ дѣлаешь себѣ не-

друговъ!—злобно смѣясь, говорилъ Доманъ;—у тебя ума, какъ я вижу, нѣтъ.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Людекъ, стараясь не дать воли вспыхнувшему въ немъ гнѣву, еще разъ замѣтилъ:

— Не могу!

Доманъ собирался уйти.

— Не хотите по доброму согласію отдать,—крикнулъ онъ,—такъ я ее не сегодня, завтра—возьму силою.

— А мы силою-же будемъ защищать ее!..

— А, посмотримъ!

— И мы посмотримъ!

При послѣднихъ словахъ они отошли другъ отъ друга, презрительно глядя одинъ на другого. Они не пожали руки другъ другу. Младшій братъ стоялъ за Людекомъ, который замѣнялъ ему теперь отца.

Доманъ надвинулъ шапку на глаза и ушелъ отъ нихъ. Его лошади стояли недалеко отъ поляны и могилъ. Черезъ нѣсколько времени раздался лошадиный топотъ вдали... Доманъ уѣхалъ.

Людекъ все еще стоялъ на томъ-же мѣстѣ въ надеждѣ, что Доманъ вернется. Услышавъ топотъ, и онъ двинулся въ путь. Въ лѣсу раздавались звуки ломающихся вѣтвей и лай собакъ. Доманъ съ каждою минутою удалялся все болѣе отъ нихъ.

На обратномъ пути домой Людекъ и его братъ встрѣчали своихъ людей, которые, напѣвая пѣсни, возвращались въ село. Тризна и пиръ изнурили ихъ больше, чѣмъ могло-бы изнурить сраженіе.

На слѣдующій день въ Вишевой избѣ и на селѣ пошла обычная жизнь. Женщины суетились у огня, Дива за прялкою сидѣла у окна, служанки вертѣли жернова. Движеніе было даже больше обыкновеннаго, потому-что похороны оставили свой слѣдъ на каждомъ шагу. Старухи Яги, которая всегда управляла хозяйствомъ—не было. Ея мѣсто заняли теперь жена Людека: она надъ женщинами, мужъ—надо всѣми имѣли теперь полную власть.

Вечеромъ на крыльцѣ сидѣли двѣ сестры, Дива и Живя; обнявшись, онѣ пѣли печальныя пѣсни, глядя куда-то въ даль задумчивыми глазами. Людекъ подошелъ къ нимъ. Какъ только сестры завидѣли брата, онѣ привстали передъ нимъ, какъ передъ хозяиномъ. Онъ остановился передъ ними. Дива подошла къ нему.

— Скажи, на милость, зачѣмъ это ты обворожила Домана? — спросилъ онъ.

— Я?—краснѣя, спросила красавица,—я и ворожбы не знаю и ворожить не умѣю, да и Домана знать не хочу.

— Онъ изъ-за тебя сталъ нашимъ врагомъ,—сказалъ Людекъ.— Онъ хочетъ взять тебя у насъ... Угрожаетъ намъ...

— Я дала обѣтъ служить богамъ,—спокойно пояснила Дива.

— Онъ знаетъ объ этомъ, но слушать не хочетъ.

— Чѣмъ-же я виновата?

— Эй, Дива!—сказалъ братъ,—лучше-бы тебѣ выйти за него, у насъ былъ-бы братъ, а такъ врага мы себѣ въ немъ наживемъ.

Дива встряхнула головою, слезы закапали изъ ея глазъ; она взглянула на брата и обратилась къ нему съ печальною улыбкою:

— Не заставляй меня,—умоляла она тихимъ голосомъ,—нарушить клятву... Оставь Диву въ покоѣ. Я буду прясть пряжу, носить воду, пѣть пѣсни.

Сказавъ это, она поклонилась въ ноги Людеку. Живя, не говоря ни слова, подошла къ брату, тоже поклонилась ему въ ноги, обняла его колѣни и тоже стала просить, чтобы онъ не неволилъ Диву выходить замужъ.

Людекъ опустилъ на грудь голову и молча ушелъ. Сестры остались однѣ на крыльцѣ.

X.

Густой, непроходимый лѣсъ окружалъ со всѣхъ сторонъ Змѣиное урочище, какъ-бы забытое съ-поконъ вѣковъ: ни одна тропинка не вела къ нему отъ лѣсныхъ окраинъ. Почти непроходимыя тряскія болота дѣлали его недоступнымъ для человѣка. Только съ одной стороны узенькая полоса твердой земли позволяла добраться до урочища. Въ давно минувшія времена, когда разные народы безпрестанно мѣняли мѣсто своего пребыванія здѣсь, по всей вѣроятности, были ихъ первыя становища на незнакомой имъ землѣ. Здѣсь, въ память этого событія, всегда собирались старшины для совѣщаній. Урочище было опоясано, теперь уже на-половину разрушеннымъ, покрытымъ густою травою, землянымъ ва-

ломъ. Въ самой серединѣ стояла, лишенная крыши, ветхая хижина, стѣны которой наклонялись въ разныя стороны. Около нея лежалъ, на землѣ, опоясывающій ее когда-то, а теперь полусгнившій заборъ. Кромѣ этого остатка почернѣвшаго и разрушеннаго сарая или хижины, на полянѣ не было ничего, ни деревьевъ, ни камней; жалкая трава, кое-гдѣ нѣсколько хилыхъ цвѣтовъ и старыя норы землероекъ. Окрестность, какъ и самое урочище, имѣла какой-то строгій, печальный видъ. Угрюмый, черный лѣсъ окружалъ ее со всѣхъ сторонъ. Немного въ сторонѣ небольшое, заросшее камышомъ озеро принимало въ себя грязную рѣченку, протекавшую по болотамъ. Заунывные голоса чаекъ заглушали пѣніе лѣсныхъ птичекъ. Пернатые жители лѣса подымались съ безпокойствомъ цѣлыми стадами и кружились надъ верхушками деревьевъ, какъ-бы отгоняя отъ своихъ гнѣздъ непрошенныхъ гостей.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ урочище соприкасалось съ твердою землею, старый лѣсъ защищалъ его отъ любопытныхъ посѣтителей.

Сказано—сдѣлано. Кметы рѣшили созвать вѣче наканунѣ праздника Купалы. Многіе изъ кметовъ и жупановъ знали уже, какая участь постигла стараго Виша за то, что онъ первый задумалъ созвать вѣче. Смерть старика напугала немногихъ, многихъ раздражила, а всѣхъ заставила призадуматься надъ своей судьбою.

Къ Змѣиному урочищу можно было пробраться только со стороны лѣса, а кому необходимо было пройти по этой единственной тропѣ, тотъ долженъ былъ проходить мимо стараго дуба, на половину сгнившаго, съ засохшими вѣтвями, кое-гдѣ покрытаго зелеными листьями... Дубъ этотъ, равно какъ и урочище, считался священнымъ: оба были посвящены богамъ или духамъ матери-земли. У его подножія лежали груды ветхихъ и грязныхъ кусковъ полотна и сукна, съ которыми окрестные жители складывали у ногъ великана-дуба свои недуги и болѣзни.

Небольшой ключъ, бьющій вблизи, служилъ бѣднымъ для обмыванія болѣзни, полотно и сукно для обтиранія больного мѣста. Эти куски бросались больными подъ старый дубъ въ глубокомъ убѣжденіи, что съ ними вмѣстѣ уходятъ и болѣзни. Чтобы избавиться отъ недуга, нужно было посвятить его въ жертву богамъ. Стояли здѣсь также горшки и миски, наполненные покрытыми

плѣсенью какими-то веществами, куски янтаря, шнурокъ, смотанный въ странные узлы,—и все это было покрыто опавшей, полусгнившею, пропитанною влагою листвою.

Почти у самой верхушки въ стволѣ дуба видно было большое дупло, какъ-бы созданное для того, чтобы пчелы могли основать въ немъ свое царство. Но дупло пугало пчелъ своею сыростью и не заселялось: черная его пасть зіяла какъ-то страшно.

Зеленый мохъ и блѣдныя травы окружали дупло, украшая его точно бархатною каймою.

Еще дневной свѣтъ не успѣлъ разсѣять мрака ночи, когда въ сосѣдней гущѣ послышался какой-то шорохъ. Что-то чрезвычайно осторожно проскользнуло въ высокой травѣ, присѣло, прислушалось внимательно; когда-же это что-то убѣдилось, что въ лѣсу и на полянѣ господствовала полная тишина, изъ травы поднялся маленькій человѣчекъ, въ сермягѣ, съ коротко остриженными волосами. Человѣкъ этотъ навострилъ уши, открылъ ротъ и еще разъ прислушался ко всѣмъ звукамъ, раздающимся въ лѣсу. Затѣмъ, онъ обхватилъ дубъ обѣими руками, и, съ ловкостью дикаго звѣря, поднялся по стволу. Онъ иногда останавливался, оглядывался по сторонамъ и снова лѣзъ выше. Это былъ Зносекъ.

Несмотря на шероховатую поверхность дуба, Зносекъ не могъ быстро карабкаться по его стволу. Онъ нѣсколько разъ скользилъ внизъ и только благодаря своимъ ногтямъ, которые вдавливались въ кору, не упалъ на землю. Это его нисколько ни смущало и онъ съ удвоенной энергіею снова карабкался вверхъ.

Зносекъ былъ ужъ почти у самаго дупла, когда ему показалось, что послышался какой-то шорохъ во внутренности дупла. Оттуда выглянула сѣрая голова звѣря: длинные усы, бѣлые зубы, взъерошенная шерсть, желтые глаза дѣлали эту голову похожею на голову кошки... Звѣрь, замѣтивъ Зносека, грозно фыркнулъ, щелкнулъ челюстями и въ одинъ мигъ бросился ему на голову.

Визгъ и стонъ раздались въ одно время, звѣрь и человѣкъ упали на землю: трудно было отличить звѣря отъ человѣка; оба они образовали одинъ движущійся клубокъ. Звѣрь обнималъ человѣка, руки Зносека давили горло обитателя чернаго дупла. Кровь обильною струею потекла изъ этого клубка—двѣ человѣческія руки погрузились въ шерсть звѣря, сжали его за горло;

пасть разверзлась, кровью залились желтые глаза звѣря, тѣло его судорожно вздрагивало.

Зносекъ поднялся съ земли, обтирая окровавленное лицо рукою: лицо его было все исцарапано, голова носила слѣды острыхъ зубовъ дикаго звѣря. Онъ вздохнулъ, плюнулъ, провелъ рукою по своему израненному черепу, затѣмъ наклонился, поднялъ мертваго звѣря и нѣсколько разъ ударилъ имъ по дубовому стволу. Зносекъ опоясался своею добычею и снова оглядывался по сторонамъ, обтирая лицо рукавомъ. Израненная голова и искалѣченныя руки не удержали Зносека отъ новой попытки добраться до дупла. Борьба съ дикимъ звѣремъ еще болѣе раздражала его, онъ снова началъ карабкаться вверхъ по стволу, неся съ собою задавленнаго врага. Послѣ долгихъ усилій ему удалось, наконецъ, ухватиться руками за край зіяющей ямы, онъ всунулъ въ нее обѣ руки, приподнялся и всѣмъ тѣломъ повисъ надъ ея отверстіемъ. Зносекъ посмотрѣлъ въ нее, убѣдился, что никакой новой бѣды съ нимъ не случится и, опустившись въ дупло, исчезъ въ немъ... Послышался шорохъ листьевъ на днѣ дупла; Зносекъ устраивалъ себѣ сидѣнье. Черезъ нѣсколько времени изъ дупла выглянула голова, рядомъ съ нею показались двѣ руки... Зносекъ открылъ свой широкій ротъ, показывая два ряда большихъ, бѣлыхъ зубовъ. Онъ стоналъ отъ боли, но въ то-же время смѣялся отъ радости, что ему удалось задуманное дѣло.

Въ лѣсу раздался шорохъ. Внимательно прислушиваясь, Зносекъ убѣдился, что шорохъ этотъ какъ-будто приближается къ нему. Онъ началъ царапать кору ногтями. Черезъ нѣсколько минутъ въ сдѣланномъ такимъ образомъ отверстіи показался глазъ Зносека, который рядомъ съ первымъ выцарапалъ второе отверстіе и теперь оба его глаза, никѣмъ не видимые, могли осматривать дорогу, ведущую къ дубу и урочищу. Укрываясь въ дуплѣ, онъ могъ пересчитать всѣхъ идущихъ мимо дуба на урочище и разглядѣть лицо каждаго изъ нихъ.

Зносекъ вытаращилъ глаза въ сторону лѣса, откуда ожидалъ пріѣзда людей. Дѣйствительно, вскорѣ вѣтви раздвинулись и изъ лѣса, прямо напротивъ Зносека, выѣхалъ всадникъ, котораго сопровождали еще нѣсколько человѣкъ верхомъ. Онъ сидѣлъ на бѣлой, красивой лошади съ длинною гривою; лошадь была по-

крыта кожею и медленно подвигалась впередъ. Всадникъ, видно, далъ ей волю. Онъ задумался о чемъ-то; казалось, онъ пристально вглядывался во все окружающее, но также не трудно было замѣтить, что онъ ничего не видѣлъ, погруженный въ свои думы... Это былъ мужчина высокаго роста, съ длинною сѣдою бородою. Длинные волосы падали ему на плечи изъ-подъ колпака, сдѣланнаго изъ медвѣжьей пасти, зубы которой торчали надъ его лбомъ. Мевѣжьи челюсти и зубы, казалось, угрожали смертью каждому, кто подумалъ-бы приблизиться къ нимъ. Въ правой рукѣ всадникъ держалъ длинную, точно бѣлою лентою обвитую палку, на концѣ которой веревкою былъ привязанъ каменный топорикъ. На груди у него одѣтъ былъ панцырь, состоящій изъ нѣсколькихъ мѣдныхъ обручей, которые защищали грудь отъ вражескаго удара. Слѣдовавшіе за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи всадники, по всей вѣроятности, были его слуги; они слѣдили за каждымъ движеніемъ своего господина, ожидая его приказаній. Одинъ только изъ спутниковъ стараго воина ѣхалъ рядомъ съ нимъ. Это былъ молодой мужчина, вооруженный такъ-же, какъ и старикъ.

Когда они подъѣхали къ дубу, старикъ остановилъ лошадь и, замѣтивъ, что урочище еще пусто, проговорилъ:

— Никого еще!

— Никого!—повторилъ, всматриваясь въ даль, молодой воинъ.

— Что-жъ, неужели они перепугались и не поѣхали на сборъ? Можетъ-ли это быть? Нѣтъ даже и тѣхъ, которые сзывали насъ; имъ-бы первымъ слѣдовало быть здѣсь.

Старикъ соскочилъ съ лошади.

— Возьмите лошадей,—обратился онъ къ слугамъ,—станьте здѣсь по близости и дожидайтесь! Ты, Мрочекъ,—обратился онъ къ своему молодому спутнику,—пойдешь со мною; прислушивайся, гляди въ оба и учись,

Молодой, ничего не отвѣчая, наклонилъ голову въ знакъ покорности. Въ эту минуту съ противоположной стороны подъѣхалъ Доманъ съ двумя работниками. Онъ тоже соскочилъ съ лошади у стараго дуба, передалъ ее слугамъ и подбѣжалъ къ старику.

— Поздравляю тебя съ днемъ нашего вѣча,—проговорилъ онъ.

— Съ вѣчемъ, лишь-бы счастливымъ,—отвѣчалъ старикъ.— А гдѣ-же Вишъ?

Доманъ поднялъ вверхъ обѣ руки и указалъ старику на лазурное небо.

— Мы сожгли его тѣло, плакальщики уже оплакали его, теперь онъ пьетъ съ предками бѣлый медъ.

Старикъ всплеснулъ руками.

— Умеръ?—спросилъ онъ.

— Убили его,—отвѣчалъ Доманъ;—убили княжескіе слуги, которые напали на его хижину.

Старикъ опустилъ голову. Но вскорѣ поднялъ ее: въ глазахъ у него свѣтился гнѣвъ.

— Будемъ-же думать о нашихъ головахъ,—сказалъ онъ,—что съ нимъ случилось вчера, съ нами можетъ случиться завтра!

Тѣмъ временемъ съ разныхъ сторонъ изъ лѣса показывались на полянѣ всадники. Кметы собрались на вѣче. А между тѣмъ въ дуплѣ пара зоркихъ глазъ слѣдила за прибывающими кметами; Зносекъ очень удобно могъ разслышать все, что они говорили, такъ-какъ разговоры велись у самаго дуба.

Прибывающіе поздравляли другъ-друга съ вѣчевымъ днемъ, но лица ихъ были печальны. Число ихъ увеличивалось каждою минутою: изъ трехъ вскорѣ стало ихъ десять, а тамъ сорокъ, наконецъ, собралось за сотню. Всѣ стояли еще подъ дубомъ, никто изъ нихъ не вошелъ на городище. Тѣмъ временемъ прибылъ Людекъ, сынъ Виша. Соскочивъ съ лошади, Людекъ поздравилъ собравшихся съ предстоящимъ вѣчемъ и бросилъ среди нихъ, не произнеся ни одного слова, окровавленное отцово платье и рубаху. Едва показалъ онъ старшинамъ окровавленное платье, руки у всѣхъ задрожали, на челахъ показались глубокія морщины—нѣмые свидѣтели внутренняго негодованія и желанія мести; кулаки сжимались.

Затѣмъ, раздались глухіе голоса, заявлялось требованіе мести. Понемногу, все увеличиваясь, неясный гулъ смѣнился громкими криками, среди которыхъ чаще другихъ повторялся призывъ къ мести. Доманъ молчалъ все время: онъ отошелъ въ сторону и не произнесъ ни одного слова. Старшины одинъ за другимъ перешли въ городище. Людекъ поднялъ съ земли Вишеву одежду, перебросилъ ее черезъ плечо и отправился за другими. Во главѣ шли сѣдовласые старики. Они заняли первыя мѣста подъ полу-

сгнившими балками ветхаго сарая. Рядомъ съ ними садились на землѣ, складывая передъ собою оружіе, и всѣ другіе кметы, собравшіеся на зовъ покойнаго разсудить о своей судьбѣ. Стали подъѣзжать запоздавшіе, но многихъ еще не было. Разсѣвшись на землѣ широкимъ кругомъ, всѣ сидѣли молча... У иныхъ какъ-то странно блестѣли глаза.

— Нѣтъ ужъ болѣе того, который созвалъ насъ сюда, первымъ—началъ старикъ Боимиръ,—но духъ его говоритъ каждому изъ насъ, зачѣмъ собрались мы здѣсь. Намъ нуженъ совѣтъ, общій, дружный совѣтъ, какъ намъ быть и что дѣлать, чтобы сохранить древніе, полянскіе обычаи, чтобъ насъ не превратили въ нѣмцевъ и невольниковъ, въ княжескихъ рабовъ. Вездѣ, гдѣ жива рѣчь наша, наше слово, у лужичанъ, дулебовъ, вильчей, хорватовъ, сербовъ—вплоть до Дуная и за Дунаемъ, до самаго синяго моря,—князья приказываютъ на войнѣ, но дома, въ мирное время, народъ выбираетъ старшинъ, управляетъ, судитъ и раздѣляетъ землю. Народъ назначаетъ старостъ и тысяцкихъ, народъ печется о своей безопасности и порядкѣ... Хвостекъ вздумалъ заключить съ нѣмцами союзъ, со своего столба ему хочется повелѣвать нами,—нами, которые сами избирали его родъ для того только, чтобы онъ защищалъ насъ отъ врага. Виша убили именно за то, что онъ осмѣлился созывать вѣче!

Глухіе стоны огласили воздухъ, по всему собранію пробѣжалъ гулъ. Старики покачали головами.

Наконецъ, на правой сторонѣ всталъ черноволосый мужчина. До сихъ поръ онъ держалъ глаза опущенными внизъ, но теперь поднялъ ихъ, окинулъ ими собраніе, какъ-бы разыскивая въ немъ своихъ союзниковъ.

— Безъ князей,—сказалъ онъ,—намъ не обойтись; порядка не будетъ... Нападутъ нѣмцы на наши земли, а можетъ статься, и поморцы и вильчи, когда имъ голодно да холодно покажется у себя дома... А кто будетъ тогда защищать, кто станетъ приказывать, кто поведетъ дружину? Князь-ли, король-ли—зовите какъ хотите—нуженъ намъ... а подъ нимъ мы, хоть и равны ему, жупаны, кметы и владыки; а тамъ простой народъ... и наши невольники... Князь долженъ быть!

Въ собраніи раздалось нѣсколько недовольныхъ голосовъ, но ораторъ продолжалъ:

— Намъ какое дѣло, что онъ съ нѣмцами дружитъ, если этой дружбой онъ добьется мира.

Послышались недовольные голоса и, наконецъ, совсѣмъ заглушили слова оратора. Но, видно, сторонниковъ у того было не мало: послышались и одобрительные возгласы.

— Князь долженъ быть, говоришь ты,—крикнулъ Боимиръ,— пусть онъ и будетъ! Не въ этомъ дѣло. Никто не споритъ, онъ нуженъ. Иначе мы не съумѣли-бы защищаться отъ нѣмцевъ. Они нападаютъ на насъ съ мечомъ въ рукахъ, съ угрозами и подкупами; оружіе у нихъ желѣзное и сила не малая. У нихъ есть князья, которые умѣютъ вести своихъ воиновъ, какъ работникъ водитъ воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Не устоять намъ однимъ противъ нихъ. Князья намъ нужны! Пусть ихъ будутъ! Но не Хвостки нужны намъ, не ихъ Попелевъ родъ, который успѣлъ забыть, кто они такіе и чѣмъ намъ обязаны.

— Не надо Хвостка!—кричали одни. Но были и недовольные словами Боимира. Многіе привстали и, глядя другъ-другу въ глаза, казалось, готовы были сильно доказать правоту своихъ убѣжденій. Теперь уже не трудно было сосчитать, кто былъ за Хвостка, кто противъ него.

— Долой Хвостка!—кричали одни.—Прочь его.

Ихъ противники поднимали шумъ съ цѣлью заглушить эти крики.

За Боимиромъ сидѣли родъ Мѣшковъ, которыхъ ихъ знакомые звали Мышами и Мышками, потому-что они сильно расплодились и считали очень много мужчинъ въ своемъ родѣ. Они всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Долой его, долой Хвостка! Не о чемъ намъ разговаривать,—кричали они,—нужно прежде всего отправиться къ столбу и истребить этихъ гадовъ!

— Кричать не трудно,—отвѣчалъ одинъ изъ кметовъ,—но не такъ легко отдѣлаться отъ нихъ. Мы позволили Попелямъ разсѣсться удобно, расплодиться, вооружиться, снюхаться съ нѣмцами, тайкомъ брать нѣмокъ себѣ въ жены. Стоитъ имъ только позвать, и нѣмцы прибѣгутъ къ нимъ на помощь. А нѣмцы хуже Хвостка

разворятъ нашу землю, людей уведутъ съ собою и сдѣлаютъ насъ своими рабами. Лучше переносить мученія отъ руки своего, чѣмъ призывать чужого, который уничтожитъ наше племя, займетъ нашу землю, въ которой покоится прахъ отцовъ нашихъ. Вмѣсто того, чтобы нападать на Хвостка съ оружіемъ, лучше идти къ нему и въ глаза сказать ему все.

— Идти! Никто изъ тѣхъ, кто пойдетъ къ нему не вернется!— кричали Мышки, — всѣхъ, какъ собакъ, развѣшаютъ по стѣнамъ города. Нашихъ словъ онъ не станетъ слушать!

— Ну, а силы противъ него у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ Руданъ.

— Была-бы воля, а силу найдемъ, замѣтилъ Пястъ.

Одни стояли за Пяста, другіе за Рудана. Большая часть кметовъ, однако, не зная что дѣлать сидѣла молча, понуривъ головы.

— Что-же дѣлать?—спрашивали они другъ у друга.

— Переносить все до поры до времени,—отвѣчалъ Руданъ,— не вѣки вѣчные будетъ жить Хвостекъ, а сыновья, вѣрно, будутъ лучше его.

— Да, объ этомъ нѣмцы позаботятся — добавилъ чей-то голосъ.—И теперь ужъ пріучаютъ ихъ истреблять своихъ, высылая ихъ охотиться за сербами.

— Чего-же ждать?—спросилъ другой,—чтобы насъ всѣхъ по очереди перевѣшали и перерѣзали, какъ стараго Виша, а дѣтей нашихъ обращали въ своихъ слугъ и землю нашу Смердамъ роздали... такъ, что-ли?

Каждый высказывалъ свое мнѣніе, и нельзя было опредѣлить за то или за другое рѣшеніе высказывается большинство. Говоръ не умолкалъ ни на минуту. Мышки кричали: „долой Хвостка!“ Руданъ и его друзья старались сдержать порывы Мышковъ.

— И знать не будемъ какъ нападутъ на насъ нѣмцы, поморяне и другіе,—говорили они,—а они страшнѣе Хвоста. Услышатъ, что мы деремся между собою, что головы у насъ нѣтъ... Ну, и нападутъ на насъ и землю опустошатъ. Давно уже они точатъ зубы на насъ! Мы люди спокойные, пашня да гусли—вотъ наше оружіе, а они кровью питаются и желѣзомъ воюютъ. Не трудно имъ побѣдить насъ. Они всѣ повинуются одной главѣ, а мы съ своимъ княземъ не можемъ жить въ ладахъ...

— Неправда,—сказалъ Боимиръ,—мы его избрали, слушались,

кормили его, терпимъ его неправду... онъ и сошелъ съ ума... Не буду разсказывать, потому-что вы всѣ знаете хорошо, какіе кровавые пиры задаетъ онъ въ городѣ, какъ онъ душитъ своихъ родныхъ; у многихъ кметовъ онъ отнялъ все ихъ достояніе, хаты, людей, женщинъ. Да. А куда-же дѣвалось наша старая свобода? Гдѣ наши древніе обычаи?

Мышки потряхивали топорами въ воздухѣ и кричали:

— Что тутъ толковать! Нападемъ на разбойничье гнѣздо и раззоримъ его...

— Пойдемъ, пойдемъ!—кричали многіе.

Нѣкоторые поднимались со своихъ мѣстъ, выражая этимъ свою готовность хоть сейчасъ-же отправиться въ походъ, но всетаки согласія не было: у князя было слишкомъ много сторонниковъ. Долго еще спорили на вѣчѣ; желающіе съ оружіемъ въ рукахъ напасть на Хвостка успѣли, наконецъ, переманить на свою сторону еще нѣсколькихъ кметовъ, бывшихъ на сторонѣ противной партіи. Мышки начали глазами считать своихъ, ихъ оказывалось большинство. Тогда друзья князя сочли нужнымъ держаться въ сторонѣ. Одинъ только Руданъ громко ратовалъ за Хвостка, но его сторонники притихли: они даже неохотно отвѣчали тѣмъ, которые подходили къ нимъ, желая ихъ убѣдить въ необходимости низверженія Хвостка. Въ общихъ преніяхъ княжескіе сторонники уже не принимали никакого участія...

Шумъ и говоръ не переставалъ ни на минуту. Сказать, что нужно идти съ оружіемъ противъ князя, не трудно, но нужно было хорошенько обдумать всѣ послѣдствія такого шага. Нужно было обсудить, когда отправиться въ походъ, узнать кто въ немъ приметъ участіе. Княжескій столбъ былъ сильно укрѣпленъ: вода съ одной стороны, а съ другой высокій валъ и частоколъ дѣлали его почти недоступнымъ. Притомъ, въ городѣ собрано было много людей, готовыхъ защищать княжеское гнѣздо. А нѣмцы? Князь могъ и нѣмцевъ призвать на помощь, а они съ радостью бросятся на кметовъ, и тогда, пожалуй, не останется въ живыхъ ни одинъ изъ Мышковъ и ихъ друзей!

Солнце поднялось высоко и клонилось къ закату: полдень давно уже прошелъ, а старшины все еще обсуждали, какъ имъ быть и что дѣлать. Долго совѣщались они, много говорили про-

тивники и сторонники князя, языки у нихъ пересохли, а они все еще не пришли ни къ какому результату. Иногда спорящіе гурьбою бросались съ одной стороны поляны на другую, толпясь около старшинъ, собиравшихъ голоса.

Наподалеку отъ городища челядь расположилась обозомъ; лошади щипали траву на лугу, у опушки лѣса. Молодые парни весело проводили время; смѣхъ и говоръ не переставали ни на минуту.

Пара зоркихъ глазъ, между тѣмъ, высматривала изъ отверстій стараго дуба, слѣдя за каждымъ движеніемъ собравшихся кметовъ. До ушей хитраго Зноска долетали голоса старшинъ.

Парни, сидѣвшіе на лугу, отъ нечего дѣлать внимательно осматривали окрестную мѣстность. Вдругъ одинъ изъ нихъ, толкнувъ своего товарища локтемъ, замѣтилъ ему:

— Зырунъ! Посмотри на старый дубъ.

— Что же тамъ особеннаго? Дупло черное.

— Развѣ не видишь? Два глаза свѣтятся въ корѣ... точно глаза дикой кошки?!

— Не смотри на него! Этотъ дубъ священный... Кто знаетъ какой духъ сидитъ въ немъ и что можетъ сдѣлать взоръ его?

— Какой духъ! Это звѣрье или живой заколдованный человѣкъ... Духи днемъ не являются людямъ,—объяснилъ первый.

Парни обратили глаза на дубъ... Большинство изъ нихъ не на шутку испугалось злого духа.

— Дубъ этотъ священный. Человѣкъ не осмѣлился-бы забраться въ дупло.

— Нѣтъ, это звѣрь.

— Напугаемъ его!—сказалъ первый парень.—Глаза все еще на мѣстѣ. Я вижу ихъ.

Послѣ этихъ словъ онъ схватилъ лукъ, прицѣлился и стрѣла съ визгомъ пронзила воздухъ. Стрѣла ударилась съ большою силою въ то мѣсто, гдѣ свѣтился глазъ, поколебалась и исчезла. Вмѣстѣ съ нею скрылись и глаза. Парни притаили дыханіе...

— Одно изъ двухъ: звѣрь убитъ, или раненъ!—сказалъ Зырунъ.

— Хорошо-бы кожу съ него содрать,—замѣтилъ стрѣлявшій и пошелъ къ дубу.

— Постой, если ты его только ранилъ, то онъ будетъ защищаться,—сказалъ одинъ изъ его товарищей.

Ловкій стрѣлокъ принялъ во вниманіе это предостереженіе. Онъ схватилъ топоръ, привязалъ его къ кушаку и подбѣжалъ къ дубу. Товарищи смотрѣли съ любопытствомъ, дожидаясь развязки. Съ ловкостью кошки парень началъ взбираться по стволу къ дуплу. Онъ, однакожъ, опасался сразу войти въ зіяющее отверстіе: онъ нѣсколько разъ прикладывалъ ухо къ стволу—не слышалось ни шороха, ни звука. Тогда парень ухватился обѣими руками за большую вѣтвь, торчащую надъ дупломъ и повисъ на ней, заглядывая въ дупло, но ничего онъ не видѣлъ, хотя все ближе и ближе наклонялъ къ дуплу голову.

Въ самомъ низу, накрывшись убитымъ звѣремъ, которому вложилъ въ глазъ стрѣлу, лежалъ хитрый Зносекъ, набросивъ на себя сухихъ листьевъ. Онъ рукою прижималъ глазъ, изъ котораго обильною струею текла кровь, такъ-какъ стрѣла засѣла въ немъ чрезвычайно глубоко. Молодой парень въ увѣренности, что въ дуплѣ нѣтъ живого существа, всунувъ въ него руку. Немного погодя онъ вытащилъ дикую кошку, въ правомъ глазу которой торчала стрѣла. Онъ радостно вскрикнулъ и, потряхивая своею добычею, указалъ товарищамъ на плодъ своей ловкости... Парни не вѣрили своимъ глазамъ, они окружили дубъ со всѣхъ сторонъ. Ловкому охотнику и въ голову не пришло вторично засунуть руку въ дупло, гдѣ, затаивъ дыханіе, не шевелясь лежалъ полумертвый Зносекъ.

Съ дикою кошкою въ рукахъ, молодой парень сталъ спускаться по стволу и, добравшись до своихъ товарищей, бросилъ ее любопытнымъ, которые, передавая звѣря изъ рукъ въ руки, внимательно разсматривали его. Стрѣла такъ глубоко вонзилась въ глазъ кошки, что даже тотъ, который выпустилъ ее изъ лука, никакъ не могъ сообразить, откуда явилась у него такая сила. Тѣло звѣря было совсѣмъ холодно, языкъ высунутъ, пасть какъ бы силою разорванная. Все это было до того непонятно, что какой-то шутникъ началъ доказывать, что стрѣлокъ просто-напросто попалъ въ мертваго уже звѣря.

Начался споръ и спорящіе подняли такой шумъ, что на нихъ невольно обратили вниманіе на городищѣ. Кметы посмотрѣли въ

сторону дуба: парни издали показали имъ убитаго звѣря. Младшіе кметы прибѣжали къ нимъ съ разспросами, и одинъ изъ нихъ, схвативъ кошку, понесъ ее на городищѣ.

— Вотъ боги ворожбу учинили!—вскричалъ онъ,—кошка сидѣла въ дуплѣ, одинъ изъ парней увидѣвъ лишь одинъ глазъ ея, съумѣлъ убить ее. Такъ точно и Хвостекъ сидитъ въ каменной ямѣ... и наша стрѣла попадетъ въ него! Боги предсказываютъ намъ побѣду. Долой Хвостка!

Сторонники Жышковъ громче прежняго закричали:

— Лада! Коляда! Лада!

И отъ радости начали бить въ ладоши.

Другіе кметы молчали, не принимая никакого участія въ общемъ восторгѣ. Изнуренные долгимъ совѣщаніемъ кметы выбились изъ силъ. Какъ разъ въ эту минуту на опушкѣ лѣса показалась высокая фигура стараго Слована, котораго велъ за руку мальчикъ, прямо по направленію къ городищу.

— Слованъ! Иди сюда!—звали кметы. —Къ намъ съ пѣснями... по старинному обычаю...

Старикъ остановился, прислушиваясь къ раздававшимся вдали отъ него призывамъ. По знакомымъ ему голосамъ онъ угадалъ, что приближается къ городищу. Всѣ обрадовались старику, его желтые отъ старости волосы ободрили многихъ; старикъ напомнилъ имъ собою давно минувшія времена и дѣянія.

— Будь здоровъ, старый Слованъ!

Слованъ молча приближался къ городищу, точно помня мѣстность и зная всѣ закоулки ея; онъ прошелъ вдоль насыпи и, войдя на городище, сѣлъ на землѣ. Гусли покоились у него на колѣнахъ: старикъ задумался. Онъ не проговорилъ еще ни одного слова.

— Опоздалъ я, опоздалъ,—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія какимъ-то заунывнымъ, пѣвучимъ голосомъ,—старыя ноги не служатъ уже какъ прежде, дороги стали для меня длиннѣе... А какое было-бы у васъ вѣче безъ стараго пѣвца? А какой былъ-бы у васъ совѣтъ, если-бы вы не вспомнили, какъ въ старину собирались, какъ въ старину совѣщались?... Орлы только летаютъ шибко по высямъ... а улитка ползетъ тихонько.

Старикъ ударилъ по струнамъ... Гусли зазвучали затрогивающими душу звуками... Всѣ молчали... Слованъ началъ пѣть:

— Когда не стало племени Леха, не стало, захотѣлось кметамъ свободы, захотѣлось... Захотѣлось имъ безкняжьей свободы. Избрали они двѣнадцать старшихъ... Кровь, вѣдь, это отъ нашей-же крови, кость отъ нашей-же кости... Родные наши братья земляки, пусть-же они нами правятъ; пусть-же заведутъ у насъ порядокъ... О, Лада! Пускай землю сдѣлаютъ счастливою... О, Лада!

„Избрали ихъ, избрали двѣнадцать!... Радовались имъ, радовались не долго! Скоро братъ брату сталъ слугою. Не хотѣли одного, одного не хотѣли... двѣнадцать ихъ избрали и вотъ вамъ!... Двѣнадцать... о, Лада, о, Лада!...

„Одинъ радъ былъ что можетъ, что можетъ... пить сколько въ горло влѣзетъ, ой, влѣзетъ... А напившись, ни во что не ставилъ своего народа... Другой собиралъ у себя въ избѣ все, что у другихъ отнималъ изо рта... Третій ѣздилъ и ѣздилъ по людямъ, высматривалъ, гдѣ есть дѣвки, гдѣ есть дѣвки и бралъ у нихъ дочерей, точно медъ изъ бортей... О, Лада! О, Лада!...

„И такъ были они довольны своими двѣнадцатью вождями, что послали за море за поклономъ... Ой, послали, ища воина, который одинъ княжилъ-бы надъ ними... Кракъ, господинъ нашъ и князь, звали они, иди съ нами въ нашу землю и управляй ты нами. И согнали всѣхъ своихъ двѣнадцать... и у столба остался лишь одинъ!... И старшины стали снова кметами... И слушались одного Крака... Ой, Лада Ой, Лада!...

Когда пѣсня кончались, многіе посматривали на старика, недоумѣвая, какое имѣла она значеніе.

— Такъ вотъ и ты, Слованъ, тоже полюбилъ Хвостка,—проговорилъ одинъ изъ кметовъ, желая добиться какого-нибудь объясненія.

— Полюбилъ?—переспросилъ старикъ, наклоняя голову.

Струны снова зазвенѣли, и Слованъ началъ пѣть тѣмъ-же печальнымъ голосомъ.

— Сидитъ Хвостекъ у столба... И смотритъ онъ изъ своего столба вокругъ себя... Хорошій князь!.. Гдѣ дымъ идетъ изъ свѣтлицы, гдѣ поля зеленѣютъ, гдѣ ржатъ стада, гдѣ меду вдоволь видитъ его глазъ, а рука беретъ... Хорошій князь! Сидитъ Хвостекъ...

издали смотритъ и прислушивается: кметы-ли ропщутъ, собаки-ли воютъ? Высылаетъ онъ дружину... Молчать, смирно! Или веревка ждетъ недовольныхъ, да сухая вѣтвь... Хорошій князь!.. Господинъ онъ веселый, властелинъ онъ добрый... Радъ онъ гостямъ, созываетъ на пиръ... радъ угостить, и накормить, и напоить... Да такъ онъ всѣхъ ихъ накормитъ, что на вѣки вѣчные сыты будутъ... А слуги въ озеро отнесутъ гостей... Хорошій князь!... И сидитъ онъ у столба... Слышите-ли, какъ онъ хохочетъ? Какъ далеко расходится дикій его хохотъ... Пустѣетъ лѣсъ густой отъ этого смѣха... а въ селахъ люди блѣднѣютъ отъ страха... Хорошій князь!... Съ нѣмцемъ онъ поцѣлуется, нѣмецъ дастъ ему дѣвку бѣлую... А вы, кметы, должны молчать, потому-что нѣмецъ дастъ ему свои мечи и всѣхъ недовольныхъ онъ изрубитъ... Хорошій князь, хорошій князь!...

Кметы хоромъ повторили припѣвъ Слована: „хорошій князь“: Обѣ его пѣсни смутили одинаково и Мышковъ, и ихъ противниковъ. Слованъ умолкъ, понурилъ голову и, подпершись о земь рукою, отказывался болѣе пѣть.

Понемногу кметы начали шептаться, потомъ стали говорить громче, и снова шумъ и крикъ стояли надъ городищемъ.

Солнце, все ниже опускаясь, съ каждою минутою готовилось укрыться за лѣсомъ, а старшины, замѣтивъ, что вѣчу видно не суждено придти къ какому нибудь рѣшенію, по нѣскольку человѣкъ размѣстились по городищу, сѣли на землѣ, каждый въ своемъ обществѣ и принялись за принесенное съ собою кушанье: одинъ принесъ холодное мясо, другой калачи, всѣ имѣли съ собой деревянные и глиняные сосуды, въ которыхъ были медъ, квасъ или пиво.

Мышки пригласили къ себѣ Слована и первую чарку меда поднесли пѣвцу.

— Пусть будетъ по старинному обычаю,—сказалъ онъ;—первая чарка богамъ... Лада!

И онъ вылилъ напитокъ на землю. Затѣмъ, онъ вылилъ нѣсколько капель для добрыхъ и злыхъ духовъ городища, для бѣлыхъ и черныхъ, чтобы они не мѣшали имъ спокойно отдыхать; наконецъ вылилъ онъ еще нѣсколько капель для душъ отцовъ, которые, невидимые для глазъ, присутствовали на городищѣ...

Въ это-же время каждая группа ставила на землѣ маленькія чашечки, въ которыхъ лежалъ бѣлый хлѣбъ, предназначенный въ жертву богамъ. Затѣмъ всѣ молча принялись за ѣду.

Старый Слованъ ѣлъ очень мало; онъ выпилъ немного меду и снова запѣлъ пѣсню, но болѣе веселую, чѣмъ двѣ первыя. Едва услышали кметы первыя слова хорошо знакомой имъ пѣсни, какъ всѣ хоромъ, даже парни на лугу, стали пѣть ее.

Между тѣмъ, солнце опускалось все ниже и ниже. Слованъ запѣлъ новую пѣсню, затѣмъ другую, третью; всѣ онѣ были удивительно похожи одна на другую. Кметы вторили ему: они всѣ пѣсни знали наизусть. Наконецъ, Слованъ запѣлъ одинъ. Онъ пѣлъ пѣсню о живущихъ на берегахъ Дуная, гдѣ растутъ виноградники, гдѣ львы гуляютъ по лѣсамъ, гдѣ есть драконы и змѣи, гдѣ морскія волны разбиваются о скалистые берега, а солнце сильно пригрѣваетъ. Эта пѣсня очень понравилась кметамъ.

Ночь наступила, и окончилось вѣче. Старшины встали, простились другъ съ другомъ. Всѣ были мрачны, всѣ вздыхали. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, они задумывали о созваніи новаго вѣча.

Кметы начали расходиться каждый въ свою сторону. Вскорѣ городище опустѣло: не осталось на немъ ни одной живой души. Вечерній вѣтерокъ шелестилъ сухими вѣтвями стараго дуба, вдали, на болотахъ уныло кричали птицы. Звѣзды одна за другою показывались на небѣ. Вѣтерокъ съ луговъ тихо пробѣгалъ къ рѣкѣ.

Воцарилась мертвая тишина.

Вдругъ въ дуплѣ что-то шелохнулось, двѣ руки ухватились за ея край, и вскорѣ показалось въ ней окровавленное лицо Зносека. Обнявъ руками и ногами стволъ дуба, онъ соскользнулъ на землю. Онъ упалъ точно мертвый. Долго лежалъ Зносекъ на землѣ, расправляя свои уставшіе члены. Хитрый человѣчекъ сильно страдалъ; онъ стоналъ, точно испускалъ послѣднее дыханіе.

Въ лѣсу послышалось ломаніе вѣтвей и шелестъ листьевъ. Зносекъ вздрогнулъ. Бѣжать было поздно. Онъ узналъ своего новаго врага по его тяжелой походкѣ. Зносекъ притворился мертвымъ. Изъ лѣса, едва передвигая ноги, вышелъ медвѣдь. Онъ водилъ носомъ по землѣ, какъ бы ища чего-то. До ушей Зноска

доходило его сопѣніе и хриплые звуки. Медвѣдь направилъ свои желтые; свѣтящіеся въ темнотѣ глаза на Зносека, который не шевелился и не дышалъ. Медвѣдь подошелъ къ нему и точно собака началъ обнюхивать его со всѣхъ сторонъ... Онъ дотронулся до него лапою и отошелъ прочь. Зносекъ видѣлъ, какъ опасный его врагъ медленно подвигался къ полямъ, по-временамъ онъ садился на землѣ, лизалъ свою лапу и снова шелъ дальше за добычею или, можетъ быть, отыскивая своего друга, безъ котораго ему стало скучно...

Зносекъ, замѣтивъ, что медвѣдь уже далеко ушелъ отъ дуба, всталъ и стремглавъ бросился бѣжать въ лѣсъ.

XI.

Чудное весеннее утро.

Весна успѣла уже прикраситься всѣми дарами природы. Лѣнивые дубы покрылись зелеными листьями, пахучія березы потряхивали своими длинными сережками, у подножія деревьевъ, гдѣ только успѣло заглянуть солнце, цвѣточки поднимали къ нему свои пестрыя головки. На каждой вѣткѣ сидѣла птичка, оглашая воздухъ веселымъ чириканьемъ, въ каждомъ солнечномъ лучѣ повисла золотая мушка.

Весь міръ, все, что одарено жизнью — вода, лѣсъ, птицы и звѣри, и золотыя мушки и серебряныя рыбки—все въ эту счастливую минуту жило дружною, согласною жизнью... Ручей журчалъ какою-то нѣжною, понятною рѣчью. Птицы пѣли пѣсни для людей, дикій звѣрь и тотъ иногда заводилъ дружбу съ человѣкомъ, чтобы ему услужить... Полное согласіе царствовало въ этомъ чудномъ мірѣ, въ которомъ всѣ части образовали такое гармоническое цѣлое. Даже смерть приходила къ людямъ съ улыбкою будущаго блаженства — она приходила всегда въ свое время, не раньше и не позже назначеннаго природою конца человѣческой жизни, чтобы провести земного жителя на вѣчный пиръ къ его отцамъ.

Двѣ корзины, полныя грибовъ, стояли на землѣ; двѣ молодыя дѣвушки сидѣли подлѣ нихъ, обнявшись; онѣ отдыхали. Это

были Дива и ея сестра. Дива задумалась, устремивъ пристальный взглядъ въ глубь лѣса.

— Къ чему ты прислушиваешься?—спросила у нея сестра.

— Сорока мнѣ говоритъ что-то... Ты ее слышишь? Она спрашиваетъ насъ, много-ли мы набрали грибовъ? Она говоритъ, что на урочищѣ грибовъ много. Хочетъ насъ проводить домой.

Дива замолкла на минуту...

— Говоритъ она еще,—продолжала молодая дѣвушка,—что къ намъ пріѣдутъ свататься... Женихъ — красавецъ пріѣдетъ и къ тебѣ...

— Ко мнѣ, Дива?

— Да, къ тебѣ, Живя, я не могу принимать сватовъ... Я всегда буду носить вѣнокъ, всегда... и въ немъ, въ зеленомъ вѣнкѣ, отойду къ отцу и къ матери...

Сорока, дѣйствительно, сидѣла на вѣткѣ и стрекотала. Вдругъ изъ лѣса вылетѣлъ ястребъ съ распростертыми крыльями: онъ высоко леталъ надъ лугомъ, высматривая добычу внизу на землѣ. Сорока, замѣтивъ его, крикнула, какъ-бы призывая на помощь своихъ товарокъ. Изъ кустовъ послѣдовали отвѣтные возгласы, сороки слетѣлись толпами съ разныхъ сторонъ и подняли невыразимый крикъ; собравшись, онѣ толпою ударили на ястреба. Хищная птица опускалась все ниже и ниже; стая сорокъ опустилась за нею. Желая обмануть своихъ преслѣдовательницъ, ястребъ поднялся къ облакамъ,—сороки за нимъ... Наконецъ, онъ какъ стрѣла опустился внизъ, стая сорокъ тоже спустилась и напала на него. Посыпались перья. Послѣ непродолжительной борьбы ястребъ полетѣлъ въ лѣсъ, сороки пустились за нимъ въ догонку.

Дива вздохнула.

Гдѣ-то вдали отозвалась кукушка... разъ, другой... и замолкла. Сестры задумали, когда Живя выйдетъ замужъ?

— Кукуй намъ, кукушка,—говорили онѣ.

Куку-куку-куку—три раза раздалось въ лѣсу... Какъ знать: три года, или три мѣсяца?

Живя, смѣясь, спросила о судьбѣ Дивы. Кукушка подлетѣла къ нимъ ближе, крикнула какъ-то странно, но ворожить не захотѣла. Дѣвушки узнали ее только по перьямъ.

Сестры молчали, задумавшись о томъ, что ждетъ ихъ впереди:

радость, или лютое горе? Живя начала собирать цвѣты, желая свить вѣнокъ для сестры. Но подъ руку ей все навертывались какіе-то нехорошіе цвѣты, корешки безпрестанно рвались, и ей никакъ не удавалось свить вѣнка.

Дива и Живя сидѣли недалеко отъ своего дома, а потому считали себя вполнѣ безопасными и отъ звѣря, и отъ врага. На слѣдующій день онѣ собирались на праздникъ Купалы, къ огнямъ... Живя радовалась этому; Дивѣ не хотѣлось идти вмѣстѣ съ другими; ей было какъ-то не по себѣ.

Среди царствующей тишины, въ которой слышно было жужжаніе мухъ и пчелъ, вдругъ въ лѣсу раздался шумъ. Молодыя дѣвушки посмотрѣли одна на другую.

— Не Людекъ-ли это отправился на охоту? Не его-ли это собаки лаютъ въ лѣсу?—спросила Живя.

— Нѣтъ, Людекъ дома,—отвѣчала Дива,—онъ ходитъ около скота.

Дивя и Живя торопливо побѣжали въ лѣсъ, захвативъ съ собою корзины. Но внезапно все зитихло: не слышалось болѣе ни голосовъ людей, ни лая собакъ.

Живя выглянула изъ чащи и прислушалась. Все тихо. Дятелъ гдѣ-то долбитъ дерево... и только...

Сестры вернулись на прежнее мѣсто. Солнце такъ хорошо здѣсь пригрѣвало. Вдали послышалось пѣніе. Кто-то охрипшимъ голосомъ пѣлъ тоскливую пѣснь.

— Это Яруха,—проговорила Дива.

— Куда бредетъ она этимъ путемъ?

Изъ лѣсной опушки вышла на поляну старая баба, съ палкою въ рукахъ и съ горшкомъ, привязаннымъ къ кушаку, на плечахъ у нея висѣлъ мѣшокъ; голова была покрыта какою-то грязною тряпкою. Старуха приложила руку ко лбу и посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ сидѣли Дива и Живя. Увидя ихъ, она подняла палку вверхъ и крикнула имъ:

— Съ добрымъ утромъ!

— Куда бредешь, Яруха?—спросила Живя.

Старуха направилась къ нимъ.

— Куда-же идти теперь, если не на Купалу? Завтра Купала! Парни напьются, ошалѣютъ; можетъ быть, который-нибудь изъ

нихъ подумаетъ, что я еще молодая дѣвка и поцѣлуетъ меня. Го, го!..

Яруха весело подпрыгывала; подойдя-же къ двумъ сестрамъ, сѣла около нихъ на землю.

— Не хотите-ли, я предскажу вамъ будущее, а?—спросила она.

Сестры молчали. Баба посмотрѣла на нихъ пристально.

— По такимъ личикамъ, какъ ваши, не трудно предсказывать будущее,—сказала она, смѣясь и оскаливая остатки своихъ зубовъ,—красивыя у васъ личики, цвѣтутъ словно лиліи. И у меня когда-то были такія-же румяныя и бѣлыя щеки. Солнце обожгло лиліи, дожди смыли красу... не дожди это были, а слезы, горькія слезы!

Старуха покачала головою. Она протянула свою костлявую руку къ Дивѣ.

— Дай-ка руку, погадаю!

Дива неохотно протянула ей руку. Яруха со вниманіемъ начала разсматривать ея ладонь.

— Бѣлая ладонь у тебя, мозолей нѣтъ на ней... ой, бѣда съ такою рукою... тысяча парней захочетъ имѣть ее... а краса-дѣвка ни одного не захочетъ.

Она все пристальнѣе вглядывалась въ руку Дивы.

— Пойдешь завтра на Купалу?

— Пойду,—отвѣчала Дива.

— Не ходи, ой, не ходи! Говорю тебѣ, лучше не ходи... А пойдешь, кровь прольется.

Дива поблѣднѣла.

— Яруха,—проговорила она,—зачѣмъ ты меня пугаешь. Ты знаешь вѣдь, что дома я не могу остаться. Ты сама не знаешь, что толкуешь.

— Не я, такъ другой знаетъ, что говоритъ?—отвѣчала Яруха.— Онъ нашептываетъ мнѣ въ уши и ворочаетъ мой языкъ. Развѣ я знаю, кто это и что онъ заставляетъ говорить? Хотя-бы и хотѣла я закрыть ротъ и молчать, такъ нѣтъ, кто-то мучитъ меня и заставляетъ говорить. Мнѣ все мерещится, что ходитъ кто-то передъ глазами... за сердце меня хватаетъ. Вотъ баба и городитъ, сама не зная что... а должна говорить!.. Не ходи на Купалу.

Дива засмѣялась.

— А я не совѣтовала-бы тебѣ идти туда, Яруха! Ты вѣдь знаешь, какъ надъ тобою всѣ смѣются.

— Этого я не боюсь,—отвѣчала старуха.—Когда огни погаснутъ, когда ночь наступитъ... Э! э! кто-нибудь поцѣлуетъ меня, прижметъ къ груди... вспомню молодые годы...

— А что-же ты дѣлала въ молодые годы?—спросила Живя.

— Я-то? Я? Развѣ ты не знаешь?—переспросила Яруха. Э! э! королевичъ увезъ меня... повелъ къ себѣ, въ свои чертоги, а стѣны тамъ были золотыя... Въ саду росла яблоня и давала яблоки душистыя... У ея подножія протекалъ животворящій ручей... Я семь лѣтъ была королевою... семь лѣтъ пѣла я пѣсни, семь лѣтъ сплетала я и расплетала косы... слугъ у меня было много... А потомъ вдругъ темно стало... я очутилась въ грязныхъ тряпкахъ, съ палкою въ рукахъ, въ лѣсной глуши... Вороны стучали клювами по моей головушкѣ, глазъ искали...

Яруха замолкла. Немного погодя она прибавила:

— А ты, Дива, не ходи на Купалу!..

Дива улыбнулась; Живя подала ей свою руку. Яруха смотрѣла на нихъ и качала головою.

— Родныя двѣ ручки, сестры-ручки,—бормотала старуха,—а судьбы ихъ разныя... Гдѣ одной до другой?!..

— А которою изъ насъ двоихъ хотѣла-бы ты быть?—спросила Живя.

— Ни той, ни другою,—смѣясь, отвѣчала Яруха,—снова жить, снова плакать, снова пользоваться молодостью, чтобы ее потерять!.. О, нѣтъ, нѣтъ... Ни бѣлой, ни черной не хочу я судьбы... нѣтъ!.. Лучше чарочку меда, а потомъ сладкій сонъ, золотой сонъ, а тамъ хоть-бы и не проснуться. Въ чаркѣ меда столько счастья, сколько его уже нѣтъ на всей землѣ... А ты не ходи на Купалу!

Красавицы начали смѣяться надъ полоумною старухою. Она смѣялась вмѣстѣ съ ними.

Яруха снова взяла руку Дивы въ свои руки и всматривалась въ нее.

— Полюбилъ онъ тебя страстно!—начала она.

— Кто?

— Не знаю! Красивый парень, молодой, богатый... Эй, не ходи на Купалу!

— Но съ нами будутъ братья и вся семья. Что-же намъ могутъ сдѣлать?—воскликнула Живя.

— Развѣ я знаю! Въ такой день чудеса творятся! Иногда братья подерутся, иногда чужіе люди полюбятъ другъ друга... Да, въ день Купалы чудеса творятся!.. Ой, жаль, что только разъ въ году такая ночь бываетъ! Ой, ой... я бы цѣлый годъ пѣсни пѣла, медъ пила и прыгала черезъ огонь...

Яруха развязала свой мѣшокъ и начала въ немъ шарить. Тамъ были пучки разнаго зелья, связанные тряпками, камешки, сѣмяна и корешки. Старуха умѣла лѣчить, она заговаривала разныя болѣзни, вязала ихъ, развязывала... Въ эту минуту, однако, она искала не лѣкарствъ. Въ мѣшкѣ былъ у нея кусокъ сухого калача, весь покрытый пылью; она вынула его, осмотрѣла, вычистила немного, взяла изъ корзины сыроѣшку и стала ѣсть.

Дива придвинула къ ней свою корзину. Старуха съ жадностью глотала одинъ грибъ за другимъ.

— Зайди къ намъ въ хижину, дадимъ тебѣ чего-нибудь горячаго...

— Не могу,—пробормотала старуха,—ноги болятъ, а поле, гдѣ будутъ горѣть наши огни, далеко... Днемъ еще бѣды нѣтъ, но идти ночью и встрѣтиться съ голоднымъ волкомъ или оборотнемъ—бррь!..

Она покачала головою.

— А тамъ, гдѣ соберутся молодые парни,—продолжала Яруха,— я должна быть... Разъ въ годъ только я становлюсь молодою... Ой, долго ждать, долго ждать...

Старуха запѣла какую-то пѣсню. Наѣвшись до-сыта и выбравъ всѣ сыроѣшки изъ корзины, Яруха отерла ротъ рукою и улыбнулась.

— По вашей милости я подкрѣпила свои силы...

Вдругъ Яруха начала тревожно оглядываться по сторонамъ.

— Тутъ чужой! Я слышу чужого!

Точно звѣрь она вдыхала въ себя воздухъ и водила глазами вокругъ себя. Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ

стоялъ Зносекъ, съ окровавленнымъ лицомъ. Дѣвушки встали и хотѣли бѣжать;—Яруха посмотрѣла на Зносека.

— Э!—сказала она,—нечего вамъ бояться. Знакомый человѣкъ. Должно быть, порядкомъ напился медку и ему захотѣлось скитаться по лѣсу; вѣтвь выколола ему глазъ, и онъ окровавилъ себѣ голову!

— Яруха!—крикнулъ Зносекъ, не двигаясь съ мѣста,— спаси меня, дай зелье!

Дива и Живя, увидя израненное лицо Зносека, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ него, остановились за деревомъ, у котораго сидѣла Яруха.

— Иди-ка сюда! Посмотримъ!—позвала его старуха.

Зносекъ, закрывая глазъ или, вѣрнѣе, то мѣсто, откуда выплылъ его глазъ, едва добрелъ до дерева и упалъ на землю.

Яруха осмотрѣла его голову.

— Зачѣмъ тебѣ понадобилось цѣловаться съ дикою кошкою?— спросила она.—Зачѣмъ тебѣ было заводить съ нею дружбу?

Она положила его голову къ себѣ на колѣни и открыла ему глазъ.

— А глазъ?... Э, братъ, стрѣла въ глазъ попала!—воскликнула Яруха.—Куда ты ходилъ пировать? Хорошо-же тебя угостили, хорошо! Будешь всю жизнь свою помнить...

Старуха какъ-то странно хохотала и начала рыться въ своемъ мѣшкѣ.

Живя, сжалившись надъ страдающимъ человѣкомъ, оторвала кусокъ своего передника и передала его старухѣ. Яруха взяла кусокъ полотна, сорвала какую-то траву, но не торопилась обвязывать рану Зносеку, скрежетавшему зубами отъ боли.

— Конечно, и хромого волка, если онъ проситъ слѣдуетъ спасти, — проговорила она. — Но ты, Зносекъ, и того не стоишь: немало ты уморилъ людей... Кто знаетъ, можетъ статься, кости дикой кошки исправятъ тебя... Сообрази только хорошенько, парень, да возьми меня себѣ въ жены, мы отправимся вмѣстѣ къ аистово гнѣздо и будемъ хозяйничать. Ты будешь мнѣ приносить зеленыхъ лягушекъ, а я буду тебѣ пѣсни пѣть...

Яруха смѣялась и обкладывала ему голову листьями и травою; затѣмъ обвязала ее бѣлымъ полотномъ.

— Говори-же, гдѣ ты былъ? Чѣмъ передъ тобою кошка провинилась?

Зносекъ, вмѣсто отвѣта, зашипѣлъ отъ боли.

— А глазъ мой какъ?—спросилъ Зносекъ.

— И не думай о немъ... потому-что его нѣтъ, — сказала Яруха, — а новый глазъ не легко вставить... Отъ животворящей воды выростаетъ, это правда, но гдѣ-же эта вода. Змѣя сидитъ у ключа... драконъ летаетъ надъ нимъ... семь годовъ нужно идти къ нему... а семь еще подъ гору взбираться...

Живя, замѣтивъ, что старуха своими дрожащими руками не можетъ справиться съ полотномъ, которымъ она хотѣла повязать голову Зносеку, подошла къ нимъ, наклонилась и ловко завязала полотно. Зносекъ поднялъ на нее единственный свой глазъ, но въ немъ было больше гнѣва и безсильной злобы, чѣмъ благодарности за ея состраданіе.

— Я какъ нибудь справлюсь съ твоей болью, — проговорила Яруха, — но раньше ты долженъ признаться, гдѣ ты былъ... Нечего толковать, что тотъ, кто у князя можетъ спокойно сидѣть подъ столомъ и спать на славу, ни съ того ни съ сего не пойдетъ въ лѣсъ.

Едва услышали красавицы, что Яруха заговорила о князѣ, онѣ стремительно убѣжали; достаточно было одного этого слова, чтобы напугать ихъ порядкомъ. Взявъ съ земли свои корзины, Дива и Живя исчезли въ лѣсу. Старуха посмотрѣла имъ въ слѣдъ и обратилась къ Зносеку:

— Ну, теперь скажи, гдѣ это тебя поцарапали?

— Я бродилъ по лѣсу... увидѣлъ дупло...

— Медку захотѣлось... а?

— Дикая кошка сидѣла въ немъ...

— А кто-же стрѣлу пустилъ въ твой глазъ?

Эти слова привели Зносека въ бѣшенство: онъ поднялъ обѣ руки вверхъ, угрожая своими кулаками.

— Не прощу я имъ этого, нѣтъ... никогда,—кричалъ онъ.— Одному изъ нихъ выколю глаза... Князь вступится за меня... Князь отомститъ за меня...

— Э, братъ, тебѣ, вѣрно, захотѣлось побывать на вѣчѣ,— смѣясь сказала старуха.—Теперь я все знаю! Неподалеку стоитъ

тамъ старый дубъ... ты и полѣзъ въ дупло... хотѣлось подслушать... и вотъ гдѣ стрѣла кмета нашла твой глазъ...

Зносекъ не думалъ ни признаваться, ни отнѣкиваться; онъ опустилъ голову и скрежеталъ зубами отъ боли и злости.

— А какой черненькій глазокъ былъ у тебя! — сказала старуха.—Жаль!... Скажи по истинѣ, былъ-ли ты молодъ когда нибудь, или родился уже старикомъ?

Старуха поднялась съ земли.

— Заговори мою боль,—прошипѣлъ Зносекъ.

— Не могу... не могу,—отвѣчала старуха,—только послѣ Купалы можно заговаривать. Къ тому-же, кошачьи когти и стрѣла человѣка! Сколько тутъ зелья понадобится... и глазъ!... О! о! Хотя-бы ты мнѣ давалъ и сама не знаю какъ много за мой трудъ, все-же еще остался-бы въ долгу у меня... И если-бы мнѣ удалось освободить тебя отъ боли, я сама должна-бы принять ее на себя, потому-что здѣсь нѣтъ ни ключа, ни камня, ни дерева, на которыхъ можно-бы ее оставить... а мнѣ нужно на Купалу... на Купалу...

Старуха, не дожидаясь отвѣта Зносека, запѣла пѣсню о Купалѣ и, не обращая никакого вниманія на израненаго, одноглазаго, страдальца, побрела въ лѣсъ... Зносекъ положилъ голову на траву и уснулъ.

XII.

Вотъ и Купала—праздникъ всего языческаго міра, день Бѣлъ-бога, бога дня и свѣта, въ честь котораго зажигались огни и по берегамъ Адріатики, Балта, Дуная, и по Лабѣ, Вислѣ, Днѣстру, Ронѣ и Сенѣ. Поклоняясь этому Бѣлъ-богу, Белю, народы двигались съ востока на западъ, покидывали райскую колыбель для холодныхъ странъ новаго отечества.

День—самый длинный въ году, ночь — самая короткая; праздникъ Купалы былъ общею радостью, общимъ весельемъ; пѣніе, танцы, праздничные обряды, словно спѣша, смѣняли другъ друга.

И сюда также, къ священной горѣ надъ озеромъ, конечной цѣли путешествія многихъ въ Купаловъ день, стекались, задолго

до солнечнаго восхода, толпы людей, украшенныхъ вѣнками, живыми растеніями, перепоясанныхъ чернобыльникомъ. Среди нихъ, тамъ и сямъ, живописно бѣлѣли сѣдыя головы народныхъ пѣвцовъ.

Гора, отлогой покатостью, спускалась къ самому озеру. Съ вершиной, увѣнчанной коренастыми дубами и изрѣдка разбросанными березами, она представлялась возвышеннымъ центромъ дремучаго лѣса, который чѣмъ дальше, тѣмъ становился гуще, сливаясь въ синеватой дали съ непроходимыми дебрями, покрывавшими въ тѣ времена почти сплошь эту мѣстность.

Съ ранняго утра молодые парни таскали на гору зеленыя вѣтви, свѣже-нащипанныя лучины и только-чтосрубленные стволы; употребленіе высохшаго, лишеннаго жизни дерева, какъ для постройки жилья, такъ равно и для устройства священныхъ костровъ, было воспрещено. Изъ засохшихъ вѣтвей допускались лишь тѣ, которыя были отломлены непосредственно отъ живыхъ деревьевъ; въ упавшихъ, валявшихся на землѣ, предполагалось присутствіе смерти.

Всюду виднѣлись вереницами женщины, въ бѣлой одеждѣ, въ зеленыхъ повязкахъ, съ вѣнками на головахъ. Молодежь, въ накинутыхъ на плечи сермягахъ, сходилась со всѣхъ сторонъ. Звонкія пѣсни, предвозвѣстницы ночного веселья, радостнымъ эхомъ отдавались въ окрестныхъ дубравахъ и рощахъ.

У подножія дубовъ и вдоль лѣсной опушки воздвигнуты были рядами костры. То тутъ, то тамъ, каменными топориками рубили щепки. Каждое село расположилось отдѣльно вокругъ своихъ костровъ, устроенныхъ на мѣстахъ, сохранившихъ слѣды прошлогодняго празднества. Веселый хохотъ доносился съ разныхъ концовъ, постепенно теряясь въ лѣсу.

Подъ дубомъ сидѣлъ Слованъ; напротивъ него подъ другимъ дубомъ усѣлся тоже пѣвецъ; звали его Вилуемъ. Какъ только одинъ переставалъ пѣть, начиналъ свою пѣсню другой; хотя пѣли они поочередно, но пѣсни ихъ другъ на дружку не походили; казалось, пѣсни тѣ споръ завели межъ собою.

— Ой, ты гой еси, солнце яснаго, свѣтлаго дня; свѣти намъ, свѣти—согрѣвай,—пѣлъ старый гусляръ.—Свѣтъ потоками льется на мать нашу землю... Свѣти намъ, свѣти, Купала! Пусть черные драконы никогда не темнятъ твоего лица... Ты—наше счастье,

жизнь — надежа, ты нашъ богъ! Купала!.. Царствуй, король, къ жизни вдохни въ насъ желаніе, о жизнедатель, богъ нашъ Купала; сѣй, живи, возбуждай, Купала...

Старикъ умолкъ. Вилуй пальцами ударилъ по струнамъ и началъ пѣть какую-то непонятную пѣсню полуязвительнымъ голосомъ.

— Пѣсня ты моя, пѣсенка! Птичка моя золотая, словно живая вода спасаешь ты отъ плѣсени смерти, но кто кинется въ твои волны, недолго тому видѣть хорошіе сны! Двѣ въ тебѣ добродѣтели: жизнь и смерть ты содержишь въ себѣ... Пѣсня воскрешаетъ изъ мертвыхъ, она-же хоронитъ живыхъ... въ ней сила обоихъ міровъ... и жизни, и смерти...

Вилуй опустилъ голову на грудь и умолкъ... Слованъ тоже молчалъ; хоръ, между тѣмъ, пѣлъ въ честь Купалы веселыя пѣсни.

Солнце клонилось къ закату; лица парней и дѣвушекъ ежеминутно обращались въ ту сторону неба, гдѣ солнечный кругъ все еще продолжалъ свѣтить... Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали мгновенія, когда послѣдніе его отблески померкнутъ на верхушкахъ деревьевъ—тогда только можно будетъ зажечь огни и начать хороводы...

Пожилыя женщины сидѣли на землѣ, окруженныя ведрами, горшками и корытами, полными мяса... Тутъ-же лежали калачи и праздничные короваи; молодежь бѣгала, рѣзвясь на лугу. Дѣвушки, собравшись всѣ вмѣстѣ, держались поодаль отъ прочихъ женщинъ: къ нимъ подходили парни, велись разговоры... Отовсюду слышались веселые возгласы:

— Купала! Купала! Купала!

У костра семейства Виша стояли Людекъ и Самборъ, не пожелавшій возвратиться въ городъ; кромѣ нихъ, тамъ-же было не мало слугъ и женщинъ. Время отъ времени, всѣ они посматривали въ сторону лѣса, по направленію своего села, такъ-какъ до сихъ поръ Дивы и Живи не было среди нихъ, а Дива должна первая поджечь костеръ и запѣть пѣсню въ честь Купала. Между тѣмъ, молодые парни, треніемъ одного объ другой двухъ сухихъ деревянныхъ обрубковъ, старались добыть священный огонь, которому надлежало родиться самостоятельно и появиться на свѣтъ вполнѣ дѣвственнымъ, чтобы потомъ, впродолженіи цѣлаго года, горѣть на домашнемъ очагѣ. Этого огня никто не смѣлъ выно-

сить изъ избы, а чужому пользоваться имъ строго было запрещено. Кто выносилъ огонь изъ жилища, отнималъ у него жизнь.

Два смолистыхъ обрубка дымились уже въ ихъ рукахъ, а огня все еще не было. Дива тоже не приходила. Самборъ болѣе обращалъ вниманіе на тропинку, по которой должна была прійти красавица, чѣмъ на занятіе парней. Въ эту минуту его ни мало не озабочивало, успѣетъ-ли вспыхнуть пламя ко времени солнечнаго заката, или нѣтъ.

Наконецъ, вдали показались двѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ: взявшись за руки, они медленно подвигались впередъ. На головахъ ихъ красовались зеленые вѣнки; гирлянды изъ свѣжихъ листьевъ замѣняли имъ пояса; у каждой въ рукахъ было по связкѣ душистой травы. Дива и Живя молча приближались къ парнямъ. Дива все еще думала о предостереженіи старой Ярухи, и хотя полоумной бабѣ нельзя было вѣрить, все-же Дивѣ казалось, что кто-то нашептываетъ ей безпрестанно: не ходи на Купалу!

Несмотря на общее веселье и радость, обѣ сестры были опечалены какимъ-то смутнымъ, непріятнымъ предчувствіемъ. Онѣ подошли къ своимъ, Самборъ напряженно слѣдившій за каждымъ движеніемъ Дивы, сколько ни всматривался въ ея лицо, не могъ разгадать ея печали.

Людекъ подошелъ къ сестрамъ.

— Сестры,—обратился онъ къ нимъ,—гуляйте вмѣстѣ, не заходите только далеко въ лѣсъ... Я Доману не довѣряю... Въ ночь Купалы иногда происходятъ страшныя вещи... Сколько дѣвокъ пропадаетъ въ лѣсахъ!... На зарѣ когда ошалѣютъ люди, они теряютъ и разсудокъ, и память.

Дива краснѣла, слушая брата; она держала въ рукахъ вѣточку руты и отрицательно покачала головою.

— Ничего не будетъ,—сказала она,—никто, ни Доманъ, ни другой не посмѣетъ подойти ко мнѣ... Я вѣдь буду среди своихъ. А васъ, парней, довольно, чтобъ защитить сестру!

Людекъ на это не отвѣтилъ ни слова. Тѣмъ временемъ Живя страстными глазами осматривала собравшихся парней, весело хохотала, щеки ея горѣли.

— Оставьте напрасный страхъ!—говорила она, смѣясь.—Никто не посмѣетъ подойти къ намъ. Но въ такой день, не заставляйте-

же насъ сидѣть въ сторонкѣ не отнимайте у насъ свободы. Только и есть нашей радости... Купала!..

Пѣсни раздавались все громче и громче; прочія дѣвушки, замѣтивъ появившихся Диву и Живю, сейчасъ-же подбѣжали къ нимъ, зазывая въ свое общество. Понемногу и щеки Дивы загорѣлись легкимъ румянцемъ, на губахъ ея заиграла улыбка.

Она начала напѣвать про себя: „Купала! Купала!“

Вдали раздавались слова знакомой ей пѣсни:

„Солнце въ морѣ купалось, на свадьбу сбиралось... Ведутъ, ведутъ ужъ невѣсту, въ парчевое разодѣтую платье... Мѣсяцъ плыветъ съ дружиною звѣздочекъ... Здравствуй, солнышко золотое... Ты будешь царить у насъ... Солнышко мое красное! Купала!“

Молодые парни стояли по сторонамъ, перешептываясь между собою. Искоса взглядывали они на красавицъ, выбирая глазами тѣхъ, которыя были моложе и краше другихъ!

Случалось иногда, что въ Купалову ночь, подъ утро особенно, какое-то бѣшенство охватывало мужчинъ; они, точно дикіе звѣри, бѣжали въ лѣсъ, насильно таща за собой женщинъ. Это называлось у нихъ „стадомъ“. Каждая семья, однако, зорко стерегла своихъ и слѣдила за каждымъ подобнымъ безумцемъ, не желая доводить дѣла до „стада“.

Дива печально глядѣла на заходящій багровый солнечный шаръ, отблескъ котораго скользилъ по ея лицу и волосамъ. Послѣдніе дневные лучи одинъ за другимъ расплывались въ сгущавшемся сумракѣ вечера: красноватое зарево свѣтилось вдали въ томъ мѣстѣ, гдѣ за лѣсами скрылось солнце... Дивѣ принесли двѣ смолистыя лучины, горѣвшія священнымъ огнемъ: красавица ловкимъ движеніемъ подожгла ими костеръ. Въ ту-же минуту у всѣхъ костровъ заблестѣли огни, воздухъ дрогнулъ отъ тысячи голосовъ: „Купала!“

Женщины, взявшись за руки окружили костры; немного въ сторонѣ стояли мужчины—всѣ пѣли пѣсни въ честь Купалы.

По окрестности, до тѣхъ поръ нѣмой и глухой волной пронеслась струя жизни, веселья и радости. Казалось, что старый лѣсъ, облака, трава, ручей, даже камни — вторятъ этому общему ликованью.

Звуки веселыхъ пѣсенъ разбудили дремлющихъ водяныхъ

птицъ на озерѣ; въ кустахъ встрепенулись пернатые ихъ обитатели... У костровъ дѣвушки первыя запѣли торжественный гимнъ въ честь Купалы: онѣ пѣли о Богѣ, въ золотомъ вѣнкѣ, дающемъ полямъ золотыя зерна, лугамъ капли серебряной росы, людямъ хлѣбъ; его велѣніемъ колосья наливаются благодатною пищею, улья наполнялись сладкимъ медомъ; онъ, а не кто другой превращаетъ мракъ въ свѣтъ дневной; онъ зажигаетъ любовь въ человѣческомъ сердцѣ, онъ причина всѣхъ радостей на землѣ. День его—день свадьбы небесной солнца съ луною. Земля торжествуетъ, она открываетъ свои сокровищницы; въ эту ночь нѣтъ у нея ни единой тайны; все заколдованное освобождается отъ чаръ его сковывавшихъ, свѣтлые духи сходятъ съ небесъ, чтобы весельемъ своимъ воодушевлять людей... Смерть, нечисть разная, прячется по пещерамъ, подъ темнымъ покровомъ Ямы.

Едва успѣвали кончать одну пѣсню, сейчасъ начинали другую. Хоры пѣвцовъ перекликались съ одного на другой конецъ городища. Дива, впереди всѣхъ, съ гордо поднятою головкою, танцовала и вела за собою вереницы танцовщицъ... Остальныя дѣвицы повиновались каждому ея жесту, малѣйшему движенію...

Лѣсъ вторилъ ихъ пѣснямъ и танцамъ: пылающіе костры освѣщали его мрачные своды.

Вдали — безконечное зарево отъ костровъ, а вблизи—вьются, прыгаютъ, бѣгаютъ какія-то тѣни, съ распущенными волосами, съ развѣвающимися по воздуху одеждами... Эй, Купала, Купала! Вотъ молодые парни окунаются въ пламени, перепрыгивая черезъ костры... Каждый прыжокъ вызываетъ громкія рукоплесканія... Изрѣдка раздается пронзительный крикъ, — то парни бросились къ женщинамъ... Кое-гдѣ, прикрываясь сумракомъ ночи, разгаромъ вакхической страсти, совершаются дѣйствія, развѣ только ради Купалы сходящія съ рукъ виновнымъ.

Но все-же больше здѣсь хохота, нежели криковъ; больше веселья, чѣмъ слезъ.

Женщины еще танцовали, когда парни, съ зажженными факелами въ рукахъ, стали прыгать черезъ огонь; затѣмъ начали бѣгать въ-догонку по лугу, пуская по вѣтру искры смолистыхъ лучинъ.

Въ разныхъ мѣстахъ лили медъ въ огонь на жертву Бѣлъ-

богу: пламень гасъ на мгновенье, чтобы вспыхнуть съ новою силою. Иногда случалось, что парни сталкивались въ прыжкѣ надъ костромъ; среди дыма и пламени глухо ударялись они другъ объ друга... иногда хватались бороться, валились въ кучу на землю и долго барахтались тамъ, пробуя юную силу.

Около всѣхъ костровъ одновременно начались эти прыжки, а затѣмъ и бѣгъ съ зажженными факелами. Искусство заключалось въ томъ, чтобы горящимъ лучинамъ не дать погаснуть отъ вѣтра: держа ихъ въ рукахъ, парни мчались вокругъ бортей, луговъ, засѣянныхъ пахатей, безпрестанно призывая Купалу.

На небѣ, между тѣмъ, уже замѣчались приготовленія къ встрѣчѣ утренней зорьки... Ночь, еле успѣвшая накинуть свой саванъ на вершины деревьевъ, нехотя уступала мѣсто новому дню, загоравшемуся на краяхъ горизонта.

Теперь только началось пиршество у костровъ... Всевозможная снѣдь и напитки быстро уничтожались... Пѣніе раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Изнуренная пѣніемъ и танцами, Дива сидѣла среди своихъ, молча уставившись на пылавшій предъ нею костеръ.

Самборъ все время слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ шагомъ, но красавица ни разу даже на него не взглянула. Хотя товарищи всѣми силами старались его разшевелить, онъ не принималъ никакого участія въ общемъ весельи, переходилъ съ мѣста на мѣсто, сосредоточившись исключительно на одномъ: не упустить Дивы изъ виду... Угрозы Домана не давали ему покоя... Дива, наконецъ, замѣтила Самбора, стоящаго возлѣ нея точно на сторожѣ, и пригласила его подойти ближе.

— Иди къ товарищамъ!—обратилась она къ своему обожателю,— иди веселиться съ другими!

— А ты... Дива!—отвѣчалъ Самборъ.—Почему ты такъ грустна и не поешь?

— Я,—начала красавица,—я! Да вѣдь судьба моя иная, чѣмъ твоя! Хотя-бы я хотѣла, а веселиться не могу... Чего глазъ не видитъ, то сердце предугадываетъ; а грустно оно — и лицо не можетъ быть весело...

Дива подняла свои темные глаза на Самбора.

— За лѣсами, за горами,—какъ-бы про себя говорила она

своимъ чуднымъ, пѣвучимъ голосомъ, — зарева горятъ... другія зарева... пѣсни слышны, не веселыя пѣсни... лѣсъ шумитъ, толпы идутъ, огонь у нихъ въ одной рукѣ... мечъ въ другой... Вода съ кровью смѣшалася, бѣлыя лиліи почернѣли... Эй! Эй!..

Дива опустила на грудь свою голову. Забыла она, что Самборъ стоитъ передъ нею, а молодой парень ловилъ каждое ея слово, потрясавшее его до глубины души. Все ею сказанное до такой степени противорѣчило веселой обстановкѣ, среди которой находилась красавица, что Самборъ не могъ уловить смысль печальной рѣчи. Онъ долго еще всматривался въ ея лицо, не смѣя заговорить. Живя, время отъ времени, прибѣгала къ сестрѣ, стараясь насильственно вовлечь ее въ хороводы, брала ее за руки, но безуспѣшно—приходилось одной возвращаться къ подругамъ.

Сидя на землѣ, Дива безсознательно вертѣла въ рукахъ вѣнокъ, общипывая на немъ цвѣты... Мысленно она была далеко, быть можетъ, въ другомъ, лучшемъ мірѣ... быть можетъ, въ эту минуту она воображала себя въ обществѣ отца, матери...

Самборъ еще нѣкоторое время оставался подъ дубомъ, не могъ глазъ оторвать отъ красавицы и переживалъ тяжелыя минуты. Дива вторично подозвала его къ себѣ, приказавъ ему присоединиться къ остальнымъ парнямъ, которые веселились на славу. Самборъ не посмѣлъ противорѣчить обожаемой дочери своего хозяина и отошелъ въ сторону, не зная куда направить свои шаги, такъ какъ прыгать и бѣгать, въ эту минуту, онъ чувствовалъ себя не въ состояніи.

Самъ того не замѣчая, Самборъ повернулъ въ сторону лѣса. Ему хотѣлось уйти подальше отъ всѣхъ, укрыться въ какомъ нибудь темномъ углу, отдохнуть,—а лѣсъ, какъ на зло, былъ залитъ огнемъ и дрожалъ отъ веселыхъ пѣсенъ и криковъ парней и дѣвушекъ. Нельзя было отыскать на одного спокойнаго уголка.

Старики сидѣли кружками, болтали и пили медъ; подъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ шептались уединившіяся парочки; дѣвушки, взявшись за руки, длинными вереницами тянулись по направленію къ лугу, навстрѣчу имъ выбѣгали мужчины... Красавицы съ крикомъ кидались въ лѣсъ... и плохо приходилось той, которая оказывалась пойманною... На вопль ея сбѣгались гурьбою парни отстаивать похищенную; завязывалась неравная

борьба; женщинамъ оставалось только защищаться горящими полѣньями.

Самборъ обошелъ нѣсколько костровъ, стараясь избѣгнуть погони двухъ-трехъ весельчаковъ, бросившихся вслѣдъ за нимъ. Знакомые и незнакомые останавливали его почти на каждомъ шагу, приглашая къ нимъ присосѣдиться. Самборъ всѣмъ отказывалъ. Подобное упорство заставило многихъ подумать, что онъ замышляетъ что-то не доброе...

Подвигаясь впередъ, Самборъ забрелъ въ самую глубь лѣса, куда едва долетали веселые голоса пирующихъ. Сквозь густую листву деревьевъ, свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ то мѣсто, гдѣ у корней стараго дуба, Самборъ легъ на землю. Шумъ веселящихся иногда еще достигалъ его слуха, но видѣть онъ уже ничего не могъ, кромѣ красноватыхъ отблесковъ, по-временамъ освѣщавшихъ вершины деревьевъ, сообщая имъ огненно-золотистый оттѣнокъ. Въ моментъ этихъ отблесковъ листья казались сотканными изъ золота, а птички, въ испугѣ проснувшіяся и перепархивавшія съ вѣтки на вѣтку,—обладавшими золотыми крыльями. Разлегшись, Самборъ закрылъ лицо обѣими руками. Онъ прислушивался къ пѣснямъ, но не могъ ихъ разслышать; ему казалось, что онъ во снѣ все это видитъ и слышитъ, и, дѣйствительно, мало-по-малу, имъ началъ овладѣвать сонъ.

Вдругъ вдали зашумѣло что-то... Раздался лошадиный топотъ... воздухъ огласился какимъ-то крикомъ... Не звѣрь-ли испуганный звуками, доносящимися отъ костровъ?.. Но звѣрь бѣжитъ гораздо скорѣе, а этотъ топотъ подвигается медленно, осторожно... притихнетъ на время и снова раздается... Самборъ различалъ среди этого шума звукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей и говоръ многихъ людей. Не желая подвергаться опасности, онъ спрятался въ кусты и сталъ со вниманіемъ прислушиваться. Немного погодя изъ глубины лѣса, подозрительно озираясь по сторонамъ, выѣхало нѣсколько всадниковъ. Слабый, мерцающій свѣтъ не позволилъ Самбору въ подробностяхъ разглядѣть эту горсть людей. Впереди ѣхалъ верхомъ молодой, стройный мужчина; за нимъ слѣдомъ двигались еще два всадника и нѣсколько парней пѣшкомъ. Время отъ времени они наклоняли головы, отстраняли мѣшавшія вѣтви

и пристально вглядывались въ виднѣвшіеся вдали костры и въ окружавшую ихъ толпу.

— Нужно-бы какъ-нибудь подобраться къ нимъ,—заговорилъ одинъ изъ всадниковъ.—Да и чтожъ удивительнаго похитить красавицу въ Купалову ночь?.. По доброй волѣ не отдаютъ, надо брать силою!.. Лишь-бы очутилась у меня на сѣдлѣ—эхъ, ужъ и не возвращу-же я ее ни за что... не догонятъ, не вырвутъ ее у меня... Жизнь положу, а не дамъ!.. Направо...

Не останавливаясь, они подвигались впередъ. Черезъ нѣсколько времени всадники, а слѣдомъ за ними и пѣшіе прошли мимо сдерживавшаго дыханіе Самбора. Всадники соскочили съ коней и, ведя ихъ въ рукахъ, выбирали такой путь, чтобы пройти никѣмъ незамѣченными на поляну. Одинъ изъ нихъ раздвигалъ толстыя вѣтви, останавливаясь на каждомъ шагу и зорко всматриваясь въ темную глубь лѣса. Самборъ осторожно выползъ изъ-подъ кустовъ, проскользнулъ незамѣтно чащею и, видимо озабоченный появленіемъ этихъ незнакомцевъ, пустился бѣжать къ своимъ. Эта несвоевременная торопливость и погубила его: едва онъ замѣтилъ, что за нимъ гонятся, какъ двѣ сильныя руки, словно желѣзные тиски, схватили его за плечи. Сперва, однако, ему удалось вырваться; онъ бросился на своего противника, ударилъ его въ грудь головою такъ крѣпко, что тотъ упалъ навзничъ, но, падая, успѣлъ какъ-то ухватиться за Самбора, который вмѣстѣ съ нимъ и повалился на землю. Несмотря на всѣ усилія вырваться изъ рукъ сбитаго съ ногъ врага, Самборъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; подоспѣвшіе два парня такъ крѣпко сдавили его, что онъ чуть не задохся. Минуту спустя онъ лежалъ со скрученными руками и ногами, съ завязаннымъ ртомъ. Желавшіе подойти незамѣченными къ пирующимъ бросили свою жертву: они боялись, чтобы къ ней кто-либо не явился на помощь, и направились къ лошадямъ.

Самборъ остался одинъ. Онъ слышалъ, какъ связавшіе его удалялись въ лѣсъ.

Напрасно метался онъ по землѣ, съ нечеловѣческими усиліями пробуя перервать веревки. Онѣ оказались сильнѣе его. Самборъ лежалъ, прислушиваясь къ отдаленному гулу празднества. Ему казалось, что претерпѣваемыя имъ муки, длятся уже цѣлую вѣч-

ность. Вдали свѣтъ огней потухалъ понемногу; заря занималась надъ его головою. Съ каждымъ мгновеніемъ становилось свѣтлѣе. Въ кустахъ начали просыпаться птицы, пролетая надъ нимъ, онѣ, словно любопытствуя, глядѣли на обезоруженнаго человѣка. Пара дикихъ голубей усѣлась-было невдалекѣ, и сейчасъ-же порхнула въ лѣсъ; кукушка тоскливо закуковала; шурша, пронеслась какая-то крупная птица, затѣмъ все смолкло,

Тишина воцарялась вмѣстѣ со свѣтомъ.

Только издали еще доносились пѣсни расходившагося по домамъ народа. Солнышко, словно украдкой, заглянуло въ лѣсную чащу—на городищѣ никого уже не было.

Самборъ съ удвоенною энергіею пустилъ въ ходъ всѣ мускулы тѣла, желая ослабить путы. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось освободить ротъ отъ повязки; затѣмъ, съ помощью острыхъ зубовъ, онъ перегрызъ веревки на рукахъ и ногахъ. Очутившись на свободѣ, онъ стремглавъ побѣжалъ къ полянѣ. Городище имѣло пустынный видъ, кое-гдѣ лишь дымились остатки костровъ, повсюду валялись черенки разбитой посуды, объѣдки и кучи чернаго угля. Справлявшіе праздникъ Купалы разбрелись по домамъ. Самборъ, весь въ поту и измученный, вдругъ какъ вкопанный замеръ на мѣстѣ. За спиной у него послышался чей-то голосъ.

Невдалекѣ отъ мѣста гдѣ остановился Самборъ полусидѣла, полулежала на землѣ старая, престарая женщина. Всѣ звали ее вѣдьмой Ярухой. Это была та самая, что въ лѣсу совѣтовала Дивѣ не ходить на Купалу, сама-же непремѣнно хотѣла изъ первыхъ попасть на веселый пиръ какъ видно, не даромъ... Яруха, которой боялись всѣ хозяйки, потому-что она могла сглазить корову, заколдовать хлѣбъ или воду—въ ночь на Купалу изрядно таки кутнула..,

Никто не отказывалъ ей въ напиткахъ, заручиться-бы только милостью вѣдьмы-старухи, да не вооружить противъ себя. Теперь она сидѣла, хмѣльная отъ выпитаго за ночь вина, бормоча на распѣвъ какія-то безсвязныя рѣчи. Увидя Самбора, она его окликнула.

— Эй, парень-паренекъ! Дай-ка мнѣ руку,—говорила она... Подойди-же, дай руку!.. Небось, дурного тебѣ ничего не сдѣлаю, сглазить—не сглажу, ни-ни... Еще, пожалуй, предоставлю такой

травы, что всѣ дѣвки любить тебя будутъ... руку мнѣ дай, потому не могу съ мѣста подняться, а надо скорѣй уходить отсюда!..

Самборъ взглянулъ на нее съ состраданіемъ.

— Хотя-бы я и помогъ тебѣ съ мѣста встать,—сказалъ онъ старухѣ, все-равно, одной тебѣ трудно будетъ идти, мнѣ-жъ проводить недосугъ, самъ домой торопиться долженъ.

— Умничай ужъ еще... Дай лишь руку... Встать-бы только, а ноги мои еще понесутъ старыя кости... Парень, ты, паренекъ...

Самборъ подошелъ къ ней и обѣими руками приподнялъ старуху. Она едва на ногахъ держалась. Какими-то странными, затекшими кровью глазами,—оглядѣла Яруха Самбора.

— А почему, мой дружокъ, спалъ ты такъ долго, а?—обратилась она къ парню съ вопросомъ.

— Не спалъ я, матушка! Злые люди связали меня,— я едва разорвалъ веревки... Яруха,—скажи, дорогая, не произошло-ли чего-либо здѣсь?

Старуха, покосясь на Самбора, лукаво улыбнулась.

— А чему-бы здѣсь быть? Было то, что обыкновенно бываетъ въ Купалову ночь... Купала, богъ горячій, вдоволь разцѣловалъ дѣвокъ... а одну, что ни на есть самую раскрасавицу... Эхъ!

Яруха, махнувъ рукою, начала пѣть:

— Пріѣхалъ красавецъ на лошадкѣ, увезъ красную дѣвицу, ой, красавецъ — увезъ красавицу... Ой, много было шуму!.. Купала!

— Которую? Кто?—закричалъ Самборъ.

Старуха смѣялась и долго не отвѣчала.

— Эй, батракъ... батракъ!—начала она, погодя—тебѣ-то она полюбилась... хозяйская дочка!.. Посматривалъ ты на нее, все вѣдь я знаю... Гордая она была... умница—вишь ты!.. Все въ вѣнкѣ ходить ей хотѣлось... А вѣнокъ-то вода унесетъ съ собою... вода... Увезли ее, увезли красавицу... Ведутъ ее во свѣтлицу... Ха, ха!.. Вотъ тебѣ и дѣвичье царствованіе!..

Старуха ударила въ ладоши, Самборъ ломалъ себѣ руки.

— А братья, А челядь... А наши всѣ?..

— Разбили, поранили, схватили, увезли... На Купалу-то, новость это, что-ли?.. Да и что тутъ дурного?.. Зачѣмъ гибнуть молодости?.. Доманъ богатый кметъ... Женщинъ у него много, а

жены ни одной... Она у него будетъ царицею... Ой, Купала! Купала!

Слова старухи точно громъ поразили Самбора.

— Подѣломъ ей!—начала она снова. Не гордись своей красотою, да! Знаю я, знаю, чего ей хотѣлось... Хотѣлось красавицѣ у огня въ храмѣ сидѣть, чтобы люди ей въ ноги кланялись, а она-бы имъ ворожила... Вотъ что... Э, э!.. Не тебѣ, красавицѣ, такая судьба!.. А горшки-то на что, а прялка?.. Пренебрегала свахами, ни одинъ-то, вишь, не былъ ея достоенъ... Я ей еще вчера говорила: не ходи на Купалу. Пришелъ мѣсяцъ, парень гладкій, ни крикъ, ни плачъ ни помогутъ, съ дѣвкою сѣлъ онъ на коня... Увезъ красавицу, въ бѣлую увезъ свѣтлицу... Вотъ, что надѣлалъ Купала...

Яруха пѣла и прыгала по травѣ, хотя ноги ей плохо служили. Самборъ, съ опущенною на грудь головою, отошелъ отъ нея.

— Будь здоровъ, добрый парень,—кричала старуха ему въ слѣдъ—теперь я и одна пойду... А тебѣ, за то, что далъ ручку старухѣ, высватаю такую красавицу, что будешь вѣкъ ее цѣловать...

Яруха, пошатываясь, двинулась въ путь... Она напѣвала какія-то, безъ малѣйшей связи, слова, болтала сама съ собою.

Самборъ, самъ того не замѣчая, приближался къ дому стараго Виша.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ, на дворѣ стояли всѣ женщины, заливаясь горючими слезами... Въ другомъ концѣ двора виднѣлись парни, въ томъ числѣ Людекъ. Людекъ былъ раненъ въ голову... Парни горячо о чемъ-то спорили, женщины плакали...

Всѣ бросились навстрѣчу Самбору, спрашивая, гдѣ онъ пропадалъ столько времени. Онъ разсказалъ имъ подробно, какъ и что съ нимъ случилось; они въ свою очередь сообщили Самбору, что на возвратномъ пути ихъ домой, напалъ на нихъ Доманъ со своими людьми и, несмотря на проклятья и слезы Дивы, ее увезли, похитители. Людекъ, кинувшійся - было защищать сестру, получилъ рану въ голову; другимъ тоже досталось. Они до сихъ поръ еще спорили о томъ, чья вина, что Диву не удалось отбить у похитителей. Людекъ хотѣлъ собрать всѣхъ своихъ ра-

ботниковъ и напасть на домъ Домана, чтобы этимъ отомстить ему за нанесенную обиду; другіе удерживали его, говоря, что по обычаю можно похищать дѣвушекъ въ жены, а разъ увезенную никогда не слѣдуетъ отнимать силою. Пока длился споръ, въ воротахъ вдругъ показалась—Дива! Женщины крикнули въ одинъ голосъ и бросились ей на встрѣчу.

Она остановилась у воротъ. Лицо ея горѣло, на немъ виднѣлась кровь, рубашка также была вся въ крови... Дива вела за собою лошадь, на которой прискакала сюда. Вѣнокъ она въ дорогѣ потеряла, одежда ея была въ безпорядкѣ... глаза сверкали гнѣвомъ. Красавица молчала; казалось, она никого не видитъ...

Женщины и мужчины окружили ее. Сестра припала къ ея груди, заливаясь слезами. Дива дрожала. Она долго еще не была въ состояніи произнести ни одного слова.

Самборъ открылъ настежъ ворота и взялъ изъ ея рукъ повода. Медленно шла она къ дому, ни на кого не обращая вниманія. Подойдя къ крыльцу, она опустилась на скамейку.

— Дива, какъ удалось тебѣ вырваться изъ его рукъ?—обратились къ ней съ вопросомъ...

Она долго не отвѣчала. Живя принесла ковшъ воды. Дива напилась, вздохнула; изъ глазъ ея полились слезы.

Самборъ узналъ лошадь, примчавшую Диву: то была лошадь Домана. По ея шерсти струилась кровь красною лентою.

Дива долго еще молчала, наконецъ, какъ-бы прійдя въ себя проговорила:

— Да, онъ этого хотѣлъ!... Вмѣсто Дивы у него теперь Нія... Да, онъ этого хотѣлъ!... Я убила Домана... Зачѣмъ онъ вздумалъ меня взять силою!

Она посмотрѣла на брата и сдвинула брови.

— А вы! Вы всѣ не съумѣли меня защитить... Я лучше васъ съумѣла расправиться!... Отъ городища до Доманова двора далеко. Онъ, злодѣй, держалъ меня въ объятьяхъ... онъ крѣпко прижималъ меня къ своей груди... Лошадь рвалась впередъ... Я хотѣла ему выцарапать глаза, но руки отказались помочь исполнить это желаніе. Крика моего никто не слыхалъ... Я дрожала отъ гнѣва... Онъ смѣялся, успокаивалъ все меня... Ножъ блестѣлъ за его кушакомъ... Замѣтивъ его, я умолкла. Ему пока -

валось, что я успокоилась... Мы другъ другу смотрѣли въ глаза Точно ребенка, утѣшалъ онъ меня обѣщаніями... я слушала.. Онъ говорилъ, что изъ любви рѣшился взять меня силою... Нагнулся... хотѣлъ цѣловать... Ножъ очутился въ рукахъ у меня... Я вонзила ему въ грудь блестѣвшую сталь... Онъ схватился за рану и упалъ съ лошади... Слуги его были далеко... Лошадь помчалась, и я прискакала домой...

Она посмотрѣла на братьевъ, молча выслушавшихъ ее разсказъ. Сестры закрыли лицо руками.

— Братья Домана не простятъ намъ этого,—проговорилъ Людекъ,—кровью за кровь заплатить придется...

Дива молчала. Воцарилась полная тишина.

— Мнѣ здѣсь не оставаться—проговорила, наконецъ, Дива—съ вами я прощусь навсегда, уйду отсюда и болѣе никогда не вернусь... Меня не будетъ, и мести не будетъ.. Пойду куда глаза глядятъ, куда судьба меня поведетъ..

Дива встала. Женщины снова начали плакать. Живя обняла сестру и вмѣстѣ съ нею вошли въ свѣтлицу.

Братья между тѣмъ совѣщались, на что имъ теперь рѣшиться. Дива долго не возвращалась. Она перемѣнила одежду, свила свѣжій вѣнокъ, собрала небольшой узелъ и затѣмъ обратилась къ плачущей сестрѣ:

— Прощай, дорогая, родная моя... Прощай навсегда!—говорила Дива своимъ пѣвучимъ голосомъ. Я должна идти, я должна бросить все... Куда глаза глядятъ, куда доля меня поведетъ. Я пойду на островъ, на Ледницу, въ храмъ Ніолы, стану у священнаго огня, буду его стеречь и плакать, пока глазъ моихъ хватитъ, пока они не погаснутъ... Или я жить перестану, или огонь не будетъ горѣть—тогда конецъ моей мукѣ... А теперь, пойдемъ, сестра, я должна со всѣми проститься, съ домомъ, съ очагомъ, съ каждымъ угломъ, съ порогами, стѣнами, лошадьми, со всѣмъ, что живо или мертво, что я такъ любила...

Дива торжественно прощалась со всѣмъ, заключавшимся въ домѣ ея родителей. Женщины сопровождали ее. Дива подошла къ огню и бросила въ него послѣднюю лучину:

— Прощай мой домашній очагъ, огонь мой. Не мнѣ уже помнить, заботиться о тебѣ; не освѣщать тебѣ болѣе моей прялки,

не согрѣвать мое озябшее тѣло. Огонь отца, матери, братьевъ, сестеръ моихъ... свѣти имъ свѣтло, согрѣвай ихъ... Прощай...

Затѣмъ, она подошла къ большому чану, въ которомъ приготовлялся хлѣбъ.

— Здравствуй ты, съ дѣтства меня питавшій хлѣбомъ.. Будь всегда полонъ, пусть люди тебя уважаютъ... Хлѣбъ твой не будетъ ужъ болѣе моей пищею...

Точно также Дива простилась съ порогомъ отцовскаго дома, съ избами, сараями, съ любимой буренушкой, съ овцами, лошадьми, даже съ собаками и колодцемъ изъ котораго она брала воду. Подойдя къ колодцу, Дива взяла въ руки ведро, почерпнула воды и въ послѣдній разъ напилась... Обнявъ сестру, братьевъ, всѣхъ женщинъ по очереди, Дива простилась со всѣми, кланяясь въ ноги... Въ послѣдній разъ передъ нею открыли ворота и сейчасъ-же закрыли, лишь только она очутилась за ними. Дива подошла къ рѣкѣ, къ большимъ камнямъ, на которыхъ любилъ сиживать ея отецъ.

Никто не смѣлъ спорить съ нею или отговаривать отъ этого путешествія. У забора стоялъ конь Домана, она велѣла пустить его на свободу.

Старая Вѣлиха и два парня должны были провести ее къ озеру. Самборъ вызвался быть четвертымъ.

Когда Дива въ послѣдній разъ обернулась въ сторону отцовскаго дома и замахала платкомъ—до нея донеслись душу раздирающіе крики и вопли женщинъ, которыя, сидя на землѣ, голосили по Дивѣ, словно по умерщей.

А вдали слышенъ былъ лошадиный топотъ: конь Домана, выпущенный на волю, скакалъ къ своимъ.

XIII.

Утромъ, на слѣдующій день, около Домановой хаты какъ-то пусто и тихо было. Къ воротамъ подъѣхалъ всадникъ и остановился у нихъ. Это былъ Мышко.

— Доманъ дома?—спросилъ онъ у слуги, стоявшаго у воротъ.

Парень молчалъ.

— Господинъ твой дома?—повторилъ Мышко.

Отвѣта опять не послѣдовало.

— Что-жъ, онѣмѣлъ ты, что-ли?—крикнулъ Мышко, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ парня.

— А что-же мнѣ говорить?—началъ тотъ,—Доманъ лежитъ въ постели, онъ раненъ, старуха ходитъ за нимъ... Живъ еще, да жизни-то въ немъ не много...

Мышко соскочилъ съ лошади.

— Кто ранилъ Домана?

Снова слуга не нашелъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ: ему совѣстно стало за своего господина. Ему казалось не ловкимъ сказать гостю всю правду, потому-что рана, нанесенная рукою женщины, позорила, безчестила мужчину.

— Не знаю,—уклончиво отвѣчалъ слуга,—хотя... Доманъ на его глазахъ упалъ съ лошади.

Мышко посмотрѣлъ на парня съ недовѣріемъ, но, не разспрашивая болѣе, вошелъ во дворъ,—оттуда въ свѣтлицу.

Въ свѣтлицѣ царствовалъ полумракъ. У печки на корточкахъ сидѣла Яруха: шепча про себя, она что-то варила въ небольшихъ горшечкахъ.

Въ глубинѣ, на постели покрытой мѣхомъ, лежалъ Доманъ; съ полузакрытыми, обращенными къ потолку глазами, онъ, казалось, мало что видѣлъ изъ происходившаго вокругъ него; блѣдныя губы дрожали, грудь была облѣплена мокрыми тряпками.

Яруха обернулась къ вошедшему и указывая чернымъ, морщинистымъ пальцемъ себѣ на губы, безмолвно требовала соблюденія полнѣйшей тишины. Доманъ, однако, уже успѣлъ замѣтить присутствіе гостя: онъ вздрогнулъ, невнятно пробормоталъ нѣсколько словъ и слабымъ движеніемъ руки пригласилъ его приблизиться къ постели. Мышко подошелъ къ больному. Оба молчали: гость присѣлъ на постели въ ногахъ Домана.

Старуха, между тѣмъ, напилась воды и, захвативъ въ руку какой-то травы, направилась съ нею къ раненому; траву она положила ему на грудь, затѣмъ начала что-то нашептывать; въ заключеніе, поднявъ обѣ руки кверху, она плюнула сперва по одну, потомъ по другую сторону постели. Доманъ глубоко вздохнулъ.

Лежавшая на землѣ собака, услышавъ вздохъ своего господина, приподняла голову и вопросительно на него поглядѣла.

Мышко не раскрывалъ рта: онъ точно боялся заговорить съ больнымъ. Спустя нѣсколько времени, онъ подозвалъ Яруху.

— Кто его ранилъ?—спросилъ онъ.

Яруха долго не отвѣчала, въ нерѣшимости тряся головою.

— Э!.. Кабанъ! — сказала она, наконецъ. — Да! Дикій звѣрь... клыкомъ угодилъ ему въ грудь...

Мышко взглянулъ на старуху и только повелъ плечами.

— Можетъ быть, и олень, — поправилась Яруха, — али другой какой ни на есть лютый звѣрь, мнѣ почемъ знать?.. На охоту поѣхалъ, съ охоты и принесли его... Ой, охота, охота! Хуже войны такая охота...

По лицу гостя видно было, что онъ не вѣрилъ ея словамъ. Вдругъ въ свѣтлицу вошелъ братъ Домана—Дюжій. Мышко всталъ и поздоровался съ нимъ. Яруха, оставаясь у постели больного, зорко слѣдила за ними. Мышко и Дюжій вышли на дворъ.

— Скажи мнѣ хоть ты правду, — обратился Мышко къ Дюжему,—что съ нимъ случилось такое, кто его ранилъ и гдѣ?

— Стыдно признаться,—проговорилъ Домановъ братъ,—ради дѣвки, Вишевой дочери, отправился онъ на Купалу... овладѣлъ ею и на лошади мчалъ домой... Она-то и вонзила ему въ грудь его-же собственное оружіе—охотничій ножъ...

Дюжій поникъ головою: не мало стыда стоило ему это признаніе... Мышко сосредоточенно сдвинулъ брови.

— И убѣжала?—спросилъ онъ, нахмурясь.

— Доманъ упалъ съ лошади... рана оказалась жестокою... Можетъ и жить-то не будетъ... Старуха, впрочемъ, заговорила кровь, зелье прикладываетъ, — продолжалъ Дюжій, — ну, а дѣвка съ лошадью улизнула домой...

Мышко не вѣрилъ ушамъ своимъ, слушая этотъ разсказъ. Дерзость Дивы, безпечность ея похитителя, казались ему неправдоподобными. Онъ молчалъ...

— Кликни старуху—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья,— спросимъ ее: жить-ли Доману, или ужь суждено ему гибнуть... Мнѣ, да и всѣмъ намъ, онъ крайне нуженъ...

Дюжій сейчасъ-же сдѣлалъ рукой знакъ появившейся у порога

Ярухѣ, которая съ разсчитанною важностью, хотя, видимо, подъ хмѣльномъ—подошла къ нимъ.

— Слушай ты, старая вѣдьма,—обратился къ ней Мышко—будетъ онъ жить?...

Яруха подняла голову, неопредѣленно покачала ею въ разныя стороны, затѣмъ, опустивъ на грудь, подперла ее ладонью и глубоко задумалась.

— Кто-жъ его знаетъ,—промолвила она наконецъ, — развѣ я видѣла, какъ изъ него кровь вытекала?... видѣла какъ его убить собирались?.. Дѣло свое я дѣлаю... Кровь заговорила, наготовила разнаго зелья, перевязала рану... А что если кто-нибудь эту самую рану да проклинаетъ?.. А то и глазу напустить собирается?..

Ничего больше не могъ отъ нея Мышко добиться; въ нерѣшимости, что предпринять, онъ стоялъ и молчалъ. Между тѣмъ, изъ свѣтлицы послышался зовъ:

— Эй, сюда!.. Кто-нибудь!..

Всѣ такъ и кинулись сразу. Доманъ, блѣдный, какъ полотно, приподнявшись на локтѣ, попросилъ пить. Яруха поднесла ему заранѣе приготовленный напитокъ, онъ припалъ къ нему съ жадностью, затѣмъ, напившись, обвелъ свѣтлицу глазами; брата онъ узналъ, но, замѣтивъ чужого человѣка, опустилъ глаза. Раненый все хватался за грудь, какъ будто-бы его тамъ что-то давило Мышко подошелъ къ нему.

— Вотъ видишь—проговорилъ Доманъ—я упалъ съ лошади... ну, и... наткулся на ножъ...

Ему стыдно было поднять глаза.

— Я было думалъ, что конецъ наступилъ... а, какъ видишь, живу еще...

— Это я вѣдь тебѣ, ваша милость, кровь-то заговорила — отозвалась Яруха,—еслибъ не я! Э-ге, ге!..

— Чѣмъ-же совѣтъ вашъ кончился, Мышко?—вопросительно обратился Доманъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Не теперь толковать съ тобою объ этомъ, коли нужно тебѣ лежать да залѣчивать рану...

— Поправлюсь,—отвѣтилъ Доманъ,—а не хочется, чтобы вы обо мнѣ позабыли... если есть у васъ только дѣло... Я не смогу—

братья пойдутъ... мои люди... Скорѣе-бы на ноги встать — дома не засижусь... Да на лошади и болѣзнь какъ рукою снимаетъ.

— Не скоро, не скоро еще можно будетъ подумать о лошади,— сказала Яруха,—рана откроется... кровь побѣжитъ... не было-бъ тамъ меня, чтобъ помочь...

Никто не обратилъ вниманія на эти слова,—старуха умолкла. Дюжій указалъ ей на дверь. Она, ворча, поплелась изъ свѣтлицы.

— Плохо дѣло, — началъ Мышко: — быть бѣдѣ, Доманъ. На вѣчѣ-то ни до чего не доболтались, а теперь, кажись, что и худшимъ запахло въ воздухѣ! Хвостекъ собираетъ большую дружину, найдется кое-кто у него... и изъ нашихъ... Говорятъ, послалъ даже за нѣмцами, да поморцами, чтобы къ нему съ помощью поспѣшили... Видно, хочется ему всѣхъ насъ рабами сдѣлать...

— Намъ совѣтъ нуженъ...

— Первымъ дѣломъ, — отвѣтилъ Доманъ: — необходимо избавиться намъ отъ тѣхъ, которые готовы стоять за него... безъ это ничего не выйдетъ.

— Это-то вѣрно,—замѣтилъ Мышко, — кромѣ того, съ тѣми, что объявились открыто на его сторонѣ, справиться будетъ не трудно... Но вотъ, кто знаетъ, сколько ихъ втайнѣ-то съ нимъ подружилось? Стараго Виша не стало...

Услышавъ имя стараго Виша, Доманъ опустилъ голову и молчалъ.

— Какъ-бы тамъ ни было, а дѣло мірское не приходится оставлять... Всѣ отказываются стать во главѣ, опасаясь, что съ каждымъ можетъ случиться то, что случилось со старикомъ Вишемъ... Я ѣхалъ къ тебѣ посовѣтоваться, а ты...

— Э!.. Что мнѣ врать воскликнулъ Доманъ, какъ-бы внезапно разсерженный чѣмъ-то. Онъ обнажилъ грудь, снялъ повязку и, съ загадочною улыбкою, указалъ пальцемъ на едва засохшую рану, формой своею напоминавшую оружіе, которымъ была нанесена.

— Смотри, Мышко,—говорилъ Доманъ,—дѣвка, женщина, да, женщина сдѣлала это!.. Вишева дочь! Она вырвалась у меня изъ рукъ, ускользнула словно змѣя... Срамъ и стыдъ!... Людямъ на глаза нельзя будетъ показаться, пока я ею снова не завладѣю...

Да и какъ сохранишь тайну?.. Своя-же челядь проболтается... Бабы еще на-смѣхъ поднимутъ!.. Правда, отбивая ее у брата, я его ранилъ... Но все-же быть сраженнымъ рукою женщины!..

Онъ упалъ на постель.

— Она будетъ твоею и тогда ты ей отомстишь,—сказалъ Мышко.—Ты хотѣлъ ее въ жены... теперь обратишь въ рабыню, или—убьешь... Что объ этомъ заботиться, успокойся...

— Будь у меня хоть немного силъ... дома не сталъ-бы сидѣть... Стыдъ и эта постель жгутъ меня!

— Слушай-ка, Доманъ,—ты съ кѣмъ?—спросилъ Мышко.

— Съ вами,—отвѣтилъ Доманъ, затѣмъ, указавъ на брата, прибавилъ,—онъ, я, всѣ мои люди!.. Мы, старые кметы, мы привыкли къ свободѣ, всю нашу кровь за нее готовы отдать... Князь первый нарушилъ миръ—ну, и пусть платится головою за это!..

— Пусть платится головою! — повторилъ Мышко и всталъ. Больше нечего, да и не къ чему слушать... Я удовлетворенъ!

Дюжій поднесъ ему кубокъ, наполненный медомъ. Гость, коснувшись его губами, взялъ Домана за руку.

— Пью за твое скорое выздоровленіе... Слово?

— Слово кмета... и клятва... Съ вами, братья, я готовъ умереть... драться до послѣдняго...

Доманъ въ изнеможеніи опустился на изголовье. Мышко вышелъ на дворъ и вскочилъ на коня.

Яруха, вернувшись въ свѣтлицу, сейчасъ-же подошла къ постели больного. Замѣтивъ обнаженную грудь и лежавшія на полу тряпки, она всплеснула руками.

— А еще говоришь, что выздоровѣть хочется твоей милости,— начала старуха:—баба пользуетъ, ея и слушаться надо...

Раненый не выразилъ никакого сопротивленія, когда знахарка по-прежнему приложила ему къ груди мокрыя тряпки и зелья. Разговоръ съ Мышкою обезсилилъ его—онъ сейчасъ-же заснулъ. Въ избѣ водворилась глубокая тишина.

Уже вечерѣло, когда Дюжій, стоя у воротъ, примѣтилъ какихъ-то всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ лѣса: ихъ было четверо. Одинъ, повидимому, начальникъ, прямо направился къ жилищу Домана. Издали Дюжій узналъ его: то былъ Бумиръ, кметъ, живущій почти у самаго Гопла. Бумиръ, хотя и преклонныхъ лѣтъ, но еще, ви-

димо, сильный, широкоплечій, обросшій жиромъ, съ руками и ногами громадной величины—своею наружностью напоминалъ свирѣпаго зубра. Темные, съ легкою просѣдью, волоса его окаймляли лицо совершенно круглое, отличительною чертою котораго были: лягушечьи ротъ и глаза. Доманъ, не долюбливавшій Бумира, вообще зналъ его очень мало; зачѣмъ онъ теперь пожаловалъ—угадать было трудно. Бумиръ, между тѣмъ, со всѣми людьми остановился у воротъ.

Издревле существовавшій обычай гостепріимства требовалъ: всѣхъ—милаго и не милаго—принимать подъ кровлю хозяйскаго дома. Бумиръ и Дюжій поздоровались.

— Сбился я съ пути,—началъ Бумиръ,—дозвольте у васъ отдохнуть. Намедни, подняли парни мои оленя... послали въ-догонку стрѣлу... ранили... а онъ, возьми да и умчись съ нею въ лѣсъ... Нечисть, что-ли, какая сидѣла въ звѣрѣ, только... обошелъ онъ насъ... Вторыя вотъ сутки не можемъ выбраться: ходимъ да бродимъ по дебрямъ...

— Братъ мой раненъ—сказалъ Дюжій,—онъ лежитъ въ постели; но домъ его радуется вашему пріѣзду.

— Я умѣю лѣчить раны,—отвѣчалъ Бумиръ,—пойду, посмотрю...

— За нимъ тамъ старуха ухаживаетъ...

Сопя, слѣзъ Бумиръ съ лошади и, не спрашивая никого болѣе пошелъ къ избѣ.

— Сало, чѣмъ заливаютъ раны—у моей челяди—на-ходу говорилъ Бумиръ—саломъ этимъ мы и помажемъ царапину, а дня черезъ три ея, такъ и слѣдъ простылъ...

Они входили въ избу. Доманъ, словно почуявъ чужого, безпокойно пошевелился. Яруха, дремавшая у огня—проснулась и плюнула; ее сердило, что больному не дадутъ успокоиться. Бумиръ, ни на что не обращая вниманія, прямо подошелъ къ Доману.

По одному взгляду, которымъ послѣдній окинулъ своего гостя, легко можно было заключить, что этотъ не слишкомъ пришелся по сердцу хозяину.

— Я заблудился въ лѣсу!.. Позволишь-ли отдохнуть мнѣ, съ людьми, подъ твоимъ кровомъ?—спросилъ Бумиръ и, не дожидаясь отвѣта, тяжело опустился на скамью.

Доманъ, движеніемъ руки, выразилъ своему брату желаніе;

чтобы позаботились угостить вновь прибывшихъ. Бумиръ, безцеремонно разсѣвшись, положилъ свои громадные локти на столъ.

— У моихъ людей есть сало; оно залѣчиваетъ самыя жестокія раны,—проговорилъ онъ...—Помнится, какъ-то, проклятый медвѣдь чуть-было всей кожи мнѣ съ головы не содралъ, такъ саломъ этимъ я живо вылѣчился...

— Ваша милость,—обратилась къ нему старуха,—здѣсь болѣе ничего не надо... Кровь я заговорила, да и травы цѣлебныя есть у меня... Ничего больше не надо.

Больной оказался одного съ нею мнѣнія. Бумиръ умолкъ.

Дюжій вошелъ въ избу, держа въ рукахъ чашу съ медомъ и калачи на закуску; слуги несли за нимъ кубки. Гость съ жадностью принялся утолять мучившіе его голодъ и жажду: нѣкоторое время только и слышно было, какъ онъ сопѣлъ, чавкая да прихлебывая. Яруха вышла на дворъ и отъ нечего дѣлать зубоскалила съ челядью. Дюжій осматривалъ лошадей; въ избѣ остались одни—хозяинъ и гость. Какъ видно, этого-то и ждалъ Бумиръ: онъ тотъ часъ-же подошелъ къ Доману.

— Эй, хозяинъ любезный,—началъ онъ, наклонившись надъ постелью больного,—вотъ ужъ не кстати и рана твоя и болѣзнь... Неладное дѣло у насъ творится... Намъ и людей и рукъ надо... Кметы, братья наши, вздумали бушевать; до скверного, поди, добушуются.

Больной поморщился.

— Что тамъ такое дѣлается?—спросилъ онъ.

— Да, что? На князя-то нашего всѣ нападать начинаютъ съ дуру должно полагать...

Доманъ не отвѣтилъ ни слова—онъ слушалъ.

— Погибнемъ всѣ,—говорилъ Бумиръ,—князя взбѣсили, вызовутъ месть его, призоветъ нѣмцевъ...

Замѣтивъ, что хозяинъ ему не противорѣчитъ, Бумиръ продолжалъ:

— Кметы составили заговоръ противъ князя... совѣщаются, собираютъ вѣче... и все это только изъ-за того, чтобы, смѣстивъ настоящаго князя, усадить на княжескій столъ одного изъ своихъ. О свободѣ они и не помышляютъ, тутъ дѣло исключительно въ овладѣніи княжескимъ скарбомъ... Мы это знаемъ. Но ошибаются...

насъ довольно, мы постоимъ за князя и грабежа не допустимъ... Нѣтъ, не бывать тому,—воскликнулъ Бумиръ, ударяя кубкомъ о столъ.

Глаза его загорѣлись.

— Мышки княжить хотятъ, а намъ лучше съ этимъ, что теперь во градѣ сидитъ... По крайности знаемъ его... Новые-то, пока еще тамъ насытятся, на первыхъ порахъ, смотри, что и голоднѣе будутъ... Нѣтъ, не допустимъ!..

— Сосчитали-ли вы своихъ?—спросилъ Доманъ.

— Что намъ считать?.. Лешки — всѣ наши, это ихъ дѣло, лишь-бы между собою не ссорились... Кметовъ тоже довольно, тѣхъ, что хотятъ мирно жить... а шалить начнутъ — княжескіе люди унять съумѣютъ!

Бумиръ, самъ того не замѣчая, сказалъ слишкомъ много. Медъ оказалъ свое дѣйствіе. Доманъ, гораздо хитрѣе своего гостя, давно ужъ предвидѣлъ къ чему клонится Бумирова рѣчь; онъ зналъ, что въ концѣ-концовъ Бумиръ спроситъ—за кого онъ стоитъ? Соврать не хотѣлось Доману, а правду сказать казалось ему слишкомъ опаснымъ. У полудикихъ народовъ инстинктивное чувство самосохраненія очень часто принимаетъ странныя формы. Доману пришло въ голову, для того чтобы избѣжать отвѣта, воспользоваться своею болѣзнью: въ ту минуту, когда Бумиръ окончилъ свою рѣчь, Доманъ схватился за грудь и началъ стонать...

Яруха прибѣжала на его голосъ.

Бумиръ молчалъ. Смѣнили повязки—больной жаловался на боль въ груди. Знахарка объявила, что ей необходимо рану заговорить и что въ это время въ избѣ никому постороннему нельзя оставаться. Старый Бумиръ, между прочимъ, до смерти боялся всѣхъ ворожей и знахарокъ-старухъ. Не окончивъ начатой рѣчи, онъ поспѣшно оставилъ избу, не теряя, однако, надежды, что предпринятое имъ ему удастся привести въ исполненіе послѣ того, какъ больному заговорятъ рану. Къ его огорченію, спустя довольно долгое время, Яруха явилась на дворъ и сказала, что больной заснулъ крѣпкимъ сномъ и спать будетъ до завтрашняго утра; будить-же его, ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ, иначе злые духи обратятъ болѣзнь на того, кто осмѣлится разбудить больного. Волей-не-волей, Бумиръ принужденъ былъ остаться на дворѣ, не до-

бившись отвѣта, а чтобы имъ заручиться, приходилось ждать утра. На это у него не хватало ни времени, ни терпѣнія. Ему предстояло еще объѣхать много другихъ кметовъ, склонять, уговаривать ихъ; повидимому, князь для этой цѣли его и послалъ... Бумиръ обратился къ Дюжему:

— Недосугъ мнѣ дожидаться до завтрашняго утра, — сказалъ онъ съ явнымъ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ.—Теперь Доманъ спитъ... Проснется, скажи ему—пусть хорошенько подумаетъ обо всемъ, что я ему передалъ сегодня... Выгоднѣе держаться сторонниковъ мира... Не забудь-же напомнить ему объ этомъ, а мнѣ до ночи еще необходимо кое съ кѣмъ повидаться...

Такъ удалось Доману избавиться отъ навязчивости ненавистнаго ему человѣка. Бумиръ, ворча, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Доманъ о снѣ и не думалъ: онъ только подговорилъ старуху, чтобы она помогла ему отдѣлаться отъ Бумира. Едва Доманъ услышалъ топотъ выѣзжавшихъ со двора всадниковъ, какъ привсталъ съ надоѣвшей ему до крайности постели, пробуя свои ослабѣвшія силы. Ярухѣ, въ расчетъ которой совсѣмъ не входило видѣть столь быстрый исходъ болѣзни, не малыхъ трудовъ стоило принудить Домана снова улечься. Онъ, впрочемъ, и самъ не замедлилъ почувствовать, что ноги ему еще плохо служатъ. Возобновился процессъ заговариванія—старуха вошла въ свою роль. Здѣсь, у Домана, ей жилось хорошо: ѣды и питья было вдоволь, она и дѣлала все возможное, чтобы подольше казаться необходимой.

Ночь наступила. Доманъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, когда въ избѣ появился новый гость.

Какимъ путемъ удалось ему пробраться въ избу — Яруха не могла разгадать.

Скорчившись у огня, она только было сбиралась вздремнуть, какъ въ дверяхъ ей блеснулъ кошачій глазъ карлика Зносека...

Голова у него была обернута какими-то тряпками, изъ-подъ глазу сочилась кровь... Онъ появился столь неожиданно, что старуха, на первыхъ порахъ, испугалась—ей почудился домовой...

И не мудрено: надо было быть Зносекомъ, чтобы не считать за преграду ни воротъ на запорѣ, ни сторожевыхъ собакъ, ни расположившейся отдыхать на дворѣ челяди. Какъ удалось ему преодолѣть такія препятствія?.. Это составляло его личную тайну,

Очутившись въ избѣ, онъ тихонько подошелъ къ старухѣ, рукою указывая на свою раненую голову. Яруха попробовала снять повязки: онѣ оказались присохшими къ ранамъ; пришлось ихъ отмачивать. Зносекъ шипѣлъ отъ боли. Доманъ проснулся.

— Какъ съумѣлъ ты войти сюда, что тебя собаки не разорвали?—спросила вѣдунья, едва слышнымъ шопотомъ.

Зносекъ отвѣтилъ ей также тихо на ухо, что, провѣдавъ о ея пребыванія здѣсь, онъ положилъ себѣ во чтобы-то ни стало увидѣть ее, такъ-какъ раны причиняли ему невыносимую боль.

Онъ сознался, что, не имѣя другого способа, вскарабкался на растущее у самаго частокола дерево и по вѣтвямъ его спустился во дворъ. Тутъ, прокрадываясь среди спящихъ собакъ, онъ проползъ къ дверямъ хаты, никогда не запиравшимся.

Яруха, осмотрѣвъ его раны, начала плевать во всѣ стороны; при этомъ она бормотала какія-то безсвязныя слова. Затѣмъ, изъ находившагося при ней узелка, она достала пучекъ цѣлебныхъ травъ, смочила ихъ особою жидкостью изъ глинянаго горшечка и, приложивъ все это къ пораненымъ мѣстамъ, снова обвязала тряпками голову безобразнаго Зносека. Огонь потухалъ, въ избѣ съ трудомъ можно было различать предметы, но какъ-разъ въ ту минуту, когда Зносекъ стоялъ на колѣняхъ передъ Ярухою, кончавшею перевязку, — лучина вспыхнула съ трескомъ и, открывъ глаза, онъ увидѣлъ незнакомую личность возлѣ старухи.

Чужой человѣкъ, не спросившись, осмѣлился переступить порогъ его дома... Это его взбѣсило.—Эй, люди!—громко крикнулъ Доманъ.—Зносекъ попробовалъ было улизнуть незамѣченнымъ, но опоздалъ... Спавшая челядь въ мигъ очутилась на ногахъ. Зносекъ упалъ ницъ на полъ. Раздались крики, лай собакъ, суетня, и Зносека схватили. Слуги подвели схваченнаго къ своему господину.

Объ этомъ странномъ созданіи, котораго Доманъ до тѣхъ поръ и въ глаза не видѣлъ—люди болтали, что оно зло, хитро и исполняетъ тайныя порученія князя. Говорили, что карликъ этотъ высматриваетъ, доноситъ князю все, что удастся ему подмѣтить или услышать; что онъ обладаетъ удивительною способностью войти, подкрасться, втереться всюду, гдѣ его менѣе всего можно было-бы ожидать. Къ этому прибавляли, что ужъ одной наружности достаточно, чтобы опредѣлить, каковъ онъ есть молодецъ.

Доманъ въ припадкѣ гнѣва велѣлъ злосчастнаго карлу повѣсить на дубѣ. Зносекъ упалъ на колѣни, моля о пощадѣ. Яруха за него не вступалась, она только подтвердила, что онъ, дѣйствительно, вошелъ въ домъ Домана по поводу боли, причиняемой ему ранами на головѣ.

Слуги брались уже за веревку, чтобы исполнить приказаніе своего господина и вздернуть Зноска, котораго они всѣ искренно ненавидѣли, къ самой вершинѣ громаднаго дуба, въ видѣ крупной желуди. Доманъ, однако, сжалился надъ плачущимъ у ногъ его Зноскомъ и велѣлъ его выгнать за дверь, натравивъ на него собакъ. Слуги потащили карлу къ порогу, свиснули собакамъ, натравили ихъ на полуживаго отъ страха Зноска и пустили его. Несчастный, окруженный сворой разсвирѣпѣвшихъ животныхъ, кусавшихъ его за что ни попало—Зносекъ летѣлъ—не бѣжалъ, по направленію къ изгороди: послѣ неимовѣрныхъ усилій удалось ему, наконецъ, увернуться отъ преслѣдовавшаго его непріятеля и вскочить на заборъ. Одна лишь собака, успѣвшая ухватиться зубами за ногу Зноска, не выпустила ее и тогда, когда Зносекъ уже сидѣлъ на изгороди: остервенѣвшій песъ до тѣхъ поръ висѣлъ, уцѣпившись за свою жертву, пока не откусилъ ей всей пятки, схваченной его пастью. Зносекъ, перевалившись черезъ заборъ, исчезъ въ ночномъ мракѣ.

Яруха снова присѣла къ огню и, пожалуй, жалѣла, что Зноска не вздернули, потому-что въ тѣ времена изъ повѣшенныхъ добывали лѣкарства, различныя цѣлебныя мази, а подобныя вещи ей-бы всегда пригодились. Ее вѣдь никто не упрекалъ въ томъ, что карла именно ради нея пробрался въ избу: она и сидѣла спокойною у огня.

Между тѣмъ, Зносекъ упалъ на землю у самой изгороди. Скрежеща зубами отъ боли, онъ кулакомъ угрожалъ Доману, проклиная его и весь домъ его. Онъ клялся ему отомстить, хотя-бы самому пришлось жизни лишиться... А Зноску, княжескому наперснику, такого рода клятву не трудно было сдержать. Перевязавъ наскоро, кое-какъ, ногу, онъ на зарѣ направился къ сторонѣ лѣса; но, опасаясь новой бѣды, долго еще, огрядывался на Доманову усадьбу, угрожая ей кулаками и съ яростью скаля зубы.

XIV.

На самой серединѣ озера Ледницы возвышался небольшой островъ, островъ священный, къ которому издалека, отъ береговъ Вислы, Одера и Лабы стекались путники съ приношеніями, а также за ворожбой и совѣтами.

Немного насчитывалось храмовъ и святынь на славянской землѣ. У Рановъ, на островѣ, находился храмъ Святовида, да другой въ честь того-же бога, у Редаровъ; третій—Триглава, былъ у сербовъ надъ Лабою; четвертымъ считался въ Старгородской дубравѣ храмъ Прова. Къ нему отовсюду, особенно въ праздники, сходились толпами многія племена, языкъ которыхъ въ общемъ былъ сходенъ и разнился только нарѣчіями; одною изъ цѣлей подобныхъ сборищъ были и совѣщанія о средствахъ противъ общаго врага.

На островѣ озера Ледницы стоялъ храмъ Ніи, именно тотъ, къ которому направилась Дива, желая укрыться отъ мести, и, кромѣ того, всю свою жизнь посвятить служенію у священнаго огня.

Только на третій день открылось глазамъ ея огромное озеро, которое путники привѣтствовали поклонами, потому-что какъ островъ, такъ и самое озеро равно почитались священными.

Виднѣвшійся вдали островъ весь былъ покрытъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Деревья заслоняли собою храмъ, и изъ нихъ его совсѣмъ не было видно. У самаго берега, на сваяхъ, нѣкогда погруженныхъ въ озеро, стояли рыбацкія хаты, неварачныя, убогой наружности. Тутъ-же, привязанныя къ сваямъ, колыхались на волнахъ небольшія лодки, съ помощью которыхъ рыбаки, обитатели бѣдныхъ хижинъ, перевозили путниковъ на островъ.

По преданію было извѣстно, что хижины этихъ бѣдняковъ издревле здѣсь находились, что нѣкогда было ихъ чрезвычайно много, что сваи занимали значительное пространство воды, а въ постройкахъ, возведенныхъ на нихъ, жили нѣкогда люди зажиточные, даже богатые, составлявшіе одну колонію. Но со временемъ сваи портились, подгнивали, строенія падали въ воду, люди переселялись на сушу и расходились въ разныя стороны. Ко времени нашего разсказа изъ строеній всего осталось лишь нѣсколько.

У описанныхъ хижинъ Дива простилась съ провожавшими ее: наконецъ-то она могла считать себя въ безопасности и направиться туда, куда призвала ее судьба. Здѣсь представлялись лишними и друзья и подруги... Самборъ распростерся у ногъ ея на землѣ; онъ съ дѣтства привыкъ уважать и любить ее.

— Будь здоровъ, Самборъ, — проговорила Дива:—будь счастливъ... Передай мой поклонъ братьямъ, сестрѣ, всѣмъ... даже птицамъ, что порхаютъ надъ нашимъ домомъ.

Изъ ближайшей лачужки вышелъ сгорбленный старецъ, съ весломъ въ рукахъ. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ лодкѣ, отцѣпилъ ее, сѣлъ и ждалъ. Дива поспѣшила къ нему... Они отвалили, и, скользя по зеркальной поверхности озера, плавно подвигались впередъ. Оставшіеся на берегу слѣдили за ними глазами. Старуха-няня рыдала. Дива махала платкомъ. Бѣлыя птицы, щебеча, кружились надъ нею, словно-бы утѣшали въ ея прощаніи на вѣки со всѣмъ, что было дорого ея сердцу. Лодка между тѣмъ все плыла. Ужъ съ трудомъ можно было различать очертанія сидящихъ въ ней; виднѣлась только бѣлая рубаха Дивы и такое-же бѣлое ея личико; затѣмъ, только свѣтлое пятнышко на темномъ фонѣ воды... Еще мгновеніе, и даль скрыла Диву отъ глазъ любящихъ, преданныхъ ей людей. Лодка, вздрогнувъ, толкнулась о берегъ...Старикъ вышелъ первый и придержалъ лодку... Два камня торчали по близости... Дива по нимъ добралась до суши.

На островѣ царствовала мертвая тишина... Только одни соловьи насвистывали свои пѣсни въ кустахъ. Въ разныхъ направленіяхъ вились узенькія тропинки—слѣды человѣческихъ ногъ.

Дива неторопливо шла; она чувствовала себя у цѣли своего путешествія.

Въ чащѣ встрѣтился ей на пути небольшой лужокъ. Здѣсь группами сидѣли люди и молча подкрѣплялись принесенною съ собою пищею.

По ихъ одеждѣ, неодинаковаго покроя и цвѣта, видно было, что сошлись они сюда изъ различныхъ странъ. Были здѣсь, во многомъ схожіе между собою, сербы, живущіе по Лабѣ, вильки, седары; были и далеминцы, краинцы, дулебяне, древляне изъ Дранеданскихъ лѣсовъ, здѣшніе поляне, лужичане, живу-

щіе по Вартѣ и Одеру, бужане изъ прибугскихъ странъ, хорваты и иные представители племенъ, которыхъ всѣхъ перечислить трудно. Каждое племя носило свое особое имя, хотя всѣ вели начало отъ одного общаго корня. Поистинѣ пріятное впечатлѣніе производили эти люди, легко понимавшіе другъ друга, хотя до тѣхъ поръ никогда и нигдѣ не встрѣчавшіеся. У каждаго изъ нихъ были свои характерныя отличія, на первый разъ иногда возбуждавшія удивленіе, но никогда не мѣшавшія имъ сознавать себя дѣтьми одной престарѣлой матери.

Дива спокойно прошла среди нихъ. Всѣ съ любопытствомъ слѣдили глазами за стройной красавицею. Съ лужайки святыня была еще не видна; чаща заслоняла ее отъ нескромныхъ взоровъ. Только войдя въ самую глубь лѣса, Дива замѣтила первую каменную ограду святыни. Громадные камни стояли молчаливо, угрюмо, въ томъ видѣ, въ какомъ создала ихъ природа, а море прибило своими волнами... Человѣческая рука не касалась ихъ внѣшности, хранившей на себѣ отпечатокъ цѣлаго ряда столѣтій. Камни эти, словно окаменѣвшіе сторожа святыни, на равныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, представляли собою непрерывную цѣпь, тянувшуюся, казалось, до безконечности, въ обѣ стороны.

На одномъ изъ камней сидѣла женщина вся въ бѣломъ, съ задумчивымъ лицомъ. Серебристые волосы, на которыхъ виднѣлся зеленый вѣнокъ — свидѣтельствовали о ея лѣтахъ. Въ рукахъ у нея была длинная палка, видомъ коры своей напоминавшая извивающуюся змѣю. Бѣлая одежда была разукрашена рядомъ блестящихъ пуговицъ. На лицѣ старой женщины, спокойномъ, покрытомъ морщинами—жизнь, казалось, завяла, полуумерла: видно было, что ей ни смерть не страшна, ни жизнь не дорога.

Дива поклонилась старухѣ.

Старуха медленно подняла глаза на красавицу и, не произнеся ни одного слова, указала ей рукою по направленію вправо, гдѣ за оградою виднѣлась небольшая тропинка, послѣ чего снова погрузилась въ полудремоту.

Дива пошла по указанному направленію. На пути въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ограды, попался ей старикъ небольшого роста, весь въ бѣломъ, съ длинною бѣлой палкою въ рукахъ. На головѣ у него была высокая шапка.

Нахмуривъ сѣдыя брови, старикъ пытливо смотрѣлъ на приближавшуюся къ нему дѣвушку. Дива привѣтливо поклонилась.

— Ты здѣсь отецъ и господинъ?..—спросила она.

— Я, Визунъ... Да...

— Я пришла съ просьбою пріютить меня,—начала Дива,—я желаю сторожить священный огонь Ніи... Въ дѣтствѣ еще я поклялась служить богамъ!

Старикъ спокойнымъ взоромъ окинулъ красавицу и слушалъ. Просьбу свою Дива произнесла взволнованнымъ голосомъ. Щеки ея зарумянились.

— Ты сирота?—спросилъ онъ.

— Да... Но еще недавно у меня были и отецъ и мать, теперь у меня остались сестра и братья... Кметъ Вишъ былъ моимъ отцóмъ... Виша убили княжескіе слуги...

Визунъ, видимо, заинтересовался ея разсказомъ.

— Сосѣдъ нашъ хотѣлъ меня силою увезти... хотѣлъ, чтобъ я была его женою... я убила его, защищаясь... Изъ боязни, что меня будутъ преслѣдовать, я пришла сюда...

— Ты убила?—вскричалъ удивленный Визунъ:—Ты, ты убила?.. Какъ звали этого человѣка?

— Доманъ!—отвѣтила дѣвушка и вся отъ стыда покраснѣла.

— Доманъ! Доманъ!—твердилъ старикъ, ломая руки... Еще ребенкомъ я лелѣялъ его на своихъ рукахъ...

Старикъ сильнѣе нахмурилъ брови.

Дива поблѣднѣла; ей показалось, что ее непремѣнно прогонятъ, а этого она боялась больше всего на свѣтѣ. Старикъ молчалъ.

— Доманъ убитъ!—мысленно повторялъ Визунъ.—Погибъ отъ руки женщины...

— Говори сейчасъ, какъ ты его убила!—обратился онъ къ Дивѣ. Дрожащимъ голосомъ разсказала красавица старику свою печальную повѣсть, стараясь оправдаться въ его глазахъ клятвою, данною ею богамъ еще въ дѣтствѣ, и насиліемъ Домана. Визунъ нѣсколько разъ переспрашивалъ—увѣрена-ли она, что Доманъ убитъ, а не раненъ... Онъ не могъ свыкнуться съ тѣмъ, что Домана нѣтъ въ живыхъ...

— Позволь мнѣ здѣсь остаться!—умоляла Дива.

Старикъ долго не отвѣчалъ ей: онъ думалъ.

— Оставайся,—сказалъ онъ наконецъ,—но ты и слишкомъ молода и слишкомъ красива для здѣшняго образа жизни... Ты вѣдь, поди, еще и самой себя-то не знаешь... соскучишься... начнешь тосковать... Оставайся, какъ гостья... Иначе я тебя не хочу... Боль сердца пройдетъ и ты уйдешь!.. Уйдешь!

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчала Дива,—останусь...

Визунъ грустно улыбнулся и рукой указалъ ей тропинку, ведущую въ храмъ.

Дива весело по ней побѣжала. На пути ей встрѣтились частоколъ и ворота. Частоколъ сдѣланъ былъ изъ кольевъ, сплошь покрытыхъ рѣзьбою. Столбы воротъ были также рѣзные, но притомъ окрашенные въ различные цвѣта: бѣлый, красный, желтый... Подъ навѣсомъ, покрывавшимъ, въ видѣ небольшой крыши, ворота—висѣли вѣнки: нѣкоторые были засохши, другіе—свѣжи и зелены. Сейчасъ за воротами начиналась дорожка, вся усыпанная зелеными листьями.

Неподалеку, въ красиво выдолбленномъ пнѣ, помѣщалась свѣжая, ключевая вода, чистая какъ слеза. Тутъ-же лежалъ и небольшой ковшъ.

Дива, зачерпнувъ воды, напилась.

— Новая вода, святая вода!—воскликнула она съ восторгомъ. За воротами ей попался весьма на Визуна похожій старикъ, который, замѣтивъ Диву, скрылся среди деревьевъ. Дорога пролегала между двумя оградами, изъ которыхъ вторая была еще красивѣе первой отдѣлана и окрашена.

На ней висѣли кожи, мѣхъ, разное оружіе—все приношенія навѣщавшихъ храмъ путниковъ. Во второй оградѣ были ворота; входить въ нихъ нужно было по каменной лѣстницѣ. Здѣсь господствовалъ полумракъ: высокая ограда и густая листва деревьевъ мѣшали доступу дневнаго свѣта.

Здѣсь возвышался храмъ. Святыня Ніи покоилась на столбахъ; крыша была деревянная. Между столбами ярко-краснаго цвѣта, съ желтыми коймами, висѣли суконныя красныя занавѣси. Стѣнъ совсѣмъ не было.

Когда Дивѣ пришлось поднять занавѣсъ, чтобы войти туда, откуда ужъ нѣтъ возврата, откуда, по ея-же словамъ, она никогда и не пожелаетъ выйти—сердце красавицы сжалось необъяснимою

болью. Въ послѣдній разъ Дива взглянула на Божій свѣтъ, на окружающую природу, въ послѣдній разъ прислушалась къ пѣнію соловья и дрожащею рукою подняла занавѣсъ, который безшумно раздвинулся надъ ея головою.

Дива вошла въ храмъ. Сперва ей показалось, что она попала въ совершенную темноту, такъ-какъ глаза ея, съ переходомъ отъ свѣта, ничего не могли различать.

На нее пахнуло теплымъ, удушливымъ воздухомъ, переполненнымъ запахомъ смолы, янтаря и сожженныхъ душистыхъ травъ. Постоявъ немного и освоившись съ освѣщеніемъ храма, она увидѣла жертвенникъ, Вокругъ него расположенъ былъ рядъ камней, окружавшихъ очагъ, на которомъ небольшимъ пламенемъ горѣлъ священный огонь. Дымъ и искры взлетали къ верху. У самаго огня неподвижно сидѣли двѣ бѣлыя фигуры, походившія на мраморныя изваянія.

Дымъ не позволялъ ей разглядѣть хорошенько какого-то чудовища, возвышавшагося почти до самой крыши. Черное, безформенное—оно имѣло ужасный видъ. У ногъ его валялось нѣсколько бѣлыхъ череповъ. Рядомъ съ нимъ висѣли ножи, мечи, стрѣлы, какіе-то трофеи: само-же чудовище было обвѣшано нитками янтаря и красныхъ бусъ.

Въ головѣ его, вмѣсто глазъ, виднѣлись два красные камня, сіявшіе страннымъ блескомъ. Казалось, весь колоссъ сосредоточился въ этихъ глазахъ· они пугали, преслѣдовали каждаго, кто входилъ въ святыню; они обладали способностью одновременно смотрѣть во всѣ стороны; свѣтъ огня, отражаясь въ нихъ, придавалъ имъ угрожающій видъ: они представлялись живыми, полными гнѣва.

Въ храмѣ царствовала мертвая тишина... Изрѣдка только нарушалъ ее трескъ горящей лучины, да чириканье птицъ, которыя, пробравшись во внутренность храма, бороздили по всѣмъ направленіямъ воздухъ, нетерпѣливо отыскивая выходъ.

Дива, подъ обояніемъ неотразимыхъ глазъ чудовища, стояла какъ вкопанная. Наконецъ, она рѣшилась подойти ближе къ огню.

— Такъ вотъ гдѣ мнѣ жить придется!—подумалось ей.

Никого не спрашивая, ни на что не обращая вниманія, Дива подсѣла къ жертвеннику, въ сосѣдствѣ двухъ дѣвушекъ, подобно

ей посвятившихъ себя служенію при храмѣ, и, поднявъ лучину съ земли, положила ее въ огонь.

Одна изъ сосѣдокъ хотѣла-было помѣшать этой жертвѣ — но опоздала. Лучина Дивы ярко горѣла—красавицѣ представлялось, что то ея собственная жизнь горитъ, исчезаетъ... Двѣ женщины взглянули на нее съ любопытствомъ; Дива, какъ-будто, смутила ихъ. Пламя костра освѣщало ихъ лица: онѣ были печальны, блѣдны, точно цвѣты, преждевременно поблекнувшіе.

Всматриваясь въ красивое, полное жизни личико Дивы, обѣ женщины шептались между собою, повидимому, жалѣя красавицу, попавшую въ храмъ. Онѣ не рѣшались заговорить съ нею и только покачивали головами. Казалось, онѣ смотрѣли на нее, какъ на осужденную. Дива, глазами уставившись на огонь, сидѣла недвижно—она отдыхала.

Смѣняя другъ-друга, являлись все новыя женщины; одна только Дива всю ночь не отошла отъ огня, время отъ времени бросая въ него лучины. Спать ей совсѣмъ не хотѣлось: мысленно прощаясь она съ своимъ прошлымъ, съ жизнью своей, а красные глаза словно грозили ей въ будущемъ.

Прошелъ день, другой... Дива, если и выходила, то только чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Тогда сейчасъ-же ее окружали другія женщины, оглядывали со всѣхъ сторонъ, улыбаясь—приставали съ разспросами; также и путники, наслышавшись о красавицѣ, непремѣнно желали ее увидѣть. Все это заставляло Диву предпочитать уединеніе темнаго храма, откуда она все рѣже и рѣже отлучаться. Безконечныя приставанія интересовавшихся ея судьбою и личностью до-нельзя ей надоѣли.

Со втораго-же дня жизни Дивы на островѣ, старуха съ вѣнкомъ на головѣ, первая указавшая Дивѣ дорогу въ святилище, встрѣтивъ красавицу, начала ее разспрашивать о ея прошломъ. Дивѣ, волей-неволей, пришлось разсказать ей свою печальную повѣсть. Старуха слушала, хотя не трудно было замѣтить, что судьба разскащицы мало ее занимала. Дива надѣялась встрѣтить у храма кипучую жизнь, украшенную мечтами и пѣснями, а встрѣтилась лишь съ гробовой тишиной и какимъ-то давящимъ свинцовымъ чувствомъ на лицахъ всѣхъ женщинъ, изнуренныхъ окружающимъ ихъ однообразіемъ. Службу свою онѣ исполняли какъ-то безсмы-

сленно, молча; дни проходили за днями, среди мертвящей, притупляющей нервы полудремоты и апатіи. Пришелъ однажды навѣстить Диву и старикъ Визунъ,—старуха оставила уже храмъ,— и окидывая красавицу грознымъ взглядомъ, снова началъ разспрашивать про Домана.

Дива, нечего дѣлать, вторично изложила ему все происшедшее.

— Мнѣ жаль Домана,—сказалъ Визунъ, выслушавъ ее со вниманіемъ,—онъ былъ еще ребенкомъ, когда я его зналъ, я носилъ его на своихъ рукахъ. Онъ обѣщалъ быть хорошимъ малымъ... И пришлось-же ему погибнуть не на войнѣ, не на охотѣ, а отъ руки женщины... Срамъ и позоръ!

— Что-же мнѣ было дѣлать... Неужели не защищаться?—спросила Дива.—Дикій звѣрь, червь ничтожный, и тѣмъ дано подобное право! Женщина, стало быть, лишена его?

Старикъ не сразу отвѣтилъ; нахмурившись, онъ окинулъ ее дикимъ взоромъ.

— Ты его, надо быть, ранила... но, чтобъ убить!.. Нѣтъ, нѣтъ, этого не могло случиться,—прибавилъ онъ.

Визунъ требовалъ, чтобы Дива обстоятельно объяснила, какъ именно она вонзила Доману ножъ; но бѣдная дѣвушка сама теперь не могла понять происшедшаго, тѣмъ болѣе не съумѣла-бы разсказать, откуда у нея явилось столько силы и мужества. Она молчала.

На слѣдующій день послѣ разговора ея съ Визуномъ, какъ будто-бы въ наказаніе, заставили ее исполнять самую тяжелую работу: она должна была носить дрова, воду, мести и мыть храмъ, прислуживать всѣмъ. Наконецъ, приказали ей дѣлать то, чего она и дома никогда не дѣлала—заставили ее варить пищу для другихъ. Перепадало не мало ей колкостей, разныхъ двусмысленныхъ улыбокъ; при этомъ старшія изъ ея подругъ при всякомъ случаѣ оказывали ей явное пренебреженіе. Дива все это переносила молча, ни вздохомъ, ни жалобой не сѣтуя на своихъ подругъ. Этимъ избавилась она отъ назойливыхъ женщинъ, которыя замѣтивъ, что колкости ихъ и насмѣшки, мало дѣйствуютъ на красавицу, рѣшились оставить ее въ покоѣ.

Каждый почти день причаливали къ острову лодки, переполненныя путниками, изъ которыхъ одни являлись сюда съ жела-

ніемъ узнать будущее, другіе съ цѣлью принести жертву Ніи. Дива сторожила у огня въ очередь и внѣ очереди. Здѣсь она была совершенно какъ у себя дома. Никто не мѣшалъ ей смотрѣть на уносящійся столбъ густаго дыма, мечтать, не заботясь о томъ, что ее окружало.

Пищу для храмовыхъ женщинъ обыкновенно приготовляли два раза въ день, всего было вдоволь. Остатками кормили несмѣтныя количества разныхъ птицъ, тысячами кружившихся около храма.

Прошло уже десять дней съ того времени, когда Дива въ первый разъ сѣла у священнаго огня и бросила въ него первую лучину. Тогда ее считали послѣдней, теперь она стала первою: всѣ какъ-то невольно начали ей подчиняться... Дива явилась сюда не съ тѣмъ, чтобы управлять или царствовать, между тѣмъ власть какъ-то сама попала въ ея руки; другія женщины, сами того не замѣчая, признавали въ ней какъ-бы свою начальницу; въ лицѣ ея восторжествовали тѣ прекрасныя свойства души, которыя всегда и всюду заставляютъ любить и уважать одареннаго ими человѣка. Лѣнивыя, вѣчно полусонныя женщины, отдали въ ея руки власть, безпрекословно слушаясь ея повелѣній. Она управляла, заботилась о нихъ, работала и пользовалась ихъ любовью. Съ нѣкоторою боязнью, отчасти съ завистью, смотрѣли остальныя женщины на прелестную красавицу, до того она была хороша собою; природа, словно, создавала ее для царства и власти.

Однажды, по обыкновенію, Дива сидѣла у священнаго огня. Вдругъ среди господствовавшей здѣсь тишины послышались около храма, разносясь по всему острову, какіе-то странные крики; замѣтна была суетня; шаги торопливо бѣгающихъ въ разныя стороны людей звонко отдавались въ воздухѣ; шумъ увеличивался съ каждою минутою. Диву, успѣвшую уже привыкнуть къ однообразію окружавшей ее обстановки—крики эти глубоко поразили. Внезапно поднялись занавѣси, скрывавшія внутренность храма и между двумя столбами, почти у самаго огня, показался Визунъ въ праздничномъ облаченіи, въ конусообразномъ колпакѣ на головѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ мужчина высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, воспаленное лицо котораго испугало Диву. На незнакомцѣ былъ красный плащъ, окаймленный золотою лентою и покрытый свѣтящимися блестками. Съ лѣвой стороны, подъ плащомъ, виднѣлся

широкій мечъ. Видъ этого человѣка, похожаго на дикаго звѣря, съ глазами, выражавшими кровожадность, и чувственными губами, вызвалъ въ душѣ Дивы впечатлѣніе подавляющихъ страха и ненависти. Она охотно-бы убѣжала, если-бы это было возможно.

Незнакомецъ, не снимая съ головы украшеннаго перьями колпака, не поклонившись огню и Ніи, не обращая на нихъ никакого вниманія—разсматривалъ сидящихъ у огня женщинъ. Долго онъ пожиралъ глазами то ту, то другую, но разъ остановившись на Дивѣ, не могъ отъ нея оторваться. Онъ сказалъ что-то шопотомъ Визуну въ отвѣтъ, на что послѣдній встряхнулъ головою. Повидимому, Визунъ не хотѣлъ исполнять приказанія. Незнакомецъ настаивалъ на своемъ. Наконецъ, онъ два раза ударилъ старика по плечу, силою втолкнувъ во внутренность храма.

Старикъ нерѣшительными шагами подошелъ къ Дивѣ и, наклонившись къ ней, сказалъ:

— Это нашъ милостивый князь... Онъ хочетъ, чтобъ ты ему ворожила.

— Я ворожить не умѣю,—отвѣчала красавица,—ворожбѣ не прикажешь... она—наитіе духовъ... во мнѣ его нѣтъ...

Въ эту минуту съ другой стороны подошла къ ней Нанія и шепнула ей на ухо.

— Ворожи, я напою тебя зельемъ... Ворожи... только говори лишь худое—это злой человѣкъ... Мы закуримъ сейчасъ ѳиміамъ.. Начинай, говори ему смѣло, что на умъ взбредетъ... Онъ не посмѣетъ ничего тебѣ сдѣлать...

При этихъ словахъ старуха вынула сухія душистыя травы, а на землю поставила желѣзный треножникъ съ углемъ. На уголья Нанія бросила горсть сухой травы и густой, наркотическій дымъ окружилъ, точно облакомъ, наклонившуюся надъ треножникомъ Диву. Долго бѣдной пришлось терпѣть незнакомое ей мученіе. Она чувствовала, какъ какой-то хаосъ поднимался въ ея головѣ; дымъ казался сонмомъ чудовищъ; наконецъ, Дива потеряла сознаніе всего окружающаго—ей представилось, что попала она въ иной, невѣдомый міръ... силы ея слабѣли...

Двѣ женщины поддерживали ее, безъ чего она навѣрно упала-бы на полъ. Вмѣстѣ съ упадкомъ силъ, Дива почувствовала въ

себѣ громадную силу воли. Ей казалось, что она царица, что съумѣетъ преодолѣть всѣ преграды...

Въ такомъ состояніи повдели красавицу къ князю, который стоялъ у частокола при входѣ въ храмъ.

Дива, остановивъ на немъ пристальный взглядъ, силою воли заставила его опустить глаза. Князь вздрогнулъ.

— Будешь ворожить?—произнесъ онъ вполголоса.

— Буду,—отвѣтила Дива.—Да, я буду тебѣ ворожить...

Передъ Дивою поставили широкій сосудъ съ священною водою... Дива нагнулась надъ нимъ начала всматриваться... Она увидѣла отраженнымъ въ водѣ безобразное лицо Хвостка.

Тотъ не спускалъ съ нея глазъ. Сначала онъ имѣлъ видъ человѣка, иронически относящагося ко всему, что передъ нимъ совершается, но постепенно лицо его стало блѣднѣть, и все болѣе замѣтная дрожь начала пробѣгать по тѣлу.

Стоявшій рядомъ Визунъ, повелительнымъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ вдохнуть въ дѣвушку то, что слѣдовало ей говорить.

Минута томительнаго молчанія предшествовала ворожбѣ.

— Темно, темно! Ничего не вижу...—начала Дива,—но вотъ... вижу красную струю... словно кровь течетъ... да... дѣйствительно кровь... всюду кровь... По рѣкѣ плывутъ трупы, одинъ, другой... больше... больше... тусклые ихъ глаза ничего не видятъ... Снова кровь... потомъ чаши... дальше мечи блестятъ... Слышу крикъ: кровь за кровь!.. По рѣкѣ плыветъ пара выколотыхъ глазъ... смотрятъ на меня... на кострѣ лежитъ убитый старикъ... у столба молодой парень, на кострѣ убитые воины—всѣ кричатъ: кровь за кровь!.. Собаки воютъ, вороны каркаютъ... кровь за кровь!..

Князь не выдержалъ: онъ стремительно кинулся къ Дивѣ, такъ-что частоколъ затрещалъ.

— Э, ты, ворожея проклятая,—крикнулъ онъ:—не начнешь-ли ты иначе видѣть и ворожить?...

— Не могу... Я говорю то, что велятъ говорить мнѣ духи... Князь стоитъ въ свѣтлицѣ... высоко... высоко... внизу люди убиваютъ другъ-друга... крикъ, шумъ, кровь льется струею... Я слышу шумъ: собирается вѣче... на границѣ враги, дома свои бьются... Въ городъ! На столбъ! Кровь за кровь... Столбъ горитъ, городъ горитъ... стѣны, крыши,—все рушится... цѣлая гора труповъ...

вороновъ цѣлая туча... Усѣлись, каркаютъ... клюютъ сердца тѣлъ, еще не остывшихъ... Кровь за кровь!..—Дива не была въ состояніи продолжать; она лишилась чувствъ и упала на руки прислужницъ. Князь дрожалъ всѣмъ тѣломъ: онъ сжималъ кулаки, скалилъ свои громадные зубы, точно дикій звѣрь, сбирающійся броситься на добычу... Хвостекъ ударилъ ногою сосудъ: онъ опрокинулся—священная вода разлилась... Тѣмъ временемъ Диву снесли въ храмъ, Хвостекъ молчалъ и только скрипѣлъ зубами.

Визунъ спокойно ждалъ.

— Проклятую эту ворожею связать да наказать посильнѣе плетьми!—кричалъ Хвостекъ внѣ себя отъ злости.—Въ яму ее, въ темницу, пусть учится ворожить!..

На этотъ бѣшеный крикъ не послѣдовало отвѣта. Женщины всѣ разошлись. Князь искалъ глазами своихъ людей, но нигдѣ не могъ ихъ замѣтить.

Визунъ безстрастно наблюдалъ за каждымъ движеніемъ князя.

— Успокойся,—проговорилъ, наконецъ, старикъ,—кто хочетъ знать будущее, долженъ довольствоваться тѣмъ предсказаніемъ, какое внушаютъ духи... Дѣвушка въ немъ не отвѣтственна...

Кругомъ никого не было. Визунъ пододвинулся къ князю, вовсе не пугаясь его грознаго вида.

— Князь милостивый,—продолжалъ онъ:—у тебя и безъ того много враговъ, да и обиженныхъ тобою не мало, не увеличивай числа тѣхъ и другихъ, поднимая руку на то, что не одни лишь поляне чтутъ... Мѣсто здѣшнее—свято... дѣвушка тоже священна...

Яростный хохотъ раздался въ отвѣтъ на эту рѣчь; Хвостекъ подошелъ къ старику и, дрожащею отъ гнѣва рукою, схватилъ его за бороду.

— Священное мѣсто.. Священный огонь!.. Священная дѣвушка!..—разразился Хвостекъ:—и ты тоже... старый песъ... Я ваши огни потушу... я разгоню вашихъ женщинъ... храмъ вашъ съ землею сравняю...

Старикъ даже не поблѣднѣлъ... Онъ равнодушно молчалъ... Князь опустилъ руку.

— Точно нѣтъ грома и молніи, — проговорилъ Визунъ спокойно:—ты можешь дѣлать, что вздумаешь... Духи съумѣютъ себя

защитить... Разумно-ли затѣвать борьбу съ богами, коль и съ людьми дѣла-то много!

Хвостекъ не отвѣчалъ; порывисто поднялся онъ съ мѣста и вышелъ изъ ограды, шатаясь. Князь возвращался къ своимъ. Визунъ стоялъ у воротъ и смотрѣлъ вслѣдъ уходившему князю.

Въ тотъ день на островѣ, около храма, скопилось много народа. Всѣ слышали крикъ разъяреннаго Хвостека, слышали, какъ онъ угрожалъ святынѣ, такъ что, когда князь, пробираясь въ толпѣ направился къ своимъ смердамъ и слугамъ—вокругъ него уже поднимался глухой ропотъ неудовольствія. Народъ зашумѣлъ, подобно взволнованному морю... Не успѣлъ Хвостекъ дойти до каменной ограды, опоясывающей храмъ—люди начали собираться кучками, словно желая его задержать.

Визунъ-ли сдѣлалъ имъ знакъ рукою, призвалъ-ли онъ ихъ на защиту храма—трудно рѣшить, но масса лицъ, изъ числа бывшихъ на островѣ, угрожающе двинулась навстрѣчу Хвостеку. Остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи, они сурово глядѣли на властелина. Князь велѣлъ своимъ слугамъ разогнать непокорныхъ—но послѣдніе разогнали княжескихъ слугъ. Хвостекъ очутился одинъ противъ этой толпы, совершенно ему незнакомой. Толпа бушевала. Такъ стояли они другъ противъ друга: ни князь не трогался съ мѣста, ни толпа не рѣшалась броситься на него. Наконецъ, изъ нея вышелъ мужчина, не первой молодости, одѣтый довольно богато, вооруженный иноземнымъ оружіемъ — и подошелъ къ князю.

— Князь,—началъ онъ, обращаясь къ Хвостеку:—я пришелъ поклониться храму, я не твой... не изъ здѣшней страны! Ты, слышалъ я, угрожаешь и храму и священному огню, а права на это у тебя нѣтъ никакого. Храмъ и островъ принадлежатъ не тебѣ, а намъ всѣмъ: вилькамъ, сербамъ, лужичанамъ, древлянамъ и многимъ, многимъ еще говорящимъ одною рѣчью. Не смѣй дотронуться до святыни, иначе посмѣемъ мы тронуть твой столбъ и городъ!..

Онъ поднялъ руку, толпа загудѣла, выражая свое согласіе и угрозы.

Хвостекъ стоялъ, сжимая въ своей рукѣ рукоять меча, какъ-бы намѣреваясь кинуться на находившуюся предъ нимъ живую

стѣну. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ, противъ этой толпы, которая-бы мгновенно его поглотила?

Наконецъ, князь, сдвинувъ брови, сдѣлалъ угрожающій жестъ рукою и крикнулъ:

— Съ дороги прочь!..

И первый тронулся съ мѣста съ такою увѣренностью, какъ-будто шелъ во главѣ цѣлаго войска. Толпа раздалась... Вслѣдъ за Хвостекомъ въ одиночку, пробирались и его слуги. Не торопясь, не оборачиваясь назадъ, миновалъ онъ толпу, которая только тогда, когда Хвостекъ ужъ былъ далеко, начала кричать:

— Хвостъ! Хвостикъ! Хвостище!

Онъ оглянулся, вскипѣлъ-было снова, но затѣмъ, презрительно усмѣхнувшись, продолжалъ подвигаться впередъ.

У берега его ожидала большая ладья; къ ней онъ и направлялся. Далеко, позади, шли его слуги, испуганные, злые, не смѣвшіе рта открыть для своей защиты; въ ушахъ ихъ еще раздавались озлобленные крики:

— Хвостище! Хвостъ!

Вдругъ — словно Нія задумала отомстить оскорбившему ее князю — громадная черная туча, принесенная бурными вѣтрами, всѣмъ своимъ тѣломъ свинцовымъ охватила вечернее небо и повисла надъ озеромъ.

Подъ нею на горизонтѣ, виднѣлись широкія полосы ливня, затопившаго лѣса и поля и приближавшагося съ каждымъ мгновеніемъ; внутри ее что-то гудѣло, какъ будто-бы она заключала въ себѣ тысячи камней, готовыхъ обрушиться на землю. Молнія за молніей ударяла въ озеро; вихрь гнулъ деревья до самой земли, вырывалъ ихъ съ корнями, унося точно легкія перышки. Цѣлыя тучи песку поднимались на воздухъ, наполняя его пылью.

Буря не позволила князю добраться до лодки. Въ испугѣ всѣ побросались на землю, выжидая, пока окончится непогода. Въ храмѣ Ніи блескъ молній, порывами освѣщая темноту, казалось, тушилъ священный огонь; вѣтеръ рвалъ занавѣси, дымъ наполнялъ весь храмъ, искры носились въ воздухѣ. Красные глаза Ніи искрились, точно радуясь этой стихійной борьбѣ. Одинъ за другимъ, почти непрерывно, раздавались удары грома; озеро помутилось, разъяренныя его волны далеко плескали на островъ.

Земля тряслась. Князь, закутанный въ плащъ, дрожалъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ. Если-бы кто вздумалъ подслушать его тогда, то крайне-бы удивился, услышавъ мольбы, обращенныя то къ Перуну, то къ крестику, висѣвшему у него на груди. Старые предразсудки и новая вѣра цѣнились имъ одинаково... Поклоняясь новому Богу, онъ почиталъ и прежнія божества, съ которыми ему трудно было разстаться. Несмотря на невольный страхъ, скоро овладѣло имъ нетерпѣніе—онъ началъ ворчать.

— Все это племя слѣдуетъ уничтожить до тла — мысленно проносилось въ его головѣ—пусть ихъ въ плѣнъ уведутъ, пусть превратятъ въ рабочій скотъ, пусть ими пашутъ... Пускай приходятъ саксонцы, и уничтожатъ ихъ... Этотъ змѣиный родъ, всѣхъ этихъ кметовъ, чѣмъ скорѣй ихъ на свѣтѣ не будетъ—тѣмъ лучше... Вѣтеръ уже унимался, буря понеслась дальше, когда Смерда подошелъ къ лежавшему на землѣ князю; Хвостекъ едва не пронзилъ его мечомъ, до такой степени онъ оказался взбѣшеннымъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ произошло. Лишь узнавъ лицо своего слуги—онъ слегка успокоился.

— Милостивый князь,—проговорилъ Смерда;—буря прошла... солнышко снова свѣтитъ... Уйдемъ скорѣе отсюда, оставимъ этотъ проклятый островъ, гдѣ воистину царство вѣдьмъ. Ни кто другой, только онѣ, эти волшебницы, навели бурю и громы... Молнія поубивала многихъ изъ нашихъ. А что сталось съ нашими лошадьми на томъ берегу?

Князь поднялся съ земли и вздохнулъ съ облегченіемъ, убѣдившись, что буря прошла; затѣмъ, Хвостекъ вошелъ въ лодку вмѣстѣ со своими людьми. Лодка отвалила отъ берега.

Изъ-за кустовъ Визунъ, окруженный испуганными женщинами, слѣдилъ за движеніемъ лодки, которая, съ каждымъ взмахомъ веселъ, все болѣе и болѣе отъ нихъ удалялась. Старикъ ворчалъ, женщины тоже, должно-быть, посылали Хвостеку вслѣдъ проклятія.

Старая женщина обѣими руками рвала траву и бросала ее въ сторону исчезавшей на горизонтѣ лодки.

Дива едва только теперь начала приходить въ себя. Она неподвижно смотрѣла въ огонь. Казалось, что духи ее еще не покинули—она вся дрожала.

Солнце выглянуло изъ за тучъ; одинъ изъ его лучей, проскользнувъ сквозь раздвинутую занавѣсъ, пробрался внутрь храма и улегся золотою полоскою у ногъ красавицы, которая улыбнулась ему, какъ кроткому небесному вѣстнику...

На крышѣ снова заворковали голуби, въ кустахъ послышались соловьиныя трели, а надъ княжескою лодкою кружились черные вороны, опускаясь, то ниже, то выше, какъ-бы желая добраться до буйныхъ головъ.

XV.

У княжескаго столба народъ толпился до поздней ночи. Милостивый князь все не возвращался. Княгиня сидѣла у себя въ свѣтлицѣ и мечтала. Она призывала слугъ, старшину, женщинъ. Иногда она съ безпокойствомъ поднималась съ мѣста, подходила къ окну, къ дверямъ, посылала спрашивать не вернулся-ли ея повелитель, не видно-ли его гдѣ нибудь-вдали, не слышно-ли о немъ чего.

На первомъ дворѣ тоже дожидались князя. Нѣкоторые изъ слугъ, утомившись напраснымъ ожиданіемъ, уже полегли спать.

Гдѣ-то вдали, въ сторонѣ лѣса, прошла буря съ шумомъ и ревомъ; затѣмъ опять все утихло. Глянуло было солнышко изъ-за тучъ, но сейчасъ-же и скрылось. Темнота непроницаемымъ саваномъ мало-по-малу покрыла землю—а князь все не возвращался. У княжескаго столба никто не рѣшался ложиться—хозяина не было дома. Если-бы князь замѣтилъ кого-нибудь не готовымъ—вотъ была-бы потѣха! Навѣрное не вышелъ-бы несчастный живымъ изъ рукъ недовольнаго деспота.

Каждую минуту Брунгильда высылала мальчика узнавать, не пріѣхалъ-ли мужъ, но мальчикъ каждый разъ приносилъ одно и тоже извѣстіе: ни духу, ни слуху.

Въ свѣтлицѣ княгини закрыли ставни, на окнахъ спустили занавѣси. По-временамъ ставни тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Вѣтеръ гудѣлъ, навѣвая тоску унылыми завываньями.

Только около полуночи у моста послышался лошадиный то-

потъ; люди начали перекликаться другъ съ другомъ—пріѣхалъ князь.

Въ эту минуту, вдоль стѣнъ княжескаго дома, прошла какая-то женщина вся въ бѣломъ: то княгиня вышла встрѣчать своего супруга и господина. Она вздумала-было представиться раздраженною, но, взойдя въ свѣтлицу, въ которой слуги раздѣвали Хвостека, раскладывая его промокшее платье—княгиня замѣтила, что супругъ что-то не весело смотритъ...

Взглянули они другъ на друга; здороваться имъ и въ голову не пришло. Князь ударялъ въ столъ кулакомъ и ворчалъ—велѣлъ дать себѣ меду.

Онъ былъ голоденъ, жажда его томила, а притомъ еще злость подкатывалась подъ самое сердце... Князь безъ устали проклиналъ все и всѣхъ, желая всему міру исчезнуть и провалиться сквозь землю.

Брунгильда, со сложенными на груди руками, стояла, прислонившись къ столу. Слуги разбѣжались.

— Давно ужъ полночные пѣтухи пропѣли, а милостиваго моего господина нельзя было дождаться!..

— Молчи ты, сорока!.. Не спрашивай...—крикнулъ князь,—не навязывай мнѣ своей болтовни — я взбѣшенъ — и знать никого не хочу!

— Даже жены!

Князь не отвѣтилъ.

— Хадона послать мнѣ завтра чутъ свѣтъ!..

Онъ схватился обѣими руками за голову и рвалъ себѣ волосы.

— Пусть Хадонъ завтра-же ѣдетъ къ саксонцамъ, пусть они къ намъ придутъ сюда... Пускай жгутъ, истребляютъ, пусть душатъ всѣхъ... Пусть всю эту землю пламенемъ истребятъ! Вѣдь если новь берутъ подъ запашку—сперва очищаютъ ее топоромъ и огнемъ. И здѣсь ничего нельзя будетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока огонь и топоръ не истребятъ этого проклятаго зелья!..

Княгиня улыбнулась.

— Давно-ужъ я знаю объ этомъ, много разъ совѣтовала,—проговорила она,—одни лишь саксонцы умѣютъ расправляться съ такими людьми... Тебѣ одному съ твоими смердами не побороть

ихъ. Ихъ вѣдь здѣсь тьма. Каждый кметъ измѣнникъ, ни одному вѣрить нельзя.

— Чтобъ позвали ко мнѣ Хадона,— повторилъ князь,—но, молчать: куда и зачѣмъ посланъ. Раннимъ утромъ пускай онъ выходитъ пѣшкомъ, а тамъ возьметъ себѣ лошадь изъ табуна. Пусть ѣдетъ со знакомъ отъ меня. Пускай повезетъ перстень.

Княгиня ласково перебирала волосы князя, во всемъ соглашаясь съ нимъ.

— Будь спокоенъ, отдохни—я сама его снаряжу въ дорогу. Еще солнце не успѣетъ взойти, онъ ужъ будетъ отправленъ. Но времени не мало пойдетъ, пока онъ проѣдетъ эти пустыни и проберется за Лабу. А пока они тамъ еще собираться начнутъ, пока тронутся съ мѣста—тѣмъ временемъ, здѣсь!..

Князь посмотрѣлъ на нее.

— Здѣсь они сговариваются, собираютъ вѣче, по ночамъ совѣщаются; сходятся и въ лѣсахъ, ѣздятъ и по дворамъ, разсылаютъ своихъ людей во всѣ концы. Но я надъ ними смѣюсь, у меня людей довольно, столбъ крѣпокъ, да и башня выдержитъ ихъ напоръ. Озеро защититъ, а въ амбарахъ не пусто—всѣ переполнены. Хотя-бы имъ вздумалось обложить столбъ—съумѣю еще съ ними справиться—но они этого не посмѣютъ сдѣлать.

Начался разговоръ въ полголоса. Княгиня сѣла возлѣ своего мужа. Слуги принесли Хвостеку полную миску говядины и кубокъ меда. Говядину онъ рвалъ пальцами, а медъ выпилъ залпомъ.

Насытившись, князь выгналъ вонъ изъ свѣтлицы всѣхъ своихъ слугъ, и вмѣсто того, чтобы ждать наступленія утра—сейчасъ-же послалъ за Хадономъ.

Хадонъ былъ нѣмецъ, но при князѣ онъ выучился мѣстному языку, привыкъ къ туземнымъ обычаямъ. Тѣмъ не менѣе его не легко было отличить отъ другихъ, когда онъ нарочно входилъ въ толпу, чтобъ подслушивать и присматриваться, а потомъ доносить госпожѣ.

Въ свѣтлицу вошелъ молодой парень, любимецъ княгини, котораго всѣ боялись и—не безъ основанія. Когда князя не было дома, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у своей повелительницы, раз-

влекая ее своими разсказами: куда-бы она не отправлялась, всюду за ней ѣхалъ Хадонъ. Князь его тоже любилъ, потому-что нѣмецъ ловко умѣлъ ему угождать, ласкаясь въ тоже время какъ кошка. Не будь у него лицо такъ блѣдно и покрыто веснушками, онъ былъ-бы хорошъ собою, тѣмъ болѣе, что обладалъ густыми, вьющимися волосами, хотя и искраснарыжаго цвѣта.

— Хадонъ!—позвалъ его князь, лишь только вѣрный слуга взошелъ въ свѣтлицу.—Поди-ка сюда!.. Завтра чуть свѣтъ соберешься въ дорогу туда...

При этихъ словахъ князь указалъ рукою по направленію на западъ.

— Поѣдешь къ старому, скажешь ему, чтобы прислалъ мнѣ своихъ людей. Довольно ужъ я натерпѣлся; надо рѣшиться покончить съ кметами разомъ. Пусть высылаетъ людей сколько найдется, да чтобы всѣ какъ можно лучше вооружились... Одна горсть саксонцевъ уничтожитъ эту дикую, безоружную толпу.

Хадонъ искоса взглядывалъ на княгиню, которая глазами старалась ему объяснить, что слѣдовало отвѣчать князю.

— Княгиня дастъ тебѣ перстень,—ты его тамъ покажешь, и тебѣ повѣрятъ. Старый знаетъ, что означаетъ перстень... Я долго оттягивалъ... Сегодня... Да, такъ-то лучше... Пусть приходятъ...

— Милостивый князь,—проговорилъ Хадонъ,— только развѣ слѣпой не замѣтилъ-бы, что у насъ здѣсь творится... Собираютъ вѣче, совѣтуются, а поспѣютъ-ли наши во время?..

Князь разсмѣялся.

— Э, братъ, твердые зубы и тѣ не укусятъ стѣнъ моего столба—сказалъ онъ.—Пусть ломаютъ ихъ себѣ о него, коли хотятъ... Помощь поспѣетъ во время... Здѣсь-то я ихъ не боюсь!.. Знаю я этихъ собачьихъ сыновъ; больше ворчатъ, чѣмъ кусаютъ,—зубы лишь скалятъ и только! Толпою готовы хоть на ежа съ голыми руками напасть, а разбредутся по парамъ—и снова заснутъ!

— Князь милостивый, едва слышнымъ голосомъ замѣтилъ Хадонъ:—справедливо изволишь ты говорить, только все-же здѣсь никому довѣряться нельзя, даже своей дружинѣ...

Князь нахмурился.

— Смердамъ своимъ я вѣрю, а толпы не боюсь: ее не трудно держать въ границахъ.

Князь улыбнулся, беззаботно потягивая медъ; Хадонъ-же началъ разсказывать обо всемъ, что ему въ этотъ день удалось вывѣдать у людей. Слышно, говорилъ онъ, что кметы начали часто ѣздить другъ къ другу, что по ночамъ назначаютъ на городищѣ свиданія, что вѣстовые рыскаютъ всюду, что, наконецъ, кметы избираютъ какихъ-то старостъ.

Князь слушалъ. Презрительная улыбка появилась у него на губахъ.

— Пускай болтаютъ и совѣщаются, пускай кричатъ—больше того они ничего не сдѣлаютъ. А все не мѣшаетъ ихъ проучить! Вотъ для этого мнѣ и нужны саксонцы. Итакъ завтра въ путь, Хадонъ.

Парень снова искоса посмотрѣлъ на княгиню, наклонилъ голову и, скрестивъ на груди руки, вышелъ изъ комнаты.

О происшедшемъ на Ледницѣ князь не обмолвился ни единымъ словомъ, строго-на-строго приказавъ бывшимъ съ нимъ слугамъ молчать обо всемъ. Несмотря на приказъ, полуразсказами, полунамеками они успѣли вселить страхъ въ обитателяхъ княжескаго столба.

На слѣдующій день въ городѣ была повсемѣстная тишина. Князь отдыхалъ, княгиня сидѣла у прялки и пѣла, гоняя своихъ прислужницъ. Небо заволоклось тучами, накрапывалъ дождикъ. Лишь послѣ полудня вышелъ князь на крыльцо и присѣлъ на скамьѣ. Собаки окружили его со всѣхъ сторонъ. Князь поѣлъ, выпилъ, слегка вздремнулъ и, очнувшись, разогналъ всѣхъ своихъ собакъ.

Немного спустя, у моста остановилась кучка людей, требуя, чтобы ихъ допустили къ князю... То были кметы, жупаны, старшины и владыки.

Смердъ прибѣжалъ къ князю съ этимъ извѣстіемъ... Послѣднему невольно пришло на мысль—не являлись-ли кметы предвѣстниками вооруженнаго возстанія? Хвостенъ нахмурилъ брови.

— Впустить ихъ,—крикнулъ князь:—потомъ ворота закрыть и не смѣть никого выпускать безъ моего приказанія. Пусть идутъ—увидимъ съ чѣмъ-то пожаловали!

Князь поднялся со скамьи...

Въ воротахъ показались кметы, всѣ люди почтенные, въ праздничной одеждѣ... Всѣ были вооружены, Хвостъ изъподлобья смотрѣлъ на нихъ: онъ видимо старался запомнить лица, осмѣлившихся явиться къ нему. Тѣхъ, впрочемъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и надѣялся здѣсь увидѣть—тѣхъ не было. Товарищи не хотѣли пускать ихъ къ князю, который легко могъ лишить ихъ свободы, упрятавъ въ темницу.

Кметы дружно и смѣло подвигались впередъ. Князь сѣлъ на скамью, подбоченившись. Отъ моста до крыльца было не особенно близко.

Хвостъ смотрѣлъ на нихъ—кметы тоже, не потупляясь, глядѣли на властелина. Повидимому ни та, ни другая стороны не хотѣли ничѣмъ поступиться, Еще не были высказаны привѣтствія, а глаза ужъ успѣли выяснить все, что за долгое время скопилось въ душѣ.

Въ глазахъ кметовъ читалось, что явились они сюда съ жалобою, но что сильна ихъ увѣренность въ своемъ правѣ—взоръ-же князя, полный ненависти и гнѣва, отвѣчалъ имъ, что увѣренность и надежды ихъ тщетны.

Кметы приблизились къ князю. Впереди шелъ глава Мышко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, широкоплечій, длинные волосы и черная, кудрявая борода котораго наводили страхъ даже надикихъ звѣрей. Упояса, куда засунулъ онъ свою руку—висѣли мечъ и топоръ. Слѣдомъ за нимъ неторопливо шагали другіе. Когда горсть этихъ смѣльчаковъ подошла къ крыльцу—Мышко поклонился князю, рукою дотронувшись до головного убора. Князь едва шевельнулся, губы у него дрожали отъ гнѣва.

— Пришли мы къ тебѣ, князь нашъ ты милостивый,—проговорилъ Мышко,—по дѣлу, по старому дѣлу кметовъ. Угодно-ли будетъ насъ выслушать?

— Говорите... Иной разъ чего не приходится выслушать: и карканье воронъ, филиновъ крикъ, да и собачій вой... Послушаемъ и вашего голоса...

Мышко обвелъ глазами своихъ и замѣтилъ, что ни одинъ изъ нихъ не испугался этой угрозы.

— Плохо начинаешь ты съ нами,—продолжалъ Мышко:—сра-

внивая насъ съ птицами да со звѣрьемъ, мы люди такіе же, какъ и ты!..

— Какъ я?—переспросилъ князь иронически.—Ну, такъ это вы плохо начали... Я что-то о равныхъ себѣ здѣсь не слыхивалъ, кромѣ какъ изъ моего рода.

— Слышалъ-ли, нѣтъ-ли,—отвѣтилъ Мышко:—твое это дѣло, князь, я только предупреждаю—не пришлось-бы часомъ почувствовать!.. Сегодня мы еще, пока что, пришли къ тебѣ съ просьбою, не для ссоры, а для совѣта... Князь и вождь нуженъ намъ былъ, вотъ мы твой родъ и пригласили къ себѣ и отдали въ руки его всякую власть. Мы хотѣли, чтобы нашъ князь защищалъ нашу землю отъ враговъ. Но не для того мы облекли его властью, что-бы наши-же шеи онъ намъ рубилъ. Ты, князь, ты забылъ объ этомъ; ты хочешь, какъ видно, обратить насъ въ рабовъ? Знай-же, князь—не легко съ нами справиться! Мы тебѣ говоримъ—измѣнись, будь за одно съ нами и иди рука объ руку!

Мышко умолкъ. Хвостъ, во все время рѣчи дрожавшій отъ злости, всталъ со скамьи и, выпрямившись во весь ростъ, оскорбительнымъ тономъ захохоталъ. Бѣлые зубы его оскалились, пѣна явилась у него на губахъ... Это значило, что онъ взбѣшенъ до крайней степени... Погрозивъ кулакомъ, онъ во все горло крикнулъ:

— Не вамъ мнѣ учить уму-разуму! Не вамъ! Что-же—вы посадили меня на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь, вы? Здѣсь были и отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣды мои, а у нихъ была такая-же сила, какъ и у меня! Не вамъ ее у меня отнять! Вамъ вздумалось жить по старому, вамъ хочется прежней свободы — не будетъ вамъ этого, нѣтъ!—Я хочу, чтобы вы меня слушались, и вы будете мнѣ покорны.

Никто не прерывалъ рѣчи князя. Всѣ слушали молча.

— Твоихъ справедливыхъ требованій мы исполнять не отказываемся,—началъ Мышко, немного спустя.—Что справедливо, то исполняемъ,—но не позволимъ превратить насъ въ нѣмецкихъ рабовъ. Тебѣ нравится все, что у нихъ происходитъ; это хищный народъ: гдѣ война, тамъ о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Мы не любимъ войны; правда, мы защищаемся, но только, тогда, когда насъ затрогиваютъ когда на насъ нападаютъ—и то по необходи-

мости; сами-же мы нападать избѣгаемъ потому, что любимъ свободу Къ тому-же, и границы наши спокойны.

Князь продолжалъ стоять, какъ-бы не слушая рѣчи Мышко, онъ глазами считалъ пришедшихъ.

— Дальше что?—спросилъ онъ.

— Твои смерды и прислужники отнимаютъ у насъ сыновей; женщинъ—насилуютъ, стада—уводятъ съ пастбищъ, сѣно воруютъ, жгутъ лѣса, истребляютъ наши поля—этого ужъ слишкомъ много! Съ тебя и твоей земли довольно!

Хвостъ началъ ходить взадъ и впередъ по крыльцу. Когда Мышко кончилъ, князь снова спросилъ:

— Дальше что?.. Можетъ, найдется побольше, что, поважнѣе?

— Еще больше?—проговорилъ другой Мышко, уже давно неспокойно стоявшій на мѣстѣ, какъ-бы желая что-то сказать.—Еще тебѣ больше? Да еслибъ мы начали все перечислять, то и конца-бы этому не было. А кто здѣсь, у столба, перепоилъ нашихъ братьевъ такъ, что они, бросившись другъ на друга, перерѣзались всѣ? А потомъ: кто велѣлъ тѣла ихъ бросить въ озеро? А мало развѣ нашихъ погибло и гніютъ еще у тебя въ темницѣ?..

— А я тебѣ еще больше скажу,—отозвался третій.—Ты за одно стоишь съ нѣмцами, съ нашими врагами! Ты взялъ себѣ нѣмку въ жены, ты къ нимъ посылаешь, ты съ ними въ дружбѣ живешь! Мы все это знаемъ, все знаемъ!

Онъ поднялъ руку вверхъ, угрожая ею князю.

Кметы начали говорить все громче, каждый хотѣлъ напомнить деспоту о его безчинствахъ... Ужъ теперь необдуманныя слова лились рѣкою. Сжатые кулаки появлялись надъ головами... Князь ходилъ, скрежеталъ зубами и злобно смѣялся. По-временамъ онъ бросалъ какіе-то странные взгляды въ сторону, гдѣ стояли смерды

Княжескіе слуги, одинъ за другимъ, начали оцѣплять кметовъ. Они преградили имъ доступъ къ воротамъ. Челядь вся была вооружена. Сперва никто на это не обратилъ вниманія; наконецъ, Мышко первый оглянулся и замѣтилъ стоящихъ за нимъ вооруженныхъ людей.

— Это что значитъ?—спросилъ онъ.—Не хочешь-ли въ плѣнъ

насъ забрать? Мы явились къ тебѣ по вѣчевому желанію; случись съ нами что-либо недоброе—тебѣ еще хуже будетъ!

Ни слова не отвѣчая, Хвостъ крикнулъ людямъ:

— Взять ихъ! Кандалы и темница!—вотъ мой отвѣтъ!

Но слуги не успѣли еще тронуться съ мѣста, какъ Мышко бросился на крыльцо и схватилъ князя за плечи. Они долго боролись, образовавъ одну движущуюся массу. Слуги, вмѣсто того, чтобы защищать своего господина, стояли какъ вкопанные: смѣлость Мышко озадачила ихъ.

Среди царившей въ тотъ моментъ тишины, кромѣ проклятій Хвостка и Мышко, ничего не было слышно... Оба соперника, послѣ продолжительной рукопашной схватки, свалились на землю. Князь былъ внизу, на немъ сидѣлъ Мышко, придавливая его всею тяжестью своего тѣла. Все это происходило какъ-разъ противъ входныхъ дверей, которые вдругъ растворились и изъ нихъ выбѣжала княгиня, съ распущенными волосами... Она подняла неистовый крикъ... Ножъ блеснулъ въ ея рукѣ... Еще мгновенье—и княгиня, нагнувшись надъ Мышко, начала ему рѣзать ножемъ горло... Кровь брызнула на столбы крыльца... Кметы бросились выручать своего... Шумъ и крикъ огласили воздухъ... Слуги набросились сзади...

— Бей! Убивай! Рѣжь!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Кметы дрались отчаянно. Мышко, несмотря на страшную рану, поднявшись на ноги, долго еще защищался; другіе тоже не мѣшкали... Кметы, замѣтивъ, что врагъ сильнѣе ихъ, сплотились въ одну кучку и начали отступать къ воротамъ... Крикъ, шумъ, вопли... слышались удары, свистѣли стрѣлы... Люди, бывшіе въ башнѣ или стоявшіе на дворѣ, не посмѣли приблизиться къ кметамъ, и стрѣляли въ нихъ издали... Кровь лилась рѣкою... Несмотря, однако, на это, кметы съумѣли достигнуть воротъ, сильнымъ напоромъ открыли ихъ и выбрались на мостъ... Дожидавшіеся здѣсь ихъ слуги, замѣтивъ своихъ господъ, залитыхъ кровью, съ неистовымъ крикомъ бросились на преслѣдовавшихъ смердовъ и снова завязался бой. Съ одной стороны была небольшая кучка людей, отчаянно защищавшихъ своихъ господъ, съ другой—толпа безъ вождя, безъ главы. Не приготовленная къ борьбѣ, возможности которой никто не подозрѣвалъ, и притомъ далеко не же-

лавшая жертвовать жизнью—толпа эта громко кричала, но не преслѣдовала удалявшихся кметовъ и ихъ людей. Хвостъ, тихо явился, но онъ прибѣжалъ слишкомъ поздно. Смерды его не съумѣли отрѣзать кметовъ отъ слугъ ихъ и лошадей, добравшись до которыхъ, кметы ушли. Мышко, весь въ крови, поднявъ руку вверхъ, крикнулъ Хвосту на прощанье:

— Тебѣ вздумалось воевать съ нами, такъ быть-же войнѣ!

Но онъ потерялъ столько крови, что чуть не упалъ на землю. Два товарища поддерживали его съ двухъ сторонъ. Кметы удалялись отъ княжескаго града, проклиная его и всѣхъ въ немъ живущихъ.

Хвостекъ бѣсился, что ихъ выпустили, что имъ позволили уйти. Сгоряча онъ велѣлъ вѣшать всѣхъ своихъ слугъ за то, что вовремя они его не поддержали и дали кметамъ возможность спастись. Смерды тутъ-же начали бить виновныхъ палками и прутьями.

Княгиня, съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ, стояла на крыльцѣ и пальцемъ указывала трусовъ, называя ихъ по именамъ.

Хвостекъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ подбѣгалъ и дралъ ихъ собственноручно.

Долго еще у столба раздавались стоны и плачъ. Лишь тогда, когда палачи утомились—избитые слуги разбѣжались во всѣ стороны и попрятались по угламъ.

Князь и княгиня, опомнившись, немного поздно сообразили, что, въ сущности, вовсе не время выказывать свою строгость, такъ-какъ ежеминутно могли представиться обстоятельства, гдѣ помощь слугъ оказалась-бы крайне необходимой.

Тогда, какъ это часто водилось въ старину — послѣ строгаго наказанія наступило время помилованія; даже больше того, какъ-бы просьбы забыть все происшедшее. Князь велѣлъ вынести нѣсколько боченковъ пива и освѣжевать нѣсколькихъ барановъ. Все это по совѣту княгини. Избитые слуги, не переставая стонать, приблизились къ разставленнымъ бочкамъ, начали пить и, почесывая спины, мало-по-малу начали смѣяться другъ надъ другомъ. Смерды, между тѣмъ, чинили поломанныя ворота и осматривали мостъ.

Въ избѣ, на скамьѣ, лежалъ Хвостъ, который, при паденіи на полъ, сколоченный изъ толстыхъ бревенъ, больно ушибся—стоналъ

и проклиналъ всѣхъ и все. Около него сидѣла княгиня и смотрѣла на него съ жалостью, близкой къ презрѣнію.

— Ты самъ виноватъ,—проговорила она:—нужно было меня слушаться. Это дѣло кончилось-бы совсѣмъ иначе. Слѣдовало вѣжливо попросить ихъ зайти въ избу, посадить за столъ, говорить съ ними безъ гнѣва. А тѣмъ временемъ у дверей можно было поставить слугъ, и поймать ихъ какъ рыбу въ сѣти. А еще лучше, надо было наобѣщать имъ всего возможнаго, притвориться слабымъ... А пришли-бы саксонцы, тогда-бы и сдѣлать, что нужно... а не торопиться...

Бѣлою рукою дотронулась она до лба своего супруга.

— У тебя, князь, рука сильнѣе головы. Я, слабая женщина, а все-же лучше съумѣла-бы справиться съ этимъ ехиднымъ племенемъ! Слушался-бы меня!

Князь разразился проклятьями.

— Что-жъ теперь дѣлать?

Брунгильда задумалась.

— Надо оттягивать, а тѣмъ временемъ всѣми силами пріобрѣтать друзей. Твоя вспыльчивость послужила причиною гнѣва дядей твоихъ, племянниковъ, да и всѣхъ нашихъ; они тоже готовы стать на сторону кметовъ... Перетянуть ихъ на свою сторону — вотъ первое, чѣмъ нужно заняться.

Князь слушалъ.

— Говори, какъ-же это сдѣлать, у тебя разумъ нѣмецкій, я умѣю только сражаться!—ворчалъ онъ.—Ну, говори, что слѣдуетъ для этого предпринять?

Блѣдное лицо княгини покрылось румянцемъ. Она начала нервно ходить взадъ и впередъ по избѣ.

— Дядей и вообще всю родню необходимо привлечь на свою сторону... Присоединись они къ кметамъ—дѣло-бы вышло плохое! Раньше, нежели саксонцы поспѣли-бы съ помощью — тѣ-бы ужъ произвели нападеніе...

Хвостъ такъ на жену и уставился. Брунгильда остановилась передъ нимъ.

— Поручи мнѣ все это,—сказала она.—У Милоша одного сына ты убилъ, другому выкололи глаза... Слѣпого нужно отдать отцу и такъ подвести, чтобы онъ думалъ, что у сына выкололи глаза

не по нашему приказанію. Я къ нему зайду въ темницу. Нужно его одѣть, накормить и отправить домой. Старый Милошъ проститъ намъ все, когда отдадимъ ему сына. Это очень возможно.

— А два другіе? — спросилъ князь. — А племянники, а всѣ остальные?

— Нужно послать къ нимъ умныхъ людей, просить ихъ пожаловать къ намъ. Нашъ интересъ, тоже и ихъ интересъ. Не будетъ насъ здѣсь, кметы уничтожатъ всѣхъ Лешковъ, въ живыхъ не оставятъ ни одного... Они должны-же это понять... Пускай пріѣзжаютъ всѣ, пусть помогутъ совѣтомъ...

— А если не захотятъ, откажутъ?

Брунгильда не отвѣтила на этотъ вопросъ. Она, сложивъ на груди руки, только отрицательно покачала головою. Мужъ и жена посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— Пожелаютъ!.. Откажутъ?.. Пусть только сперва пріѣдутъ, а тамъ ужъ увидимъ, что удобнѣе предпринять.

Князь застоналъ. Брунгильда поднесла ему чашу съ медомъ и ласково обняла за шею.

— Слушайся меня,—сказала она:—хотя я и женщина, но лучше тебя справлюсь съ людьми. Воевать, я знаю, силъ у тебя хватитъ, но гдѣ нужно хитростью дѣло подвинуть — тамъ ты ужъ предоставь его мнѣ.

Потомъ, тѣмъ-же заискивающимъ тономъ, она продолжала:

— Теперь я пойду въ темницу, освобожу Лешка и отправлю его къ Милошу. Смердовъ пошлю къ дядямъ. Ты отдохни, дай мнѣ лишь волю дѣйствовать какъ я захочу и увидишь, какъ все хорошо пойдетъ!

Проговоривъ это, она ловко, почти незамѣтно для Хвостека, вышла изъ комнаты. На дворѣ она кивнула рукою своему приближенному Кошубѣ, котораго прозвали Мухою.

Муха былъ молодой и красивый парень, всегда готовый къ услугамъ княгини и постоянно веселый; въ смерды сама княгиня произвела его, узнавъ, что онъ умный и хитрый малый. Муха былъ соперникомъ того нѣмца, котораго княгиня отправила къ саксонцамъ: они вѣчно спорили изъ-за ласковаго взгляда княгини, чѣмъ послѣдняя искренно тѣшилась, такъ-какъ это льстило ея самолюбію. Въ настоящее время, Кошуба считалъ себя счастли-

вымъ, зная, что его соперникъ далеко. Брунгильда улыбнулась, смотря на подбѣжавшаго къ ней вѣрнаго и преданнаго красавца.

— Мнѣ нужно зайти въ темницу,—объявила она:—гдѣ сидитъ слѣпой Лешекъ; ты пойдешь со мною... Нужно снарядить въ путь человѣка четыре, приготовить одежду богатую и красивую. Лешка придется отослать къ Милошу, и сдѣлать это еще сегодня...

Въ отвѣтъ Муха почтительно поклонился.

Княгиня немедленно отправилась по направленію къ столбу. Темница, въ которую посадили Лешка, помѣщалась въ башнѣ. Нельзя было иначе проникнуть въ нее, какъ по лѣстницѣ. Лѣстница въ эту минуту была на своемъ мѣстѣ, такъ-какъ только что передъ этимъ сторожъ принесъ бѣдному узнику хлѣбъ и воду, Брунгильда взошла на лѣстницу, приказавъ Мухѣ слѣдовать за собою. Внутри башни царствовалъ полумракъ. Незатѣйливая лѣстница вела въ темницу, которая запиралась сверху. Подъ тяжелою дверью находилось мѣсто заключенія ослѣпленнаго Лешки, освѣщенное свѣтомъ, проскользающимъ сквозь небольшое окошечко.

Въ этой смрадной ямѣ, на сгнившей соломѣ, лежалъ молодой человѣкъ; несмотря на тяжелое его положеніе, на грязную и простую одежду, полуизорванное покрывало, едва защищавшее худое, пожелтѣвшее его тѣло—онъ сохранилъ всѣ признаки поразительной красоты. Услышавъ необычный въ темницѣ шорохъ женскаго платья, онъ поднялъ голову: на блѣдномъ лбу появились морщины. Брунгильда остановилась на лѣстницѣ: ей стало жутко въ этой темницѣ... Княгиня нарочно кашлянула. Лешекъ всталъ...

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ.

— Я, здѣсь, — тихимъ и сладкимъ голосомъ отвѣтила Брунгильда:—я, Брунгильда...

— Я долженъ умереть, не правда-ли?—спросилъ узникъ.

— Нѣтъ, я нарочно пришла объявить тебѣ о твоей свободѣ,— продолжала княгиня.—Я всегда вамъ обоимъ, тебѣ и твоему брату, желала помочь, я старалась спасти васъ... Князь не по своей волѣ дѣйствовалъ; ваши враги требовали этого... Васъ они обратили въ средство угрозы... Все, что случилось — случилось безъ нашего приказанія, виноваты слуги одни...

Лешекъ презрительно улыбнулся: онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить словамъ этой хитрой женщины.

— Не сомнѣвайся,—говорила Брунгильда:—князь горько оплакиваетъ погибель твоего брата и твое ослѣпленіе...

— А по чьему-жъ приказанію все это сдѣлано было?—негодующимъ тономъ спросилъ Лешекъ.

— Такого приказанія никогда не было!..

Лешекъ горько смѣялся. Онъ взялъ горсть соломы и безсознательно мялъ ее въ рукахъ.

— Я освобожу тебя,—прибавила княгиня:—и отошлю къ старику-отцу. Довольно ужъ пролилось крови въ нашей семьѣ, довольно всякихъ несчастныхъ ссоръ. Будемъ друзьями! У насъ и безъ того довольно общихъ враговъ. Съ этихъ поръ, и ты и отецъ твой, вы будете мирно жить въ своемъ домѣ!..

При этихъ словахъ Брунгильда приблизилась къ Лешку, который, услышавъ ея голосъ почти у самаго уха, невольно отшатнулся назадъ, подозрѣвая новую хитрость.

— Не бойся,—говорила княгиня:—клянусь тебѣ, что завтра ты будешь у своего отца. Князь хочетъ мириться съ вами. Сейчасъ тебя выведутъ отсюда, дадутъ новую одежду, накормятъ. Лошади и люди уже ожидаютъ тебя.

Лешекъ не вѣрилъ своимъ ушамъ... Движенія его обнаруживали, точно онъ искалъ какое-нибудь орудіе для защиты себя отъ хитраго врага. Дрожащія руки ощупывали мокрую, холодную стѣну

— Не бойся,—повторяла Брунгильда:—клянусь тебѣ...

Бѣдный узникъ, прислонившись къ стѣнѣ, упорно молчалъ... Между тѣмъ, двое людей, явившихся въ темницу по приказанію княгини, взяли его подъ руки. Несмотря на всѣ увѣренія Брунгильды, Лешекъ старался освободиться изъ рукъ уводившихъ его людей. Онъ стоналъ, подозрѣвая измѣну. Силы, однако, измѣнили несчастному Лешку: здоровый мужчина—слуга взялъ его на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. Брунгильда и Муха слѣдовали за нимъ. На него набросили плащъ и Кошуба повелъ его въ хату, гдѣ была приготовлена для него одежда. Княгиня выбрала блестящій нарядъ. Она возвратилась въ свѣтлицу, гдѣ намѣревалась принять и угостить освобожденнаго Лешка.

По ея приказанію, слуги поставили на столъ миску съ мясомъ, чашки съ молокомъ и медомъ, бѣлые калачи и другія яства. Княгиня разсчитывала сладкимъ голосомъ и любезностью привлечь

на свою сторону недовѣрчиваго Лешка. Муха долженъ былъ предварительно подготовить его къ тому.

Немного времени спустя, двери открылись и въ свѣтлицу вошелъ любимецъ княгини, за которымъ слѣдовалъ, придерживаясь за его рукавъ, несчастный, изуродованный Лешекъ. Это уродство, при его красотѣ, вызывало чувство состраданія даже въ тѣхъ людяхъ, которые привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ. Онъ былъ одѣтъ въ княжеское платье, богато расшитое золотомъ; на немъ была обувь съ красными шнурами и, точно потѣхи ради, мечъ, пристегнутый къ кушаку. Свѣтлорусые его волосы, только-что вымытые, длинными прядями опускались ему на плечи. Блѣдное, истомленное лицо выражало душевную боль. Красныя впадины глазъ, которыхъ вѣки не закрывали вполнѣ, придавали лицу его выраженіе тупого ужаса.

Брунгильда усадила гостя за столъ, сама-же, стоя, подавала ему мясо и медъ.

Лешекъ до той степени оказался голоднымъ, что съ жадностью кидался на все, что ему предлагали. Онъ молчалъ.

Княгиня заискивающимъ голосомъ обратилась къ нему:

— Скажи своему отцу, что я сожалѣю, безконечно сожалѣю обо всемъ, что случилось. У меня тоже есть сыновья, почти твоихъ лѣтъ; я горько плакала, узнавъ о постигшемъ тебя несчастіи. Князь былъ тогда пьянъ, слуги его не поняли; правда, онъ велѣлъ тебя посадить въ темницу, но не велѣлъ выкалывать глазъ. Напротивъ, онъ чуть не убилъ того человѣка, который осмѣлился сдѣлать это.

Брунгильда долго еще говорила; Лешекъ слушалъ ее и молчалъ. Это молчаніе безпокоило княгиню: ей показалось, что Лешекъ не довѣряетъ ея словамъ. Она всѣми силами старалась увѣрить несчастнаго, что все произошло безъ участія князя, что онъ совершенно во всемъ неповиненъ.

— Тебя сейчасъ повезутъ къ твоему отцу,—продолжала княгиня.—Я вымолила у князя тебѣ свободу, въ надеждѣ, что ты отца своего съумѣешь помирить съ нами. Передай ему, что князь, и я желаемъ жить съ нимъ въ дружбѣ, въ согласіи. Пусть пріѣзжаютъ къ намъ всѣ ваши, пусть сразу рушатся всѣ недоразумѣнія.

Лешекъ молчалъ по-прежнему.

— Ты ему все передашь, что я говорила?—спросила она.

— Что слышалъ—все передамъ,—отвѣтилъ, наконецъ, Лешко.

Ни одного слова больше не удалось Брунгильдѣ вытянуть у слѣпца, упорно молчавшаго. Люди и верховыя лошади дожидались давно на дворѣ; двое слугъ должны были ѣхать по обѣимъ сторонамъ освобожденнаго и поддерживать его въ сѣдлѣ.

Вскорѣ Лешекъ, въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, выѣзжалъ изъ города. Муха стоялъ у воротъ, Брунгильда подошла къ нему. Она позвала своего любимца въ свѣтлицу, гдѣ никого не было, и поднесла ему кубокъ меду.

— Сейчасъ, немедля отправляйся въ дорогу, — сказала она, ласкаясь къ Кошубѣ:—будь остороженъ, здѣсь нужно много ума. Поѣдешь къ дядьямъ моего мужа, скажешь имъ все, что ты видѣлъ, что Лешекъ теперь на свободѣ, что мы хотимъ съ ними мириться, пускай пріѣзжаютъ къ намъ. Кметы волнуются, защита не одному князю нужна, а и всей нашей роднѣ...

— Пусть пріѣзжаютъ — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Главное съумѣй передать имъ все это... не раздражи ихъ; напротивъ — по возможности успокой... Однимъ словомъ, дѣлай, какъ знаешь, но чтобы они непремѣнно явились сюда... Понялъ?..

Улыбающееся, веселое лицо Мухи служило лучшимъ отвѣтомъ, что смѣтливый малый усвоилъ слова княгини и былъ увѣренъ въ исходѣ даннаго ему порученія. Брунгильда велѣла ему отправиться сейчасъ-же, и когда увидѣла его выѣзжающимъ изъ воротъ—отправилась къ князю взглянуть, что онъ дѣлаетъ. Князь, выпивши изрядное количество крѣпкаго, стараго меду, спалъ на скамьѣ и храпѣлъ на всю комнату.

XVI.

На слѣдующій день Хвостекъ, хоть и обнадеживалъ себя тѣмъ, что кметы не посмѣютъ напасть на него, велѣлъ однако, по совѣту Брунгильды, приготовляться къ защитѣ. Женщины сносили камни на столбъ и на стѣны, а на башнѣ разставили стражей, чтобъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ окрестностяхъ.

Князь, княгиня и смерды совѣщались въ избѣ.

— Они не посмѣютъ осуществить своего нападенія!—увѣрялъ Хвостъ.

Брунгильда отчасти и соглашалась съ нимъ, но все-же совѣтовала разсчитать свои силы. Людей оказалось довольно, вооруживъ ихъ, какъ слѣдуетъ, можно было надѣяться устоять противъ непріятеля, хотя-бы и въ десять разъ большаго. Столбъ былъ наполненъ запасами хлѣба и мяса. На совѣщаніи положено было, во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ держаться, пока не подоспѣютъ саксонцы. Князь со смердою отправился осматривать все-ли въ порядкѣ.

Огромная башня—княжескій столбъ, куда направился Хвостекъ, была возведена много лѣтъ тому назадъ. Люди разсказывали о ней чудеса. Она была выстроена изъ камня; бревна и деревянныя доски раздѣляли ее на нѣсколько этажей.

Въ нижнемъ этажѣ хранились драгоцѣнности и находились амбары съ хлѣбомъ. Подъ ними—темныя, сырыя ямы, вродѣ той, изъ которой вчера вывели Лешка, и колодезь, куда обыкновенно спускали осужденныхъ на голодную смерть. Слѣдующій этажъ весь былъ наполненъ камнями, необходимыми для защиты. Здѣсь тоже стояли бочки со смолою, которую зажигали и выливали на осаждающихъ. Этажемъ выше, обыкновенно, во время осады, помѣщались стрѣлки, метавшіе камни и стрѣлы сквозь пробитыя, съ этою цѣлью, въ стѣнѣ бойницы отверстія. Около стѣнъ лежали цѣлыя кучи досокъ, бревенъ, камней и связки лучинъ. Въ подземельѣ, кромѣ колодца, помѣщались еще громадныя печи—для того, чтобы во время осады вода и хлѣбъ были всегда подъ рукою. Въ тѣ времена осада никогда не продолжалась особенно долго, что вполнѣ успокоивала Хвоста. Большею частью нападанія совершались стремительно, и враги, захвативъ, въ случаѣ удачи, все, что можно было съ собой унести, возвращались къ себѣ обратно.

Хвостъ все осмотрѣлъ. Во время осмотра онъ не сказалъ ни одного слова.

— Не съумѣютъ они побѣдить меня здѣсь, эти собачьи сыны!—думалъ онъ про себя, возвращаясь домой.

Князь снова легъ на скамью.

Ночь наступила, никто не откуда не пріѣзжалъ, ни одной

новой вѣсти. Въ окрестности полная тишина. Погода была свѣтлая, воздухъ чистый, озеро точно зеркало — даже лѣсъ вдали легко можно было разсмотрѣть. Часовые прохаживались взадъ и впередъ по стѣнамъ.

Среди такого покоя, одно лишь тревожило князя: собаки, взобравшись на насыпи, садились тамъ и поднимали ужасный вой. Князь велѣлъ ихъ прогнать оттуда, бить, но и тѣмъ не заставилъ ихъ замолчать. Едва успѣвали прогнать ихъ изъ одного мѣста, какъ онѣ моментально появлялись на другомъ; когда-же ихъ заперли въ сарай,—они начали выть еще ужаснѣе. Вою собакъ аккомпанировали вороны на башнѣ. Цѣлыя стаи ихъ кружились около столба, каркая во все горло.

Послѣ полуночи — всѣ уже спали, кромѣ часовыхъ — около моста раздались шаги. Кто-то началъ стучаться въ ворота. Ему отворили и провели въ избу. Это былъ старикъ Лисунъ, княжескій пастухъ, который, дрожа отъ страха, произносилъ какія-то безсвязныя, никому непонятныя, слова. Князь и княгиня были въ опочивальнѣ; люди не смѣли ихъ безпокоить и, волей неволей, пришлось ждать до утра. Князь послѣ дневной работы и простого, но всегда обильнаго, ужина, спалъ крѣпчайшимъ сномъ; да, впрочемъ, хотя-бы и вздумали разбудить его, то врядъ-ли добились-бы путнаго слова, до такой степени онъ къ вечеру напивался. Всѣмъ были извѣстны привычки суроваго властелина: до полнаго вытрезвленія Хвостъ мало что понималъ; только приказывалъ вѣшать да убивать.

Лишь утромъ на слѣдующій день князь проснулся. Смердъ съ пастухомъ дожидались у порога. Лисунъ припалъ къ ногамъ князя.

— Князь ты нашъ милостивый—проговорилъ онъ:—случилось несчастіе... Прислалъ ты ко мнѣ Хадона, чтобы дать ему лошадь. Едва успѣлъ онъ подойти къ табуну, какъ напали на него, кто ихъ знаетъ, — какіе-то кметы, слѣдившіе за нимъ издалека, и схватили его; схватили—да какъ пошли бѣднягу трясти, чтобы, значитъ, узнать, нѣтъ-ли при немъ чего потайнаго, такъ и нашли у него золотой перстень. А тамъ связали да и въ лѣсъ повели. Онъ, правда, успѣлъ-таки крикнуть мнѣ: дескать, бѣги скорѣе къ князю и разскажи, что случилось... Ужъ и просилъ-же онъ

ихъ, угрожалъ даже—такъ куда,—не хотѣли и слушать! Надо быть тѣ, что его поймали, знали, доподлинно, кѣмъ и куда онъ былъ посланъ.

Князь такъ и взбѣсился!.. Замахнувшись на несчастнаго Лисуна, онъ навѣрное убилъ-бы его на мѣстѣ, если-бы тотъ не упалъ на землю. Хвостъ проклиналъ все и всѣхъ... Брунгильда, съ ребенкомъ на рукахъ, не знала какъ и унять супруга... Крикъ, шумъ, руготня—ходуномъ ходили въ избѣ.

Хвостъ хотѣлъ сейчасъ-же послать людей, чтобъ отбить Хадона у кметовъ, но, на несчастіе, кто именно были нападавшіе и куда повели плѣнника—Лисунъ не съумѣлъ объяснить. Впрочемъ, теперь и не время было людей высылать. Поимка Хадона ясно доказывала, что кметамъ заранѣе стала извѣстна цѣль его посланства; къ тому-же они, какъ видно, совсѣмъ рѣшились открыто вести борьбу съ княземъ, иначе едва-ли отважились-бы задержать его вѣрнаго слугу. Но всетаки смерды отправились во всѣ стороны разыскивать Хадона и кстати насобирать людей для защиты замка.

До полудня никто не показывался, съ башни тоже ничего не было видно подозрительнаго—князь нѣсколько успокоился. Княгиня раздумывала. Она дожидалась возвращенія людей, отвозившихъ Лешка, да, кромѣ того—Мухи, которому поручила пригласить къ князю двухъ его дядей—Мстивоя и Забоя... Однако до самой ночи такъ никто и не возвратился.

Во время переѣзда, слѣпой Лешекъ такъ-же упорно молчалъ, какъ и въ свѣтлицѣ княгини: онъ почти былъ увѣренъ, что провожатымъ его приказано было, завезти его куда-нибудь въ лѣсъ и убить. Словамъ Брунгильды Лешекъ не придавалъ никакого значенія. Только тогда онъ началъ себя бодрѣе чувствовать, когда очутился въ отцовскомъ домѣ, когда до его ушей долетѣли звуки давно не слышаннаго имъ рога и хорошо знакомаго голоса старика, стоящаго у воротъ. Увидѣвъ несчастнаго Лешка, всѣ домашніе бросились къ нему съ крикомъ, оглашая воздухъ радостными, но въ то-же время и печальными, возгласами. Они на рукахъ понесли его къ старику отцу.

Милошъ ничего не зналъ о происшедшемъ въ замкѣ. Онъ лежалъ на постели, когда въ избу вносили слѣпого. На шумъ у

дверей онъ всталъ съ постели, медвѣдь, лежавшій у ногъ его, заворчалъ, мать выбѣжала изъ сосѣдней избы... Старуха первая бросилась сыну на шею, обнимая и покрывая всего поцѣлуями. Милошъ присѣлъ: онъ никакъ не могъ сообразить, что случилось,— не сонъ-ли все это?

Когда, наконецъ, родители увидѣли своего сына такъ жестоко изуродованнымъ, хотя ужъ и то можно было считать за счастье, что удалось ему вырваться изъ кровожадныхъ рукъ князя—ими овладѣлъ ужасный гнѣвъ съ примѣсью самаго безграничнаго отчаянія. Они проклинали князя, обливая слезами несчастнаго Лешка, котораго усадили на землю, на разосланной шкурѣ. Старый медвѣдь подошелъ къ нему, началъ лизать ему ноги и какъ собака ласкаться къ давно невиданному имъ господину.

Долго въ избѣ раздавались стоны и плачъ.

Наконецъ обратились къ Лешку съ разспросами.

— Что-же я вамъ скажу,—отвѣтилъ Лешекъ:—знаю я очень немного; помню одно только то мгновеніе, какъ палачъ подошелъ ко мнѣ съ цѣлью выколоть мнѣ глаза, какъ ножомъ вылущилъ онъ сперва правый глазъ, бросилъ его на землю и раздавилъ ногою! О, если-бы мнѣ хоть одинъ глазъ оставили! Но нѣтъ, другому суждено было идти вслѣдъ за первымъ; я слышалъ, какъ онъ ударился объ-полъ вмѣстѣ съ оторваннымъ кускомъ мяса... Теперь я полуживой слѣпецъ; остались у меня только двѣ впадины для того, чтобы ручьями лить слезы о горькой своей судьбинѣ!..

Отецъ и мать рыдали безъ удержу... Слѣпецъ продолжалъ:

— Бросили потомъ меня въ какую-то сырую яму, на гнилую солому... Изрѣдка подавали грязную, затхлую воду да немного гнилыхъ сухарей.—Удивляюсь—какъ я еще живъ остался!.. Наконецъ, вчера услышалъ я надъ собою женскій, хорошо мнѣ знакомый голосъ, сладкозвучный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшный — точно шипѣніе змѣи... Брунгильда пришла мнѣ сказать, что несчастье мое произошло не по ихъ винѣ, что никто не приказывалъ лишать меня зрѣнія, что палачъ самъ осмѣлился сдѣлать это... Теперь они просятъ у васъ прощенія и хотятъ съ вами мириться...

— Никогда!—глухимъ голосомъ произнесъ Милошъ.—Теперь, когда кметы имъ угрожаютъ, когда мы оказываемся имъ нужны—

теперь только вздумали они протянуть нам руку... Слишкомъ поздно!.. Я не пойду за-одно съ кметами, но и не помирюсь съ палачами моихъ сыновей!

Мать снова припала къ своему дѣтищу, прижимала его къ груди, утѣшала, ласкала его... Отецъ тоже старался ободрить Лешка... Слугамъ приказано было оставить избу, закрыть ворота... Затѣмъ все утихло.

На слѣдующій день дряхлая мать водила слѣпого сына подъ тѣнь старыхъ дубовъ, помнившихъ его дѣтство... И горько плакали они вдвоемъ, вспоминая счастливое время...

Обычной чредой потянулись дни. На третье утро, съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Лешекъ, кто-то постучался въ ворота, затѣмъ раздался звукъ рога, оповѣщающій прибытіе гостей. Милошъ по одному звуку догадался, что къ нему прибыли его братья Мстивой и Забой.

Слуги побѣжали къ воротамъ. Старикъ не ошибся: то дѣйствительно оказались родные братья его, въ сопровожденіи сыновей и семействъ.

Милошъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, веди за собой ослѣпленнаго сына. Всѣ молча поздоровались, послѣ чего усѣлись отдохнуть подъ дубами. И Мстивой, и Забой оба насчитывали себѣ порядочное количество лѣтъ, но загорѣлыя лица, желѣзный складъ тѣла и суровое выраженіе глазъ свидѣтельствовали, что жизнь въ нихъ далеко еще не угасла...

— Милошъ!—обратился старшій изъ братьевъ къ хозяину:— мы прибыли къ тебѣ за совѣтомъ... Пепелекъ зоветъ насъ къ себѣ, хочетъ съ нами мириться! Кметы угрожаютъ ему нападеніемъ... Если мы нужны ему, то, по правдѣ, и онъ намъ необходимъ. Когда-то мы съ нимъ воевали, теперь наступило время забыть раздоры—соединиться противъ общаго всѣмъ намъ врага. Онъ погибнетъ—и мы всѣ погибнемъ!..

— Да,—прибавилъ Забой:—долго мы совѣщались; наконецъ, остановились на томъ, что слѣдуетъ ѣхать къ нему. Поддержавъ его, мы вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ поможемъ.

Милошъ угрожающе поднялъ вверхъ руку.

— Мнѣ ужъ никто не поможетъ!—крикнулъ онъ.—Взгляните на моего сына! Убилъ одного, выкололъ другому глаза, чтобъ

дольше, знать, мучился!.. Нѣтъ, и не напоминайте про дружбу съ этимъ чудовищемъ!.. Пусть пропадаетъ онъ, я, всѣ мы... Этимъ себѣ и поможемъ, а чтобы отправиться къ нему лизать его ноги, нужно быть развѣ собаками... Да будетъ проклята эта гадина!..

Наступила мгновенная тишина. Мстивой смотрѣлъ въ землю; Забой съ участіемъ, съ полными слезъ глазами, взглядывалъ на бѣднаго Лешка.

— Коль скоро онъ насъ приглашаетъ—отказаться нельзя,— проговорилъ Мстивой:—такъ или иначе, а надо къ нему отправиться; поѣдемъ! Посмотримъ, что у него тамъ творится...

— Что-бы тамъ у него ни творилось,—возразилъ Милошъ:— поѣдете вы—или нѣтъ, меня оставьте въ покоѣ!.. Я не пристану къ кметамъ, я князь и не намѣренъ якшаться съ ними, но съ Пепелкомъ не желаю встрѣчаться! Случись я на разстояніи меча отъ него—онъ поплатился-бы жизнью!..

Старикъ погрозилъ рукою по направленію къ Гоплу.

Послѣ него никто не осмѣлился произнести ни одного слова. Мстивой и Забой подошли къ Лешку и съ участіемъ разсматривали его.

Долго еще затѣмъ продолжалась подъ дубами тихая бесѣда. На слѣдующій день рано утромъ оба брата отправились со своими людьми къ князю.

Здѣсь долго уже нетерпѣливо ожидали ихъ пріѣзда. Муха, вернувшись, передалъ, что они согласны видѣться съ княземъ, передалъ также и то, что они предполагали заѣхать за Милошемъ. Послѣдняго, однако, мало надѣялись видѣть. Ночь наступила; разставили часовыхъ—собаки попрежнему подняли вой, вороны попрежнему каркали. Брунгильда велѣла съ башни слѣдить, не подъѣзжаютъ-ли дяди къ столбу.

Всѣмъ какъ-то было жутко: люди, животныя чуяли близившуюся грозу. Всѣ ласточки, покинувъ гнѣзда свои—разлетѣлись: долго онѣ кружились вокругъ домовъ, потомъ вокругъ башни, наконецъ, собравшись всѣ вмѣстѣ, перелетѣли на другой берегъ озера. Лошади ржали, коровы ревѣли невыносимо. Ночь, однако, прошла спокойно; румяная заря оповѣстила наступающій день.

Княгиня съ ранняго утра суетилась по хозяйству, желая

принять, какъ подобаетъ, такихъ высокихъ гостей. Она сама насбирала зелени, варила пищу и приготовляла напитки; мясо жарилось на вертелахъ, изъ погребовъ то и дѣло носили боченки съ медомъ. Свѣжевали козу, наловили рыбы, напекли калачей и праздничныхъ булокъ, чтобъ всего было вдоволь.

Солнце ужъ было высоко, когда у опушки лѣса показались всадники, которыхъ узнали въ замкѣ по сѣдымъ бородамъ и по сопровождавшей ихъ свитѣ. Впереди ѣхали старики, за ними сыновья и родственники, а дальше слуги. Ни на комъ не было видно праздничныхъ одеждъ; казалось, это было сдѣлано съ цѣлью, чтобы, на случай чего, выдать себя за кметовъ. У всѣхъ замѣчалось много оружія.

Они приближались не торопясь; увидя, что Хвостекъ самъ вышелъ навстрѣчу и съ обнаженной головой стоялъ у моста, вновь прибывшіе сошли съ лошадей и пѣшкомъ направились къ князу. На крыльцѣ ждала Брунгильда, блѣдная отъ волненія, въ красивомъ, шитомъ золотомъ и серебромъ, нарядѣ. Съ необычайными почестями повелъ князь своихъ гостей въ замокъ: всѣ молчали; пріѣзжіе, видимо, были поражены — они не ожидали такого блестящаго пріема. Ихъ ввели прямо въ свѣтлицу, гдѣ усадили за столъ, приглашая отдохнуть, поѣсть и попить.

Хвостекъ прервалъ молчаніе и помня совѣты жены, началъ о томъ, что теперь на землѣ чудеса творятся, что злые духи опутываютъ людей и послѣдніе становятся все хуже и хуже; затѣмъ перешелъ къ тому, что кметы осмѣлились возстать противъ него, что собираются они на совѣты въ лѣсахъ; въ заключеніе просилъ у дядей помощи словомъ, относительно того, какъ ему быть и что предпринять?

Мстивой долго молчалъ,—наконецъ, первый проговорилъ:

— Что предпринять? Прежде не нуждались вы въ нашемъ словѣ, а теперь ужъ не поздно-ли? Какъ только кметы начали созывать вѣче, надо было отправиться къ нимъ, позвать на сходъ старѣйшихъ изъ нихъ, разспросить, выслушать жалобы и главное не давать разгораться страстямъ.

Забой высказался въ томъ-же духѣ.

Хвостъ слушалъ, опустивъ голову; нахмурившись, онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ у насъ такого обычая, чтобы господинъ торговался со своими слугами! Пусть будетъ, что будетъ, я-же не способенъ на это!

Мстивой началъ убѣждать князя, что прежде, чѣмъ рѣшаться на что-нибудь, слѣдуетъ все хорошенько обдумать и взвѣстить; противъ теченія плыть не приходится, и если дѣло дойдетъ до открытой войны — на сторонѣ кметовъ окажутся численность и силы ужасныя.

Поочереди говорили и младшіе родственники, безъ исключенія, впрочемъ, вторившіе Мстивому; всѣ совѣтовали жить въ дружбѣ съ кметами, мирно, согласно, не раздражая ихъ.

Князь взглянулъ на свою жену; она незамѣтно пожала плечами и оба молчали; совѣты не пришлись имъ по вкусу. Вмѣсто отвѣта они усердно начали предлагать гостямъ ѣду и питье.

Разговоръ перешелъ на охоту, на разныя постороннія дѣлу событія. Но Мстивой скоро вернулся къ оставленному предмету.

— Коли просили нашего слова, — началъ онъ: — слѣдуетъ и выслушать до конца. Вы слишкомъ сурово обращались съ людьми, не мало пролили крови; по вашей винѣ мы тоже терпѣли, но до сихъ-поръ не жаловались. Не какъ князей, а какъ самую подлую чернь, смерды давили насъ, брали все, что ни вздумается, мучили насъ, какъ и сколько имъ было угодно. Если они не боялись поступать такъ съ роднею князя, то что-же могли другіе отъ нихъ ожидать! Смерды рѣзали, грабили кметовъ; отнимали у нихъ стада, табуны, женщинъ насиловали. Послѣ этого удивительно-ли, что они помышлять начинаютъ о томъ, какъ-бы избавиться отъ подобныхъ золъ.

Хвостекъ съ княгиней упорно молчали. Послѣдняя оставила вскорѣ избу и долго не возвращалась. Князь слушалъ, не отвѣчая ни слова. Онъ до крови искусалъ себѣ губы и нервно пощипывалъ бороду.

— Что сдѣлано—сдѣлано, того не воротишь и это ужъ мое дѣло,—сказалъ онъ, выждавъ удобный моментъ;—а теперь я васъ объ одномъ спрашиваю. Въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до открытой борьбы—къ какой сторонѣ вы пристанете—будете за меня, или противъ?

Мстивой и Забой обмѣнялись взглядами. Казалось, каждый

изъ нихъ желалъ предоставить другому отвѣтить на этотъ вопросъ. Хвостъ переводилъ глаза съ одного на другого. Наконецъ, Мстивой проговорилъ первый:

— Ни съ тобою, ни противъ тебя мы не будемъ сражаться.— Съ кметами на свой родъ нападать не приходится потому, что все-жъ свою кровь, какая-бы она ни была, мы умѣемъ цѣнить— а съ тобою тоже соединиться не можемъ потому, что вѣдь намъ жизнь и мила, и дорога. Да мы и помочь вамъ не въ состояніи. Мы какъ сидѣли, такъ и будемъ сидѣть по домамъ—какое намъ дѣло до вашихъ ссоръ?

— Конечно,—ворчалъ Хвостъ:—конечно, умныя рѣчи!.. Меня смѣнятъ, а на мое мѣсто посадятъ кого-нибудь изъ васъ!—И онъ язвительно захохоталъ, поглядывая на дверь, у которой въ это время показалась Брунгильда.

— Но вы ошибаетесь,—прибавилъ онъ:—меня не будетъ и васъ тоже не будетъ! Имъ понравится, вѣрьте, волчья свобода, а тогда прогонятъ и васъ. Увидите.

— Помогайте намъ, идите съ нами рука объ руку,—прибавила Брунгильда.

— Мы не въ состояніи этого сдѣлать,—замѣтилъ Забой:— Милошъ, у котораго одного сына вы убили, другому выкололи глаза, проклялъ-бы насъ, отрекся-бы отъ своихъ братьевъ...

— Да, да!—повторили остальные всѣ въ одинъ голосъ.—Ни съ вами, ни противъ васъ!

Князь посмотрѣлъ на жену и не отвѣчалъ.

Старый медъ оказалъ свое дѣйствіе: гости начали говорить все смѣлѣй и смѣлѣй, молодые парни и тѣ стали жаловаться на свою судьбу.

Хвостекъ, на котораго жена безпрестанно кидала взгляды какъ-бы съ помощью ихъ управляя мужемъ, ничего не отвѣтилъ... Онъ только моталъ головою, водилъ плечами и просилъ всѣхъ угощаться усерднѣе.

Пиръ былъ въ самомъ разгарѣ, когда Брунгильда, замѣтивъ что кубки пустѣютъ, вышла изъ избы. Вскорѣ она вернулась; за нею служанка несла большой горшокъ съ золотистымъ медомъ, который, по указанію Брунгильды, и поставила по самой серединѣ стола. Брунгильда объяснила, что медъ этотъ былъ ею въ то время

еще приготовленъ, когда у нихъ родился первый ребенокъ, причемъ увѣряла, что лучшаго невозможно нигдѣ найти. Приглашая попробовать, она начала разливать его въ кубки. Среди общей суматохи княгиня себѣ и мужу налила меду изъ другого горшка. Гости не замѣтили этого, пили, хвалили медъ, вкусъ его и прелестный запахъ.

Хвостекъ молчалъ. Старики начинали было ужъ думать, что имъ удалось уломать его. Княгиня все подливала меду.

Заходящее солнце глянуло въ окна.

— Эхъ!—сказалъ Мстивой, поставивъ свой кубокъ на столъ,— будетъ съ меня! Старый медъ жжетъ мою внутренность, а голова у меня слабая; вообще я предпочитаю воду.

— И я тоже,—прибавилъ Забой:—мало того, что жжетъ, но я такъ напился, что, право, совѣстно, такъ и воротитъ всю внутренность!

Въ эту минуту одинъ изъ молодыхъ гостей, шатаясь, привсталъ; блѣдный какъ полотно, онъ схватился за грудь и крикнулъ:

— Измѣна! Это не медъ, это ядъ! Ядъ! Медъ такъ не жжетъ— мы отравлены!..

За нимъ и всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, хватаясь за оружіе; старикъ Мстивой хотѣлъ тоже встать, схватился за столъ, но тотчасъ-же со стономъ свалился на землю. Забой посмотрѣлъ на Хвостка. Кровожадный извергъ оскалилъ зубы, глаза его блестѣли дикою радостью. Гости одинъ за другимъ падали на полъ. Ужасныя муки терзали несчастныхъ. Князь и Брунгильда сидѣли спокойно, и молча смотрѣли на страшное зрѣлище. Хвостъ только недовѣрчиво покачалъ головою.

— Таковъ конецъ вашего царствованія!—крикнулъ онъ наконецъ, покатываясь отъ смѣха. — Не хотѣлось вамъ встать за меня, вздумалось лучше быть за одно съ кметами! Погибайте-же тутъ! Кметы, желавшіе посадить васъ на мое мѣсто, пусть-ка теперь сажаютъ трупы! Ни одинъ изъ васъ живымъ не выйдетъ отсюда! Княгиня умѣетъ приготовлять славный медъ! Издыхайте, несчастные!

Мстивой и Забой не проронили ужъ болѣе ни единаго слова. Стыдно имъ было жаловаться. Старшій наклонилъ голову, стиснулъ зубы, посмотрѣлъ на своихъ сыновей, тихонько, едва слышно

вздохнулъ, и закрылъ глаза, а слезы такъ и катились по блѣднымъ щекамъ. Молодые люди прижались одинъ къ другому, обвивая другъ-друга руками... И имъ стыдно было стонать и жаловаться: старики — и тѣ молча выносили страданія. Въ избѣ раздавался тяжелый храпъ умирающихъ, головы которыхъ при паденіи ударялись со стукомъ о деревянный полъ... Сперва начала умирать молодежь; затѣмъ, Мстивой упалъ навзничъ, съ пѣною у рта... У ногъ его лежалъ его сынъ; другой сынъ еще боролся со смертью, но скоро и тотъ скончался. Забой обѣими руками держался за столъ: ужасная боль въ груди томила несчастнаго; онъ неистово метался по сторонамъ... Наконецъ, и онъ мгновенно, какъ отъ удара грома, свалился на полъ, вмѣстѣ со скамьею. Одинъ за другимъ умирали несчастные гости князя, онъ-же спокойно смотрѣлъ на происходившее.

Вдругъ лицо его какъ-то осунулось, ужасъ отразился въ глазахъ: онъ испугался собственнаго дѣянія и, какъ бы ища поддержки, взглянулъ на Брунгильду, которая съ невозмутимымъ спокойствіемъ прибирала со стола кубки, передавая ихъ улыбающейся служанкѣ.

Потомъ Брунгильда открыла окно и позвала людей.

Смердъ вошелъ въ избу, но, взглянувъ на полъ, усѣянный трупами, поблѣднѣлъ и затрясся...

Князь, указывая ему на умершихъ, сказалъ:

— Съ глазъ убрать! Побольше людей, да сложить ихъ въ кучу! Костра не надо... Просто закопать въ землю!

Смерда не двигался съ мѣста. Князь повторилъ свое приказаніе прибавивъ:

— Вынести прочь эту падаль! Скорѣе! Что-жъ ты такъ вытаращилъ глаза? Вытащить за ноги и зарыть надъ озеромъ... Да яму сдѣлать поглубже, чтобъ собакамъ не вздумалось вырыть.. Еще, пожалуй, отравятся!.. Собакъ-то вѣдь жалко!..

Ночь наступила, когда изъ свѣтлицы таскали за ноги тѣла несчастныхъ стариковъ и едва развившихся ихъ дѣтей... Пьяные слуги сперва подшучивали надъ жертвами княгини, потомъ бросились срывать съ нихъ одежды, ставшія имъ добычею. Тамъ и сямъ поднималась драка изъ-за лучше одѣтаго трупа. Отовсюду сбѣгались люди посмотрѣть на покойниковъ и помочь слугамъ.

Тѣмъ временемъ другіе вязали оставшихся еще на свободѣ слугъ умерщвленныхъ и запирали ихъ въ сарай подъ замокъ.

Старикамъ-князьямъ подобали костеръ и могила, но Хвостъ не хотѣлъ жечь тѣла, а о тризнѣ и не подумалъ. Да и времени у него не было думать объ этомъ. Ихъ, просто-на-просто, закопали въ землю, какъ животныхъ, чтобъ сгнили въ землѣ и служили пищею для червей,—а это, въ тѣ времена, считалось великимъ позоромъ.

Внезапно, какъ разъ когда слуги такъ безсердечно влачили по двору тѣла жертвъ княжеской злобы, со стороны лѣса, несмотря на совершенно чистое небо, поднялся вѣтеръ и, съ сильнымъ порывомъ, пронесся надъ замкомъ...

Хвостъ вздрогнулъ... Испуганными глазами обвелъ онъ окрестности, затѣмъ торопливо вошелъ въ избу... Здѣсь онъ бросился на скамью, весь еще подъ вліяніемъ безотчетнаго страха.

Брунгильда стояла у стола и мыла себѣ руки... Во взглядѣ, которымъ она посмотрѣла на мужа, ясно читалась жалость, близко граничащая съ презрѣніемъ.

XVII.

Между тѣмъ, пока слуги, исполняя приказаніе князя, очищали дворъ и сглаживали слѣды происшедшаго, Жула, староста Мстивоя, предвидя, что и его ожидаетъ плачевная участь, припалъ къ землѣ, осторожно проползъ къ кустамъ, росшимъ у самой стѣны, спрятался въ нихъ и, никѣмъ незамѣченный, взобрался на стѣну; потомъ, соскочивъ съ нея, онъ бросился въ озеро, съ цѣлью переплыть на другой берегъ. Слуги, занятые своимъ дѣломъ, не обратили вниманія на это бѣгство, не слышали даже всплеска воды... Караулившіе на башнѣ оказались бдительнѣе—они начали стрѣлять по плывшему Жулѣ, подняли крикъ; но пока собирали погоню, Жула успѣлъ добраться до противоположнаго берега, и тамъ, замѣтивъ пасшихся лошадей, вскочилъ на одну изъ нихъ и быстро помчался по направленію къ лѣсу...

Пастухи, которымъ принадлежала лошадь, уведенная Жулою, бросились-было за нимъ въ догонку, но скоро отстали. Ногами и руками понукалъ всадникъ испуганное неожиданностью живот-

ное; какъ шальное скакало оно, не взирая ни на какія препятствія и убавило шагу только когда очутилось въ лѣсу... Здѣсь всякіе розыски оказывались напрасными...

Жула направился прямо къ Милошу, онъ хотѣлъ спасти хотя одного изъ погибшей семьи... Не трудно было предположить, что Пепелекъ, освободившій ослѣпленнаго Лешка единственно для того, чтобъ привлечь отшатнувшуюся родню снова на свою сторону, не оставитъ и Милоша въ покоѣ...

По пути бѣглецу встрѣтилось нѣсколько кметовъ, которые съ удивленіемъ провожали его глазами... Жула, не останавливаясь, успѣлъ лишь сказать имъ:

— Всѣ Лешки погибли—отравлены... Одинъ Милошъ, со слѣпымъ своимъ сыномъ, остались въ живыхъ!..

Съ быстротою молніи облетѣла печальная новость эта всѣ уголки, гдѣ скрывались кметы...

Жула, между тѣмъ, скакалъ безъ устали... При первой возможности, онъ бросилъ свою уставшую лошадь, перемѣнилъ ее на другую и снова помчался впередъ...

Въ дубовой рощѣ, окружавшей жилище Милоша, сидѣла старуха мать съ своимъ сыномъ, несчастнымъ Лешкомъ, котораго она, какъ ребенка, забавляла разсказами. Немного въ сторонѣ отдыхалъ Слованъ; онъ нарочно былъ приглашенъ, чтобы пѣснями развлекать бѣднаго страдальца. Милошъ находился тутъ-же: онъ, какъ всегда, подперши руками сѣдую голову, думалъ невеселую думу... Вдругъ у воротъ раздался стукъ и зовъ чей-то. То появился Жула. Его сейчасъ-же встрѣтили, узнавъ въ немъ старосту Мстивоя. Онъ соскочилъ съ лошади, и съ понуреннымъ видомъ, приблизился къ Милошу... Съ лица его капалъ потъ, губы нервно дрожали; кинувшись старику въ ноги, и не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, онъ рыдалъ какъ ребенокъ.

Милошъ было не призналъ его и неудивительно—дорога и сильное горе порядочно-таки измѣнили бѣдняга.

— Князь, господинъ нашъ,—такъ началъ Жула, ломая руки:— ты одинъ у насъ и остался только... Не хотѣли слушаться твоихъ добрыхъ совѣтовъ наши милостивые князья, вотъ и погибли... Хвостъ съ своей нѣмкою отравили ихъ на пиру, въ собственномъ домѣ, отравили своихъ гостей!..

Милошъ всталъ съ земли, но, обезсиленный выслушаннымъ извѣстіемъ, снова на нее опустился; Жула продолжалъ:

— Едва и я успѣлъ жизнь спасти, чтобъ прійти разсказать вамъ объ этомъ... Уходите скорѣе отсюда!.. Сначала-то приняли насъ у князя любезно; Хвостъ самъ вышелъ на встрѣчу... Всѣ усѣлись у стола; хозяева угощали; ѣда и питье длились долго... Только встать-то изъ-за стола никому не было суждено; всѣ какъ сидѣли, такъ и свалились на полъ... Какъ собакъ закопали ихъ въ землю, костра даже пожалѣли... Только псы одни и повыли... Потомъ перевязали нашихъ людей... Самъ я не знаю, какъ удалось мнѣ уйти!.. Теперь, когда стали ясны намѣренія князя—видно, что онъ и на васъ, милостивецъ, нападеніе задумываетъ... Нужно бѣгствомъ спасаться!..

— О, братья мои, о родъ мой, несчастный!—воскликнулъ Милошъ:—до чего-же дошло, наконецъ. Гибель отъ руки сродника!.. Куда и зачѣмъ мнѣ бѣжать? Захочетъ убить—отыщетъ всюду!..

Эти слова услышали Лешекъ и мать, сидящая возлѣ него. Оба они начали горько плакать, предчувствуя бѣдствіе... Слуги, узнавъ обо всемъ, тоже подняли невообразимый крикъ. Одинъ Милошъ угрюмо молчалъ.

— Судьбы не обойдешь!—проговорилъ онъ, наконецъ.

Въ эту минуту взглядъ старика упалъ на сына: жаль ему стало страдальца и въ душѣ онъ проклялъ его палачей. На зовъ Милоша начали собираться со всѣхъ сторонъ люди. Мать, взявъ за руку своего сына, подвела его къ отцу. Все засуетилось, забѣгало...

— Приготовить лошадей,—приказалъ старикъ:—я самъ выѣду... Лешекъ съ матерью и слугами поселятся на время въ лѣсу, тамъ, гдѣ пасѣка... я-же поѣду дальше!.. Поднимать на своихъ руку!.. Родную кровь проливать!.. О судьба, горькая судьба!..

Между тѣмъ, Жулѣ, изнемогавшему отъ голода и усталости, принесли хлѣба и пива. Старый Милошъ, столько лѣтъ пролежавшій въ бездѣйствіи, казалось, вспомнилъ юные годы. Откуда-то у него снова явилась прежняя сила. Онъ поднялся съ постели, выпрямился во весь ростъ и велѣлъ подать себѣ мечъ, лукъ и стрѣлы.

Изъ конюшенъ выводили лошадей, люди приготовлялись въ

дорогу, Милошъ отдавалъ приказанія, суетился—жизнь закипѣла въ дубовой рощѣ.

Сборы быстро окончились. Лешекъ уѣхалъ въ сопровожденіи старухи матери и двухъ парней. Милошъ выступилъ во главѣ десяти всадниковъ. Всѣми забытый Слованъ поднялся тоже съ мѣста, велѣлъ вожаку-ребенку вести себя куда глаза глядятъ, къ добрымъ людямъ.

Никто не зналъ, куда направился князь. Съ нимъ былъ и Жула. Еще недавно убитый горемъ, почти разслабленный, старый Милошъ вдругъ измѣнился: онъ такъ-же бодро сидѣлъ на конѣ, какъ въ далекіе дни своей молодости. Видно несчастіе придало ему силъ.

На ночь всадники пріютились въ лѣсу. Здѣсь они раскинули ставку. Милошъ, распорядившись зажечь огни, легъ отдохнуть въ шалашѣ, наскоро собранномъ изъ вѣтвей и сухихъ прутьевъ; уснуть онъ однако не могъ... Всю ночь на пролетъ терзали его тяжелыя думы и съ разсвѣтомъ онъ первый былъ на ногахъ... По данному имъ сигналу, тронулись въ путь... Второй день, какъ и первый, всѣ ѣхали молча: старикъ молчалъ, не смѣли говорить и другіе... Жула, наконецъ, догадался, что Милошъ держалъ путь на Ледницу.

Вдали ужъ виднѣлось озеро, когда всадники встрѣтили нѣсколькихъ кметовъ. Попавшіеся имъ навстрѣчу были съ ногъ до головы вооружены. Узнавъ Милоша, одинъ изъ нихъ, Стиборъ, подошелъ къ нему.

— Ты съ нами, князь?—спросилъ Стиборъ.

— Я... съ местью, не съ вами —угрюмо отвѣтилъ Милошъ... Гдѣ месть—тамъ и я!

— Мы тоже идемъ мстить Хвостеку,—началъ Стиборъ;—кметы собираются на Ледницѣ... Будь нашимъ вождемъ, князь милостивый...

— Вождемъ нашимъ я быть не могу и не буду,— отвѣтилъ Милошъ:—развѣ рукою!.. Какъ князю, мнѣ съ вами за одно стоять не приходится... Да и въ головѣ у меня месть лишь одна!..

Сказавъ это, Милошъ оставилъ Стибора и двинулся къ озеру. Кметы шли слѣдомъ. На водѣ виднѣлись лодки, наполненныя

переправлявшимися на островъ. Лошади остались на берегу подъ присмотромъ слугъ.

Милошъ и Жула вошли въ хижину рыбака, чтобъ потребовать лодокъ, но всѣ рыбаки были заняты перевозомъ и, волей не волей, пришлось подождать. Милошъ сѣлъ на землю. Кметы окружили его, но онъ на нихъ не смотрѣлъ.

Кметы шумѣли, спорили, жаловались. Старшій Мышко, съ обвязанной шеей, какъ видно, въ средѣ своихъ игралъ главную роль.

Всѣ собрались сюда съ цѣлью выслушать совѣтъ стараго Визуна. Къ тому-же на Ледницѣ безопаснѣе было разсуждать о дѣлѣ, нежели на городищѣ, гдѣ каждую минуту слѣдовало опасаться внезапнаго нападенія. Поотдаль стоялъ Бумиръ со своими сторонниками. Ни для кого не было тайною, что Бумиръ всегда былъ готовъ поддерживать Хвостека. Когда Стиборъ и Мышко отошли отъ князя, не желавшаго говорить съ ними, къ нему подошелъ Бумиръ.

— Ты, князь,—проговорилъ онъ почти шопотомъ:—навѣрное не думаешь соединиться съ этими кметами... Что можетъ быть у тебя съ ними общаго? Я служу своему господину и роду Лешковъ, къ которому самъ принадлежу.

Милошъ взглянулъ на Бумира.

— Если ты за одно съ этимъ убійцею, что живетъ надъ Гопломъ—уходи прочь отъ меня!

Онъ сдѣлалъ рукою повелительный жестъ.

Бумиръ нѣсколько отступилъ, затѣмъ продолжалъ:

— Ты, князь... Тебѣ-бы тоже слѣдовало защищать своего племянника... Ты возразишь мнѣ, пожалуй, что онъ велѣлъ убить твоего сына? — Ну да, положимъ; такъ что-жъ изъ этого? Вѣдь твои сыновья возстали противъ него, стали для него опасными людьми!.. Заяцъ и тотъ защищается, когда собаки на него нападутъ...

— Князь умертвилъ Мстивоя и Забоя,—но вѣдь они ему въ глаза сказали, что жить въ ладахъ съ нимъ не желаютъ... А гдѣ найдешь ты человѣка, который былъ-бы себѣ врагомъ?..

Милошъ молчалъ; Бумиръ снова началъ:

— Что-жъ выйдетъ изъ того, что они собираются и подстрекаютъ другъ друга вооружиться противъ князя?.. Ничего они не

съумѣютъ сдѣлать,—только головъ лишатся... Князь обратится къ нѣмцамъ, тѣ—прійдутъ и уничтожатъ насъ, а землю нашу разорятъ въ конецъ...

Долго еще говорилъ Бумиръ; Милошъ, въ отвѣтъ — хотя-бы слово! Замѣтивъ, что къ берегу причалила освободившаяся лодка, онъ кликнулъ Жулу и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ нее; усталый рыбакъ ни за что не соглашался сейчасъ-же перевезти ихъ на островъ. Тогда Жула самъ схватилъ весло и отвалилъ отъ берега. Когда они приблизились къ острову, глазамъ ихъ представилось необыкновенное зрѣлище: цѣлыя толпы кметовъ, точно на вѣчевомъ собраніи, галдѣли, бѣгали, суетились, поднимая крикъ, повременамъ доходящій до брани. Старикъ Милошъ вышелъ на берегъ, и молча, ни съ кѣмъ не здороваясь, ни на кого не обращая вниманія, прямо направился къ мѣсту, гдѣ стоялъ Визунъ, окруженный жупанами, владыками, кметами...

Не проронивъ ни одного слова, князь сѣлъ среди нихъ на большомъ камнѣ. Нѣсколько дальше занялъ мѣсто только-что прибывшій со своими приверженцами Бумиръ.

Старый Визунъ, опираясь обѣими руками на палку, прислушивался ко всему, что вокругъ него говорили. Мышки кричали громче всѣхъ. При появленіи Милоша, всѣ на него взглянули, слегка посторонились, но, впрочемъ, особеннаго вниманія не обратили.

Старшій Мышко, съ обвязанною шеею, говорилъ:

— Довольно! Будетъ ужъ съ насъ убійствъ — послѣдствій нѣмецкаго господства! Хвостекъ сидитъ въ замкѣ, но не онъ правитъ, а эта баба-яга, которая подготовляетъ ядъ и измѣны... Не нужно намъ ни его, ни его сыновей, никого изъ ихъ рода! Достаточно напились они нашей крови!

— Пусть они пропадаютъ! — кричали другіе. — Намъ ихъ не нужно!

Глаза всѣхъ устремились въ сторону Бумира, который весь поблѣднѣлъ, но не отступилъ ни на шагъ.

Милошъ слушалъ, опустивъ голову въ землю.

— Чего это вы вытаращили на меня глазища? — воскликнулъ Бумиръ послѣ минутнаго молчанія:—я васъ не боюсь... Вы точно корова, которая громко мычитъ, а молока не даетъ... Хвостекъ и

нѣмка не такъ-то легко отдадутся вамъ въ руки! Начнете войну, они призовутъ нѣмцевъ, разорятъ васъ — вотъ вамъ и будетъ выигрышъ.

Бумиръ зло засмѣялся.

— Саксонцы живутъ не близко!—коротко пробурчалъ Милошъ.

— Да! Но башня крѣпка, замокъ обведенъ частоколомъ, насыпи твердыя, въ озерѣ воды довольно, — возразилъ Бумиръ: — у князя дружина и большая, и смѣлая! Хотя-бы пришлось цѣлый годъ дожидаться саксонцевъ — съ голода не помрутъ!.. Не взять вамъ Хвостека, нѣтъ!.. Впрочемъ, хотя-бы и удалось его захватить, что-жъ изъ этого? У него есть два сына, живущіе въ нѣмецкой странѣ! Какъ придутъ они, да покажутъ вамъ, что значитъ воевать, тогда и узнаете!..

Слушающіе начали шумѣть.

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ?—крикнулъ Мышко Бумиру, приближаясь къ нему. — Отправляйся въ замокъ, лизать тамъ ноги, какъ собака... Здѣсь ты не нуженъ.

— Напротивъ,—возразилъ Бумиръ:—коли умомъ вы обижены, надо-же кому-нибудь васъ надоумить!..

— Прочь его, прочь!—раздались голоса въ толпѣ.

Бумиръ не трогался съ мѣста.

— Не уйду!—отвѣчалъ онъ:—кричите хоть до прорыва глотки!.. Я здѣсь также могу быть, какъ и вы.

Стиборъ обернулся къ нему спиною... Другіе угрожали ему кулаками...

— Бумиръ, пожалуй, что и не такъ глупъ, какъ кажется, — замѣтилъ кто-то въ защиту его. — Замокъ крѣпкій, а мы почти безсильны.

— Зато насъ много!—замѣтилъ другой.

— Много, да нѣтъ головы!—прибавилъ Бумиръ.—Ваше дѣло толковать о свободѣ на вѣчевыхъ собраніяхъ, но ужъ никакъ не брать приступомъ княжескіе столбы... Вы—земледѣльцы, плугъ—ваше дѣло, да иногда охота на дикаго звѣря, волка или медвѣдя! Брать каменныя стѣны!.. Да пока вы надумаетесь завладѣть ими, вы сто разъ раньше между собою передеретесь!..

Визунъ до сихъ поръ не вмѣшивался; прислушиваясь внимательно къ каждому слову, онъ поглядывалъ на Милоша, сидя-

щаго съ понурою головою, на Бумира и на безпокойныхъ Мышковъ.

Старшій Мышко подошелъ къ Визуну и, взявъ его за руку, слегка отвелъ въ сторону.

— Перейдемъ куда-нибудь на другое мѣсто,—сказалъ онъ:— чтобъ намъ не мѣшалъ этотъ княжескій прихвостень!

Мышки, цѣлою гурьбою, тронулись за своимъ старшимъ, Визунъ-же остался на мѣстѣ.

— Пусть каждый говоритъ, что у него на сердцѣ,—сказалъ онъ:— на вѣчѣ и на совѣтѣ все можно говорить... А на чемъ старшіе порѣшатъ, то и будетъ обязательно для всѣхъ!

Всѣ остались на прежнихъ мѣстахъ. Когда водворилась тишина, Милошъ проговорилъ:

— Первымъ дѣломъ—коль скоро хотите войны — вамъ необходимъ воевода... безъ него вѣдь не сдѣлаете ни шагу... Изберите себѣ вождя!

Нѣкоторымъ изъ собравшихся показалось, что Милошъ этими словами намекалъ на себя.

— Лешка намъ не надо!.. Никого изъ Лешекъ!—послышались крики.—Кмета!

— Да избирайте кого хотите, хотя-бы лошадь или быка!—разсердился Милошъ.—Но знайте, что нужно-же выбрать кого-нибудь, иначе разгонятъ васъ, какъ стадо овецъ!.. Не угодили Лешки— ищите другихъ!.. Въ ульѣ безъ царицы, среди людей безъ короля, порядка не будетъ!

Всѣ замолчали.

— Пока еще вождь намъ не нуженъ,—сказалъ кто-то: — можемъ и подождать.

— Но въ борьбѣ однимъ вамъ не справиться, — продолжалъ Милошъ:—воеводъ, тысяцкихъ, сотниковъ избирайте—это первое дѣло!

Снова воцарилась тишина. Старшіе переглядывались другъ съ другомъ, указывая глазами на Мышковъ. Мышко съ повязанною шеею стоялъ понуривъ голову.

— Ты да твои должны управлять нами,—сказалъ кто-то, обращаясь къ старшему Мышку: — васъ нѣсколько человѣкъ не бея-

лось деспоту въ пасть залѣзть, не побоитесь и насъ на него повести.

— Мышко! Мышко! — поддержали другіе: — Пусть Мышко будетъ намъ предводителемъ, мы согласны... Созвать людей и пусть ведетъ насъ на замокъ!

— Согласенъ,—сказалъ старшій Мышко: — я готовъ стать во главѣ, но я требую повиновенія!..

— Будемъ повиноваться!—раздались голоса отовсюду.

Только Бумиръ и его слуги молчали. Замѣтивъ, что здѣсь имъ нечего болѣе дѣлать, они отошли въ сторону.

Всѣ обратились къ Визуну, ожидая отъ него послѣдняго слова но онъ нахмурился: видно было, что настроеніе умовъ въ данный моментъ ему не по сердцу. Когда окончательно состоялось избраніе въ воеводы Мышковъ, они собрались въ одну кучку и о чемъ-то между собою шептались.

Послѣ короткаго совѣщанія, Мышки снова присоединились къ толпѣ, изъ которой нѣкоторые кметы обратились къ Визуну съ требованіемъ, чтобы онъ велѣлъ дать изъ храма станицы, обыкновенно предшествовавшія войску, идущему на войну, въ мирное-же время хранившіеся, большею частью, въ храмахъ. Это были старинныя изображенія боговъ и военныхъ эмблемъ, придѣланныя къ длиннымъ шестамъ. Когда ихъ трогали съ мѣста — это было знакомъ, что собираются воевать.

Визунъ вопросительно взглянулъ на новаго воеводу. Мышко, покачавъ отрицательно головою, сказалъ:

— На это времени еще хватитъ, я самъ зайду за станицами... У меня есть своя причина, почему я теперь ихъ брать не хочу!..

Затѣмъ, искоса поглядѣвъ на Милоша и обращаясь къ Визуну, онъ продолжалъ:

— Это ихъ кровь...—и указалъ рукою на князя,—я ей не довѣряю... Не хочу ни совѣщаться съ нимъ, ни говорить при немъ о чемъ-бы то ни было. Вынеси я теперь станицы и объяви войну—они сейчасъ-же начнутъ приготовляться къ защитѣ, сзывая людей на помощь. Пока разумнѣе будетъ скрыть окончательное рѣшеніе, а тѣмъ временемъ успѣемъ собрать народъ безъ шума и крика. Хвостекъ подумаетъ, что мы, испугавшись, притихли... Быть можетъ, намъ удастся его поймать, и не осаждая замка.

Долго онъ въ немъ не высидитъ; черезъ нѣсколько дней отправится на охоту, мы-же будемъ его сторожить прилежно и, авось, убьемъ гдѣ-нибудь въ лѣсу... Ну, а не выгоритъ—тогда ужъ прійдется брать замокъ приступомъ...

Мышко не безъ хитрости улыбнулся; онъ выразительно посмотрѣлъ на Визуна, который головою далъ знакъ согласія.

— Бумиръ, со своими приверженцами, прямо отсюда направится къ князю съ докладомъ, о всемъ здѣсь происходившемъ... Итакъ, разойдемся спокойно!..

Вслѣдствіе такого рѣшенія, сообщеннаго старшинамъ, послѣдніе тотчасъ-же оставили островъ.

Старый Милошъ не уходилъ. Онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ вновь избранному вождю.

— Я ни о чемъ не стану тебя разспрашивать,—сказалъ онъ Мышкѣ:—знаю, что ты, все равно, скроешь отъ меня правду; ты мнѣ не довѣряешь—и я это знаю! Одно лишь скажу тебѣ: отсюда я никуда не уйду,—развѣ домой!.. Не приходится мнѣ ни съ нимъ воевать, ни съ вами соединяться... Зато, одержи вы побѣду — я первый порадуюсь этому! Старъ я, Лешекъ мой слѣпъ... Наше желаніе: спокойно прожить до конца нашихъ дней!..

Сказавъ это, Милошъ уединился въ глубь лѣса, сторонясь незнакомыхъ людей.

Мышко забралъ свою дружину.

— До времени — всѣ по домамъ! — приказалъ онъ. — Вокругъ замка, въ лѣсу, разставить часовыхъ... На горахъ приготовить костры, чтобы по данному знаку, сейчасъ-же можно было-бы ихъ зажечь. Запылаютъ они—ну, тогда—все, что живо, должно бѣжать къ берегу Гопла, въ окрестности замка... До тѣхъ-же поръ впредь до особаго приказанія, сидѣть смирно! Пусть Хвостъ ничего не подозрѣваетъ!

Всѣ разошлись въ разныя стороны.

Бумиръ, желавшій узнать, на чемъ порѣшили кметы, сунулся было туда и сюда, но никто не удовлетворилъ его любопытства. Тогда, разсудивъ, что, если станицы остались въ храмѣ, слѣдовательно война не объявлена, и кметы, по всей вѣроятности струсившіе, въ своихъ заключеніяхъ ни къ чему не пришли—онъ спокойно отправился къ Хвостеку.

Замокъ былъ на-готовѣ встрѣтить нападеніе непріятеля: часовые виднѣлись всюду; ихъ можно было встрѣтить на каждомъ шагу. Какъ только Бумиръ подъѣхалъ, его сейчасъ-же впустили; сама княгиня вышла ему навстрѣчу, она казалась взволнованной.

— Какія новости?.. Съ чѣмъ являешься?..—спросила она.

Бумиръ вздохнулъ.

— Милостивая княгиня,—прогорилъ онъ:—пока опаснаго ничего нѣтъ... На Ледницѣ собрались-было старшины, явился и князь Милошъ толковать о войнѣ, толковали, да, повидимому, столковаться-то не могли!.. Силъ, знать, мало у нихъ!.. Избрали себѣ воеводами Мышковъ, а тѣ и струсили...

Княгиня обрадовалась и всплеснула руками.

— Не можетъ быть?—воскликнула она.

— Истинную правду докладываю, милостивая княгиня,—увѣрялъ Бумиръ.—Накричались вдоволь, разошлись по домамъ, и теперь, полагать должно, все снова будетъ по-прежнему...

Лицо княгини прояснилось. Она просила гостя минуточку обождать, а сама пошла къ мужу, разбудить его и сообщить такую пріятную новость... Вскорѣ показался и князь изъ опочивальни, протирая глаза руками.

Бумиръ поклонился ему и началъ разсказывать, какъ все происходило на островѣ... Князь слушалъ, зѣвая. Потомъ, потрепавъ по плечу Бумира, онъ произнесъ:

— Всѣхъ этихъ Мышковъ я живо переловлю,—тогда тишина и настанетъ... Знаю я ихъ—крикуны, а чуть до дѣла коснется—ни на что не способны!.. Выпьемъ-ка лучше, — прибавилъ онъ, приглашая Бумира усѣсться за столъ.

Отказаться не представлялось возможности. Хотя Бумиръ и увѣренъ былъ, что съ нимъ ничего не случится, но когда принесли медъ, ему нехотя вспомнилось недавнее угощеніе, и дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Онъ началъ усердно кланяться въ поясъ князю, увѣряя, что слуги, преданнѣе его, трудно сыскать. Хвостъ заставилъ Бумира передать всѣ подробности бывшаго на островѣ сборища; по нѣсколько разъ переспрашивалъ имена главныхъ лицъ, словно желалъ ихъ запомнить навсегда. Бумиръ долженъ былъ до поздней ночи пить и разсказывать.

XVIII.

Время шло своимъ чередомъ — въ замкѣ все было спокойно. Князь разсылалъ ежедневно повсюду смердовъ и переодѣтыхъ людей, съ цѣлью узнать что-нибудь новое; но всѣ возвращались съ однимъ отвѣтомъ: все спокойно, нигдѣ о войнѣ и не помышляютъ. Лѣто стояло жаркое; въ иныхъ мѣстахъ начинали ужъ хлѣбъ снимать, а потому на поляхъ все чаще и чаще виднѣлись люди, вооруженные мѣдными, желѣзными и каменными серпами; другого оружія ни на комъ не было видно.

Князю, наконецъ, надоѣло сидѣть одному въ-заперти, въ замкѣ, окруженномъ стѣнами и насыпью. Исправно онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, зѣвалъ, изрѣдка заходилъ къ княгинѣ; но стоило ему поглядѣть изъ окна на синѣющіе вдали лѣса, какъ сейчасъ-же въ немъ зарождалось желаніе отправиться на охоту. Подобному желанію Брунгильда противилась всѣми силами. Сначала онъ покорялся, теперь онъ начиналъ ужъ ворчать.

Однажды утромъ князь приказалъ призвать Смерда.

— Поѣзжай, осмотри хорошенько лѣса: не увидишь-ли гдѣ засады...

Смердъ пропадалъ цѣлый день. Вернувшись вечеромъ и привезя съ собою серну, убитую имъ по пути, онъ разсказалъ, что встрѣтилъ въ лѣсу кабана, медвѣдя, волковъ; людей-же ни разу не видѣлъ.

Княгинѣ такое спокойствіе послѣ недавней бури казалось и страшнымъ, и подозрительнымъ; напротивъ, князь считалъ его совершенно естественнымъ.

— Мнѣ необходимо отправиться на охоту,—кричалъ онъ,— я пропаду, если еще дольше останусь въ бездѣйствіи... Не выдержу... Эта безконечная спячка и плѣнъ—ядъ для меня...

Брунгильда, однако, не пускала князя на охоту; хитрая нѣмка боялась засадъ и измѣны. Изо-дня въ день князь откладывалъ исполненіе своего намѣренія. Княгиня подговорила людей устраивать всевозможныя препятствія. Хвостъ проклиналъ, сердился, сильнѣе обыкновеннаго напивался пьянъ и, все больше и больше терялъ терпѣніе.

Наконецъ, онъ не выдержалъ: приказалъ Смерду, непремѣнно на слѣдующій день, приготовить все нужное для охоты и пораньше его разбудить. Едва вымолила у него княгиня, чтобы онъ согласился взять съ собою большее, противъ всегдашняго, количество слугъ и притомъ хорошо вооруженныхъ.

Хвостекъ, хотя и носилъ крестъ на груди, въ сущности оставался язычникомъ, сохранившимъ еще многіе предразсудки. Слуги знали объ этомъ и заранѣе осматривали окрестности и дорогу, чтобы, по возможности, устранить все, могущее чѣмъ-либо разстроить князя. Смердъ нарочно распорядился, чтобы какъ-разъ въ то время, когда князь выѣдетъ изъ воротъ, ему навстрѣчу попалась женщина съ полными ведрами, такъ какъ это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ.

Прекрасное утро обѣщало такой-же день. По небу скользили легкія облачка, прохладный вѣтеръ разгонялъ ихъ и освѣжалъ воздухъ. Князь, выѣхавъ въ поле изъ замка, направился къ ближайшему лѣсу. Смердъ увѣрилъ его, что звѣрей тамъ тьма-тьмущая. Къ тому-же, лѣсъ этотъ, въ которомъ строго-на-строго запрещено было пасти скотъ, былъ заповѣдный и нарочно оберегался для княжескихъ охотъ. Назывался онъ Глубь, и дѣйствительно дичи водилось въ немъ всегда великое множество; но, чтобъ добраться до настоящихъ мѣстъ, нужно было проѣхать значительное пространство.

Хвостекъ, давно уже не сидѣвшій на лошади, не слыхавшій лѣсного шороха и собачьяго лая, замѣтно повеселѣлъ, когда почуялъ запахъ непроходимыхъ дебрей. Онъ шпорилъ лошадь, чтобы добраться скорѣе до Глуби. Послѣ получасовой ѣзды, князь очутился на небольшой полянѣ, откуда рукой подать до излюбленной чащи.

Князь первый въѣхалъ на поляну, но сейчасъ-же осадилъ лошадь и, нахмурившись, обратился къ подскакавшему Смерду. Князь сердито указывалъ рукою впередъ: тамъ, на пнѣ, сидѣла старуха, вся закутанная въ большой платокъ; рядомъ съ нею лежали кучи только-что собранныхъ травъ. Разбирая ихъ, она дребезжащимъ голосомъ мурлыкала себѣ подъ носъ пѣсню и, казалось, не замѣчала всадниковъ. Встрѣча въ лѣсу съ такими старухами считалась признакомъ не хорошимъ и даже опаснымъ.

По тогдашнимъ понятіямъ — лѣса, озера, рѣки, поля — населены были таинственными созданіями и большая часть злыхъ духовъ преимущественно принимала на себя видъ старыхъ женщинъ. Мятелица, ночница, бабы-яги и прочія чудища представлялись воображенію, обыкновенно, въ образѣ грязной, невзрачной старухи, какъ-разъ въ-родѣ той, что сидѣла теперь на полянѣ.

Князь ихъ боялся, но и Смердъ также былъ не изъ храбрыхъ, тѣмъ болѣе, что чѣмъ-нибудь раздражить такую старуху — значило навлечь на себя ея гнѣвъ и мщеніе. По ближайшемъ изслѣдованіи, однако, Смердъ призналъ въ сидящей— Яруху. Въ замкѣ ее знали, такъ-какъ часто она приносила княгинѣ разныя травы. Всѣ считали ее могущественною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагали, что злою она не была. Князь не рѣшался тронуться съ мѣста, и Смердъ, слѣзши съ лошади, волей-неволей, принужденъ былъ самъ подойти къ старухѣ.

Яруха такъ о чемъ-то задумалась, что только тогда съ испугомъ вскочила съ своего мѣста, когда Смердъ къ ней совсѣмъ приблизился.

Ей показалось, какъ она потомъ объяснила, что къ ней злой духъ подходилъ, признаніе, конечно, для Смерда не особенно лестное. Скороговоркою начала она что-то нашептывать, словно проклинала его, что его тоже совсѣмъ не обрадовало. Наконецъ, все дрожа еще, но почти уже успокоившись, старуха усѣлась на старой колодѣ.

— Что ты, Яруха, здѣсь дѣлаешь?—спросилъ Смердъ.

— А развѣ ты слѣпъ, негодный бродяга?—ощетинилась баба:— дѣлаю, что мнѣ велѣно дѣлать, собираю травы—вотъ что!.. А у тебя что тамъ въ боченкѣ болтается? А? Дай-ка хлебнуть, такъ и страхъ тебѣ мой прощу, а не то...

— Въ боченкѣ нѣтъ у меня ничего, кромѣ воды...—отвѣчалъ Смердъ.

— Воды?... Есть что таскать съ собою! — разсердилась старуха.—Изъ каждой рѣчки можно, съ лягушечьей икрою вмѣстѣ, ее достать! Есть что носить!.. Глупый ты человѣкъ, вотъ что!.. Старый, а умъ-то ребячій... Воду носить!..

Смерда начиналъ не на шутку трусить.

— А до моихъ занятій тебѣ всетаки дѣла нѣтъ,—начала снова

Яруха.— Не твое это дѣло... Никакая трава тебѣ не поможетъ— ишь ты вѣдь рожа какая!.. Хоть раскакую дѣвушкѣ поднеси, хотя-бы ты и далъ траву—не подѣйствуетъ!.. Видишь, что здѣсь лежитъ: вотъ былица... лисье яйцо... Хорошія зелья...

— А худого нѣтъ ничего? — робкимъ голосомъ заикнулся Смердъ:—князь вѣдь здѣсь, недалеко!.. Чтобы часомъ не повредить ему... съ нимъ шутки-то плохи!..

Яруха опять испугалась, и взглянула въ сторону чащи.

— Князь,—повторила она,—а! Князь... А не велитъ онъ меня повѣсить?

— Чтобы ты ему только зла не сдѣлала, смотри-же,— шепнулъ ей Смердъ.

— Я? Ему?—баба испуганными глазами глядѣла на своего собесѣдника.—Я вѣдь нерѣдко хожу къ супругѣ его—княгинѣ, пользуюсь ея милостью... и теперь вотъ для нея собираю травы... Если князь хочетъ, могу ему дать зелья на счастье... Чего-же меня бояться? Яруху всѣ знаютъ...

Смердъ воротился къ ожидавшему въ чащѣ князю.

— Это Яруха, милостивый князь,—сказалъ онъ.—Вѣдьма она, но своимъ зла не дѣлаетъ... Она и княгинѣ травы приноситъ... Даже, напротивъ, она можетъ намъ принести счастье; она многое знаетъ!

Хвостекъ, котораго эти слова успокоили, выѣхалъ на поляну. Онъ потихоньку подъѣзжалъ къ старухѣ, поглядывая на нее съ недовѣріемъ. Яруха низкимъ поклономъ привѣтствовала князя и сейчасъ-же поднялась съ мѣста, стараясь придать своему лицу веселое выраженіе — она-таки трусила князя. Въ свою очередь, Хвостъ не особенно довѣрялъ Ярухѣ.

— Не знаешь, какая нынче будетъ охота?—спросилъ князь.

— А гдѣ?—спросила Яруха въ свою очередь.

— Въ Глуби.

Яруха покачала головою.

— Въ Глуби?.. Милостивый князь, не зачѣмъ тебѣ ѣздить туда!..

— Почему?

— Э! Тамъ нехорошіе звѣри сидятъ...

Она стала глазами считать спутниковъ князя.

— Какіе звѣри?—спросилъ послѣдній.

— Тамъ Мыши сидятъ, Мыши!—шопотомъ сказала Яруха,— цѣлая куча Мышей!..

Оглядываясь по сторонамъ, она хотѣла-было приблизиться къ князю, но тотъ запретилъ ей трогаться съ мѣста. Таинственныя слова Ярухи напугали его. Хвостъ вопросительно посмотрѣлъ на Смерда, который крикнулъ старухѣ:

— Выражайся яснѣе!..

Яруха долго не отвѣчала.

— Да что—яснѣе!.. — проговорила она, наконецъ, — когда я сказала мыши—такъ дѣло понятное!.. Мыши, мышата, мышки одно и тоже!.. А, впрочемъ, я вѣдь не знаю, какъ есть ничего не знаю!..

Сказавъ—усѣлась и занялась переборкою травъ.

Князь, Смердъ и дружина стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи: страхъ овладѣлъ ими...

Ничѣмъ не прерываемая тишина царила вокругъ... Маленькій вѣтерокъ дулъ со стороны лѣса. Люди, привыкшіе различать даже малѣйшій шорохъ, слышали гдѣ-то вдали глухіе голоса—какъ-бы призывы.

Князь поблѣднѣлъ. Яруха сидѣла съ опущенною на грудь головою, не обращая вниманія на всадниковъ...

Смердъ подошелъ къ ней.

— Что-жъ Мышки-то дѣлаютъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Что дѣлаютъ?.. Сидятъ у огня, дичь жарятъ, пьютъ медъ, да поджидаютъ кого-то!..

Князь вздрогнулъ.

— Сколько ихъ всѣхъ?—крикнулъ онъ.—Сколько?..

— Я считать не умѣю,—отвѣчала старуха,—а, пожалуй, что и копа, копа наберется!.. *).

Послѣднія слова она почти прошептала... Смердъ сосчиталъ бывшихъ при князѣ людей... Всего набралось три десятка.

Хвостекъ боялся подъѣхать въ Ярухѣ...

— Спроси у нея... Пусть говоритъ все, что знаетъ! — приказалъ князь, обращаясь къ Смерду, — а не захочетъ — веревку на шею и на дерево эту вѣдьму...

---

*) Копа—шестьдесятъ.

Хотя лица старухи не было видно, но, судя по дрожавшимъ рукамъ, она навѣрное слышала эти слова.

Смердъ обратился къ ней:

— Говори все, что знаешь!—крикнулъ онъ.

— Я вамъ все сказала, — отвѣчала старуха, упавшимъ голосомъ, — да вѣдь, если-бъ не я, вы-бы поѣхали въ глубь и попались-бы... Они сидятъ тамъ ужъ третія сутки... А всѣхъ ихъ много и всѣ съ оружіемъ, но только тамъ такая тишина, что въ трехъ шагахъ и то ихъ не слышно...

— Гдѣ сидятъ?—спросилъ князь.

— Въ Глуби, у самаго болота, гдѣ ольхи растутъ,—объяснила старуха:—на правомъ берегу и костеръ разложили...

— Разставили часовыхъ?...

— Хотѣли меня поймать, да, видно, не смѣли... Нѣсколько парней бродитъ въ разныхъ мѣстахъ...

Долго еще продолжались разспросы. Князь не зналъ, на что рѣшиться... Вдругъ невдалекѣ послышался шорохъ... Слуги невольно вздрогнули, хватаясь за оружіе... Яруха перепугалась, и припала къ землѣ. Князь оглянулся и тотчасъ-же увидѣлъ мелькавшихъ между деревьевъ всадниковъ; онъ повернулъ лошадь. Смердъ вскочилъ тоже въ сѣдло... Съ правой и съ лѣвой сторонъ раздались крики, трескъ вѣтви... Легко было догадаться, что князя намѣревались окружить... Хвостъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ: онъ самъ не зналъ, что предпринять...

Между тѣмъ, крики усилились... Княжескіе слуги сомкнулись вокругъ своего властелина, готовясь къ защитѣ... Въ кустахъ показались головы, руки, оружіе... Немыслимо было бѣжать... Отступать тоже не было никакой возможности... Смерду показалось, что въ одномъ мѣстѣ остался свободнымъ еле замѣтный проходъ... Указавъ его князю рукою, онъ первый, стремглавъ кинулся въ него.

Лишь осажденные тронулись съ мѣста, цѣлый градъ стрѣлъ засвистѣлъ въ воздухѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ вонзились въ колпакъ Хвостека... Смерду прострѣлили руку... Многіе были ранены... Не обращая, однако, на это вниманія, осажденные бросились въ лѣсъ... За ними погнались кметы, но стрѣлы не могли причинить уходящимъ особеннаго вреда.

Къ счастью, навстрѣчу еще никто не являлся... Смердъ и слуги окружили князя, который, припавъ головой къ шеѣ лошади, скакалъ почти лежа... Удары сыпались за ударами... Сзади, слѣва и справа виднѣлись лица преслѣдующихъ... Но вотъ, уходящіе радостно вскрикнули — лѣсъ становился рѣже, лошадямъ представлялся большій просторъ... Началась бѣшеная скачка...

Стрѣлы все еще сыпались, но Хвостекъ со своею дружиною успѣлъ опередить на большое разстояніе кметовъ... Вскорѣ послѣдніе замѣтно отстали... Смердъ и князь оба хорошо знали лѣсъ: они прискакали къ лугу... Смердъ что-то шепнулъ князю на ухо, потомъ далъ приказаніе дружинѣ... Сейчасъ раздались крики, слуги подняли невообразимый шумъ и бросились влѣво... Смердъ и князь, между тѣмъ—поскакали вправо... Поднятый крикъ заставилъ кметовъ броситься по слѣдамъ дружины, а Хвостекъ тѣмъ временемъ забирался все глубже и глубже въ лѣсъ... Вскорѣ шума погони не стало слышно... Князь и Смердъ очутились въ непроницаемой чащѣ, гдѣ множество опрокинутыхъ вѣтромъ деревьевъ образовало нѣчто въ-родѣ высокихъ стѣнъ... Здѣсь они могли почитать себя уже внѣ опасности, но дрожащему отъ страха Хвостеку хотѣлось пробраться еще куда-нибудь дальше!.. Смердъ не отставалъ отъ него...

Они подвигались впередъ до тѣхъ-поръ, пока лошадь князя не спотыкнулась и не сломала ноги... Волей-неволей, пришлось остановиться... Когда Смердъ соскочилъ съ своей лошади, измученное, усталое животное упало замертво. Такимъ образомъ оба, князь и Смердъ, остались безъ лошадей.

Они стояли теперь въ самой густой части огромнаго лѣса, гдѣ скорѣе слѣдовало ожидать встрѣчи съ медвѣдемъ, нежели съ человѣкомъ. Несмотря на знакомство съ мѣстностью, имъ рѣшительно невозможно было узнать, гдѣ они именно находились,—куда завело ихъ бѣгство. Князь повалился на землю; онъ въ бѣшенствѣ рвалъ на себѣ одежду. Смердъ стоялъ возлѣ него, съ простреленною рукою, не въ силахъ жаловаться князю—испуганный ожидающей ихъ судьбою.

Оба долгое время молчали. Смердъ прислушивался, не раздается-ли гдѣ нибудь человѣческій голосъ; храпъ издыхающей лошади—и ни одного звука болѣе. Смердъ, изъ боязни, чтобы

и это не могло послужить къ открытію ихъ мѣстопребыванія, схвативъ веревку, набросилъ ее на шею животному и придушилъ его.

Отдохнувъ немного, бѣглецы стали осматриваться. Они предугадывали, въ которой сторонѣ находились озеро и княжескій столбъ, но, чтобы къ нимъ безопасно пробраться, необходимо было подождать наступленія ночи. Для большей увѣренности, Хвостекъ и Смердъ оставили мѣсто, гдѣ лошади пали, и забрались въ еще болѣе дикую глушь. Среди полусгнившихъ стволовъ деревьевъ они нашли отовсюду закрытое мѣстечко, гдѣ и расположились.

День тянулся, казалось, особенно медленно. До вечера было еще далеко. Въ лѣсу раздавалось чириканье птицъ. Бѣглецы сидѣли въ своемъ углу, ожидая съ каждой минутой, что разсыпавшіеся по лѣсу кметы внезапно откроютъ ихъ. Вплоть до вечерней зари, однако, въ лѣсу царствовала ничѣмъ не возмутимая тишина. Пріободренный этимъ Смердъ, кое-какъ перевязавъ руку, отправился искать тропинки или удобнаго прохода, по которому можно было-бы незамѣтно пробраться домой. Сначала Хвостекъ боялся его отпустить, но, убѣдившись въ необходимости изслѣдовать путь пока еще было видно, рѣшился на время остаться одинъ.

Было уже совершенно темно, когда Смердъ вернулся и объявилъ своему господину, что теперь можно рѣшиться покинуть ихъ временное убѣжище.

— Мы,—сказалъ онъ:—въ двухъ шагахъ отъ жилища небогатаго кмета Кошычко... Онъ здѣсь владѣетъ небольшимъ кускомъ земли и лѣса; это—спокойный человѣкъ... Тутъ-же живетъ и сынъ его, по имени Пястъ... Мы къ нему можемъ зайти, тѣмъ болѣе, что ни тебя, князь, ни меня онъ никогда и въ глаза не видалъ... Не то прійдется съ голоду помирать... ужъ и такъ ослабѣлъ... потерялъ много крови...

Хвостекъ, навѣрное, остался-бы весьма равнодушенъ къ участи Смерда, если-бы не сознавалъ, что послѣдній ему еще нуженъ.

— Въ чужое жилище входить! Самому лѣзть въ руки кмета!— воскликнулъ князь. — Да ты никакъ съума спятилъ... Пойдемъ домой!

Смердъ не смѣлъ прекословить, и они тронулись въ путь. Слуга шелъ впереди, хотя чрезвычайно медленно, останавливаясь почти на каждомъ шагу. Онъ до того изнемогъ, что нѣсколько разъ падалъ.

— Хижина всего въ двухъ шагахъ,—осмѣлился онъ вторично замѣтить князю: — человѣкъ бѣдный всегда гостепріименъ, ему и въ голову не прійдетъ справляться объ имени гостя. Взойдемъ, отдохнемъ...

Хвостъ былъ голоденъ и измученъ: онъ еле тащился... Страхъ съ одной, голодъ съ другой стороны вели въ немъ ожесточенную борьбу. Наконецъ, физическая потребность одержала побѣду. Князь согласился просить у Пяста убѣжища.

У самой опушки лѣса стояла одинокая, бѣдная хижина... Въ открытомъ окнѣ виднѣлся огонекъ... На дворѣ блеяли овцы...

Князь остался въ лѣсу, пока Смердъ отправился просить разрѣшенія переночевать въ этой хижинѣ... Хозяинъ сидѣлъ на крыльцѣ, у ногъ его игралъ ребенокъ—сынъ его... Смердъ съ подвязанною рукою, съ лицомъ, исцарапаннымъ сучьями, приблизился къ нему... Пястъ поднялся навстрѣчу нежданному гостю.

— Кметъ добрый, — началъ усталымъ голосомъ Смердъ: — не откажи принять меня съ товарищемъ въ домъ твой на короткое время... Мы тоже кметы, живемъ въ Ополѣ, заблудились въ лѣсу на охотѣ, второй день бродимъ, не можемъ выбраться... Вдобавокъ, падая съ лошади, я сломалъ себѣ руку... Усталый товарищъ мой невдалекѣ ожидаетъ отвѣта... Позволь-же намъ отдохнуть...

Говоря это, Смердъ зорко всматривался во всѣ углы... Ни около хижины, ни внутри ея, повидимому, никого не было... Глядя на незнакомца, Пясту казалось, словно онъ его гдѣ-то видѣлъ!

— Кто-бы вы ни были,—проговорилъ онъ привѣтливо:—коль скоро во имя гостепріимства проситесь отдохнуть подъ моимъ кровомъ—отказать не могу. Идите за мною... Вы хорошо знаете, что у насъ не отказываютъ и врагу...

— Мы не враги!—воскликнулъ Смердъ.—Да какъ намъ и быть врагами?

Старикъ повторилъ свое приглашеніе. Смердъ вернулся за княземъ, который, опасаясь быть узнаннымъ, снялъ съ своего кол-

пака и одежды всѣ украшенія, спряталъ мечъ, а волоса опустилъ на лобъ. Хвостъ слѣдовалъ за Смердомъ, но весь дрожалъ, несмотря на принятыя предосторожности. Пястъ пригласилъ ихъ въ избу и предложилъ хлѣба. Хозяйка, между тѣмъ, принесла пива и всего, что нашлось по хозяйству въ будничный день.

Чтобы выдержать свою роль до конца, Смердъ, по данному княземъ знаку, сѣлъ возлѣ него на скамью. Перере тѣмъ, какъ садиться за столъ, Хвостекъ едва слышнымъ голосомъ пробормоталъ что-то въ-родѣ привѣтствія и сейчасъ-же прикрылъ лицо рукою. Пястъ нѣсколько разъ взглядывалъ на него, пробовалъ завести разговоръ, но, получая отвѣты отъ Смерда, махнулъ рукою, не любопытствуя болѣе.

Гостепріимство не позволяло допрашивать человѣка, который по доброй волѣ не хотѣлъ говорить.

Проголодавшіеся гости молча принялись за ѣду. Царствовавшая въ избѣ и на дворѣ тишина нѣсколько ихъ успокоила. Добродушное лицо хозяйки, привѣтливость ея мужа — все это казалось имъ добрыми признаками. У дверей стоялъ мальчикъ, простодушно разсматривавшій не виданныхъ дотолѣ людей.

Хозяйка, замѣтивъ, что раненая рука безпокоитъ Смерда, подошла къ нему и спросила, не хочетъ-ли онъ позволить перевязать ему руку какъ слѣдуетъ. Смердъ съ радостью согласился и подойдя къ огню, показалъ свою рану. О происхожденіи ея догадаться было не трудно... Что Смердъ солгалъ—сдѣлалось яснымъ... Старуха пристально посмотрѣла на него, не сказавъ, однако, ни слова...

Хвостъ, между тѣмъ, осушивъ залпомъ кувшинъ стоявшаго передъ нимъ пива, замѣтно повеселѣлъ. Крѣпкій напитокъ вернулъ ему прежнюю храбрость.

— Ты кметъ? — рѣшился онъ обратиться съ вопросомъ къ хозяину.

— Какъ и отецъ мой и дѣдъ,—отвѣтилъ спокойно сынъ Кошычки.

— Мы живемъ немного въ глуши, — продолжалъ Хвостъ невнятно:—мы и не знаемъ, что творится надъ Гопломъ... Говорятъ, у васъ что-то неладно?..

Пястъ проницательно посмотрѣлъ на Хвостека.

— Если кметы и неспокойны, — отвѣчалъ онъ, — виною тому не они!..

— Говорятъ, что кметы бунтуютъ?

— Просто—отстаиваютъ свои права!..

Хвостъ промолчалъ.

— А князь тоже, вѣрно, свой?—нерѣшительно произнесъ онъ, поглядывая изподлобья.

Хозяинъ, казалось, сразу не рѣшался отвѣтить.

— Если ты кметъ,—наконецъ, сказалъ онъ:—то знаешь, или, по-крайней-мѣрѣ, обязанъ знать, что только во время войны должны мы повиноваться князю, во время же мира мы споконъ вѣка управляемся сами... Такъ было всегда, такъ и впередъ будетъ... А кто переиначивать будетъ...

Хвостекъ невольно захохоталъ. Смердъ, услышавъ знакомую интонацію хохота, вздрогнулъ. Этого было достаточно, чтобы выдать князя.

Пястъ посмотрѣлъ на него безбоязненно. Оба они замолчали, измѣряя другъ друга глазами.

— Говорятъ, ваши кметы предполагаютъ напасть на замокъ и князя?—возобновилъ Хвостекъ разспросы.

— Нападалъ-же онъ раньше на насъ,—было отвѣтомъ:—самъ вызываетъ!.. Недоброе онъ дѣло дѣлаетъ, когда могъ-бы спокойно сидѣть... Семью свою истребилъ; изъ нашихъ тоже не мало лишилось жизни... А кто виноватъ во всемъ?..

Взоры Хвостека загорѣлись гнѣвомъ. Пробурчавъ что-то, какъ медвѣдь, внезапно потревоженный въ берлогѣ, онъ всталъ со скамьи, приказавъ Смерду послѣдовать его примѣру.

На дворѣ было темно: погода стояла хорошая, но луннаго свѣта не было.

— Не уходите въ такое время,—посовѣтовалъ Пястъ:—переждите ночь, а чуть свѣтъ—и отправляйтесь въ дорогу. Здѣсь вы вполнѣ безопасны, хотя-бы васъ кто и разыскивалъ... Гость для меня—святой...

Услышавъ эти слова: „хотя-бы васъ кто и розыскивалъ“—князь поблѣднѣлъ и отодвинулся въ сторону; хозяинъ пожалъ плечами. Испуганный Смердъ весь дрожалъ... Неловкое молчаніе длилось довольно долго.

Происшедшее показалось князю рѣшительно колдовствомъ какимъ-то, потому что въ ту минуту послышался лошадиный топотъ и крики людей передъ домомъ. Пястъ, указавъ рукою на полуоткрытыя двери сосѣдней избы, обратился къ Хвостеку съ словами:

— Я знаю, кто ты... Уходи со своимъ слугою въ ту избу... Быть можетъ, Мышки васъ ищутъ... Здѣсь-же вы безопасны. Гостей присылаютъ боги!..

Высказавъ это съ достоинствомъ, онъ вторично, съ оттѣнкомъ торжественности, указалъ князю на раскрытыя двери смежной избы. Хвостекъ до того растерялся, что не зналъ—что начать; страхъ превозмогъ, однако, чувство оскорбленнаго самолюбія, и онъ вмѣстѣ со Смердомъ вошелъ, куда ему указали. Хозяйка затворила за ними дверь.

Пястъ зажегъ у огня лучину и вышелъ съ нею на дворъ.

Нѣсколько всадниковъ дожидалось у воротъ.

— Э, отецъ,—крикнулъ ему старшій Мышко:—ты, навѣрно, не знаешь, что у насъ приключилось!.. Мы хотѣли сберечь много человѣческой крови! Три дня и три ночи караулили мы въ лѣсу этого разбойника! И вотъ—былъ онъ у насъ въ рукахъ, да съумѣлъ уйти!.. Впрочемъ, все равно—съ голоду сдохнетъ... слуги-то его всѣ разбѣжались... а безъ нихъ этотъ пьяница ничего не съумѣетъ сдѣлать, не найдетъ даже и выхода изъ лѣсу... А тамъ кому-либо изъ нашихъ авось посчастливится встрѣтить его, и, тогда, надо думать, не поздоровится этому злодѣю!.. А теперь, напоивъ лошадей, отправляемся по домамъ...

Слуги кметовъ пошли за водою. Хвостекъ слышалъ весь разговоръ. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ выскочить изъ избы; Смерду едва удалось удержать его отъ такого намѣренія. Мышки долго не уѣзжали, такъ-какъ Пястъ угостилъ ихъ медомъ. Смѣхъ и крики ихъ волновали Хвостека. Наконецъ, смолкло все, послышался топотъ удалявшихся лошадей — всадники покинули дворъ гостепріимнаго Пяста... Вскорѣ Пястъ открылъ двери, ведущія въ избу, гдѣ были спрятаны Хвостекъ и Смердъ, и сказалъ имъ:

— Уходите теперь; опасность миновала!

— Добрый ты кметъ,—необыкновенно ласково проговорилъ князь:—я приглашаю тебя къ себѣ... Я тебѣ многимъ обязанъ...

— Ничѣмъ ты мнѣ не обязанъ,—возразилъ Пястъ.—Старинный обычай, да законъ нашъ, велѣли мнѣ васъ укрыть... Я это сдѣлалъ не изъ чувства привязанности; я тебя не люблю и не уважаю!.. А поступалъ я по велѣнію боговъ! Иди-же съ миромъ... Кто знаетъ, гдѣ мы еще встрѣтимся...

Хвостекъ нахмурилъ брови... Подобная рѣчь была для него непонятна...

— Но не подымешь своей руки на меня!—воскликнулъ онъ.

— Князь милостивый!—отвѣчалъ Пястъ:—если всѣ противъ тебя возстанутъ—я буду съ ними... Затѣмъ, Пястъ отошелъ въ сторону, а Хвостекъ торопливо вышелъ изъ хижины, не вымолвивъ слова, ни разу не оглянувшись. Ворота закрылись за нимъ.

Черная молчаливая ночь покрывала землю. Только вдали, надъ озеромъ, кое-гдѣ огоньки мелькали, да на высокомъ столбѣ, по обычаю того времени, замѣчался свѣтъ. Хвостекъ со Смердомъ потонули во тьмѣ. Пястъ свободно вздохнулъ.

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ІОСИФА КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го Февраля 1893 г.

Типо-Литографія Спб. Тов. Печ. Изд. дѣла „Трудъ", Фонтанка, 86.

XIX.

На слѣдующій день въ хижинѣ Пяста жизнь потекла прежнимъ порядкомъ. Наступилъ тихій вечеръ, солнце золотило верхушки деревьевъ. На сараѣ, въ своемъ гнѣздѣ, копошился неугомонный аистъ, съ луга доносилось лошадиное ржаніе, овцы вернулись съ пастбища и нетерпѣливо ждали, пока ихъ пропустятъ въ ворота. Воробьи бойко чирикали, ласточки высоко кружились въ воздухѣ, предсказывая на завтра ведро. Со стороны озера, куда-то на западъ, пролетали цѣлыя стаи гусей и утокъ.

Пястъ сидѣлъ у стола, о чемъ-то задумавшись, здѣсь; въ его уголкѣ, жилось такъ спокойно и мирно, а тамъ, въ окрестности, все приходило въ движеніе. Вооружились рѣшительно всѣ. Мышки объявляли по селамъ тревожную вѣсть: еще въ эту ночь должны зажечься костры на горахъ. Посланные скакали отъ одного кмета къ другому. У княжескаго столба жизнь такъ и кипѣла. Княжескія стада сгоняли съ полей, чтобъ спасти ихъ отъ непріятеля, который толпами все чаще сталъ появляться у самой опушки лѣса. Изъ пястовой хижины, гдѣ жили старикъ-отецъ съ сыномъ-малюткой—некого было послать въ дружину: одни только слуги вооружались, чтобы съ другими отправиться вмѣстѣ.

Какіе-то дикіе возгласы раздавались вдали. Трудно было понять—ликуютъ-ли кметы, или кричитъ княжеская дворня.

Пястъ вышелъ на дворъ, оглядываясь по сторонамъ, и не могъ оторвать глазъ отъ темнаго замка, у котораго съ минуты на минуту долженъ былъ загорѣться кровавый бой. Лично для Пяста—война являлась совсѣмъ некстати. Сынъ его достигалъ семилѣтняго возраста, а, по обычаю, семилѣтнему мальчику надлежало дать имя, благословить его; между тѣмъ, кто-же въ такое

безпокойное время согласился-бы въ гости пріѣхать, раздѣлить отцовскую радость? Напрасно было и приглашать даже самыхъ близкихъ сосѣдей. Время слишкомъ тревожное.

Онъ стоялъ еще на дворѣ, когда къ воротамъ подъѣхало двое всадниковъ. Оба были въ чужестранныхъ одеждахъ; по выраженію лицъ ихъ, легко было заключить, что это мирные люди, не причастные воинственному движенію, среди котораго случайно кинула ихъ судьба. Внимательно посмотрѣвъ на кмета, они совѣтовались между собою: видно, не знали, что предпринять.

Начинало смеркаться. Пріѣзжіе, должно быть, издалека явились сюда, быть можетъ изъ ляшскихъ или полянскихъ земель, а можетъ и изъ земель, лежащихъ по ту сторону Лабы: въ одеждѣ ихъ было что-то нѣмецкое. Оба, еще достаточно молодые, закутаны были въ длинные, темнаго цвѣта плащи, изъ-подъ которыхъ по-временамъ виднѣлась яркая, плотно обхватывавшая тѣло ткань. Оружія у пріѣзжихъ не замѣчалось. Къ сѣдламъ были привязаны небольшіе узелки. Утомленныя лошади вытягивали шеи, стараясь щипнуть травы, бывшей у нихъ подъ ногами. Тотъ, что впереди, казался красивымъ нѣсколько моложе своего товарища—мужчиною. Лицо его, несмотря на усталость, дышало спокойствіемъ; на губахъ блуждала улыбка. Старшій глядѣлъ суровѣе; видно, жизнь его закалила, но и въ его чертахъ безпокойства не замѣчалось; словно оба были увѣрены, что ничего дурного съ ними случиться не можетъ.

Это казалось тѣмъ болѣе удивительнымъ, что на пути сюда они, вѣроятно, встрѣчались съ раздраженными кметами и княжескою дворнею, которая тоже недолюбливала чужихъ. Между тѣмъ, воинственное движеніе, повидимому, не производило особенно сильнаго впечатлѣнія на путешественниковъ.

Покончивъ свое совѣщаніе, одинъ изъ нихъ соскочилъ съ лошади, съ веселымъ лицомъ подошелъ къ Пясту и поздоровался съ нимъ на языкѣ, который хотя и не былъ языкомъ ляховъ, однако старику показался къ нему чрезвычайно близкимъ. Пястъ въ ранніе годы жизни своей много путешествовалъ по бѣлу свѣту и выучился говорить на языкѣ сербовъ, моравовъ и чеховъ.

— Мы изъ далекихъ странъ,—проговорилъ вновь прибывшій:— надѣемся, что ты, добрый хозяинъ, не откажешь намъ въ ночлегѣ.

Тамъ,—прибавилъ онъ, указывая рукою на княжескій замокъ,— мы напрасно стучались съ подобной-же просьбою, велѣли намъ прочь уходить... Мы попали въ волнующуюся страну, хижины опустѣли... Ты, вѣрно, насъ пріютишь... Намъ ничего, кромѣ крова, не надо...

Старикъ поспѣшно растворилъ настежъ ворота.

— Прошу васъ покорно, милостивые гости,—отвѣтилъ Пястъ:— войдите и отдохните. У насъ никто не отказываетъ гостю... Это вѣдь отцовскій обычай, который никогда не переведется, покуда мы живы...

При этихъ словахъ Пястъ жестомъ руки пригласилъ ихъ зайти въ хижину.

Старшій соскочилъ съ лошади, и оба вошли въ хижину. Молодой прислужникъ поспѣшилъ взять лошадей. Пястъ повелъ гостей на крыльцо, оттуда въ свѣтлицу, чтобы здѣсь, по дѣдовскому обычаю, преломить хлѣбъ съ гостями. Усадивъ ихъ къ столу, старикъ приказалъ женѣ подать кушанье и напитки.

— Подъ кровомъ моимъ привѣтствую васъ,—сказалъ Пястъ:— вы какъ-разъ пожаловали въ такое время, когда я самъ сердечно желалъ видѣть кого-либо изъ гостей, но, въ наше тревожное время, надѣяться на это не смѣлъ...

Пріѣзжіе съ большимъ любопытствомъ стали приглядываться къ убогой обстановкѣ свѣтлицы, въ которой все, до мельчайшихъ подробностей, напоминало обычаи и привычки предковъ. Матеріаломъ для мебели и домашней утвари, какъ видно, служили исключительно дерево и глина; кромѣ того, здѣсь ничего нельзя было встрѣтить такого, что уже и въ тогдашнее время привозили купцы съ далекаго запада; ни рѣдкостныхъ бездѣлушекъ, ни нѣмецкихъ издѣлій, ни римскихъ и этрусскихъ истукановъ... Произведенія полянскихъ бондарей виднѣлись на полкахъ. Одежда представляла собою смѣсь полотна, кожи и мѣха.

Пріѣзжіе, по всей вѣроятности, раньше слыхали о Пястѣ, такъ-какъ они выразили удивленіе по поводу его бѣдности и обратились къ нему съ вопросомъ: дѣйствительно-ли онъ сынъ Кошычка.

— Мы много слышали о тебѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:— да не отъ одного человѣка—отъ нѣсколькихъ; они-то и убѣждали

васъ не ходить къ вашему князю... Оказывается, взаправду такъ: князь велѣлъ намъ убраться,—ты-же встрѣтилъ гостеприимно...

— Да, я сынъ Кошычка,—отвѣтилъ Пястъ,—живу я по старымъ обычаямъ: дверь моей хижины всегда для всѣхъ открыта, но роскоши, къ которой вы, быть можетъ, привыкли, не встрѣтите у меня... Я кметъ, занятіе мое—пчеловодство, и живу—какъ жили мои отцы... Для меня обычай—святое дѣло... Недаромъ такихъ какъ я и подобныхъ мнѣ называютъ дикими, мы-же считаемъ дикими тѣхъ, что носятъ одежду дороже и красивѣе нашей, а сердца у нихъ кровожадныя, хищныя... Тому, что васъ не пустили въ замокъ, вы не должны удивляться,—тамъ теперь всего опасаются.

— Что-же это у васъ происходитъ?—спросилъ гость.

— Кметы съ княземъ не ладятъ,—отвѣтилъ Пястъ.—Князь женился на нѣмкѣ и сталъ вводить нѣмецкій законъ, а мы привыкли къ свободѣ: ни чужихъ правъ, ни законовъ знать не хотимъ!

Гость улыбнулся.

— Можетъ быть, князь задумалъ вводить здѣсь и новую вѣру?—спросилъ онъ.

— Отъ него мы объ этомъ ничего не слыхали... Хотя объ новой-то вѣрѣ иные и много толкуютъ... Чужое намъ не подходитъ...

— Ты, можетъ быть, правъ,—продолжалъ гость:—но не все-же чужое такъ-таки непремѣнно никуда не годится! Судя по говору нашему, ты, конечно, замѣтилъ, что мы не изъ нѣмцевъ, ни я, ни товарищъ мой; однако должно сознаться: есть и у нихъ хорошее, и то перенять—недурно.

— А что-жъ есть у нѣмцевъ хорошаго?—раздраженнымъ тономъ воскликнулъ Пястъ.—Я, по крайности, ничего не знаю! Если оружіе, придуманное для отнятія жизни людской, то—разбойничье это добро; если бездѣлки, которыя портятъ женъ нашихъ, такъ это отрава, ядъ, ничего больше! У насъ есть земля,—она насъ кормитъ; у насъ есть пѣсни, сказанія, боги... Нѣтъ! Ничего намъ чужого не надо.

Гости невольно вздохнули

— Многое, что слыветъ идущимъ отъ нѣмцевъ,—сказалъ одинъ

изъ нихъ,—въ сущности только проходитъ черезъ нѣметчину, и совсѣмъ не нѣмецкое. А если, съ помощью ихъ, можно-бы получить миръ и благословеніе?

— Благословеніе? Миръ?—удивился Пястъ.—Все это слишкомъ свято, чтобы зависѣть отъ тѣхъ, руки которыхъ замараны грабежомъ и убійствами!..

Восклицаніе это не вызвало возраженія.

Между тѣмъ, въ свѣтлицу вошла жена Пяста, Ржепица, согласно со старинной модою, вся въ бѣломъ, со лбомъ, обвязаннымъ бѣлымъ платкомъ. Она сама несла кушанье; за нею служанки несли хлѣбъ, калачи, медъ и чарки.

Хозяйка, разставивъ все на столѣ, поклонилась гостямъ и отошла въ сторону. У Пяста, какъ и повсюду въ тѣ времена, женщины не могли садиться вмѣстѣ съ мужчинами.

Пястъ пригласилъ гостей отвѣдать хлѣба-соли. Тѣ поднялись со своихъ мѣстъ, подошли къ столу и, повернувшись лицомъ къ востоку, наклонили головы и начали что-то шептать въ-полголоса. Потомъ одинъ изъ нихъ надъ столомъ продѣлалъ какіе-то таинственные знаки. Это испугало хозяина; ему показалось, что пришлецы—колдуны.

— Вы развѣ колдуете?—обратился онъ къ нимъ.—Для чего дѣлаете въ воздухѣ эти знаки?

— Колдовства вамъ бояться нечего,—отвѣчалъ одинъ изъ гостей.—Мы колдовать не умѣемъ, напротивъ, мы оттоняемъ нечистую силу. У насъ есть обычай, прѣдъ всякимъ дѣломъ, взывать къ Божьей помощи, къ святому Его благословенью.

— Какого Бога?—нахмурился Пястъ.—Слыхали мы, правда, что чехи и моравы начали теперь поклоняться новому Богу, Котораго взяли у нѣмцевъ...

— Иного Бога, кромѣ единаго на весь міръ, мы не знаемъ,—отвѣтилъ гость.—Бога, Который отецъ всѣхъ людей, всѣхъ народовъ! Онъ управляетъ всѣмъ міромъ и всѣми странами... Мы всѣ Его дѣти...

Пястъ, нѣсколько удивленный, внимательно прислушивался.

— Такому Богу когда-то и мы поклонялись,—сказалъ онъ, подумавъ:—единаго, всемогущаго! Мы ему и теперь поклоняемся, хотя духовъ, подвластныхъ ему, очень много...

Гости обмѣнялись взглядами и не отвѣтили Пясту.

— Объ этакой новой вѣрѣ,—началъ хозяинъ послѣ нѣкотораго молчанія:—мы слышали очень много... У насъ есть такіе, которые для нея побросали своихъ боговъ! Вы тоже изъ новыхъ людей?

— Да, мы дѣти единаго Бога,—отвѣтили гости почти въ одинъ голосъ:—и заявляемъ это открыто.

Пястъ задумался-было, но затѣмъ отодвинулся отъ гостей.

— Мечомъ и кровью обращаютъ нѣмцы за Лабою въ новую вѣру,—сказалъ онъ холодно.—И мы совсѣмъ не желаемъ имѣть одного съ ними Бога.

Гости опять другъ на друга взглянули. Пястъ приглашалъ ихъ отвѣдать различныхъ кушаній, а самъ, подстрекаемый любопытствомъ, переходилъ все къ новымъ вопросамъ, касающимся той вѣры, о которой ему сильно-таки хотѣлось кое-что разузнать.

Въ описываемое время, христіанская религія не была уже вполнѣ чуждою ляхамъ; но доходя къ нимъ съ разныхъ сторонъ, различнаго рода путями—часто, на неокрѣпшей почвѣ, она сливалась съ прежними вѣрованіями и вырождалась въ новую, смягченную форму язычества; послѣдняя не оставалась безъ пользы: она уравнивала путь грядущему торжеству христіанскаго культа. Крестъ, который пока игралъ роль амулета, замѣчался, однако, на многихъ. Даже умершимъ язычникамъ клали его въ могилу. Все чаще встрѣчались крещеные люди, хотя, внутренно, они попрежнему были язычниками. Народъ выказывалъ упорную привязанность къ вѣрѣ отцовъ, къ старымъ преданіямъ, къ созданному ими общественному порядку. Славянское язычество никогда не являлось въ видѣ изысканныхъ, строго опредѣленныхъ постоянныхъ обрядовъ, въ какихъ выражались другія аналогичныя этому вѣрованія. Славяне поклонялись одному, верховному Божеству, боялись подвластныхъ Ему духовъ; для нихъ вся природа казалась какимъ-то живымъ разумнымъ существомъ, составляющимъ одно общее цѣлое со всѣми принадлежащими ей созданіями, живущимъ одною общею съ ними жизнью...

Воды, по ихъ понятіямъ, были населены духами, дающими жизнь и силу; птицы—имѣли особенный свой языкъ, звѣри—своихъ покровителей; бури и вѣтры являлись предвѣстниками не-

счастія и карателями; все—земля и небо—сливалось въ одно общее цѣлое, которое и было великимъ Богомъ. Это гармоническое сліяніе воедино всѣхъ силъ природы, этотъ неумолимый законъ, управлявшій судьбою, жизнью, цѣлями—этотъ законъ успокаивалъ всѣхъ, всѣхъ мирилъ, всѣхъ дѣлалъ счастливыми. Изъ него возникали дружескія, братскія отношенія не только между людьми, но и между животными, и только злое начало да необходимость защиты впервые поселили въ сланянахъ элементы сомнѣнія, вражды... Этотъ замкнутый міръ не требовалъ ничего кромѣ свободы вращаться въ своихъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ предѣлахъ.

Послѣ ужина гости опять встали, чтобы помолиться и, только по окончаніи молитвы, снова усѣлись.

Пястъ спросилъ, какія были слова ихъ молитвы и могутъ-ли они ему быть понятными.

Тогда младшій изъ двухъ гостей повторилъ звучнымъ голосомъ слова благодарственной молитвы, которая воздавала должное всемогущему Богу за все Имъ ниспосланное въ этотъ день и за все, что вообще когда-либо Богу угодно было имъ даровать.

Пястъ понялъ слова, но призадумался надъ ихъ смысломъ.

— Стало-быть, — сказалъ онъ: — Богъ одинъ для всѣхъ на землѣ?

— Да,—отвѣтилъ гость:—и этому-то Богу мы поклоняемся, а кромѣ насъ и большая часть народовъ... Между ними есть и братья наши, говорящіе однимъ съ нами языкомъ.

— Они, значитъ, будутъ нашими врагами?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, никогда, потому-что они глубоко убѣждены, согласно съ ученіемъ ихъ новой вѣры, что люди всѣ, всѣ народы—ихъ братья; что никому не слѣдуетъ нападать на сосѣда, ни убивать его; любить всѣхъ, даже своихъ враговъ—вотъ законъ новой вѣры!

— Враговъ любить!..—удивился Пястъ и всплеснулъ руками:— да развѣ это возможно? Враговъ? Значитъ, и нѣмца тоже? И нѣмца надо любить? Но, въ случаѣ нападенія, разрѣшается защищаться?

— Да,—отвѣчалъ гость.

— Лицо хозяина приняло строгое выраженіе. Онъ проговорилъ торжественно:

— Они никогда не будутъ нашими братьями, никогда!..

Разговоръ прервался на этомъ. Гости не настаивали на своемъ. Долго полная тишина царствовала въ свѣтлицѣ. Наконецъ, пріѣзжіе стали разспрашивать о томъ, что теперь происходитъ на родинѣ Пяста. Тогда онъ, какъ-бы придравшись къ случаю, всю неурядицу объяснялъ вліяніемъ нѣмцевъ, съ которыми князья слишкомъ дружатъ.

— Нѣмцы хотятъ завладѣть нашею землею, сдѣлать ее своей добычею,—сказалъ онъ, между прочимъ:—они прижимаютъ насъ, не прочь-бы и уничтожить, а все для того, чтобы имъ было просторнѣе...

— Это правда,—сказалъ старшій гость:—нѣкоторые князья, какъ, напримѣръ, вашъ, вздумали съ ними дружбу водить, стараясь сохранить хорошія отношенія, потому-что нѣмцевъ несмѣтное количество, и притомъ вооружены они всѣ превосходно. Другіе князья, напротивъ, подумываютъ, какъ-бы соединить всѣ наши небольшіе народы и племена въ одно цѣлое, и такимъ образомъ создать новую силу, которая съ успѣхомъ могла-бы противиться нападеніямъ нѣмцевъ... Для этого, чтобы сравняться съ нѣмцами, они принимаютъ новую вѣру, а между собою завязываютъ дружескія отношенія, съ цѣлью сообща воевать съ исконнымъ нашимъ врагомъ.

Пястъ просилъ поименовать этихъ умныхъ князей, и тогда, въ короткихъ словахъ, гости объяснили ему, что все, о чемъ они говорили, осуществилось уже въ Чехіи и Моравіи, что поляне тоже вскорѣ должны были пристать къ этому союзу. Дальше онъ продолжалъ:

— Все-же вождь и глава нуженъ народу... Прочіе наши народы тоже имѣютъ князей, особенно тѣ, которые, волей-неволей, принуждены воевать. Вотъ потому-то вы и не хорошо дѣлаете, желая свергнуть настоящаго вашего князя, чтобъ ужъ не знать никакого.

— Мы вовсе этого сдѣлать не думаемъ,—возразилъ Пястъ:—мы тотчасъ-же изберемъ другого, пусть правитъ нами; а этотъ извергъ вѣдь проливалъ нашу кровь, убивалъ безвинныхъ и даже отравлялъ своихъ родственниковъ. Вотъ почему мы не можемъ дольше его терпѣть надъ собою и подговариваемъ народъ къ низверженію ненавистной намъ власти.

Потомъ Пястъ разсказалъ, что выдѣлывалъ Хвостекъ, какъ умертвилъ онъ родныхъ своихъ дядей, какъ избивалъ кметовъ и приглашалъ нѣмцевъ къ себѣ на помощь противъ своихъ-же.

Вечеръ былъ тихій, теплый. Хозяинъ и гости вышли на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ; усѣвшись на скамьѣ, они продолжали начатый въ избѣ разговоръ. Пястъ снова перешелъ на тему о новой вѣрѣ, которая все болѣе подстрекала его любопытство. Тогда одинъ изъ гостей такъ началъ ему объяснять:

— Это—единая вѣра для всѣхъ, въ будущемъ она объемлетъ весь міръ, а когда это совершится, то не будетъ ни вражды, ни рабства, ни несчастныхъ людей... Останутся дѣти одного и того же Отца... У насъ-же вѣра должна привиться, должна рости, а современемъ дастъ и плоды, потому-что истины эти, за много-много лѣтъ до настоящаго времени, были ужъ намъ извѣстны, да и вообще по природѣ мы не жестоки, не безсердечны... Чужому мы всегда предлагали кровъ, бѣдному—помощь, голодному—пищу, покровительство—угнетенному... Если мы и не были въ состояніи обнять всего величія единаго Бога, тѣмъ не менѣе вѣрили только въ Него Одного.

— Этотъ вашъ единый, великій Богъ заставляетъ нѣмцевъ любить!—изумился Пястъ.—Непонятно!..

Гости улыбнулись.

Немного погодя старикъ всталъ со скамьи и поднялъ съ земли два бруска; сложивъ изъ нихъ крестъ, онъ обратился къ гостямъ:

— Я знакъ этотъ видѣлъ, и знаю, что ему поклоняются поборники новой вѣры.. Носятъ его на груди въ огражденіе отъ всякаго зла... Скажите-же мнѣ, что онъ обозначаетъ?

— Если захочешь послушать меня,—сказалъ гость, принимая изъ рукъ Пяста крестъ и цѣлуя его:—я охотно тебѣ повѣдаю объ этомъ знакѣ и о новой вѣрѣ; тѣмъ охотнѣе,—добавилъ онъ, вынимая изъ-подъ одежды каменный крестикъ:—что наше вѣдь путешествіе съ тою цѣлію предпринято, чтобы отыскивать дѣтей единаго Бога, разсказывать имъ объ Отцѣ ихъ, Который имъ не извѣстенъ... Крестъ—знакъ Родившагося среди избраннаго Богомъ народа на дальнемъ востокѣ; Онъ былъ Сыномъ Бога, воплощеннымъ Богомъ...

Пястъ съ любопытствомъ прислушивался, стараясь уловить каждое слово; гость, между тѣмъ, продолжалъ:

— На дальнемъ востокѣ, въ давно минувшія времена, жилъ избранный Богомъ народъ, который одинъ только, среди окружавшихъ его язычниковъ, поклонялся единому Богу, Создателю неба и земли. Изъ среды этого народа въ разное время появлялись пророки, которымъ Богъ объявилъ, что снизошлетъ на землю Своего Сына, что Онъ оснуетъ на землѣ новую вѣру, а жизнью Своею дастъ видимое свидѣтельство Своего посланничества. Въ назначенный день и часъ исполнились предсказанія пророковъ: Сынъ Божій родился отъ Дѣвы Маріи; родился Онъ въ нищетѣ, при обстановкѣ болѣе чѣмъ убогой, въ сараѣ, на распутьи; Мать Его въ то время принуждена была спасаться бѣгствомъ... Вся жизнь Его была непрерывнымъ рядомъ чудесъ. Едва достигнувшій юношескаго возраста, Онъ сталъ открывать людямъ глаза, указывая имъ истину; Онъ излѣчивалъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, утѣшалъ огорченныхъ, униженныхъ. Ни царемъ, ни вождемъ, ни владыкою не хотѣлъ онъ быть. Жилъ Онъ у Своего опекуна, бѣднаго плотника, въ обществѣ рыбаковъ и простого народа, а, между тѣмъ, всѣ признавали въ Немъ Бога, убѣждаясь все больше и больше въ истинѣ того, что Онъ говорилъ; чудеса, Имъ творимыя, были лучшимъ свидѣтельствомъ истинности Его посланничества. Онъ училъ, что единъ только Богъ, что люди— дѣти Его, что всѣ они братья, и какъ братья должны любить, поддерживать другъ-друга. Училъ Онъ не ссориться, въ согласіи жить со всѣми. И этого-то Бого-Человѣка, злые люди, опасавшіеся Его потому, что Онъ запрещалъ дѣлать зло, оклеветали, осудили и, наконецъ, распяли на деревянномъ крестѣ...

Пястъ вздохнулъ.

— Какъ-же это Богъ могъ позволить, чтобы Его мучили?— спросилъ онъ.

— Богъ допустилъ это для того, чтобы показать Свою славу, чтобы воскресить Сына Своего изъ мертвыхъ и вознести на небо и тѣмъ убѣдить малодушныхъ людей.

— Такъ оно все и случилось?—спрашивалъ Пястъ.

— Да,—было отвѣтомъ:—кромѣ того Богъ явилъ много другихъ чудесъ, еще болѣе утвердившихъ въ вѣрѣ людей... А самое глав-

ное это то, что бѣдные рыбаки, плотники изъ простого народа' дѣйствуя именемъ Сына Божьяго—съумѣли обратить въ новую вѣру царей, сильныхъ міра сего, мудрецовъ, разрушили алтари прежнихъ боговъ, и на развалинахъ ихъ водворили новую вѣру, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ шире и шире повсюду распространяется...

Пястъ внималъ молча. Гость, указывая на крестъ, бывшій въ его рукѣ, прибавилъ, что этотъ знакъ смерти сталъ знакомъ, символомъ новой жизни, и потому исповѣдующіе новую вѣру носятъ его при себѣ. Названіе свое получили они по имени Бога-Христа, замученнаго злыми людьми; жизнь Его стала для нихъ образцомъ, по ней они и свою устроить стараются...

Пястъ, изъ сказаннаго ему, многое понялъ, многаго-же понять оказался не въ состояніи; разспрашивалъ, отрицалъ возможность нѣкоторыхъ событій, и такъ разговоръ продолжался до поздней ночи.

Съ того мѣста, гдѣ они сидѣли, видны были и озеро, и княжескій столбъ... Вдругъ окружавшій ихъ мракъ освѣтился: на одномъ изъ пригорковъ показался огонь и столбомъ поднялся вверхъ. Гости не успѣли еще спросить о значеніи этого, когда на сосѣднихъ холмахъ показались подобные-же огни... Даже окрестности всѣ словно были объяты пожаромъ. На небѣ показалось зарево.

— Что эти огни означаютъ?—спросили гости.—Не поджогъли кто? Не враги-ли появились у васъ?

— Нѣтъ... Это огненные сигналы:—спокойно отвѣтилъ Пястъ,—это сигналы войны... Въ эту минуту народъ и всѣ наши знаютъ, что обязаны собраться къ извѣстному мѣсту...

Онъ указалъ рукою въ сторону княжескаго замка...

Какъ-бы въ насмѣшку надъ этимъ воззваніемъ къ походу, князь приказалъ зажечь такой-же огонь на самой верхушкѣ башни.

Огонь, отраженный зеркальною поверхностью озера, усиливалъ впечатлѣніе. Зрѣлище было величественное, но и ужасное; казалось, война, огненными скрижалями смерти и истребленія, запечатлѣла свой символъ на темномъ фонѣ небеснаго свода. Гости невольно вздохнули.

— Не бойтесь,—успокаивалъ Пястъ послѣ нѣкотораго молчанія: чужому вреда не сдѣлаютъ, хотя-бы война и разгорѣлась; къ

тому-же, пока соберется народъ пройдетъ еще нѣсколько дней. Я попрошу васъ побыть у меня хоть одинъ лишній денекъ... Завтра въ семействѣ моемъ праздникъ великій: единственному моему сыну исполнится ровно семь лѣтъ... Жизнь для него едва начинается.. Не знаю, пріѣдетъ-ли кто изъ родныхъ, время теперь такое—всѣ о войнѣ только и думаютъ... Останьтесь-же, добрые люди,—служители Бога любви и мира... Будьте свидѣтелями торжественнаго обряда...

Гости переглянулись; младшій изъ нихъ отвѣчалъ:

— Инъ быть по твоему,—лишній денекъ прогостимъ у тебя!..

Высказавъ это рѣшеніе, несказанно обрадовавшее старика, гости ушли въ отведенную имъ избу, гдѣ были постланы имъ постели.

На слѣдующій день, съ самаго утра, вся окрестность представлялась усѣянною людьми, спѣшившими, съ разныхъ концовъ, приготовиться къ нападенію на замокъ. Огни исполнили свое назначеніе. Народъ все прибывалъ, и Хвостекъ, стоя на башнѣ, могъ воочію убѣдиться, какая громадная сила сбиралась идти на него.

Замокъ, между тѣмъ, укрѣплялся; вокругъ него дѣлали насыпи; ставили частоколы; всюду, взадъ и впередъ, расхаживали часовые, даже на самомъ верху башни постоянно мелькали фигуры вооруженныхъ воиновъ.

Хоть Пястъ и потерялъ всякую надежду видѣть гостей у себя, однако почти всѣ старшіе кметы, жупаны, владыки толпились у воротъ, ведущихъ въ его убогую хижину, такъ что и онъ, и жена его Ржепица, недоумѣвали, какъ, при ихъ скудныхъ средствахъ, накормить такую массу людей. Впрочемъ, въ данную минуту, быть можетъ, запасовъ-бы и хватило угостить какъ слѣдуетъ дорогихъ гостей, но какъ потомъ пробиться всю зиму? Призадумался старый хозяинъ надъ этимъ вопросомъ, но, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что, если-бы пришлось ему даже остаться безъ единой крупинки хлѣба—все-же гостей слѣдуетъ угостить на-славу.

У воротъ своего дома принималъ онъ съ веселымъ лицемъ поздравленія всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему.

Старшіе, оставивъ слугъ отдыхать среди поля, одинъ за другимъ являлись привѣтствовать сына Кошычка. Прибыли тоже и Мышки, во главѣ которыхъ виднѣлся Мышко—Кровавая Шея.

— Хорошая для тебя примѣта,—воскликнулъ онъ, поздравляя Пяста,—что въ этакій день начинаемъ бороться съ нѣмецкой неволей. Это значитъ, что сынъ твой дождется того блаженнаго времени, когда у насъ водворятся снова старинные наши порядки и возлюбленная свобода!..

Затѣмъ, всѣ начали другъ съ другомъ здороваться, и прибывшимъ еще наканунѣ чужеземнымъ гостямъ съ охотою предоставили самое почетное мѣсто. Всѣ сдѣлали это по единодушному побужденію, узнавъ, что чужеземцы— ихъ братья, говорящіе однимъ съ ними нарѣчіемъ. Хозяинъ немедленно велѣлъ разставлять столы на дворѣ, въ тѣни деревьевъ, на столахъ наставили мяса, хлѣба, праздничныхъ каравзевъ и калачей, а рядомъ боченки съ медомъ и пивомъ и всѣ, какія только нашлись чарки и черпаки.

Пока продолжался съѣздъ, гости прибывшіе раньше усѣлись за столъ и вели разговоры. Одинъ изъ прибывшихъ вчера чужеземцевъ убѣждалъ всѣхъ, что поляне, ради общаго дѣла—огражденія націи отъ нѣметчины, стремящейся къ истребленію славянства, должны-бы соединиться съ чехами и моравами. Со стороны нѣмцевъ славянамъ угрожала опасность, съ которою можно бороться лишь общими силами.

На это Мышки сказали:

— Дайте сначала вырвать съ корнемъ то зло, что глубоко у насъ засѣло, а тамъ ужъ подумаемъ, какъ намъ быть и что предпринять.

Около полудня—домъ, дворъ и сосѣдній лужокъ оказались переполненными народомъ: все это были гости Пяста. Наступило время свершить обрядъ постриженія. Обыкновенно, въ семьѣ, мѣсто жреца занимаетъ глава дома—отецъ; онъ же приносилъ и жертвы богамъ.

Достигнувъ семилѣтняго возраста, сыновья изъ-подъ материнскаго надзора переходили на отцовское попеченіе, начинали приготовляться къ будущей дѣятельности воиновъ или земледѣльцевъ. Чаще всего отдавали ихъ на воспитаніе дядямъ или старшимъ ихъ братьямъ, какъ это и донынѣ ведется у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ; предполагалось, съ одной стороны, что отецъ недостаточно строго относится къ сыну, а съ другой—что строгость родителя могла-бы уменьшить, а въ крайности и разстроить

тѣ чувства любви и взаимнаго уваженія, безъ которыхъ семейныя отношенія не мыслимы.

Тутъ-же, почти у самыхъ столовъ, на скорую руку изъ простыхъ досокъ, сколоченныхъ и покрытыхъ узорно-шитыми полотенцами, находился родникъ, почитавшійся священнымъ, и большой камень для приношенія жертвъ.

Когда всѣ гости собрались, мать привела сына своего, семилѣтняго мальчика, въ бѣлой одеждѣ, съ длинными волосами, которыхъ еще никогда ножницы не касались, и съ плачемъ вручила его отцу.

Пястъ, стоя у камня, приготовлялся къ принятію сына. Когда мальчикъ припалъ къ отцовскимъ ногамъ, старикъ наклонился, приподнялъ его, расцѣловалъ и спрыснулъ водою изъ родника. Потомъ заранѣе приготовленными ножницами, Пястъ обрѣзалъ сыну пучокъ волосъ надо лбомъ и передалъ ножницы гостямъ и старшинамъ; каждый изъ нихъ обязывался поочереди обрѣзывать мальчику по пряди волосъ. На случай, чтобы обрѣзки ихъ, какъ-нибудь, не попали въ огонь, что считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, ихъ бережно собрали и зарыли въ землю около камня.

Наступила очередь дать мальчику имя, до сихъ поръ онъ просто былъ „сыномъ Пяста“. Исполненіе этой обрядности старикъ-отецъ просилъ младшаго чужеземца взять на себя.

Чужеземецъ поднялся съ мѣста и проговорилъ:

— Если желаешь, чтобы я далъ ему имя, то попрошу у тебя позволить совершить этотъ обрядъ такъ, какъ его совершаютъ у насъ... Я долженъ благословить твоего сына... Богъ, Которому поклоняются моравы и чехи,—дѣти одного съ вами „слова“—Богъ всѣхъ насъ и всѣхъ людей... Во имя Его, во имя Сына и Духа Святаго, я крещу отрока и даю ему имя Земовида... Да узритъ онъ свою родину спокойною и счастливою!..

Послѣ этихъ словъ, чужеземецъ, обмокнувъ въ ключевой водѣ два пальца, сдѣлалъ ими на лбу мальчика какой-то таинственный знакъ.

Пястъ, которому данное имя очень понравилось, отъ души поблагодарилъ добраго чужеземнаго гостя и при этомъ желалъ подарить ему что-либо на память; тотъ на-отрѣзъ отказался, сказавъ, что какъ онъ, такъ и товарищъ его поклялись

всю жизнь не имѣть ничего лишняго. Послѣ того, оба они отошли въ сторону, не желая мѣшать старшинамъ открыть совѣщаніе о средствахъ къ войнѣ, такъ сильно всѣхъ безпокоившей. Взоры присутствующихъ невольно къ себѣ приковывалъ силуэтъ темной башни надъ озеромъ и Мышко Кровавая-Шея, смотря на нее, воскликнулъ:

— Уничтожимъ это гнѣздо проклятое! Пусть осада продлится не одинъ—десять мѣсяцевъ, а ужъ гибели-то ему избѣжать не придется!..

— Такъ-то такъ,—замѣтилъ Стиборъ:—но ты, кажется, забываешь, что вѣдь живъ еще и Милошъ со своимъ отродьемъ, а они той-же крови! Да у нѣмцевъ—два княжескихъ сына воспитываются, что отосланы матерью къ дѣду... Какъ пожалуютъ птенчики съ нѣмцами, да наслѣдства потребуютъ—гдѣ тутъ мѣсяцемъ ограничиться, тутъ войну-то считай годами!.. Еслибъ Хвостекъ одинъ...

— Ну, Милоша-то, старика горемъ пришибленнаго, бояться намъ нечего!.. Тотъ какъ дома засядетъ, такъ и съ мѣста не тронется!.. А вотъ съ нѣмцами... дѣло другое!.. Съ ними сцѣпишься—не развяжешься!..

Подобныя предсказанія о продолжительности войны никому не пришлись по вкусу. Каждый вздохнулъ—война отрывала его отъ родного угла, неумолимымъ серпомъ косила людей, нарушала спокойствіе, заставляла браться за оружіе тѣхъ, кто привыкъ лишь обработывать землю. Но исхода другого не было! Весь народъ проникся твердымъ намѣреніемъ не отдыхать до тѣхъ поръ, пока не вернетъ своихъ старыхъ порядковъ и обычаевъ предковъ.

Вдругъ, въ то время какъ старики еще совѣщались, со стороны лѣса грянула хоровая обрядная пѣсня: то женщины и дѣвушки пѣли въ сосѣдней рощѣ. Всѣ умолкли, прислушиваясь къ роднымъ звукамъ.

Это была старинная пѣсня, до того старая, что тогдашняя молодежь только кое-что изъ нея понимала. Въ ней пѣлось о старыхъ, забытыхъ богахъ, о жертвахъ, какихъ уже приносить не умѣютъ... Въ ней было воззваніе къ ясному солнышку, чтобы оно ниспослало счастливый лучъ на голову постриженнаго отрока; къ росѣ—чтобы она окропила его и тѣмъ помогла ему вырости; къ

водѣ—чтобъ влила въ него силу и мужество; къ землѣ—чтобы юноша росъ какъ дубъ, блисталъ—какъ звѣзда, чтобъ нападалъ на враговъ—какъ орелъ... Далѣе пѣсня гнала черныхъ злыхъ духовъ и все худое отъ постриженнаго; по временамъ слышались возгласы „Ладо! Ладо!“,—причемъ мѣрно ударяли въ ладоши. Мать, по обычаю, принесла вѣнокъ, свитый изъ травъ, дающихъ здоровье и счастье, и украсила имъ голову своего любимца.

Едва замерли въ воздухѣ послѣдніе звуки той пѣсни, сейчасъ-же возобновились другія съ болѣе веселымъ напѣвомъ. Наконецъ, отецъ поднялся съ мѣста, взялъ за руку сына и просилъ всѣхъ за нимъ послѣдовать—помолиться и принести жертву на могилахъ отцовъ. Когда стали отыскивать чужеземцевъ, чтобы дать имъ почетное мѣсто въ шествіи—ихъ не нашли. Они куда-то исчезли, оставивъ въ избѣ на столѣ подарокъ для Земовида—блестящій золотой крестикъ. Послѣ напрасныхъ розысковъ, Пястъ, во главѣ всѣхъ присутствующихъ, отправился на могилы предковъ.

По самой срединѣ кладбища возвышались могилы Кошычка, дѣдовъ и прадѣдовъ Пяста. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ была фамильная усыпальница. Кое-кто изъ гостей выливалъ на могилы принесенное въ чаркахъ вино, а женщины, присутствуя въ нѣкоторомъ отдаленіи, пѣли обрядовую пѣснь. До поздней ночи праздновалось торжество постриженія, прибывали все новые гости...Ужъ звѣзды зажглись на небѣ, когда послѣдній изъ пировавшихъ простился съ радушнымъ хозяиномъ, уходя изъ его гостепріимнаго дома.

Пястъ присѣлъ отдохнуть на крыльцѣ. У порога стояла Ржепица.

— Сердце твое, конечно, радуется,—сказалъ ей Пястъ,—что судьба ниспослала нашему сыну столь знаменательное начало жизни, дала намъ принять у себя столько гостей, сколькихъ никогда не видѣла наша хижина?

— Господинъ мой,—отвѣчала Ржепица:—и радуется оно, и печалится одновременно... Зайди въ амбаръ посмотрѣть... У насъ ничего почти не осталось... Муки хватитъ еще на нѣсколько дней, а дальше-то что?

Хозяинъ улыбнулся.

— Того, что потрачено на гостей, жалѣть нечего! Старинное преданье гласитъ, что такія траты вернутся сторицею!.. Лишь-бы война миновала!..

И невольно ихъ взглядъ устремился въ сторону Гопла. На башнѣ пылалъ огонь, а около замка, куда глазомъ ни кинь, расположились лагеремъ кметы.

XX.

Мы принуждены вернуться теперь къ совершившемуся за нѣсколько времени до того момента, какъ Мышко велѣлъ зажечь условленные огни.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, обыкновенно, желавшіе посѣтить храмъ Ніолы путники должны были нанимать лодку, переправлявшую ихъ на островъ, на пригоркѣ, у самаго озера, стояло нѣсколько хижинъ; изъ нихъ какъ внѣшностью, такъ и относительной прочностью постройки, отличалась хижина гончара Мирша. Самого Мирша и его хижину хорошо знали всѣ не только сосѣди, но и живущіе въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, такъ-какъ кметы ни у кого другого не покупали горшковъ, мисокъ и всякихъ иныхъ издѣлій изъ глины. Еще отецъ Мирша, дѣдъ и прадѣдъ его занимались тѣмъ ремесломъ; особенно красиво выдѣлывалъ онъ жертвенные горшки, что впрочемъ нисколько не было удивительнымъ, въ виду того, что весь родъ его, съ давнихъ временъ, исключительно занимался лѣпкою горшковъ. Миршъ былъ человѣкомъ чрезвычайно богатымъ, богаче иного кмета, и всѣ говорили о немъ, что онъ давно могъ-бы бросить свое ремесло, потому-что всего было у него вдоволь. Миршъ, однако, не бросалъ своего ремесла; онъ любилъ его и гордился имъ. Не въ одной, такъ въ другой печи, но всегда у него пылалъ огонь; онъ не понималъ, чтобы возможно было даромъ время терять. Кромѣ хижины, въ которой жилъ самъ старикъ и которая была полна всякаго добра, у Мирша былъ еще и большой сарай. Вмѣстѣ съ главою семейства жилъ его сынъ, какъ и отецъ называвшійся Миршомъ. Кромѣ него была еще младшая дочь Миля; старшія уже оставили отчій домъ.

Жены старика Мирша поумирали давно, а было ихъ двѣ; послѣ такой утраты онъ ужъ не захотѣлъ вторично жениться, хотя осуществить это ему было легко: богатый, ласковый въ об-

хожденіи,—всякая женщина съ радостью согласилась-бы стать женою такого мужа.

Однажды,—а происходило это раньше, чѣмъ кметы возстали на князя, какъ-то недолго послѣ Купалова дня—старикъ сидѣлъ на привычномъ мѣстѣ, скрестивъ на груди руки и съ любовью посматривалъ на свою печь. Мимо него проходили люди, отправлявшіеся на Ледницу. Нѣкоторые ему кланялись, а другіе, лишь посмотрѣвъ на него, молча продолжали свой путь.

Солнце свѣтило ярко, пчелы и мухи жужжали въ воздухѣ, вѣтеръ стихъ, зеркальная поверхность спокойнаго озера была такъ ослѣпительна, что трудно было глядѣть на нее.

Вдругъ нѣсколько всадниковъ, подскакавъ къ берегу, остановились почти у самаго Мирша. Старикъ со вниманіемъ разсматривалъ пріѣзжихъ—людей, лошадей,—словомъ, все; такая ужъ у него была привычка—тщательно изслѣдовать то, что на глаза навернулось. Впереди всѣхъ стоялъ кметъ, богато одѣтый, за нимъ нѣсколько слугъ. Когда онъ сходилъ съ лошади, слуги почтительно подбѣжали помочь ему принять коня. Ни одной лодки не было замѣтно у берега—пришлось подождать. Слуги начали звать рыбака, но онъ былъ еще далеко, хотя, услышавъ ихъ, видимо сталъ торопиться.

Пріѣзжій кметъ подошелъ къ Миршу съ привѣтствіемъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, старикъ?—спросилъ пріѣзжій.

— А ты?—былъ отвѣтъ.

— Я на Ледницу собираюсь, въ храмъ...

— А мнѣ и храма не нужно, для меня всюду есть духи—отвѣтилъ старикъ.—Ты, жупанъ, изъ далекихъ мѣстъ?

Спрошенный указалъ рукою на лѣсъ по ту сторону озера.

— Я Доманъ,—сказалъ онъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него и прибавилъ:

— А я гончаръ Миршъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Вы, кажись, разорили башню надъ озеромъ и князя поколотили?—спросилъ, наконецъ, Миршъ.—Вы, что-то, какъ слышно, на него, а онъ на васъ, зубы острите?

— Пока еще нѣтъ,—отвѣтилъ Доманъ.

— И думаете остаться безъ князя? —продолжалъ старикъ.— Пчелы, и тѣ безъ матки въ ульѣ и дня не проживутъ...

— Вѣрно,—согласился Доманъ.—Но мы одного выгонимъ, а другого поставимъ, лишь бы было согласіе.

— Согласіе! Да!..—замѣтилъ Миршъ—Нужно, чтобы вы съумѣли его устроить... Дѣлайте вотъ, какъ я дѣлаю: глина одна распадается, а съ прибавкою къ ней воды можно сдѣлать горшокъ. Вотъ вы и поищите-ка воды этой самой...

Доманъ не отвѣтилъ на это. Миршъ ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Тронете съ мѣста Хвоста и выйдетъ бѣда... Онъ наведетъ вамъ нѣмцевъ, поморцевъ...

— Прогонимъ ихъ!

— Да! Когда вамъ поля разорятъ, а мнѣ горшки перебьютъ!— замѣтилъ Миршъ, усмѣхаясь.

Затѣмъ, онъ встряхнулъ головою и сталъ безцѣльно смотрѣть на озеро.

Въ эту минуту лодка причалила къ берегу. Доманъ подошелъ къ ней.

— Это ты такъ-то въ храмъ — безъ всякаго дара? удивился Миршъ.

— Хочется тебѣ, чтобы я горшокъ купилъ!—сказалъ Доманъ.

— Мнѣ этого вовсе не нужно, а тебѣ пригодилось-бы, — замѣтилъ Миршъ.

— Но ты вѣдь ихъ даромъ не отдаешь?

— Иногда,—загадочно отвѣчалъ старикъ и ударилъ въ ладоши.—Сегодня такой ужъ день, я дамъ тебѣ даромъ горшки, только поставь ихъ передъ Ніолою...

На зовъ старика явился сынъ его, уже пожилой человѣкъ, который безъ словъ, по движенію лишь руки старика, понялъ, что ему нужно было. Немного спустя онъ вынесъ изъ сарая нѣсколько большихъ сосудовъ, которые и отдалъ Доману.

Въ тѣ времена, поляне были уже знакомы съ употребленіемъ денегъ, хотя ихъ сами не дѣлали. Деньги съ давнихъ поръ приносили и привозили къ нимъ тѣ, что, слѣдуя по окраинамъ полянской земли съ юго-запада, пріѣзжали за янтаремъ. Римскія, греческія и арабскія деньги тоже встрѣчались здѣсь въ обращеніи. Доманъ, имѣя при себѣ нѣсколько такихъ серебряныхъ

знаковъ, хотѣлъ одинъ изъ нихъ дать Миршу, но старикъ отказался.

— Поставь это отъ моего имени, — сказалъ онъ и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Доманъ вошелъ въ лодку; полунагой перевощикъ, весь обросшій волосами, взялся за весла; напѣвая какую-то пѣсенку, онъ отчалилъ отъ берега.

У священнаго огня въ храмѣ Ніолы сидѣла Дива. Здѣсь, несмотря на невыносимую жару на дворѣ, было прохладно. Огонь горѣлъ слабымъ пламенемъ. Легкая струйка дыма прямо возносилась подъ крышу, и тамъ, черезъ отверстіе, выходила наружу. На камняхъ, вкругъ жертвенника, сидѣли три женщины. Двѣ изъ нихъ спали, третья поддерживала огонь. Эта третья—была Дива.

Въ вѣнкѣ, окутанная прозрачною бѣлою тканью, съ волосами небрежно распущенными — Дива, среди полумрака ее окружавшаго, казалась видѣніемъ.

Въ храмѣ, кромѣ трехъ женщинъ, никого больше не было.

Дива неподвижно сидѣла; она мечтала о прошломъ... Вдругъ занавѣсъ, тихо шурша, приподнялся... Дива обернулась на шорохъ, вскрикнула и упала безъ чувствъ.

У входа стоялъ убитый ею Доманъ. Дивѣ представилось, что духъ его снова вернулся на землю.

Двѣ спящія жрицы проснулись, но не могли сразу понять происшедшаго. Доманъ, между тѣмъ, подбѣжалъ къ красавицѣ, поднялъ ее съ земли и держалъ на рукахъ.

Дива открыла глаза и сейчасъ-же закрыла ихъ, всѣми силами стараясь освободиться изъ рукъ Домана. Она теперь убѣдилась, что Доманъ живъ, но боялась, что онъ пришелъ отомстить ей даже у жертвенника.

Дива вскрикнула—Доманъ отступилъ и остановился въ самомъ темномъ углу. Проснувшіяся женщины подкладывали лучины въ костеръ; огонь освѣтилъ внутренность храма. Дива не могла оторвать глазъ отъ стоящаго у входа Домана.

— Не опасайся меня,—проговорилъ онъ:—я ничего дурного не сдѣлаю; мнѣ мести не нужно! Я хотѣлъ тебя видѣть и убѣдить, что я живъ. Для этого только я и пришелъ...

— Выйди отсюда, умоляю тебя, — произнесла Дива, подни-

малась съ земли.—Я вслѣдъ за тобою сейчасъ приду, скажу тебѣ все—я не виновна!..

Доманъ, послушный ея мольбѣ, вышелъ; занавѣсъ, зашуршавъ, опустился. Дива напилась воды изъ священнаго родника и медленно вышла изъ храма.

Неподалеку, за вторымъ заборомъ, стоялъ Доманъ. Она примѣтила его издали. Онъ былъ еще блѣденъ, но жгучая страсть по-прежнему искрилась въ его глазахъ.

Дива съ робостью подошла къ нему.

— Ты можешь меня убить,—сказала она.—Я защищаться не буду. Я не могла жить съ тобою... Я дала клятву богамъ и духамъ...

Доманъ грустно смотрѣлъ на нее: она казалась ему теперь еще красивѣе прежней Дивы, которую силою хотѣлъ онъ заставить отдаться ему...

— Дива,—обратился онъ къ ней:—подобная жизнь равняется смерти, а боги и духи...

Онъ побоялся докончить.

— Что за жизнь безъ людей?—продолжалъ онъ:—у меня ты нашла-бы другую жизнь: домъ, семью, защиту, все, все, что только-бы вздумала пожелать... Кто запретилъ-бы тебѣ приносить жертву богамъ и у ключа, иль на распутьи бесѣдовать съ духами?..

— Духи также ревнивы, какъ и люди,—отвѣтила Дива, всматриваясь съ оттѣнкомъ тревоги въ лицо Домана: — духамъ и людямъ вмѣстѣ служить нельзя... Вѣнокъ мой принадлежитъ первымъ...

Доманъ хотѣлъ приблизиться къ ней,—она отступила... Человѣкъ, стоявшій предъ нею, говорившій съ нею безъ злобы, человѣкъ, котораго она хотѣла убить, возбуждалъ въ ней странныя чувства: боязнь, сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ—состраданіе.

— Прости мнѣ поступокъ мой, — говорила она: — я тогда не знала, что дѣлала... я защищалась!.. Если хочешь мнѣ отомстить, бери мечъ и убей меня... только такъ, чтобъ не мучиться... Но прости и братьямъ моимъ и всѣмъ моимъ родственникамъ... Смерти я не боюсь! Вмѣстѣ съ духами буду я странствовать по вѣчно зеленымъ лѣсамъ и лугамъ...

Доманъ пожалъ плечами.

— Дива!—сказалъ онъ. — Неужели-жъ ты думаешь, что я въ состояніи поднять на тебя руку, я—готовый вторично рѣшиться силою увезти тебя, увезти хотя-бы изъ храма Ніолы, хотя-бы мнѣ снова нанесены были раны, но только-бы обладать тобою!..

Дива покраснѣла.

— Это невозможно,—проговорила она тихимъ голосомъ,—это невозможно...

— Мнѣ жаль тебя,—продолжалъ Доманъ:—другой я любить не могу. Знаешь, я подкрадывался къ вашему дому, старался увидѣть твою сестру... Я ее видѣлъ, когда она выходила на дворъ хлопотать по хозяйству; она, безспорно, красива, мила, но такими наполненъ свѣтъ... Я такихъ не хочу!

Пока Доманъ говорилъ, Дива все время смотрѣла ему въ глаза, безсознательно повторяя:

— Нѣтъ, невозможно! Этому не бывать!..

Онъ продолжалъ нашептывать Дивѣ свои тихія жалобы; она дѣлала видъ, что и слушать его не хочетъ, въ сердцѣ-же ея произошла странная, непонятная перемѣна. Что-то влекло красавицу къ этому человѣку, быть можетъ, именно то, что она едва его не убила. Она и сама не знала, что съ нею дѣлалось, кромѣ развѣ того, что инстинктивно она боялась мести ревнивыхъ духовъ.

Несмотря, однако, на такую опасность, что-то продолжало тянуть ее къ Доману; приковывали къ нему Диву и сѣрые выразительные глаза его, и ласковый голосъ, и та доброта, ради которой онъ давно ужъ оставилъ мысль отомстить ей или ея братьямъ.

Дива краснѣла, опускала глаза... Она охотно-бы убѣжала и въ то-же время чувствовала, что сдѣлать не въ состояніи. Она стояла какъ пригвожденная къ землѣ — вся подъ вліяніемъ взоровъ Домана. Ею овладѣлъ страхъ; бѣдная не могла даже говорить.

— Прошу, уходи отсюда, оставь меня,—проговорила она наконецъ съ трудомъ,—уходи и не возвращайся!..

— А если-бы я вернулся?—спросилъ Доманъ.

Дива смотрѣла внизъ и не отвѣчала.

— Ты-же сама говорила,—прибавилъ онъ,—что я имѣю право отнять у тебя жизнь... Да, я-бы могъ отомстить тебѣ, братьямъ

твоимъ, твоему роду, — однако возможностью этой я не воспользовался!

— Убей меня!—повторила Дива.

— Жаль было-бы погубить такое очаровательное созданіе, — отвѣтилъ Доманъ, улыбаясь: — нѣтъ, нѣтъ! Но, если когда-либо я вернусь сюда, если попрошу хоть взглянуть на тебя — позволятъ-ли мнѣ?..

Дива вздрогнула, вся покраснѣла, закрыла лицо платкомъ и вмигъ убѣжала къ священному огню.

Долгимъ взглядомъ провожалъ ее Доманъ, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, словно не въ силахъ былъ двинуться; наконецъ, повернулся и пошелъ бродить по острову.

Старуха, сторожившая главный храмовой входъ, указала Доману, гдѣ живетъ Визунъ. Старикъ сидѣлъ у дверей своей хижины и кормилъ голубей, которые то кружились вокругъ него, то спускались на землю. Увидя приближавшагося къ нему Домана, старикъ съ раскрытыми объятіями подбѣжалъ къ нему.

— Такъ я и зналъ!—воскликнулъ онъ съ радостью.—Не погибъ ты отъ женской руки!

Доманъ смѣясь растегнулъ рубаху и показалъ на груди широкую, еще не зажившую рану.

— А, проклятая волчиха!—сказалъ старикъ, обнимая Гомана.— Сколько у нея силы! А знаешь, она вѣдь здѣсь? Что-жъ, отомстить ей хочешь?

— Я ее видѣлъ,—отвѣтилъ Доманъ:—говорилъ даже съ нею; о мести-же я и не думаю. Я Диву люблю до сихъ поръ, несмотря на то, что она меня знать не хочетъ. Она говоритъ, что принесла себя въ жертву духамъ.

— Найдешь другую, объ этой забудешь... Взять ее силой отсюда нельзя, — продолжалъ Визунъ. — Всѣ онѣ на одинъ покрой: цвѣтутъ пока молоды, а состарятся—по шипамъ только и вспомнишь о цвѣтѣ... Избери другую... Женщина, конечно, нужна, безъ женщины человѣку обойтись невозможно...

— Отецъ мой,—отвѣтилъ Доманъ,—не сердись на меня, другія женщины мнѣ не нравятся...

— Попробуй сперва, — убѣждалъ Визунъ: — тамъ увидишь!.. Молодежь вѣчно возится со страстью, не зная, какъ скоро она

исчезаетъ... Ты до тѣхъ поръ объ этой не перестанешь думать, пока не подвернется тебѣ другая!..

Какъ ни оспаривалъ Доманъ подобные доводы, старикъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, послѣ цѣлаго дня бесѣды, прогулокъ по острову, они обнялись и разстались. Доманъ сѣлъ въ лодку, чтобъ переправиться на другой берегъ. Тамъ онъ засталъ стараго Мирша, на прежнемъ мѣстѣ, подъ деревомъ.

Миршъ, замѣтивъ выходившаго на берегъ изъ лодки Домана, удивился его возвращенію. Доманъ подошелъ къ нему.

— Эй, старикъ, — обратился Доманъ къ Миршу: — нельзя-ли чѣмъ подкрѣпить свои силы и переночевать у тебя?

— Какъ отказать?—сказалъ старикъ.—Хотя-бы ты и не былъ кметомъ или жупаномъ, хижина вѣдь для того, чтобы гостей принимать... Пойдемъ.

И оба вошли въ избу.

Какъ-разъ въ это время сбирали ужинъ и дочь Мирши—Миля высматривала въ окно, не идетъ-ли отецъ. Доманъ увидѣлъ передъ собою такую красавицу, что просто не могъ оторвать глазъ отъ нея. Миля была дѣвушка избалованная; она любила наряды, рѣдко занималась хозяйствомъ — развѣ по необходимости; все ея занятіе ограничивалось вышиваньемъ полотенецъ красными нитками, да изрѣдка прялкою. Дѣвушка знала о томъ, что хороша собою.

Взгляды Домана и Миршовой дочери встрѣтились. Какъ-то оно такъ случилось, что оба одновременно покраснѣли. Милѣ понравился красавецъ жупанъ или кметъ, а ему подумалось, что Миля замѣчательно хороша собою—и не ей-ли суждено, какъ хотѣлось Визуну, излѣчить Домана отъ его страсти?

Доманъ и Миршъ вошли въ хижину. Столъ, покрытый бѣлыми полотенцами, занималъ середину покоя. Миля прислуживала сама; она приносила миски и кружки и каждый разъ, какъ входила, не могла удержаться, чтобъ исподтишка не взглянуть на гостя. Этотъ тоже въ долгу не остался. Разъ даже Миля улыбнулась, показавъ изъ-за полуоткрытыхъ пунцовыхъ губокъ два ряда бѣлыхъ зубовъ. Миля всегда и въ будни была разряжена; на пальцахъ у нея блестѣли серебряныя кольца, нѣкоторыя украшенныя дорогими камнями; платье было застегнуто красивою пуговицею, въ ушахъ

кольца, въ волосахъ булавки, на головѣ вѣнокъ, въ глазахъ слёзы и веселье—вотъ украшенія Мили.

— Встрѣться я съ нею раньше,—думалъ про себя Доманъ:— можетъ быть, и рѣшился-бы взять ее въ жены.

Ужиная, мужчины оживленно болтали. Когда ужъ не надо было ни кушанья приносить, ни убирать со стола, молоденькая хозяйка ушла въ смежный покой и оттуда, стоя у полуоткрытой двери, на случай отецъ позоветъ, любовалась на молодого гостя.

— Эхъ, взялъ-бы ты меня,—говорили ея шаловливые глазки:— я-бы не противилась долго!..

Совершенно уже стемнѣло, когда Доманъ отправился въ сарай, гдѣ для него была приготовлена постель. Миршъ позвалъ къ себѣ дочь и пригрозилъ ей:

— Эй, ты стрекоза, — что тебѣ вздумалось улыбаться эдакимъ людямъ! Онъ не изъ тѣхъ, что горшки лѣпятъ, а изъ тѣхъ, что ихъ бьютъ... Тебѣ онъ не пара...

— Да я не глядѣла на него.

— Неправда; только все-же онъ не для тебя. Такихъ, какъ ты, дома-то у него почитай шесть на выборъ; иль захотѣлось седьмою быть?

Миля нахмурилась. Отецъ прибавилъ:

— А завтра утромъ, какъ будетъ онъ уѣзжать, смотри, чтобъ тебя здѣсь не было, слышишь.

На слѣдующій день Доманъ всталъ очень рано; лошади стояли на-готовѣ; онъ присѣлъ на скамью.

— Что-то не хочется ѣхать... Жара будетъ сегодня!..

— Подожди осени, дождешься ненастья,—возразилъ Миршъ:— я-же тебя не гоню?..

Не отвѣтивъ ни словомъ, Доманъ медленно подошелъ къ водѣ. Лодки стояли у берега... Словно въ раздумьи сѣлъ онъ въ лодку и поѣхалъ на Ледницу.

Миля замѣтила, когда Доманъ вышелъ. Она подбѣжала къ забору и смотрѣла въ щель на уходящаго гостя. Отецъ, наблюдавшій за дочерью, разсердился, но промолчалъ... Лодка была уже далеко...

Въ храмѣ Ніолы сидѣла Дива у священнаго пламени... Отъ него, казалось, не могъ оторваться томный взглядъ ея глазъ...

Кромѣ него она ничего не видѣла... Между тѣмъ, храмъ былъ полонъ... Глухой гулъ раздавался подъ его сводами... Старый гусляръ ворожилъ, принимая пожертвованія... Сѣдовласая знахарка раздавала травы.

Занавѣсъ приподнялся... Доманъ стоялъ передъ Дивою Вся покраснѣвъ, она отвернула голову и еще пристальнѣе стала смотрѣть на огонь. Доманъ не двигался: онъ разсматривалъ обстановку, окружавшую Диву.

По прошествіи нѣкотораго времени Дивѣ пришло на умъ, что ей непремѣнно слѣдуетъ еще разъ подтвердить Доману о томъ, чтобы онъ больше не возвращался. Поднявшись съ мѣста, она вышла изъ храма. Доманъ послѣдовалъ за нею, и они встрѣтились въ уединенномъ мѣстѣ, между оградами храма. Кругомъ никого не было... Внезапно Доманъ обхватилъ ее сильными руками и крѣпко поцѣловалъ въ лицо и губы. Дива вскрикнула, набросивъ на лицо покрывало... Когда она рѣшилась поднять его — Домана уже не было.

Онъ убѣжалъ. Раздраженная дѣвушка поспѣшила вернуться въ храмъ, чтобы сейчасъ-же вымыть лицо священной водою, но поцѣлуй горѣлъ на ея губахъ, несмотря ни на что... Чѣмъ крѣпче она вытиралась, тѣмъ сильнѣе сказывалось жгучее ощущеніе!.. Слезы брызнули у нея изъ глазъ...

Дива бросила взглядъ на мрачный истуканъ богини Ніолы... Красные глаза его сердито уставились на дѣвушку... Казалось, они обѣщали ей месть за поруганные обѣты... Огонь въ священномъ кострѣ еле мерцалъ. Дива подбросила дровъ... Посторонніе начали выходить изъ храма, напѣвая пѣсню о Ладѣ и Ніолѣ..

Вслѣдъ за другими вышла изъ храма и Дива; вполнѣ безотчетно начала она пѣть... Пѣла она какую-то пѣсню, слышанную ею еще въ дѣтствѣ.

Доманъ, между тѣмъ, бродилъ по острову... Онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ собою, куда идти—домой-ли, къ Миршу-ли, или здѣсь оставаться... Ему было какъ-то не по себѣ...

Неожиданно встрѣтился съ нимъ Визунъ.

— Ты еще здѣсь?—спросилъ послѣдній.

— И самъ не знаю, какъ я опять попалъ на островъ,—отвѣтилъ Доманъ.

— Гдѣ-же ты ночевалъ?

— У гончара, у котораго дочь красавица...

— Такъ и бери ее, а за нашей, что даромъ ухаживать-то! Она вѣдь тебя отвергла!..

— Кто ихъ тамъ разберетъ... А какъ и новая вдругъ не захочетъ?..

— Дочь гончара-то не захочетъ имѣть мужемъ жупана? — улыбнулся Визунъ.—Однако ужъ вечеръ, возвращайся къ Миршу... Такъ оно хорошо и выйдетъ!..

Доманъ зѣвнулъ, выказалъ-было нерѣшительность, но махнулъ рукою и направился къ лодкѣ. Сидя въ лодкѣ, онъ думалъ:

— Старикъ знаетъ, что надо дѣлать. Лучше сразу ужъ... что толку-то эдакъ мучиться...

Миршъ, какъ всегда, отдыхалъ подъ любимымъ деревомъ.

— За весь день только и было пищи у меня во рту, что древесные листья,—сказалъ Доманъ Миршу, здороваясь съ нимъ.— Голоденъ, какъ собака. Сжалься надо мной и сегодня, я тебѣ дамъ медвѣжью шкуру... Будешь на ней отдыхать, словно князь!..

— Шкуру оставь себѣ, сѣно лучше вашихъ шкуръ,—отвѣтилъ старикъ:—а въ хату зайти—милости просимъ!

При этихъ словахъ старилъ указалъ рукою по направленію къ жилищу.

Миля уже давно, еще когда Доманъ плылъ въ лодкѣ, узнала его... Она радостно захлопала въ ладоши, привела въ порядокъ свою одежду, пригладила волосы—все это съ цѣлью привлечь на себя вниманіе Домана.

— Отецъ говоритъ, что у него цѣлыхъ шесть женщинъ,— разсуждала она про себя.—Такъ что-жъ? Я заставлю его меня лучше всѣхъ полюбить. Выгоню всѣхъ. Развѣ Не молода я? Иль не красива?.. Эй, верхомъ на лошади, въ черномъ колпачкѣ, съ цѣпочками на груди и на плечахъ—это я, жупанова жена! Кланяйтесь своей госпожѣ!

Она вбѣжала въ свѣтлицу—еще никого не было... Снова вернулась къ себѣ...

— Ахъ, какъ я на него взгляну, какъ взгляну!.. Онъ долженъ будетъ взять меня за себя! Эй цвѣтки, мои цвѣтки... Былъ-бы у

меня любчиковъ цвѣтъ, я бы ему непремѣнно дала напиться... Онъ-бы и она лишился, ѣсть пересталъ, обо мнѣ думаючи!..

Она еще не кончила этихъ словъ, какъ тутъ-же послышалось пѣніе... Миля поспѣшила къ окну... По дорогѣ отъ озера плелась Яруха, вѣдунья, знавшая всѣ приворотныя травы...

Миля выбѣжала на встрѣчу старухѣ и начала звать ее къ себѣ.

— Э, э!—смѣялась старуха.—Вотъ оно счастье какое, что понадобилась я такой раскрасавицѣ!

Яруха присѣла къ забору. Миля зардѣлась, закрывая лицо передникомъ.

— Дорогая Яруха,—шепнула она вѣдуньѣ: — ты все вѣдь знаешь, правда?..

— Ой, ой! Какъ не знать?—отвѣчала старуха, пристально всматриваясь въ красавицу.—Голубка ты моя! Все я знаю, даже и то, что хочется тебѣ сильно красавца-парня!

Миля пуще зардѣлась и, наклонившись къ Ярухѣ, шепнула ей на ухо:

— Дай любчика!.. Что хочешь тебѣ отдамъ...

— Тебѣ-то!—смѣялась старуха.—Да, ты сама любчикъ... Кто-бы не захотѣлъ тебя полюбить, будь онъ хоть князь!.. Развѣ слѣпой?..

— Дай мнѣ, дай что прошу у тебя!—повторяла Миля, отрывая серебряную пуговку отъ рубашки и суя ее въ руку старухѣ. Яруха стала развязывать узелъ свой и перебирать травы, которыя всегда были у ней. Миля, дрожа всѣмъ тѣломъ, робко оглядываясь по сторонамъ, съ нетерпѣніемъ ждала.

Какую-то высохшую траву Яруха подала дѣвушкѣ.

— Сдѣлай изъ этого порошокъ и дай ему въ чемъ-нибудь его выпить, а какъ станетъ пить, то смотри ему прямо въ глаза, да не смѣй моргать! Разъ сморгнешь—все пропадетъ...

Добившись желаемаго, Миля скрылась... Едва успѣла она вбѣжать въ хату и бросить наскоро измельченную траву въ чарку, предназначавшуюся для гостя, какъ Миршъ и Доманъ вошли въ свѣтлицу.

Отецъ велѣлъ подать ужинъ—Миля немедленно исполнила его приказаніе. Доманъ не говорилъ ни слова; онъ сидѣлъ у стола,

подперевъ голову рукою... Хозяинъ налилъ меду въ одну изъ чарокъ...

Миля думала про себя:

— Пускай отецъ сердится! Хотя-бы и ударилъ, такъ что-жъ?..— Она подбѣжала къ столу, взяла въ руки другую чарку, налила въ нее меду и поднесла Доману, смотря ему прямо въ глаза. Доманъ принялъ изъ ея рукъ чарку и началъ пить... Миля, не моргнувъ, уставилась на него, не обращая вниманія на знаки отца.

Доманъ залпомъ выпилъ медъ.

Миля покраснѣла, какъ вишня, и выбѣжала изъ свѣтлицы.

— Теперь ужъ онъ мой, мой,—кричала она и едва не забила въ ладоши.—Яруха все знаетъ!..

Въ этотъ вечеръ старый Миршъ не былъ расположенъ къ болтовнѣ... Оба — хозяинъ и гость — молчали...

Вечеромъ разразилась страшная буря, дождь полилъ, какъ изъ ведра, громъ грохоталъ безъ умолку, молніи одна за другою падали въ озеро. Доманъ отправился отдыхать въ сарай. До полуночи бушевали стихіи, а люди, несмотря на грозу, спали крѣпчайшимъ сномъ.

У небольшого окошечка хаты кто-то остановился: кто-то другой открылъ извнутри ставню... Двое этихъ людей тихо бесѣдовали, но сильный вѣтеръ не пропускалъ ни единаго слова за предѣлы окошка и ставни... Долго шептались бесѣдовавшіе, почти до самаго утра; а кто знаетъ о чемъ они совѣщались и на чемъ порѣшили?..

Подъ конецъ уже проговорилъ голосъ въ окошкѣ:

— Сватовъ нужно прислать, отца просить, иначе я не уйду изъ дому, не оставлю отца одного!

На слѣдующій день, послѣ бури, дороги стали скользкими, всюду виднѣлись громадныя лужи, ручьи стремились потоками въ озеро... По небу, безпорядочными клочками, низко мчались сѣрыя тучи... На дворѣ, что называется, парило, хотя солнца и не было видно... Все предвѣщало дождь.

— Отецъ Миршъ!—обратился Доманъ къ старику:—я сегодня домой не поѣду... Дороги скользки, лошади падаютъ.

— А жди хоть до самой зимы,—отвѣчалъ старикъ:—морозъ ужъ, навѣрное, все высушитъ...

Доманъ остался у Мирша. Онъ сѣлъ надъ водою и думалъ, какъ ему быть и что дѣлать? Миля внимательно слѣдила за нимъ глазами. Миршъ сидѣлъ подъ вербою и ворчалъ что-то подъ носъ. Только вечеромъ рѣшился Доманъ подойти къ нему.

— Старикъ-отецъ,—сказалъ Доманъ:—если сватовъ моихъ не прогонишь горохомъ, я къ тебѣ ихъ пришлю...

— А сколько женъ у тебя?—спросилъ Миршъ.

— Ни одной.

Миршъ посмотрѣлъ на него.

— Дочь моя достойна быть женою жупана... Въ жены отдамъ, иначе—не спрашивай! Присылай сватовъ по старому обычаю...

Доманъ поклонился Миршу.

— Ѣду теперь домой, сватовъ пришлю! Быть по твоему, хозяинъ.

Доману вдругъ какъ-то легче на душѣ стало, хотя временами ему и думалось: — Эй, старый Визунъ, будетъ это лѣкарство, или ядъ? Беру не ту, о которой мечтаю, сваты не тамъ, гдѣ сердце!

Старый Миршъ указалъ рукою по направленію лѣса. Вечерѣло. Надъ лѣсомъ разгорались зарева—одно, другое... Десять со всѣхъ сторонъ. Доманъ, замѣтивъ зарева, крикнулъ:

— Огни! На войну созываютъ людей!

Люди его, столпившись, кричали:

— Война! Война!

Начали суетиться, а Доманъ тихонько пробрался во дворъ и постучалъ въ маленькое оконце.

— Красавица, дорогая! Прощай, голубка! Огни на горахъ зажгли; я долженъ идти воевать. Когда вернусь—сватовъ пришлю. Я ужъ просилъ отца—ты будешь моею!

Смѣхъ или плачъ былъ отвѣтомъ на эти слова—можетъ, то и другое?

— О, соколъ мой ясный! Возвращайся скорѣе, цѣлъ и невредимъ! Здѣсь я буду сидѣть, на небо буду глядѣть и плакать, пока не вернешься, пока не увижу сватовъ.

— Въ дорогу!—крикнулъ Доманъ своимъ людямъ. Прощай, хозяинъ, благодаримъ тебя; не время отдыхать, когда горятъ огни. Прощайте всѣ!

Они уѣхали. Долго еще издали доносился лошадиный топотъ; Миршъ смотрѣлъ на небо, на зарево. Миля плакала, отирая фартукомъ слезы. Сквозь нихъ, однако, свѣтила улыбка, а сердце такъ крѣпко, крѣпко билось...

— Онъ вернется! Сваты пріѣдутъ! Онъ будетъ моимъ, онъ долженъ моимъ быть!

XXI.

На башнѣ стояла княгиня, зорко слѣдя за всѣмъ происходившимъ въ окрестности... Это было въ тотъ самый вечеръ, когда огни зажглись на холмахъ... Солнце ужъ сѣло, оставивъ на небѣ красное зарево... Лѣса и долины уснули.

Князь находился тутъ-же: разсѣянно смотрѣлъ онъ на часовыхъ, стоявшихъ на насыпи, на городъ, расположившійся у подошвы башни, на смердовъ, обучавшихъ княжескую дружину, на озеро, отражавшее зарево... Кругомъ было тихо...

Рядомъ съ княжеской четой виднѣлись двое юношей почти одинаковаго роста; достаточно было на нихъ взглянуть, чтобъ убѣдиться, что это пришельцы изъ чужой страны. Тончайшаго сукна одежда, тяжелые, кожаные сапоги, длинные мечи— все обличало иноземное происхожденіе. Они были очень молоды, но молодость страстнымъ огнемъ горѣла у нихъ въ глазахъ: свирѣпыми, дикими казались они. Сейчасъ-же видно было воиновъ, но воиновъ, исключительно алчущихъ крови и добычи.

Прибыли они раннимъ утромъ, какъ-разъ въ то время, когда княжескіе слуги закладывали ворота бревнами и камнями. Сперва не хотѣли ихъ и впускать. Но, когда старшій Смердъ вышелъ къ нимъ и началъ внимательно всматриваться въ нежданныхъ гостей, то вдругъ просіялъ отъ радости. Онъ поспѣшно повелъ ихъ въ свѣтлицу. Князь, какъ всегда, лежалъ на скамьѣ; всю ночь, на-пролетъ, ни на минуту не могъ онъ заснуть. Все видѣнное и слышанное имъ у Пяста тревожило его не на шутку. Князь нехотя приподнялся, что-то ворча себѣ подъ носъ; юноши пали къ ногамъ отца; тотъ испугался, всплеснулъ руками...

— Кто васъ прислалъ сюда!.. Въ такой часъ?—воскликнулъ онъ.

Они не успѣли еще отвѣтить, какъ дверь широко распахнулась, и въ свѣтлицу вбѣжала княгиня... Она плакала отъ избытка чувствъ...

— Дѣти, дѣти мои! Зачѣмъ вы сюда прибыли!..

Сыновья въ недоумѣніи переглянулись.

— Скучно стало намъ жить безъ васъ—проговорилъ, наконецъ, старшій:—дѣдъ отпустилъ насъ, мы сѣли на лошадей и, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, по дебрямъ, лугамъ и окольнымъ дорогамъ, добрались сюда, чтобы пасть къ вашимъ ногамъ...

— А здѣсь война!—вскричала княгиня.—О! Дѣти мои, что теперь будетъ съ вами... Хоть вы бы остались живы!.. Народъ возсталъ... Буря близится...—горевала княгиня; Хвостекъ ворчалъ:

— Не посмѣютъ!.. Пошумятъ, покричатъ, да ко мнѣ-жъ и придутъ—ну, и будетъ согласіе!.. А потомъ тѣхъ, что первые подняли шумъ... Хвостекъ выразительно указалъ на деревья, прибавивъ:

— На дубы!

Въ княжескихъ хоромахъ веселье мѣшалось съ печалью. Всѣ ежеминутно опасались нападенія. Едва у кого на губахъ появлялась улыбка, какъ страхъ мгновенно сгонялъ ее прочь. Слуги, посланные разузнать, что дѣлается за стѣнами замка, понурые возвращались къ своему господину.

— Что новаго?—спрашивалъ Хвостекъ.

— Что видѣли?—обращалась княгиня.

Смерды неизмѣнно каждый разъ отвѣчали:

— Только и слышны однѣ угрозы... Всюду къ войнѣ готовятся. Сбираются кметы, совѣщаются, а Мышки бѣгаютъ отъ одной хижины къ другой...

Около полудня вернулся другой посланецъ и повторилъ то-же самое; вернувшійся вечеромъ объявилъ, что ночью зажгутъ огни на холмахъ. Хвостекъ взбѣсился и принесшаго эту вѣсть велѣлъ бросить въ темницу.

— Вретъ онъ, кметы его подкупили... Не посмѣютъ они огней зажечь... А сдѣлаютъ это—велю и я разложить на башнѣ костеръ, потому-что я ихъ не боюсь!

Княгиня упала къ ногамъ своего мужа.

— Господинъ мой, князь милостивый!—умоляла она.—Отошли дѣтей назадъ, пусть уѣзжаютъ... Дать имъ лодку... Пусть уходятъ скорѣе... Пусть ѣдутъ къ дѣду... Кто знаетъ, что здѣсь случится!?..

Рыдая, она молила князя. Хвостекъ хмурился. Отъѣздъ сыновей отложили до вечера.

Всѣ стояли на башнѣ и ждали минуты, когда окрестность озарится зловѣщими огнями. Хвостковы сыновья, между тѣмъ, шептались.

— Пусть будетъ война! — промолвилъ одинъ изъ нихъ.—Попросимъ отца и мать, они насъ оставятъ и досыта напьемся мы крови кметовъ... Мы имъ покажемъ, какъ у саксонцевъ сражаться умѣютъ!

Мракъ, между тѣмъ, все гуще окутывалъ окрестные лѣсъ и озеро. Хвостекъ повторялъ безпрестанно:

— Плюгавая черны!.. Не посмѣютъ!..

Вдругъ вспыхнуло небо: на немъ показалось словно кровавое пятно... Вскорѣ оно исчезло... Взамѣнъ показался столбъ краснаго дыма, а вскорѣ и желтое пламя высоко запылало. То кметы зажгли свой первый костеръ...

Княгиня вздрогнула и закрыла глаза руками.

— Это просто пастушескій костеръ,—сказалъ князь, засмѣявшись.

Но сыновья въ ту-же минуту крикнули:

— О! Еще одинъ, другой, третій...

На холмахъ и пригоркахъ одинъ за другимъ появлялись огни; красное зарево охватило все небо. Окрестность казалась залитою огнями. Хвостекъ сердито приказалъ:

— Зажечь костеръ! Пусть знаютъ, что я ихъ не испугался...

На вершинѣ башни лежала заранѣе приготовленная куча лучины и сухого дерева; слуги подпалили ее. Хвостекъ улыбался. Княгиня молчала; потомъ, сдѣлавъ рукою знакъ сыновьямъ, она начала спускаться внизъ. Тѣ слѣдовали за нею.

Хвостекъ еще разъ бросилъ взглядъ на окрестность, плюнулъ съ башни, словно-бы на весь міръ и тоже началъ спускаться.

Въ горницѣ Брунгильда прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ.

— Дѣти не могутъ, не должны оставаться здѣсь... — говорила она.

Хвостекъ какъ-разъ въ это время входилъ въ избу.

— Отчего-бъ имъ и не остаться?—спросилъ онъ. — Хочется развѣ тебѣ, чтобъ попали они въ руки проклятой черни, убили чтобъ ихъ? Нѣтъ, они здѣсь болѣе безопасны, чѣмъ за стѣнами замка!

Сыновья припали къ материнскимъ ногамъ, прося позволенія остаться.

Разсердившись, княгиня топнула ногою.

— Нѣтъ,—сказала она:—нѣтъ; еще сегодня спрашивала я у ворожеи, глядѣла на небо — все предвѣщаетъ близость опасности... Никто не хотѣлъ вѣрить, что кметы сегодня зажгутъ огни, а вотъ-же зажгли ихъ... Оправдается и все остальное... Я больше знаю... Мы погибнемъ! Пусть-же они остаются живы, чтобъ было кому отомстить кметамъ...

Хвостекъ бѣсился, княгиня выходила изъ себя—они чуть-было не подрались; князь, впрочемъ, отступилъ первый, опустилъ голову и проворчалъ сквозь зубы:

— Будь что будетъ!

Княгиня велѣла сыновьямъ снаряжаться въ дорогу. Мухѣ приказано было готовить лодку. Молодымъ людямъ пришлось смѣнить княжескую одежду на простую сермягу, а мечъ спрятать подъ нею. Оба горько плакали... Но рѣшимость матери была непреклонна; волей-неволей, приходилось повиноваться.

Хвостекъ молча прижалъ сыновей къ груди.

— Пусть хоть до завтра побудутъ ..—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ни одной минуты; завтра насъ окружатъ со всѣхъ сторонъ...

Юноши молчали. Недовольный Хвостекъ, глядя на нихъ, ворчалъ себѣ что-то подъ носъ.

Княгиня вышла и сейчасъ-же вернулась съ головою, обвязанною какимъ-то тряпьемъ, въ плащѣ изъ простого сукна, небрежно накинутомъ на плечи.

— Я провожу васъ до того берега,—сказала она: — пока не сядете на коней, я буду съ вами...

Она обоихъ поцѣловала.

Хвостекъ молчалъ. Въ открытое окно повсюду виднѣлись огни.

— Видите,—проговорила Брунгильда:—это означаетъ войну... Быть можетъ, завтра она начнется... Замокъ будетъ обороняться... Возьмутъ его и домъ—останется еще башня... Одинъ, два, три мѣсяца можно прожить въ ней... Спѣшите къ дѣлу и возвращайтесь съ помощью... скорѣе...

Она перевела духъ.

— А если-бы и насъ, и башни ужъ не было... отмстите за смерть отца съ матерью... Не жалѣйте этого жалкаго, змѣинаго племени!

Хвостекъ настаивалъ на своемъ.

— Они никогда столбъ не разрушатъ,—проговорилъ онъ.— Являйтесь съ саксонцами, осаду мы выдержимъ...

Сыновья еще разъ припали къ ногамъ родителей и, слѣдуя приказанію княгини, вышли изъ избы... Сейчасъ-же у самой башни стояла лодка. Муха съ другимъ сильнымъ мужчиною, сидѣли въ ней. Брунгильда первая заняла мѣсто, за ней вскочили и сыновья. Хвостекъ стоялъ на берегу... Лодка отчалила... Поздно вернулась княгиня... Глаза ея были заплаканы; разставаясь съ дѣтьми, она долго рыдала... Хвостекъ уже спалъ. Она-же неподвижно просидѣла до самаго утра. На слѣдующій день, послѣ первой обычной смѣны, часовой, стоявшій на башнѣ, доложилъ, что кругомъ царитъ тишина, ничего особеннаго не видно, не слышно...

Хвостекъ торжествовалъ.

— Не посмѣютъ,—твердилъ онъ:—не посмѣютъ... И слѣдующая ночь прошла спокойно. Часовой, по-прежнему, ничего не замѣтилъ. Вечеръ насталъ—тишина продолжалась. Княгиню пугало это затишье передъ бурею; Хвостекъ повторялъ: „не посмѣютъ“...

Вдругъ часовой протрубилъ разъ, другой, третій. Всѣ поднялись на ноги... Слуги повыбѣжали изъ сараевъ... Работники собрались на дворъ... Смерды засуетились... У опушки лѣса вдали что-то чернѣло; огромная, безформенная масса, медленно колыхаясь, направлялась къ замку...

— Кметы прямо на насъ идутъ!—кричали испуганные смерды. Хвостекъ и жена его испугались. Лица ихъ поблѣднѣли, стали такими-же мертвенными, какъ трупы несчастныхъ князей, которыхъ еще недавно волокли изъ той-же свѣтлицы на дворъ. Князь

велѣлъ налить себѣ меду, выпилъ и кубокъ швырнулъ далеко отъ себя.

— Эй, люди, на насыпи!—крикнулъ онъ.—Мостъ поджечь!

Въ одно мгновеніе толпа княжескихъ слугъ бросилась исполнять отданное приказаніе. Мостъ подожгли, пламя быстро его охватило, дымъ столбомъ поднялся къ небу. Башня, замокъ и всѣ строенія освѣтились зловѣщимъ свѣтомъ: казалось и самое озеро загорѣлось... Наконецъ, огонь началъ ослабѣвать, и вскорѣ все опять погрузилось въ непроницаемый мракъ. Подобная перемѣна нагнала на Хвостека еще большій страхъ.

Кто могъ знать, что несетъ съ собой эта страшная толпа?

Хвостъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ... Наконецъ, повидимому, жизнь снова въ немъ закипѣла—онъ крикнулъ на своихъ людей. Теперь только посыпались приказанія одно за другимъ.

Въ эту минуту по двору что-то промелькнуло, направляясь къ озеру... Маленькій человѣкъ сѣлъ въ крошечную лодку, похожую на орѣховую скорлупу... Вода разступилась, заколыхалась и лодка исчезла... Зносекъ съ остриженною головою, съ простреленнымъ глазомъ, лежа почти неподвижно въ своей скорлупѣ, руками разсѣкалъ воду, скользя по ея поверхности... Безъ шума, безъ плеска, онъ подвигался впередъ, точно влекомый какою-то посторонней силой. Добравшись до противоположнаго берега, онъ спряталъ лодочку въ камышахъ, выползъ на сушу и—мгновенно исчезъ.

Такъ прошла ночь. Зарумянилось небо на востокѣ, освѣтивъ землю, всю окутанную въ туманъ, словно въ саванъ... Съ насыпей ничего нельзя было различить. Но вотъ пахнуло вѣтромъ, туманъ понемногу сталъ расползаться. Сторожившіе на насыпи вдругъ увидѣли предъ собою живую стѣну: голова, тутъ-же съ ней рядомъ, другая, третья и такъ далѣе, безъ конца... Впереди всѣхъ Мышки и старшины...

Хвостекъ взошелъ на башню... Онъ считалъ, считалъ... не могъ сосчитать даже и маленькой части этой многоглавой стѣны...

— Пусть стоятъ... разойдутся!—думалось ему.

Куда ни глядѣлъ князь, всюду знакомыя лица: тамъ стоятъ братья тѣхъ, которые пали по его приказанію, тутъ—сыновья утопленныхъ въ озерѣ, дальше—тѣ, что съ Мышками были въ гостяхъ у него... Несмѣтная, грозная толпа неподвижна, она

только смотритъ на столбъ, какъ-бы желая уничтожить его глазами.

— Пускай наглядятся всласть! — проворчалъ князь, и спустился съ лѣстницы.

У подошвы башни пьяные смерды разставляли людей, стараясь ихъ ободрить:

— Это грубая чернь, а не воины, всѣ они трусы... Плугъ-бы имъ въ руки, вмѣсто оружія...

Брунгильда вышла изъ свѣтлицы, оглядѣлась кругомъ и закрыла лицо руками. Хвостекъ старался смѣяться, но блѣдность выдавала то, что онъ чувствовалъ.

Вокругъ замка—удивительно! ни крику, ни голоса человѣческаго не слышно! Между тѣмъ, осаждающіе хотя незамѣтно, но подвигаются все ближе и ближе впередъ... Одни несутъ на плечахъ небольшія лодки; другіе связываютъ бревна и пускаютъ ихъ на воду... Князь велѣлъ готовить пращи и луки.

Солнце взошло—все освѣтилось лучами. Теперь только послышались голоса Мышковъ:

— Вотъ тебѣ твой послѣдній день, поганый ты Хвостъ! Поклонись солнцу, простись съ нимъ, больше ужъ его не увидишь!

Между тѣмъ, князь словно и думать забылъ объ опасности. Сѣвъ на скамью, онъ осушалъ чарку за чаркою... По той сторонѣ у берега, куда только глазъ хватаетъ, выстроился цѣлый рядъ лодокъ, точно выросшихъ изъ воды; около нихъ толпились люди... Вотъ и отчаливаютъ... Лодка прикасается къ лодкѣ; одинъ рядъ слѣдуетъ за другимъ... Этотъ лѣсъ лодокъ все приближается... Немного ужъ остается до самыхъ насыпей...

Бывшіе на насыпяхъ всѣ поднялись... Съ обѣихъ сторонъ раздался ужасный крикъ, отъ котораго земля задрожала.. Стая воронъ, испугавшись, поднялась со столба и умчалась въ пространство...

Посыпались стрѣлы. Засвистѣли въ воздухѣ камни, причиняя вредъ и той и другой сторонѣ... Полетѣли на осаждающихъ цѣлые стволы, давятъ они людей, сбрасывая ихъ въ воду, и, при каждомъ удачномъ ударѣ, на насыпи раздаются веселые возгласы.

Одинъ рядъ упалъ въ воду... На смѣну ему выростаетъ другой... По тѣламъ мертвецовъ карабкаются живые...

— На насыпи! На насыпи!..

Смерды бѣгаютъ, кричатъ, отдаютъ приказанія...

Два раза осажденнымъ удалось отстоять насыпи... Третій напоръ... Кметамъ удалось подобраться къ воротамъ... Враги встрѣтились здѣсь лицомъ къ лицу.

Хвостекъ, замѣтивъ это, спустился внизъ... Онъ бросился въ свѣтлицу и вынесъ оттуда жену на рукахъ... За ними бѣжали женщины, заливаясь слезами...

— На лѣстницу! На столбъ!..

Кто что успѣлъ захватить съ собою—узлы, платье, пищу—все тащутъ на столбъ.

— На башню отборныхъ людей!

На лѣстницѣ масса карабкающихся, гнется она подъ ихъ тяжестью, а башня, словно-бы ненасытная, усердно глотаетъ всѣхъ, кому посчастливилось до нея добѣжать.

Раздался раздирающій душу крикъ... Княжескіе слуги съ насыпей бѣгутъ во дворъ... Кметы уже на насыпи... Трупы всюду: по берегу, на дворѣ, озеро ими покрыто...

Кто еще живъ, бросается къ лѣстницѣ... Но ее потянули вверхъ, внутрь башни... Двери захлопнулись...

Мышки заняли дворъ и замокъ... Кто попадался съ оружіемъ въ рукахъ, того лишали жизни; кто-же его бросалъ, того миловали, связывая по рукамъ и ногамъ... Кметы разбѣжались по двору, заглядывали во всѣ избы, искали, хотѣли найти враговъ—но вездѣ уже было пусто, нигдѣ ни живой души...

Княгиня оставила таки, на всякій случай, въ свѣтлицѣ желтый горшокъ съ медомъ, подправленнымъ ядомъ, но Мышко, первый взошедшій туда, замѣтивъ горшокъ, бросилъ его на землю...

Побѣдители ликовали.

Они бросали вверхъ колпаки, оглашая воздухъ криками:

— Ладо!.. Да здравствуютъ Мышки!.. Смерть Хвосту!..

Всѣ обратили теперь вниманіе на башню. Никакъ нельзя къ ней подойти: кто подступитъ — неминуемо гибнетъ... Кметы, дѣлать нечего, отошли отъ столба.

Кто-то бросилъ зажженную лучину въ сарай, другой поджегъ и свѣтлицу... Огонь вспыхнулъ, замокъ горитъ!

— Да не останется камень на камнѣ, до послѣдней щепки разрушимъ... Уничтожимъ Пепелковъ родъ!..

— Мышки велѣли трубить сборъ; затѣмъ отдали приказаніе расположиться для отдыха посрединѣ двора... Пускай горятъ дома, сараи и все до послѣдней клѣти!

На первый день и такъ много работы; что-же касается столба—о немъ будетъ время и завтра подумать!

Мышки со старшими удалились держать совѣтъ на пригорокъ, неподалеку отъ столба. Здѣсь глазамъ ихъ представилось ужасное зрѣлище.

Не глубоко зарытые въ землю трупы дядей и племянниковъ князя лежали на землѣ полусгнившіе... Тутъ-же валялись остатки собакъ, вырывшихъ ихъ изъ земли и отравившихся пропитанными ядомъ тѣлами... Покойники выглядѣли страшнѣе смерти, опозоренные, смѣшанные въ одну кучу съ дохлыми псами... Мышки невольно вздрогнули...

— Послѣдній изъ рода своихъ-же убилъ!—сказалъ Мышко.— Онъ самъ хотѣлъ, чтобы послѣ него никто не остался, кромѣ старика Милоша и ослѣпленнаго Лешка...

— И двухъ его сыновей, что живутъ у нѣмцевъ!—прибавилъ другой...

— Пусть-же несчастнымъ погибшимъ пламя этого дома послужитъ почетнымъ костромъ!—сказалъ Мышко.

По его приказанію слуги собрали останки княжескихъ родственниковъ и бросили ихъ въ самый большой огонь, чтобы души страдальцевъ могли добраться до праотцевъ съ жалобой на изверга князя.

Хвостекъ съ башни своей видѣлъ процессію погребенія тѣлъ его жертвъ. Впереди несли останки Мстивоя и Забоя, затѣмъ ихъ сыновей; когда дошли до того мѣста, гдѣ прежде была свѣтлица, слуги собрали въ одну кучу горящіе уголья, подбавили горючаго матеріала и уложили покойниковъ всѣхъ въ одинъ рядъ.

Пламя сейчасъ-же охватило принесенныя ему жертвы. Мышки стояли тутъ-же, слѣдя за обрядомъ сожженія. Синеватые огоньки, мелькавшіе надъ тѣлами, представлялись духомъ покойныхъ, выпущеннымъ на свободу...

Только вечеромъ сталъ пожаръ уменьшаться. Кметы расположились на городищѣ, вблизи столба и отдыхали...

Мышки усѣлись со старшими.

— Что намъ дѣлать теперь со столбомъ и тѣми, что въ немъ находятся? Огонь ихъ не уничтожитъ, потому-что камень устоитъ противъ огня; топоромъ и молотомъ не разбить толстыхъ стѣнъ; взлетѣть на башню въ состояніи лишь только птицы; подкопъ не поможетъ — стѣны глубоко засѣли въ землю... а, говорятъ, подъ землею ихъ столько-же, сколько и надъ нею?

— Голодомъ только, не теряя людей понапрасну, — сказалъ Кровавая-Шея:—голодомъ заставимъ ихъ сдаться. Расположимъ всѣхъ нашихъ вокругъ столба; если запасовъ въ немъ хватитъ на мѣсяцъ—мы простоимъ два; два мѣсяца—простоимъ дольше... Будемъ ждать, пока всѣ не помрутъ до единаго... Чѣмъ ихъ тамъ больше собралось, тѣмъ скорѣе голодъ наступитъ... Половина нашихъ пускай идетъ домой, другой половины хватитъ, чтобы воспрепятствовать заключеннымъ выбраться на свободу.

Этому совѣту рѣшено было послѣдовать. Часть кметевъ разбрелась по домамъ, другая—осталась на городищѣ. Мышки сбирались ужинать, когда изъ сосѣдняго лѣса выѣхало нѣсколько всадниковъ и не торопясь направились къ отдыхающимъ. Во главѣ виднѣлся Бумиръ съ друзьями—люди стоящіе горою за Лешковъ, какъ члены одного рода. Они, подобно Милошу съ семьею, не хотѣли держать руку кметовъ. Подъѣхавъ, Бумиръ не слѣзъ съ лошади и не поклонился старшинамъ. Онъ обратился къ Мышко:

— Обратить въ пепелъ княжескій замокъ не мудрено, — а гдѣ-же самъ князь?..

Засмѣявшись, указалъ Мышко на башню: Бумиръ тряхнулъ головою.

— Этимъ всѣхъ Лешковъ все равно не стереть съ лица земли,— отвѣчалъ онъ:—все-же насъ довольно останется!.. Чего вы хотите отъ насъ?

— Отъ васъ? Чтобъ вы смирно сидѣли... а не правили нами,— усмѣхнулся Мышко.

— Не старая-ли волчья свобода засѣла у васъ въ головахъ? А нѣмцы ужъ не далеко... Одного князя свергнете — на-смѣну посадите другого! Не такъ-ли?

— Быть можетъ, но не изъ вашихъ!—возразилъ Мышко.—Не изъ той крови, которая хотѣла нами, какъ скотиной бездушной обрабатывать землю... Нѣтъ!.. Князя себѣ мы найдемъ...

Бумиръ посмотрѣлъ на башню.

— Приступомъ думаете столбъ-то взять?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... — коротко отвѣтилъ Мышко: — мы до тѣхъ поръ не тронемся съ мѣста, пока они всѣ тамъ не сдохнутъ съ голоду.

Бумиръ долго не отвѣчалъ, опустивъ на грудь голову.

— Лишь-бы нѣмцы раньше того не пришли и не освободили ихъ,—замѣтилъ онъ, наконецъ.—Тогда и виноватому и невинному—всѣмъ достанется... И мой домъ обратится въ пепелъ, людей въ плѣнъ возьмутъ...

Мышки засмѣялись...

— А развѣ-жъ мы безоружны?—сказалъ младшій, по прозванію Бѣлый.

— У саксонцевъ желѣза много: въ желѣзо закованы и стрѣлы желѣзныя, — продолжалъ Бумиръ. — Десятка саксонцевъ на сотню вашихъ довольно...

— Но за то ихъ сотни не прійдетъ изъ-за Лабы, — говорилъ старшій.

— Нѣтъ, конечно, — отвѣтилъ Бумиръ: — но пришедшіе призовутъ сотню иль двѣ поморцевъ, а ужъ послѣднимъ не трудно до насъ добраться...

— Ну, съ ними съумѣемъ справиться: оружіе у насъ одинаковое, владѣемъ имъ тоже не хуже, — замѣтилъ Мышко. — Такія угрозы намъ не страшны!

Всѣ замолчали. Бумиръ не нашелъ, что отвѣтить. Кровавая-Шея внушительно произнесъ:

— Э... Бумиръ и вы всѣ Лешки, коль хотите жить смирно, спокойно, такъ и сидите въ своихъ углахъ, а въ наши дѣла не мѣшайтесь... Не желаете противъ своихъ воевать, мы и не заставляемъ насильно... но не вызывайте волка изъ лѣса!.. Сидите смирно!

Бумиръ нахмурился.

— Я съ совѣтомъ, да съ добрымъ словомъ явился къ вамъ,—началъ онъ:—воевать съ вами мнѣ не приходится. Я только напомнилъ, что Лешковъ и ихъ потомковъ пока еще много... Сегодня

вы сильны, завтра мы можемъ оказаться сильнѣе... Земля у насъ общая, не лучше-ли миръ да согласіе, а не рѣзня на радость врагамъ!..

— Мы васъ не тревожимъ, живите себѣ въ покоѣ!—сказалъ Кровавая-Шея.—Чего-же вамъ больше надо?

— Такъ отпустите и того, котораго хотите заморить голодомъ,—сказалъ Бумиръ, снова взглянувъ на башню.

Мышко захохоталъ.

— Ну, хорошо, пусть и такъ,—согласился онъ:—но подъ условіемъ, что намъ возвратятъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ нашъ добрый князь отравилъ иль убилъ...

Потомъ, указывая на рану на шеѣ:

— И мою кровь пускай мнѣ воротитъ!

— А развѣ вамъ еще мало мести?.. Разорить замокъ, обратить домъ въ груду пепла, перерѣзать людей—этого вамъ еще мало?

— Да развѣ пролитая кровь—его?—горячился Мышко.—Намъ нужна кровь за кровь...

Бумиръ призадумался.

— Стало быть, завтра вы то-же, что и сегодня отвѣтите намъ и всѣмъ Лешкамъ, живущимъ на нашей землѣ?..

— Да мы васъ не трогаемъ, воевать съ вами не думаемъ,—говорили другіе.—Милошъ сидитъ-же спокойно дома, сынъ его тоже, да и вамъ, повидимому, живется не дурно... Власти вамъ не дадимъ... а жить вамъ никто не мѣшаетъ!

Бумиръ замолчалъ... Въ сторонѣ столба что-то стукнуло. Хвостъ открылъ ставню въ верхнемъ окнѣ и крикнулъ:

— Эй, Бумиръ! Что это вздумалъ ты вести разговоръ съ разбойниками? Съ бѣшенымъ звѣремъ не разговариваютъ, а прямо бьютъ! Соберите людей и приходите защищать насъ... Наше дѣло—вамъ не чужое...

Мышко поднялъ голову и посмотрѣлъ на окно, откуда слышался голосъ. Лукъ лежалъ возлѣ него. Мышко взялъ его въ руки, прицѣлился, и стрѣла засвистѣла въ воздухѣ... но она вонзилась въ деревянную ставню... Въ башнѣ раздался дикій смѣхъ... Сейчасъ-же другая стрѣла, пущенная изъ окна, пробѣжавъ съ быстротою молніи назначенное ей пространство, съ размаху впи-

лась въ одежду Мышко. Онъ вынулъ ее и съ презрѣніемъ отбросилъ въ сторону...

— Змѣиный родъ!..—кричалъ Хвостекъ.

— Бѣшеныя собаки!—было отвѣтомъ Мышка.

— Ядовитыя змѣи!

— Подлыя гадины!

— Стерво и падаль!

— Такими словами обмѣнивались другъ съ другомъ противники.

— Бумиръ!—крикнулъ наконецъ Хвостекъ осипшимъ отъ злобы голосомъ,—отправляйся домой, призови своихъ... Не дай намъ погибнуть! Смотри—доберутся и до тебя!..

Бумиръ поворотилъ лошадь. Мышко не спускалъ съ него глазъ.

— Воля твоя: моего-ли, Хвостова-ль совѣта послушаться—дѣлай какъ знаешь... Скажемъ тебѣ лишь одно и въ этомъ даемъ священную клятву...

Мышко, взявъ въ руку горсть земли, поднялъ ее вверхъ.

— Даю тебѣ клятву, Бумиръ, что, если ты, или твой родъ, вздумаете защищать Хвоста, если хоть одинъ изъ вашихъ подыметъ руку на насъ—мы ни единой живой души не оставимъ... Помните-же объ этомъ!

Бумиръ и товарищи его молчаливые еще разъ взглянули на башню, откуда доносились невнятные голоса и крики; затѣмъ, поворотили коней и уѣхали. Мышки спокойно смотрѣли имъ вслѣдъ.

Если-бы кто-нибудь вошелъ тогда внутрь башни, глазамъ его представилось-бы ужасное зрѣлище: а всего былъ второй день осады!

Въ самомъ низу, давя другъ друга, тѣснились слуги, молодые парни и рабы, которыхъ держали здѣсь для защиты. Тѣснота была страшная, мѣста мало, воздухъ спертый; челядь и слуги боялись исхода несчастной для нихъ войны и жаловались на свою судьбу, говоря, что гораздо лучше-бы сдѣлали, если-бы сразу отдались врагамъ, такъ-какъ все равно здѣсь придется погибнуть.

Смерды съ палками стояли надъ ними, приказывая смирно сидѣть, но слуги не слушались: недовольство росло съ каждымъ мгновеніемъ. Изъ колодца поминутно таскали воду; ея не успѣвали въ достаточномъ количествѣ доставать, столько было томимыхъ жаждою въ этомъ хаосѣ. Немного выше находились стрѣлки,

готовясь къ защитѣ... Здѣсь прохаживались князь и Брунгильда. Въ углу лежали медвѣжьи шкуры, служившія имъ вмѣсто ложа. Еще выше помѣщались женщины, а на самомъ верху часовые. Стоны и плачъ раздавались повсюду. Два парня умерли отъ ранъ, полученныхъ ими во время осады, одна больная женщина—отъ испуга. Съ этими тремя трупами не знали, что дѣлать... Волей, неволей пришлось выбросить ихъ изъ башни, и эти тѣла, брошенныя на волю судьбы, какъ-бы служили предзнаменованіемъ того, что должно было вскорѣ произойти на столбѣ. Такая-же судьба ожидала и прочихъ.

Хвостъ, не переводя духа, проклиналъ всѣхъ и все. Брунгильда долго лежала, не говоря ни слова. Супруги не обмѣнялись ни словомъ; по всему было видно, что постигшее ихъ несчастіе они взаимно приписывали другъ другу... Князь всю вину относилъ къ женѣ, она-же къ нему...

И князь, и княгиня все еще вѣрили въ возможность защиты; они надѣялись на сыновей, которые должны были вернуться съ саксонцами. Брунгильда, мало чего ожидавшая со стороны ругавшагося Хвоста, позвала Муху и съ нимъ отправилась осмотрѣть запасы. Хлѣба было достаточно, но, кромѣ двухъ старыхъ камней, у нихъ ничего не было, чѣмъ-бы можно было приготовлять муку... Печь была тоже, но о печеніи хлѣба нельзя было и думать, такъ какъ дровъ было мало. Пришлось растирать зерно, дѣлать изъ него крупу, которую, размочивъ водою, и употреблять въ пищу. Но какъ прожить такимъ образомъ цѣлые мѣсяцы?!..

Въ общей суматохѣ, когда всѣ бросились къ столбу, немногіе успѣли кое-что захватить съ собою. Колодезь, изъ котораго черпали воду, былъ ужъ давно запущенъ, такъ-что первыя ведра пришлось выливать вонъ. Томимые жаждою пили потомъ и эту воду, но находили въ ней больше грязи и крови, нежели воды.

Эта вооруженная толпа полуголодныхъ и полупьяныхъ людей, сидящихъ въ нижнемъ этажѣ и которую Брунгильда внимательно разглядывала, спускаясь по лѣстницѣ,—показалась ей грозною и опасною. Княгиня спросила Муху, возможно-ли удержать ихъ въ повиновеніи. Муха, задумавшись, промолчалъ. Тѣ, которые вчера еще трепетали предъ княземъ, теперь открыто ворчали, давая волю накипѣвшей горечи, долго переносимой безропотно. Брун-

гильда видѣла лишь теперь однихъ недовольныхъ, вполнѣ равнодушныхъ къ участи господъ своихъ—слугъ, едва, на данное приказаніе, поднимающихъ голову. Нѣкоторые шептались какъ-то таинственно, осматриваясь по сторонамъ.

Всѣ, въ одинъ голосъ, громко требовали питья и пищи; палочные удары смердовъ съ большимъ трудомъ, да и то не надолго водворяли порядокъ.

Брунгильда отвела въ сторону Муху и, указавъ ему на людей, сказала:

— Ртовъ слишкомъ много, а рукъ слишкомъ мало! — что дѣлать?

Они долго шептались. Хвостекъ не зналъ куда и дѣваться: то къ одному окну подойдетъ, потомъ переходитъ къ другому, не будучи въ состояніи равнодушно смотрѣть на Мышковъ, спокойно цѣдившихъ пиво изъ бочекъ и раздававшихъ его своимъ людямъ. То Хвостекъ улягется на постель, но тотчасъ-же встанетъ и снова подходитъ къ окну, скрежеща зубами. При встрѣчѣ съ женою, онъ отворачивался.

Брунгильда искала совѣта у Мухи; въ свою очередь князь, истомясь молчаніемъ, призвалъ любимца — слугу и шопотомъ съ нимъ совѣщался.

Начинало уже смеркаться, когда Муха спустился внизъ, чтобы выбрать, кого послать на верхъ сторожить. Дѣйствовалъ онъ при этомъ вполнѣ произвольно. Впрочемъ, тѣ, которые оставались внизу, не сѣтовали на него; у нихъ, по-крайней-мѣрѣ, была гнилая солома, и имъ можно было на ней растянуться. Едва предназначенные въ стражу успѣли подняться на-верхъ, какъ явились двѣ служанки Брунгильды и принесли ужинъ оставшимся внизу. Это была какая-то крупа пополамъ съ водою; но голодныкъ и она показалась вкусною: въ одно мгновеніе въ мискахъ ничего не осталось. Княгиня смотрѣла въ щель, какъ они ѣли, затѣмъ съ непонятною тревогою стала слѣдить за тѣмъ, какъ они полегли. Сонъ наступилъ мгновенно, захвативъ каждаго на томъ мѣстѣ, гдѣ тотъ сидѣлъ. Заснули всѣ удивительно крѣпкимъ, необыкновеннымъ сномъ, между тѣмъ, по движеніямъ нѣкоторыхъ казалось, словно они всѣ силы употребляютъ, чтобы проснуться, но —

тщетно. Прошелъ часъ, другой... люди все спали, лежали не двигаясь. Гробовое молчаніе царило кругомъ.

Муха съ зажженною лучиною спустился внизъ, обошелъ спавшихъ по очереди, дотронулся рукою до каждаго лица, прислушался, не слышно-ли у кого дыханія, сосчиталъ всѣхъ и вернулся на-верхъ.

Это были лишніе рты, отъ которыхъ Брунгильда съумѣла избавиться. Позвали нѣсколько человѣкъ съ вышки и велѣли имъ выбросить вонъ тѣла несчастныхъ изъ башни. Приглашенные, какъ видно привыкшіе къ подобнаго рода работѣ, не только не отказались исполнить приказанное, но даже не выказали малѣйшаго удивленія. Они сняли одежду съ бывшихъ своихъ товарищей, осмотрѣли ихъ блѣдно-синія лица и принялись за работу.

Мышки со своими сидѣли у костра, издали поглядывая на столбъ, когда первыя тѣла покойниковъ, выброшенныя изъ окна, упали на землю. Нѣсколько любопытныхъ подошли-было къ башнѣ. Смѣльчакамъ на головы посыпался градъ камней, одного изъ приближавшихся прижалъ къ землѣ падающій трупъ. Точно спѣлые плоды посыпались мертвецы со всѣхъ сторонъ. Осаждающіе съ изумленіемъ смотрѣли на это зрѣлище.

— Избавились отъ лишнихъ ртовъ, — догадались они наконецъ:—изъ этого видно, что въ башнѣ намѣрены защищаться, дожидаясь помощи.

Всю ночь съ одной стороны горѣли костры, съ другой—мѣнялись часовые на башнѣ. Одни спали, другіе стояли на часахъ. Иногда, но это случалось рѣдко, стрѣла или камень, пущенные съ площадки столба, ударялись въ спящаго кмета или зарывались въ землю, попавъ-же въ костеръ, разбрасывали уголья.

Вороны, каркая, вились вокругъ башни, не будучи въ состояніи попасть въ свои гнѣзда. Къ утру, казалось, заснули всѣ, но Мышки разставили такимъ образомъ людей вокругъ башни, что изъ нея никто не съумѣлъ-бы выйти, не будучи сейчасъ-же замѣченнымъ.

На башнѣ не видно было никакихъ признаковъ жизни, кромѣ стоявшихъ на верхней площадкѣ часовыхъ. Болѣе ловкіе кметы старались попасть въ нихъ стрѣлою, часовые прятались на время за стѣнку — и снова все принимало прежній видъ. Каждый разъ,

когда Хвостекъ входилъ на башню, его встрѣчали крикомъ и бранью.

Однажды, около полудня, изъ башеннаго окна раздался голосъ, призывающій подойти къ столбу. Кметы думали, что осажденные намѣрены сдаться. Мышко Кровавая-Шея хотѣлъ-было уже начать переговоры, но младшій братъ его, котораго прозвали Журавлемъ, за крайне длинныя ноги, подбѣжалъ къ столбу раньше Кровавой Шеи и поднялъ голову вверхъ. Изъ окна раздался дикій хохотъ и одновременно съ нимъ громадный камень свалился на голову бѣдному парню, размозживъ ему голову. Журавль, не крикнувъ, упалъ какъ снопъ.

Мышки вскрикнули, ломая въ отчаяньи руки.

— Кровь за кровь! Ни одинъ не выйдетъ живымъ изъ башни!

Гнѣвъ осаждающихъ достигъ крайнихъ предѣловъ. Хвостъ все громче смѣялся. Смѣльчаки бросились-было спасать тѣло несчастнаго отъ поруганія, но на нихъ полетѣла громадная балка, которая, къ счастью, упала только на трупъ, придавивъ его своею тяжестью. Мышки стонали; потеря любимаго брата привела ихъ въ отчаянье. Кметы кинулись гурьбою, на-перерывъ, къ покойнику; имъ-таки удалось освободить изуродованное тѣло, чтобы предать его огню.

На томъ-же мѣстѣ, гдѣ вчера сожгли тѣла Лешковъ, положили и несчастнаго юношу. Принесли дровъ, устроили костеръ и начали пѣть обрядовыя пѣсни. Ругань, перемѣшанная съ проклятіями, доносившіяся съ башни, прерывали ихъ поминутно.

Въ это время,—на дворѣ почти что уже стемнѣло,—человѣкъ небольшого роста съ остриженной головою, съ однимъ глазомъ, откуда-то появившійся подошелъ къ кметамъ. Онъ поглядывалъ на башню, стараясь держаться въ сторонѣ. Человѣкъ этотъ собиралъ разбросанныя на землѣ кости, голодъ видимо донималъ его. Онъ присѣлъ, вмѣстѣ съ собаками, на кучѣ разнаго сора,—никто не обращалъ на него вниманія. Никто, впрочемъ, его не зналъ. Въ тѣ времена много шаталось людей, подобныхъ описанному, сумасшедшихъ, бѣдныхъ, слѣпыхъ или уродовъ, а по принятому обычаю необходимо было ихъ принимать и кормить. Несчастный Зносекъ какъ-разъ подходилъ къ типу такого несчастнаго, обиженнаго природой созданія. Нѣсколько кметовъ бросили ему по

куску хлѣба и по необглоданной кости, которые онъ принялся грызть съ видимымъ удовольствіемъ.

Никому не пришло въ голову, что уродецъ добивался лишь обойти кругомъ башню, дѣлая видъ, что собираетъ что-то съ земли. Было ужъ совсѣмъ темно, когда Зносекъ, подойдя почти къ самому столбу, припалъ къ землѣ и куда-то исчезъ. Пѣсни умолкли, люди дремали у костровъ, часовые глядѣли на озеро; изъ одного окна, или вѣрнѣе—отверстія, въ башнѣ тихонько, безъ шума, спустили толстый канатъ. Зносекъ осторожно подползъ къ нему и крѣпко обвязалъ имъ свое туловище. Часовой, стоящій на берегу озера, замѣтилъ что-то ползущее по стѣнѣ башни, точно огромный паукъ. По понятію часового это не могло быть ничто иное, какъ развѣ духъ.

Паукъ этотъ поднимался по стѣнѣ все выше и выше, наконецъ благополучно достигъ отверстія; ставня тихонько раскрылась и онъ уже готовился проникнуть внутрь башни, когда часовой пустилъ стрѣлу—раздался крикъ, все исчезло.

Зноска втащили въ отверстіе. Онъ сейчасъ-же со стономъ упалъ... Стрѣла впилась ему въ шею. Прибѣжавшая на крикъ женщина вынула стрѣлу, но кровь ключомъ била изъ раны. Наскоро добытыми тряпками старалась задержать кровь. Хвостекъ подошелъ къ умирающему Зноску и ткнулъ его въ бокъ ногою.

— Эй, слышишь? Былъ ты у князя Милоша?

Зносекъ молчалъ, извиваясь отъ боли.

— Былъ...—проговорилъ онъ наконецъ едва внятно; но тутъже потянулся и испустилъ духъ. Княгиня, которая при жизни ему покровительствовала, велѣла накрыть охладѣвшее тѣло холстиной.

На слѣдующее утро должны были его выбросить въ озеро, какъ ненужную болѣе вещь.

Между тѣмъ, время шло. Въ башнѣ, по всѣмъ признакамъ, творилось что-то неладное: слышались стоны и плачъ... Казалось, внутри иногда происходилъ ожесточенный бой... Даже стѣны тряслись отъ сильныхъ ударовъ. Страшный, раздирающій душу крикъ доносился оттуда, словно печальный вѣстникъ умирающей жизни...

Нѣсколько разъ поднималась въ башнѣ возня; затѣмъ снова

все утихало... Чаще и чаще показывались истомленныя лица въ окнахъ, жаждущія вдохнуть въ себя свѣжаго воздуху; раскрытыя губы, высунутые, засохшіе языки придавали имъ ужасный видъ— но никто не просилъ прощенія, никто не предлагалъ сдаться.

Десятый день осады... Башня молчитъ... Вороны стаями слетаются къ окнамъ... Кметы стрѣлами отгоняютъ ихъ... Мышки велѣли позвать кого-нибудь для переговоровъ: никто не откликнулся... Они прождали еще четыре дня... На башнѣ не было уже часового... Тамъ царила мертвая тишина. Кметамъ ужъ надоѣло столь долгое ожиданіе, всѣ съ нетерпѣніемъ желали увидѣть развязку.

Мышко-Кровавая Шея велѣлъ наконецъ готовить лѣстницы. Слуги его отыскали гдѣ-то полуразрушенныя, старыя ворота, которыя на всякій случай держали надъ головами рѣшившихъ приблизиться къ башнѣ и ожидавшихъ, по-прежнему, тучи камней и бревенъ. Приставили лѣстницы и осторожно стали взбираться къ главному входу.

Въ башнѣ не замѣчалось и признака жизни... Попробовали рубить входныя двери, — сопротивленія никто не оказывалъ. Вскорѣ онѣ съ шумомъ упали, провалившись какъ-бы въ глубокую пропасть. Внутри была могильная тишина: ни откуда ни звука... Ощущался запахъ гнилого тѣла. Глазамъ забравшихся въ башню кметовъ представились груды труповъ измятыхъ, съ поломанными руками и ногами, посинѣвшихъ, обезображенныхъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи лежали тѣла князя и Брунгильды, покрытыя черными пятнами; — отъ голода-ли они погибли, или отъ яда?..

Убѣдившись въ побѣдѣ, кметы радостно вскрикнули. Они начинали уже тосковать по своимъ, имъ хотѣлось скорѣе разойтись по домамъ. Мышки кидали въ воздухъ свои колпаки въ знакъ восторга... Приступили къ отъискиванію громадныхъ сокровищъ Хвостека, которыя, по общему мнѣнію, онъ спряталъ въ землѣ или въ стѣнахъ башни. Расходившіеся по домамъ своимъ кметы спѣшили оповѣстить радостную для всѣхъ вѣсть, что у княжескаго столба царятъ одни лишь вороны.

XXII.

У опустошеннаго княжескаго столба, на развалинахъ его замка, назначено было вѣче, которое должно было произойти въ первый день полнолунія.

Дня за три до этого срока старшины уже начали собираться въ разныхъ мѣстахъ для предварительныхъ обсужденій. Собранія ихъ, на которыхъ они выказывали явную ненависть къ нѣкоторымъ извѣстнымъ родамъ, обѣщали, что и вѣче не обойдется безъ ссоры, что на мѣстѣ, бывшемъ свидѣтелемъ кровавой распри, легко можетъ снова подняться буря.

Стиборъ по пути къ своимъ заѣхалъ къ Пясту, желая и его пригласить на вѣче.

— А я вамъ на что? Я не гожусь въ совѣтчики,—отвѣтилъ Кошычковъ сынъ:—мое дѣло ходить за пчелами... Кто сильнѣй да богаче, тотъ пускай и рѣшаетъ; я человѣкъ бѣдный, мнѣ не попасть въ старшины... Да у меня для этого ни силъ, ни способностей нѣтъ... Къ этому я не привыкъ, повелѣвать не умѣю, развѣ пчеламъ однимъ—тѣ меня слушаются... да слугамъ, которые меня уважаютъ. Въ добрый часъ; начинайте и торопитесь выбрать князя скорѣе... Какъ только нѣмцы узнаютъ, что мы безъ вождя, сейчасъ-же на насъ нападутъ... Станемъ по-братски за общее дѣло... За себя вамъ ручаюсь: все, что прикажете дѣлать, исполню безпрекословно; что-жъ именно начинать, это должно быть извѣстно вамъ лучше меня...

Стиборъ улыбнулся и продолжалъ:

— Твой-то умъ намъ и нуженъ, добрый отецъ, потому, кажись, мы далеки отъ спокойной развязки,—все предвѣщаетъ бурю. Лешковъ, хоть и мелкіе всѣ они, осталось еще довольно, а кромѣ того и прочіе кметы да витязи тоже мечтаютъ о княжескомъ званіи... Не легко дается намъ это дѣло...

Оба вздохнули. Старикъ по-прежнему утверждалъ, что лучше возиться съ пчелами, чѣмъ съ людьми. Наконецъ, хозяинъ и гость распрощались. Пястъ съ корзиною за плечами направился въ лѣсъ; Стиборъ поспѣшилъ на вѣче.

Отовсюду стекались кметы къ княжескому замку. Прибыли и

Лешки, слегка потрусивавшіе, но не желавшіе уступить своего права другимъ. Втайнѣ они надѣялись, что, въ концѣ концовъ, выборъ-таки падетъ на кого-либо изъ нихъ.

Трудно было придумать для сборища мѣсто удачнѣе избраннаго: развалины, грустный видъ свѣжаго пепелища—остатка низверженнаго могущества,—все наводило на мысль, что медлить съ избраніемъ князя не слѣдуетъ, такъ-какъ съ каждымъ мгновеніемъ близился часъ ожидаемой мести за Пепелка.

На городищѣ было уже много владыкъ, жупановъ и кметовъ, а новые все прибывали. Всѣ предугадывали, что Мышки, уничтожившіе Хвоста, займутъ по праву на выборахъ первое мѣсто; не всѣмъ, однако, это приходилось по вкусу...

— Хоть въ жилахъ у нихъ течетъ такая-же кровь, какъ и въ нашихъ,—разсуждали иные,—но, забравъ власть въ свои руки, пожалуй, начнутъ обходиться съ нами не лучше Хвостка, отъ котораго мы только-что избавились.

Тутъ-же виднѣлся и недавно оправившійся Доманъ съ Людекомъ, сыномъ Виша, и много другихъ, прибывшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ. Не замѣтно лишь было Пяста.

— Жаль, что нѣтъ старика, пригодился-бы онъ намъ теперь,— слышались голоса:—человѣкъ онъ прямой, со свѣтлымъ умомъ, говорить много не любитъ, а дѣло куда знаетъ лучше другихъ, къ тому-же ни съ кѣмъ не связанъ, всѣмъ желаетъ добра...

Пошли разспросы о Пястѣ. Стиборъ объяснилъ, что старикъ занятъ работой по хозяйству въ лѣсу...

Солнце высоко уже поднялось на небѣ, а кметы все продолжали прибывать. Видя, что дѣло затягивается, раньше прибывшіе обратились съ заявленіемъ къ старшинамъ, что пора-бы и начинать.

Старшій лѣтами на съѣздѣ оказался Жула, изъ рода Яксовъ, богатый кметъ, житель дальнихъ лѣсовъ, любившій миръ и мало привыкшій къ войнѣ и къ вѣчамъ. Слылъ онъ за человѣка строгаго, но притомъ справедливаго, особенно если приходилось ему исполнять роль судьи. Расправивъ рукою усы и бороду, онъ проговорилъ:

— Приступимъ къ избранію князя, къ чему намъ время терять? Дома, у каждаго, и безъ того много дѣла! Вздумалось вамъ

завести себѣ новаго господина?.. Попробуйте... Больше мнѣ нечего вамъ сказать, замѣчу развѣ вотъ кстати, что вижу отсюда я много князей, а нуженъ намъ лишь одинъ... За княземъ дѣло не станетъ,—повиноваться ему будетъ труднѣе... Отчего хоть-бы и мнѣ не быть вашимъ княземъ?..

Мышки, подобно другимъ родамъ держались вмѣстѣ... Полагаясь на свою многочисленность, они такъ шумѣли, что невольно обращали на себя общее вниманіе.

Каждая семья таила надежду, что выборъ падетъ на одного изъ принадлежавшихъ къ ней членовъ. Никто, повидимому, не хотѣлъ уступать, особенно такіе рода, какъ Лешки, Бумиры, Яксы, Кани, Пораи, Визилиры, Старжи...

— Мышка выбрать,—послышалось изъ его семьи:—Кровавую Шею! Онъ ужъ намъ далъ доказательство, что умѣетъ при случаѣ быть вождемъ... Намъ такого и нужно!..

— Мышка?! А почему-жъ-бы не Кани, — замѣтилъ кто-то въ отвѣтъ:—Кани не хуже владѣютъ оружіемъ, а кромѣ того намъ богатый надобенъ князь, чтобы не было вѣчевыхъ, на пользу его, поборовъ...

— Такъ и Виши — семья богатая, — оспаривалъ чей-то голосъ:—старый Вишъ первый жизнь положилъ за вѣче...

Крики усиливались, грозя перейти въ безпорядокъ. Лешки бѣшено волновались, доказывая свое первенство относительно права стать во главѣ народа.

— Лешковъ не надо! Было у насъ ихъ довольно!—поднялась буря криковъ.—Долой ихъ! Мстить еще вздумаютъ намъ!

Слово за словомъ—доходило чуть не до драки. Замѣтивъ это, Стиборъ обратился къ спорщикамъ съ увѣщаніемъ, что на вѣчѣ—не кулакъ, а доброе слово рѣшаетъ дѣло!

Людекъ, сынъ стараго Виша, поднялся съ мѣста и началъ:

— Слухи ходятъ, что отецъ княгини и молодые князья знаютъ уже о смерти Хвоста. Говорятъ, что въ тотъ самый день, какъ мы впервые зажгли огни, сыновья князья, гостившіе въ замкѣ, отправлены были матерью къ дѣду звать нѣмцевъ на помощь... Одновременно извѣстили о томъ-же и кошубевъ съ поморцами... Эти долго ждать себя не заставятъ: не сегодня — завтра нагрянутъ на насъ... Земли опустошатъ, дома обратятъ

въ пепелъ... Мы вотъ споримъ, да ссоримся — кого-бъ, дескать, надъ собою поставить княземъ, а о томъ забываемъ, что будь насъ хоть вдвое больше противъ дѣйствительности, безъ главы оборона немыслима!...

Сказавъ, Людекъ сѣлъ; тогда привсталъ Добекъ. Это былъ богатый жупанъ: всѣ его знали и относились къ нему съ уваженіемъ, какъ къ умному, хитрому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великодушному человѣку. Лѣтъ ему было около сорока, хотя на видъ казалось не болѣе тридцати. Онъ обладалъ громадною физическою силою: душилъ медвѣдей, словно котятъ, и часто, сломавъ копье, вырывалъ съ корнемъ небольшое деревцо, причемъ наносилъ имъ удары лучше, чѣмъ иной копьемъ или мечомъ. Непокорную лошадь Добекъ ногами задавливалъ до смерти. Съ людьми онъ тоже церемониться не любилъ, а ужъ что касалось того: предводительствовать-ли въ битвѣ, водворить-ли порядокъ гдѣ—въ этомъ равнаго ему и сыскать было трудно. Нѣмцевъ онъ выносить не могъ; бывало попадется какой изъ нихъ ему въ руки, онъ сейчасъ-же запряжетъ его въ плугъ или въ соху. Въ мирное время Добекъ отличался веселымъ, словоохотливымъ нравомъ и разъ привязавшись къ кому-либо, отдавался ему всей душою. Такова была личность, обратившаяся къ вѣчу со слѣдующими словами:

— Намъ нуженъ князь, но только одинъ, сватается-же ихъ болѣе сорока... За каждаго изъ нихъ стоитъ его родъ... Уступить никому не хочется... Все это не ново... Давно вѣдь разсказываютъ, что когда въ прежнее время приходилось выбирать старшинъ, Лешки, не зная, какъ придти къ соглашенію, въ-запуски бѣжали къ столбу... Теперь намъ не ноги нужны; нужны головы... Что-жъ... по старому обычаю... кинемъ жребій... Авось выйдетъ что-либо путное... Не умѣемъ сами рѣшить, предоставимъ рѣшить богамъ...

Наступило молчаніе: предложеніе, видимо, не понравилось.

— Не добьемся согласія,—сказалъ наконецъ Мышко Кровавая Шея:—тогда и будетъ время подумать о жребіи... А съ этого начинать не стоитъ, пока у насъ еще своя воля есть.

Доманъ привсталъ.

— Чѣмъ-же худо по жребію?—спросилъ онъ.—По крайности, времени напрасно-бы не теряли. Положимъ копья наши на землю,

приведемъ бѣлаго коня; чье копье онъ прежде другихъ тронетъ ногою, тому и быть княземъ, тотъ значитъ избранникъ боговъ!

— Или пошлемъ на Ледницу, на священный островъ, пригласимъ оттуда женщину, положимъ передъ нею наши колпаки, чей она первымъ подыметъ, того мы и выберемъ княземъ,—сказалъ Згорѣлецъ.

Но ни одно изъ этихъ предложенныхъ средствъ не приняло вѣче. Шумъ продолжался — согласія не было. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ.

Кметы расходились, ничего не рѣшивъ. Одни отправились по дворамъ, другіе полегли отдыхать на сосѣднемъ лугу. Одни стояли за Лешка, другіе за Мышка, у Виша тоже не мало было сторонниковъ; нашлись и желающіе избрать Добка; послѣдніе хотѣли тутъ-же провозгласить его княземъ, но онъ удержалъ ихъ отъ подобнаго намѣренія словами:

— Не хочу! Я скорѣе готовъ подчиняться, чѣмъ повелѣвать... При настоящихъ условіяхъ лучше жить на свободѣ, нежели служить многимъ господамъ... Я предпочту уйти на край свѣта, лишь-бы избѣжать такой неволи...

Мышки, обманувшіеся въ расчетахъ, поспѣшили разъѣхаться. Съ каждой минутой росло число недовольныхъ и честолюбцевъ.

— Чѣмъ-же мы хуже другихъ, — говорили многіе: — богаты мы столько-же, если еще не богаче, земли у насъ много, родня не малая... Мы также съумѣемъ княжить, какъ и другіе.

Такъ и разошлись всѣ недовольные другъ другомъ.

Пястъ возвращался съ пчельника, когда къ его усадьбѣ подъѣхалъ Добекъ и соскочилъ съ лошади.

— Отецъ Пястъ, — обратился онъ къ старику: — ты, вмѣсто того, чтобы придти къ намъ, отправился къ пчеламъ, а будь ты на вѣчѣ, авось-бы съумѣлъ прекратить наши споры добрымъ совѣтомъ. Пчелы и безъ тебя живутъ хорошо да согласно...

— А что у васъ тамъ случилось?—спросилъ хозяинъ.

— Ничего особеннаго... Говорятъ только, что сыновья Хвостека ведутъ на насъ кошубовъ... а мы, между тѣмъ, не имъ, а другъ другу грозимъ кулаками. Вѣче ни къ чему не пришло... А такъ какъ самимъ намъ выбрать князя не удается, то намъ и предлагаютъ разныя средства: кто лошадь, кто женщину, наконецъ,

какъ водилось когда-то, хотятъ, чтобъ мы взапуски бѣжали къ столбу...

— Стало быть, я и правъ,—усмѣхнулся Пястъ,—отдавъ предпочтеніе пчеламъ: въ лѣсу-то я знаю, что сдѣлалъ; среди васъ-же, мнѣ, бѣдному человѣку, дѣлать было-бы нечего... Вѣдь вотъ вы ужъ и разбѣжались?!

— Одни разсердившись, совсѣмъ уѣхали, другіе остались, но сильно ворчатъ... Нѣкоторые, какъ я, напримѣръ, ищутъ ночлега... А всетаки надо-же выбрать кого-нибудь,—того и гляди, незванный-то гость на плечи намъ сядетъ!..

На слѣдующій день рано утромъ явился Доманъ съ поклономъ. Стараго Пяста всѣ уважали.

— Что это ты такъ блѣденъ?—спросилъ у него хозяинъ, который давно ужъ не видѣлъ Домана и ничего о немъ не слыхалъ.

— Потерялъ много крови, ножомъ мнѣ въ бокъ угораздили,—отвѣчалъ Доманъ.

— Кто-же тебя это?..

— Стыдно признаться... женщина... Я хотѣлъ увезти Вишову дочь, потому она сильно мнѣ полюбилась... Я ее и въ рукахъ ужъ держалъ, какъ она, выхвативъ у меня изъ-за пояса ножъ, вонзила его въ мою грудь...

— Дорогой, однако-жъ, цѣной купилъ ты красавицу!..

— Не довелось мнѣ только владѣть ею, — замѣтилъ Доманъ, смѣясь:—убѣжала на Ледницу въ храмъ, а меня оставила тутъ залѣчивать рану...

— Другую дѣвицу найдешь,—старался утѣшить Пястъ.

— Я и нашелъ ужъ, сказалъ Доманъ:—да что-жъ изъ того, когда первой забыть не могу...

Въ эту минуту, со стороны раздался чей-то знакомый голосъ:

— Еслибъ не вѣдьма Яруха, давно-бъ ужъ тебя поминай какъ звали!..

Пястъ и Доманъ оглянулись: Яруха имъ кланялась въ ноги, старчески шевеля губами.

— А ты куда: на вѣче, или уже оттуда? — спросилъ съ насмѣшкой Доманъ.—Можетъ, ты тамъ-бы и пригодилась?

— Только еще на вѣче,—не смущаясь, отвѣтила Яруха:—отчего-бы и мнѣ не пойти туда? Я слышала, нѣтъ тамъ ни складу,

ни ладу... Кто знаетъ? Можетъ, я принесла-бы съ собою порядокъ... Въ мѣшечкѣ водится у меня всякая всячина... Знаю я многое... Вотъ, хоть къ примѣру, разсказала-бы сказку...

— Какую?—полюбопытствовали и хозяинъ, и гость.

— Э! Это старая бабья сказка...—махнула Яруха рукой; затѣмъ продолжала.—Говорятъ, когда-то случилось, въ муравейникѣ не стало царя... Упалъ онъ съ дуба, да такъ и погибъ на мѣстѣ, и дѣтей по себѣ не оставилъ... Долго-ли, коротко-ли—стали голодныя птицы слетаться, поклевывать муравьевъ, расхищать муравейникъ... Старшіе-то изъ муравьиной семьи и собрались, промежъ себя совѣщаніе затѣяли... Кто предлагаетъ власть вручить комару, кто и мухѣ, а не то пауку, только чтобъ муравью не досталась... Муравьи-то всѣ черные, ихъ другъ отъ дружки, поди, и не отличишь, на видъ всѣ какъ есть, значитъ, равные... Такъ-то спорили они спорили, галдѣли-галдѣли, да въ концѣ-концовъ ни на чемъ и не порѣшили, а птицы тѣмъ временемъ съ муравьевъ перешли ужъ и къ яйцамъ... Вотъ, какъ-бы и съ вами, господа мои милостивые, не приключилось чего-либо въ эдакомъ родѣ?.. А впрочемъ, какое мнѣ, старой вѣдуньѣ, до этого дѣло?..

Пястъ и Доманъ улыбнулись. Яруха, отвѣсивши имъ по поклону, поплелась къ женѣ Пяста промочить себѣ горло пивомъ.

Добекъ съ Доманомъ сильно пристали къ Пясту, убѣждая его отправиться съ ними на вѣче.

— Къ чему собой увеличивать счетъ, коль скоро на добрый исходъ нѣтъ надежды?—упорствовалъ Пястъ.—Обойдетесь и безъ меня, я совѣтчикъ плохой...

Въ этотъ день повторилось точь-въ-точь то самое, что было и наканунѣ. Старшины, проспоривши день-деньской, разошлись ничего не добившись. Лешки съ одной, Мышки съ другой стороны, старались перекричать другъ друга, а дѣло не двигалось.

Поздно вечеромъ Мышко Кровавая-Шея явился къ Пясту.

— Привѣтствую тебя, отецъ,—проговорилъ онъ хмуро.

— Откуда это, съ вѣча?

— Да,—отвѣтилъ гость, вздохнувъ.

— Что новаго?

— Пустое ведро,—усмѣхнулся Кровавая-Шея:—нѣтъ воды, со-

гласія нѣтъ. Чуть не до драки доходитъ: каждому хочется княземъ быть, повиноваться лишь никому не желательно.

— Ну, а ты?

— Что-жъ... я? У меня, по крайности, есть основаніе, право,— замѣтилъ уклончиво Мышко.—Кто низвергъ Хвоста ненавистнаго, если не я да мои? Кто жизнью своею жертвовалъ? Чѣмъ хуже я Лешковъ или другихъ!..

— Положимъ,—отвѣтилъ Пястъ:—но что-жъ выйдетъ изъ этого? Вѣдь эдакъ воротятся времена Лешковъ и Пепелка!..

— Да что!.. О выборѣ нечего, видно, и толковать... Кто соберетъ больше людей, тотъ и провозгласитъ себя княземъ, и управленіе возьметъ въ свои руки!

— Къ чему-же было тогда хлопотать о сверженіи прежняго?— удивился Пястъ:—онъ на этихъ именно основаніяхъ и княжилъ?

— Что-же дѣлать, коли согласія нѣтъ? Да и лучше-то что: нѣмцы-ли нами чтобъ правили, или свой человѣкъ?

Помолчавъ немного и глядя въ землю, хозяинъ отвѣтилъ:

— Дѣлайте, какъ знаете, но уважайте вѣче.—Что случилось съ Пепелкомъ и Лешкомъ, можетъ легко и съ другимъ повториться...

— Я не позволю кому-бы то ни было собой управлять!—воскликнулъ Мышко, поднимая съ угрозою руку вверхъ, послѣ чего, не дожидаясь отвѣта, не попрощавшись съ Пястомъ, сейчасъ-же уѣхалъ.

На слѣдующій день на мѣстѣ двухдневнаго сборища кметовъ никого уже не было; одни воробьи, нахохлившись, злобно чирикая, оспаривали одинъ у другого крошки отъ объѣдковъ людскихъ, словно подражая вчерашней толпѣ, тоже неистово спорившей, хоть изъ-за блюда и болѣе лакомаго—власти одного человѣка надъ многими!..

Пястъ сидѣлъ на крыльцѣ, удивляясь людямъ, какъ это они могутъ стремиться къ тому, что въ его глазахъ было ужаснымъ бременемъ... Онъ искренно радовался своему убожеству, дававшему ему право не участвовать въ этихъ спорахъ и стоять въ сторонѣ...

Вѣче не состоялось; пріѣхавшіе на совѣщаніе друзьями разстались съ взаимною ненавистью. Особенно Мышки нажили себѣ

много враговъ. Лешки зато весело потирали руки, такъ-какъ многіе кметы обращались къ нимъ со словами:—Пускай лучше прежній родъ княжитъ, лишь-бы поступалъ по закону. Наступилъ праздникъ жнитва. Старшины полагали, что вторично созванное вѣче должно увѣнчаться успѣхомъ и всѣ дѣятельно подготовлялись къ нему. Мышки собирали своихъ друзей и сторонниковъ, Лешки тоже не мѣшкали, но, въ сущности, каждый думалъ только о своихъ личныхъ выгодахъ.

Многіе не хотѣли участвовать въ предстоящемъ вѣчѣ. Другіе открыто радовались тому, что князя болѣе нѣтъ,—это освобождало ихъ отъ несенія извѣстныхъ повинностей; когда-же при нихъ говорили о возможномъ и скоромъ нашествіи нѣмцевъ, они отказывались этому вѣрить, утверждая, что нѣмцамъ и дома работы достаточно, да врядъ-ли имъ и удастся такъ скоро устроить походъ на полянскія земли.

Между тѣмъ, нѣкоторые, соображая, что не трудно пріобрѣсти себѣ друзей путемъ хлѣбосольства, велѣли наполнить возы мясомъ, калачами, пивомъ и медомъ и везли все это съ собою для угощенія. Они тѣмъ болѣе разсчитывали на успѣхъ, что вѣчу предстояло собраться въ праздничный день. Такъ сдѣлали Мышки, а когда Бумиръ и его товарищи узнали объ этомъ, то также, что только въ домѣ нашлось—послали на городище.

Собраніе, по численности присутствующихъ уступавшее первому, имѣло зато болѣе торжественный видъ.

Кметы внимательнѣе слѣдили за ходомъ рѣчей, стараясь больше слушать, нежели говорить. Они стали опытнѣе и ловчѣе брались за дѣло.

Старый Визунъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ явился какъразъ въ то время, когда кметы уже заняли свои мѣста. Видно было, что онъ усталъ.

Визунъ пользовался общимъ и исключительнымъ уваженіемъ какъ потому, что не разъ уже выказалъ умъ свой и опытность, такъ и потому, что онъ, на своемъ вѣку, много видѣлъ, побывалъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ, зналъ обычаи, нравы, законы и порядки всѣхъ племенъ, широко раскинутыхъ по берегамъ Вислы, Днѣпра, Дуная, Лабы, Одера и Бѣлаго моря; къ тому-же онъ слылъ за мастера ворожить и умѣлъ предсказать все, что

должно было совершиться въ будущемъ... Многіе прибѣгали къ его совѣтамъ, хотя онъ ихъ и не охотно давалъ. Неудивительно, что всѣ обрадовались его появленію, надѣясь, что словомъ своимъ онъ водворитъ миръ и согласіе.

Мышки и Лешки побѣжали къ нему навстрѣчу. Раньше чѣмъ приступить къ дѣлу оба рода разставили все привезенное съ собою—мясо, пиво хлѣбъ—и пригласили всѣхъ къ приготовленной на скорую руку трапезѣ.

Визуна усадили на почетномъ мѣстѣ, и началось угощеніе. Погода въ тотъ день была восхитительна; разныхъ напитковъ достаточное количество, а разъ принявшись за нихъ, кметы и не замѣтили, какъ прошла добрая половина дня. Визунъ все время молчалъ. Мышкамъ казалось, что онъ непремѣнно будетъ на ихъ сторонѣ, въ свою очередь Лешки ласкали себя подобною-же надеждою. Всѣ обратились къ нему за совѣтомъ, какъ быть и что дѣлать, чтобъ добиться осуществленія завѣтной мечты.

Старикъ окинулъ взоромъ притихнувшее вѣче и началъ:

— Затѣмъ-то я и пришелъ сюда, чтобы вамъ правду сказать, не я ее сочинилъ, а несу ее изъ того источника, гдѣ она зародилась. Я нарочно былъ въ нѣсколькихъ храмахъ, съ цѣлью узнать, что намъ дѣлать, чтобы кончить все мирно и бѣды себѣ не нажить. Былъ я въ храмѣ Святовида, Радегаста, Поревита... побывалъ въ Колоберегѣ, въ Штетинѣ, въ Ретрѣ и на священномъ островѣ рановъ, что на Черномъ пруду... Тамъ царятъ боги, которые всѣмъ нашимъ племенемъ управляютъ: ободритами, вильками, людками и полянами... У насъ нѣтъ ни такихъ храмовъ, ни такихъ боговъ, какъ тѣ, которые есть у редаровъ и рановъ... Я къ нимъ ходилъ за ворожбою и передамъ вамъ все то, что узналъ отъ нихъ...

Онъ остановился на минуту, а Мышко спросилъ:

— Какъ-же пробрался ты въ Ретру?

— А кто-жъ-бы остановилъ безоружнаго старика?—сказалъ Визунъ.—Вильки не разъ останавливали меня на пути, но тотчасъ-же и отпускали... Къ Радегасту не легко было также добраться... Храмъ стоитъ на островѣ, подобномъ нашей Ледницѣ, и построенъ на возвышеніи; въ окружающей его оградѣ трое воротъ; изъ нихъ одни никогда не открываются, такъ-какъ скры-

ваютъ за собою ходъ къ водѣ... Изображеніе бога покрыто сплошь золотомъ, корона блеститъ у него на головѣ, у подножья лежатъ оленьи рога, надъ нимъ возвышается пурпурнаго цвѣта крыша, опирающаяся на расписанные столбы. Вокругъ него изображенія другихъ боговъ, всѣ въ богатыхъ красныхъ одеждахъ, вооруженные, съ мечами въ рукахъ... Къ нимъ-то я и отправился спросить о нашемъ будущемъ...

— Что-жъ ты узналъ?—раздались вопросы.

Визунъ опустилъ глаза.

— Долго пришлось мнѣ ждать, пока добился короткаго отвѣта: выберите покорнаго... Этого показалось мнѣ мало, я и отправился на священный островъ, что на Черномъ пруду, на Ясмундѣ, въ Реконѣ... Здѣсь вопрошалъ я Триглова и Святовида... Святовидъ сказалъ: выберите малаго. Тригловъ—изберите бѣднаго... Совѣтовался я еще съ Святовидовымъ рогомъ посредствомъ меда и тутъ получилъ въ отвѣтъ, что насъ неминуемо ждутъ война и несчастіе, если малаго не сдѣлаемъ великимъ...

Въ теченіе всей этой рѣчи, на лицахъ присутствующихъ ясно отражалось овладѣвшее ими недоумѣніе. Визунъ продолжалъ:

— То, что слышалъ я отъ боговъ, обо всемъ этомъ я и самъ раньше думалъ... Прежде всего намъ необходимы согласіе и единство во всемъ. Обошелъ я наши народы и племена, что живутъ отъ Днѣпра вплоть до Лабы, отъ синяго до Бѣлаго моря, и убѣдился, что насъ очень много, но сдѣлать-то мы ничего не умѣемъ... Одни поддались нѣмцамъ и теперь съ ними въ дружбѣ живутъ; другіе воюютъ со своими сосѣдями-братьями; иные забрались въ лѣса и своихъ знать не хотятъ... Всякъ живетъ, какъ ему вздумается... Не разъ ужъ встрѣчались наши поляне у рановъ съ сербами, людками, дулебами, вильками и со многими племенами одной съ нами рѣчи; хлѣбъ вмѣстѣ ѣли, изъ одной чарки медъ пили, а на слѣдующій день не узнавали другъ друга...

У нѣмцевъ всего одинъ вождь, и лишь только они повздорятъ—онъ сейчасъ-же миритъ ихъ, словно мать малыхъ дѣтей, поссорившихся за мискою; у насъ царитъ полная свобода и ради нея мы не хотимъ знать единаго властелина, а между тѣмъ дикіе звѣри могутъ насъ уничтожить... Коль скоро ужъ иначе быть

не можетъ, пусть изберутъ, какъ совѣтуютъ боги, покорнаго, бѣднаго, малаго...

Молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь Визуна. Какъ прежде каждый старался казаться великимъ, такъ теперь думалъ о томъ, какъ-бы стать меньше, бѣднѣе, покорнѣе. Болѣе знатнымъ кметамъ не пришлись по вкусу слова старика, смыслъ которыхъ вызвалъ ропотъ, неудовольствія.

Между тѣмъ, раздались крики нетерпѣливыхъ кметовъ:

— За дѣло! Начнемъ-же хоть разъ, наконецъ!

Снова поднялся говоръ и шумъ; слова Визуна были скоро забыты. Мышки выставляли на видъ пролитую ими кровь, Лешки опирались на свое право, другіе кичились богатствомъ.

Кровавая-Шея, сравнительно съ другими, съумѣлъ набрать себѣ больше сторонниковъ; самые смѣлые изъ нихъ предложили его въ князья, но лишь раздалось его имя—добрая половина участниковъ вѣча отошла въ сторону, не желая и думать о такомъ князѣ.

Тогда предложилъ кто-то одного изъ самыхъ покорныхъ Лешковъ,—предложеніе встрѣтило сильный отпоръ. Многіе разошлись, не предвидя конца..

Солнце клонилось къ закату. Согласія по-прежнему не было. Старый Визунъ стоялъ въ сторонѣ, задумчиво улыбаясь.

Вдругъ вдали показался всадникъ, изо всѣхъ силъ скакавшій по направленію къ столпившимся кметамъ. Кметы кинулись навстрѣчу ему. Не успѣлъ онъ еще соскочить съ коня, какъ послышался его сильный голосъ:

— Сыновья князя съ поморцами, кошубами, нѣмцами вступили къ наши владѣнія... Они уже перешли границу...

Всѣ стремительно бросились къ лошадямъ. Крикъ, шумъ, невообразимая суетня...

— Вотъ чего мы дождались, вздоря, да ссорясь здѣсь!—съ досадою воскликнулъ Добекъ.—Если мы теперь разбѣжимся въ разныя стороны — неизбѣжно погибнемъ всѣ, потому насъ по-одиночкѣ будутъ ловить...

Лешки отошли въ сторону и молчали. Имъ казалось не труднымъ войти въ соглашеніе съ пришельцами. Мышки, напротивъ, видимо безпокоились о своей судьбѣ. Они собрались въ одну кучу.

— На коня, кому жизнь дорога и пусть каждый людей своихъ соберетъ,—кричали они,—совѣщаться теперь не время!.. Пойдемъ имъ навстрѣчу гурьбою... Не съумѣемъ теперь устоять, послѣ будетъ ужъ поздно...

Добекъ прервалъ повелительно:

— По домамъ, за людьми! Идите челядь скликать... Завтра утромъ всѣмъ являться сюда съ тѣмъ, что у кого есть... Вмѣстѣ и двинемся на врага... Вечера и ночи хватитъ собраться съ силами! Живѣй на коня!

Всѣ еще больше засуетились, и вскорѣ городище совсѣмъ опустѣло.

Ночью въ той сторонѣ, откуда ждали нашествія, на небѣ появилось широкое зарево, расплывавшееся, казалось, до безконечности.

На слѣдующій день еще никто не прибылъ на городище. Всѣ приготовлялись къ защитѣ; у иныхъ не было даже оружія... Только на третій день съ ранняго утра, на берегу озера стали показываться кметы со своими дружинами. Вѣсть о вражьемъ нашествіи успѣла проникнуть въ самые отдаленные уголки; изъ нихъ также явились кметы, ведя за собою людей.

Не спрашивая ничьего согласія, Добекъ, который первый прибылъ на городище, распоряжался какъ вождь. Никто не осмѣлился отказать ему въ повиновеніи. Онъ, впрочемъ, обладалъ такою силою, такимъ громаднымъ вліяніемъ, что въ случаѣ отказа съумѣлъ бы заставить молчать непокорнаго.

Тогдашнее вооруженіе полянъ едва достойно этого слова. Поляне не любили войны и хищниками никогда не были; они спокойно занимались хлѣбопашествомъ. Необходимость защиты принудила ихъ подумать о вооруженіи, но оно было крайне бѣдно.

Желѣзное оружіе имѣли весьма лишь немногіе, тоже и относительно мѣднаго; по большей части каменные молоты и топоры, луки, пращи и палки составляли все ихъ вооруженіе. Кусокъ древесной коры замѣнялъ собою желѣзный панцырь, а щитъ, покрытый одною или двумя звѣриными шкурами, считался уже украшеніемъ, роскошью. Сѣкиры и ножи, у кого они были, привязывались къ кушаку или сѣдлу.

Слуги и челядь шли пѣшкомъ; одни только старшины, кметы

да старшіе изъ дружинниковъ были на лошадяхъ. Всадники, ради защиты, на колпакъ свой надѣвали металлическое кольцо, а на плечи металлическіе круги.

Каждая семья предводительствовала своею дружиной, не отличавшейся особеннымъ расположеніемъ къ войнѣ, тѣмъ менѣе—къ выполненію приказаній. Угрозами и страхомъ приходилось сдерживать ихъ. Добекъ осматривалъ полчища, собиралъ ихъ, устраивалъ, а непокорныхъ заставлялъ палкою молчать и повиноваться. Разъ принявшись за дѣло, онъ до тѣхъ поръ не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, пока не приводилъ все въ порядокъ. Добекъ любилъ воевать; онъ только тогда дышалъ свободно и бывалъ доволенъ собою, когда сидѣлъ на лошади съ копьемъ въ рукѣ. Глаза его смѣялись тогда, губы отъ восторга дрожали.

Вечеромъ Добекъ во всѣ концы разослалъ отборныхъ, ловкихъ людей, съ цѣлью развѣдать, гдѣ находятся въ данную минуту враги. Лишь добывъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, онъ намѣревался тронуться съ мѣста своими силами. Дожидаясь посланныхъ, онъ нѣсколько отступилъ отъ озера и расположился лагеремъ въ лѣсу, чтобы дымъ и огонь костровъ не навелъ невзначай на него непріятеля.

XXIII.

Посланные вернулись съ извѣстіемъ, что нѣмцы съ каждымъ часомъ подступаютъ все ближе. Ихъ даже видѣли издали, сосчитать только было трудно. А нѣмцы, дѣйствительно, шли впередъ, уничтожая все на своемъ пути: людей забирали въ плѣнъ, дома предавали огню, захватывая съ собою все, что удобно было нести; послѣ нихъ оставались груды развалинъ и пепла.

Защиты нельзя было откладывать: каждый день стоилъ жизни громадному числу мирныхъ кметовъ съ семействами, не говоря уже объ имуществѣ, расхищавшемся и гибнувшемъ отъ огня. Къ сожалѣнію, дружину пугали страшныя полчища вооруженныхъ нѣмцевъ, съ которыми трудно было бороться. Въ виду всего этого Добекъ рѣшился напасть на враговъ ночью, когда они расположатся для отдыха.

Предводительствуемые Добекомъ кметы, со своими дружинами, тронулись въ путь лѣсомъ. На второй день пути, въ глухой чащѣ, встрѣтилось имъ большое количество женщинъ, стариковъ, дѣтей и больныхъ, успѣвшихъ укрыться здѣсь со всѣмъ своимъ скарбомъ отъ наступавшаго непріятеля. Отъ нихъ-то узнали, что много народа захвачено въ плѣнъ и что во главѣ поморцевъ находятся Лешекъ и Пепелекъ, которые, опьяненные местью, безжалостно вѣшаютъ каждаго попавшагося имъ въ руки кмета.

Плачъ бѣдныхъ женщинъ, дѣтскіе стоны, унылый видъ стариковъ хотя и напугали дружину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбудили въ ней жажду возмездія.

Несчастные бѣглецы разсказали, что своими глазами видѣли много людей, съ ногъ до головы покрытыхъ желѣзомъ, съ каменными щитами въ рукахъ, отъ которыхъ стрѣлы отскакивали, не причиняя имъ никакого вреда. За этими щитами нѣмцы чувствовали себя, какъ за стѣною.

Добекъ обрадовался, узнавъ, что враги, послѣ каждаго нападенія на хижину кмета, всегда напивались пьяными и потомъ засыпали крѣпчайшимъ сномъ... Случись напасть на нихъ во-время подобнаго состоянія, расправа оказалась-бы крайне не трудною.

Одинъ старикъ предложилъ провести ихъ ближайшимъ путемъ къ непріятелю. Добекъ съ дружинами оставался въ лѣсу до солнечнаго заката; двинулись съ мѣста лишь позднимъ вечеромъ. Ночь была безлунная, небо покрылось тучами...

Долго шли по самому краю лѣса. Наконецъ, вдали показались гаснувшіе костры.

Нетерпѣливо поскакалъ Добекъ впередъ, желая по числу ихъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о количествѣ непріятеля, но костровъ было такъ много, что Добекъ усталъ считать; къ тому-же, ему хотѣлось какъ можно скорѣе кинуться въ битву.

Лагерь поморцевъ, хотя-бы у нихъ нашлось и не много вещей, похищенныхъ у кметовъ, всетаки представлялъ лакомую добычу для дружины Добека. Поморцы были народомъ, каждый членъ котораго одновременно совмѣщалъ въ себѣ и воина, и торговца; въ странѣ ихъ можно было встрѣтить все, что только производилъ тогдашній міръ.

Въ Винедѣ они мѣняли свой мѣхъ и янтарь на желѣзо, тамъ-же доставали мечи, сукна и другіе товары, привозимые въ Винеду купцами съ юга, запада и востока. Хотя поморцы все еще говорили на славянскомъ нарѣчіи, но сердца у нихъ были нѣмецкія. Ради добычи, они готовы были служить каждому, жечь, убивать хотя-бы и братьевъ родныхъ. Звѣрская дикость и жадность были единственными ихъ двигателями.

Теперь они лежали у костровъ и отдыхали послѣ цѣлаго ряда убійствъ, сожженія безчисленнаго множества домовъ. Подъ защитою лѣса, озера и окружающихъ ихъ болотъ, они считали себя вполнѣ безопасными. Часовыхъ не было. У огня въ небольшихъ котлахъ варился ужинъ; мечи и щиты лежали безпорядочно сложенными на землѣ. Снявъ кушаки, желѣзные покровы и шишаки, поморцы отдыхали отъ кровавыхъ трудовъ.

Лежа, они громко пѣли; пѣснямъ ихъ вторили ужасные крики и стоны.

Дикіе воины жестоко обращались съ женщинами и дѣтьми, которыхъ, поймавъ, уводили съ собою. Вблизи видна была толпа людей, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ; несчастные казались истерзанными, голодными, никто не бросилъ имъ даже куска черстваго хлѣба. Женщины держали на рукахъ мертвыхъ своихъ дѣтей... Живые и мертвецы—все было здѣсь перемѣшано... Ужасное зрѣлище!..

Подкрадываясь ближе и ближе къ отдыхающему врагу, люди Добека, среди плѣнниковъ, узнавали своихъ—это бѣсило ихъ, они закипѣли гнѣвомъ. Немного поодаль виднѣлась ставка кошубовъ и нѣмцевъ, вооруженіе которыхъ было гораздо слабѣе. Саксонцы расположились совсѣмъ въ сторонѣ. Они окружали небольшой холмъ, на которомъ въ шалашѣ отдыхали Лешекъ и Пепелекъ.

У полянъ было довольно времени для того, чтобы внимательно разсмотрѣть враговъ. Тѣ изъ нихъ, что лежали у самаго лѣса, крикомъ своимъ заглушали шаги приближавшихся къ нимъ полянъ. Теперь всего лишь небольшое пространство отдѣляло Добекову дружину отъ становища поморцевъ. Уяснивъ себѣ достаточно расположеніе послѣдняго, Добекъ велѣлъ своимъ людямъ, прежде чѣмъ напасть на враговъ, окружить ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы такимъ образомъ не допустить никого спастись бѣгствомъ,

Все устроилось согласно съ желаніемъ вождя; съ одной только стороны нельзя было окружить поморцевъ, иначе они открыли-бы преждевременно угрожавшую имъ опасность.

По приказанію Добека, одна изъ дружинъ должна была немедленно подобраться къ плѣннымъ и разрѣзать имъ путы; предполагалось, что и они въ состояніи будутъ оказать посильную помощь.

Когда все было какъ слѣдуетъ подготовлено, Добекъ съ мечомъ въ рукѣ сталъ во главѣ своей собственной дружины и велѣлъ трубить въ рогъ — условный сигналъ, что время броситься на враговъ.

Поморцы хотя и услышали этотъ звукъ, но имъ показалось, что кто-нибудь изъ своихъ трубитъ; они не тронулись съ мѣста.

Вдругъ изъ лѣсу выбѣжали поляне и кинулись на поморцевъ, какъ-разъ въ то время, когда послѣдніе еще не успѣли хватиться за оружіе.

Ужасный крикъ огласилъ воздухъ, крикъ одновременно вырвавшійся изъ тысячи грудей... Началась ужасная рѣзня.

Освобожденные плѣнные, даже женщины, душили недавнихъ мучителей... Тѣ только изъ враговъ, которые отдыхали по ту сторону луга, успѣли привстать и вооружиться; но среди царившей суматохи они толпою бросились бѣжать, кто въ лѣсъ, кто къ озеру, хотя отовсюду являлись кметы, нанося смертельные удары.

Однако, къ холму, гдѣ стояли князья со своей дружиной, не такъ-то легко оказалось пробраться. Нѣмцы, замѣтивъ, что поморцы въ опасности, бросились-было къ нимъ на помощь, но опоздали. Поморцы одинъ за другимъ падали подъ ударами дружины храбраго Добека. Нѣкоторые изъ нихъ укрылись въ кустахъ, уходили въ лѣсъ, чтобы тамъ умереть. Оставшіеся еще въ живыхъ громко просили пощады. Подобная-же участь постигла кошубовъ, изъ которыхъ лишь небольшой кучкѣ удалось воспользоваться быстротой своихъ ногъ. Одни только нѣмцы еще оставались на лугу. Окруживъ Лешека и Пепелека, они замышляли искать спасенія въ бѣгствѣ. Темная ночь помогла имъ въ этомъ. Добекъ бросился-было за ними въ погоню, но они такъ быстро бѣжали, что догнать ихъ не представлялось возможности.

Добекъ вернулся назадъ, утѣшая себя надеждой, что ничтож-

ной горсти нѣмцевъ все равно неизбѣжно придется погибнуть или отъ голода, или отъ руки кметовъ. Побѣда полянъ была полная, и около полуночи разыгрывалось уже послѣднее дѣйствіе кровавой драмы. Веселыя, неумолкаемыя пѣсни звонко раздавались въ мягкомъ воздухѣ ночи. Торжествующій Добекъ, расположившись подъ дубомъ, наблюдалъ за исполненіемъ отданныхъ имъ приказаній: раскинуть ставку, зажечь костры, а трупы убитыхъ, сложивъ въ одну кучу, предать огню.

Слуги немедленно принялись за работу: тѣла побѣдителей кидали въ огонь, тѣла побѣжденныхъ — въ озеро. Послѣ этого начался осмотръ плѣнныхъ, которыхъ, несмотря на строгій приказъ не щадить враговъ, все-же набралось болѣе ста человѣкъ. Крѣпко связанные, рядами лежали они на землѣ. Когда среди нихъ проходили Добекъ, Болько-Каня и Людекъ, сынъ Виша, то послѣдній замѣтилъ въ сторонѣ, словно притаившагося, скрученнаго веревками, рыжаго человѣка, показавшагося ему знакомымъ. Сейчасъ-же велѣно было подтащить плѣнника ближе къ огню и какъ только лицо его освѣтилось, Людекъ воскликнулъ:

— Вотъ кто, должно быть, привелъ ихъ сюда! Онъ давно ужъ старался разузнать всѣ пути, ведущіе къ намъ! Я знаю его: это нѣмецъ, по имени Хенго. Онъ притворялся торговцемъ, ходилъ по селамъ, ѣлъ нашъ хлѣбъ, а теперь вотъ и навелъ на насъ своихъ братьевъ—нѣмцевъ...

Добекъ коротко приказалъ:

— Повѣсить его!

Людекъ, однако, вступился за рыжаго, говоря:

— Нѣтъ, лучше отдайте мнѣ нѣмца! Я его буду употреблять вмѣсто вола; онъ будетъ пахать мою землю,—силища у него необъятная... Пусть живетъ; онъ бывалъ моимъ гостемъ, такъ теперь мнѣ не стать смотрѣть, какъ его будутъ вѣшать...

Хенго припалъ къ ногамъ Людека, моля о пощадѣ. Онъ клялся, что князья силою принудили его сопровождать ихъ, что онъ неповиненъ въ измѣнѣ. Хотя ему не повѣрили, все-же желаніе Людека было уважено и плѣнника увели обратно.

Между тѣмъ, побѣдители ликовали. Костры трещали веселымъ пламенемъ, ночь превратилась въ день. Лѣсъ, подъ вліяніемъ фантастическихъ переливовъ свѣта, сочувственно, казалось, кивалъ

своими верхушками, а огромные столбы дыма торжественнымъ ѳиміамомъ высоко поднимались къ небу.

Въ котлахъ варили ужинъ; старшины, вспоминая эпизоды минувшей битвы, перевязывали свои раны, а дружина тѣмъ временемъ собирала и раскладывала добычу.

Въ одно мѣсто клали щиты, въ другое мечи, одежду, копья. Было чѣмъ поживиться, такъ-какъ хищники всегда носили съ собою много цѣнныхъ вещей. Давно не видали поляне столь роскошной добычи. Дружина была въ восторгѣ.

Теперь всѣ и думать забыли о преслѣдованіи немногихъ, успѣвшихъ бѣжать, кошубовъ и нѣмцевъ. Кметы утверждали хвастливо, что едва-ли князья посмѣютъ вторично напасть на полянскую землю, и что поморцы съ кошубами навѣрно не согласятся имъ помогать, а нѣмцы-то и подавно,—экую даль снова тащиться сюда!

Въ лагерѣ вдругъ оказалось всего въ избыткѣ: непріятель имѣлъ обычай таскать за собою похищенный скотъ, награбленныя бочки меда и пива. Теперь было вдоволь и мяса и пьяныхъ напитковъ. Пиръ затянулся до поздняго утра.

Подъ конецъ наши воины такъ обезсилѣли отъ безчисленныхъ возліяній въ честь бога побѣды и такъ беззаботно отдались веселью, что догадайся нѣмцы съ кошубами воротиться, навѣрно-бы ушли побѣдителями.

Солнце было ужъ высоко, когда пировавшіе начали просыпаться. Голодъ заставилъ ихъ вспомнить про мясо и пиво, и прерванный праздникъ возобновился, продолжаясь до самой ночи. Ночью нельзя было трогаться съ мѣста, пришлось по-прежнему ожидать до слѣдующаго утра.

Вечеромъ того дня, Людекъ велѣлъ привести къ себѣ Хенго. Сжалившись надъ нимъ, онъ приказалъ его накормить, а затѣмъ вмѣстѣ съ Добекомъ началъ допрашивать. Оба кмета подозрѣвали, что нѣмцу извѣстно значительно больше того, что онъ говоритъ. Несмотря однако ни на какія угрозы, онъ разсказалъ только, что дѣдъ сыновей Пепелка, жившій за Лабою и имѣвшій сильную рать, изъ мести за дочь свою, равно съ цѣлью помощи внукамъ, способенъ рѣшиться на все; что молодые князья оба настойчивы, храбры, а потому, если имъ не удастся вернуть свои земли, они всю свою жизнь будутъ безпокоить полянъ. Хенго намекнулъ и

на то, что съ молодыми князьями не трудно добиться и мира, когда-бы объ этомъ серьезно подумать.

По окончаніи допроса Хенго былъ уведенъ. Добекъ собралъ старшинъ и съ ними совѣтовался о томъ, что̀ лучше теперь предпринять—идти-ли войной на поморцевъ, или-же разойтись по домамъ? Подъ вліяніемъ недавней побѣды старшины охотно пошли-бы на самый край свѣта! Они отвѣчали совѣтомъ немедленно двинуться на границу и по меньшей мѣрѣ пугнуть поморцевъ. Итакъ, рѣшено было чуть свѣтъ тронуться въ путь. Людекъ и Доманъ получили приказаніе забрать плѣнныхъ съ собою для раздачи ихъ кметамъ.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, предводительствуемая Добекомъ, дружина собиралась въ походъ. Ставка снята была съ мѣста, всадники садились на лошадей, пѣшіе сходились въ кучу. Челядь Людека, которой приходилось вести плѣнныхъ поморцевъ, лишь съ помощью кнутовъ и палокъ, подняла ихъ на ноги. Ужасное представляли зрѣлище эти дикари, не хотѣвшіе подчиниться неумолимой, выпавшей на ихъ долю судьбѣ; они рвались, кричали, проклинали своихъ мучителей до тѣхъ поръ, пока, обезсилѣвши, не принуждены были покориться. Хенго, Людекъ самъ велъ на веревкѣ, опасаясь, что хитрый нѣмецъ съумѣетъ уйти.

Въ то время, когда Добекъ съ дружиной направлялся къ границѣ, Вишовъ сынъ съ плѣнными возвращался домой. Въ каждой хижинѣ онъ оставлялъ по нѣскольку поморцевъ, чему хозяева были рады, такъ-какъ приходилось вскорѣ приниматься за жатву.

Людека, сына Виша, повсюду встрѣчали съ восторгомъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исходъ непріятельскаго вторженія былъ еще не извѣстенъ. Съ любопытствомъ сбѣгались люди взглянуть на мало-извѣстныхъ разбойниковъ, выругать ихъ и ударить. Оставляемыхъ моментально связывали, предупреждая тѣмъ покушеніе къ бѣгству.

Старшины однако начинали завидовать удачамъ Добека, опасаясь, что онъ, находясь во главѣ сильной и преданной ему дружины, захочетъ занять мѣсто свергнутаго Хвостека.

На всѣхъ легла какая-то тѣнь недовольства; все чаще слышались повторенными слова Визуна: „Слѣдуетъ избрать покорнаго, бѣднаго, малаго“.

Мышки и Лешки, по-прежнему, начали ѣздить по дворамъ стараясь пріобрѣсти друзей. И тѣ, и другіе частенько-таки останавливались у хижины Пяста, требуя отъ него совѣта, да за-одно упрекая въ томъ, что онъ больше выказываетъ любви къ пчеламъ, чѣмъ къ общему дѣлу, отъ котораго до сихъ поръ постоянно сторонится.

Старикъ улыбался.

— Если-бъ я могъ хоть въ чемъ нибудь быть вамъ полезнымъ,—говаривалъ онъ,—я-бы охотно трудился на общую пользу. Но что-жъ я-то, бѣдный, сдѣлаю, если такіе вліятельные, богатые люди, какъ вы, ничего еще не могли достигнуть. По моему, въ данномъ случаѣ, вѣрнѣе всего ожидать помощи отъ боговъ. Легче вѣдь свергнуть злого, чѣмъ замѣнить его добрымъ.

Лешки сторонниковъ не имѣли; всѣ боялись, что при переходѣ власти въ ихъ руки, они способны мстить за прошедшее. Мышковъ не менѣе избѣгали, опасаясь съ ихъ стороны преслѣдованія въ будущемъ тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время не желаютъ ихъ видѣть во главѣ народа. Побѣда позволила всѣмъ отдохнуть и собраться съ силами для новаго вѣча.

Богатые кметы заранѣе предчувствовали, что ихъ уже не будутъ, какъ прежде, прочить въ князья. Слова Визуна крѣпко засѣли въ умахъ; всѣ только и думали, какъ-бы избрать такого, который, будучи малымъ и покорнымъ, въ то-же время умѣлъ-бы быть благодарнымъ за оказанную ему честь. Дѣло все заключалось лишь въ томъ, гдѣ найти подобнаго человѣка.

О комъ ни подумаютъ—сейчасъ-же окажется, что у него больше враговъ, чѣмъ друзей.

XXIV.

Пользуясь временно наступившимъ затишьемъ и отдыхомъ, Доманъ началъ приготовляться къ свадьбѣ. Ему хотѣлось устроить ее на-славу, къ тому-жъ и старикъ, Милинъ отецъ, выдавая дочь за богатаго кмета, не прочь былъ похвастать, что въ состояніи угостить даже большое количество званыхъ гостей.

Доманъ началъ съ того, что, блистательно разодѣвшись, въ

сопровожденіи слугъ въ праздничныхъ нарядахъ, ѣздилъ отъ одного двора къ другому, приглашая дружекъ.

По дорогѣ, когда онъ очутился передъ Вишевой хижиной, сердце у него сжалось невольно,—вспомнилась Дива.

Людека не было дома; онъ со своими людьми поспѣшилъ за Добекомъ; младшій братъ одинъ остался хозяйничать.

Остановившись у воротъ, Доманъ протянулъ руку хозяину.

— Я женюсь,—проговорилъ Доманъ:—не откажите быть дружкой моимъ...

— Охотно,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Радуюсь, что вамъ наконецъ удалось забыть нашу сестру...

Доманъ пристально посмотрѣлъ на него и какъ-то невесело засмѣялся:

— Не думайте,—продолжалъ онъ:—чтобы я могъ гдѣ-нибудь найти такую, какъ ваша... Просто, увлекся наружностью... Невѣста моя молода и красива!.. Я беру въ жены дочь Мирша, что надъ Ледницею живетъ... Какое мнѣ дѣло: богата она, иль бѣдна!.. Глаза у нея такіе смѣющіеся, авось развеселятъ и меня... Теперь я что-то мрачно смотрю на людей... Вотъ садитесь на лошадь... Поѣдемте вмѣстѣ, будьте братомъ моимъ... Пускай всѣ знаютъ, что я мстить не намѣренъ, и что мы по-прежнему остались друзьями.

Они протянули другъ-другу руки, съ минуту еще побесѣдовали, и Доманъ уѣхалъ... Въ Вишевой хижинѣ новая вѣсть эта порядкомъ-таки удивила женщинъ. Живя, стоявшая тогда у огня, вспыхнула вся, опустивши глаза. Она, быть можетъ, втайнѣ мечтала, что Доманъ возьметъ ее. Съ тѣхъ поръ, какъ не стало матери и отца, дома все ей опостылѣло... Жены братьевъ мало оказывали ей уваженія, братья-же ни во что не вступались... Она съ радостью вышла-бы за Домана, но—увы!—онъ бралъ другую. Видно, судьба ужъ такая...

Миршъ совсѣмъ позабылъ о своихъ горшкахъ среди свадебной суетни. Дочь не давала ему ни минуты покоя,—столько всякихъ вещей и бездѣлокъ ей отъ него было нужно. Миршъ ничего не жалѣлъ.

Медъ давно ужъ былъ приготовленъ; теперь какъ-разъ заварили пиво, и хмѣль въ него сыпали щедрой рукою. Старая пѣсня,

вспоминая о немъ, говорила, что хмѣль — шалунъ: „изъ дѣвицъ дѣлалъ замужнихъ женщинъ“; потому-то на свадебныхъ пирахъ его столько и требуется.

Барановъ, козлятъ, кабановъ—всего запасено было въ изобиліи. Сухая просѣянная мука на-готовѣ.

Какъ-то однажды въ дверяхъ показалась Яруха. Миршъ былъ у своей печи надъ озеромъ. Старуха, должно быть, съ умысломъ выбрала именно то время, когда знала, что можетъ Милю застать одну. Она уставилась на красавицу и при этомъ такъ улыбнулась, что лицо ея стало похоже на грибъ, послѣ того, какъ его раздавили ногою.

— А что, Миля,—начала она:—теперь вѣдь не скажешь, что Яруха все вретъ? Такъ-ли, аль нѣтъ? Иль мое зелье не дѣйствуетъ?.. Дай-ка мнѣ пива, а то въ горлѣ совсѣмъ пересохло...

Миля покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и побѣжала за пивомъ. Старуха, межъ тѣмъ, присѣла на корточкахъ у дверей, мѣшокъ свой на полу положила, вынула изъ него ломоть хлѣба и съ видимымъ удовольствіемъ приняла изъ рукъ проворной красавицы любимый напитокъ.

— Вотъ видишь,—шептала старуха:—дала я тебѣ жупана, теперь госпожой будешь... А еслибъ не я, да не зелье... Ого!.. иль никогда-бы тому не бывать, иль ужъ навѣрно не скоро... А ты то помни, что старыя бабы и молодицамъ подчасъ нужны бываютъ... Ворожить, притянуть, оттолкнуть... Мы все это можемъ... Онъ будетъ тебя, конечно, любить,—ну, а если у него кромѣ тебя и другія найдутся, — всѣ онѣ будутъ твоими служанками. У богатыхъ людей — женщинъ не сосчитать, да тебѣ-то какое до этого дѣло?..

Миля, вспыхнувъ, закрыла лицо руками.

Теперь, когда она была у желанной цѣли, ею овладѣло какое-то безпокойство, чего-то она боялась. Такъ, вѣдь, легко досталось ей все! Невольный страхъ заползалъ въ грудь красавицы.

Яруха тѣмъ временемъ тянула пиво, да головою потряхивала, не дожидаясь отвѣта. Осушивъ кубокъ, старуха подала его Милѣ, которая, снова наполнивъ его, возвратила Ярухѣ. Вѣдьма залпомъ проглотила напитокъ.

— Въ честь Триглова, Миля,—проговорила старуха:—дай еще

третій кубокъ... Тогда и отправлюсь въ дорогу. Ноги вотъ у меня что-то слабнуть начали... Волей-неволей приходится пить сперва на одну ногу, потомъ на другую, да и на руку, которая держитъ палку, потому она все-равно, что третья нога...

Яруха, смѣясь, затянула веселую пѣсню.

— О! о! Что это они здѣсь натворили, что натворили на бѣломъ свѣтѣ!—вдругъ заговорила она печальнымъ голосомъ. — Князь и бѣлая княгиня... оба... пошли къ отцамъ безъ костра, безъ поминокъ! А мнѣ ихъ жаль... У столба теперь никого нѣтъ! Лишь трава тамъ растетъ, ничего-то больше!.. Княгиня знала, что дѣлать съ травою... Носила я ей всякія зелья... Она за это два, а не-то и три, дня приказывала ѣсть мнѣ давать, да холста кусокъ, да сукна... Правда, князь иногда натравливалъ на меня собакъ, потому онъ старухъ ненавидѣлъ, но меня ни одинъ песъ не укуситъ!.. Сейчасъ-же взбѣсился-бы... Теперь у столба—камни, пепелъ и уголь!.. Сороки прыгаютъ, вороны каркаютъ и кричатъ... Мѣстами кости бѣлѣютъ... Жаль княжескаго дома, жаль!

Она выпила третій кубокъ и снова повеселѣла; поднялась-было съ мѣста, но не могла устоять на ногахъ. Миля поддержала ее. Яруха простилась съ красавицей и поплелась по дорогѣ.

— О, зелье мое золотое! Любчикъ мой!—раздавался долго еще ея хриплый голосъ.—У тебя такое чудное свойство: князь, или рабъ, тебѣ все-равно, хватаешь за сердце каждаго... Ой, любчикъ мой, зелье мое, проси-же меня на свадьбу!

Никого не спрашивая и, конечно, не получивъ приглашенія, Яруха дала себѣ слово явиться на свадьбу.

Доманъ по обычаю прислалъ къ Миршу сватовъ. Какъ только назначенъ былъ свадебный день, сейчасъ-же сняли колесо съ большого шеста, стоявшаго передъ домомъ, въ знакъ того, что молодцу разрѣшалось увезти отсюда красавицу, если отецъ даетъ на то свое родительское согласіе.

Миля выбрала себѣ шесть подругъ, которыхъ не постыдилась-бы даже княжна: всѣ онѣ были молоди, веселы и такія краси, что просто чудо!

У Домана тоже было шесть дружекъ: все сыновья именитыхъ кметовъ, красавцы и молодцы, какихъ рѣдко сыскать!..

Въ хижинѣ Мирша хозяйничало теперь несмѣтное количество

женщинъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ. Сестра Мирша замѣняла невѣстѣ мать.

Но, какъ это часто бываетъ передъ свадьбою — несмотря на общее оживленіе, окружающее веселье — Миля, которая только о томъ и мечтала, какъ-бы ей выйти замужъ за кмета, чего-то вдругъ загрустила и стала задумываться; также и Доманъ, хотя и по-прежнему находилъ, что суженая вполнѣ красавица, но самъ на себя сердился за то, что сердце его тянуло куда-то въ другую сторону.

Ему сдѣлалось жалко и Мили, и самого себя.

Что дѣлать... Слова назадъ не возьмешь! Свадьбѣ должно состояться, о ней ужъ давно всѣмъ объявлено!

Старикъ Миршъ, не противясь судьбѣ, тѣмъ не менѣе мрачно смотрѣлъ на всѣ хлопоты. Братья одни высказывали сомнѣніе:

— Мы-бы охотнѣе отдали ее за своего человѣка, за гончара,— говорили они...—Кто знаетъ, какая судьба ее ожидаетъ и сколько у него женщинъ?

Наканунѣ вѣнчальнаго дня все было ужъ приготовлено. Хижина заново выбѣлена, полъ вымытъ и выметенъ, посыпанъ зеленью; у дверей повѣсили много вѣнковъ, всѣ горшки поставили новые. Около невѣсты, согласно съ обычаемъ—печальной и хмурой, вертѣлись ея подруги и разодѣтая посаженая мать, подобно названной дочери—не веселая. Въ этотъ послѣдній день Милю нарядили въ самое тонкое полотно, облекли въ самое красивое платье, на рукахъ у нея блестѣли кольца, подаренныя ей отцомъ. Дѣвичьи косы, въ послѣдній разъ заплетенныя, украшали ея головку.

Въ хижинѣ раздавались съ самаго утра пѣсни, ни на минуту не умолкавшія, потому-что каждый часъ этого дня долженъ былъ быть почтенъ особою пѣснею.

Еще до прибытія жениха, стали готовить тѣсто, изъ котораго слѣдовало испечь свадебный каравай. Очагъ пылалъ яркимъ огнемъ.

Дѣвушки окружили большой горшокъ, заключавшій тѣсто, въ которое всыпали семь мѣрокъ муки, бѣлой какъ снѣгъ, столько-же чарокъ золотистаго меда и воды ключевой, а за каждой мѣркою муки или чаркою меда раздавалась новая пѣсня, объясняв-

шая ихъ значеніе. Подъ тактъ этихъ пѣсенъ красавицы мѣсили тѣсто, а затѣмъ принялись плясать вокругъ горшка, послѣ чего ужъ начали лѣпить каравай. Каравай этотъ почитался священнымъ, потому что его приносили въ жертву богамъ... На немъ обыкновенно изображали дѣвичью косу, птичекъ, зеленыя вѣтки, красныя ягодки, молодые побѣги,—все эмблемы дѣвичьей молодости, веселья, свободы, которымъ наступалъ конецъ въ этотъ день; начиналась жизнь трудовая, полная слезъ и печалей, и одной лишь любви предоставлялось ее скрашивать и разнообразить.

Когда каравай былъ готовъ, его торжественно поднесли къ очагу, чтобы онъ запекся; туда-же кидали и выдѣланныхъ изъ тѣста птичекъ—все это въ честь божества жизни—Живи.

По окончаніи описаннаго обряда, невѣсту посадили на ульѣ, покрытомъ платками, а подруги ея затянули печальную пѣсню прощанія; въ пѣснѣ описывалась вся жизнь красавицы, тоска по родномъ углѣ, по колодцѣ, за садикомъ, въ которомъ цвѣли цвѣты, за братьями, за отцемъ и матерью, за золотыми весенними днями.

Пока расплетали ей косы—Миля горько рыдала.

Домана еще не было; его ожидали съ минуты на минуту... Въ отсутствіи жениха братъ невѣстинъ занималъ его мѣсто по праву опекуна и защитника.

Уже вечерѣло, когда на дорогѣ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей... Милины подруги выбѣжали изъ избы и сейчасъ-же вернулись, ударяя въ ладоши:

— Мѣсяцъ ѣдетъ, мѣсяцъ молодой!

Въ этотъ день Доманъ былъ мѣсяцемъ; шесть молодыхъ всадниковъ окружали счастливца: всѣ были въ пухъ и прахъ разодѣты.

Несмотря на замѣтную блѣдность, женихъ казался красивѣе всѣхъ. Одежда его поражала богатствомъ. Сидѣлъ онъ верхомъ на бѣлой лошади съ длинною гривою. Конь былъ покрытъ краснымъ сукномъ, на лбу у него блестѣли яркія украшенія. Кушакъ Домана весь былъ унизанъ металлическими кольцами, на груди выдѣлялись узорныя запонки; острый мечъ, колпакъ съ перомъ и цѣпочкою дополняли убранство.

Завидѣвъ невѣстинъ домъ, всадники пустили лошадей своихъ

вскачь и, примчавшись къ порогу, такъ внезапно и шумно ихъ осадили, что казалось окрестность вся задрожала.

Сначала женщины не дозволяли прибывшимъ входить въ избу, дѣлая видъ, что принимаютъ ихъ за враговъ и разбойниковъ, задумавшихъ похитить чужое добро. Они принуждены были просить, объясняться, а въ концѣ концовъ дать большой выкупъ. Тогда только имъ позволено было переступить порогъ. Доманъ привезъ съ собой чрезвычайно много подарковъ и, когда развязалъ красный платокъ—изъ него къ ногамъ невѣсты посыпались такія чудныя вещи, что глаза у женщинъ заискрились. Чего—чего только не было тутъ? Кольца, запонки, гребни, шпильки, много серебряныхъ денегъ, кушаки, разноцвѣтныя ленты. Всѣ эти вещи можно пріобрѣсти было развѣ только въ Винедѣ, куда не всякій умѣлъ находить дорогу. Въ числѣ подарковъ особенно выдѣлялись: золотой кубокъ и какой-то сосудъ изъ прозрачнаго камня, которому всѣ не могли надивиться, такъ-какъ на первый взглядъ онъ казался сдѣланнымъ изъ льда, между тѣмъ—отъ солнца не таялъ.

Своими подарками женихъ пріобрѣлъ право на первое мѣсто вблизи невѣсты, которое братъ ея долженъ былъ ему уступить. Сейчасъ-же послѣ того, изъ сосѣдней избы вынесли праздничный каравай и зеленую свадебную вѣтвь, всю разукрашенную лентами, блестками, перьями. Къ вѣткѣ было привязано полотенце, вышитое красными нитками.

Хижина Мирша вскорѣ была ужъ биткомъ набита народомъ, въ числѣ котораго виднѣлись два старика: гусляръ и товарищъ его съ кобзою, приглашенные повеселить молодежь. Миршъ угощалъ всѣхъ; братья невѣсты разливали пиво и медъ, заготовленные въ большомъ количествѣ. Въ избѣ скоро не осталось мѣстечка не занятымъ. Поэтому молодежь вышла плясать на дворѣ, а на крыльцѣ устроились гусляръ со своимъ спутникомъ.

Пѣсни слѣдовали за пѣснями, почти безъ перерыва.

Доманъ сидѣлъ рядомъ съ своею невѣстою, любуясь ея красотою, а она все какъ-будто чего-то боялась... Сердце у ней крѣпко, крѣпко билось въ груди. А вѣдь въ тѣ дни, когда она лишь о томъ мечтала, какъ-бы, обернувшись птичкой, улетѣть въ

широкую даль—о подобномъ чувствѣ она и понятія не имѣла! Откуда-же являлись теперь это предчувствіе, эта боязнь?..

Доманъ разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ кушакъ, молчалъ, дѣлая видъ, что улыбается, но гдѣ его мысли блуждали—о томъ никому вѣдомо не было.

Дружки, между тѣмъ, пѣли приличныя случаю пѣсни.

Такъ прошла ночь. Съ восходомъ солнца всѣ двинулись на городище, къ священнымъ дубамъ; старикъ-отецъ долженъ былъ тамъ благословить новобрачныхъ. Дружки сѣли на лошадей, невѣсту помѣстили въ телѣгѣ, убранной краснымъ сукномъ и разукрашенной цвѣтами. Вслѣдъ за ними слѣдовали подруги новобрачной, гости и толпа любопытныхъ.

Подъ тѣнью стараго дуба молодые по очереди обходили всѣхъ, у каждаго прося благословенія. Потомъ, взявши другъ друга за руку, дѣлились они калачомъ, пили изъ одной кружки, а на головы имъ надѣли вѣнцы; семь разъ обошли они вокругъ стараго дуба, и отецъ трижды обсыпалъ ихъ зерномъ.

Обрядъ, въ теченіе котораго пѣсни не умолкали, окончился принесеніемъ жертвы богамъ, съ цѣлью отклонить злые чары, послѣ чего всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, вернулись обратно въ Миршову хижину.

Тутъ сейчасъ-же невѣстѣ расплели косу, остригли ее, а на голову прикрѣпили чепецъ. Какъ только этотъ символъ замужней женщины замѣченъ былъ молодою—изъ глазъ ея полились горькія слезы... Подруги подъ стать затянули было грустную пѣсню, но гусляръ крѣпче ударилъ по струнамъ, и бойкіе звуки разомъ измѣнили настроеніе гостей.

Началась пляска; всѣ должны были веселиться, чтобы день этотъ не былъ предвѣстникомъ дурной жизни для новобрачныхъ. Всю ночь на-пролетъ плясали гости въ Миршовой хатѣ и на дворѣ; нѣкоторые, уставъ, отправлялись вздремнуть на крыльцо, а, оправившись, снова продолжали пить и плясать. Молодые-же давно скрылись въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ имъ постлана была свадебная постель. Хмѣль все болѣе разбиралъ присутствующихъ—они и не думали расходиться.

Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, среди поля, вдали, показалась какая-то старая женщина. Она бѣжала изо всѣхъ силъ

по направленію къ хатѣ пирующихъ; иногда она останавливалась, оглядывалась назадъ, поднимала вверхъ палку и кричала что-то ужасающимъ голосомъ. Смыслъ того, что она кричала разобрать было невозможно, частью за дальностью разстоянія, частью и потому, что въ избѣ такъ шумѣли, что и сами пирующіе едва понимали другъ друга.

Женщина все скорѣе бѣжала. Наконецъ, узнали ее: это была Яруха.

— Что съ ней?—воскликнулъ старикъ Миршъ:—бѣжитъ, словно рехнувшаяся...

— Она всегда такъ!—смѣялись другіе:—любитъ пиво, а хмѣль и распоряжается съ нею по своему... Она, чего добраго, и плясать пойдетъ...

Яруха, между тѣмъ, добѣжавъ до гостей, столпившихся въ кучу, измѣненнымъ отъ ужаса голосомъ крикнула:

— Спасайтесь! Бѣгите отсюда!.. Ѣдетъ, бѣжитъ ужасный драконъ! Поморцы идутъ! Враги недалеко... За мною слѣдомъ...

Всѣ слышали эти слова, но никто не хотѣлъ имъ вѣрить.

— Стонетъ земля, туманъ идетъ, клубы дыма... Бѣгите, спасайтесь, кому жизнь дорога!.. Люди, спасайтесь!.. Поморцы идутъ!..

При этихъ словахъ Яруха подняла вверхъ обѣ руки и вскрикнувъ, безъ чувствъ повалилась на землю.

Старый Миршъ посмотрѣлъ въ синюю даль и, войдя въ избу, закричалъ:

— На коня, всѣ на коня, кто жизнью дорожитъ!—Яруха только-что прибѣжала съ извѣстіемъ, что поморцы идутъ на насъ! Быть можетъ, старуха съума сошла, быть можетъ стадо овецъ она приняла за поморцевъ. Пусть кто-нибудь съѣздитъ, посмотритъ. Пыль столбами несется вдали—это вѣрно!

Плясавшіе остановились какъ вкопанные—извѣстіе всѣхъ поразило. Оно произвело такое-же дѣйствіе, какое производитъ коршунъ на птицъ, когда повиснетъ надъ ними. Болѣе горячія головы однако не хотѣли сразу повѣрить. Мужчины бросились къ дверямъ, дѣвицы и женщины въ сосѣднюю хату. Вмѣсто пѣсенъ послышались вопли и плачъ.

На шумъ прибѣжалъ Доманъ, держа за руку Милю, перепуганную и плачущую. Закрывшись руками, она причитала:

— Ой, судьба—горькая ты моя судьбина!

На дворѣ всѣ какъ шальные бѣгали и кричали:

— Нѣмцы!—Кошубы!—Враги!..

Мужчины кинулись на лугъ, къ лошадямъ. Этой ничтожной горсти о защитѣ и думать не приходилось; волей-неволей оставалось заботиться лишь о томъ, какъ-бы спастись хоть бѣгствомъ.

Молодой парень, которому первому удалось поймать лошадь, вскочивъ на нее, поскакалъ къ ближайшему холму... Отсюда онъ увидѣлъ невдалекѣ столбы пыли, услышалъ топотъ, бряцаніе оружія и сейчасъ-же вернулся, крича что есть мочи:

— Идутъ! Идутъ!

Всѣ рѣшительно растерялись. У нихъ не было достаточно времени для того даже, чтобы сообразить нельзя-ли гдѣ-нибудь спрятаться—на островъ развѣ, на Ледницу?.. Но и здѣсь помѣха! Ни одной лодки! Тѣ, которыя по обыкновенію должны-бъ находиться у берега, всѣ уже были разобраны и въ эту минуту усиленно плыли отъ берега!

Доманъ побѣжалъ за своимъ бѣлымъ конемъ, стоявшимъ въ сараѣ. Миля слѣдовала за мужемъ, ломая въ отчаяньи руки.

Не думая, какая судьба постигнетъ другихъ, Доманъ схватилъ жену и съ нею вскочилъ на коня; на мгновенье остановившись предъ хижиною, онъ крикнулъ своимъ:

— За мною, друзья!—и поскакалъ въ сопровожденіи догонявшей его дружины.

У стараго Мирша была большая яма въ землѣ, входъ въ которую былъ извѣстенъ ему одному. Онъ не хотѣлъ, чтобы всѣ узнали объ этомъ, а потому, замѣтивъ, что Доманъ съ женой ускакалъ—старикъ сдѣлалъ рукою знакъ своему сыну, чтобы тотъ оставался. Вскорѣ оба отошли въ сторонѣ сарая и мгновенно исчезли. Не первый разъ приходилось старику прятаться отъ толпы дикихъ наѣздниковъ.

Но вотъ топотъ и крики послышались ближе. Несмѣтная толпа кошубовъ и поморцевъ стремились къ озеру съ ужасною быстротой, окруженная цѣлымъ облакомъ пыли. Иногда среди облака мелькали головы и блестящія копья.

Яруха все еще лежала на землѣ, точно мертвая. Хижина, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ шумно пировали гости, стояла

теперь мрачная и пустая. Каравай лежалъ на столѣ, бочки пива и меда виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. На дворѣ, ни одной живой души—однѣ собаки, бѣгая по двору, безтолково лаяли.

Тѣ изъ гостей Мирша, которымъ посчастливилось захватить лошадей—сломя голову скакали вдоль озера; другіе дожидались врага, чтобы лишь съ его появленіемъ броситься въ воду, думая тѣмъ сохранить свои силы и уйти отъ смертельной опасности.

Всюду царило гробовое молчаніе.

Старшія женщины, собравшись вмѣстѣ, стояли надъ озеромъ. Вдали мелькали—уходящая дружина Домана и бѣлое платье Мили, раздуваемое вѣтромъ. Уходящихъ изобличалъ столбъ пыли: его легко было видѣть отъ Миршовой хижины.

Непріятель, примѣтивъ бѣгущихъ, съ дикимъ крикомъ пустился за ними въ погоню. Часть его окружила хижину, захватывая все, что въ ней оставалось. Собаки—единственные сторожа, лежали убитыми близъ воротъ.

Стоявшіе надъ водою побросались въ нее и попрятались въ камышахъ. Поморцы пускали въ нихъ стрѣлы, слышались крики,—наконецъ, все исчезло въ высокой травѣ.

Между тѣмъ, наѣздники не теряли время: они растаскивали хозяйское добро Мирша, подарки Мили, ея приданое. Такъ-какъ горшки съ собой унести неудобно было, то ихъ принялись колотить. Насколько взоръ только могъ окинуть—повсюду враги. Особенно выдѣлялись межъ ними два молодыхъ всадника, по всему видно—начальники дикой орды. По одеждѣ судя, ихъ можно было принять за нѣмцевъ, да и нѣмцы-же ихъ окружали. Они соскочили съ лошадей и пошли въ избу. Толпа покорно раздвигалась передъ ними.

Оба начальника, свѣтлорусые, черноглазые, походили одинъ на другого, словно родные братья. Неудивительно—они ими дѣйствительно были. Сыновья Пепелка снова собрали дружину и шли войной,—отомстить кметамъ за смерть отца и первую неудачу. За ними на толстой веревкѣ тащили сѣдовласаго старика, съ поломанными гуслями въ рукахъ. Старика гдѣ-то на дорогѣ поймали, а нѣмцы терпѣть не могли этихъ слѣпыхъ пѣвцовъ за то, что пѣли они про старое, доброе время. Гусляръ молчалъ, опу-

стивъ на грудь голову, не жалуясь, не оглядываясь даже на тѣхъ, которые били его и смѣялись надъ беззащитнымъ.

На скамьѣ, на которой такъ недавно еще сидѣла невѣста, усѣлись молодые князья. Тѣмъ временемъ спутники ихъ доканчивали смотръ хижины, вынося все, что хоть какую цѣну имѣло. Старшины принялись за пиво и медъ, за найденные мясо и хлѣбъ.

Старикъ-гусляръ упалъ у порога, но его силой втащили въ избу. Мужчина высокаго роста, весь покрытый желѣзомъ, съ побѣлѣвшимъ отъ злости лицомъ и черной, густой бородою, подошелъ къ старику, сильно ударивъ его по спинѣ. Всѣмъ хотѣлось вывѣдать кое-что о богатомъ храмѣ, о спрятанныхъ въ немъ сокровищахъ. Старику угрожали, что если онъ будетъ молчать, то его тутъ-же повѣсятъ—и всетаки ничего не добились.

— Вѣшайте!—повторялъ старикъ.

Поморцы хотѣли узнать, сколько людей на островѣ, какъ удобнѣе пробраться къ храму.

— Птицею долетѣть, рыбою доплыть,—отвѣчалъ старикъ, не пугаясь угрозъ.

Его разспрашивали, гдѣ въ окрестности живутъ богатые кметы, гдѣ самыя лучшія стада; но старикъ только кряхтѣлъ и не отвѣчалъ, развѣ словомъ презрѣнія. Тогда его начали бить плетьми. Старикъ смѣялся и пѣлъ въ то-же время, но такимъ страшнымъ голосомъ, что даже у жестокихъ поморцевъ холодъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Ой судьба, горькая наша судьба!—пѣлъ старикъ.—Веселье и могила! Готовили свадьбу—наготовили похороны! Ой судьба! Бейте, бейте скорѣй, пусть душа тѣло покинетъ, скорѣй, наболѣлась она ужъ вдоволь! О Лада! Купала! Помогите ей выйти изъ тѣла!

Казалось, старикъ не чувствовалъ больше ударовъ; онъ приползъ къ ведру съ водою, и наклонивъ его ко рту, съ жадностью пилъ. Одинъ изъ мучителей поднялъ было мечъ, но рука его дрогнувши, опустилась.

Время отъ времени въ хижину приводили людей, пойманныхъ у берега, плачущихъ, связанныхъ. Старшины, окружавшіе молодыхъ князей, совѣщались, что имъ теперь надлежитъ предпринять. Прежде всего предлагали они отдохнуть. О Ледницѣ ничего было

и думать, такъ-какъ переправиться на островъ не совсѣмъ-то легко, да притомъ-же имъ ничего не извѣстно о количествѣ воиновъ, защищающихъ храмъ.

На дворѣ раздались веселые крики:

— Ведутъ ихъ! Ведутъ!

Толпа поморцевъ, пустившаяся въ погоню за Доманомъ, вела его за собою. Доманъ былъ раненъ: онъ сидѣлъ верхомъ, со связанными руками, а передъ нимъ на лошади лежало тѣло молодой жены, въ которомъ торчалъ мечъ, изъ-подъ котораго кровь просачивалась по каплямъ. Лицо у нея было блѣдное—жизнь ее навсегда покинула. Доманъ зубами придерживалъ ее за рубаху, такъ-какъ руками владѣть не могъ. Весь въ крови, во многихъ мѣстахъ изрубленный, Доманъ сохранялъ видъ, какъ-будто не чувствовалъ боли.

Его сейчасъ-же стащили на землю, но онъ, разорвавъ связывавшія его веревки, пытался уйти, захвативъ трупъ своей молодой жены. Попробовали отнять у него тѣло Мили, но онъ такъ крѣпко въ него вцѣпился, что сдѣлать это не представлялось возможности. Доманъ, впрочемъ, сейчасъ-же упалъ вмѣстѣ съ трупомъ на землю.

По лицу и одеждѣ плѣнника дикари безъ труда догадались, что передъ ними богатый владыка. Къ нему вышли изъ хижины сыновья Хвостека, въ сопровожденіи нѣмцевъ и всѣ обступили раненаго.

Одинъ изъ князей наклонился надъ Доманомъ и, угрожая ему кулакомъ, крикнулъ:

— Собачье отродье! Когда разоряли нашъ замокъ, когда убивали нашихъ—ты, конечно, былъ тамъ, а можетъ быть и начальствовалъ надъ этою сволочью!

Отъ Домана требовали, чтобъ онъ объяснилъ, кто стоялъ тогда во главѣ кметовъ, кто возбуждалъ ихъ къ возстанію? Въ противномъ случаѣ ему угрожали смертью.

Доманъ, однако, упорно молчалъ и безпрестанно взглядывалъ на жену, трупъ которой покоился рядомъ съ нимъ. Домана били, толкали—онъ все оставлялъ безъ вниманія. Нѣмцамъ непремѣнно хотѣлось хоть что-либо узнать отъ него; они ни минуты не давали ему покою. Легко можетъ быть, что они боялись вторич-

наго на нихъ нападенія. Но несчастный, горемъ убитый мужъ, видимо не желалъ проронить ни единаго слова.

— Мы ваши князья!—крикнулъ младшій Хвостековъ сынъ.

Только теперь поднялъ голову Доманъ и окинулъ дерзкаго презрительнымъ взглядомъ.

— Изъ вашего рода ни одинъ никогда надъ нами княжить не будетъ! — сказалъ онъ.—Этого вы никогда не дождетесь! Вы наши враги, вы разбойники, не вамъ властвовать, подлое, змѣиное племя!

Доманъ снова умолкъ послѣ этихъ словъ. Его велѣли увести прочь и отошли отъ него. Долго нѣмцы издѣвались надъ нимъ, били его, потѣшались — онъ все терпѣливо сносилъ. Наконецъ, его снова связали и потащили на берегъ, гдѣ лежали другіе.

Доманъ упалъ подъ Миршовою вербой. Руки у него были связаны, ноги свободны.

Вечеромъ трупъ убитой Мили лежалъ одинъ надъ водою. Доманъ тихонько приползъ къ водѣ; когда часовые уснули, онъ бросился въ озеро и исчезъ.

XXV.

На островѣ, у воды, толпился народъ и глядѣлъ на другой берегъ, въ молчаніи къ чему-то прислушиваясь.

Съ другого берега вѣтеръ приносилъ дымъ и крики, раздиравшіе душу. Это доказывало, что дома и селенія въ огнѣ, люди гибнутъ... Иногда на водѣ показывались трупы, подплывавшіе къ острову, какъ-бы моля предать ихъ землѣ...

Вечерѣло... Вдали разстилался туманъ, перемѣшанный съ гарью.

Храмъ былъ пустъ, весь народъ собрался у берега. Тутъ-же былъ и старый Визунъ, съ сѣдовласой Наной и Дивой, съ истомленнымъ, блѣднымъ лицомъ; у священнаго огня осталась одна только женщина. Всѣ молчали. У всѣхъ на умѣ былъ одинъ только вопросъ: нападутъ-ли поморцы? Бросить-ли все и бѣжать, иль остаться, пожертвовавъ жизнью? Никто не рѣшался, однако, высказать вслухъ то, что внутренно его волновало. До сихъ поръ никто никогда не осмѣлился нападать не только на храмъ, даже

Ночью ей удалось найти забытую кѣмъ-то въ камышахъ лодку, она сѣла въ нее, оттолкнулась отъ берега и по волѣ стихій добралась до острова.

Старуха скоро пришла въ себя и, замѣтивъ стоявшаго надъ нею Визуна, котораго видала не разъ, обратилась къ нему со словами:

— Живя, богиня моя, избавила меня отъ смерти. Марена ужъ хватила меня за горло, желая тащить меня въ яму... Но Живя, добрая матушка, покрыла старуху своимъ платкомъ... И вотъ цѣлы остались старыя мои кости.

— Много людей погибло?—спросилъ Визунъ.

— Много-ли? Да столько, сколько ихъ было тамъ... Всѣ погибли... Я видѣла трупъ той, которая еще вчера была дѣвушкой, а помирать привелось замужней... Мечъ вонзили ей въ грудь... Погибъ женихъ, погибли молодцы, всѣ погибли, даже собакъ убили.

Старуха затрясла головою.

— Хижины сожгли?

— Все разрушили, все обратили въ пепелъ... Вороны на пиръ слетѣлись, а люди плачутъ...—старуха вздохнула.

— Ушли?—спросилъ Визунъ.

Старуха сразу не могла дать отвѣта; она не помнила, что вчера случилось.

— Я лежала на землѣ, мертвая, когда Живя покрыла меня своимъ платкомъ... я не слышала и не видѣла ничего. Долго вокругъ меня ходили, кричали, ногами меня топтали. Да... что-жъ дальше?.. Вспомнила—когда начало разсвѣтать, что-то ихъ напугало... Русалки вышли изъ озера, вѣтеръ поднялся сильный и гналъ ихъ прочь... Онѣ съ крикомъ ушли, а трупы остались на берегу... О! Трупы бѣлѣютъ, точно весенній цвѣтъ на лугу... Ушли, нѣтъ ихъ болѣе, но не вернутся-ли снова?

Визунъ вздохнулъ свободнѣе; только довѣрять-ли старухѣ, у которой видимо голова не на мѣстѣ?..

Чѣмъ больше ее распрашивали, тѣмъ запутаннѣе она давала отвѣты... Наконецъ, Яруха устала болтать, сѣла подъ деревомъ и уснула.

Между тѣмъ, у берега показалась новая лодка... Изъ нея вы-

шелъ старикъ, простоявшій всю ночь — до утра въ камышахъ и тогда лишь нашедшій возможность безопасно переѣхать на островъ...

Онъ разсказывалъ, что поморцы, уничтоживъ огнемъ и мечомъ все встрѣчавшееся имъ на пути, получили откуда-то ночью извѣстіе, которое ихъ до того напугало, что они сейчасъ-же торопливо вернулись въ свои лѣса. Кромѣ того старикъ утверждалъ, что у нихъ было намѣреніе, по связаннымъ лодкамъ добраться на Ледницу и что—если оно не осуществилось то единственно вслѣдствіе неожиданнаго для всѣхъ ночного бѣгства, что непріятель, дѣйствительно, кромѣ труповъ и цѣлыхъ грудъ пепла, ничего послѣ себя не оставилъ.

Нѣсколько успокоенный этими подробностями, Визунъ пошелъ въ храмъ, а оттуда направился къ своему больному. Доманъ спалъ еще. Старикъ приготовилъ завтракъ и сѣлъ у постели больного, сталъ дожидаться пока тотъ самъ не проснется. По-временамъ онъ прикладывалъ руку ко лбу и къ груди Домана: лобъ горѣлъ, сердце съ силою билось въ груди. Раны слегка затянулись, кровь не сочилась болѣе.

Только въ полдень проснулся Доманъ; онъ хотѣлъ было приподняться, но сейчасъ-же въ безсиліи опустился на изголовье. Со сна онъ долго не могъ сообразить, что съ нимъ произошло и гдѣ онъ теперь находится. Визунъ заставилъ его подкрѣпить себя пищею и лишь тогда разрѣшилъ говорить.

Какъ въ туманѣ мелькали предъ Доманомъ всѣ событія: свадьба, нападеніе поморцевъ, бѣгство его съ женою, потомъ смерть Мили, наконецъ, плѣнъ и освобожденіе... Грустная повѣсть женитьбы была еще слишкомъ свѣжа—несчастный старательно обходилъ ее въ разговорѣ и Визунъ, казалось, его одобрялъ, говоря:

— Сперва болѣзнь выдохни изъ себя, а тамъ примемся за оружіе и проучимъ поморцевъ.

— Мы теперь точно пчелы безъ матери...—замѣтилъ Доманъ:— главы у насъ нѣтъ... Если такъ еще долго протянется, всѣмъ прійдется погибнуть! Ну, не хотятъ Лешковъ—пускай избираютъ другого! Боги вѣдь ясно сказали: покорнаго, бѣднаго...

На слѣдующій день Доману было не лучше. Жажда томила его, онъ безпрестанно впадалъ въ забытье, кричалъ и металс-

Визунъ очень часто навѣдывался въ избу: посидитъ у постели, приготовитъ что нужно и снова уйдетъ. Дива два раза осторожно подкрадывалась къ жилищу больного, заглядывала въ щели, прислушивалась. Разъ даже тихонько открыла дверь, чтобы взглянуть на спящаго Домана. Видѣть его—стало ея потребностью; но пока съ ней еще боролись два чувства: зарождающаяся страсть и стыдливость дѣвушки...

На третій день Доманъ почувствовалъ облегченіе. Онъ сидѣлъ на постели, Дива болѣе не являлась. Когда вечеромъ пришла ея очередь нести ужинъ Визуну и больному, она долго не могла на это рѣшиться: ей сдѣлалось страшно чего-то, хотя въ то-же время такъ и тянуло увидѣть Домана. Старика не было дома, когда Дива вошла въ избу... Больной увидѣлъ въ окно, какъ она отошла отъ порога, замѣтивъ, что Визуна нѣтъ.

— Дива! Дива!—крикнулъ Доманъ:—перевязала-бы ты мнѣ рану; приложила-бы къ ней свѣжихъ листьевъ...

— Визунъ-же всегда это дѣлаетъ?—отвѣтила Дива, входя.

— У старика руки трясутся!—возразилъ Доманъ.

Дива не знала, что предпринять. Сомнѣнія ея разрѣшились приходомъ Визуна. Доманъ при немъ повторилъ свою просьбу.

— Перевяжи-жъ ему рану!—повелительно крикнулъ старикъ.—Это вѣдь женское дѣло!

Дива повиновалась. Доманъ сидѣлъ на постели въ одной рубахѣ, и на раскрытой груди виднѣлся широкій рубецъ, тотъ самый, который когда-то нанесла ему Дива своей рукой. Дѣвушкѣ показалось, что Доманъ нарочно раскрылъ рубаху въ томъ мѣстѣ. Молча подошла она къ раненому, какъ слѣдуетъ наложила повязку, послѣ чего сейчасъ-же вышла на дворъ и пустилась бѣжать къ храму. Визунъ пристально посмотрѣлъ на Домана. Оба они, казалось, вели нѣмой разговоръ.

— Дива тебя боится,—произнесъ, наконецъ, Визунъ:—а ты опять что-то сталъ на нее заглядываться...

— Я-бы быть можетъ ее и забылъ, еслибъ волны меня сюда не прибили!—отвѣтилъ въ раздумьи Доманъ.

— Судьба!—вздохнулъ Визунъ.

— Судьба!—повторилъ и Доманъ.

Оба умолкли. Старикъ безъ надобности началъ съ чѣмъ-то во-

житься въ углу, а въ сущности лишь для того, чтобы скрыть выраженіе лица.

На слѣдующій день Доманъ вышелъ на воздухъ и сѣлъ на крыльцѣ, но Дива не приходила. Доманъ разсчитывалъ, что, выздоровѣвъ окончательно, будетъ въ состояніи чрезъ нѣсколько дней уѣхать домой. Но онъ слишкомъ долго сидѣлъ на крыльцѣ; вѣтеръ былъ свѣжій, и ему опять сдѣлалось хуже. Старикъ уложилъ его снова въ постель. Между тѣмъ, заботясь о Доманѣ, онъ и самъ занемогъ: жаловался на ломоту во всѣхъ костяхъ. Въ тотъ день Дивѣ пришлось явиться ужъ къ двумъ больнымъ, чтобы за ними ухаживать. Она сейчасъ-же пришла и принялась молча за дѣло. Дива всѣми силами старалась не смотрѣть въ лицо Доману и избѣгать разговора съ нимъ. Доманъ былъ тоже сосредоточенъ. Только тогда, когда Дивѣ настало время уходить изъ избы, она помедлила у порога, долгимъ взглядомъ вплась въ Домана и быстро скрылась за дверью.

Яруха все еще расхаживала по острову. Она не могла пожаловаться на свою судьбу: съ ней часто совѣтовались, кормили ее и отдаривали подарками за снадобья. Ей всегда находилось дѣло, а не то—она хоть полъ подметала въ храмѣ. Любопытная, какъ вообще старухи, она скоро ознакомилась со всѣми закоулками острова.

Яруха, замѣтивъ, что Дива выходитъ изъ избы Вивуна, въ которой она еще никогда не была, ей—старой вѣдуньѣ—побывать еще не пришлось, подумала, что не мѣшаетъ исправить такую ошибку.

Яруха открыла дверь. Доманъ сидѣлъ на постели. Старуха внимательно всмотрѣлась въ его лицо. Доманъ не запрещалъ ей входить, она и вошла въ избу.

— О! о!—воскликнула она:—такъ вотъ кого я вижу? Да вѣдь это ты, тотъ самый, кому я рану перевязала, женку убили котораго! А ужъ какъ-же и жаль ея; молодая была да веселая, какъ щегленокъ... У тебя ей, впрочемъ, было не такъ спокойно, какъ дома.

— Почему?

— Потому, что вы, жупаны,—прихотливы,—продолжала старуха:—у васъ всегда много женщинъ, и вы ихъ не умѣете ува-

жать! Э! Да вѣдь это тебя-то Вишова дочь такъ уколола?—прибавила Яруха, смѣясь.—А теперь траву тебѣ носитъ.

Доманъ вздрогнулъ.

— Не ври, вѣдьма!—крикнулъ онъ.—Не вспоминай о прошедшемъ!

— Она здѣсь вѣдь царитъ,—не смущаясь болтала старуха.—Умница—что говорить! Не хотѣлось ей мыть у тебя горшки, ей вѣдь удобнѣе, руки сложивъ, сидѣть у огня... Вишь, она кметова дочь, а для нихъ князя мало! Ручки бѣлыя, работать не могутъ; глазки черные, гордо глядятъ...

При этихъ словахъ она подошла къ Доману и смотрѣла въ его лицо, которое внезапно покрылось румянцемъ.

— А что-жъ? Здѣсь-то на островѣ ты съ ней не поладилъ?—спросила она.

— Я ее рѣдко вижу,—съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Доманъ.

Старуха призадумалась, а потомъ, ударяя палкою объ полъ, снова заговорила нараспѣвъ:

— А вѣдь это... судьба, что вода принесла тебя прямо къ ея ногамъ... Лучше-бъ совсѣмъ съ нею-то не встрѣчаться... говорятъ вотъ, что будто зажившая рана снова начинаетъ болѣть, когда къ ней приближается тотъ, кто ее нанесъ... Потому, значитъ, неотомщенная кровь... а она бросается даже и изъ зажившей раны, коли виновникъ рядомъ стоитъ... А дѣвица, видно, тебя боится... едва ноги передвигаетъ...

Доманъ молчалъ. Старуха продолжала:

— Она тебѣ стала теперь противна, не такъ-ли? Ну, отвѣчай! Сознайся!.. Если-жъ ты все объ ней думаешь... гмъ... Тогда знай, что это мнѣ дѣло знакомое помогать въ такихъ случаяхъ... У меня, пожалуй, найдутся всякія зелья, средства... Заставила-бъ я ее тебя слушаться!.. Я вѣдь никакая-нибудь обыкновенная женщина, я—вѣдунья!

Доманъ долго еще молчалъ, наконецъ, спросилъ ее, какъ-бы нехотя:

— А что-жъ ты сдѣлаешь, если она дала клятву богамъ? Она никого не хочетъ...

Яруха захохотала.

— Э-ге-ге! Да развѣ первая она, что клятву дала? Мало ихъ развѣ, промѣнявшихъ священный огонь на иной—свой, домашній? Захотѣла-бы только—никто ей не запретитъ, лишь-бы выкупъ внесла за себя! У Визуна и безъ нея женщинъ много.

Доманъ становился внимательнѣе...

— Ужъ я ее подговорю, приготовлю!..—проворчала старуха.

— Нѣтъ, не удастся тебѣ!..—съ грустью воскликнулъ Доманъ.

— Анъ удастся! Я таки кое-что знаю... По крайней мѣрѣ испробую...

— Я тебя на всю жизнь обезпечу,—обрадовался Доманъ:—у тебя будетъ хлѣбъ на старые зубы...

— Ну! У меня давно ужъ зубы повыпали, смѣялась Яруха—что мнѣ въ хлѣбѣ сухомъ? Не раскусишь! Мнѣ молочка подавай, да кусочекъ мяса... Это лучше всего... Потомъ и веселенькаго чего-нибудь выпить... Ну, само собой, не воды... Мнѣ вода не по вкусу...

— Я тебѣ дамъ всего, сказалъ Доманъ:—а въ-добавокъ и шубу на зиму, только... не удастся тебѣ!..

Яруха подошла къ больному и морщинистой рукой начала гладить его по головѣ.

— Ты домой-то не торопись, если хочешь ее имѣть... Я кое-что знаю...

При этихъ словахъ она многозначительно взглянула въ лицо Доману, замурлыкала пѣсню и пошла изъ избы; прямо отъ Домана она отправилась въ храмъ.

Яруха, однако, въ него не вошла, а остановилось у входа, подняла уголъ занавѣса, посмотрѣла внутрь и сѣла на одномъ изъ камней. Она знала, что жрицы должны были проходить мимо нея за водою. Пользуясь временемъ, она собирала траву, росшую кругомъ въ изобиліи, связывала ее въ пучки и клала въ мѣшокъ.

Долго пришлось ей сидѣть, пока, наконецъ, одна изъ жрицъ, проходившая мимо, не объяснила ей, что Наня приказала Дивѣ сбирать въ садикѣ травы и разное зелье, которое употреблялось для храма. Яруха, выслушавъ сказанное, побрела въ садикъ, бывшій по ту сторону храма.

Это было крошечное мѣстечко, окруженное съ четырехъ сторонъ небольшою изгородью. Старыя вербы, нѣсколько ольхъ, да

посредині двѣ-три грядки растеній—вотъ и все, что заключалъ въ себѣ садикъ.

Дива, собравъ, что̀ ей было нужно, сидѣла задумавшись и неторопливо вязала траву въ пучки. Яруха, увидѣвъ ее, остановилась.

— Дочь моя, я готова тебѣ помочь...

Дѣвушка, равнодушно взглянувъ на нее, не отвѣчала на предложеніе. Не смущаясь пріемомъ, старуха вошла-таки въ садикъ, опустилась возлѣ Дивы на землю и, не спрашивая уже разрѣшенія, начала помогать въ работѣ очень скоро и ловко.

Долго она молчала; затѣмъ, принялась бормотать словно-бы про себя:

— Чтобы я, да долго высидѣла на Ледницѣ, ну ужъ нѣтъ!.. Тѣснота, духота здѣсь ужасная, жизнь-то тянется, словно въ клѣткѣ!

Дива продолжала молчать.

— По цѣлымъ днямъ жариться у огня!.. Да эдакъ дымъ всѣ глаза выѣстъ!.. Жаль мнѣ твоей красоты...—обратилась Яруха къ дѣвушкѣ. Ты здѣсь совсѣмъ изведешься, красавица... Я вѣдь все знаю, все понимаю... Я по глазамъ вижу, что̀ въ человѣкѣ-то происходитъ!.. Да!..

Дива вспыхнула и покосилась на собесѣдницу боязливымъ взглядомъ.

— Что-же ты видишь во мнѣ?.. Что?—рѣшила она произнесть.

— Ой, что я вижу!..—заговорила старуха.—Вижу... начинается, что-то, завязывается... трава—и та изъ земли поднявшись—скоро растетъ... Не даромъ судьба вторично толкнула Домана на островъ... Суженаго конемъ не объѣдешь!..

Дива, желая скрыть овладѣвшее ею смущеніе, сдѣлать видъ, будто приводитъ травы въ порядокъ. Старухѣ-то было ясно, что травы тутъ совсѣмъ не причемъ. Она и сказала, обращаясь къ взволнованной дѣвушкѣ:

— Слыхала-ль ты сказку о красавицѣ королевнѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, начала она монотоннымъ голосомъ:

— Жила-была нѣкогда красавица королевна, одна дочь у богатаго короля, который любилъ ее пуще жизни. Чтобы ни вздумалось—у ней все было... Птичьяго молока и то доставали... Нако-

нецъ, красавица стала взрослою дѣвицею; тогда отецъ ей и говоритъ: „Пора тебѣ, доченька, замужъ идти“, а королевна въ отвѣтъ „Я согласна, да чтобъ былъ мой суженый и умнѣй и ловчѣй меня, да и крѣпко чтобъ мнѣ полюбился“.

...Вотъ прибили на королевскомъ замкѣ колесо золотое; стали въ замокъ съѣзжаться женихи, что ни на есть со всѣхъ концовъ бѣлаго свѣта... Были тутъ королевичи, были князья, жупаны, кметы—все народъ изъ себя молодой да красивый... Только нѣтъ!.. Заартачилась дѣвица и слышать о нихъ не хочетъ! Видно, больно ужъ ей полюбилась свобода дѣвичья!..

...Все-то она гуляетъ по садику, собираетъ цвѣточки, да любимыя пѣсенки попѣваетъ; а начнутъ ей про жениховъ говорить—разсмѣется! Никого, молвитъ, я и знать не хочу! Никого!..

...Такъ-то долго издѣвалась она надо всѣми. Одному приказала достать ей живой воды, той воды, что стерегъ семиглавый драконъ. Другому поручила принесть золотое яблочко, росшее за горой ледяной. Третій долженъ былъ нанизать на шнурокъ звѣзды небесныя и составить изъ нихъ ожерелье. Всѣ поѣхали исполнять королевнину прихоть, но назадъ никто не вернулся. Перваго проглотилъ драконъ. Второй провалился въ прорубь во льду и былъ съѣденъ рыбами. Третьяго растерзали коршуны.

...Наконецъ, пріѣхалъ свататься королевичъ Сила, обладавшій могуществомъ волшебства. Увидалъ онъ красавицу, закипѣла въ немъ молодецкая кровь и поклялся онъ—или жизни лишиться, иль добыть себѣ королевну въ жены!

...А она, лишь взглянула на новаго жениха, задрожала всѣмъ тѣломъ, заплакала и сейчасъ-же велѣла ему отправляться за синее море, принести оттуда чудодѣйку — траву, воскрешавшую мертвыхъ. Знала, хитрая, что къ травѣ той подступу нѣтъ иного, какъ сквозь страшное пламя, противъ котораго и вода безсильна.

...Королевичъ-то, не будь глупъ, обернулся птицею, сине-море перелетѣлъ, турманомъ надъ огнемъ взвился, захватилъ клювомъ вѣточку и принесъ ее злой красавицѣ. Тутъ случилось, какъ нарочно, умираетъ сынъ короля... Плачутъ всѣ, убиваются... Королевичъ тогда приложилъ траву къ сердцу мертваго, и—покойникъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Ѣсть хочу—я отлично спалъ!—закричалъ королевскій сынъ, протирая глаза.

...А король отъ восторга кинулся жениху на шею и сказалъ своей дочери:

— Ну, теперь ужъ все кончено, ты дожна быть его женою!

...Залилась королевна слезами горючими.

— Дѣлать нечего—отвѣчала она:—приказалъ отецъ, надо слушаться... Одного лишь прошу: дайте мнѣ семь разъ хорошенько спрятаться, а женихъ пускай ищетъ... Коль найдетъ, я противиться больше не стану.

...Къ слову молвить,—красавица хоть и вѣдьмой слыла, умѣла и себя и другихъ превращать во что бы ни вздумалось, да королевичъ былъ хитрѣе ея!

...На слѣдующій день королевна, изъ окна своего вылетѣла на дворъ голубкою и летала по немъ вмѣстѣ съ прочими птицами... Эти, впрочемъ, вѣрно, почувствовали чуждый въ ней духъ: каждый разъ, какъ она приближалась къ нимъ, всѣ разлетались сразу и она оставалась одна. Королевичъ, прикинувшись ястребомъ, погнался за ней... Она испугалась, спустилась на землю и превратилась въ дѣвицу... Смотритъ, а тутъ-же рядомъ стоитъ красавецъ—женихъ и беретъ ее за руку...

...Опечалившись, затворилась королевна въ своей свѣтлицѣ горько плакала и всю ночь напролетъ продумала, что ей дѣлать теперь?...

...Раннимъ утромъ красавица вышла въ садъ, сѣла на грядкѣ и сдѣлалась лиліею... Вокругъ нея всѣ лиліи были какъ снѣгъ, она одна только,—кровь въ ней просвѣчивала—вся покраснѣла.

...Женихъ съ королемъ также пробрались въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ... Королевичъ горюетъ, не зная гдѣ и какъ онъ отыщетъ свою красавицу...

...Случайно оба остановились у грядки, гдѣ цвѣли, дыша ароматомъ, лиліи; странно имъ показалось: всѣ цвѣты бѣлые — одинъ только розовый!

...Королевичъ сейчасъ-же понялъ причину, приложилъ руку къ стеблю—а тутъ стоитъ дѣвица и плачетъ.

— Узналъ ты меня два раза, третій разъ не узнаешь!

...И бѣжитъ красавица снова въ свѣтлицу, садится на коврик

и плачетъ, плачетъ такъ, что слезы ручьемъ текутъ. Думала крѣпко она всю ночь... На утро открыла окошко и блестящею мушкой помчалась въ синюю даль.

...Долго летала она по воздуху, только страхъ ее сталъ разбирать. Птицы ловко глотаютъ мушекъ; вотъ-вотъ иная такъ и наровитъ поймать ее своимъ клювомъ... Королевичъ, — удалось-ли ему подсмотрѣть, или ему шепнулъ кто-нибудь, — превратился въ огромнаго паука, растянулъ по воздуху огромную паутину и выжидаетъ. Недолго спустя на нее натыкается мушка, спасаясь отъ воробьевъ... Паукъ неуклюже карабкается, и... королевна стоитъ и плачетъ. Рядомъ съ ней паукъ — королевичъ держитъ ее за бѣлую ручку.

— О, я бѣдная! Узналъ ты меня три раза... Что теперь я начну?..

...По-прежнему плачъ и рыданья въ свѣтлицѣ. Сестры стучатся, входятъ и совѣтуютъ огорченной:

— Поплыви ты рыбкою по синему морю... Море широко и глубоко... Тамъ онъ тебя не найдетъ...

...А она все плачетъ безъ устали.

— Узналъ онъ меня три раза, что-же теперь-то я сдѣлаю, куда удачнѣе скроюсь?.. Въ водѣ чудовища есть... Я ихъ боюсь...

...Однако на слѣдующее утро красавица вышла къ морю; она не замѣтила, что женихъ притаился за деревомъ, выслѣживая ее.

...Вотъ нырнула на дно золотая рыбка; слѣдомъ за ней мелькнула серебряная. Куда золотая ни кинется—серебряная рядомъ плыветъ... Толкнулись онѣ другъ о дружку. Королевна слышитъ слова:

— Четвертый разъ я тебя отыскалъ, судьба тебѣ быть моею!

...Рыбка превратилась въ дѣвицу, бѣжитъ къ себѣ въ замокъ и снова горюетъ.

...Эта ночь, какъ и прежнія, проходитъ безъ сна. Ужъ солнышко показалось на небѣ, когда королевнѣ въ голову пришла счастливая мысль. Много вѣдь камушковъ на морскомъ берегу... Кто-жъ отличитъ ее среди нихъ, когда превратится она въ бѣлый камень и незамѣтно уляжется на пескѣ? Тотчасъ побѣжала она на берегъ, гдѣ и осуществила то, что задумала.

...Королевичъ ломалъ себѣ голову, стараясь узнать, что теперь придумала королевна? Ничего не добившись, онъ въ отчаяніи направился къ морю, желая покончить съ собой. Вдругъ нечаянно наступилъ онъ на камушекъ... А какой прелестный!.. Женихъ наклонился, чтобы взять въ руки находку, а передъ нимъ стоитъ королевна и... плачетъ.

— Нашелъ я тебя пятый разъ! — въ безумномъ восторгѣ закричалъ королевичъ.—Ты должна быть моею!

— До семи еще далеко! Найдешь меня за седьмою горой, за седьмою рѣкою!

...Не помня себя отъ гнѣва, дѣвица побѣжала домой и бросилась на полъ въ своей свѣтлицѣ... Горюетъ да плачетъ... Мимо нея пробѣжалъ мышенокъ. Замѣтивъ его, и не долго думая, она обернулась мышенкомъ, спрятавшись въ скважину. Сидя въ ней, красавица думала про себя:

— Вотъ теперь-то ужъ онъ меня не отыщетъ!

...На бѣду ея на окнѣ сидѣлъ воробей и все видѣлъ. Онъ сейчасъ-же порхнулъ къ королевичу, спустился къ нему на плечо и чирикнулъ:

— Дѣвица превратилась въ мышенка и въ ямочку—щелочку спряталась...

...Королевичъ сѣрымъ мурлыкою сталъ, сѣлъ и уставившись выжидаетъ.

...Мышенку ѣсть захотѣлось; замѣтивъ крошки, лежавшія подъ столомъ, онъ задумалъ выйти изъ норки, но только лишь показался—громадный котъ тукъ какъ тутъ:

— А, вотъ гдѣ ты?!

...Королевна перепугалась, боясь, что ее проглотятъ; но котъ произнесъ человѣчьимъ голосомъ:

— Узналъ я тебя и въ шестой разъ... Моею навѣрное будешь. Королевна упала на полъ, рыдая.

— Охъ! Я несчастная... Горькая моя доля-долюшка... Что-то я стану съ нимъ дѣлать?

...Вотъ въ седьмой-то разъ нужно было придумать ужъ что-нибудь, да особенное. Сбиралися всѣ подруги съ сестрицами, долго думали, долго гадали... Ночь прошла, разсвѣтало, а рѣшить ни на чемъ не рѣшили... Королевна заливается — плачетъ съ досады.

Лучше ужъ сразу-то было за королевича замужъ идти, причитаетъ она, чѣмъ семь разъ страниться, а въ восьмой все-равно волей-не-волей попасть.

...Просыпалося солнышко... Что-то будетъ, когда оно выглянетъ?.. Совѣщались сестрицы, наконецъ, порѣшили: превратиться ей въ старую нищенку, безобразную, желтую и съ лицомъ какъ печеное яблоко—вотъ къ примѣру славно-бы я, разсмѣялась разскащица.— Такъ и сдѣлали. Пошла красавица просить милостыню на большую дорогу, и ужъ такъ-то была увѣрена, что теперь никто ея не узнаетъ.

...Долго ждать ей пришлось... Только видитъ—ѣдетъ король верхомъ... Что за старуха такая? Велѣлъ подать ей копѣечку и дальше поѣхалъ. А королевна и думаетъ про себя: отецъ родной не узналъ—никто не узнаетъ!..

...Ѣдетъ братецъ ея родной, посмотрѣлъ на старуху, захохоталъ...

— Что за вѣдьма такая? Вотъ-то гадкая тварь... Гнать ее прочь съ дороги...

...Поплелась королевна къ сторонкѣ, а сама въ душѣ-то и радуется: братъ родной не узналъ и женихъ не узнаетъ...

...Наконецъ, показался верхомъ на конѣ королевичъ-красавецъ... Вѣтеръ ласково треплетъ его золотистыя кудри... Онъ и видитъ— стоитъ передъ нимъ нищенка старая... Посмотрѣлъ, покосился— бросилъ ей золотое кольцо.

...Королевна, со страху, возьми да и перехитри: опасаясь, чтобъ суженый да ея не призналъ, отступила назадъ и закрыла себѣ лицо тряпицею. Что за странность, подумалъ женихъ, надо-быть тутъ не спроста... Подбѣжалъ онъ къ старухѣ, да въ глаза и заглянулъ... А глазъ-то она перемѣнить не умѣла... Свѣтятъ—искрятся точно два солнышка... Взялъ тогда королевну онъ на руки, посадилъ къ себѣ на лошадь.

— Вотъ и седьмой разъ отыскалъ я тебя, теперь отъ меня не отвертишься...

...Свадьба была богатая, и я тамъ была, медъ да пиво пила,— окончила свою сказку старуха.

— Такъ-то,—добавила она погодя;—суженаго конемъ не объѣдешь!

Выслушавъ сказку, Дива задумалась.

— Эдакъ-то, — заключила Яруха: — можетъ выйти и съ Доманомъ, напрасно его избѣгаешь! Въ расписанной хатѣ-то лучше жить, чѣмъ на островѣ здѣсь, на Ледницѣ...

До-сыта наболтавшись, старуха крехтя поднялась съ мѣста и, ворча что-то подъ носъ, медленно поплелась изъ ограды. Вѣдунья хорошо понимала, что брошенное въ землю зерно иногда подолгу лежитъ притаившись, прежде чѣмъ пустить ростки и созрѣетъ. А Дива долго еще неподвижно сидѣла, окруженная роемъ нахлынувшихъ думъ... Въ ушахъ, словно билъ въ наковальню кто молотомъ, раздавались слова:

— Суженаго конемъ не объѣдешь!..

XXVI.

Кошубы и поморцы, подстрекаемые Лешками, все учащали свои набѣги на полянскія земли. Не успѣютъ, бывало, прогнать одну ихъ орду, глядь—показалась другая, глубже первой проникнувшая въ дотолѣ мирныя дебри славянъ. Вскорѣ кметы окончательно сбились съ толку, не зная откуда и ждать врага. То являлись поморцы съ сѣвера, то внезапно нападали съ востока... Съ той-ли, съ другой стороны—угадать равно не представлялось возможности.

Старшины, между тѣмъ, по-прежнему собирали вѣче за вѣчемъ, спорили, ссорились, а рѣшать ни на чемъ не рѣшали. Выборъ князя имъ какъ кладъ не давался. Не выискивался глава — не нашлось и руки, умѣвшей-бы отразить враговъ.

Всѣ разбѣгались куда попало.

Увѣренность въ постоянной опасности загоняла людей въ самую глушь лѣсовъ; въ свою очередь голодъ ихъ гналъ оттуда. Разоренныя нивы стояли пустыми.

Теперь являлись даже такіе, что жалѣли Хвостка. Мышки, — говорили они:—хороши лишь на то, чтобъ разрушить, создать-же они ничего не умѣютъ. Раздоры, общая неурядица грозила затянуться надолго, какъ однажды вечеромъ, послѣ особенно бурной сходки, по обыкновенію, окончившейся ничѣмъ — къ мѣсту, гдѣ стояли старшины, подошло двое какихъ-то людей. Нѣкоторые изъ бывшихъ у Пяста на торжественномъ празднествѣ постриженія—

сейчасъ-же узнали ихъ. Это были два чужеземца, изъ которыхъ одинъ благословилъ Земовида. А такъ-какъ кметы какъ-разъ, въ моментъ ихъ прибытія, готовились ужинать, то одинъ изъ Мышковъ пошелъ навстрѣчу гостямъ и пригласилъ ихъ къ общественному костру. Чужеземцы, приблизившись къ кметамъ, привѣтствовали ихъ во имя Единаго Бога.

Передъ прибывшими сейчасъ-же поставили калачи и мясо, пиво и медъ. Мяса въ этотъ день они не хотѣли трогать, довольствуясь хлѣбомъ и нѣсколькими глотками пива.

Младшій гость, замѣтивъ хмурыя лица кметовъ, полюбопытствовалъ узнать о причинѣ подобнаго настроенія духа, а кстати ужъ и о томъ, почему полянамъ вообще не ладно, да трудно живется.

— Какъ-же иначе могло-бы и быть,—отвѣтилъ старый Стиборъ.—Едва мы успѣли одно зло уничтожить, какъ нажили другое. Иго неволи сбросить-то сбросили, а порядка завести не умѣемъ. Дѣло не трудное—свергнуть тирана! Труднѣй замѣнить его лучшимъ! Вонъ насъ враги въ конецъ раззоряютъ, а развѣ мы можемъ отбиться?

— Да,—въ раздумьи сказалъ чужеземецъ,—нехорошее дѣло, если во время войны не имѣть вождя... Много мы разныхъ странъ и народовъ видѣли, отъ Дуная вплоть по Лабу и Одеръ, а такой не встрѣчали, въ которой-бы не было короля или князя, вождя или главы!.. Что-жъ за причина, однако, что вы до сихъ никого надъ собой не поставите?

— А причина такая,—отвѣтилъ Стиборъ: — что каждому хочется быть вождемъ... и всякій боится, что какъ выберетъ себѣ равнаго княземъ, такъ этотъ, пожалуй, начнетъ притѣснять не хуже прежняго владыки...

Гость задумался-было, но затѣмъ продолжалъ:

— Если у васъ, межъ богатыми и вліятельными, не можетъ выйти согласія, въ виду того, что одинъ другому завидуетъ, одинъ другого боится,—отчего-бы вамъ не избрать человѣка бѣднаго, незначительнаго, но извѣстнаго вамъ по честности, по уму, по способностямъ?

Мгновенно всѣ замолчали. Кметовъ, видимо, поразило то обстоятельство, что мнѣніе человѣка имъ чуждаго, совпало въ точ-

ности съ мнѣніемъ боговъ, слышаннымъ Визуномъ въ храмѣ. Они удивленно переглянулись, и Стиборъ спросилъ:

— А тебѣ развѣ ворожея какая-нибудь сказала, что избрать намъ себѣ въ князья слѣдуетъ „*малаіо*“?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ гость:—но, кто будучи бѣднымъ съумѣлъ прожить честно, снискать себѣ любовь и уваженіе другихъ, тотъ и при условіяхъ богатства и власти навѣрное не измѣнится...

Товарищъ его прибавилъ:

— Вѣдь и тотъ, у кого мы гостили во время празднества постриженія отрока-сына, — человѣкъ не богатый, а вѣдь всѣ вы его уважаете. Отчего-бы не избрать его княземъ?.. Умъ у него обширный...

— Пястъ!..—въ одинъ голосъ крикнули кметы.—Пястъ!..

И—точно въ первый разъ услышали это имя — всѣ начали о немъ говорить...

Между тѣмъ наступили сумерки. Чужеземцы, простившись съ кметами и поблагодаривъ ихъ за угощеніе, уѣхали, чтобы пораньше успѣть себѣ пріискать ночлегъ.

Кметы еще долго совѣщались, а нѣкоторые изъ нихъ прямо съ вѣча направились къ Пястовой хижинѣ.

Старикъ стоялъ у воротъ, осматривалъ табунъ, вернувшійся съ поля. Лошади при видѣ своего господина весело ржали. Не веселъ былъ только хозяинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ только побывали у него чужеземцы, а также со времени низверженія послѣдняго князя, мысли, одна другой неотвязчивѣе, бродили у него въ головѣ, не давая ему покоя.

Стиборъ, Болько и Мышко подъѣхали къ воротамъ, сошли съ лошадей и окружили хозяина, оживленно его привѣтствуя.

— Радъ гостямъ,—произнесъ радушно старикъ:—зайдите въ избу отдохнуть... Угостить только васъ, право, ничѣмъ особеннымъ не могу! Дома-то найдется не многое!.. Хлѣбъ, впрочемъ, есть... Что-жъ, привезли хорошія вѣсти? Выбранъ князь, или все еще нѣтъ?

Гости вздохнули, посмотрѣвъ другъ на друга.

— Князя у насъ и по сю-пору нѣтъ, свободы-же черезъ-край... А тѣмъ временемъ, голодные поморскіе волки жгутъ наше добро, раззоряютъ землю; нѣтъ ни силъ, ни умѣнья обороняться... Просто

дышемъ едва... Проклятые Лешки все новыхъ поморцевъ на насъ насылаютъ... Время уходитъ...

Болько прибавилъ:

— А ты, по прежнему, ухаживаешь за пчелами и не хочешь къ намъ заглянуть, чтобы подать добрый совѣтъ? Твое слово имѣло-бы вѣсъ и значеніе передъ людьми...

— Можно-ли словомъ оказать помощь тамъ, гдѣ ужъ и кровь заговорила, да и ея не послушались?—возразилъ Пястъ.—Я малый, убогій человѣкъ...

Эти слова, услышанные впервые изъ устъ Визуна, затѣмъ повторенные чужестранцами, а теперь и самимъ Пястомъ, показались кметамъ, какъ-бы предопредѣленіемъ судьбы.

— Я человѣкъ малый и бѣдный!..

Словно боязнь какая-то овладѣла ими; имъ чудилось, — боги требуютъ, чтобы Пястъ, а не кто иной, избранъ былъ княземъ.

— Завтра...—началъ Болько: — послѣдній день настоящаго вѣча... Не можетъ быть... Не допустимъ мы этого, чтобъ тебя не было съ нами. Мы за тобой пріѣхали, ты долженъ съ нами идти... всѣ тебя просятъ, зовутъ... Не захочешь пойти, вѣче снова ничѣмъ не окончится, жалобы всѣхъ падутъ на тебя...

Старикъ оставилъ эти слова безъ отвѣта.

Кметы хотѣли-было возобновить свои настоянія, какъ у порога остановился блѣдный, еще не вполнѣ оправившійся Доманъ, прямо прибывшій съ Ледницы.

По лицу его видно было, сколько онъ выстрадалъ. Кметы, слыхавшіе уже о его приключеніяхъ, немедленно окружили интереснаго гостя, желая узнать, что съ нимъ произошло и какъ онъ съумѣлъ спастись отъ поморцевъ.

Доманъ имъ все разсказалъ, показывалъ свои раны и заклиналъ рѣшиться немедленно, жестоко отомстить врагамъ.

— Если вы и теперь не изберете себѣ вождя,—такъ заканчивалъ онъ обстоятельный разсказъ своихъ приключеній,—то всякій пойметъ, что остается заботиться лишь о цѣлости своей собственной шкуры... Соберутся вооруженныя шайки, и сильнѣйшій надѣнетъ ярмо на всѣхъ... Да я первый соберу какъ можно больше людей и тогда,—пусть и скотъ пропадетъ, пусть земля поростаетъ быльемъ, пусть расхитятъ все волки!.. Мы должны возстать на

нашихъ мучителей, должны найти ихъ гнѣздо, съ корнемъ вырѣзать это подлое племя, чтобъ хоть разъ, наконецъ, вздохнуть посвободнѣе!..

Долго велись еще разговоры въ подобномъ тонѣ; наконецъ усталость взяла свое: всѣ разбрелись по угламъ и минутъ черезъ пять ужъ храпѣли.

На слѣдующій день, чуть-свѣтъ, Пястъ изготовилъ корзину, чтобы идти съ нею въ лѣсъ. Болько и Стиборъ замѣтили это и, взявъ старика за руки, сказали ему:

— Ты непремѣнно долженъ сопровождать насъ сегодня. Всѣ того требуютъ, а слушаться воли народной каждый обязанъ. Пусть и Доманъ поѣдетъ съ нами, онъ покажетъ тамъ свои раны, подробно о томъ повѣдаетъ, о чемъ всѣмъ любопытно послушать...

Старикъ все еще не хотѣлъ согласиться.

— Мое дѣло пчелы, а не вѣче,—уклонялся онъ.

Но на этотъ разъ никакихъ отговорокъ не приняли: волей-не-волей пришлось уступить.

Разбудивъ тѣхъ, которые еще отдыхали,—вчерашніе собесѣдники вскочили на лошадей и отправились къ столбу, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали ихъ кметы. Челядь Пяста давно ужъ ушла на работу, а потому съ нимъ поѣхалъ сынъ его Земекъ, сопровождавшій отца, на случай ухода за лошадьми.

Въ то утро, вѣче обѣщало быть особенно многолюднымъ: множество кметовъ виднѣлось уже у столба, а кромѣ того, безпрестанно подходили и новые. Распространившійся слухъ, что нѣмцы опять готовятся къ нападенію на полянскія земли, не мало способствовалъ многолюдству собранія.

Въ ожиданіи начала вѣча, кметы сидѣли кучками на травѣ, когда Стиборъ, Болько, Мышко, Пястъ и Доманъ явились. Замѣтивъ старика, въ простой, домашняго издѣлія сермягѣ, подходившаго къ нимъ, всѣ—словно по чьему приказанію—встали. Воля боговъ—съ одной, сѣдые волосы Пяста съ другой стороны, были тому причиною.

— Отецъ нашъ, дай намъ добрый совѣтъ, иначе мы всѣ погибнемъ!—послышались съ разныхъ концовъ голоса.—Мы ужъ достаточно говорили, говори теперь ты; дай намъ добрый совѣтъ отецъ!

— Или вы сами не знаете, что вамъ нужно?—спросилъ Пястъ.—Новаго вамъ я вѣдь ничего не скажу! Прежде всего нужно согласіе, да скорѣй выбрать князя! Сжалимся-же наконецъ, надъ самими собой, да надъ дѣтьми нашими! Безпорядокъ царитъ среди насъ... Заводите порядокъ!

Вѣчевое поле замолкло. Всѣ, казалось, обдумывали...

Вдругъ одинъ изъ старшинъ, по прозванію Кракъ, представитель древняго княжескаго рода, грозно поднялся съ мѣста, снялъ колпакъ съ головы и, махая имъ въ воздухѣ, полною грудью крикнулъ:

— Этому быть нашимъ княземъ! Избираемъ Пяста!

Мгновенная тишина и—земля дрогнула отъ единодушнаго восклицанія:

— Пяста! Пяста!

— Пястъ да княжитъ надъ нами! Кровь наша!..

И среди кметовъ не нашлось ни одного, который не повторилъ-бы этого восклицанія, который-бы воспротивился общему выбору...

Старикъ отступилъ назадъ, сдѣлавъ руками движеніе, какъ-бы желая отстранить отъ себя голоса, раздававшіеся все громче и громче, все радостнѣе.

— Я простой человѣкъ и бѣдный, за пчелами ухаживать мое дѣло, но и только,—сказалъ Пястъ:—я людьми управлять не умѣю... Старъ я, и рука у меня слабая... Выберите другого, не смѣйтесь надъ старикомъ!

Сказавъ, Пястъ кивнулъ головою сыну, стоявшему въ сторонѣ, послѣ чего, не успѣли еще кметы сообразить, что онъ намѣревается дѣлать,—вскочилъ на коня и, сопровождаемый сыномъ, вихремъ помчался по направленію къ лѣсу.

Кметы тотчасъ-же бросились къ лошадямъ, но Пястъ тѣмъ временемъ успѣлъ ускакать далеко... И тогда впервые представилось чудное зрѣлище: около сотни всадниковъ неслось, сломя голову, за избраннымъ княземъ, а оставшіеся на городищѣ кметы клялись, что до тѣхъ поръ не тронутся съ мѣста, пока князь не вернется и не признаетъ народной воли. Догонявшіе Пяста неслись, не теряя его изъ вида, но имъ удалось поймать только сына, лошадь котораго не могла поспѣть за отцовскимъ конемъ

и нѣсколько поотстала. Пойманный, не вѣдая цѣли настоящей погони, опасаясь притомъ за отца, съ испугу ударился въ слезы.

Пястъ, примчавшись къ лѣсной опушкѣ, мгновенно скрылся отъ кметовъ, которые только теперь убавили шагу, надѣясь найти старика въ его хижинѣ.

Но, къ удивленію преслѣдовавшихъ, напрасно они разспрашивали: никто ничего не слыхалъ о Пястѣ... Старикъ, какъ потомъ оказалось, бросилъ лошадь въ лѣсу и, не заходя домой, отправился на свой пчельникъ. Лошадь прибѣжала одна, по привычкѣ толкнулась въ ворота и ждала, чтобы ихъ открыли.

Поклявшіеся не расходиться съ вѣча, пока не вернется ихъ князь—кметы три дня искали Пяста въ лѣсу, но никакъ его не могли найти.

Тѣ, что раньше мечтали добиться власти, теперь и понять не умѣли, какъ возможенъ такой человѣкъ на свѣтѣ, который—бѣдный, ничтожный—бѣжитъ отъ того, что для нихъ—богатыхъ и сильныхъ—казалось предѣломъ возможнаго счастья!

Пястова сына кметы не отпускали, держа его какъ заложника, надѣясь хоть этимъ принудить старика воротиться. Онъ не являлся однако. Такъ промелькнуло шесть дней. Наконецъ, какъ-то разъ забрела на городище вездѣсущая, вѣчно-странствующая Яруха.

Слуги, стоявшіе въ сторонѣ и стерегшіе лошадей, разсказали вѣдуньѣ, что Пястъ укрывается гдѣ-то въ лѣсу, но что его не могутъ найти, несмотря ни на какія старанія. Старуха смѣялась, не будучи въ силахъ повѣрить, чтобъ такое количество ищущихъ не могло отыскать одного человѣка!

Она пошла къ Стибору, къ старшинамъ, но они не только говорить, даже взглянуть на нее не хотѣли.

— А я его приведу сюда,—сказала она.—Наврядъ-ли кто лучше меня знаетъ наши лѣса... Не разъ мнѣ случалось ночевать и съ медвѣдемъ подъ одною колодою... Я его отыщу...

Чѣмъ больше надъ ней смѣялись, тѣмъ упрямѣе продолжала она стоять на своемъ... Такое упрямство Ярухи невольно заставило многихъ подумать, что, быть можетъ, она и дѣйствительно кое-что знаетъ, а потому Собѣславу и Болько поручено было слѣдить за ней.

Чуть-свѣтъ старуха отправилась въ лѣсъ. Ея приставники съ трудомъ пробирались тамъ, гдѣ она, повидимому, чувствовала себя какъ дома. Около полудня старуха присѣла на пень отдохнуть, вынула изъ котомки хлѣба и, на-скоро утоливъ голодъ, снова тронулась въ путь. Долго шли такимъ образомъ Яруха и спутники; наконецъ добрались до какой-то насыпи, покрытой густою, сочной травой. Въ этой насыпи были ворота, или вѣрнѣе—нѣчто въ-родѣ входа на старое городище. Яруха нырнула туда, спутники пріостановились и слѣдили за нею глазами.

Въ самомъ отдаленномъ углу, въ мѣстѣ, гдѣ сходились двѣ насыпи, виднѣлся шалашъ, а въ немъ на кучѣ сухихъ листьевъ сидѣлъ Пястъ. Старикъ плелъ изъ тонкихъ лыкъ лапти...

Увидя Яруху, Пястъ испугался.

Она поспѣшила заговорить:

— Наконецъ-то нашла я тебя,—такъ-таки и нашла!.. Тамъ люди всѣ головы растеряли отъ ожиданія! А сынъ твой заливается—плачетъ, потому его словно въ плѣну содержатъ! Сжалься надъ ними, надъ своимъ сыномъ, и возвращайся!

Не давая отвѣта, Пястъ махнулъ ей рукою, чтобъ замолчала. Болько и Собѣславъ вошли на городище, кланяясь своему князю...

Увидѣвъ ихъ, старикъ сдѣлалъ жестъ, полный отчаянья...

— Насъ за тобою послали,—сказалъ первымъ Болько;—всѣ кметы ждутъ твоего прибытія... умоляютъ тебя... Возвратись,—такова ужь воля боговъ! Мы одни не уйдемъ отсюда...

Затѣмъ, оба начали умолять старика. Тотъ долго молчалъ, наконецъ отвѣтилъ:

— Дѣлать нечего, иду съ вами!

Яруха, присѣвшая на землю въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, смѣялась.

— Это я тебя, милостивый князь, нашла здѣсь; безъ меня гдѣ-бы имъ отыскать!.. Пусть-же люди узнаютъ, что и старуха на что-нибудь пригодилась... Цѣлый мѣсяцъ они бы искали тебя напрасно, еслибъ не я!

Собѣславъ, Болько и Пястъ, уже не противившійся, покинули городище; осталась одна Яруха, которая такъ истомилась, что, разувши старыя ноги, тутъ-же легла вздремнуть.

Пястъ теперь самъ повелъ своихъ спутниковъ къ небольшому лужку, гдѣ взяли лошадей у пастуха, пасшаго здѣсь свое стадо. Однакожъ, по причинѣ непроницаемой лѣсной чащи, имъ удалось добраться до Пястовой хижины лишь далеко за полночь. Собекъ, дожидавшійся ихъ прибытія, сейчасъ-же отправился къ кметамъ съ извѣстіемъ, что князя нашли и завтра его приведутъ.

За ужиномъ Пястъ не проронилъ ни единаго слова. На утро, чуть-свѣтъ, Больно ужъ сторожилъ своего князя, который, однако, не сопротивляясь нимало, сѣлъ на лошадь.

Старшины вышли ему навстрѣчу.

— Князь милостивый!—началъ Кракъ, простирая къ Пясту обѣ руки:—почему оставилъ ты насъ? Вѣдь не по нашей волѣ, а по волѣ боговъ избранъ ты княжить и управлять нами! Одного лишь тебя кметы единодушно согласились признать надъ собою!

— Я считалъ и считаю себя недостойнылъ почести, выпавшей мнѣ на долю... Силъ для этого у меня не хватитъ, — взволнованно отвѣчалъ Пястъ:—я боюсь власти. Сжальтесь же надо мною! Я бѣденъ, но въ бѣдности знаю, что слѣдуетъ дѣлать, принявши же власть въ свои руки, буду-ль знать какъ управиться, не употреблю ли ее я во зло?

Вмѣсто отвѣта раздались крики:

— Пяста! Пяста!

Въ эту минуту кметы раздвинулись, и два незнакомца бывшіе гости Пяста, остановились предъ старикомъ. Они высказали привѣтствіе, дружески улыбаясь.

— Мы пришли еще разъ, чтобы на мужа праведнаго призвать святое благословеніе единаго Бога!

Радостные возгласы заглушили ихъ. Всѣ, до послѣдняго человѣка, веселились и поздравляли Пяста. Мышки, какъ видно заранѣе озаботившіеся приготовить для себя княжескій колпакъ съ перомъ, подошли къ новому властелину и отдали ему этотъ знакъ господства; а младшій изъ чужеземцевъ, сдѣлавъ надъ нимъ таинственный знакъ рукою, возложилъ его на сѣдую голову старика.

Восклицанія, крики, шумъ неслись отовсюду. Старикъ долго стоялъ посреди ликующихъ кметовъ, задумавшись.

— Вы видѣли всѣ,—наконецъ произнесъ онъ,—что я и не желалъ власти и не гонялся за ней!—Вы принудили меня взять

ее и—что-жь дѣлать?—я ее принимаю! Я всѣми силами постараюсь воспользоваться ею такъ, чтобы она явилась источникомъ общаго спокойствія и порядка, чтобы она повсюду внесла справедливость; но, если вы сами заставите меня быть суровымъ, я буду неумолимъ и строгъ... Не забывайте: меня принудили сдѣлаться княземъ, силой заставили княжить надъ вами!..

— Повелѣвай и господствуй!—раздались голоса со всѣхъ сторонъ.—Пусть будетъ по твоему! Каждое твое слово должно исполняться!

Стиборъ, поклонясь въ ноги князю, сказалъ:

— Мы только и просимъ: будь намъ отцомъ, какимъ ты былъ для своихъ пчелъ!

Успокоившись нѣсколько, кметы замѣтили, что у князя, вновь избраннаго, не достаетъ меча. Стиборъ ему отдалъ свой, другой кметъ подалъ Пясту бѣлую, длинную палку.

Кметы обратились съ просьбою къ иноземнымъ гостямъ, чтобы они благословили и мечъ, и палку, на что тѣ съ охотою изъявили согласіе. При этомъ гости изображали руками какіе-то знаки и что-то нашептывали. Кметы считали ихъ пришедшими изъ-за моря колдунами.

Пястъ долго еще, какъ-бы испуганнный тѣмъ, что съ нимъ такъ внезапно случилось, не могъ успокоиться; наконецъ обратился онъ къ окружающимъ его старшинамъ со словами:

— Воля боговъ и ваша да совершатся! Вы избрали меня, вы и помогать мнѣ обязаны!

Словно къ родному отцу, всѣ стремились подойти къ старику, обнять его колѣни, хоть поближе взглянуть на него. Теперь его всѣ упрекали, что будто-бы, убѣгая въ лѣсъ, онъ умышленно оставлялъ ихъ сиротами. Первый разъ Лешки и Мышки сошлись во взглядахъ, не спорили между собою, не завидовали другъ другу.

Между тѣмъ Земекъ, которому кметы вернули свободу, прибѣжалъ къ отцу, бросился цѣловать его ноги; а потомъ, вскочивъ на первую попавшуюся ему лошадь, помчался къ матери съ радостнымъ извѣстіемъ.

Старуха мать послѣ отъѣзда мужа принялась за хозяйство, и прискакавшій сынъ засталъ ее за работою. Узнавъ отъ сына о

всемъ происшедшемъ, она было сперва заплакала отъ радости, какъ ребенокъ, но тутъ-же и опечалилась, вспомнивъ, что тихой, мирной ихъ жизни пришелъ конецъ, что впереди предвидится жизнь, полная тревогъ и опасностей. Старуха обняла своего сына, прижала его къ груди, и слезы ручьемъ полились изъ старческихъ глазъ...

Часъ, другой веселились кметы; но время не ждало, нужно было думать, что предпринять, или, вѣрнѣе, освѣдомиться о намѣреніяхъ Пяста, что онъ имъ дѣлать прикажетъ.

— Прежде всего надо покончить съ однимъ,—сказалъ Пястъ:— у кого найдется хоть капля силы и мужества—тотъ пусть садится на коня. Пока страна не избавится отъ войны—важнѣе послѣдней ничего быть не можетъ. И такъ за дѣло, у кого силы есть! Пускай старшины соберутъ людей и приводятъ сюда!

Раздались крики:

— На коней!

Это было первое слово и первое повелѣніе князя.

Пястъ немедленно учредилъ свой совѣтъ изъ нѣсколькихъ болѣе опытныхъ старшинъ, остальныхъ назначилъ воеводами въ разныхъ частяхъ полянской земли.

Кто-то предложилъ разрушенное жилище Пепелковъ снова возстановить, окружить заборомъ и основать здѣсь замокъ, какой подобаетъ князю.

— Нѣтъ!—возразилъ князь:—это мѣсто поганое... Я не хочу жить на мѣстѣ, гдѣ воспоминанія и развалины Хвостека могли-бы возстать преградою между вами и мною. Тамъ будетъ мой градъ и мой замокъ, гдѣ первый разъ побѣдимъ врага... Пускай этотъ столбъ остается навѣки, пускай онъ будетъ свидѣтельствомъ, какъ гибнетъ несправедливость... Поганое это мѣсто! Да заростетъ оно травою и сорнымъ быльемъ!

Теперь ужъ Пястъ не одинъ, а въ сопровожденіи дружины, не хотѣвшей ни на шагъ отступить отъ него—вернулся въ свою бѣдную хижину... Долго не смолкавшіе крики раздавались вслѣдъ уѣзжавшему съ городища князю...

Чужеземцы куда-то исчезли. Ихъ всюду искали, но напрасно хотя, и никто не замѣтилъ какъ они удалились.

Когда князь со своею дружиной остановился у воротъ, веду-

ших въ его убогую хижину, жена его, все еще горько плакавшая, вышла ему навстрѣчу. Примѣръ прежнихъ князей сильно не тревожилъ, она опасалась и за судьбу своего мужа. Припавъ къ его ногамъ, старуха громко рыдала.

— Милостивая княгиня!—обратился къ ней Пястъ:—приготовь, что только есть у насъ лучшаго, разставляй столы!.. Не допустимъ почтившихъ меня своимъ выборомъ уйти изъ нашего дома голодными.

Между тѣмъ, послѣднее легко могло-бы случиться, если-бы не окрестные кметы, явившіеся, какъ только прослышали объ избраніи Пяста, съ дарами къ его женѣ. Всѣ знали, что новый князь не богатъ, и хотѣли ему помочь. Потому-то всего оказалось вдоволь.

Со всѣхъ сторонъ сбѣгавшіеся люди окружили хижину Пяста, привѣтствуя его веселыми криками и различными пожеланіями.

По всей окрестности, точно въ праздникъ Купалы, виднѣлись зажженные костры... Всю ночь молодые парни перебѣгали съ одного двора на другой, оглашая радостное событіе. Съ каждой минутой возрастало число сходившихся кметовъ. Они-же потомъ разбрелись повсюду, неся приказаніе собирать людей на врага...

Не прошло съ тѣхъ поръ и полъ-мѣсяца, а ужъ озеро окружали цѣлыя тысячи молодыхъ ратниковъ, готовыхъ по первому слову князя тронуться на защиту страны. Пястъ съ воеводами ежедневно разставлялъ, обучалъ ихъ, приготовляя къ военнымъ дѣйствіямъ.

Поморцы и кошубы, разоривъ большія пространства земли, съ богатою добычею и плѣнными, — вернулись домой. Тѣмъ не менѣе, всѣ были увѣрены, что Лешки успокоились не надолго и не сегодня-завтра соберутъ новую рать.

Посланные къ границѣ развѣдчики принесли извѣстіе, что поморцы, дѣйствительно, подумываютъ возобновить нападеніе.

Но теперь никто ужъ ихъ не боялся; напротивъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія враговъ.

XXVII.

Вѣсть объ избраніи Пяста съ быстротой молніи облетѣла дальнихъ и ближнихъ кметовъ. Всѣ изумлялись; и чѣмъ дальше тѣмъ разнообразнѣе передавали подробности этой странной воли боговъ. Всѣ были глубоко убѣждены, что происшедшее случилось по волѣ силъ, управляющихъ міромъ... Чужіе люди, до того никому неизвѣстные, явились какъ-бы нарочно затѣмъ, чтобы высказать слово, которому богатые и могущественные не посмѣли противиться; по этому слову, бѣднаго старика, никогда не мечтавшаго сдѣлаться княземъ, бѣжавшаго даже отъ власти, силой заставили покориться желанію народа.

Одни только Лешки и ихъ сторонники не казались довольными— они опасались мести за прошлое.

Старый Милошъ всего только разъ былъ на вѣчѣ. Вмѣстѣ со слѣпымъ своимъ сыномъ, онъ заперся въ домѣ своемъ, окружилъ его стражею и никуда не показывался.

Милошъ лелѣялъ теперь одну лишь надежду, что авось онъ дождется внука, который съумѣетъ осуществить всѣ его прежнія затаенныя пожеланія. Родители подыскали дѣвицу, на которой женили слѣпого своего сына. Старуха мать неусыпно пеклась о юной четѣ, зорко слѣдя за ними. Молодые—женѣ было всего пятнадцать лѣтъ—играли какъ дѣти. Жена Лешка, Бѣлка, по цѣлымъ днямъ пѣла разныя пѣсни, Лешекъ бренчалъ на гусляхъ, а мать забавляла ихъ старыми сказками про богатырей. Втроемъ проводили они цѣлые дни на дворѣ, забравшись подъ тѣнь вѣковыхъ дубовъ. Очень рѣдко заглядывалъ къ нимъ чужой человѣкъ, а еще рѣже рѣшались впустить его въ хижину. Старшины, сопровождаемые Бумиромъ, пытались-было повидаться съ Милошомъ. Онъ всего одинъ только разъ велѣлъ открыть имъ ворота и заявилъ, что онъ ни во что не будетъ и не желаетъ вмѣшиваться; когда-же они вторично зашли, то велѣлъ имъ сказать, что и видѣться съ ними не хочетъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней, послѣ избранія Пяста, когда Лешки не на шутку дрожали за себя и за своихъ приближенныхъ, кто-то постучался въ ворота.

Старикъ Милошъ лежалъ въ это время,—а былъ уже полдень—подъ дубомъ. Неподалеку отъ него, подъ другимъ, сидѣли Лешекъ съ женою и съ матерью. Когда послышался стукъ, медвѣдь, отдыхавшій у ногъ своего господина, поднялъ голову и началъ ворчать; собаки залаяли, всѣ домашнія птицы затѣяли страшный переполохъ. Караулившій у воротъ человѣкъ взобрался на вышку, съ цѣлью взглянуть, кто стучится...

У воротъ стояло двое людей, чрезвычайно бѣдно одѣтыхъ. Почему-то они старались скрыть свои лица. По голосу и тѣлодвиженіямъ—лицъ онъ видѣть не могъ—сторожъ догадался, кто были пришедшіе посѣтить князя. Неизвѣстные требовали, чтобы ихъ впустили во дворъ.

— Князь боленъ—никого не велѣлъ къ себѣ допускать...

Напрасно они кричали, ругались, сторожъ рѣшительно былъ неумолимъ.

Наконецъ, одинъ изъ нихъ снялъ съ пальца большое кольцо и потребовалъ, чтобы сторожъ сейчасъ-же показалъ его князю, а затѣмъ отворилъ ворота.

Сторожъ съ кольцомъ въ рукѣ подошелъ къ Милошу и, кланяясь въ ноги, исполнилъ данное ему порученіе.

Милошъ осмотрѣлъ кольцо, которое состояло изъ двухъ частей, соединенныхъ небольшою цѣпочкой,—вздохнулъ, украдкою стеръ навернувшуюся слезу и, приказавъ удалиться семейству, велѣлъ впустить гостей.

Вскорѣ оба незнакомца вошли во дворъ. Здѣсь, словно по мановенію волшебнаго жезла, они выпрямились, подняли головы и вдругъ отъ нихъ не осталось ничего похожаго на тѣхъ бѣдняковъ, которыхъ они такъ ловко изображали еще минуту тому назадъ.

То были—Лешекъ и Пепелекъ, сыновья Хвостека.

Милошъ привсталъ, но не сдѣлалъ и шагу на встрѣчу. Когда гости остановились предъ нимъ, старикъ привѣтствовалъ ихъ рукою и сталъ ждать, что услышитъ.

Старшій заговорилъ первымъ:

— Добрались мы къ тебѣ, князь, не безъ труда и опасностей... Насъ, дѣтей властелина этой земли, словно дикихъ звѣрей гонятъ, выслѣживаютъ... А ты заперся здѣсь, тебѣ и въ голову не при-

ходить стоять за права своего семейства, своего рода... Мы пришли заставить тебя намъ помочь и дать намъ своихъ людей!..

Милошъ смѣрялъ обоихъ бѣшенымъ взглядомъ и глухо спросилъ:

— Вы?.. Заставить?... Меня?..

— Да, — продолжалъ старшій: — да! Здѣсь, послѣ смерти отца моего, властелинъ—это я!.. И земли, и тебя самого... И конечно ужъ роднымъ-то, да кровнымъ своимъ, я не позволю идти мнѣ на перекоръ! Этого я допустить не могу!

Милошъ не промолвилъ ни слова, хотя глаза его горѣли страшнымъ огнемъ. Медвѣдь заворчалъ, почуявъ чужихъ людей. Онъ, казалось, только и ждалъ приказанія познакомиться съ ними поближе.

— Мы должны,—опять началъ старшій, не дождавшись отвѣта:—получить обратно и землю, и нашъ родовой замокъ! Прямая обязанность всѣхъ Лешковъ намъ въ этомъ помочь... Эту сволочь, что теперь поднимаетъ голову, нужно какъ можно скорѣй истребить, вырвать съ корнемъ!..

Князь по-прежнему все молчалъ.

— Мы явились сюда спросить у тебя: за кого ты—за насъ, или за эту подлую чернь?

По лицу Милоша было замѣтно, что онъ сдерживался съ величайшимъ трудомъ. Всего его нервно подергивало, руки тряслись...

— Ни за васъ, ни за нихъ,—разразился онъ наконецъ.—Васъ я знать не хочу... Вы вотъ оба стоите тутъ предо мной живые, здоровые, а сыновья мои гдѣ?.. Какъ посмѣли вы только войти сюда!.. Вы... вы знаете-ли, что вашъ отецъ одного моего сына жизни лишилъ, другого велѣлъ ослѣпить?.. Или пришли вы ко мнѣ напомнить, что кровь моихъ дѣтей требуетъ отомщенія? Что и мнѣ поступить съ вами слѣдуетъ такъ: одного приказать убить, а другому вырвать глаза, съ тѣмъ, чтобъ бросить ихъ псамъ на съѣденье?..

Молодые князья испугались и невольно взялись за мечи.

Старика раздражали ихъ цвѣтущія лица. Гнѣвъ его возрасталъ.

— Вы являетесь сюда, чтобы мною повелѣвать!.. Меня заставлять дѣлать то, что хотите вы?.. Вы... меня!..

Старшій Хвостековъ сынъ весь даже покраснѣлъ отъ злости.

— Право свое унаслѣдовалъ я отъ отца!—крикнулъ онъ, топнувъ ногою, и гордо взглянулъ въ лицо старику.—Я тебѣ приказываю вступиться за нашъ родъ, который и твой вмѣстѣ съ тѣмъ. Если отецъ мой счелъ нужнымъ убить твоего сына, то потому, что тотъ оказался мятежникомъ; если другой поплатился зрѣніемъ—такъ и вѣдь онъ тоже вздумалъ подражать-было брату!.. Будь доволенъ и тѣмъ, что хоть этотъ остался живъ!..

Тутъ Милошъ неожиданно выпрямился, дрожащей рукою схватилъ висѣвшій всегда у него на поясѣ рогъ и затрубилъ.

Со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться слуги.

Сыновья Хвостека обнажили мечи, готовясь къ защитѣ.

Первымъ изъ слугъ прибѣжалъ старый княжескій смердъ; Милошъ обратился къ нему съ приказаніемъ:

— Связать этихъ людей... и бросить въ темницу!..

— Связать насъ?—вскрикнулъ старшій и кинулся къ старику.—Ты осмѣлишься?..

— Сами того захотѣли... Не къ чему было мнѣ попадаться въ руки!.. Я долженъ отомстить вамъ за кровь моихъ сыновей... Кровь требуетъ крови!.. Одинъ изъ васъ долженъ погибнуть, другому велю выколоть глаза...

Милошъ обратился къ слугамъ:

— Связать ихъ!.. Въ темницу!

И, несмотря на отчаянное сопротивленіе, люди Милоша связали обоихъ князей.

На дворѣ поднялся ужасный шумъ.

Женщины выбѣжали изъ дому, собаки надрывались отъ лаю, медвѣдь всталъ на заднія лапы и готовился къ нападенію. Связанныхъ Лешка и Пепелка увели въ темницу.

Темница, собственно, была огромная, вырытая въ землѣ яма, которую зарывали камнемъ большихъ размѣровъ, точно колодезь. Въ эту-то яму и бросили обоихъ сыновей Хвостека.

Затѣмъ, княжескій дворъ принялъ прежній, спокойный видъ. Одинъ лишь старый князь не могъ успокоиться, онъ быстро ходилъ взадъ и впередъ. Видно было, что въ немъ кипѣла внутрен-

няя борьба: то онъ рвалъ на себѣ рубаху, то глубоко вздыхалъ, то дрожащей рукою потиралъ себѣ лобъ, какъ будто старался что-то вспомнить. По-временамъ лицо его прояснялось, но сейчасъ-же опять становилось и грозно, и мрачно. Раздумывая о способахъ отомстить за своихъ дѣтей, онъ однакожъ не могъ отдѣлаться отъ навязчивой мысли, что тѣ, на кого мщеніе должно было пасть, родные его внучата, сироты, лишенные и отца и матери.

Между тѣмъ, какъ Милошъ, мучимый нерѣшимостью, самъ не зналъ, звать или не звать великана Хулю, чтобъ поручить ему исполненіе суроваго приговора, — среди дворни, по наружности столь покорной, начиналось броженіе не въ пользу князя.

Дѣло въ томъ, что слуги Милоша, въ связанныхъ и брошенныхъ въ яму плѣнникахъ, узнали сыновей убитаго Хвостека, которому прежде служили и, хотя не посмѣли оказать неповиновеніе Милошу, внутренно все-же роптали. Чувство жалости пробудилось въ нихъ. Они межъ собой перешептывались и какъ-то странно поглядывали на ходившаго по двору князя.

Хуля, котораго звали и Обромъ, держался невдалекѣ, инстинктивно угадывая, что скоро ему предстоитъ работа. На что Милошъ былъ высокаго роста и обладалъ громадною силою,— Хуля былъ и выше и сильнѣе своего господина. Потомокъ, по слухамъ, тѣхъ обровъ, которые въ оныя времена покорили дулебовъ и, издѣваясь надъ ними, запрягали ихъ женщинъ въ телѣги и въ плуги,—этотъ полу-звѣрь, полу-человѣкъ, походилъ на того медвѣдя, что ходилъ, прирученный за княземъ. Ни въ одну избу Хуля не могъ войти, не согнувшись вдвое; цѣлый возъ сѣна онъ несъ на плечахъ, какъ вязанку; всякаго звѣря мялъ подъ себя, а взрослыхъ людей валилъ, какъ ребятъ. Все его тѣло было покрыто волосами; онъ почти не нуждался въ одеждѣ. Любимою пищей служило ему сырое мясо; спалъ онъ всегда на дворѣ, даже зимою, въ морозы. Исполнить самое звѣрское приказаніе своего господина составляло для него наслажденіе.

Онъ никогда не говорилъ, какъ другіе люди: слова замѣнялись короткими звуками, смѣхомъ, ворчаніемъ... Князь трижды хотѣлъ отдать ему роковой приказъ и не могъ — его все еще что-то удерживало...

Вдругъ у воротъ послышался шумъ, затѣмъ крики и требованіе, чтобы Милошъ немедленно отдалъ сыновей Хвостека.

Изъ лѣсу высыпала толпа вооруженныхъ людей, число которыхъ съ каждой минутой замѣтно росло. По ихъ одеждѣ и говору не трудно было узнать, что это нѣмцы, поморцы, кошубы и слуги плѣненныхъ Лешковъ.

Сгоряча у Милоша явилось желаніе сейчасъ-же послать свирѣпаго Обра придушить обоихъ князей и тѣла ихъ выбросить нѣмцамъ, но тутъ подбѣжалъ къ нему старшій смердъ узнать, что прикажетъ онъ дѣлать, такъ-какъ слугамъ не устоять противъ сильнаго войска, обложившаго насыпи княжескаго дома. Раздраженный, но не испуганный, Милошъ ограничился тѣмъ, что вмѣсто отвѣта кинулъ слугѣ проклятіе.

Прибѣжала жена-княгиня, притащился сынъ—слѣпой Лешекъ, но никто не могъ ничего добиться у разъяреннаго старика... Кромѣ мысли о мести—все прочее ему было чуждо... И однако—слово, ежеминутно готовое сорваться у него съ языка — онъ попрежнему не рѣшался вымолвить.

Прошелъ вечеръ, ночь наступила. Поморцы расположились лагеремъ вокругъ осажденнаго ими двора. Князь сидѣлъ погруженный въ свои раздумья... Обръ находился при немъ, тупо глядя въ пространство...

Поздно ужъ ночью взошелъ Смердъ на насыпь и объявилъ старшинамъ, ждавшимъ выдачи Лешковъ, что если они только силой ворвуться во дворъ, то получатъ лишь головы молодыхъ князей.

Милошева челядь расположилась вдоль насыпей. Все это были люди, изъ рода въ родъ служившіе Лешкамъ, привыкшіе къ нимъ и имъ по своему преданные. Смотря на то, что творилось теперь, съ грустью вспоминали они доброе старое время... Люди эти, лишь недавно попавшіе въ дворню Милоша, знали отца Пепелка и не забыли еще своей у него службы. Къ тому-же, Милошъ былъ чрезвычайно строгъ въ обращеніи, его боялись и недолюбливали, къ тому-же и жизнь у него была совсѣмъ не завидная... Отсюда становится понятнымъ, что ночью, у главныхъ воротъ — вмѣсто ругани, которою цѣлый вечеръ обмѣнивались осажденные съ нападающими—послышался подозрительный шопотъ...

Въ то время, когда Милошъ въ борьбѣ съ своей нерѣшимостью не трогался съ мѣста людей его подкупали враги, склоняя открыть имъ ворота.

Къ разсвѣту все стихло. Казалось, изнурившись тревогами дня, всѣ заснули. Но тишина та была предательская—втихомолку враги готовились стать побѣдителями. Ворота неслышно отворились, и въ нихъ показалась горсть вооруженныхъ людей, за которыми сейчасъ-же и остальные толпою ворвались во дворъ. Шумъ этотъ, хоть и поздно, привелъ Милоша въ себя.

Съ мечомъ въ рукѣ, сопровождаемый Обромъ и немногими изъ оставшихся вѣрными слугъ, кинулся онъ на поморцевъ... Но тѣ уже успѣли и домъ занять и освободить молодыхъ князей изъ темницы... Начались рѣзня и грабежъ...

Первымъ палъ старый князь, пронзенный копьемъ. Дравшійся рядомъ съ нимъ Обръ уложилъ не мало враговъ, но и онъ былъ убитъ. Непріятель не щадилъ никого, даже женщинъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ намѣревался забрать съ собой... Онъ торопился разыскивать княжеское добро, боясь чтобъ кто-нибудь изъ своихъ-же не успѣлъ до времени подпалить усадьбы...

Къ утру дворъ былъ заваленъ трупами и дымился отъ испарявшейся крови... Общей участи не избѣгнули и измѣнники, такъ предательски поступившіе съ своимъ господиномъ: тѣла ихъ валялись тутъ-же...

Опьянѣвшіе отъ рѣзни дикари кричали и пѣли, радуясь легкой побѣдѣ.

Сыновья Хвостека стояли подъ дубомъ, ужасаясь невольно, какъ минувшей опасности, отъ которой спаслись только чудомъ, такъ и размѣрамъ бѣдствія, котораго были единственными виновниками.

Они лишь теперь замѣтили, что Бумиръ и другіе Лешки, до сихъ поръ бывшіе ихъ сторонниками, куда-то исчезли.

Тогда они поняли, что и эта побѣда и эта кровавая месть не болѣе въ сущности, какъ страшный ударъ судьбы, полнѣйшій гибель ихъ дѣла.

Послѣдніе, кто еще поддерживалъ ихъ—разбѣжались. Они остались одни среди нѣмцевъ и продажныхъ наемниковъ, которые и на нихъ могли такъ-же броситься...

Поморцы тѣмъ временемъ, насытившись грабежомъ, разыскивали и вязали немногихъ счастливцевъ, случайно спасшихся отъ всеобщей рѣзни. Между ними попалась и Бѣлка, жена слѣпого сына Милоша... Вырвавшись на мгновенье изъ рукъ мучителей бѣдная кинулась къ трупу мужа и горько, отчаянно зарыдала...

Вскорѣ побѣдители, навьючивши лошадей всякимъ скарбомъ, зажгли разрушенную усадьбу и съ крикомъ да съ пѣснями скрылись въ густомъ лѣсу, таща за собой на веревкахъ плѣнныхъ.

На смѣну имъ съ противоположной стороны лѣса вышелъ старикъ гусляръ, котораго велъ мальчикъ. Оба направились къ мѣсту, гдѣ еще такъ недавно стоялъ дворъ Милоша. Вѣтеръ несъ имъ навстрѣчу запахъ горѣлаго дерева... Старикъ остановился въ воротахъ, палка его дотронулась до лежавшаго трупа... Мальчикъ, дрожа отъ страха, прижался къ гусляру и плакалъ.

— Старикъ Милошъ лежитъ съ разбитою грудью... Слѣпой Лешекъ весь тоже въ крови... трупы и трупы... Ни одного существа живого...

У гусляра ноги дрожали... Онъ опустился на камень, лежавшій у самыхъ воротъ... Рука его сжимала гусли, но боялась ударить по струнамъ... Грудь отказывалась способствовать пѣнью... Онъ беззвучно шепталъ:

— Когда громъ, ударивъ въ гнѣздо, истребитъ въ немъ не все живущее—то что и цѣлымъ осталось, само себя доканаетъ... Когда судьба захочетъ покончить съ семьей, съ какимъ-нибудь родомъ, братъ убиваетъ брата, дѣти встаютъ на родного отца... Безъ тризны полегли среди поля... Вороны расклюютъ тѣла... Вѣтеръ кости ихъ разнесетъ, память о нихъ скроется въ землю...

XXVIII.

Окончивъ необходимыя приготовленія для похода на поморцевъ,—Пястъ велѣлъ запереть всѣхъ плѣнныхъ въ башню, единственно уцѣлѣвшую отъ недавняго княжескаго погрома. Въ ней представлялось удобнѣе за ними слѣдить. По дворамъ кметовъ о плѣнныхъ некому было заботиться, притомъ-же случалось довольно часто, что даже и крѣпко связанные, они легко избавлялись отъ

путь, уходили въ лѣса къ своимъ, приводя ихъ потомъ по знакомой дорогѣ.

Людекъ, сынъ Виша, отправилъ въ башню и нѣмца Хенго, котораго до тѣхъ поръ держалъ при себѣ. Хенго, нѣсколько разъ посѣщавшій эти края, знавшій почти всѣхъ кметовъ, вымолилъ у сопровождавшихъ его людей позволеніе сперва заглянуть къ Пясту, въ надеждѣ добиться помилованія. Очень ужъ ему не хотѣлось отправляться на Гоплу, чтобъ тамъ попасть въ башню. Ловкій, пронырливый нѣмецъ разсчитывалъ, что ему удастся какъ-нибудь избѣжать общей участи.

Когда связанный Хенго предсталъ передъ княземъ, то, упавъ ему въ ноги, сталъ жаловаться, говоря, что всѣ его обижаютъ, что не по своей винѣ былъ онъ схваченъ тогда съ поморцами, что дороги онъ имъ не указывалъ...

— Я ни съ кѣмъ не велъ никогда войны, враговъ у меня нѣтъ,—продолжалъ онъ съ притворной скромностью:—жена у меня была изъ вашего рода и говорила вашимъ нарѣчіемъ. Мое дѣло—торговля, обмѣнъ, заработокъ, я служу людямъ, боюсь войны, а теперь я лишился всего имущества, обнищалъ окончательно... Сжалься, князь милостивый, надо мною...

Выслушавъ жалобу Хенго, Пястъ спокойно ему отвѣчалъ, что война имѣетъ свои права, что страна должна защищаться и заботиться о своей безопасности.

— Еслибъ тебя теперь отпустить на свободу, — прибавилъ князь, — а ты на пути повстрѣчался-бы съ нѣмцами, поневолѣ пришлось-бы тебѣ подробно имъ все разсказать, что у насъ происходитъ... открыть нашу тайну... Поэтому лучше пока тебѣ оставаться съ нами, подождать окончанія войны...

Хенго просилъ, чтобъ его по крайности не запирали въ темницу, гдѣ ужасно трудно безвинно сидѣть; онъ умолялъ, чтобъ его, хоть и связаннаго, но оставили на свободѣ, заставляя работать.

Нѣмецъ такъ искренно плакалъ и притворялся невиннымъ, что ему удалось смягчить сердце Пяста. Старикъ позволилъ ему остаться у себя въ домѣ, требуя отъ него лишь клятвы во имя Бога, Которому поклонялся Хенго. Нѣмецъ сложилъ пальцы въ видѣ креста и поклялся въ томъ, что не убѣжитъ.

На слѣдующій-же день, жалкій этотъ военно-плѣнный принялся

за любимое дѣло; нашелъ онъ въ своихъ лохмотьяхъ кольца и ножики и сталъ предлагать ихъ всѣмъ встрѣчнымъ, въ обмѣнъ за другіе предметы.

Никто не обращалъ на это вниманія. Бѣжать онъ, дѣйствительно, и не думалъ; даже напротивъ, онъ всюду являлся, гдѣ только было много народа, пользуясь всякимъ случаемъ разсказать, что жена его одной крови съ полянами, говоритъ на ихъ языкѣ, что у него есть и сынъ отъ нея. Вотъ на такихъ-то данныхъ онъ и основывалъ право считать себя другомъ полянъ. О кошубахъ съ поморцами вспоминалъ не иначе, какъ съ бранью, приписывая имъ всевозможнѣйшіе пороки, въ особенности-же страсть къ грабежамъ и убійствамъ. Мало-по-малу народъ сталъ къ нему привыкать, тѣмъ болѣе, что никто лучше Хенго не умѣлъ оттачивать и чинить ножи.

Разный людъ обращался къ нему то съ тѣмъ, то съ другимъ, и каждому онъ угождалъ, не споря притомъ о платѣ, будь то хоть шкурка ягненка.

Однажды, въ то время, когда Хенго работалъ, къ Пясту явился Добекъ за приказаніями. Добекъ сейчасъ-же узналъ рыжаго нѣмца, а замѣтивъ его искусство, началъ выражать сожалѣніе, что не имѣетъ подъ рукою такого слуги, такъ-какъ дома набралось у него множество всякихъ вещей, которыхъ не знаетъ онъ, какъ и поправить.

— Вотъ и не къ чему было меня тогда отъ себя отпускать!— улыбнулся лукаво Хенго.—А теперь, развѣ что князь, по милости, взявши клятву, позволитъ мнѣ ѣхать съ тобою... иначе придется тебѣ поискать другого работника...

Все такъ и устроили: Добекъ увѣрилъ князя, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за плѣнникомъ, Хенго заставили повторить его прежнюю клятву, послѣ чего уже Пястъ безъ труда согласился на временную отлучку нѣмца. Хенго посадили на лошадь за однимъ изъ Добековыхъ слугъ, и такимъ образомъ, недолго спустя, онъ очутился въ новой для него обстановкѣ.

Добекъ велъ жизнь совершенно иную, чѣмъ всѣ прочіе кметы. Съ дѣтства зародилась въ немъ страсть къ войнѣ, и хотя у него было чрезвычайно много земли, лично онъ ею не занимался. Вѣдали это дѣло особо приставленные къ тому влодари, бортники,

слуги самъ-же онъ исключительно жизнью пользовался. Онъ не былъ женатъ, хотя женщинъ у него было и много. По его приказанію онѣ обязаны были плясать и пѣть, чтобы тѣмъ развлекать своего повелителя.

Въ полѣ за звѣремъ, или въ походѣ, устать—казалось ему немыслимымъ, за-то ужъ дома, онъ только и дѣлалъ, что цѣлые дни лежалъ у огня или на травѣ подъ деревьями. Полная чаша всегда стояла возлѣ него, а женщины поочередно должны были или сказки разсказывать, или пѣть ему пѣсни. И такой образъ жизни иногда подолгу тянулся. Потомъ онъ вдругъ вскакивалъ на коня, мчался въ лѣсъ, по нѣскольку дней кряду охотился и ни разу домой не заглядывалъ. Тутъ ему и голодъ, и холодъ — все ни почемъ; онъ тогда и грязной воды напьется и закуситъ чѣмъ попало...

Незамѣнимый въ сраженіи, при стремительномъ натискѣ, для сидячаго дѣла онъ совсѣмъ не годился.

И при всемъ томъ, Добекъ отличался чрезвычайною хитростью; онъ умѣлъ до поры до времени казаться какимъ ему было выгоднѣе, все разузнать и только тогда начать дѣйствовать. Впрочемъ, объ этомъ, кромѣ ближайшихъ слугъ, никто не подозрѣвалъ.

Хенго тщательно принялся его изучать и ему уже казалось, что онъ далеко подвинулся въ знаньи особенностей своего господина.

Службу Хенго началъ съ того, что усердно взялся за работу. Чистилъ, чинилъ, оттачивалъ всевозможныя желѣзныя вещи. Весь хламъ, лежавшій въ сараѣ, онъ быстро привелъ въ порядокъ. А чрезъ нѣсколько дней по своемъ прибытіи, хоть и ломаннымъ языкомъ, но умѣлъ такъ смѣшить и забавлять своего господина, что тотъ частенько-таки приказывалъ его приводить къ себѣ. При случаѣ, Хенго описывалъ Добеку жизнь другихъ народовъ; говорилъ, что не всѣ люди такъ живутъ, какъ поляне, что воины, женщины иначе одѣваются, что господамъ на чужбинѣ живется гораздо лучше, чѣмъ здѣсь.

— Иная, привольная жизнь у насъ,—такъ начиналъ Хенго.— Такимъ-бы людямъ, какъ твоя милость, только-бы тамъ и жить... Здѣсь трудно живется, голодъ не рѣдкость, враги нападаютъ, войны почти безпрестанныя, люди уходятъ въ лѣсъ—здѣсь только и есть,

что земля, вода да лѣса... Здѣсь и живутъ-то всѣ словно равные,— нѣтъ господъ, рабовъ очень мало. Князь и тотъ власти большой не имѣетъ, а у насъ каждый воинъ — себѣ господинъ!.. Королевскіе, царскіе замки такъ и блестятъ отъ золота, серебра, самоцвѣтныхъ каменьевъ; палаты все каменныя... большія, богатыя.

Добекъ позволялъ ему говорить, что только на умъ взбредетъ, даже самъ поощрялъ его.

— Ну, продолжай,—говаривалъ онъ:—я слушаю съ удовольствіемъ.

— Люди у насъ не живутъ, точно звѣри въ лѣсахъ, а напротивъ, строятъ рядомъ дома, вблизи королевскихъ замковъ... Дома все большущіе, высокіе, свѣтлые... Храмы Божьи громадные, да блестящіе. Иначе пьютъ и ѣдятъ, нежели здѣсь... А женщины, тѣ такъ наряжаются, что и самихъ себя въ красотѣ превосходятъ... Еслибы увидѣлъ ты города-то наши, ты-бы крикнулъ отъ удивленія! Притомъ-же у насъ, что ни вздумаютъ, все изъ камня устроютъ!..

О чемъ-бы ни разсказывалъ Хенго, онъ все облекалъ въ такія яркія краски, что Добекъ вскрикивалъ поминутно, съ трудомъ удерживаясь на мѣстѣ—глаза его такъ и горѣли отъ любопытства. А когда Хенго началъ описывать, какъ у нихъ рыцари одѣваются, что за блестящее вооруженіе носятъ они, и затѣмъ перешелъ къ красотѣ иностранныхъ женщинъ — Добека такъ и тянуло въ эти благодатныя земли.

Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что раньше или позже всѣ подобныя чудеса заведутся и у полянъ, какъ вдругъ у него родился невольный вопросъ: съ какой это стати нѣмецъ хвалилъ ему свою родину? Причина должна-же быть непремѣнно!..

— Конечно, и вы-бы могли все это имѣть у себя,—оканчивалъ Хенго: — но вы того сами не пожелали!.. Были у васъ князья, близкіе родичи нѣмцамъ, хотѣли они и у васъ такіе-же завести порядки, но вы тѣхъ князей уничтожили, избравъ на ихъ мѣсто княземъ простого кмета.

Добекъ теперь только понялъ, съ какою цѣлью лукавый нѣмецъ описывалъ ему свою родину, что онъ просто-на-просто пробовалъ, не удастся-ли ему склонить Добека перейти на сторону Лешковъ. Добекъ прикинулся вполнѣ раздѣляющимъ мысли нѣмца

онъ даже прибавилъ, что долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ большинства относительно выбора Пяста, хотя и не былъ къ нему замѣтно расположенъ.

— Кметъ кмету равенъ, — сказалъ онъ. — Избрали Пяста, могли-бы избрать и меня!

Нѣмецъ растаялъ: ему показалось, что дѣло ужъ выиграно и тогда, не стѣсняясь, онъ сталъ уговаривать своего собесѣдника перейти на сторону Лешковъ; противъ этого Добекъ не возражалъ.

Хенго разсказывалъ ему о замкѣ отца убитой княгини, сколько тамъ войска, какая жизнь развеселая.

Добекъ продолжалъ дѣлать видъ, что все это ему очень нравится и даже нарочно вызывалъ Хенго на откровенность.

Такъ, на слѣдующій день онъ первый началъ разспрашивать про житье-бытье нѣмцевъ; Хенго теперь болталъ ужъ безъ умолку.

Подчасъ у Добека сильно рука чесалась—хватить хорошенько болтливаго нѣмца, но приходилось удерживаться, въ виду дальнѣйшихъ признаній. Хенго, между прочимъ, проговорился, что долгое время служилъ онъ у дѣда молодыхъ Пепелковъ, — причемъ развязно совѣтовалъ своему хозяину, повидавшись съ послѣдними, не только перейти на ихъ сторону, но и другихъ на то-же склонить; за это-де въ будущемъ легко ожидать не малой награды.

— А какъ къ нимъ добраться?—спросилъ хитрый Добекъ.

— Пусть лишь милость твоя согласится,—отвѣтилъ радостно нѣмецъ,—а за этимъ дѣло не станетъ.

Такимъ образомъ Добеку представлялась возможность еще до войны развѣдать силы враговъ, а главное—увидѣть ихъ собственными глазами. Предпріятіе это, отчасти рискованное, пришлось ему по душѣ. Если что его и удерживало, то единственное мысль, какъ-бы князь и прочіе кметы, узнавъ обо всемъ, не думали заподозрить его въ измѣнѣ. И вотъ, чтобъ покончить со своими сомнѣніями, онъ, въ одно прекрасное утро, подъ предлогомъ охоты, выѣхалъ изъ дому и направился къ Пясту, любопытствуя слышать, что ему скажетъ старикъ. Надо думать, все устроилось по желанію Добека, такъ-какъ, вернувшись отъ князя, онъ немедленно сталъ готовиться въ дальній путь.

На слѣдующій день, послѣ короткаго совѣщанія съ нѣмцемъ

наединѣ, Добекъ позвалъ своего старосту, приказалъ ему въ свое отсутствіе заботливо охранять домъ, а потомъ сѣлъ на лошадь, нѣмцу велѣлъ дать другую и, не объяснивъ никому цѣли этой поѣздки, оба поскакали и вскорѣ скрылись въ темномъ лѣсу.

Ничего не подозрѣвавшій нѣмецъ безпечно распространялся о томъ, какія награды ждутъ Добека, какая веселая жизнь ему предстоитъ, какія у него заведутся богатства и что онъ можетъ если захочетъ, жениться на княжеской родственницѣ. Добекъ на все соглашался, притворяясь такъ ловко, что даже въ глазахъ незамѣтно было и тѣни неискренности. Изрѣдка лишь, взглядывая съ боку на нѣмца, Добекъ презрительно улыбался.

Такъ ѣхали путники лѣсомъ нѣсколько дней. Наконецъ, послѣ немалыхъ трудовъ и усилій они добрались до послѣдней, густой для посторонняго совершенно непроходимой чащи на границѣ поморской земли. Здѣсь ужъ всѣ уголки были знакомы Хенго и онъ сейчасъ-же нашелъ людей, согласившихся указать кратчайшій путь къ нѣмецкому стану.

Въ то время, какъ Добекъ и Хенго приближались къ цѣли своего путешествія, нѣмцы были уже почти готовы къ походу. Они только ждали прибытія обѣщавшихся имъ помочь, вѣчно жаждущихъ грабежа и опустошеній, кошубокъ, а также и прочихъ союзныхъ племенъ.

Оба князя, съ дядею своимъ Клодвигомъ, расположились ставкой въ лѣсу, извѣстномъ подъ прозвищемъ Дикаго.

Избранное ими мѣсто защищалось отчасти рукавами довольно глубокой рѣчки, отчасти тряскимъ болотомъ. Повсюду виднѣлись раскинутыми шалаши и палатки. Вооруженные люди все еще прибывали съ разныхъ сторонъ, хотя и бывшихъ въ наличности казалось достаточно, чтобъ разсчитывать на побѣду.

Когда Добекъ и Хенго подъѣхали къ мосту, ведущему къ княжеской ставкѣ, и заявили сторожевому ратнику о томъ, зачѣмъ они прибыли — ихъ сейчасъ-же направили къ молодымъ князьямъ. Княжескій шатеръ, устроенный на скорую руку, занималъ самый центръ ставки; онъ былъ обнесенъ частоколомъ; стѣны его, грубо сколоченныя изъ досокъ, были обтянуты полотномъ.

Возлѣ шатра суетились нѣмецкіе рыцари въ желѣзныхъ кольчугахъ. Вооруженіе ихъ большею частью тоже было все желѣз-

нее: мечи, топоры, копья съ желѣзными наконечниками и критые желѣзомъ щиты. Одежда была разноцвѣтная.

Добекъ, однако, лишь тогда убѣдился въ справедливости розсказней рыжаго нѣмца, когда вошелъ въ самый шатеръ, гдѣ, на скамьяхъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, возсѣдали молодые князья со своимъ дядею.

На доскахъ, замѣнявшихъ столъ, Добекъ увидѣлъ богатую золотую посуду, разставленную на скатерти алаго цвѣта сукна, шитой золотомъ. Хозяева были роскошно одѣты: на обоихъ были длинныя синія рубахи, спускавшіяся до колѣнъ, съ краями усѣянными золотыми блестками; плащи изъ тонкаго сукна и нарядная кожаная обувь — все это дѣйствительно могло возбудить удивленіе.

Но Добекъ завидовалъ главнымъ образомъ ихъ длиннымъ, блестящимъ мечамъ и щитамъ; послѣдніе такъ густо были обиты гвоздями, что кожа едва виднѣлась. Добекъ первый разъ въ жизни встрѣтился здѣсь съ вещами, о назначеніи которыхъ никакъ не могъ догадаться.

Едва Хенго вошелъ въ шатеръ, какъ сейчасъ-же упалъ князьямъ въ ноги. Добекъ его примѣру, конечно, не слѣдовалъ—онъ тѣмъ временемъ разглядывалъ убранство шатра и всѣхъ находящихся въ немъ. Хенго на какомъ-то непонятномъ нарѣчіи сталъ объяснять князьямъ, какъ и зачѣмъ явился сюда со своимъ товарищемъ, за что,—говорилъ онъ,—ихъ обоихъ не мѣшало-бы наградить. Казалось-бы сперва, что и дядя, и молодые князья отнеслись недовѣрчиво къ нѣмцу, словно опасаясь измѣны.

Долго они разговаривали. Хенго убѣждалъ ихъ въ искренности своихъ и товарища своего намѣреній, а тѣмъ временемъ старшій Лешекъ, еще не совсѣмъ забывшій полянскій языкъ, старался пояснить Добеку, какъ народъ отплатилъ Хвостеку за его благодѣянія, какъ они, дѣти прежняго князя, теперь у своего-же народа не могутъ найти поддержки, а напротивъ, ихъ гонятъ, преслѣдуютъ. Дальше онъ разсказалъ о смерти Милоша, о томъ, какъ имъ съ братомъ пришлось обратиться за помощью къ роднымъ матери, нанимать чужеземное войско для того, чтобъ вернуть себѣ земли, имъ однимъ лишь принадлежащія по праву наслѣдства.

Младшій, кончивъ разспрашивать нѣмца, обратился къ Клодвигу и тогда уже вмѣстѣ съ нимъ, ударяя въ столъ кулаками, сталъ ругать, проклинать всѣхъ полянъ, похваляясь отмстить имъ за все.

Добеку волей-неволей пришлось выслушать безобразную эту ругань, не бывъ въ состояніи ничѣмъ на нее отвѣчать. Онъ до сихъ поръ еще ни разу рта не открылъ.

Старшій, уставши ругаться, первый обратился къ гостю со словами, что и ему, и его друзьямъ необходимо всѣми силами постараться пріобрѣсти какъ можно больше сторонниковъ. Клодвигъ подтвердилъ то-же самое по нѣмецки, а Хенго, переведя сказанное на полянскій языкъ, прибавилъ, что наградамъ князей не будетъ конца.

— Изъ тебя одного,—сказалъ Клодвигъ Добеку:—помощь не велика будетъ. Вотъ развѣ-бъ ты могъ указать намъ дорогу. Но это еще не особенно важно. Если-же хочешь сослужить намъ дѣйствительную службу, такъ это нужно иначе устроить. Ты немедленно возвращайся домой и старайся стать во главѣ какой-нибудь значительной части народа, а когда выступишь противъ насъ, то займи со своими людьми послѣднее мѣсто, сзади всѣхъ остальныхъ. Въ случаѣ дѣло дойдетъ до битвы, то бросишься на полянъ съ одной стороны, мы съ другой. Такъ-то отъ насъ ни одинъ живой человѣкъ не уйдетъ. Они попадутъ какъ въ тиски. Уговори и другихъ своихъ товарищей то-же самое сдѣлать.

Добекъ, несмотря на то, что съ радостью удушилъ-бы князей, а съ ними и Хенго, выслушалъ все терпѣливо. Тогда посыпались обѣщанія; ему сулили огромныя пространства земли, власть, богатства, а когда Хенго что-то шепнулъ на ухо одному изъ князей, то даже и красавицу нѣмку посулили Добеку въ жены.

Добекъ слушалъ и клялся, искоса поглядывая на своего нѣмца.

Князья сейчасъ-же пригласили его сѣсть на скамьѣ, рядомъ съ ними, и начали угощать его пивомъ и медомъ. Лешекъ подарилъ Добеку золотое кольцо, которое снялъ съ пальца, въ знакъ заключеннаго договора; младшій братъ подарилъ ему мечъ, а Клодвигъ, не желая отстать отъ другихъ, вручилъ ему золотой кубокъ.

Напившись пива и меду, Добекъ сталъ разговорчивѣе, прики-

нулся крайне глупымъ, смѣшилъ нѣмцевъ своими разсказами, а, то, что имъ непонятнымъ казалось, Лешекъ немедленно объяснялъ по-нѣмецки. Внутренно Добекъ радовался, что ему такъ ловко удалось провести ненавистныхъ враговъ.

Такъ просидѣли они за столомъ до самаго вечера. По уговору, Добекъ долженъ былъ вернуться къ своимъ, сдѣлать все, чтобы стать вождемъ, а затѣмъ окружить себя какъ можно большимъ числомъ сторонниковъ Лешковъ. Добекъ обѣщался все это устроить, а самъ, между тѣмъ, горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе присмотрѣться къ порядкамъ нѣмецкаго стана.

Наконецъ, Хенго отвелъ Добека въ нарочно очищенный для него шалашъ, послѣ чего вернулся еще къ своимъ.

Добекъ-же, не теряя удобной минуты, внимательно сталъ слѣдить за всѣмъ, что вокругъ него дѣлалось.

Поздно ночью пришелъ къ нему Хенго и легъ у входа въ шалашъ. На вопросъ рыжаго нѣмца: понравилась-ли ему здѣшняя жизнь, Добекъ поспѣшилъ выразить удивленіе всему, что видѣлъ и слышалъ. У него являлось желаніе убить проклятаго нѣмца, но пришлось пока отъ этого воздержаться.

Полученные имъ подарки, которыхъ онъ не могъ не принять, жгли его какъ огнемъ.

Въ княжескомъ станѣ всѣ уже знали, что Пястъ, съ значительнымъ войскомъ, спѣшилъ подвигаться къ границѣ, съ цѣлью не допустить непріятеля внутрь страны, и нѣмцы торопились тронуться въ путь, какъ можно скорѣе.

На слѣдующій день, ни съ кѣмъ не прощаясь, Хенго и Добекъ покинули станъ. Добекъ нарочно избралъ такую дорогу, чтобы еще разъ внимательно все осмотрѣть. Хенго не отставалъ отъ него ни на шагъ. Рыжій нѣмецъ везъ съ собою много цѣнныхъ подарковъ, предназначенныхъ для существовавшихъ, пока лишь въ надеждѣ, союзниковъ.

Движеніе въ станѣ было большое; нѣмцамъ хотѣлось какъ можно скорѣй увидѣть враговъ, они ругали полянъ и кляли ихъ безъ устали. Крики, шумъ, суета вездѣ...

Когда Хенго и Добекъ наконецъ очутились въ лѣсу — кметъ нашъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Хенго болталъ безпрерывно, Добекъ угрюмо молчалъ. Кольцо, мечъ и кубокъ не давали ему

покоя, онъ досадовалъ на себя, что не бросилъ князьямъ ихъ въ лицо. Онъ только и думалъ, какъ-бы отомстить врагамъ за обиду, въ лицѣ его нанесенную всему народу полянскому. Объ отысканіи кратчайшей дороги домой Добекъ теперь не заботился; онъ отлично запомнилъ, до мельчайшихъ подробностей, всѣ тропинки, по которымъ велъ его Хенго. Все дѣло состояло лишь въ томъ, какъ расправиться съ нѣмцемъ?

Убить его — слишкомъ мало, да и не утолитъ ненасытнаго чувства мести.

Когда они остановились на ночлегъ среди лѣса и начали спутывать лошадей, чтобъ пустить ихъ на лугъ, Добекъ, со свойственной ему хитростью, притворился, что въ пути потерялъ веревку. Нѣмецъ, все всегда предусматривающій, предложилъ Добеку запасную, но тотъ нашелъ ее слишкомъ тонкою.

Чтобы горю помочь, принялись они превращать запасную веревку въ довольно увѣсистый шнуръ. А костеръ ужъ пылалъ подъ раскидистымъ дубомъ.

Добекъ на-скоро сдѣлалъ петлю и, раньше чѣмъ Хенго успѣлъ замѣтить, искусной рукою накинулъ ее на него. Сперва было нѣмецъ счелъ это шуткою, но Добекъ перебросилъ шнуръ чрезъ толстую вѣтвь, пришедшуюся какъ-разъ надъ костромъ и—Хенго повисъ въ воздухѣ... Добекъ затѣмъ прикрѣпилъ веревку къ дубу и отошелъ нѣсколько въ сторону. Здѣсь онъ легъ на травѣ, время отъ времени усиливая огонь, чтобы Хенго испечь живымъ.

Все это произошло съ быстротою молніи. Испуганный нѣмецъ лишился сознанія, но вскорѣ пришелъ въ себя. Добекъ былъ до того взволнованъ, что говорить ужъ не могъ, одни лишь глаза его, казалось, сыпали искры: онъ любовался на висящаго надъ костромъ нѣмца.

Хенго стоналъ, умолялъ о пощадѣ,—кметъ сурово молчалъ и только за каждымъ словомъ молившаго подбрасывалъ въ пламя хворостъ и листья.

Огонь, разгораясь, охватывалъ нѣмца, и стоны его становились все тише. Добекъ привелъ съ пастбища лошадей, уложилъ на нихъ вещи и сталъ дожидаться, скоро-ли нѣмецъ испуститъ послѣдній вздохъ, чтобъ затѣмъ сейчасъ-же уѣхать.

Хенго едва слышно стоналъ. Добекъ, прождавъ еще нѣсколько

времени, наконецъ потерялъ терпѣніе: онъ бросилъ копье прямо въ грудь несчастнаго и тѣмъ ускорилъ развязку.

Не успѣлъ Добекъ взобраться на лошадь—подгорѣвшая вѣтка вмѣстѣ съ тѣломъ упала въ костеръ и пламя приняло свою жертву... Теперь ужъ не оставалось сомнѣнія, что съ Хенго все кончено!.. Добекъ приблизился, плюнулъ на трупъ врага и быстро двинулся въ путь.

Не чувствуя на сердцѣ прежней тяжести, онъ торопился какъ можно скорѣе вернуться домой. Сперва онъ, однако, рѣшилъ заѣхать на Ледницу, такъ-какъ надѣялся застать еще тамъ старшинъ.

Тѣмъ временемъ Пястъ собралъ на берегахъ Гопла всѣхъ, кто только годился для военнаго дѣла. Тысяцкіе, сотники и десятники, по личнымъ указаніямъ Пяста, раздѣляли собравшихся на отряды, а онъ назначалъ начальниковъ, воеводъ, которые лишь ему одному подчинялись. У Пяста оказалось войско несравненно сильнѣе того, какого по обстоятельствамъ требовалось. Несмотря на то, что онъ въ первый разъ воевалъ, что всю жизнь свою онъ возился съ пчелами, Пястъ, однако, изъ этой массы людей, не привыкшихъ къ повиновенію, съумѣлъ устроить такіе воинственные отряды, что они даже нѣмцамъ могли сопротивляться съ успѣхомъ. Вооруженіе было тоже не дурно. Каждый воевода осматривалъ каждаго ратника отдѣльно, снабжая необходимымъ оружіемъ. Въ одно осеннее утро, когда на поляхъ стояли подъ стягами, готовые тронутся въ походъ воины—Пястъ взошелъ на небольшой холмъ, и представившееся глазамъ его зрѣлище обрадовало старика. Никто не нарушалъ образцоваго порядка, на вопросы всѣ весело откликнулись.

Тогда Пястъ, раздѣливъ всѣхъ своихъ воиновъ—межирѣчанъ, куявянъ, познанцевъ, бахарцевъ и прочихъ—на три отдѣльныхъ отряда, по тремъ различнымъ дорогамъ, двинулъ ихъ на границу. При этомъ всѣ обязаны были знать и помнить, какими путями идутъ ихъ товарищи, чтобъ не мѣшать другъ-другу, не заводить изъ-за пастбищъ споровъ, вообще не опустошать своей собственной земли. Также обязаны были обращать и на то вниманіе, чтобъ враги раньше времени не провѣдали о движеніи войскъ, и такимъ образомъ были лишены возможности устроить внезапное нападеніе или-же засаду. Самъ-же Пястъ, сопровождаемый сыномъ, кото-

раго, несмотря на его молодые годы, началъ уже пріучать къ войнѣ — занялъ мѣсто въ срединѣ войска, чтобы оттуда слѣдить за всѣмъ.

Кметы первый разъ въ жизни встрѣтились съ обстоятельствомъ, особенно ихъ поразившимъ: князь, назначая вождями людей, никогда о томъ не рѣшавшихся и подумать, въ то-же время замѣтно чуждался тѣхъ, кто самъ себя прочилъ въ вожди. Кромѣ того, всѣхъ занимало—куда дѣвался Добекъ? Князь-то объ этомъ зналъ, но прочіе толковали различно, тѣмъ болѣе, что и его дружину временно поручили другому.

Однажды вечеромъ, когда воины расположились на отдыхъ, а Пястъ, его сынъ и старшины грѣлись у пылавшихъ костровъ, передъ Пястомъ неожиданно появился Добекъ, блѣдный, едва державшійся на ногахъ.

— Добекъ! — воскликнулъ Пястъ, какъ-будто не зная происшедшаго съ Добекомъ и откуда онъ явился сюда.—Гдѣ былъ, что дѣлалъ? Мы ужъ оплакивали тебя, думая, что съ тобою случилось несчастье.

— Никогда не угадать тебѣ, милостивый князь, что со мной приключилось!—отвѣтилъ Добекъ.—Да всему и повѣрить-то трудно. А все-же нѣтъ худа безъ добра и, какъ видишь, я цѣлъ остался; я прямо являюсь къ тебѣ изъ лагеря Лешковъ, еще нѣмцами несетъ отъ меня.

Всѣ вскрикнули отъ удивленія, а Добекъ началъ свой разсказъ:

— Взялъ я у тебя, милостивый князь, ради починки мечей такого-то нѣмца, который чуть-было совсѣмъ не сгубилъ меня. Хитрый змѣй, вздумалось ему меня подговаривать на измѣну и на то, чтобы я перешелъ на сторону Лешковъ. Я возьми, да и притворись, что во всемъ, значитъ, съ нимъ согласенъ, да и отправься въ лагерь-то къ Лешкамъ. Вѣдь не дурно развѣдать, какія у нихъ силы, да какъ тамъ живутъ. Они допустили меня къ себѣ, уговаривали, льстили мнѣ — обѣщаніямъ не было и конца. Я подчасъ хоть и кусалъ языкъ себѣ со злости, но все-жъ надо было съ ними и соглашаться, и увѣрять, что я ихъ вѣрнѣйшій другъ. Тѣмъ временемъ я приглядѣлся къ вооруженію нѣмцевъ и къ ихъ порядкамъ. Вотъ этимъ хотѣли меня подкупить,—тутъ До-

бекъ бросилъ на землю кольцо, мечъ и кубокъ. — Наглядѣвшись на все, я уѣхалъ отъ нихъ и вотъ прямо къ тебѣ прискакалъ.

— А нѣмецъ, что былъ съ тобой? Онъ гдѣ? — спрашивали старшины.

— Не удержался, не могъ я дольше смотрѣть на него,—объяснилъ Добекъ.—Сейчасъ-же, на первомъ ночлегѣ живымъ испекъ его для волковъ, чтобъ сталъ вкуснѣе, иначе, пожалуй, и не дотронулись-бы...

Теперь посыпались отовсюду вопросы: какъ поморцы живутъ? Какое у нихъ оружіе? Сколько ихъ? Что они говорятъ? Какими путями думаютъ повторить нападеніе? Добекъ на всѣ вопросы принужденъ былъ давать обстоятельные отвѣты.

Когда Пястъ узналъ, что Лешки выслали уже передовые отряды на Ледницу, волей-неволей пришлось скорѣе сниматься съ мѣста, чтобы раньше враговъ прибыть на границу. Изъ всего, что разсказывалъ Добекъ, видно было, что враговъ по числу значительно меньше дружины Пяста, а страшно одно ихъ вооруженіе. Старшинамъ нетерпѣлось скорѣе повидать непріятеля, чтобы разъ навсегда съ нимъ покончить.

Выступленіе Пястъ назначилъ на слѣдующій день чуть свѣтъ, съ самаго ранняго утра.

XXIX.

Пястъ велъ свою дружину съ такой осторожностью, словно боялся вспугнуть дикихъ звѣрей окрестныхъ лѣсовъ. О другихъ воеводахъ онъ свѣдѣній не имѣлъ. Не имѣли и они сообщеній другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе всѣ сошлись почти одновременно на равнинѣ, у Ледницы. Это охотно сочли за хорошій признакъ, и общій восторженный крикъ навѣрно бы вылетѣлъ изъ тысячи грудей, еслибъ не строгое приказаніе князя хранить глубокую тишину.

Пястъ, остановившись на возвышенномъ мѣстѣ, любовался своими дружинами, которыя въ образцовомъ порядкѣ стекались къ нему съ разныхъ сторонъ.

Рѣшено было здѣсь ожидать непріятеля до слѣдующаго утра,

а если не явится, то общей массой двинуться къ поморской границѣ. Настало и утро—веселое, ясное, такъ бодро смотрѣвшее послѣ холодной осенней ночи... Вдругъ, у самой опушки ближайшаго лѣса показались всадники, вооруженные съ головы до ногъ.

То были Лешки и ихъ дружина.

Они, видимо, не надѣялись встрѣтить полянъ готовыми къ оборонѣ, такъ-какъ передовой отрядъ остановился на мѣстѣ, какъ вкопаный и казался испуганнымъ неожиданностью.

Въ воздухѣ тишина стояла торжественная. Никто не произнесъ ни одного слова.

Поляне, нисколько не испугавшись враговъ, не тронулись съ мѣста, поморцы то-же не двигались, хоть можетъ быть и охотно вернулись-бы въ лѣсъ.

Судьба такъ распорядилась, что на этой равнинѣ, расположенной надъ Ледницею, должна была совершиться рѣшительная послѣдняя борьба Лешковъ съ кметами. Молодые князья, полагаясь на оружіе нѣмцевъ, на ихъ умѣнье, а, можетъ быть, и на помощь, обѣщанную имъ Добекомъ—велѣли своимъ подвигаться впередъ... Число ихъ росло; изъ лѣсу прибывали все новые воины... Пястъ, окруженный своими вождями, стоялъ и зорко слѣдилъ за нѣмцами. Онъ еще ни одного приказанія не отдалъ.

Лешки виднѣлись нѣсколько въ сторонѣ... Молчаніе полянъ вернуло Лешкамъ ихъ бодрость духа; они огласили воздухъ воинственнымъ крикомъ, надѣясь хоть тѣмъ испугать врага.

Поляне, какъ и раньше—безмолвствовали.

Пястъ и шесть окружавшихъ его стариковъ-воеводъ наблюдали за движеніемъ непріятеля, силы котораго продолжали все возрастать.

Первымъ, близъ Пяста, замѣчался Стиборъ, начальникъ отряда, селившагося по берегамъ р. Варты—мужъ, богато одаренный способностями, молчаливый, упорно преслѣдующій разъ избранную цѣль. Онъ сидѣлъ верхомъ, наклонившись нѣсколько тѣломъ впередъ, а такъ-какъ онъ не любилъ покрывать чѣмъ-либо голову, то вѣтеръ игралъ густыми, серебристыми его волосами. Открытая мохнатая его грудь вся усѣяна была зажившими ранами. Стиборъ держалъ въ рукахъ длинное копье, съ желѣзнымъ наконечникомъ

и на шеѣ и на плечахъ онъ имѣлъ металлическіе круги, котоpы получилъ еще по наслѣдству отъ дѣдовъ.

Рядомъ съ Стиборомъ стоялъ моложе его, товарищъ по прозванью Нагой. На головѣ у него былъ колпакъ изъ волчьей пасти, и, несмотря на возрастъ, кровь старика бушевала при видѣ врага; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ момента атаки. Онъ безпокойно водилъ глазами, какъ-бы считая своихъ враговъ; губы его нервно вздрагивали, по временамъ бросая проклятья. Если-бы только зависѣло отъ него—онъ ужъ давно затѣялъ-бы драку, не давая противнику собраться съ силами! Копье дрожало въ его рукѣ,—казалось вотъ, вотъ—и онъ пуститъ его въ поморцевъ.

Сейчасъ за Нагимъ стоялъ Лютый, глава межирѣчанъ, худощавый, блѣдный, высокаго роста, почти безъ волосъ въ бородѣ и на головѣ, съ небольшими глазами и низкимъ лбомъ. Это былъ страстный охотникъ и воинъ; не разъ случалось, что онъ одинъ съ незначительной горстью людей, врывался въ земли поморцевъ, сѣя вокругъ себя смерть и ужасъ. Копье не пользовалось у него особой любовью: вооруженіе его состояло изъ тяжелаго молота и сѣкиры. Въ тѣ времена воеводы не только обязаны были отдавать приказанія войскамъ, но и лично вести ихъ въ битву.

Четвертымъ былъ воевода Болько, извѣстный подъ кличкою—Черный, ради цвѣта волосъ съ отливомъ воронаго крыла. Онъ говорилъ неохотно и рѣдко только тогда, когда къ тому принуждала его необходимость. Праздности онъ не терпѣлъ, и никто никогда не видѣлъ его безъ дѣла.

Далѣе слѣдовалъ Мышко, прозванный Куликомъ, подобно всѣмъ Мышкамъ—высокаго роста, широкоплечій, ни разу не испытавшій въ теченіи жизни, что значитъ болѣзнь; великій охотникъ идти на врага, болтунъ не малой руки. При всемъ томъ человѣкъ съ замѣчательно твердою волею: отлично всѣмъ было извѣстно, что если Куликъ что высказалъ—ни за что отъ того не отступится, хотя-бы пришлось поплатиться жизнью.

Ладить съ нимъ далеко не каждому удавалось, но кому онъ хоть разъ обѣщалъ свою помощь, тотъ всегда могъ на нее положиться. Война для него представлялась самымъ веселымъ пиромъ. И теперь на его губахъ скользила усмѣшка—онъ почуялъ уже запахъ крови.

Наконецъ, послѣднимъ стоялъ Порай—воевода моложе другихъ лѣтами. Онъ только и ждалъ приказанія князя—броситься на враговъ.

Пястъ все еще медлилъ, раздумывая: начать-ли первому наступленіе, или предоставить поморцамъ затѣять битву?

Два вражескихъ войска смотрѣли одно на другое съ двухъ противоположныхъ холмовъ, раздѣленныхъ небольшимъ, извилистымъ ручейкомъ. Ни одинъ воевода не бралъ на себя разрѣшить сомнѣнія Пяста, чтобы въ случаѣ неудачи не явиться отвѣтственнымъ... Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ показался Визунъ. Жрецъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ подошелъ къ князю. Лицо его озарялось радостнымъ чувствомъ.

— Я прямо изъ храма,—такъ началъ онъ,—и несу тебѣ отъ боговъ блестящія предсказанія. Я вопрошалъ судьбу, чѣмъ окончится эта война.—Огонь, вода, полетъ птицъ, воскъ, дымъ священнаго пламени—все, все рѣшительно дало мнѣ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что врагъ погибнетъ!.. Смотрите! Вотъ надъ вашими головами летаетъ птица, бѣлая словно голубь, а тамъ, на вражеской сторонѣ, одни черные вороны!.. Лада! Коляда! —крикнулъ онъ изо всѣхъ силъ.—Впередъ, на врага! Ни одинъ не долженъ уйти живымъ!.. Лада! Впередъ!

Воеводы повторили этотъ воинственный крикъ; за ними и всѣ отряды.

Пястъ простеръ руку по направленію враговъ. Первымъ повелъ аттаку Стиборъ со своею дружиной... Онъ обошелъ непріятеля съ лѣвой стороны, Лютый поддерживалъ съ правой; далѣе слѣдовали—Болько Черный и Мышко... Порай-же, Нагой и Пястъ остались по серединѣ. Какъ одинъ человѣкъ, дружнымъ натискомъ, кинулись кметы... Въ воздухѣ рѣяли стяги... Тысяцкіе и храбрѣйшіе воины замѣчались въ первыхъ рядахъ... Щиты, копья, мечи—угрожающе поднимались кверху...

— Лада!..—кричали всѣ.

Во главѣ поморцевъ скакали князья, въ ярко-красныхъ плащахъ. Колпаки на нихъ были золотомъ шитые. Ихъ окружали тѣлохранители въ блестящемъ вооруженіи.

Стороны быстро сходились... Слышались шумъ, крики, обоюд-

ная ругань, проклятья... Тѣ, которые были впереди, плевали въ лицо врагамъ, угрожали имъ кулаками, не щадя при этомъ самыхъ унизительныхъ словъ... Возбужденіе росло, а когда, наконецъ, оно достигло крайнихъ предѣловъ, то первые ряды полянъ и поморцевъ сцѣпились въ отчаянной схваткѣ, не замедлившей перейти въ общую битву... Люди падали какъ снопы, образуя собой цѣлыя груды труповъ... Лежавшіе на землѣ душили другъ-друга, напиравшіе сзади топтали ихъ... Сдѣлалось невозможнымъ отличать своихъ отъ враговъ...

Лютый, узнавшій Клодвига по одеждѣ, ринулся на него, разбрасывая толпы поморцевъ... Онъ уже поднялъ надъ нѣмцемъ тяжелый свой молотъ, но увертливый врагъ, къ тому-же сидѣвшій на лошади, успѣлъ отскочить назадъ и, съ своей стороны, отплатилъ противнику ударомъ меча по шеѣ... Шея у Лютаго вспухла, но кровь, по счастью, не выступила... Лютый, разсвирѣпѣвъ, съ такою яростью ударилъ Клодвига молотомъ въ грудь, что тотъ сейчасъ-же свалился съ лошади... Смертельно раненаго вождя подхватили свои; остальные-же нѣмцы, съ воплями ярости, окружили смѣлаго кмета... Удары дождемъ посыпались на него... Но, видно, полянской кожи не могло пробить непріятельское оружіе и Лютый, счастливо отдѣлавшись отъ враговъ, присоединился къ своей дружинѣ...

Болько Черный и Мышко врѣзались было тоже въ самую середину толпы, окружавшей молодыхъ Пепелковъ. Но нѣмцы, испуганные участью Клодвига, такъ тѣсно сплотились вокругъ князей, что подойти къ нимъ не оказалось возможности.

Наконецъ, поморцы не выдержали и начали отступать. Поляне охватывали ихъ какъ кольцомъ. Единственно свободный проходъ, сообщавшійся съ лѣсомъ, съ каждой минутой съуживался. Лешки поняли, что въ бѣгствѣ—ихъ единственное спасеніе и, бросивъ войско на произволъ, скрылись въ чащѣ. Между тѣмъ, солнце клонилось къ закату... Бой продолжался тѣмъ съ большимъ упорствомъ, чѣмъ яснѣй становилось врагамъ, что всѣмъ имъ придется погибнуть... Лютый никого не пускалъ въ лѣсъ... Всякій путь къ бѣгству былъ прерванъ... Поляне окончательно замкнули поморцевъ со всѣхъ сторонъ.

О плѣнныхъ никто и не думалъ... „Гибель нѣмцамъ“!..—кричали

всѣ... Дикая, бѣшеная рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока уже некого было рѣзать и бить... Равнина и оба склона сплошь были усѣяны трупами.

Когда наступилъ вечеръ, старшины объѣхали поле битвы, воины-же кинулись прикалывать тѣхъ изъ враговъ, въ комъ еще замѣчалась хоть искра жизни.

Пястъ съ воеводами сѣлъ отдохнуть; началось совѣщаніе. Старый князь, по обыкновенію, долго слушалъ, взвѣшивая, что говорили другіе, и не торопился высказывать свое мнѣніе. Наконецъ, послѣ всѣхъ онъ сказалъ:

— Пусть двое изъ воеводъ, каждый со своей дружиною, отправятся вслѣдъ за поморцами—удерживать ихъ отъ новаго нападенія... Мы-же останемся здѣсь и, на мѣстѣ, гдѣ боги намъ помогли уничтожить врага, заложимъ стольный городъ, которому имя да-будетъ Княжное! Завтра, во избѣжаніе заразы, зароемъ тѣла павшихъ на полѣ брани, а тамъ, какъ народъ отдохнетъ, сейчасъ-же приступимъ къ постройкѣ города!..

Громкій крикъ:„ Княжное!“ огласилъ воздухъ.

Воеводамъ всѣмъ до единаго хотѣлось отправиться въ поморскую землю, и у каждаго были на то свои причины. Долго спорили и кричали, Пястъ наконецъ прекратилъ неурядицу, назначивъ Лютаго съ Болько Чернымъ въ погоню за непріятелемъ. Остальнымъ по-неволѣ пришлось согласиться съ рѣшеніемъ князя, хотя безъ зависти они и не могли взглянуть на счастливцевъ. Нѣсколько въ сторонѣ лежалъ раненый Добекъ; около него стояли Людекъ—сынъ Виша и Доманъ. Добекъ такъ много въ тотъ день перебилъ враговъ, что и счесть было трудно, но одинъ изъ нихъ, котораго онъ считалъ уже мертвымъ, нанесъ ему въ ногу сильный ударъ желѣзнымъ копьемъ. Рана оказалась настолько жестокою, что, несмотря на приложенные къ ней листья съ древесной корой, кровь все еще продолжала показываться. Добекъ, блѣдный какъ полотно, лежалъ неподвижно, страдая отъ боли, но лицо у него сіяло, на губахъ блуждала улыбка. Мысль, что врагъ побѣжденъ, заставляла его иногда забывать о своемъ мученьи.

— Эхъ, — проговорилъ Доманъ, — лежать здѣсь, да на трупы смотрѣть нехорошо. Визунъ, омочивъ копье въ крови, вернулся на островъ... Мы и тебя туда-же свеземъ. Тамъ живо залѣчатъ

твою царапину, обмоютъ ее священной водой... И меня когда-то воскресили на островѣ!..

Самборъ, подойдя къ разговаривавшимъ, прибавилъ:

— Возьми и меня съ собой... Я облегчу тебѣ перевозку раненаго... Но сердце не выдержитъ, когда увижу родную сестру у священнаго огня... Она могла-бы быть госпожею у себя дома!.. Нѣтъ, останусь здѣсь... Передайте ей отъ меня привѣтствіе... А ты, Доманъ?

— Я поѣду, — отвѣтилъ Доманъ, — поѣду! Правда, Дива пролила мою кровь, но потомъ она такъ усердно за мной ухаживала, что вотъ теперь я совсѣмъ оправился!

— Передай-же ей мой привѣтъ,—снова напомнилъ Людекъ.— Отъ меня, отъ братьевъ, сестеръ, отъ стѣнъ, порога, домашняго очага...

Доманъ, при помощи Людека и Самбора, снесъ Добека въ лодку, уложилъ его голову у себя на колѣняхъ, а затѣмъ приказалъ отчаливать. Ночь была свѣтлая, тихая.

Когда лодка приблизилась къ острову—на берегу стояло много людей; виднѣлась и Дива, словно предчувствовавшая приближеніе кого-то знакомаго!

Доманъ узналъ ее первый.

— Вотъ она тамъ стоитъ! — крикнулъ онъ радостно. — Дива! Дива! Есть-ли другая женщина такого-же роста? Есть-ли, которая-бы умѣла такъ гордо носить красивую голову?.. Есть-ли подобная ей?

Лодка, между тѣмъ, подъѣхала къ берегу.

Дива обратилась къ пріѣзжимъ, нисколько, повидимому, не удивленная ихъ прибытіемъ, какъ-будто знала о томъ заранѣе.

Самборъ припалъ къ ногамъ дѣвушки и почтительно коснулся губами края ея одежды. Дива ласково ему улыбнулась. Когда Доманъ здоровался съ нею, она покраснѣла, а Добека встрѣтила съ живѣйшимъ участіемъ.

Здѣсь были: Вивунъ, старуха Нана и нѣсколько женщинъ изъ храма.

—Мы побѣдили!—воскликнулъ Доманъ, обращаясь къ жрецу.— Твое предсказаніе сбылось. Немногимъ лишь удалось избѣжать

нашихъ рукъ... Одинъ вождь погибъ... Но Лешки успѣли скрыться въ лѣсу.

Визунъ, наклонившись надъ раненымъ, осматривалъ его ногу. Вдругъ онъ спросилъ у Добека:

— А ты... что сдѣлалъ съ тѣмъ, кто нанесъ тебѣ этотъ ударъ?

— Лежитъ онъ тамъ... среди труповъ и вороны надъ нимъ потѣшаются... Я убилъ его тѣмъ-же нѣмецкимъ мечомъ, который получилъ въ подарокъ отъ Лешковъ.

— Несите его скорѣе къ священному ключу, — сказалъ старикъ: — вода его вылѣчитъ, такъ-какъ виновникъ раны не существуетъ уже болѣе...

Добека взяли подъ руки и направились съ нимъ къ ключу. Дива шла впереди.

Иногда она оглядывалась, и глаза ея встрѣчали пристальный взоръ Домана.

Вскорѣ шедшіе очутились близъ храма и хижины Визуна. Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ нѣкогда раненый Доманъ, уложили и Добека, а Дива пошла зачерпнуть священной воды.

Доманъ немедленно побѣжалъ за нею: она была уже у ключа, когда замѣтила приближавшагося Домана... Дѣвушка вспыхнула и опустила глаза.

— Я пришелъ подсобить тебѣ и снести за тобою воду, — началъ кметъ, взявъ кружку изъ рукъ красавицы.

Та молчала и только испуганно смотрѣла по сторонамъ.

— Что скажутъ люди,—рѣшилась она, наконецъ, произнесть,— когда увидятъ насъ вмѣстѣ!..

— Скажутъ, что я принесъ тебѣ поклонъ отъ брата, сестеръ, отъ стѣнъ, порога, огня...

Дива вздохнула.

— Скучно имъ безъ тебя, тоскуютъ они...

Дива, словно опасаясь чего-то, вырвала у Домана кружку и быстро исчезла.

Въ хижинѣ у больного толпилось множество любопытныхъ. Нана перевязывала рану; Визунъ приготовлялъ траву; Дива принесла священной воды, намочила ею чистую тряпку и приложила къ больному мѣсту.

— Ты скоро выздоровѣешь,—шепнула она Добеку, привѣтливо улыбаясь.—А теперь отдыхай...

Визунъ велѣлъ постороннимъ уйти изъ избы. На этотъ разъ Дива устроила такъ, что Доманъ не видѣлъ, какъ она скрылась.

Ему, впрочемъ, было не до того: его окружила большая толпа, прося разсказать о побѣдѣ, какъ кто сражался, сколько погибло людей.

Доманъ усѣлся на камнѣ предъ хижиною и началъ подробный разсказъ о недавнемъ событіи.

Долго онъ говорилъ, а чуть останавливался, сейчасъ-же слышалъ крики:

— Еще, еще, разсказывай еще!

Лишь позднею ночью согласились нетерпѣливые слушатели оставить Домана въ покоѣ и только тогда удалось ему зайти въ храмъ поклониться священному мѣсту. Онъ смутно надѣялся взглянуть лишній разъ на Диву. Но въ храмѣ ея ужъ не было. Старуха Нана одна внимательно слѣдила за каждымъ движеніемъ кмета и не отступала отъ него ни на шагъ.

Доманъ вышелъ изъ храма и лугомъ направился къ берегу, съ цѣлью лечь въ лодкѣ, чтобъ отдохнуть. Онъ медленно шелъ задумавшись, какъ вдругъ услыхалъ за собою чьи-то шаги. Онъ оглянулся.

Его догоняла Яруха, издали улыбаясь ему.

— Тянетъ тебя сюда... тянетъ,—сказала она.—Ой, знаю я, знаю все!.. А что тогда обѣщала—помнишь?—исполню!.. Потому—приворожить, заколдовать, все это мое дѣло!..

— А что-же ты сдѣлала для меня?—отвѣтилъ Доманъ, смотря вопросительно на старуху.—Дива по-прежнему сторонится?..

— Ишь ты какой!—вскричала колдунья.—Ты развѣ не знаешь, что женщина коль бѣжитъ отъ тебя, тѣмъ самымъ выражаетъ желаніе, чтобы ты ее догонялъ?

Она пошла къ Доману, внимательно оглядѣлась по сторонамъ, и шепнула ему:

— Теперь если силой возьмешь, не будетъ ужъ защищаться... не ранитъ тебя...

— А какъ-же ее изъ храма-то взять?

— Бывало и такъ... бывало!—сказала Яруха.—Спроси у Ви-

зуна! Князья не разъ увозили изъ храма дѣвицъ, кметы тоже, потомъ за нихъ приносили выкупъ...

Сказавъ это, Яруха скрылась въ кустахъ.

Доманъ настолько увлекся, обсуждая слова Ярухи, что всю ночь напролетъ и глазъ не сомкнулъ, а какъ утро настало, тотчасъ-же отправился въ храмъ.

Здѣсь увидѣлъ онъ Диву, которая, съ опущенною на грудь головою, стояла у раскрашеннаго столба и тихимъ голосомъ пѣла грустную пѣсню. Постепенно звуки дѣлались тише и тише— Дива умолкла. Доманъ, котораго она еще не замѣтила, приближался къ ней осторожно...

Дѣвушка подняла голову: лицо ея выражало печаль, хотя и съ оттѣнкомъ какой-то увѣренности; она лишь слегка покраснѣла.

Доманъ весело привѣтствовалъ Диву.

— Я-бы сказку тебѣ разсказалъ,—началъ онъ:—еслибы ты захотѣла меня послушать?

— Какую?—спросила Дива.

— О тебѣ и о самомъ себѣ,—отвѣтилъ Доманъ.—Что сказалабы ты, еслибъ я внесъ за тебя выкупъ въ храмъ, а тебя взялъ отсюда въ свою свѣтлицу? У меня не было-бы ножа... чѣмъ-бы ты защищалась!

Дива вспыхнула, отрицательно покачавъ головою.

— Нѣтъ, этому не бывать,—проговорила она.—Ты не сдѣлаешь этого...

— Ну, а если-бы сдѣлалъ?..

Говоря такимъ образомъ, Доманъ въ раздумьи опустилъ глаза внизъ; когда-же онъ поднялъ ихъ—Дивы не было у ограды. Она вошла въ храмъ, сѣла на камнѣ, прижала обѣ руки къ сердцу и, со страхомъ, поминутно оглядывалась...

Доманъ долго слѣдилъ за нею, наконецъ воскликнулъ съ рѣшимостью:

— Случалось-же прежде, да и не одинъ еще разъ... Почему-бъ и теперь не повториться тому-же... По доброй волѣ со мною не пойдетъ, но сопротивляться не будетъ... Безъ нея я жить не могу!.. Она должна быть моею!.. Собственною кровью заслужилъ я ее!..

Онъ ужъ хотѣлъ-было тронуться съ мѣста, какъ Визунъ неожиданно удержалъ его за руку:

— Что съ тобою, Доманъ!

— Еще вчерашняя битва изъ головы не выходитъ... да... и много другихъ дѣлъ, о которыхъ я думалъ ночью, во время безсонницы... Кстати — скажи-ка, старикъ, правда-ли, что князья увозили женщинъ изъ храма?..

Визунъ посмотрѣлъ на него.

— И не только князья, но и кметы?—прибавилъ Доманъ.

Старикъ долго угрюмо молчалъ.

— Скверные люди, скверно и дѣлали... Что-жъ тутъ особенно удивительнаго?.. Да тебѣ-то на что знать объ этомъ?

Оба взглянули другъ другу въ глаза.

— Казалось бы время тебѣ и домой воротиться,—промолвилъ сердито старикъ.—Нечего здѣсь безъ дѣла сидѣть...

Визунъ повернулся спиной къ кмету и тихо побрелъ въ свою хижину.

Доманъ со злостью поглядѣлъ ему вслѣдъ и направился къ берегу.

Тамъ Самборъ давно дожидался въ лодкѣ. Доманъ усѣлся съ нимъ рядомъ и оба, взявшись за весла, отвалили отъ берега. Доманъ мысленно повторялъ про себя:

— Видно, такъ суждено... Она будетъ моею!

XXX.

Уже издали можно было замѣтить людей, собиравшихъ трупы и складывавшихъ ихъ въ одну общую кучу, которую потомъ засыпали землею. Люди работали надъ могилами—казалось, гдѣ-бы тутъ взяться веселью? Между тѣмъ, отовсюду неслись пѣсни и оживленные крики.

— Вотъ чѣмъ кончилось ваше желаніе насъ уничтожить, разбойничье племя! Куда дѣвались ваши увѣренность, мужество ваше, да плѣнные? Горсть земли на глаза, ударъ въ грудь копьемъ— вотъ вамъ и вся награда... Долго будутъ васъ ждать ваши жены,

стоя у пороговъ своихъ... Вернетесь къ нимъ вурдалаками развѣ, чтобъ по ночамъ высасывать кровь изъ дѣтей...

Итакъ, безпрестанно мѣняясь, дружина Пяста рыла могилы день, рыла другой и третій—до тѣхъ поръ, пока мать сырая земля не покрыла всѣхъ. Тѣла павшихъ въ битвѣ полянъ предали торжественному сожженію.

Когда покончили съ очисткою поля, Пястъ, собравъ своихъ воеводъ и старшинъ, обратился къ нимъ съ рѣчью:

— Я сказалъ вамъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ судьба намъ пошлетъ первую нашу побѣду, я велю выстроить стольный городъ. Какъ сказалъ, я, такъ и быть должно. Но не время еще приступать къ работамъ: сперва пусть вернутся тѣ, что пошли на поморцевъ покарать ихъ мечомъ и огнемъ; сперва подумаемъ, какъ-бы Лешковъ въ плѣнъ захватить, чтобы опять не пожаловали сюда со своими проклятыми нѣмцами... Пусть теперь отдыхаютъ всѣ... А тамъ соберемся и мы въ поморскую землю, на охоту за молодыми князьями...

Эта вѣсть всѣхъ обрадовала, и каждый пошелъ готовить оружіе. Въ Миршовой хижинѣ, снова обстроенной на скорую руку, гостилъ бортникъ-князь у стараго гончара. Кметы сбирались недолго. Былъ назначенъ и день выступленія въ походъ, какъ однажды, утромъ, замѣтили нѣсколькихъ всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ лѣса. То были Бумиръ и Лешки. Медленно подвигались они впередъ, ни съ кѣмъ не здороваясь; да и ихъ никто, ни рукою, ни словомъ, не подумалъ привѣтствовать. Доѣхавъ до хижины Пяста, всадники сошли съ лошадей.

Стоявшіе тутъ воеводы грозно смотрѣли на нихъ, но Бумиръ отвѣтилъ имъ тѣмъ-же. Онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ, и прибывшіе, не снимая съ головы колпаковъ, вошли въ княжескую свѣтелку. Пястъ сидѣлъ у стола, приготовляясь къ обѣду.

Вошедшіе остановились предъ нимъ.

— Ты насъ знаешь,—обратился Бумиръ къ старику.—Мы Лешки, сыновья той-же земли, на которой и ты родился.

— А теперь завзятые наши враги, — сказалъ негодующимъ голосомъ Пястъ.

Бумиръ тяжело вздохнулъ.

— Не говори этого,—отвѣтилъ онъ:—вы первые пролили нашу кровь.

— Нѣтъ, мы только за нашу искали мщенія, — возразилъ Пястъ:—а проливали ее Лешекъ, Пепелекъ, старый и молодой... Много, много они напились нашей крови, прежде чѣмъ успѣли мы наказать ихъ за это.

Бумиръ переглянулся съ товарищами.

— И не только кровь,—продолжалъ старикъ,—вы хотѣли отнять у насъ вѣче, свободу, а этого мы допустить не могли... Это наслѣдство, доставшееся къ намъ отъ дѣдовъ...

— Пястъ,—сказалъ Бумиръ торопливо,—мы пришли къ тебѣ не съ тѣмъ, чтобы ссориться, или сѣтовать, мы всѣ желаемъ мира.

— Говорите, съ чѣмъ явились ко мнѣ.

— Согласіе, миръ принесли мы съ собою,—отвѣчалъ Бумиръ.— Споконъ вѣку жили мы на одной землѣ, жили — не ссорились... Хватало для всѣхъ и воздуха, и воды, и хлѣба! Или ты хочешь уничтожить весь Лешковъ родъ, чтобъ о немъ и помину не было? Говори!

— Лешки съ чужими нападаютъ на наши земли,—промолвилъ Пястъ въ отвѣтъ на вопросъ.—Сыновья Пепелка дѣйствуютъ, какъ злѣйшіе наши враги, понятно, и мы отвѣчаемъ имъ тѣмъ-же.

— Но вѣдь они хотѣли лишь отомстить вамъ за смерть отца своего и матери, а кровь родителей для дѣтей священна,—защищался Бумиръ.

— Довольно-ли имъ той, которую пролили?—спросилъ Пястъ.

— Мы съ миромъ пришли,—продолжалъ Бумиръ:—будемъ жить въ братскомъ согласіи, поклянемся въ томъ на священной водѣ, на „камнѣ, брошенномъ въ воду“! Дозволь вернуться къ землямъ своимъ сыновьямъ Пепелка, примири нашъ родъ съ кметами...

Пястъ призадумался.

— Почему именно вы явились ко мнѣ, а не сами они, такъ недавно еще воевавшіе съ нами?

— И они придутъ, — отвѣчалъ Бумиръ.

— Пусть придутъ, пусть выскажутъ желанья свои предо мною, старшинами, кметами. Если между нами согласіе не выйдетъ— мы отпустимъ ихъ съ миромъ... Мы вотъ сегодня хотѣли выступить на границу—теперь-же будемъ стоять здѣсь и ждать

коли правду сказалъ ты о мирѣ. И такъ, приводи-же ихъ скорѣе!..

Лешки вышли изъ хижины, сѣли на лошадей и поѣхали восвояси. Никто до нихъ не дотронулся пальцемъ.

По отъѣздѣ ихъ, Пястъ вышелъ на дворъ и обратился къ воеводамъ со словами:

— Вы ихъ видѣли всѣхъ. Они миръ предлагаютъ... Говорите, что вы думаете сдѣлать?

Воеводы и старшины взволновались, недовольные этою вѣстью. Одни считали необходимымъ продолжать войну; другихъ возмущало то, что Лешки избѣгнутъ примѣрнаго наказанія; большинство-же не вѣрило ни словамъ, ни клятвамъ желавшихъ мириться...

Особенно омрачились лица у всѣхъ, когда Пястъ объявилъ, что слѣдуетъ обождать и не трогаться съ мѣста.

Въ первый разъ Пястъ замѣтилъ, что желанія его не сошлись съ желаніями воеводъ и старшинъ.

— Подождемъ пока,—сказалъ онъ,—а какъ Лешки пріѣдутъ, тогда пусть каждый и выскажетъ свое мнѣніе. Я буду внимательно слушать и поступлю согласно съ вашей волей, если признаю ее справедливой.

Снова воины разложили костры. Всюду шли оживленные толки. Изъ воеводъ ни одинъ не хотѣлъ и слышать о предложенномъ мирѣ. Мышки усердно возбуждали всѣхъ противъ Лешковъ, опасаясь со стороны послѣднихъ кровавой мести. Пястъ, по обыкновенію, молчалъ.

Три дня прошло такимъ образомъ—никто не являлся. Недовольство кметовъ замѣтно росло. Многіе открыто высказывали, что Лешки хотѣли лишь выиграть время, обманувъ стараго князя.

Все это Пястъ оставлялъ безъ вниманія, но едва воеводы потребовали настойчиво выступленія въ походъ, онъ сурово имъ объявилъ, что будутъ ждать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не прикажетъ имъ тронуться съ мѣста.

Наконецъ, ужъ на пятый день показалась — но не прежняя, бѣдная численностью, кучка людей, а цѣлая дружина, шедшая кметамъ навстрѣчу. Впереди колыхался стягъ, на которомъ изображенъ былъ драконъ съ открытою пастью. За стягомъ ѣхали

Лешекъ и Пепелекъ, просто одѣтые, безъ всякихъ наружныхъ признаковъ княжеской власти; дальше виднѣлись—Бумиръ и прочіе родичи Лешковъ. Медленно, въ глубокомъ молчаніи, приблизились всѣ къ хижинѣ Пяста и здѣсь остановились.

Пястъ созвалъ воеводъ и старшинъ. Онъ вышелъ къ собравшимся въ старой сермягѣ, сохранивъ, въ знакъ достоинства княжьяго, одинъ только мечъ. Для того, чтобы удобнѣе совѣщаться, необходимо было расположиться всѣмъ полукругомъ, то Пястъ, занявшій мѣсто въ центрѣ старшинъ — въ воспоминаніе прошедшихъ дней велѣлъ принести себѣ улей, на которомъ и сѣлъ. Воеводы явились замѣтно разряженные.

Долгое время обѣ стороны хранили молчаніе, искоса поглядывая другъ на друга. Наконецъ, Лешки вышли впередъ, а Бумиръ сталъ во главѣ ихъ.

— Принесли мы съ собою миръ,—сказалъ онъ:—рады жить съ вами въ добромъ согласіи..

— Пусть рѣшатъ старшины, какъ намъ быть и что дѣлать,— отвѣтилъ Пястъ, обращаясь къ своимъ.

Никто еще не успѣлъ и слова сказать, какъ изъ толпы любопытныхъ вышли два незнакомца, извѣстные уже по прежнимъ своимъ появленіямъ въ критическія для полянъ минуты. Оба они подошли къ Пясту.

Пястъ приподнялся съ сидѣнья и привѣтствовалъ ихъ. Они поспѣшили освѣдомиться, что означали это сборище и этотъ совѣтъ.

— Домашняя расправа двухъ родовъ, дѣтей единой земли,— молвилъ Пястъ.—Много она намъ стоила крови! Теперь Лешки предлагаютъ мириться...

— А вы?...—спросилъ младшій гость.

— Старшины будутъ рѣшать... Взойдите, сядьте и не откажите совѣтомъ...

Гости сѣли, а когда кметы узнали ихъ, то дружески обмѣнялись съ ними привѣтствіями. Всѣ радовались появленію ихъ въ эту минуту.

Затѣмъ, начали говорить старшины, обращаясь къ собранію. Одни возставали противъ Лешковъ, обвиняя ихъ родъ въ измѣнѣ, въ томъ, что отецъ ихъ пролилъ такъ много безвинной крови, а

наконецъ, еще въ томъ, что они и теперь пришли попытаться, не удастся-ли имъ захватить власть въ свои руки, посягнуть на свободу полянъ...

Другіе, — среди этихъ Мышки играли главную роль,—открыто выражали свою ненависть ко всему, что хотя отдаленно касалось Лешковъ. Зажигающими рѣчами они чуть не надѣлали великой бѣды: ужъ у многихъ руки чесались, держась за оружіе, многія лица блѣднѣли... Вдругъ младшій гость поднялся съ мѣста и обратился къ Пясту и старшинамъ съ просьбою дозволить ему высказать нѣсколько словъ.

— Мы гости и странники, — произнесъ онъ, — но въ вашемъ дѣлѣ общая съ вами мать взываетъ къ нашимъ сердцамъ. Благочестивые воины, подайте другъ-другу руки въ знакъ мира и возстановленнаго согласія... Простите взаимно обиды, забудьте обоюдныя оскорбленія, живите не ссорясь... Вы сознаете, что земли вашей хватитъ на всѣхъ! У васъ есть общіе враги, иного языка, иного племени; отъ нихъ слѣдуетъ вамъ себя оградить. А кому больше на руку ваши ссоры, какъ не тѣмъ-же врагамъ? И такъ,— не лучше-ли протянуть руки другъ-другу? Защищаться общими силами? Да господствуютъ миръ и согласіе между вами!..

Долго говорилъ чужестранный гость, и хотя старшины сперва не хотѣли и слышать о томъ, чтобы мириться, но онъ такъ съумѣлъ затронуть ихъ чувства, такъ подѣйствовалъ на ихъ умъ, что по-немногу кметы начали улыбаться, успокаиваться, а по лицамъ ихъ видно было, что они ужъ не прочь отъ мира.

Болько Черный вымолвилъ первымъ:

— Пусть-же будетъ по ихъ совѣту; но какія доказательства и залогъ предложатъ намъ Лешки въ томъ, что миръ дѣйствительно сохранятъ,—что завтра-же дѣды ихъ, иль нѣмецкіе дяди не вторгнутся въ нашу землю, прослышавъ, что войско мы распустили?..

— Мы-же будемъ жить среди васъ безоружные,—отвѣтилъ Бумиръ:—наши головы лучшій залогъ!

— Кто-жъ поручится, — прибавилъ и Мышко, — что вмѣсто дружбы, которой сегодня вы добиваетесь, не взбредетъ вамъ на умъ завтра потребовать власти?

— Дадимъ вамъ торжественную клятву на „камнѣ, брошен-

номъ въ воду",—сказалъ Бумиръ.—Что можемъ мы вамъ предложить въ залогъ, если вы не довольствуетесь словомъ, клятвою, нашими головами?

Долго совѣщались старшины. Пястъ спокойно выслушивалъ мнѣнія ихъ. Наконецъ, онъ поднялся съ мѣста, сказавъ:

— Теперь отправимся къ священному озеру; пусть каждый изъ насъ запасется камнемъ, для обряда торжественной клятвы... Бросая его на дно, повторимъ, что говаривали наши отцы: „Какъ этотъ камень, брошенный въ воду, такъ пусть исчезнутъ всѣ наши ссоры съ враждой на вѣки".

— Какъ камень въ воду!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ Лешки.

Старшины и воеводы угрюмо молчали, но князь, окинувъ ихъ грознымъ взглядомъ, поднялъ камень съ земли и сказалъ:

— Идемъ всѣ!

Лешки шли впереди, за ними воеводы и Пястъ съ старшинами. У каждаго было по камню въ рукахъ. Пястъ первый исполнилъ обрядъ, примѣру его послѣдовали другіе и воздухъ огласился криками радости, вылетѣвшими изъ тысячи грудей.

Наступила минута общаго ликованья. Лешки отъ души обнимали кметовъ. Всюду разослали гонцевъ объявить, что войны ужъ больше не будетъ, что вернулись дни мирной, спокойной жизни... Хвостковы сыновья—хоть этотъ миръ и не пришелся особенно имъ по вкусу, такъ какъ лишалъ ихъ не только власти, но и подчинялъ волѣ народной и Пяста—молча на все согласились. Поступи они иначе—и весь Лешковъ родъ навсегда-бы отъ нихъ отрекся. Къ тому-же быть можетъ они надѣялись, что со-временемъ многое перемѣнится...

Кметы и Лешки легли отдохнуть на берегу озера, а челядь разбрелась по окрестнымъ домамъ, съ тѣмъ, чтобъ забрать оттуда все нужное для готовившагося празднества.

Пиръ назначенъ былъ на слѣдующій день. Кметы распорядились послать за пѣвцами, гуслярами, кудесниками... Пригласили и старика Визуна. Позаботились о священномъ огнѣ, чтобъ зажечь первый костеръ и о водѣ изъ священнаго ключа. А во время этихъ приготовленій, какъ и прежде бывало, чужіе гости куда-то исчезли.

Въ знаменательный день—день закладки полянской столицы—солнышко весело глянуло изъ-за лѣсу и покатилось по синему небу. Пястъ, окруженный старшинами, воеводами и народомъ, вышелъ въ поле... По стариннымъ обычаямъ, мѣсто, гдѣ предполагалось основать новый городъ, должно было кругомъ опахать новымъ плугомъ...

Но, по странной случайности, впопыхахъ кметы совсѣмъ забыли о плугѣ... Растерянные, они не знали, что дѣлать, какъ внезапно кто-то изъ нихъ увидѣлъ, нѣсколько въ сторонѣ, среди пола, новешенькій плугъ, запряженный парою черныхъ воловъ. Онъ стоялъ безъ присмотра и, какъ видно, ждалъ своего хозяина,

Пястъ съ окружающими его старшинами, народомъ и гуслярами подошелъ къ плугу; волы, словно этого только ждавшіе, медленно стали подвигаться впередъ.

Теперь, какъ и въ день памятной битвы, двѣ бѣлыя птицы плавали въ воздухѣ надъ самою головой Пяста, а два аиста, мѣрно шагая, сопровождали его по бокамъ. Ни пѣнье, ни шумные возгласы, нисколько ихъ не пугали. Стройное шествіе подвигалось вдоль борозды, вспаханной Пястомъ, который затѣмъ уступилъ свое мѣсто старшему воеводѣ.

— Я первый вспахалъ землю,—замѣтилъ при этомъ Пястъ,—но слѣдуетъ принять и другимъ участіе... Всѣмъ надо работать,—каждый долженъ принесть свой посильный трудъ, чтобы городъ—столица былъ общимъ дѣломъ.

— Лада!—крикнулъ народъ въ отвѣтъ на эти слова.

Старшій воевода пахалъ послѣ Пяста, за нимъ другой, третій и такъ до послѣдняго; а затѣмъ ужъ всякій, кто только хотѣлъ и умѣлъ приблизиться къ плугу, окруженному густою толпой народа... Вскорѣ пространство, на которомъ долженъ былъ стать будущій городъ, оказалось очерченнымъ глубокою бороздою; она прерывалась только въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось устроить ворота.

На пригоркѣ у самаго озера кметы развели огонь, принесенный изъ храма. Тамъ ужъ лежали стволы громадныхъ деревьевъ, предназначенныхъ для закладки княжьяго дома. По обычаю праотцевъ, ради избавленья постройки отъ злыхъ духовъ, необходимо нужно было основывать ее на чьей-нибудь „головѣ“. У кого

не было большихъ достатковъ, тотъ довольствовался хотя-бы и головой пѣтуха, которую клалъ подъ первую балку. Поэтому-то, на случай, пригнали сюда двѣнадцать нѣмецкихъ плѣнниковъ, головы коихъ обречены были въ жертву. Къ счастію для нихъ, однако, въ вырытой ямѣ нашлась такая масса человѣческихъ костей, что Визунъ, считая это блестящей примѣтой, объявилъ, что новыхъ жертвъ не требуется, коль-скоро судьба ужъ давно сама о томъ позаботилась.

Первыя балки и доски обозначили на землѣ основаніе будущаго княжьяго дома. Посерединѣ поставили столъ, покрытый шитыми полотенцами, а на нихъ лежалъ хлѣбъ, чтобы въ немъ не встрѣтилось недостатка. Когда все уже было готово, и первому человѣку слѣдовало переступить порогъ, черезъ него сперва погнали барана, котораго тутъ-же и принесли въ жертву богамъ, затѣмъ вошелъ Пястъ и старшины, угощавшіе каждаго, кто входилъ внутрь сруба. Пѣніе безъ умолку продолжалось цѣлый день и всю ночь...

Раннимъ утромъ, послѣ торжества, началъ расходиться народъ по домамъ; воеводы возвращались къ себѣ со своими дружинами. Остались лишь немногіе для того, чтобы на всякій случай было кому защитить новый городъ и князя. Лѣса оглашались веселыми пѣснями: всѣ радовались, что послѣ бури насталъ наконецъ столь желанный миръ.

Работа, между тѣмъ, быстро подвигалась впередъ. Княжескій домъ, а затѣмъ дома для его дружины и другія строенія, точно изъ земли выростали.

Пястъ жилъ въ простомъ шалашѣ до тѣхъ поръ, пока не окончили его новаго дома. Но и послѣ того старикъ продолжалъ частенько-таки навѣщать свою прежнюю хижину въ лѣсу, съ которой ему, на первыхъ порахъ, не легко было разставаться. Когда, наконецъ, и крыша явилась на новомъ домѣ и двери можно было ужъ запирать—весь скарбъ стараго бортника перевезли изъ его ветхой хижины въ новый княжескій домъ, чтобы прежняя бѣдность Пяста всегда напоминала ему и его потомкамъ, что онъ изъ кмета по волѣ народа сдѣлался княземъ.

Хотя старикъ и началъ носить княжескій плащъ и колпакъ, но старую сермягу свою онъ приказалъ повѣсить въ свѣтлицѣ на

видномъ мѣстѣ, чтобъ всегда могъ увидѣть ее, когда вздумается. Велѣлъ онъ тоже передъ домомъ поставить улей, въ воспоминанье любимаго пчельника. А весною случилось событіе, до тѣхъ поръ никѣмъ и не слыханное: аистъ, жившій на старой хижинѣ Пяста, свилъ себѣ гнѣздо на его княжескомъ домѣ.

Сына своего, Земовида, старый князь такъ воспитывалъ, чтобы онъ никогда не забывалъ о своемъ происхожденіи и наравнѣ съ бѣднѣйшими кметами умѣлъ-бы довольствоваться немногимъ, не боясь труда, голода, стужи, въ случаѣ еслибы обстоятельства того потребовали.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Домана и Дивы, которая вскорѣ рѣшилась.

Когда кметы разъѣхались по домамъ, вернулся и Доманъ къ себѣ. Онъ долго мучился, не зная что дѣлать, чтобъ разъ навсегда—или позабыть красавицу, образъ которой никакъ не могъ изгнать изъ своей головы, или рѣшиться похитить ее изъ храма. Добекъ все еще лежалъ въ Визуновой хижинѣ: рана его заживала плохо. У Домана такимъ образомъ былъ предлогъ отправиться на островъ, чтобъ навѣстить стараго друга, чему, конечно, никто-бы не сталъ удивляться. Наконецъ, Доманъ рѣшился съѣздить на Ледницу, но уже не одинъ. Онъ избралъ изъ числа своихъ слугъ нѣсколько болѣе сильныхъ парней и велѣлъ имъ слѣдовать за собою.

Постройка княжьяго города привлекла къ себѣ много народа,— простыхъ рабочихъ и плотниковъ, среди которыхъ Пястъ расхаживалъ взадъ и впередъ, внимательно слѣдя за работою. Доманъ такимъ образомъ встрѣтилъ здѣсь слишкомъ много свидѣтелей, и принужденъ былъ искать менѣе людного мѣста, откуда удобнѣе было-бы проскользнуть на островъ.

Наконецъ, къ вечеру Доманъ и его спутники нашли подходящее мѣсто. Тутъ, среди кустарниковъ, оставили они своихъ лошадей. Рыбаки дали имъ лодку и Доманъ, въ сопровожденіи пяти коренастыхъ парней, переѣхалъ на островъ, заранѣе объяснивъ слугамъ, что предстояло имъ дѣлать.

Лодка причалила къ берегу сзади храма, гдѣ рѣдко кто оста-

навливался. Спрятавъ лодку въ густыхъ камышахъ и оставивъ людей дожидаться, Доманъ направился къ Визуновой хижинѣ.

Визунъ, какъ только замѣтилъ приближавшагося Домана, протянулъ къ нему обѣ руки, потому-что онъ крѣпко любилъ своего воспитанника и радъ былъ видѣть его у себя. Визунъ не сомнѣвался, что Доманъ пріѣхалъ на островъ съ единственной цѣлью— навѣстить Добека, который хотя еще не вполнѣ оправился, все-же съ помощью палки могъ выходить изъ избы и сидѣть передъ хижиною.

Когда молодые люди остались наединѣ, Доманъ откровенно признался другу въ своемъ намѣреніи.

— Заведи,—сказалъ онъ,—со старикомъ разговоръ, и какъ только услышишь ты крикъ или шумъ, то старайся все такъ устроить, чтобъ старику невозможно было сейчасъ-же за мною погнаться. Тѣмъ временемъ я успѣю отчалить отъ берега... Я дамъ за нее выкупъ, какого только потребуютъ—но взять ее долженъ. Я купилъ ее цѣною собственной крови!..

Вечерѣло. Доманъ направился въ храмъ, гдѣ разсчитывалъ встрѣтить Диву.

Дивы, однако, тамъ не было.

Доманъ искалъ ее въ храмѣ, въ садикѣ, по всему острову — спросить про нее онъ боялся; Дивы и слѣдъ простылъ. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ онъ увидѣлъ ее на берегу озера. Сперва было Дива хотѣла бѣжать, чтобъ не встрѣтиться съ Доманомъ съ глазу на глазъ, но онъ такъ ловко заступилъ ей дорогу, что красавицѣ не пришлось отъ него увернуться.

Дива остановилась, желая тѣмъ показать, что вовсе его не боялась. Доманъ ближе къ ней подошелъ. Какъ-разъ почти у того-же мѣста, въ камышахъ, стояла и лодка.

— Я пріѣхалъ сюда за Добекомъ,—началъ весело кметъ,— но онъ, бѣдняга, все еще боленъ. Не хорошо-же вы за нимъ ухаживаете...

— За нимъ присматриваютъ Визунъ съ Наной и я, — отвѣтила Дива,—но его ударили ядовитымъ копьемъ, и потому онъ такъ медленно поправляется.

— Моя рана, хотя была и въ груди, а зажила гораздо скорѣе!

Дива потупила взоръ и молчала. Доманъ подошелъ къ ней

еще ближе; она отшатнулась назадъ... На лицѣ ея выражался ужасъ и предчувствіе близкой опасности...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Доманъ увидѣлъ голову одного изъ привезенныхъ имъ слугъ, который осторожно высматривалъ, кто приближается.

Какъ-разъ въ ту минуту, когда Дива намѣревалась спасаться бѣгствомъ, Доманъ бросился къ ней, поднялъ съ земли и, не обращая вниманія на то, что Дива звала на помощь, быстро понесъ ее въ лодку.

Слуги его ужъ были готовы отчалить. Доманъ вошелъ въ воду, держа на рукахъ Диву, ломавшую руки, вскочилъ съ нею въ лодку и приказалъ какъ можно скорѣе грести...

Дива заливалась отчаянными слезами, но усилій не дѣлала, чтобы вырваться изъ объятій Домана. Она упала на самое дно лодки и закрыла лицо руками.

Крикъ Дивы, видно, услышала Нана, потому-что сейчасъ-же пришла на берегъ. Въ то время лодка была ужъ далеко отъ острова. Старуха ничего не могла разглядѣть, кромѣ лодки.

Прибѣжалъ и Визунъ. Старикъ безъ труда догадался, въ чемъ дѣло. Внѣ себя отъ гнѣва, онъ поднялъ вверхъ палку, угрожая ею удалявшимся... Но было уже поздно!

Доманъ ночью привезъ невѣсту на другой берегъ. Она плакала, молчала упорно, не смотрѣла на Домана, но противиться— не противилась. Все, что съ нею случилось, сочла она за велѣніе судьбы. Доманъ посадилъ ее на лошадь и поскакалъ съ нею, но не къ себѣ, а въ Вишеву хижину, хотя не говорилъ ей объ этомъ.

Изъ родительскаго дома онъ хотѣлъ взять свою будущую жену, чтобы никто не посмѣлъ сказать впослѣдствіи, что онъ исключительно завладѣлъ ею силою. Когда на слѣдующій день Дива сквозь слезы увидѣла знакомый ей уголокъ родной земли, губы ея засмѣялись, глаза повеселѣли. Кроткимъ, тихимъ взглядомъ поблагодарила она Домана.

Утро было холодное, ясное. Они остановились у воротъ. На дворѣ у колодца стояла Живя съ другими женщинами. Людекъ виднѣлся въ дверяхъ, приготовляя охотничьи приборы. Когда появился Доманъ съ женщиною, лицо которой было закрыто платкомъ, всѣ къ нему бросились.

Дива, соскочивъ съ лошади, забыла обо всемъ происшедшемъ и, растроганная, но счастливая, здоровалась со своими родными. Обѣ сестры кинулись другъ-другу въ объятья, братъ разспрашивалъ о случившемся...

Доманъ, между тѣмъ, приблизился въ свою очередь.

— Людекъ, братъ мой,—сказалъ онъ:—я привезъ тебѣ сестру, судьба предназначила ее мнѣ... Она должна быть моею, но я хочу ее взять не иначе, какъ изъ твоихъ рукъ, изъ-подъ кровли отцовской... Вотъ благослови насъ, а тамъ сыграемъ и свадьбу!

Дива одновременно плакала и смѣялась... Людекъ и младшій его братъ ударили съ Доманомъ по рукамъ...

Вскорѣ прибыли сваты, назвали гостей, пріѣхалъ красавецъ женихъ, сыграли свадьбу, а гости семь дней ѣли, пили, плясали, веселились...

И я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ,—потому вѣдь каждое сказаніе должно-же этимъ оканчиваться!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Трудно, а иногда почти невозможно, разсказать первые годы жизни ребенка. Не менѣе трудно передать и о первыхъ дняхъ развитія народа, потому-что они не имѣютъ наблюдателей, которые съумѣли-бы сохранить воспоминанія въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Подобно тому, какъ дитя, сейчасъ-же послѣ рожденія, ростетъ, развивается съ быстротой изумительной—и народъ, обладающій еще непочатымъ запасомъ энергіи, развивается такъ-же быстро, готовясь къ роли, заранѣе судьбой ему предначертанной.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ поднятіе завѣсы, покрывающей первые годы жизни цѣлаго народа. Эти минуты очень мало оставляютъ слѣдовъ и памятниковъ. Аналогія, сравненіе, нѣкоторые незыблемые законы развитія, общіе всему человѣчеству, позволяютъ намъ строить кое-какія соображенія о первыхъ дняхъ жизни польскаго народа.

Изъ отдѣльныхъ семействъ созидаются роды, племена, гмины, наконецъ, цѣлый народъ, но сущность этой формаціи, перехода отъ части къ грандіозному цѣлому, не дается намъ въ руки, мы не можемъ прослѣдить постепенность такого процесса. Эмбріологія народа навсегда останется только вѣроятностью, гипотезою.

Исторія славянъ, вообще, долгое время покрыта туманнымъ покровомъ: никто ихъ не знаетъ, никто не говоритъ объ нихъ. Среди подобнаго историческаго безмолвія, лишь нѣкоторыя неясныя указанія даютъ намъ возможность догадываться, что славяне существовали въ прежнія времена на тѣхъ-же земляхъ, на кото-

рыхъ впослѣдствіи являются въ видѣ множества мелкихъ племенъ одной крови, одного языка... Иногда причисляли ихъ къ другимъ, совершенно имъ чуждымъ національностямъ, иногда игнорировали и самое ихъ существованіе.

Геродотова Скифія — это вѣдь славяне въ пеленкахъ, но мы это чувствуемъ только, — вѣскихъ доказательствъ у насъ нѣтъ. Германія Тацита точно также захватываетъ собою и славянскія земли. Это имѣетъ свое значеніе.

Въ то время, когда другіе народы всѣми силами добиваются славы, славяне желаютъ мира, живутъ спокойно и у домашняго очага находятъ все, что составляетъ содержаніе ихъ жизни.

Первое появленіе славянъ въ исторіи вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ доисторическому прошлому.

Вотъ первое свидѣтельство о бытіи славянъ на землѣ. Первое это появленіе славянъ въ исторической роли проникнуто чѣмъ-то миѳическимъ.

Около 629 года записываетъ Феофилактъ Симоката: „Прошедшаго дня королевская стража поймала трехъ мужей, родомъ славянъ (склябеной). При нихъ не нашли никакого оружія, въ рукахъ они держали гусли, а кромѣ этого у нихъ ничего больше не было. Тогда король (Маврикій, греческій императоръ) спросилъ ихъ, гдѣ живетъ славянскій народъ и по какой причинѣ они рыскаютъ вблизи римскихъ границъ? Они отвѣчали, что зовутся славянами, что живутъ по берегамъ западнаго моря и что Хаганъ (ханъ аваровъ) прислалъ къ нимъ своихъ пословъ съ цѣлью получить отъ нихъ военную помощь; въ то-же время владыкамъ прислалъ много подарковъ. Владыки приняли пословъ и дары, но помощи дать не захотѣли по той причинѣ, что отдаленность мѣста войны не по ихъ средствамъ; съ этимъ-то владыки послали къ Хагану ихъ троихъ, въ настоящее время пойманныхъ, чтобы они оправдали владыкъ передъ нимъ. Они, дѣйствительно, пробыли пятнадцать мѣсяцевъ въ дорогѣ и явились къ Хагану. Но Хаганъ, не обращая вниманія на право пословъ, рѣшилъ препятствовать обратному слѣдованію ихъ въ славянскую землю. Они-же, наслышавшись много о богатствахъ и человѣчности римскаго народа (какъ это смѣло, сказать надлежитъ), воспользовались удобнымъ случаемъ и ушли во Фракію. Затѣмъ, они объясняли, что носятъ

съ собою гусли *потому, что не привыкли къ мечамъ*, такъ-какъ въ ихъ землѣ желѣза не знаютъ, а живутъ въ мирѣ, согласіи. Они играютъ на гусляхъ, потому-что въ трубы трубить не умѣютъ. Потому-что, какъ они справедливо замѣтили, кто не знаетъ войны, тотъ долженъ находить удовольствіе въ музыкѣ. Заслышавъ это, самодержецъ полюбилъ ихъ и удостоилъ гостепріимствомъ своимъ, ихъ — единственныхъ изъ всѣхъ варваровъ, съ которыми когда-либо государь встрѣчался; удивляясь-же ихъ высокому росту и тѣлесной красѣ, отослалъ онъ ихъ въ Гераклею."

Вотъ въ какомъ идеальномъ свѣтѣ является въ исторіи это племя славянъ, которому чужды были мечи, которое съ пѣсней, да съ гуслями отправилось къ хану аваровъ и къ императору Маврикію.

Тоже самое утверждаетъ о славянахъ и Іорнандъ, говоря объ нихъ: „armis disperiti".

При такихъ обстоятельствахъ, вдали отъ воинственныхъ звуковъ и шума битвъ, вырабатывается у славянъ своеобразная общественная жизнь, главныя формы которой являютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко развитую цивилизацію. Чѣмъ глубже смотрѣть въ ихъ жизнь, тѣмъ болѣе идеальною она представляется.

Вѣра во единаго Бога, супружеская жизнь, чистота нравовъ, уваженіе чужой собственности — въ такой высокой степени, что даже дома не имѣли запоровъ; гостепріимство, патріархальный образъ правленія, гмины, федеративный союзъ,—все это легко замѣтить даже въ доисторическую эпоху славянъ (см. у Прокопа). Войны, необходимость защиты отъ нападеній враговъ, необходимость въ оружіи, заимствованныя у сосѣднихъ племенъ новыя понятія и обычаи способствовали тому, что вслѣдъ за ихъ появленіемъ наступаетъ процессъ разложенія, порчи и выработки чего-то такого, что необходимо должно было измѣнить и условія быта и самый темпераментъ славянъ. Остаются лишь проблески прежней организаціи, которая, потерявъ свою внутреннюю мощь къ дальнѣйшему саморазвитію, должна испытать новую фазу переработки.

Только такая жизнь, какую вели славяне въ то время, когда гусли были единственнымъ ихъ оружіемъ, позволяла созидать и вырабатывать самостоятельную цивилизацію. Чужое вліяніе измѣнило условія развитія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первыя минуты такого перерожденія народнаго организма всегда выражаютъ упадокъ силъ и минутныя заблужденія.

Въ борьбѣ славянъ съ германцами всегда выступаютъ на первый планъ остатки стараго организма, которому даже враги отдаютъ полную дань уваженія, а кромѣ того, какъ необходимое слѣдствіе новой цивилизаціи, являются: болѣзненное состояніе, упадокъ, слабость силъ. Славяне теряютъ то, что сами выработали, и не могутъ усвоить того, что заимствуютъ у другихъ, въ видѣ мало понятнаго, вовсе не принаровленнаго къ ихъ природѣ.

Эти люди, незнающіе желѣза, втеченіи многихъ, долгихъ вѣковъ не въ состояніи достаточно сжиться съ новыми бытовыми условіями, сохраняютъ отпечатокъ своей расы, остаются мечтателями, какими до того были, позволяютъ не только завоевывать свою землю, но и обращать и себя въ рабство.

Съ теченіемъ времени, славянскія племена, благодаря различнымъ условіямъ — климата, сосѣдей, жизни — различно и развиваются. Они начинаютъ дробиться на разные — не народы, этого нельзя сказать, но на группы, которыя, въ видахъ самозащиты, сливаются. Это составляетъ ту таинственную эпоху, въ періодъ которой созидаются элементы, долженствующіе въ будущемъ образовать Лехію. Эта вторая колыбель Польши окружена такимъ-же непроницаемымъ мракомъ, какимъ вообще окружена первоначальная жизнь славянъ.

И здѣсь и тамъ легенды, сказанія, другими словами, поэзія, составляютъ главный матеріалъ. Кромѣ этого матеріала, по-временамъ, у насъ кое-что находятъ и въ старыхъ могилахъ, но опредѣленіе эпохи, къ которой принадлежатъ тотъ или другой найденный памятникъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма затруднительно.

О Лехіи,—почти до того періода, когда она уже является принявшею христіанство и то дружитъ съ германцами, то борется съ ними, — у насъ сохранились преданія лишь очень смутнаго характера.

Въ наши дни мы встрѣчаемъ эти преданія уже не въ устахъ народа, давно забывшаго ихъ, а на пыльныхъ страницахъ хроникъ, куда заносились они далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ

создавались народомъ: каждый лѣтописецъ старался прибавить къ нимъ что-нибудь отъ себя — колоритъ, направленіе, вообще, что соотвѣтствовало-бы понятіямъ современной ему эпохи.

Всѣ безъ исключенія историки сходятся въ томъ, что историческія преданія о первыхъ годахъ жизни народа, составляютъ смѣсь элементовъ разнороднаго происхожденія. Все-же изъ нихъ можно добыть кое-что, такъ-же точно, какъ и изъ старыхъ могилъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что историческія преданія о Лешкахъ, Попеляхъ, Вандѣ, Кракѣ и т. п. относятся къ извѣстнымъ важнымъ моментамъ въ жизни народа, или, вѣрнѣе, его составныхъ частей, потому-что до Пяста и потомковъ его не существовало даже понятія о народѣ, какъ объ единичномъ цѣломъ. Въ глуби лѣсовъ, въ тиши непроходимыхъ дебрей, мало-по-малу образуются отдѣльныя группы, которыя, соединившись вмѣстѣ, образуютъ со временемъ государство Болеслава Храбраго.

Вначалѣ лѣтописцы не придерживаются одного какого-либо постояннаго названія для обозначенія описываемой ими страны; она фигурируетъ у нихъ подъ именемъ то страны полянъ, то ляховъ и леховъ. Только во-времена Мѣшка Стараго и сына его Болеслава, поляне являются впервые въ исторіи. Конечно, этому появленію новаго народа на исторической сценѣ должна была предшествовать внутренняя работа составныхъ его частей, подготовившая его силы для самостоятельной жизни.

Длугошъ, который въ XV вѣкѣ писалъ исторію Польши съ точки зрѣнія тогдашней эпохи, собралъ преданія о доисторической Польшѣ, не подвергнувъ ихъ ни малѣйшей критикѣ. Ставить ему въ укоръ такое отношеніе къ дѣлу, мы не имѣемъ права, потому-что каждое поколѣніе увѣрено, что именно ему-то и суждено было постигнуть истину.

У Длугоша самое древнее преданіе упоминаетъ о Лехѣ, по имени котораго и вся страна получаетъ названіе Лехіи, жители-же ея—лехитовъ. Между тѣмъ, Длугошъ знаетъ, что разныя родственныя лехитамъ племена, а вѣрнѣе только союзныя съ ними, имѣли каждое свое отдѣльное прозвище.

Миѳическій Лехъ Длугоша не оставилъ потомства. Въ сущности намъ даже неизвѣстно время его существованія, долго-ли

родъ его владѣлъ землею. Приходится ограничиться тѣмъ, что онъ умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ.

Послѣ первыхъ властителей, единоличныхъ деспотовъ, вѣрнѣе, старѣйшинъ рода и племени, которые правили одною громадной семьею — наступили времена двѣнадцати воеводъ, поставленныхъ во главѣ народа.

Преданіе, которое ставитъ въ началѣ патріархальный образъ правленія, а послѣ него правленіе нѣсколькихъ единицъ, не противорѣчитъ природѣ вещей. Процессъ созиданія народа долженъ былъ совершаться именно такимъ путемъ.

Являющійся вслѣдъ затѣмъ Кракъ, по всей вѣроятности, чешскаго происхожденія, никакъ не вяжется съ преданіями о лехитахъ. Личность его словно выдумана лишь съ тѣмъ, чтобъ связать въ одно цѣлое Лехію съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Отъ разсказа о немъ вѣетъ особеннымъ духомъ. Въ немъ видны слѣды общеславянскаго миѳа, какой-то древней поэмы. Кракъ въ одно и то-же время царитъ у полянъ и у чеховъ и основываетъ Краковъ, сразу отнимающій все значеніе у древняго Гнѣзна. Вся жизнь сосредоточивается въ этомъ польско-чешскомъ городѣ. Но у самаго замка, воздвигнутаго на Вавелѣ, поселяется драконъ (olophagus), который проглатываетъ не только скотъ—не щадитъ и людей.

„Изнуренный продолжительнымъ голодомъ, — повѣствуетъ Длугошъ:—онъ выходилъ изъ своей ямы и съ дикою яростью нападалъ на скотъ, лошадей, воловъ, душилъ ихъ и пожиралъ. То самое случалось и съ людьми, если они ему попадались“:

Жители Кракова, подъ вліяніемъ страха, задумали-было оставить городъ. Кракъ тогда возъимѣлъ мысль накормить дракона мясомъ, перемѣшаннымъ съ сѣрою, воскомъ, смолою и со скрытымъ въ этой смѣси огнемъ. Драконъ проглатываетъ подброшенную ему пищу и умираетъ въ жестокихъ мукахъ. Кракъ, избавившій такимъ образомъ страну отъ угрожавшей ей страшной опасности, долго царствуетъ, а благодарный народъ, послѣ смерти властителя, воздвигаетъ ему огромныхъ размѣровъ курганъ на горѣ Лясоттѣ, подъ Краковомъ. Курганъ этотъ напоминаетъ могилы владыкъ, которыя и до настоящаго времени можно видѣть въ Швеціи, подъ Упсалою. Эта-то могила и послужила поводомъ нарож-

денія миѳа о Кракѣ. По какимъ причинамъ одна изъ трехъ дочерей Крака царствуетъ затѣмъ самостоятельно въ Чехіи, объ этомъ преданіе умалчиваетъ.

Изъ числа этихъ трехъ дочерей намъ извѣстны всего только двѣ: Любуша и Ванда. У Крака, кромѣ того, были и сыновья: Кракъ и Лехъ, которыхъ можно считать представителями двухъ областей: Хробацкой и Лехицкой, соединившихся впослѣдствіи въ одно цѣлое.

Завистливый Лехъ убиваетъ своего старшаго брата, рубитъ тѣло на куски и зарываетъ въ песокъ; всѣмъ-же Лехъ объявляетъ, что дикій звѣрь растерзалъ его брата на охотѣ.

Такимъ образомъ Лехъ долгіе еще годы царитъ одинъ, но въ концѣ преступленіе выходитъ наружу, и поляки изгоняютъ его изъ своей земли. Другое преданіе гласитъ, что онъ умеръ бездѣтнымъ, мучимый угрызеніями совѣсти.

Это убійство, часто встрѣчающееся въ народныхъ пѣсняхъ, имѣетъ характеръ народной былины. Замѣтимъ кстати, что въ гораздо позднѣйшемъ сказаніи объ убійствѣ св. Станислава, снова является это рубленіе тѣла на части.

Послѣ Леха на княжескій престолъ вступаетъ его сестра, дочь Крака—Ванда. Сказаніе объ ней несомнѣнно должно быть причислено къ произведеніямъ чисто народнымъ. Ванда не хочетъ выходить замужъ, она даетъ клятву богамъ остаться дѣвицею, Князь аллемановъ Ритогаръ, сосѣдъ Ванды, властелинъ чрезвычайно богатый, шлетъ къ ней пословъ своихъ съ предложеніемъ взять ее въ жены. Послы возвращаются къ нему съ отказомъ. Ритогаръ собираетъ огромное войско и идетъ войною на Ванду. Ванда тогда становится во главѣ своей дружины.

Еще разъ Ритогаръ повторяетъ свою просьбу,—Длугошу даже достовѣрно извѣстно, что говорили послы Ритогара и какъ отвѣчала имъ Ванда. Послѣ новаго отказа раздаются трубные звуки, вызывающіе къ сраженію, но нѣмцы, испуганные зловѣщею красотою Ванды, обращаются въ бѣгство. Наружность королевны ихъ побѣдила. Ритогаръ, не будучи въ состояніи собрать своего войска, послѣ недурного монолога, убиваетъ себя собственнымъ мечомъ. Ванда заключаетъ миръ съ нѣмцами и тридцать дней празднуетъ побѣду, а затѣмъ приноситъ жизнь свою въ жертву

богамъ и кидается въ Вислу. Тѣло ея народъ хоронитъ надъ Дзубией, въ недалекомъ разстояніи отъ Кракова, воздвигнувъ ей такую-же могилу, какъ и отцу ея—Краку.

Древность этого преданія, къ сожалѣнію, впослѣдствіи испорченнаго новѣйшими вставками, не подлежитъ сомнѣнію.

Послѣ смерти Ванды воеводы опять появляются во главѣ народа. Это ясно указываетъ, въ какой мѣрѣ лѣтописцы пользовались народными сказаніями для того, чтобы какъ-нибудь связать въ одно цѣлое миѳъ съ историческимъ бытомъ славянъ, а главнымъ образомъ чеховъ.

Нападенія враговъ, говоритъ сказаніе: — венгровъ, моравовъ, заставляютъ полянъ избрать себѣ вождя. Длугошъ разсказываетъ, какимъ образомъ вождемъ былъ избранъ Пржемыславъ (лехицко-чешское, или вѣрнѣе славянское имя). За то, что этому рыцарю (такимъ онъ является у Длугоша) удалось побѣдить враговъ, его дѣлаютъ королемъ и даютъ имя Лешка. Этотъ Пржемыславъ-Лешекъ также не оставляетъ потомства.

Снова начинаются выборы новаго князя (въ чемъ, конечно, замѣтно вліяніе эпохи республики Ягеллоновъ). Кандидатовъ является много, начинаются споры, избраніе становится почти невозможнымъ. „Тогда,—по словамъ Длугоша,—придумали слѣдующее средство: къ столбу, стоящему по срединѣ поля, всѣ, мѣтившіе въ князья, верхомъ на лошадяхъ разной масти, должны были скакать одновременно. Кто первый очутится у столба, тому и быть княземъ, несмотря на его происхожденіе. Скачки эти происходили надъ Прондникомъ, въ окрестностяхъ Кракова. Хитрый Лешекъ, заранѣе ночью, усѣялъ всю дорогу желѣзными гвоздями, которые затѣмъ посыпалъ пескомъ, оставивъ только одну тропинку для своей лошади. Двое какихъ-то людей, предполагавшихъ, ради забавы, бѣжать пѣшкомъ къ столбу—провѣдали объ уловкѣ Лешка, но никому о ней не сказали. Въ назначенный день (15 октября), огромныя толпы народа собрались у столба. Конечно Лешекъ, который кромѣ того не забылъ подковать свою лошадь, примчался первымъ. Но вмѣстѣ съ нимъ прибѣжалъ и тотъ, который зналъ о хитрости Лешка. Тогда судьи-кметы, извѣщенные о случившемся, велѣли Лешка казнить, а молодого

марія, одновременно съ нимъ прибѣжавшаго къ столбу, выбрали княземъ. Этотъ вновь избранный князь получаетъ имя Лешка.

Этотъ-то Лешекъ II является родоначальникомъ князей, долгое время управлявшихъ народомъ. По преданію, Попель (Pompilius),— сынъ Лешка II и его законной жены. У Лешка кромѣ него было еще двадцать сыновей отъ двадцати другихъ незаконныхъ женъ.

Попели снова переносятъ столицу изъ Кракова въ Гнѣзно, гдѣ и разыгрывается, наша повѣсть или, вѣрнѣе, сказаніе.

Конецъ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 432 092

PG
7158
K75S88

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.